

1991

ПОЛЯРНЫЙ
КРУГ

ПЛЮС

АНТАРКТИКА 1991 АРКТИКА

ПОЛЯРНЫЙ
КРУГ

Москва «Мысль» 1991

АРКТИКА

АНТАРКТИКА

ПОЛЯРНЫЙ КРУТ

1991

РЕДАКЦИИ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Редакционная коллегия:

**В. А. АЛЕКСАНДРОВ, В. И. БАРДИН (председатель), Г. Д. БУРКОВ,
В. М. КОТЛЯКОВ, В. А. ОДИНЦОВ, Ю. Б. СИМЧЕНКО,
В. Ф. СТАРКОВ, Е. Е. СЫРОЕЧКОВСКИЙ, В. М. САНИН, С. М. УСПЕНСКИЙ,
А. Н. ЧИЛИНГАРОВ, Б. Ф. ШАПАЛИН**

Составители:

Л. А. ЧЕШКОВА, В. И. ГАЛЕНКО

Авторы цветных иллюстраций:

**А. МУРАВИН, Л. ШЕРСТЕННИКОВ, В. КАРПИЙ, В. ОРЛОВ,
В. САКК, И. ЗОТИКОВ**

Оформление художника

П. РОГАЧЕВА

СОДЕРЖАНИЕ

I. ВЫСОКИЕ ШИРОТЫ: СТРАТЕГИЯ ОСВОЕНИЯ

- В. Котляков 9 АРКТИКА ОБЪЕДИНЯЕТ**
- Л. Богословская 18 ЕСТЬ ЛИ МЕСТО В АРКТИКЕ
ЕЕ ХОЗЯЕВАМ?**
- Ю. Симченко 27 СЕГОДНЯ И ЗАВТРА
ОЛЕНЕВОДСТВА**
- Л. Ильина 35 СЕВЕР: РЕСУРСЫ ИСПОЛЬЗУЮТСЯ,
ПРОБЛЕМЫ ОСТАЮТСЯ**
- Н. Пластинин 45 НОВАЯ ПРОФЕССИЯ ЛЕДОКОЛА**
- В. Трофимов 73 АНТАРКТИКА: ПОИСК
СПРАВЕДЛИВЫХ ПРАВОВЫХ
РЕШЕНИЙ**
- П. Броуди 88 УБЕРЕЧЬ БИОСФЕРУ АНТАРКТИКИ**
- Н. Деряпа 103 АДАПТАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА
В АНТАРКТИДЕ**

II. ШАГИ В НЕВЕДОМОЕ

- Илья Беленкин 125 НА КРАЙНЕМ ФОРПОСТЕ
РОССИЙСКОМ**
- Владилен Троицкий 154 ОТКУДА ЗЕМЛЕПРОХОДЦЫ
XVII ВЕКА ПРИШЛИ НА ТАЙМЫР**
- Георгий Якушкин 166 ОВЦЕБЫКИ НА РЕКЕ БИКАДА**
- Владимир Королев 185 СЕДАЯ ПЕЧОРА**

- Лейла Брюн 197 ЗА АВАНГАРДОМ — В ГЛУБЬ ВЕКОВ
- Борис Втюрин 209 ЛЕТО В АНТАРКТИЧЕСКОМ
ОАЗИСЕ
- Евгений Корякин 219 В ГОРАХ ЗЕМЛИ ЭНДЕРБИ
- Валерий Рыжков 227 ЗАПОЛЯРНАЯ СКАНДИНАВИЯ
Фотоочерк

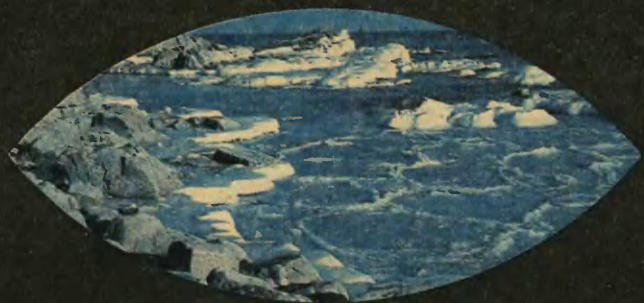
III. ПОД ПОЛЯРНОЙ ЗВЕЗДОЙ

- Владимир Евладов 249 ЗАКОН ТУНДРЫ
- Михаил Ярцев 289 ДРЕЙФУЮЩАЯ СТАНЦИЯ
- Виталий Шенталинский 308 УГОЛЬ И РОЗА
- Анна Кузнецова 324 МОЯ СУРОВАЯ, ТЕПЛАЯ ЧУКОТКА
- Константин Дерягин 334 РАЗГОВОР
- Юрий Дурынин 343 ОСТРОВ
- Игорь Зотиков 359 БУТС И ЧАПЛАН
- Виктор Харченко 373 ОЛЕНЬИ ОСТРОВА
- Юрий Рыхтэу 403 ПРОЗРЕНИЕ
- Майкл Хоувелл, 417 ПУТЕШЕСТВИЕ В БЕССМЕРТИЕ
Питер Форд Глава из книги
- Валентин Пикуль 441 ВЕЛИКИЙ ПАТРИОТ
(Михаил Константинович
Сидоров)

IV. ВЕСТИ

- 453 ИССЛЕДОВАНИЕ ПОЛЯРНЫХ
ОБЛАСТЕЙ ЗА РУБЕЖОМ
- М. Блиох 461 ПЕРВЫЙ КОМАНДИР
ЛЕДОКОЛА «ЕРМАК»
- Г. Фонарев 467 МАГНИТНЫЕ И ГЕОМАГНИТНЫЕ
ПОЛЮСА
- В. Князьков 470 НА ВОЛНЕ ТРАНСПОЛЯРНОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ
- Е. Смургис 479 НА ВЕСЛАХ ПО ЛЕДОВИТОМУ
МОРЕ
- В. Галенко 486 КНИЖНАЯ ПОЛКА «ПОЛЯРНОГО
КРУГА»

ВЫСОКИЕ ШИРОТЫ: СТРАТЕГИЯ ОСВОЕНИЯ

АРКТИКА ОБЪЕДИНЯЕТ

Арктика... Здесь смыкаются границы СССР и США, воды Северного - Ледовитого океана омывают приполярные архипелаги Канады и Советского Союза, окраины Евразийского и Северо-Американского континентов, отличающиеся особо суровыми природными условиями.

В течение последних ста лет Арктика была объектом научных исследований многих стран, и прежде всего восьми государств — Дании, Исландии, Канады, Норвегии, СССР, США, Финляндии, Швеции. В Северной полярной области сосредоточены богатые природные ресурсы — как минеральные, так и органические, природные процессы в Арктике играют значительную роль в формировании климата северного полушария, донные морские отложения и ледниковые покровы скрывают важные сведения о прошлом окружающей среды, которые нужны и для прогнозирования будущего. Исследования Арктики — ключ к решению ряда фундаментальных проблем строения и развития Земли.

Мысль о необходимости международного сотрудничества в Арктике высказывалась давно. Еще в 70-х годах прошлого века Карл Вейпрехт пришел к убеждению, что нужно объединить усилия стран в изучении Арктики. В 1879 г. была создана Международная комиссия полярных исследований, которая организовала проведение в 1882—1883 годах Международного полярного года. Впервые в Арктику одновременно направились 14 исследовательских экспедиций 11 стран, было организовано несколько полярных станций в высоких широтах, а полученные научные данные стали достоянием ученых всего мира.

Нельзя не вспомнить и о Втором Международном полярном годе в 1932—1933 годах. Именно в это время была организована

сеть советских полярных станций, осуществлены первые транзитные рейсы пароходов «Сибиряков» и «Челюскин» по Северному морскому пути.

Важным событием в изучении Арктики стали исследования, проведенные в рамках очередного Международного геофизического года в 1957—1958 годах. Однако политический климат того времени не был благоприятным для развития сотрудничества. И хотя в ряде стран арктическая наука интенсивно развивалась, контакты между этими странами практически отсутствовали. Вот почему идея организации Международного научного комитета по арктическим и антарктическим исследованиям, выдвинутая в Брюсселе в 1957 г., не получила поддержки, и дело ограничилось только созданием СКАРа — Международного комитета по антарктическим исследованиям.

Лишь процесс разрядки в начале 70-х годов дал определенный, хотя и незначительный импульс развитию сотрудничества в Арктике. В национальных арктических программах — американской «Айджекс», канадской «Лорекс», шведской «Имер», норвежской «Промеир» — стали принимать участие ученые других стран. К сожалению, в этих программах не участвовали советские ученые.

В последние годы в Арктике резко возросли темпы эксплуатации природных ресурсов, увеличивается заселенность региона. Как следствие, усиливается антропогенная нагрузка на арктические экосистемы, в том числе морские; постепенно ухудшается состояние природной среды. Сложившаяся обстановка требует объединения усилий приарктических стран для решения возникающих проблем.

Советский Союз выступил с широкими инициативами по превращению Арктики в зону мира и международного сотрудничества. Как известно, 1 октября 1987 г. в Мурманске было указано на необходимость радикального снижения уровня военного противостояния и отмечено, что Советский Союз придает большое значение мирному сотрудничеству в освоении ресурсов Севера, научном изучении Арктики и охране окружающей среды. Необходимо также наладить такое сотрудничество, чтобы «Север планеты, его полярные и приполярные районы, все северные страны никогда больше не стали ареной войны, чтобы здесь образовалась подлинная зона мира и плодотворного взаимодействия».

Арктика — средоточие ряда важнейших глобальных проблем современности, среди которых в первую очередь следует назвать минерально-сырьевую и топливно-энергетическую проблемы. В арктических районах — на суше и шельфах — сосредоточены огромные залежи цветных и редких металлов, нефти и природного газа. В целом растущая в мире нужда в сырье и топливе повышает непосредственное потребительское значение Арктики и Севера, что до сих пор остается главным фактором развития этого огромного региона.

Однако в последнее время все большую весомость приобретают иные факторы. Арктическая область играет огромную роль в со-

хранении биогеохимического равновесия планеты, прежде всего как очиститель загрязненных потоков воздуха и поставщик кислорода в атмосферу. Эта роль повышается в связи с ухудшением качества среды во многих районах земного шара, в частности из-за катастрофического сокращения лесов во многих районах планеты.

Минерально-сырьевые ресурсы в подавляющем большинстве случаев могут иметь естественные или искусственные заменители. В то же время становится все ощутимее значение ресурсов территории, не имеющих альтернатив. Растущие антропогенные и техногенные нагрузки на природу ведут к дефициту свободных территорий в освоенных областях, что является немаловажным стимулом к интенсивному освоению приарктических территорий.

Вместе с тем природа арктических и субарктических районов очень уязвима. Экосистемы тундры, лесотундры и северной тайги с их обедненным видовым составом и упрощенными трофическими связями весьма хрупки, трудно восстанавливаются.

Экологическая роль Арктики, а также природные особенности этого региона вступают в противоречие с его значением как кладовой материально-вещественных ресурсов. Очевидно, в долгосрочной перспективе приоритет должен быть отдан использованию территориальных и экологических ресурсов Арктики.

В Арктике, более чем в любых других регионах, следует помнить о необратимости глобальных потерь — социальных, экологических, которые может принести интенсивная эксплуатация природных ресурсов. Следует по возможности сберегать невозобновимые ресурсы для будущих поколений.

Но будем реалистами. В обозримом будущем мы вряд ли обойдемся без арктических ресурсов. Значит, надо искать пути к радикальному усовершенствованию методов эксплуатации, повышению степени извлечения сырья из недр и комплексности разработки месторождений. Необходимы внедрение безотходных или малоотходных технологий, повышение эффективности рекультивации, расширение природоохранных территорий.

Задачи нелегки, ибо в условиях Арктики и Севера все эти меры должны носить специфический характер, отличный от эталонов, используемых в среднеширотных районах. Необходима особая региональная нормативная природоохранная база, в частности особые нормативы предельно допустимых концентраций загрязнений. Нужно снизить пороговые размеры территориально-производственной концентрации: арктическая природа не выдержит крупных скоплений промышленных предприятий. Существует потребность в специальных эколого-экономических методиках; обычные приемы стоимостной оценки ресурсов или оценки ущерба, наносимого природе, здесь не годятся. Ведь в Арктике далеко не всегда можно оценить сегодняшнюю или будущую практическую ценность ресурсов и всех природных компонентов.

Судьбы Арктики на длительный период — 20—30 лет — прогнозировать трудно, так как они тесно связаны с глобальными сдвигами и со стремительным научно-техническим прогрессом,

количественные и качественные параметры которого нелегко предсказать. Не исключено, что грядущий прорыв в науке и технике может привести к совершенно особому сценарию развития Арктики и Севера. Для освоения этого региона в будущем, по-видимому, будет характерно развитие небольших предприятий с полным циклом переработки сырья, связанных между собой совершенными коммуникационными и энергетическими линиями.

Исследования Арктики и ее последующее освоение не могут обойти стороной судьбы и интересы ее коренных жителей. Культура любого, даже самого малого народа является составной частью общего достояния цивилизации. Если основной массе населения научно-технический прогресс приносит, как правило, новое качество жизни, то малым народам от этого нередко приходится страдать. Конечно, прогресс человечества не может достигаться ценой лишений для отдельных народов. Поэтому нужно продумать систему мер, которая помогла бы распространить блага цивилизации на северные народы, но вместе с тем и защитить их от нежелательных проявлений научно-технической революции.

На состоявшейся в Ленинграде в декабре 1988 г. Конференции приарктических государств проходили плодотворные дискуссии в шести секциях, которые завершились рекомендациями по основным направлениям сотрудничества.

Секция «Физика верхней атмосферы и ближний космос» выступила с предложениями:

- расширить международное сотрудничество в рамках действующих проектов, таких, как «Перенос энергии в системе «Солнце — Земля»», «Динамика авроральной зоны», «Изучение системы «ионосфера — термосфера»», «Международная геосферно-биосферная программа»;

- создать новые проекты, требующие международной кооперации в Арктике: а) Геокасп — изучение полярного каспа; б) Интермагнет: система сбора геомагнитных данных; в) динамика процессов в полярной шапке; г) вертикальный перенос энергии, массы и химических элементов из верхних слоев атмосферы в нижние;

- предусмотреть формирование в Арктике международной службы наземного мониторинга и диагностики процессов в ближнем космосе;

- отметить целесообразность международной подготовки научных кадров для исследований в Арктике (обучение студентов, стажировка специалистов, совместные наблюдения и эксперименты, обмен учеными и т. п.).

Секция «Наземные и морские экосистемы» наметила разработку международной программы по сохранению живой природы Арктики. Такая программа должна включать четыре основные темы: разработку принципов и методов экологического мониторинга, обоснование сети станций и биосферных обсерваторий для мониторинга, создание Красных книг видов растений, животных и экосистем, разработку циркумполярной сети особо охраняемых природных территорий.

Секция «Климат Арктики и теплообмен между океаном и атмосферой» предложила главные направления, представляющие наибольший интерес для координации и проведения совместных исследований в Арктике:

- исследования взаимодействия океана и атмосферы путем постановки натурных наблюдений, включая наблюдения со спутников, дрейфующих станций «Северный полюс», автоматических буев за структурой пограничных слоев атмосферы и океана и энергообменом между ними, разработки и калибровки моделей пограничных слоев для целей параметризации энергообмена в моделях климата;

- исследования климатообразующей роли меж океанического водообмена, включая диагноз потоков через проливы по натурным данным, разработку моделей для диагностических расчетов течений в проливах;

- исследования взаимодействия океана и атмосферы в облас-

тях глубокой зимней конвекции в Гренландском море, Северной Атлантике, в Баренцевом, Беринговом и других морях, включая изучение механизмов глубокой зимней конвекции и оценку интенсивности образования донных и глубинных вод в связи с их влиянием на глобальный климат;

— моделирование системы «океан — лед — атмосфера», включая разработку моделей и проведение совместных численных экспериментов;

— мониторинг изменчивости климата Арктики, включая разработку методов диагноза изменений климата по метеорологическим, океанологическим, ледовым и палеоклиматическим данным;

— совершенствование методов получения, обработки и анализа информации о ледовом покрове, необходимой для исследования климата.

Был отмечен тренд возрастания замутненности атмосферы в Арктике. Это явление «арктической дымки» особенно сильно проявляется в зимнее время, когда содержание аэрозолей увеличивается на порядок. Изучение дымки указывает на антропогенное происхождение составляющих аэрозолей, источники которых находятся в умеренных широтах. Отмечено также повышение содержания малых газовых составляющих, таких, как окись и двуокись углерода, метан. Изучение атмосферных осадков указывает также на дальний атмосферный перенос в Арктику сажи, сульфатов, тяжелых металлов и хлорорганических углеводородов. Вместе с тем было констатировано, что сложность связей климатических и экологических систем, недостаточная изученность природных и антропогенных факторов не дают возможности в настоящее время оценить неблагоприятные последствия загрязнения Арктики.

При обсуждении проблемы озонового слоя в Арктике были высказаны следующие положения: отмечается тенденция к его уменьшению в северном полушарии и Арктике; наши знания об области озонового слоя в Арктике значительно слабее, чем в Антарктике; исследований тропосферного озона Арктики практически нет; сеть наблюдений, приборное оснащение, в том числе озонзондирование, не соответствуют потребностям региона, информация через международный центр в Канаде проходит очень медленно; недостаточны данные о связи концентрации озона и динамики атмосферы.

Участники секции «Загрязнение окружающей среды и охрана природы» пришли к мнению, что глубокий всесторонний анализ и оценка сложившейся в Арктике ситуации, прогноз неблагоприятных последствий антропогенной деятельности в этом регионе и разработка соответствующих рекомендаций возможны только на основе широкого научно-технического сотрудничества ученых и специалистов приарктических государств. Это сотрудничество предлагается осуществить по следующим приоритетным направлениям: исследование загрязнения воздуха, вод и суши, процессов переноса и трансформации загрязнений; развитие и совершенствование диагностических и прогностических моделей горизонталь-

ного и вертикального обмена и переноса химических веществ между атмосферой, морем, льдом и сушей, а также между Арктикой и более низкими широтами; исследование экологических последствий воздействия токсических веществ, оценка ассимиляционной емкости арктических экосистем; изучение последствий разливов нефти в арктических районах; развитие совместных программ, включая фундаментальные исследования, мониторинг и создание моделей в областях, представляющих взаимный интерес, таких, как арктический озон, арктическая дымка, распространение хлорированных углеводородов и других следовых компонентов и оценка уменьшения или устранения влияния на окружающую среду разработки и использования природных ресурсов в Арктике, а также определение эффективных методов восстановления разрушенных арктических экосистем.

В секции «Геологическое строение, гляциология» считают необходимым в области изучения геологического строения и тектонической эволюции Арктики включиться в Программу глубоковод-

ного арктического бурения (проект «Нансен»), в которой уже участвуют геологи из США, Канады и Норвегии. Эта программа направлена главным образом на выяснение палеоклиматической и палеоокеанической истории Арктики и ее влияния на глобальные изменения. Нужно начать организацию международных работ по многоканальному сейсмическому профилированию дна Северного Ледовитого океана. Целесообразно провести совместные советско-американо-канадские палеомагнитные и тектонические исследования Чукотки, Аляски и некоторых арктических островов. Наконец, следует выполнить обширный проект, направленный на составление международных геологической и тектонической карт Арктики.

Перед специалистами в области изучения эволюции оледенения Арктики поставлена задача рассмотрения истории оледенения и климата Евразийской Арктики путем изучения береговых линий, бурения озерных осадков, ледниковых отложений и ледниковых куполов. На первом этапе следует начать совместные советско-шведские исследования в западной части Европейской Арктики — сначала на Северо-Восточной Земле, а затем на Земле Александры и Земле Георга (Земле Франца-Иосифа). Целесообразно также присоединиться к международной экспедиции в Гренландское и Баренцево моря и в Арктический бассейн на шведском ледоколе «Уден». В программу советского отряда на борту ледокола должно входить изучение истории климата и оледенения Арктики по анализу керн донных отложений Северного Ледовитого океана.

Секция по социально-экономическим, культурным и медицинским проблемам предложила сосредоточить внимание на следующих вопросах:

- исследовании этнических корней циркумполярных культур, опыта народностей Севера в разных социальных системах, проблем образования, адаптации коренных народностей к изменениям природной и социальной среды;

- исследовании проблем развития и рационального сочетания традиционных и современных отраслей хозяйства, вопросов планирования и управления использованием ресурсов северных территорий;

- определении приоритетов природопользования, рассмотрении сценариев и альтернатив развития регионов Севера, экологизации хозяйственного процесса;

- изучении проблем охраны здоровья человека в Арктике, влиянии экстремальных условий на пришлое население, психофизиологической адаптации коренного населения к новым условиям.

Участники Конференции приарктических государств высказались за создание Международного арктического научного комитета и ряда рабочих групп в его рамках для организации конкретных научных проектов. Этот Научный комитет должен способствовать удовлетворению возрастающих потребностей в научных знаниях об арктических районах, которые необходимы для разумного развития этих районов, а также для наиболее полного обеспечения вклада арктических исследований в мировую науку в инте-

ресах всего человечества. Он должен стать органом международного обсуждения научных вопросов, представляющих взаимный интерес на арктических территориях, морях, в атмосфере и космосе. В Комитете должны работать представители как естественных, так и социальных наук, охватывающих как фундаментальные, так и прикладные исследования во всех областях, где необходимы международное сотрудничество и координация. Особое внимание будет обращаться на поощрение и координацию исследований, которые приносили бы пользу жителям Севера и коренным народам Арктики.

Конечно, международное научное сотрудничество в Арктике ни в коей мере не должно затрагивать и мешать двустороннему сотрудничеству в этом регионе, уже существующему между странами. Успешное проведение Ленинградской конференции продемонстрировало, что в последние годы произошли важные изменения в международной обстановке, открывшие дополнительные возможности для международного сотрудничества в Арктике.

ЕСТЬ ЛИ МЕСТО В АРКТИКЕ ЕЕ ХОЗЯЕВАМ?*

Освоение континентальной Арктики человеком началось очень давно, а на побережья и острова Полярного бассейна древние люди вышли еще 10—15 тыс. лет назад. В поисках наиболее продуктивных угодий первобытные охотники и рыболовы заселили все арктическое побережье Евразии и Америки, достигнув 4—5 тыс. лет назад крайнего севера Гренландии и островов Канадского арктического архипелага. Именно с этого времени и вплоть до наших дней прослеживается непосредственная преемственность основных форм аборигенного (традиционного) природопользования — охоты, рыболовства, морского зверобойного промысла, к которым в Евразии позднее прибавилось оленеводство. *В наше время аборигенные формы природопользования — устоявшиеся, исторически сложившиеся компоненты экосистем всех арктических регионов, демонстрирующие долговременные способы освоения окружающей среды.*

К началу широкого проникновения в Арктику европейцев (XVI—XVIII вв.) повсюду, включая все побережье и значительную часть островов, существовало большое разнообразие местных культур и типов хозяйства, адаптированных к экстремальным природным условиям и периодическим колебаниям промысловых ресурсов. Все они стали испытывать возрастающее давление со стороны коммерческих методов освоения и эксплуатации природы, принесенных на Север европейцами. Взаимодействие этих форм природопользования — аборигенной и коммерческо-индустриальной, — их правовой и экономический статус определяют в каждой стране концепцию освоения полярных территорий и акваторий.

* Статья написана совместно с В. Калякиным, И. Крупником, В. Лебедевым, А. Пикой.

В американском секторе Арктики до конца 60-х годов доминировала концепция интенсивной эксплуатации наиболее ценных природных ресурсов. Однако сейчас утвердилась идея приоритетности аборигенных форм природопользования, победившая в острой политической борьбе ассоциаций коренного населения за свои права и сохранение традиционных способов хозяйствования. В законодательства США, Канады и Гренландии были внесены специальные статьи, закрепляющие права коренного населения на свои территории и приоритетное использование их ресурсов. Опираясь на эти права, ассоциации коренного населения смогли не только заставить промышленные компании вести более рациональную и экологически грамотную эксплуатацию минерального сырья, но и при поддержке ученых и общественных организаций заблокировать осуществление ряда промышленных проектов, угрожавших равновесию северных экосистем (проект «Колесница» Комиссии по атомной энергии США, танкерная транспортировка нефти с арктического побережья Аляски, разработка нефтяных месторождений в эстуарии реки Маккензи, строительство грандиозного водохранилища на реке Юкон и др.).

Все началось с проекта «Колесница» — научной программы, нацеленной на мирное использование ядерных взрывов для строительства каналов, искусственных гаваней и т. п. В 1958 г. для первого такого экспериментального взрыва был выбран участок у мыса Томпсон на северо-западном побережье Аляски. Вскоре выяснилось, однако, что как предложенный для эксперимента район, так и выбранный тип среды обитания (арктическая тундра) относятся к числу наименее изученных с географической, экологической и историко-культурной точек зрения. Поэтому в 1959—1962 гг. около сотни ученых различных специальностей работали в арктической Аляске по заданию Комиссии по атомной энергии США. Ядерный взрыв у мыса Томпсон в итоге так и не был произведен (в том числе благодаря активным протестам коренного населения), но в рамках проекта «Колесница» родилась первая школа арктической этноэкологии, оказавшая огромное влияние на все дальнейшее развитие этой молодой науки.

Становление арктической этноэкологии во многом связано с именем канадского ученого Дона Фута (1931—1969) — активного участника проекта «Колесница». Дон Фут продолжал полевые этноэкологические исследования в различных районах американского Севера вплоть до своей трагической гибели. Он называл себя «географом человека», а свой подход — «изучением географии человека в Арктике». Объектом его анализа являлись современные и традиционные системы жизнеобеспечения коренных обитателей Арктики. Этот ученый был убежденным сторонником системного анализа жизнедеятельности человека. Он ориентировался на создание сложных экологических «моделей», включающих в качестве главных компонентов три «подсистемы»: физическую (физико-географические компоненты ландшафта), биологическую (промысловые ресурсы) и социально-культурную (все аспекты систе-

мы жизнеобеспечения человеческих коллективов). Главной задачей «географии человека» в Арктике Д. Фут считал количественный анализ функциональных связей между этими подсистемами, а главным методом — изучение потока энергии от физической среды через популяции промысловых животных и растений к человеческому коллективу. Ему принадлежат первые расчеты пищевой ценности и калорийности основных объектов добычи эскимосских охотников. От работ Д. Фута берут начало два направления арктической этноэкологии: историческое (реконструкция традиционных систем жизнеобеспечения и образа жизни аборигенов по источникам и устной традиции) и экономическое (анализ современных смешанных форм жизнеобеспечения населения Арктики). Оба они за последние два десятилетия получили быстрое развитие.

В 60-е и особенно в 70-е годы «экологическая интерпретация» стала ведущей в археологии американской Арктики, вытеснив преобладавшие ранее концепции однонаправленной эволюции эскимосских культур, которые объясняли их развитие миграциями, перемещениями в новые места обитания, культурными контактами с другими племенами и народами и т. п. Понятен глубокий интерес археологов к главной теме арктической этноэкологии — реконструкции традиционных систем жизнеобеспечения коренных обитателей Арктики. Именно археологи выступили инициаторами нескольких крупных международных симпозиумов, имевших явную этноэкологическую ориентацию.

Возникновение на рубеже 60—70-х годов региональных объединений (корпораций) коренного населения Аляски и Канады поставило понятие «жизнеобеспечение» в центр экономических, политических и духовных чаяний коренного населения американского Севера. Появился даже новый термин — «ценности жизнеобеспечения», который включил весь комплекс методов, воззрений и норм, связывающих аборигенов Арктики со средой обитания и ее ресурсами. Резко возрос интерес к национальным традициям природопользования, экологическому опыту местных культур. Со второй половины 70-х годов региональные объединения американских эскимосов, алеутов и индейцев стали финансировать специальные программы по изучению и фиксации своего экологического наследия, в которых активно участвуют профессиональные этнографы и археологи.

Быстро растущий интерес к проблемам местных форм и традиций жизнеобеспечения в 70-е годы привлек внимание к ним различных государственных ведомств и научных центров США и Канады, занятых охраной природных ресурсов. Наиболее активно в этой области действуют Служба национальных парков США, Департамент охоты и рыболовства штата Аляска, университет штата Аляска, Лаборатория морских млекопитающих Национальной океанографической и атмосферной службы США и др. Большим достоинством этноэкологических программ этих ведомств является комплексный, междисциплинарный характер, обилие цифровой информации, постоянная обновляемость публикуемых статистических

материалов. О размахе таких исследований дают представление специальные библиографии по проблемам жизнеобеспечения, изданные в последние годы. В настоящее время этноэкология американской Арктики — активная, быстро развивающаяся область науки, насчитывающая уже сотни специальных публикаций и десятки монографий. Опыт, накопленный зарубежными исследователями, еще ждет своего использования в нашей стране.

В СССР проживает 26 народов Севера, среди них 11 имеют численность ниже 2000 человек. По данным переписи 1979 г. и сведениям 1987 г., наименьшая численность у нганасан (842 и 903 человека соответственно), юкагиров (801 и 899), алеутов (489 и 514) и негидальцев (477 и 504). При переписи населения 1959, 1970, 1979 гг. чуванцы, энцы и ороки уже не учитывались. В 1970—1979 гг. темпы прироста численности народов Севера нашей страны снизились почти в 5 раз по сравнению с предшествующим десятилетием, причем численность хантов, манси, селькупов, саами, кетов и негидальцев даже уменьшилась. Специальные исследования показали, что резкое снижение темпов прироста обусловлено прежде всего снижением рождаемости при сохранении повышенного уровня смертности и усилении ассимилятивных процессов. Если такие тенденции сохранятся, то уже в обозримом будущем возможна депопуляция и полное исчезновение народов Севера — 26 из более 100 народов СССР.

Существует мнение, и, к сожалению, довольно распространенное, что судьбы малых этносов при столкновении их с крупными нациями, развитой культурой и промышленной цивилизацией predetermined — в силу какой-то «исторической неизбежности» они должны исчезнуть. Или обязательно страдать из-за некой несогласованности между эволюционными и социально-историческими процессами вследствие «скачка» через несколько общественно-экономических формаций, например от патриархально-родового строя к социализму.

В русской публицистической и научной литературе вопрос о «вымирании инородцев Сибири» обсуждался еще в конце прошлого века. И тогда тоже были попытки все свести к «исторической неизбежности». Резонное возражение этим взглядам было высказано известным русским ученым, путешественником, после Октябрьской революции активным работником Комитета Севера при ВЦИК С. А. Бутурлиным. Еще в 1907 г., возвратившись из экспедиции в Колымский край, в отчете правительству он писал: «Если бродячие инородцы действительно вымирают, то причины этого очевидны, временны и устранимы, причина та, что они столкнулись с цивилизацией, но с цивилизацией и исключительно в форме спирта, сифилиса или торгового обмена, — и с государственной организацией, но исключительно в форме требования Ясака. Поэтому и разумнее, и человечнее будет не пытаться надменно предсказать приговоры племенам и народам, но просто постараться оказать посильную и, в сущности, несложную помощь племенам мирным, благородным и нередко выработавшим в себе до поразитель-

тельной степени высокие качества, могущие быть крайне полезными и высококультурному государству» (Советский Север, 1929, т. 1, с. 143).

Начиная с 60-х годов и особенно в 70-е годы основной причиной смертности становятся отравления и травмы, что прямо связано с сселением коренных жителей в крупные поселки, массовым переходом их на оседлость, появлением различной новой техники и увеличением внешней миграции населения из центральных и южных районов европейской части СССР. Несчастные случаи, связанные со злоупотреблением алкоголем, бесконтрольным использованием технических средств, насильственные смерти и самоубийства стали в крупных национальных поселках составлять до половины всех смертных случаев.

Что можно сделать? Только издавна присущие народам Севера традиции многодетности противостоят сейчас фактическому уровню смертности и компенсируют потери при ассимиляции. Однако рождаемость уже не может оставаться традиционно высокой, так как сами ее основания, коренящиеся в этнических культурах и образе жизни северных народов, подверглись значительной трансформации.

Народы севера Сибири и европейской части СССР вступили в начальный этап «демографического перехода», современная демографическая ситуация, сложившаяся у них, уникальна. Ведь численность малых народов Севера не могла в прошлом вырасти из-за высокой смертности и не будет расти в будущем из-за снизившейся рождаемости. Это может привести к тому, что наши «малые» народы в недалеком будущем могут стать еще меньше. Переход-

ный период для них — единственный шанс за весь период многотысячелетней истории, когда они могут «вырасти». И этот переходный период продлится не более 10—15 лет. Но реализовать такую возможность народы Севера смогут лишь при условии, что помощь им будет оказана своевременно.

Социальные, хозяйственные, природоохранные, демографические и другие проекты развития на Крайнем Севере еще в недавнем прошлом проводились, как правило, по принципу «сверху вниз». Это оставляло мало возможностей для местной инициативы, так что сами «получатели» помощи играли сугубо пассивную роль. При отсутствии доступа к информации и процедуре принятия решения у людей вырабатывается отчуждение, недоверие к любым попыткам «извне» изменить их жизнь к лучшему.

Характерное описание такой ситуации, сложившейся на Камчатке в середине XIX в., дал чиновник по особым поручениям при губернаторе Камчатки, известный геолог и путешественник К. Дитмар (1901): «...неоспоримо важно, чтобы Камчаткой правили знающие и благодетельные начальники, причем правили бы на неизменных началах, выведенных... путем серьезного и доброжелательного изучения нужд страны и ее жителей. Но таким началам никогда не следовали. Губернаторы оставались здесь обыкновенно не более пяти лет, и каждый из них вводил собственную... систему. Все сделанное предшественником, хорошее и дурное — безразлично, упразднялось... Конечно, народ сбивался с толку, потому что никакие порядки не могли при таких условиях упрочиться, а еще менее — дать плодотворные результаты... Камчадалы очень толково оценивают различные мероприятия и заранее знают, что для улучшения их положения не последует никаких практических результатов. (Они) действительно не в состоянии постичь, чего же наконец от них требуют и что с ними будет; последний пункт, впрочем, стал для них уже совершенно безразличным».

Конечно, так было не только на Камчатке и не только в прошлом веке. На Аляске еще в 60-е годы американские этнографы отмечали, что эскимосам присущи «внутренние культурные и психологические черты, которые способствуют неэффективному, самопораженческому поведению», или что «реакция эскимосов на авторитетных людей из внешнего мира пассивна и фаталистична» (Лопуленко, 1979). То же самое отмечает и известный общественный деятель, руководитель Национального братства индейцев Канады Дж. Мэнюэл. В 20-е годы вследствие многочисленных бесплодных реформ и мероприятий, проводившихся среди индейцев по инициативе правительства и местных органов, их авторитет упал так низко, «что люди лишь тихо посмеивались над теми, кто занимал должности».

Если само население, оказавшееся в ареале нововведений и реформ, остается пассивным, зависимым от воли администрации, то, как бы ни росла материальная помощь извне, сохраняется его уязвимое социально-экономическое положение.

Каково же положение народов Севера и их традиционное при-

родопользование в нашей стране? С горечью можно констатировать, что интенсивное освоение Арктики началось и до сих пор ведется у нас без всякого учета полезного опыта аборигенных форм природопользования, мало того — без предварительного экологического обоснования допустимых нагрузок на крайне хрупкие полярные биогеоценозы. Для значительной части континентальных районов, материкового побережья, островов и шельфов зоны отсутствует даже минимальная научная информация. А ведь многие участки территории являются естественной природной и культурно-исторической средой коренного населения.

Перенесение на Крайний Север экономических, социальных и культурных стереотипов из центральных и южных районов страны, а также введение фактически удвоенной зарплаты *только за проживание* на Севере создали в Арктике настоящий Клондайк административно-бюрократического аппарата. Над северным оленеводом, охотником или рыбаком возвышается огромная административная пирамида: дирекция совхоза (колхоза) — сельхозотдел райисполкома — агропром округа — агропром области (края, АССР) — Агропром РСФСР — Совмин и Госплан РСФСР. При всем этом индустриальное освоение Арктики ведут в основном союзными министерства, которые, никак не взаимодействуя с указанными выше организациями и местными Советами депутатов, напрямую обрушиваются на земли и воды, дающие жизнь аборигенам Севера.

В результате такой хозяйственной политики, воспитания детей коренных северян с малолетства в интернатах, где они полностью оторваны от природы, родного языка и национальных промыслов

вых традиций, аборигенные формы природопользования (охота на пушного и морского зверя, рыболовство и оленеводство) стали нерентабельными, а сами люди превратились в социально пассивных поденщиков с изломанной психикой и ощущением своей ненужности на родной земле.

Такая ситуация недопустима со всех точек зрения — экологической, экономической и нравственной. *Аборигенное природопользование есть форма и условие существования национальных культур народов Севера*, и потому его вытеснение за счет отчуждения промысловых и пастбищных угодий или их техногенного загрязнения ведет к тяжелым социальным последствиям. Освоение Крайнего Севера должно строиться на *признании равноправия и равноценности* индустриальных и аборигенных форм природопользования. Результатом их продуманного совмещения будет концепция подлинно рационального освоения северных экосистем.

Для этого в первую очередь необходимо *юридически* обеспечить приоритет аборигенного природопользования, с тем чтобы в вопросах масштабного и местного строительства, эксплуатации подземных недр и других природных богатств, а также в деле охраны природы законодательное слово принадлежало и коренному населению. Отчасти это было предусмотрено еще первым внутренним законодательным актом Советской власти: «Все недра земли: руда, нефть, уголь, соль и т. д., а также леса и воды, имеющие общегосударственное значение, переходят в исключительное пользование государства. Все мелкие реки, озера, леса и проч. переходят в пользование общин при условии заведования ими местными органами самоуправления»*. Современная, до крайности обостренная ситуация требует безотлагательного развития этого положения.

В сложной демографической ситуации, в значительной мере обусловленной сохранением у коренного населения Арктики повышенной смертности, необходимо, чтобы рост их уровня жизни, ее трудовая и духовная наполненность были признаны одними из главных целей экономического и социального развития арктических регионов. Именно такой подход соответствует «Международной конвенции по защите и интеграции коренного и другого племенного и полуплеменного населения в независимых странах»**.

Сегодня участие местного населения становится важным элементом стратегии развития северных регионов всех стран. Общественные организации, инициативные группы ученых, другие заинтересованные лица, стремящиеся к изменению хозяйственно-экологической ситуации там, где имеется острая необходимость в создании рациональных природопользовательных и природоохранных мероприятий, не должны игнорировать тот факт, что любые предлагаемые перемены обычно затрагивают интересы мест-

* Декрет о земле. 26 октября 1917 г.

** Женева. 1956. § 13. П. 1.

ного населения, вынуждают его менять сложившуюся, привычную модель жизнеобеспечения, сам образ жизни. Успех любых начинаний и адаптация населения к новому будут зависеть от качества и уровня диалога между администрацией и коренными жителями.

В 70-е годы в различных районах зарубежного Севера участие коренного населения в государственных и общественных программах развития становилось более активным именно потому, что это было осознано как *важнейший политический принцип*. Среди подобных программ можно назвать план экономического и культурного развития Гренландии «Г-60»; деятельность Скандинавского саамского совета в Швеции, Норвегии, Финляндии; создание самоуправляющихся регионально-этнических корпораций аборигенов Аляски; программы развития местных общин и политику «неотрадиционализма» на Северо-Западных территориях Канады.

Ответственность местного населения за охрану окружающей природной среды могла бы быть сейчас усилена на основе традиционных для северных народов представлений о неразрывной связи Человека и Природы, ценности личности, этнических и культурных традиций, а не только на основе традиционного жизнеобеспечения.

Нужно иметь в виду и то, что в освоенных районах человек нередко оказывается самым труднопредсказуемым звеном в цепи рекомендуемых природоохранных мероприятий. Поэтому поспешные, непродуманные действия без попытки ввести «человеческий фактор», т. е. инициативу, заинтересованность коренного населения, могут породить новые проблемы. Реализация этого принципа, переход от отчуждения к пониманию и доверию, от пассивного поведения местного населения к самопомощи и его активному участию труден. Здесь повсюду множество барьеров: социальных, культурных, психологических — причем не только для тех, кто является инициатором изменений (т. е. ученых и администраторов), но и для тех, кого поощряют в этом участии.

Многим кажется, что можно продолжать все делать по-старому еще долгое время. Возможно, это и так. Но ясно и другое: коренному населению новые изменения не принесут ничего, кроме чувства обиды и бессилия в тех случаях, когда не спрашивают его мнения о предстоящих преобразованиях, превращают в «пассивного реципиента даримых благ». В обеспечении участия местного населения в программах развития нет готовых рецептов, но есть общие принципы. Это прежде всего добрая воля и взаимное уважение интересов. Главное не в том, чтобы ученые и администраторы быстрее достигли поставленных целей, а в том, чтобы вместе с населением двигаться по трудному пути и, если возможно, пройти его до конца.

СЕГОДНЯ И ЗАВТРА ОЛЕНЕВОДСТВА

О проблемах оленеводства в нашей стране беседуют этнограф Юрий Симченко и начальник Управления Севера Госагропрома РСФСР Михаил Кошелев.

Ю. С. Михаил Петрович! Не думаю, что кто-нибудь будет возражать против того, что одним из самых главных символов Крайнего Севера и поныне остается северный олень. Мне, как этнографу, всегда было приятно, что наша страна во все времена была богата оленями. Ведь северный олень сам по себе служит свидетельством экологической чистоты зоны — это первое, и состояние оленеводства в очень большой степени соответствует жизненному уровню коренного населения тайги и тундры — это второе.

М. К. В самом деле, в России всегда было очень развито оленеводство. С оленеводством была связана жизнь практически более двух десятков народов Крайнего Севера. Она связана с оленеводством и сейчас, но эта связь со временем претерпела большие изменения. Наша страна держит поголовье оленей, составляющее более восьмидесяти процентов всех домашних оленей на Земле. В этом отношении наш Север остается традиционным лидером. Однако показатели по оленеводству в 80-х годах достигли самых низких отметок за всю историю оленеводства в обозримом прошлом.

Ю. С. Если не считать времен археологических, то более или менее реально о поголовье оленей на Севере можно говорить лишь с Приполярной переписи 1924—1926 годов. Тогда общее поголовье было определено приблизительно в 2 200 тыс. животных. Как известно, полярные переписчики, среди которых было немало выдающихся северных работников, буквально совершали подвиги,

чтобы более или менее точно определить состав коренного населения зоны и оценить его хозяйство. Все же оленей от них некоторым удавалось утаивать. Общее число домашних оленей в итоговых таблицах было явно занижено. Крупные оленеводы боялись реквизиции и всяческих притеснений и поэтому никогда не определяли точно размеров своих стад. К тому же уже в 1922 году Отдел управления туземным населением Севера начал работу по упорядочению пользования пастбищами. Совершенно понятно, что крупные оленеводы не были заинтересованы в перераспределении земель. К тому же у народов Севера, особенно у тех, кто занимался в тундре крупнотабунным оленеводством, — у ненцев, чукчей, коряков и других — считалось, что подсчет животных обязательно повлечет крупные потери в стаде, что считать оленей — тяжкий грех...

По-моему, для 1924 года можно смело оценить общее поголовье оленей в 2,5 млн голов.

М. К. Как бы там ни было, но в официальном документе — итогах Приполярной переписи сказано: «2 192,6 тыс. оленей...» Тоже цифра неплохая. Она была перекрыта только во второй половине 60-х — первой половине 70-х годов. Смотрите, какие цифры: всего только через десять лет после окончания войны — около 2 140 тыс. оленей, еще через десять лет — 2 400 тыс. животных, в 1970 году — самое большое поголовье домашних оленей — 2 445 тыс. голов, и отсюда начинается спад. К 1975 году обнаруживается уже 2 280 тыс. животных, а далее по пятилеткам терялось в среднем по 200 тыс. оленей. В 1985 году цифра поголовья за семьдесят лет оказалась самой малой — 1 729 тыс. голов... Более 700 тыс. утратили по сравнению с максимумом...

Ю. С. А почему же все-таки произошло такое сильное сокращение? Сейчас много говорится о пагубном влиянии индустриализации Севера на традиционное хозяйство. Ведь действительно отчуждена масса пастбищных угодий... Посмотрите хотя бы на карту Мурманской области. Оленьи угодья здесь кажутся просто островками среди мощных промышленных центров. На Русском Севере промышленности поменьше. Большеземельская, Малоземельская и Канинская тундры все же остались вполне пригодными для оленеводства... Далее на восток — площади нетронутых угодий фатально сокращаются, как бальзаковская шагреньевая кожа... Ямал, Гыдан, Таймыр, выглядевшие еще в середине 60-х годов как заповедные территории. Правда, на Таймыре оленеводческие регионы уменьшились не столько за счет промышленности, сколько за счет роста стада диких оленей... Север Якутии меняется мало, а Чукотка — очень сильно. Ведь из пользования выпадают не только прямо отчужденные земли — страдают и пригородные территории, все земли, подвергшиеся изыскательским обследованиям, территории брошенных разработок...

М. К. Да, действительно, в наши дни экология является проблемой номер один. Особенно на Севере. Север, как известно, наиболее раним. Тундра так долго заживает свои раны, что, бывает,

не хватает и человеческого века, чтобы стерлись следы неосмотрительной деятельности.

Тундра и северная тайга сейчас находятся в постоянной опасности. Их режут гусеницами вездеходов, жгут, засоряют ломом непригодных механизмов, неузнаваемо уродуют многие места, которые через некоторое время оставляются... Общеизвестно, например, что буровые не вечны. Когда нефть и газ иссякнут, а рано или поздно это произойдет, то все эти территории будут безнадежно больны... И пока лекарств для их лечения не найдено... Так что на месте добывающих промышленных объектов мы получим тяжкие раны северной матушки-земли, многие из которых могут оказаться смертельными...

Ю. С. Вы полагаете, что перспективы у оленеводства в этом смысле невеселые?

М. К. Они будут невеселыми, если сейчас не позаботиться о грамотном использовании наших богатств.

Прежде всего следует упорядочить эксплуатацию земельных угодий при разведке полезных ископаемых и строительстве добывающих объектов и транспортных систем — дорог, нефте- и газопроводов и прочего...

Ю. С. А как можно упорядочить, например, эксплуатацию промышленных территорий? Насколько я знаю, никаких законодательных установлений на этот счет не существует.

М. К. Нет не только законов, но и элементарных нормативов... Кто может сказать, например, какую площадь тундры допустимо изъять из сельскохозяйственного освоения при разведке, прокладке транспортных систем, строительстве буровых и трубопроводов на Ямале? Строители не ограничены ничем. Вся их деятельность окутана некой дымкой героизма, и спроса с них нет ни за загубленную землю, ни за все остальное. Труд на Севере в самом деле тяжел, требует отваги и самоотверженности, но эти самые отвага и самоотверженность не должны приносить вреда... Труд оленеводов не менее тяжел и в большей мере, чем любой другой на Севере, требует и самоотверженности и отваги... Но представьте себе вдруг, что оленевод явился к строителям трубопроводов, загнал их технику в трясины, взорвал трубу, пустил дома на дрова... (Такое невозможно себе и представить.) Вы сказали бы, что это — варварство, это преступление — губить народное достояние и подвергать тружеников риску... Однако по отношению к сельскохозяйственным труженикам северной зоны наши индустриальные «короли» так и поступают. И все видят только героизм их дел... И никому не приходит в голову обвинять их в варварстве... Нет ни норм, определяющих допустимую порчу территории, ни законов, которые регулировали бы отношения коренных жителей этой земли и ее освоителей... Все это требует незамедлительных мер... Невеселая реальность буквально вопиет и к ученому миру. Разработка мероприятий, которые требуется осуществить для возвращения в оборот уже заброшенных промышленных разработок, — дело совершенно неотложное.

Ю. С. Михаил Петрович! Но все же положение с оленеводством определяется, наверное, не только сокращением земельных угодий. Наверное, здесь дело в тех же причинах, которые характерны для сельского хозяйства вообще?.. Вот посмотрите на историю оленеводства в советский период по всей зоне... Ведь поголовье домашних оленей всегда размещалось по тундре и тайге неравномерно. Подавляющая часть оленеводческих хозяйств была в тундре, меньшая — в таежной части... Да и в тундре поголовье домашних оленей не размещалось поровну на каждом квадратном километре. Самый мощный оленеводческий район — Чукотка и Камчатка. Более трети всех домашних оленей. Интересно, что все это поголовье содержалось особым образом. В этнографии такой способ разведения оленей так и называется — чукотский. Чукчи и коряки пасли оленей пешком и без оленегонных собак, использовали меньше кормовых угодий на определенное количество животных. Чукотский способ содержания животных был самым трудоемким. Он требовал от людей физического совершенства и больших знаний в самых разнообразных областях. Достаточно сказать хотя бы то, что летом чукотские пастухи меняют режим выпаса по часам... Время на водопой, утреннюю и вечернюю кормежку, на лежку, на движение — на множество действий, составляющих оленью жизнь, включая дрессировку молодняка, воспитание всего стада, даже мытье оленьих ног при переходе с определенных пастбищ — десятки, сотни условий, которые должны учитываться пастухами постоянно и оперативно... И все это — народные знания чукчей и коряков... На втором месте после Магаданской области, куда входит Чукотка, стоит Тюменская область с Ямало-Ненецким автономным округом. Традиционно — это второй крупный оленеводческий район. Вместе с Ямало-Ненецким округом Архангельской области, практически на всей территории между Кольским полуостровом и Таймыром, оленей пасут главным образом ненцы. На Европейском Севере на территорию ненецких пастбищ вторгаются стада коми-оленеводов, но число их незначительно. Ненцы здесь преобладают везде, а вплоть до Якутии у всех других оленеводов этой зоны — энцев, нганасан, хантов, манси, селькупов — распространен ненецкий тип оленеводства. Правда, в тайге имеются свои особенности, но основа одна... Третий по значимости оленеводческий район — Якутия, преимущественно тундровая. Здесь оленеводством издавна занимались и эвены, и якуты, и юкагиры. У них в общем-то был единый тип оленеводства, сохранившийся и в наши дни... А вот в лесной зоне по обе стороны от Енисея и на восток от него безраздельно господствовал эвенский тип оленеводства. Олени содержались небольшими стадами, на них ездили верхом, перевозили на них вьюки... И что же произошло в обозримое время?.. В лесной части оленеводство повсеместно деградировало. В тундровой оно, правда, также пострадало, но в меньшей степени... И здесь установилось правило: имущему дается, а у неимущего отнимается... Малоимущее таежное оленеводство практически превратилось в неимущее. И все это идет на фоне повы-

шения культурного уровня коренного населения... Если говорить о кадрах оленеводов, то их культурный уровень за последние десятилетия вырос достаточно ощутимо, а производительность труда столь же ощутимо упала...

М. К. Действительно, уровень образования современного оленевода и его квалификация в наши дни связаны обратно пропорциональной зависимостью... Грубо говоря — чем меньше учился человек в наших народно-просветительных учреждениях, тем выше у него успехи в оленеводстве. Ведь чем привлекательно оленеводство? Как принято говорить у экономистов, оно наименее фондоемко, то есть требует наименьшего количества затрат. Оленеводство еще в послевоенный период практически не имело вложений. Платили зарплату пастухам, и эта самая зарплата только и определяла стоимость оленьего мяса. Так что оленина выступала в качестве продукта овеществленного труда только пастухов, а не работников, скажем, химической промышленности или транспортного машиностроения. Нет слов, тяжелый был труд, но и сейчас он особенно не облегчился. Стало больше транспорта — вездеходов, тракторов. Больше транспорта — больше расходов, дороже оленина. И так во всем. Все мероприятия, определившие современный уровень отрасли, к увеличению производства не привели, а само производство удорожили. Раньше сама отрасль воспроиз-

водила себя как социально-экономическая система. Существовал естественный порядок, отработанный многими поколениями, воспитывающий оленеводов. И этот порядок именно в 60-е годы был разрушен... Сейчас мы пожинаем плоды этого разрушения...

Ю. С. Мне кажется, что падение оленеводства связано прежде всего с нарушением всего традиционного уклада во всех его аспектах... Вспомним хотя бы мероприятия по переводу кочевого населения Севера на оседлый образ жизни...

Прежде всего переводили на оседлость тех, кто не должен был круглый год ходить с оленями. Этот перевод охотников и людей других промысловых профессий на оседлость ударил по северной экономике, но не смертельно, не так сильно... Потом стали мотивировать перевод на оседлость оленеводов поселением их семей на усадьбах и введением так называемого производственного-кочевания. Пастухи остались без семей. Само по себе такое состояние уже ненормально. А на Севере, где издревле существовало четкое половозрастное разделение труда, на оленеводов легли дополнительные нагрузки. Традиционными женскими обязанностями у оленеводов были ремонт одежды, приготовление пищи, содержание в порядке передвижного жилища, уход за детьми... Все, кроме ухода за детьми, стало прерогативой мужчин. «Износ» людей от этого только усилился. А самое главное — такая жизнь потеряла свою привлекательность. Дети оказались оторванными от отцов и так же малопригодными для работы пастухами, как и любые дети из поселков. А заочно обучить человека всем премудростям оленеводства невозможно...

М. К. Совершенно верно. Как я уже говорил, оленеводство тем и выгодно, что не требует больших вложений в производство. Здесь не нужно ни механизированных ферм, ни ошейников на животных с электронной аппаратурой, задающей корма, ни, наконец, самой индустрии кормов. Оленя можно и должно содержать так, как его содержали традиционно. А для этого требуется тончайшее знание своих пастбищ и своих конкретных условий содержания животных. Не знаний по оленеводству вообще, а именно знаний и навыков по разведению оленей в конкретной тундре, в конкретном регионе. Эти же знания никакие учебники не дадут. Пастбища уже сейчас по всем «северам» приведены в соответствие с их оленеёмкостью. Если говорить об утопиях, то можно порассуждать о том, что надо бы усовершенствовать пастбищную кормовую базу разумным вмешательством человека. Однако к чему приводит это вмешательство, мы знаем по более теплым регионам. Поэтому нужно трезво смотреть на проблему — по одежке протягивать ножки. Чем меньше мы будем трогать северные пастбища, тем будет лучше для всех. Отсюда — только знание их рационального использования и умение правильно содержать на них животных могут обеспечить благополучие отрасли.

Ю. С. Михаил Петрович! Тут уместно вспомнить хотя бы разные мероприятия по внедрению различных приемов выпаса у разных оленеводов — хотя бы обучение ненецким оленеводческим прие-

мам чукчей... Ведь не привилось ничего, хотя и были самые благие намерения. Приемы оленеводства по всем территориям соответствуют и самим природным условиям, и народным традициям. Вряд ли ненецкий способ содержания животных дал бы на Чукотке лучшие результаты, чем трудоемкий, тяжелый, но очень продуктивный чукотский способ. И наоборот — не стоило и соваться с чукотским «уставом» в ненецкий «монастырь». В конце концов ненецкие влажные моховые тундры лучше приспособлены для передвижения на нартах в летнее время, чем чукотские горные пастбища, по которым действительно лучше ходить пешком...

М. К. Возрождение отрасли прежде всего немислимо без правильного воспитания кадров. А сейчас у нас успехи невелики. Есть у нас производственно-технические учебные заведения оленеводческого профиля, но проку от них пока мало.

Уже давно стараются нащупать то самое рациональное соотношение традиционного и нового, которое могло бы дать работника нового, современного типа... Например, в училищах ввели специальности «олeneвод-радиcт», «олeneвод-механизатор»...

Ю. С. А не обманываем ли мы самих себя, вводя подобные специальности? Что касается радиодела — так ли оно нужно оленеводу? Совершенно определенно можно сказать, что аппаратура связи будет развиваться в таком направлении, что сделается обычной бы-

товой аппаратурой, не требующей какой-либо подготовки для эксплуатации. Кто же будет, например, внедрять специальность «милиционер-радист»? А рации есть у каждого милиционера в городе... А можно ли обучить именно оленевода в ПТУ? Наверное, нет. Ведь обучение оленевода начинается с того момента, как он начинает ходить. Все говорят, что если с пяти лет не начнешь учиться кидать аркан, то к зрелому возрасту и не научишься, — это как в большом спорте. А если с детства не будешь тренироваться в искусстве управления животными, то в зрелом возрасте эта работа будет тебе в тягость. Поэтому, наверное, будущее подготовки оленеводческих кадров нужно искать в создании передвижной школьной системы, которая бы не отрывала будущих оленеводов от тундры. В конце концов у нас существует целая сеть самых разнообразных интернатов для спортсменов, почему не организовать сеть специальных учебных заведений для будущих оленеводов?

М. К. Для этого нужно прежде всего решить ряд самых сложных проблем. Если мы сохраним семью оленевода непосредственно на пастбище, то нам нужно решить вопросы ее быта на самом современном уровне. Где и как она будет жить? Традиционные жилища — чумы и яранги повсеместно по большей части уже утрачены. Да и дико кажется, чтобы в наше время кто-либо жил достаточно комфортно в старом чуме. Значит, нужно новое передвижное жилище... Нужны промежуточные базы, куда бы переезжали семьи оленеводов на маршруте... И нужно, чтобы эти промежуточные базы были снабжены современными отопительными системами, электрическим освещением, бытовыми удобствами... Нужно облегчить женский труд по изготовлению традиционной одежды — может быть, наладить промышленное производство одежды из оленьего меха... Вот тут свое слово должны сказать и этнографы...

Ю. С. Главное слово этнографов в том, что нельзя планировать развитие такой отрасли, как оленеводство, не учитывая в первую очередь традиционной культуры. Она является неперенным экологическим элементом для любого северного народа. Народ может даже и не потерять своей самостоятельности, если эта культура будет сильно видоизменена или же приобретет декоративный характер. Таких примеров много. Не сохранится лишь оленеводство в тех масштабах, которые мы еще недавно отмечали. И это касается всего. Вот сейчас много говорят об увеличении продуктивности оленеводства за счет увеличения плодовой части стада. Рассуждения простые — больше маток, больше приплода, больше мяса. Все дело только в рациональном выкармливании и разумных способах забоя и переработки. Но ведь дело не только в этом. Пастбища не резиновые. Общее количество оленей более или менее постоянно. Увеличивать плодовую часть можно только за счет транспортной. Уменьшили количество транспортных животных, внедрили механический транспорт — изменили весь уклад, изменили характер труда. А к добру ли это? Механический транспорт — лишние расходы, лишние специалисты, порча тундры. Так что главное слово этнографов — надо учитывать народный опыт.

СЕВЕР: РЕСУРСЫ ИСПОЛЬЗУЮТСЯ, ПРОБЛЕМЫ ОСТАЮТСЯ

...Такова, к сожалению, современная тенденция ресурсопользования в северных районах нашей страны и за рубежом. В Канаде, США, Скандинавских странах сегодня предпринимаются попытки изменить сложившуюся ситуацию, превратить Север из сырьевого придатка в освоенный, обжитой и развивающийся регион. Что делается и что можно сделать для этого в нашей стране?

Ресурсообеспеченность в 3-м тысячелетии станет важнейшим фактором развития стран и регионов мира. Под ресурсами понимаются разнообразные источники средств к существованию людей — материальные (природные: сырьевые, энергетические, экологические и др.), социальные (трудовые), экономические, технические, информационные.

В последнее время часто говорится о территории как об особом типе пространственной группировки всех видов ресурсов, пространственном базисе размещения и развития производительных сил. Территория — ресурс, который исчерпывается и не возобновляется (в зарубежных публикациях его называют «жизненным пространством», «жизненным резервом»): в каждом конкретном месте, районе может быть размещено строго определенное сочетание антропогенных объектов; превышение предельно допустимых нагрузок на единицу объема в единицу времени вызывает деградацию территории как ресурса. Объем и «ассортимент» элементов производительных сил, то есть экологический потенциал (емкость) территории, во многом определяются географическими факторами. Например, избыток или недостаток влаги и тепла, наличие многолетней мерзлоты, высокогорность и пересеченность рельефа существенно снижают удельную емкость территории, тре-

буют от общества больших капитальных затрат на ее освоение и развитие.

Долгое время господствовало мнение, что СССР обладает наиболее благоприятными территориальными ресурсами. При этом учитывалась лишь количественная сторона (площадь) и не принимались во внимание экологические оценки. В ходе освоения новых территорий использовался опыт, приобретенный в староосвоенных районах с более высокими показателями емкости. Опыт, кстати, далеко не безупречный. Тем не менее предполагалось, что проблема дефицита жизненного пространства — прерогатива Японии, ряда стран Западной Европы. Но вот специалисты подсчитали: к 2010—2020 годам хозяйственная нагрузка на единицу площади европейской части СССР будет в 3—3,5 раза выше, чем в настоящее время в ФРГ, и в 2 раза выше, чем в современной Японии. Следовательно, через несколько лет мы окажемся перед проблемой дефицита территории в западных районах страны.

Опыт тех государств, которые решают эту проблему сегодня, предлагает вероятные пути выхода из критической ситуации: экспорт рабочей силы, капитала и техники, освоение Мирового океана, пустынь и высокогорий, выход в космическое пространство...

В СССР свыше $\frac{2}{3}$ площадей, подлежащих освоению в настоящем и будущем, составляют северные территории, где сосредоточено до 80% разведанных и прогнозных запасов минерального сырья, свыше 60% лесных ресурсов, 90% запасов пресной воды. Поэтому со всей определенностью можно утверждать, что наиболее реальным путем решения проблем дефицита жизненно необходимых для нас ресурсов на рубеже тысячелетий станет эффективное и долговременное освоение и развитие Севера.

Существует три десятка определений географического понятия «Север» и свыше сотни трактовок производных понятий — «северные районы», «северные территории» и др. Мы придерживаемся наиболее общей и наименее уязвимой трактовки понятия «Север», согласно которой к нему относятся расположенные в северном полушарии территории с преобладающим распространением многолетнемерзлых пород. Многолетняя (вечная) мерзлота диктует свои законы, определяя направленность и характер проявления большинства процессов естественного (тепло- и влагообмен грунтов, поверхностных и подпочвенных вод, приземного слоя атмосферы, почвенного и растительного покрова) и антропогенного происхождения — строительство и эксплуатация бытовых и технических сооружений, сельское, промышленное и лесное хозяйство и др.

К северным районам можно отнести почти половину территории страны, здесь проживает немногим менее 25 млн человек. Север — крупнейший поставщик нефти и природного газа, меди и никеля, олова и вольфрама, золота и алмазов, редких металлов, сырья для производства минеральных удобрений и многого другого.

Один из крупнейших в мире Западносибирский нефтегазодобывающий комплекс дает $\frac{2}{3}$ общесоюзной добычи нефти и свыше половины природного газа; предполагается дальнейшее развитие второго по величине — Тимано-Печорского территориально-производственного комплекса ЭТПК, который кроме угля и нефти поставит стране бокситы и титановые руды; одним из крупных в перспективе станет Южноякутский ТПК, где будут добываться не только уголь, золото и слюда, но и железные руды, апатиты, возможно, сформируется металлургическое производство; продолжают функционировать крупные промышленные узлы в Заполярье — на Кольском полуострове, в Норильске. Процесс освоения Севера идет массированно, с нарастанием темпов и мощностей. Но насколько он обеспечен научно-технически? Какова общая стратегия освоения северных территорий? Готовы ли наука и техника к еще более активному, планомерному продвижению человека в высокоширотные районы, в Арктику, для интенсификации освоения северных территорий?

Объективно говоря, не готовы. Нет общей стратегии освоения, соответствующей современному уровню развития производительных сил. Нет комплексной программы (даже на 5 лет) развития северных регионов, в частности высокоширотных, как особого типа территорий с разнообразными сочетаниями экстремальных факторов освоения; нет научных основ для разработки принципиально новых технологий и техники в северном исполнении; по-разному трактуются общие границы Севера. Сегодня практика освоения Севера на несколько лет опережает научно-информационную подготовку территории, в том числе получение данных о предельно допустимых антропогенных нагрузках в единицу времени на единицу объема и о пороговых величинах экологической емкости территории.

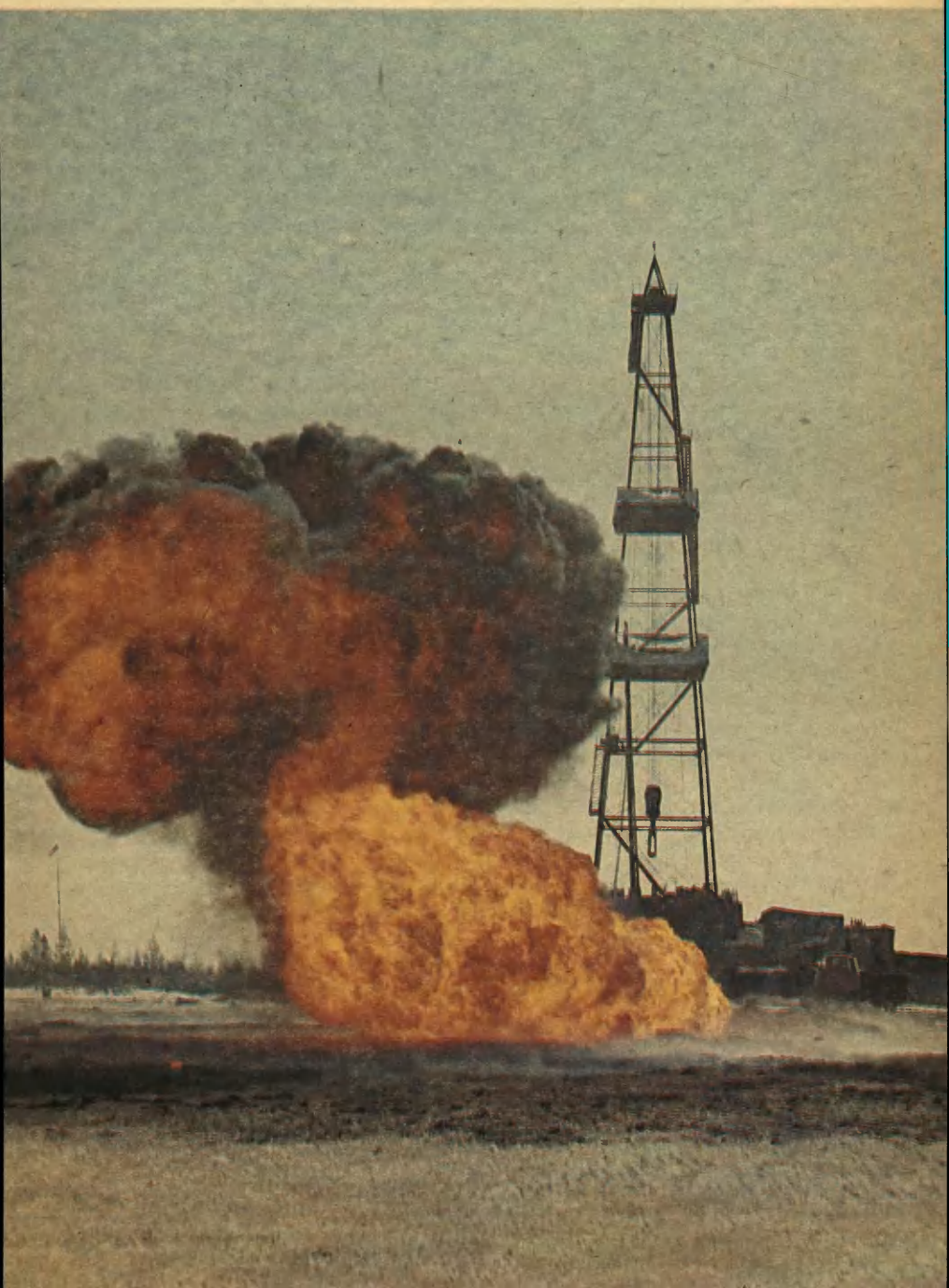
В результате этого издержки освоения повсеместно превышают допустимые пределы: высоки потери природного сырья (в факелах сжигаются миллиарды кубометров газа, в отвалах остается свыше $\frac{1}{3}$ ценных руд, изъятая в лесосеках древесина утилизируется лишь на 20—30% и т. д.); условия жизни населения в северных районах менее комфортны, чем в среднем по стране, а условия работы значительно сложнее; текучесть кадров, особенно квалифицированных, велика, приживаемость населения в целом неоправданно низка. Но основные трудности нас ожидают впереди, когда локальный, очаговый этап освоения перейдет в следующий — фронтальный, при котором в хозяйственный оборот будут вовлечены сотни тысяч квадратных километров территории, как, например, это происходит в настоящее время в зоне экономического влияния Байкало-Амурской магистрали. В определенной степени зона БАМа может служить моделью развития взаимоотношений в системе «природа — население — хозяйство» в условиях Севера, так как значительная часть ее территории относится к среднеширотным северным районам, где распространение мерзлоты не столь абсолютно, как на Крайнем Севере, но в большой

мере обуславливает природные и антропогенные процессы, а горные районы Северного Забайкалья и Южной Якутии, например, по экстремальности могут быть приравнены к высокоширотным северным районам.

Освоение зоны БАМа проходит в сложных условиях недостаточного научно-информационного обеспечения, здесь практика на 10 и более лет опережает теорию и научно-техническую подготовку территории к освоению и развитию. Так, экологические рейды, проведенные советом штаба ЦК ВЛКСМ на БАМе в 1988 году, выявили в каждом из 15 поселков от станции Икабья до города Тынды однотипные сочетания антропогенных нарушений окружающей среды, связанные с отсутствием специальной техники и технологий (например, для котельных на угле, создающих зимние смоговые ситуации), с недостаточно полной информацией о северной специфике размещения жилых и производственных объектов, об особенностях развития мерзлотных процессов на разных стадиях антропоизации территории и пр. В Тынде не были предусмотрены централизованные системы отопления и водоснабжения, необходимые в условиях котловины, где зимой застаиваются воздушные массы и все виды загрязнений (почвы, воды, приземного слоя атмосферы) концентрируются, создавая экстремальную экологическую ситуацию по 5—7 месяцев за год. Существовавший в течение многих лет поселок Тындинский с населением 2,5 тыс. человек, окруженный лесами и снабжаемый питьевой водой из рек Тынды, не нарушал природного баланса котловины, но формирование города с населением 75 тыс. человек, 128 котельными, со множеством ведомственных свалок, ведомственных дорог, для отсыпки которых грунт изымался со дна реки в черте города, с вырубкой лесов и стихийной подрезкой склонов, даже при отсутствии промышленных предприятий, привело к превышению допустимых нагрузок на территорию и вызвало дестабилизацию режимов природной системы котловины.

Еще более сложная ситуация складывается в Северном Прибайкалье, о котором также нет комплексных обобщающих работ. Здесь в непосредственной близости от Байкала на площади в несколько квадратных километров формируются сравнительно крупные территориальные сочетания бытовых и хозяйственных объектов: 4 мысовых тоннеля проложены непосредственно вдоль берега озера, растет новый город Северобайкальск, развивается порт, мощный транспортный узел (железнодорожного, речного, автомобильного транспорта), продолжает функционировать старый поселок и новая станция Нижнеангарск — I и II, активно используется акватория Байкала для перевозки грузов и пассажиров, резко увеличился поток «диких» туристов. Поскольку глубоких научных исследований, синтезирующих природоведческую и социально-экономическую информацию, не проводилось, в настоящее время трудно с уверенностью говорить о том, что природная система Северного Байкала выдержит столь значительные и разнообразные антропогенные нагрузки.

Добыча газа и нефти продвигается все
дальше в высокие широты

Те же проблемы, но в более острой, иногда критической форме встают перед практиками, продвигающимися в высокоширотные районы, в Арктику.

В целом процесс освоения северных территорий идет спонтанно, методом «проб и ошибок», затраты на все виды строительства неоправданно высоки, рентабельность сооружений и техники низка, период эксплуатации и КПД вводимых объектов всегда меньше тех, которые предполагались в начале освоения. В большой мере это связано с отсутствием общей концепции освоения северных территорий. Сегодня отечественная наука не имеет крупных, фундаментальных научных работ, синтезирующих важнейшие результаты природоведческих и социально-экономических, отраслевых и локально-районных исследований Севера, что не дает возможности разработать стратегию освоения северных районов.

О том, насколько важна общая стратегия освоения Севера, свидетельствует зарубежный опыт. Канада и США в последние годы резко активизировали работы в этом направлении, рассматривая северные регионы как существенную часть национального богатства и важный жизненный резерв территории. Созданы специальные комиссии и министерства по делам Севера, обсуждаются долгосрочные национальные программы региональной политики на Севере. В Скандинавских странах, где давно функционируют национальные центры по проблемам Севера, создан единый межнациональный орган, координирующий научные исследования и формирующий политику в северных районах.

В деле изучения и освоения Арктики СССР по-прежнему считается признанным мировым лидером. Но нельзя забывать, что Арктика — форпост освоения, передовая линия фронта, тылы же его — опорные базы в северных районах страны, которые сегодня значительно отстают по масштабам и темпам развития от передовой линии фронта освоения. Дальнейшая результативность использования арктических регионов полностью зависит от решения проблем изучения и развития северных территорий.

Считается, что свыше ста научных подразделений на нашем Севере занято исследованием актуальных проблем освоения. Однако знакомство с планами и результатами их деятельности позволяет констатировать: господствуют распыленность сил и средств, многотемье; деятельность научных подразделений не координируется, что приводит к дублированию и параллелизму в работе по основным направлениям исследований, результаты работ никем и нигде не обобщаются. До 1987 года в СССР не было единого центра работ по северной проблематике — ни бюджетного, ни хозрасчетного, ни общественного. В 1988 году в Институте экономики и организации промышленного производства СО АН СССР (Новосибирск) начались работы по обобщению и координации североведческих исследований, но они включают далеко не все необходимые направления научных исследований. Известные суперпрограммы «Сибирь», «Урал», «Дальний Восток» и другие слабо учитывают специфику северных территорий, акцентируя внимание на

более освоенных южных, прилегающих к транспортным магистралям районам.

По аналогии с функционирующими программами можно было бы развернуть работы по программе «Север», определив основной ее задачей разработку фундаментальной теории освоения и развития северных территорий. В рамках этой программы целесообразно проводить при условии строгой корреляции научные исследования по смежной проблематике: географический синтез природоведческих и социально-экономических материалов для разработки важнейших принципов региональной политики и экономики, формирования социально-бытовой инфраструктуры, строительства, создания специальной техники (в северном исполнении), новых технологий (в том числе природосберегающих), а также в области экономики, экологии, юриспруденции, социальных и демографических проблем коренного и пришлого населения, международного сотрудничества. Координацию всех этих направлений исследования в специфических для Севера аспектах и вариантах может осуществлять лишь крупное, в ранге института, научное подразделение в системе Академии наук СССР, которое будет отвечать за проведение полного объема работ целенаправленно, эффективно, без дублирования, с более высоким КПД и ускорением, соответствующим практике продвижения человека на Север.

Научные исследования в рамках программы «Север» целесообразно проводить на двух пространственно-временных уровнях — глобальном и крупнорегиональном, ориентируясь на 2000 год и более отдаленную перспективу.

В области теории и методологии североведческих исследований актуальными будут следующие направления:

— разработка понятийного аппарата «Север», обоснование ключевых географических понятий и терминов: «освоение Севера», «северные территории», «границы Севера», «Крайний и Ближний Север», «Арктика», «высоко- и среднеширотные регионы», «северные регионы (районы)», «северное ресурсопользование», «экстремальность на Севере», «северные нормативы» и др. В настоящее время расхождение в интерпретации этих понятий является серьезным препятствием к осуществлению теоретических обобщений и внедрению результатов научных исследований в практику освоения. Необходимо также научно обоснованное соотнесение отечественных трактовок наиболее распространенных понятий с зарубежными, без чего эффективное использование зарубежного опыта крайне затруднительно;

— районирование Севера, обоснование пространственно-временных уровней отображения Севера на географической карте (глобального, национального, регионального, локального; прогнозирования и планирования). Решение вопросов, связанных границами Севера и прилегающими к нему территориями, позволит упорядочить социальные, хозяйственные, инженерные, организационные, методические, правовые и другие меры по развитию Севера, станет объективной основой для разработки нормативов;

— поиск принципиально новых путей территориального перераспределения производительных сил с учетом новой роли Севера в перестройке структуры и размещения населения и хозяйства СССР. Здесь потребуются выявить и доказать возможность и необходимость размещения на Севере ряда материалоемких и энергоемких отраслей, а также отдельных экологически несовместимых с густонаселенными районами производств. Потребуется разработка принципов формирования специфических систем расселения, своеобразной транспортной инфраструктуры.

На ключевом этапе теоретических и методологических исследований предполагается создание научной концепции рационального (эффективного и долговременного) развития северных территорий. Существенное место будет занимать разработка базовых представлений о «северной территории» как о целостном комплексе природных ресурсов с более тесными и жесткими связями и зависимостями, чем у южных аналогов, что должно определять стратегию северного ресурсопользования.

Развитие методологии и общей теории североведения благоприятно скажется на теоретических региональных и основных отраслевых исследованиях проблем Севера. Так, вопросы приоритетности освоения и развития тех или иных районов ныне решаются с позиций интересов отрасли или узковедомственных местных приоритетов (богатые месторождения, острая потребность в металле, древесине). Государственные, а порой и общечеловеческие интересы при этом отодвигаются на второй план, нередко остаются за рамками планирования. Издержки такого подхода огромны:

от Урала до Тихоокеанского побережья вырублены ценнейшие кедровые леса, под угрозой загрязнения наша национальная гордость — Байкал, на дне обширных сибирских водохранилищ погребены миллионы кубометров высококачественного строевого леса, нефтяной пленкой покрыты уникальные ягельники Обского Севера — самые продуктивные олени пастбища, «лунные ландшафты» распространились вдоль всех золотоносных рек Сибири и Севера, в результате перевыпаса или неправильной распашки эродированы сельскохозяйственные земли северных земледельческих районов, увеличение антропогенной нагрузки резко повысило загораемость лесов.

В перспективе можно предположить значительное сокращение ресурсов генетического фонда живой природы на Севере. Генофонд биоты — ценнейший вид информационных ресурсов — в настоящее время здесь не учитывается и не охраняется. Вполне реальна угроза загрязнения нашей крупнейшей реки — Лены — единственной пока «нерегулированной» водной артерии Евразии. В планах и проектах освоения уже есть варианты сооружения на ее берегах крупных лесохимических комплексов, в пределах водосбора — металлургических и энергетических гигантов, включая нефтедобычу и нефтепереработку, а возможно, и мощных горнодобывающих и горнообогащительных комбинатов Минцветмета. Есть основания и для негативных прогнозов общей экологической ситуации вследствие сведения на больших площадях лесной растительности не столько за счет рубок, сколько из-за пожаров, которые ежегодно уничтожают сотни тысяч гектаров леса. Разви-

тие этих и других негативных процессов может быть предотвращено (в ряде случаев — стабилизировано или локализовано) разработкой и внедрением региональных систем природопользования на Севере; оценкой территориальных сочетаний природных ресурсов, обоснованием направлений и масштабов их освоения и развития с позиций государственной и региональной необходимости, целесообразности, приоритетности, очередности.

На первом этапе необходимо географическое обоснование экологического запаса (емкости) территории, расчет предельно допустимых антропогенных нагрузок на единицу объема в единицу времени в каждом конкретном северном регионе. Эти расчеты могут быть положены в основу разработки особых природоохранных нормативов (ПДК, ПДВ и других) для Севера.

На следующем этапе — создание северных нормативов, в комплекс показателей которых включается обоснование пороговых величин; размеров предприятий, территориально-производственных сочетаний (ТПК, промузлов), скоплений населенных пунктов, транспортных узлов. Проблема экологической совместимости предприятий, вероятных сочетаний производственных, транспортных, бытовых и других объектов, определение порогов интенсивности транспортного движения, грузонапряженности магистральных путей — все эти вопросы должны решаться на региональном уровне с учетом интересов отраслей, но не самими отраслями, как правило игнорирующими интересы районов.

Важную роль в координации научных исследований по проблемам освоения Севера будет играть формирование геоинформационных форм и создание банка данных «Север».

Таким образом, основная направленность североведческих работ должна заключаться не только и не столько в повышении ресурсообеспеченности страны за счет северных источников сырья, сколько в общем повышении уровня освоенности северных территорий, выравнивании диспропорций между перенаселенным и перегруженным производствами Югом и почти безлюдными северными районами с единичными очагами освоения. Разработка стратегии освоения Севера — важнейшего социального заказа отечественной науки — дает возможность использовать все преимущества прямой связи фундаментальных исследований с теми, которые выходят в практику природопользования непосредственно.

Северная направленность, перспективная ориентация, тесная связь фундаментальных и прикладных исследований — краеугольные камни научно-информационного обеспечения единой государственной стратегии сдвига производительных сил на Север и Восток страны.

НОВАЯ ПРОФЕССИЯ ЛЕДОКОЛА

В советских энциклопедических справочниках ледоколу дается определение как служебно-вспомогательному судну, прокладывающему путь (канал) транспортным судам в замерзающих бассейнах путем разрушения ледяного покрова для поддержания навигации. Такое определение, по нашему мнению, значительно устарело. Сегодня прокладывание канала во льду для судов — это уже только часть (хотя пока и основная) тех задач, которые приходится решать ледоколу в Арктике.

Действительно, еще 25 лет назад ледовая проводка транспортных судов являлась для него основной функциональной обязанностью. Однако в настоящее время в связи с расширением хозяйственной деятельности в регионе ледоколы выполняют уже значительный объем работ по обеспечению выгрузки грузов на необорудованное побережье и ледовые причалы, по проведению аварийно-спасательных, водолазных работ и научных исследований. Кроме того, в ближайшем будущем у советского ледокола появятся новые функции: обеспечение морских работ горнодобывающей промышленности, прокладка подводных трубопроводов, кабелей, поддержание работоспособности во льдах различных стационарных сооружений и добывающих судов (буровых платформ, сборщиков конкреций и т. п.).

Дальнейшее расширение круга обязанностей ледокола неизбежно. Оно обусловлено тем, что постоянное истощение запасов полезных ископаемых в умеренных и южных широтах вызывает смещение центра тяжести их добычи в северные районы земного шара, обладающие значительными минерально-сырьевыми ресурсами. По предварительным исследованиям на островах, шельфе и побережье Северного Ледовитого океана в советской части Арк-

тики находится до 60—70% отечественных запасов полезных ископаемых.

В Советском Союзе в настоящее время начинает активно разрабатываться континентальная часть Арктики. Однако нельзя не учитывать общих мировых тенденций: уже в 1967 году каждая четвертая тонна нефти в мире добывалась с морских месторождений, а к 2000 году процент морской добычи, по зарубежным данным, должен достигнуть 50. В свете этого необходимо отметить, что Советский Союз обладает обширным шельфом, составляющим около $\frac{1}{5}$ площади мирового шельфа. Причем подавляющая часть прогнозных ресурсов нефти и газа приходится у нас (по данным Мингео СССР) на замерзающие акватории с тяжелым ледовым режимом, суровыми природно-климатическими условиями и слабо развитой береговой инфраструктурой.

В настоящее время на отечественном арктическом шельфе (пока только в его западной части) поисково-разведочные работы проводятся обычными техническими средствами, не приспособленными к арктическим ледовым условиям, и поэтому работы эти выполняются лишь сезонно — в период открытой воды короткого полярного лета. Другими словами, практическое освоение территорий, непосредственно соприкасающихся с морской арктической средой, только начинается, и мы еще не знаем всех тех многочисленных трудностей, которые поджидают первопроходцев на этом пути.

В СССР нет собственной практики освоения арктического шельфа, зато накоплен богатейший в мире опыт ледового мореплавания. Опираясь на указанный опыт и анализ канадской практики обеспечения геологоразведочных работ в море Бофорта, можно смело утверждать, что главным препятствием в освоении богатств Арктического бассейна станут не вечная мерзлота и низкие температуры, а дрейфующие льды, которые будут срывать с якорей буровые платформы, специализированные суда и драги, разрушать основания различных стационарных сооружений и придонные участки газо- и нефтепроводов, нарушать морские транспортные потоки, препятствовать выгрузке оборудования и материалов на буровые установки, ледовые причалы и необорудованное побережье.

Отрицательное влияние арктического льда главным образом обусловлено тем, что ледовая обстановка даже в южной части морей Северного Ледовитого океана несравненно сложнее, чем в других замерзающих бассейнах, где лед за лето успевает растаять полностью. Опыт работы во льдах, накопленный, например, у острова Сахалин в Татарском проливе или даже у острова Колгуев в Баренцевом море, ни в коей мере не может автоматически переноситься на моря с многолетними льдами. Ледовая обстановка в Арктическом бассейне многогранна, неповторима. Она непрерывно изменяется в течение всего года, что затрудняет применение типовых, шаблонных приемов в решении народнохозяйственных задач.

Недооценка ледового фактора (упрощение задачи) в период закладки научных основ освоения морских месторождений полезных ископаемых в дальнейшем неизбежно приведет к серьезным технико-экономическим просчетам, к невозвратимым многомиллионным потерям государственных средств. Канадский опыт, в частности, показывает, что эффективность освоения богатств Арктического бассейна будет находиться в прямой зависимости не только от совершенства добывающего оборудования, но и в не меньшей степени от надежного, четкого функционирования целого ряда вспомогательных служб: наблюдения и ледовых прогнозов, освещения ледовой обстановки и оповещения об экстремальных природных явлениях, ледокольного обеспечения как самих работ, так и доставки текущих запасов к местам бурения.

Вспомогательное обеспечение буровых работ в арктических ледовых условиях оказалось весьма дорогостоящим. Так, например, эксплуатационные расходы канадской плавучей буровой установки типа «Куллук» достигают 600 тыс. долл. в день, а с учетом вспомогательных служб превышают миллион долларов. Другими словами, вспомогательное обеспечение буровых работ на шельфе, обусловленное суровой арктической ледовой средой, грубо говоря, удваивает непосредственные эксплуатационные затраты. В свете этого экономике вспомогательного обеспечения работ в Арктическом бассейне и его главной компоненте — ледокольному обслуживанию — должно уделяться не меньшее внимание, чем непосредственным видам деятельности.

При формировании в стране перспективных направлений ледоколостроения в связи с этим на первом месте должны стоять уже не только проблемы качественной дешевой проводки транспортных судов во льдах, но и вопросы экономической эффективности ледокольного обеспечения морских буровых программ, поскольку затраты на эти работы будут составлять значительную часть всех расходов по разведке и добыче полезных ископаемых.

Новые задачи ледокола в Арктике

Многостороннее расширение функций ледокола, наблюдающееся в настоящее время, обусловлено прежде всего появлением буровых платформ и судов на арктическом шельфе. Обеспечение их деятельности во льдах показало, что для ледокола просто колоть лед уже недостаточно — находясь вблизи буровой, он обязан решать более широкий круг задач. Эти новые задачи ледокольного флота и вытекающие из них требования к конструкции ледокола наиболее удобно рассматривать на конкретном примере функционирования во льдах плавучей буровой установки с якорной системой стабилизации, требующей наиболее квалифицированного ледокольного обеспечения.

Первой в мире морской плавучей буровой установкой (ПБУ), специально рассчитанной на шести-восьмимесячную работу в сложных арктических ледовых условиях, является канадская (япон-

ской постройки) буровая платформа «Куллук». Она имеет форму тупого усеченного конуса высотой 18,5 м. Диаметр верхней палубы — 81 м, нижней — 60 м. Шахта для бурения расположена в центре. Система стабилизации якорная: в точке бурения платформа удерживается на 12 якорях. Боковая поверхность корпуса ПБУ «Куллук» в районе ватерлинии имеет особую конструкцию, способствующую наилучшему разрушению и отводу льда. В дальнейшем этот принцип будет рассмотрен подробнее при анализе устройства носовых оконечностей канадских ледоколов.

Уже первый практический опыт работ на шельфе показал, что плавучие средства с якорной или любой другой системой стабилизации, работающие в арктических ледовых условиях, не могут и дня прожить без ледокола. Это обусловлено в первую очередь тем, что весь лед Северного Ледовитого океана (кроме припайного, образующегося в зимний период в прибрежных и мелководных районах до изобаты 20—30 м) находится в непрерывном сложном движении — дрейфе. В результате дрейфа состояние ледяного покрова арктических морей постоянно изменяется. С одной стороны, происходят разрежения льда, в результате чего образуются трещины, полыньи, разводья. С другой же стороны, наоборот, наблюдаются уплотнения льдов, вследствие чего участки чистой воды постепенно уменьшаются и исчезают совсем. Уплотнения зачастую заканчиваются сжатиями, при которых ледяные поля с огромной силой давят, наползают друг на друга, ломаются, образуют торосы.

Благодаря наличию ледового дрейфа стоящая на якорях и неподвижная относительно грунта буровая установка находится в движении относительно льда. У ее экипажа создается впечатление, что платформа непрерывно движется во льдах. Чем больше скорость дрейфа льда, тем выше «скорость» буровой, тем сильнее удары ее корпуса о лед, тем больше ледовая нагрузка на якорную систему стабилизации.

При встрече с молодым и битым льдом корпус буровой получает незначительные ледовые нагрузки. При наступлении же слабо-разрушенных полей многолетнего или пакового льда пики нагрузок на якорных канатах могут превзойти предельно допустимые значения (у первых канатов «Куллук» разрывное усилие равнялось 750 тс), что может привести к обрыву тросов, повреждению буровой колонны, к срыву якорей с грунта, к нарушению стабилизации. Чтобы этого не происходило при каждом навале ледяных полей, необходимо ледокольное обеспечение. Дежурные ледоколы должны непрерывно выискивать среди общей массы наступающего льда наиболее опасные ледяные поля и заблаговременно разрушать их на более мелкие составляющие, снижать до нормы ледовую нагрузку на корпус ПБУ, помогая ей тем самым удерживаться в точке бурения.

Ну а как быть, если наступающие поля тяжелого льда окажутся «не по зубам» ледоколу? В этом случае на буровой должны быть заблаговременно (за 1,5—2 часа) предупреждены с ледоко-

ла о надвигающейся опасности, чтобы у людей на буровой был запас времени для перехода на режим «выживания», при котором основные технические и аварийно-спасательные средства находятся в состоянии повышенной готовности, буровая колонна отсоединена от устья скважины, якорные канаты вытравлены почти полностью с целью увеличения держащей силы якорей и расширения возможности бокового уклонения корпуса буровой от обломков полей тяжелого льда.

В случае достижения предельных ледовых нагрузок, когда разрушение наступающего льда и уклонение от него оказываются невозможными, якорные канаты автоматически снимаются со стопоров и вытравливаются за борт. Буровая установка, таким образом, освобождается от системы стабилизации и начинает свой свободный дрейф вместе со льдом. В данных условиях перед ледоколом возникают новые задачи по отбуксировке буровой в место укрытия во избежание возможной посадки ее на мель, а с улучшением ледовой обстановки — по возвращению ПБУ в точку бурения и оказанию ей помощи в подъеме, установке и перестановке якорей. А это все далеко не простые задачи — ведь буровая типа «Кулрук» имеет массу более 35 тыс. т, весьма неудобную для буксировки во льдах форму, 12 якорных линий длиной по 1150 м каждая и якоря весом по 15 т.

Ледокол нужен ПБУ и в том случае, если она вмерзла в лед. Обмерзание корпуса льдом многократно увеличивает лобовое ледовое сопротивление буровой установки, а следовательно, и пики нагрузок, возникающие с началом дрейфа, особенно в момент страгивания ледяных полей. Периодическая околка ледоколом намерзающего на борта льда значительно снижает пики таких нагрузок, а значит, и вероятность нарушения стабилизации. Периодическая околка ПБУ и создание во льду в районе работ демпфирующих каналов необходимы даже при работе в припайных льдах, поскольку и в неподвижных льдах не исключены ветровые и температурные подвижки даже в самый холодный зимний период.

В Арктическом бассейне при буровых работах особого подхода требует и такая важная проблема, как охрана природы и человеческой жизни на море: если в условиях чистой воды нефтяные промыслы обеспечиваются специализированными судами аварийно-спасательной службы, то в ледовых арктических условиях весь этот флот становится беспомощным. Конечно, в случае аварии людей с буровой или со льда можно снять вертолетами, а как организовать тушение пожаров на ней, каким способом оказывать помощь при получении ледовых повреждений, какими средствами вести борьбу с аварийными разливами нефти? Многие из названных задач может и должен взять на себя ледокол.

Плавучая буровая установка — это целый промышленный поселок на воде, в котором живет и работает более 100 человек и которому для нормального функционирования требуется весь комплекс материально-технического обеспечения: от пополнения запаса труб, сменного оборудования, топлива, бурового раствора, прес-

ной воды до завоза продовольствия, кинофильмов, почты и смены вахт. Собственные запасы буровой не беспредельны — они ограничены нормами плавучести и устойчивости. В обычных морских условиях обеспечением ПБУ занимаются специализированные суда-снабженцы, в ледовых же эта задача для них оказалась непосильной.

Первый практический опыт комплексного обеспечения буровых работ на арктическом шельфе приобретен в США и Канаде, где разведочные работы ведутся уже с конца 70-х годов. Канадцы и американцы первыми столкнулись с проблемой: как организовать регулярное снабжение морских буровых установок в Арктике, как наладить их гарантированно-надежную транспортную связь с береговыми базами.

Для снабженческих целей были перепробованы буквально все возможные виды транспортных средств и различные варианты их совместного использования. При этом оказалось, что обычные суда-снабженцы даже с подкрепленными корпусами не могут самостоятельно действовать в ледовых условиях Арктики и требуют ледокольного обеспечения на всех этапах работы. Суда на воздушной подушке (СВП) становятся беспомощными в условиях многолетнего торосистого льда. Платформы на воздушной подушке (ПВП), кроме того, дополнительно требуют наличия надежных, высокоманевренных буксировщиков, подбор которых для арктических ледовых условий сам по себе оказался далеко не простым делом. Ледоколы же в традиционном исполнении к снабженческим функциям оказались непригодными вовсе. Они принимали участие в защите, околке буровых от льда, в буксировочных работах, в ледовой проводке вспомогательных судов.

О широте научно-практического эксперимента, проводимого в США и Канаде в этот период, говорит такой пример: в качестве буксировщиков для грузовых платформ на воздушной подушке использовались не только ледоколы, морские буксиры, суда на ВП, но даже и вертолеты. Кроме гарантированной надежности комплексного обеспечения буровых работ в этих поисках большое внимание уделялось экономической стороне вопроса. Так, в частности, оказалось, что доставка грузов водоизмещающими судами обходится фирмам в 2—3 раза дешевле, чем судами и платформами на воздушной подушке, и в 4—6 раз дешевле, чем вертолетам. Большая разница в экономических показателях различных способов доставки грузов требовала обязательного учета этого фактора при выработке окончательной концепции обеспечения буровых программ, тем более что стоимость морской арктической нефти и так, по расчетам, оказывалась (в зависимости от района, способа добычи и обеспечения) в 10—100 раз выше, чем добываемой в Мексиканском заливе.

Новые задачи, многогранная трудность их решения потребовали и нового мышления — нового подхода к проблемам в целом. Инженеры Западно-Канадского судостроительного консорциума поставили перед собой вопрос примерно так: раз без помощи ле-

докола в Арктике не обойтись ни в одном деле и снабжение водоизмещающими судами экономически наиболее целесообразно, то нельзя ли все обеспечение буровых работ во льдах решить с помощью одного ледокола, улучшив для этого в максимально возможной степени его технические характеристики.

Новые требования к конструкции ледокола

Такая постановка вопроса заставила переоценить потенциальные возможности ледокола как водоизмещающего вспомогательного судна. Оказалось, что если ледокол определенным образом переоборудовать, то он значительно эффективнее сможет обеспечивать буровые программы. Однако, прежде чем приспособливать ледокол под нетрадиционные работы, необходимо разработать тактико-технические требования к его будущей конструкции, наиболее полно отвечающие характеру новых задач. Разработка таких требований позволит начать сравнительный анализ старых и модернизированных ледоколов уже на этапе технического задания и благодаря этому наиболее полно осмыслить появление многочисленных нововведений.

Сложные условия работы буровых установок в арктических льдах привели к тому, что перед ледоколом встали многоплановые, несвойственные ему ранее задачи, решая которые необходимо предъявить к конструкции ледокола новые, разносторонние, жесткие требования.

Трудные условия работы «челночным способом» при разрушении полей наступающего льда потребовали от ледокола не только повышения прочности и ледопроеходимости, но и сокращения времени его разворота на обратный курс (времени оборотного момента). Управление якорями буровых платформ, защита плавучих сооружений в море, обеспечение швартовки в ледовых условиях в свою очередь обусловили необходимость многократного повышения маневренности: способности разворачиваться на месте, ходить боком, динамически позиционировать даже в условиях дрейфующего льда.

Обеспечение гарантированно-надежной доставки к местам бурения буровых и обсадных труб, запасных частей, сменного оборудования, расходных и строительных материалов подсказало идею создания на ледоколах грузовых палуб и трюмов, а с ними и установку дополнительных погрузо-разгрузочных средств. Необходимость же периодического пополнения запасов топлива, бурового раствора, пресной воды на платформах и судах в ледовых условиях потребовала, кроме того, увеличения объемов топливных, балластных и водяных цистерн.

Условия буксировки сверхтяжелых объектов, их околка от молодого намерзающего льда, оказание помощи платформам по стабилизации над точкой бурения выявили потребность в наличии на ледоколах носовых и кормовых буксирных устройств с лебедками большого тягового и тормозного усилия. Оперативная перезавод-

Ледокол «Роберт Лемур» на ледовой про-
водке

ка тяжелых якорей буровых установок со своей стороны обусловила необходимость увеличения мощности подъемных средств (лебедок) и установки дополнительного палубного оборудования.

Наконец, очевидная невозможность оказания всесторонней аварийной помощи плавсредствам в арктических льдах, кроме как с ледокола, говорит о необходимости наличия на нем современных водолазных станций, мощных средств водоотлива и пожаротушения.

Даже краткое рассмотрение перечисленных требований, их многоплановость и объем предполагаемой реконструкции позволяют сделать определенный вывод: для того, чтобы ледоколы могли успешно обеспечить выполнение буровых программ на арктическом шельфе, их проще строить заново, чем переоборудовать.

Первое время в канадской Арктике обеспечение буровых работ производилось с помощью традиционных типов ледокольных судов. Однако очень скоро выявилась острая необходимость в повышении производительности ледокола, в расширении его технических возможностей при одновременном снижении затрат на постройку и эксплуатацию. Выявившаяся на практике неприспособленность существующих ледоколов к решению большинства новых задач, большой объем необходимых работ в случае их модернизации ускорили создание «серии» принципиально новых судов арктического класса.

В результате отхода от традиционной технологии постройки в Канаде появился новый тип ледокола с такими основными отличительными чертами, как плоскопластинчатая обшивка корпуса, вертикальные параллельные борта в средней части судна, упрощенная ложкообразная или полуложкообразная форма носа с острыми скулами, непосредственная передача мощности от дизелей через редуктор на винт регулируемого шага. Особенности технического исполнения ледоколов этого типа можно рассматривать в сопоставлении с новыми задачами и требованиями.

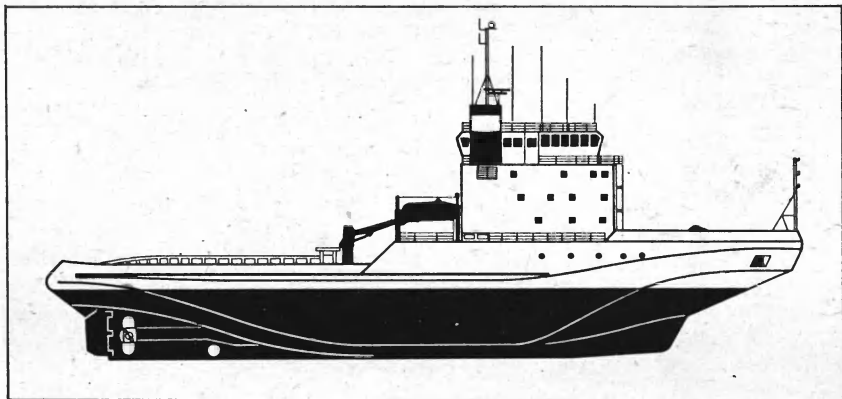
Повышение ледопроеходимости

Прежде всего необходимо остановиться на главном для ледокола качестве — ледопроеходимости, под которой понимается способность судна продвигаться в сплошных или битых льдах при работе главных двигателей на полную мощность. Ледовая ходкость ледокола, так называют иногда его ледопроежимость, измеряется максимальной толщиной сплошного ровного бесснежного льда, в котором он может продвигаться с минимально устойчивой скоростью в 2—3 узла.

У канадцев ледопроежимость измеряется в футах (1 фут = 0,305 м). Ледопроежимость судна задается еще техническим заданием на постройку, исходя из планируемых навигационных сроков его работы в Арктике и характера предстоящих задач. Каждому канадскому судну, работающему в Арктике, устанавливается тот или иной арктический ледовый класс, в котором численная величина соответствует ледопроежимости в футах. Так, напри-

мер, ледокол «Икалук», имеющий четвертый класс, должен иметь ледопроходимость не менее 1,22 м, а ледокол «Роберт Лемур» третьего класса — не менее 0,92 м. Если же будет построено судно десятого канадского арктического класса, то его ледопроходимость будет превышать 3 м.

Постановочный буксирный ледокол «Терри Фокс» (класс 4)

Фактическая ледовая ходкость почти у всех разновидностей новейших канадских ледоколов оказалась значительно выше расчетной. Так, в 1980 году первый из них, «Канмар Кигорьяк», во время зимне-весенних испытаний смог непрерывно продвигаться во льду толщиной 1,7—1,8 м, «Роберт Лемур» не раз достигал в эксплуатации ледопроходимости 1,4—1,5 м, а самый мощный из этой серии, «Терри Фокс», со слов его капитана Питера Киммерли, успешно преодолевает сплошные льды толщиной до 2 м.

Первые сообщения о ледовой ходкости ледокола «Канмар Кигорьяк» в 1980 году воспринимались как рекламно преувеличенные. Однако уже в 1982 году в печать поступили сведения о новой сенсации: переоборудованный фирмой «Тиссен нордзееверке» (ФРГ) небольшой портовый ледокол «Макс Вальдек» мощностью всего 2280 кВт с понтонообразной носовой оконечностью на зимних испытаниях в Балтийском море показал еще более удивительные результаты: для движения в сплошном ровном льду ему потребовалась почти в два раза меньшая мощность, чем обычному судну этого типа. К удивлению невозмутимых финских лоцманов, обеспечивающих плавание в Ботническом заливе, «Макс Вальдек» с ходу преодолевал торосы с осадкой «ледового киля» до 4 м, без остановок проходил через участки подсаженного льда, в которых даже более мощные суда застревали и теряли ход.

Высокие эксплуатационные и экономические показатели «Канмар Кигорьяк» и «Макс Вальдек» привлекли внимание морепла-

вателей всего мира. Летом 1986 года по заказу В/О «Судоимпорт» советский ледокол «Мудьюг» был оснащен в ФРГ на судовой верфи города Эмден новой носовой понтонообразной оконечностью по типу ледокола «Макс Вальдек». Заказом предусматривалось увеличение ледопроеходимости «Мудьюг» в 1,5 раза. Ледовые испытания, проведенные в апреле следующего года в районе архипелага Шпицберген, подтвердили правильность замыслов западногерманских конструкторов: ледопроеимость судна действительно увеличилась с 0,9 до 1,34 м, что соответствовало техническому заданию на модернизацию.

За счет чего же специалистам Западно-Канадского судостроительного консорциума и фирмы «Тиссен нордзееверке» удалось почти одновременно создать относительно небольшие ледоколы с поразившей мир ледопроеимостью, приближающейся по абсолютным величинам к современным линейным ледоколам? Как и в любом деле, для того чтобы понять главное, необходимо отбросить мелочи. Мы умышленно не будем рассматривать такие технические решения, как гидropневмообмыв корпуса, смачивание заснеженного льда водой в зоне рабочего контакта, снижение коэффициента трения льда о корпус судна за счет применения новейших красок и нержавеющей поверхностей — все они действительно имеют место и способствуют улучшению ледовой ходкости, но значение их в этом вопросе несущественно. Кроме того, все они уже давно и одинаково успешно применяются на многих современных ледоколах и судах арктического плавания.

Главную причину резкого повышения ледопроеимости канадских и западногерманских ледоколов следует искать не в особенностях конструкции корпуса, носовой оконечности и их отдельных деталей, а прежде всего в самой принципиальной идее (способе) разрушения льда. Известно, что конструкции могут быть самыми разнообразными при одной и той же принципиальной основе, и, наоборот, один и тот же способ разрушения льда в практике проектирования может быть реализован множеством конструктивных решений.

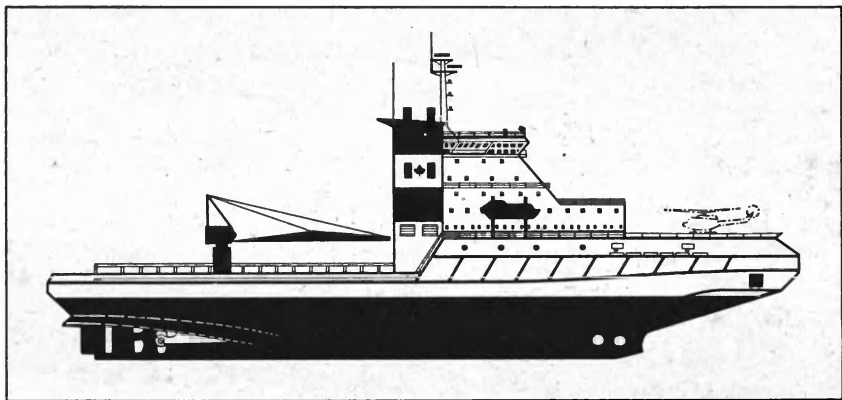
Хотя конструктивно ледоколы «Канмар Кигорак» и «Макс Вальдек» выполнены совершенно непохожими, но по способу разрушения льда они наиболее близки друг другу. Конструкция ледокола «Макс Вальдек» многое проясняет в понимании принципиальных основ повышения ледопроеимости и проведении сравнительной оценки этих качеств у традиционных и новейших ледоколов.

Принцип разрушения льда, используемый канадскими и немецкими конструкторами, необычайно прост и далеко не нов. Он известен человечеству еще с доисторических времен. Основная суть его заключается в двух моментах: во-первых, разрушать лед на крупные блоки гораздо легче, чем дробить его на мелкие составляющие, во-вторых, разрушенный лед намного проще утапливать, чем вынимать из воды. Тем, кто работал на лесосплаве или на заготовке технического льда, нет необходимости доказывать с по-

мощью элементарных расчетов правоту этих положений — настолько для них физически осязаема разница в энергозатратах этих видов деятельности.

Исходя из этого, при проектировании ледокола нужно стремиться к тому, чтобы весь разрушенный лед утапливался и куски

Линейный трехвинтовой ледокол (класс 8, проект)

утапливаемого льда были при этом максимально крупных размеров. Прежде чем перейти к рассмотрению конкретных конструкций, позволивших наиболее удачно реализовать эту идею, необходим короткий экскурс в историю самых первых ледокольных судов — хорошо понять новое можно только в сравнении со старым.

Первые суда, предназначенные для плавания во льдах, почти не отличались формой подводной части корпуса от обычных транспортных судов своего времени с вертикальными форштевнями и прямостенными бортами. Они имели в районе переменной ватерлинии утолщенную обшивку, уплотненные, особенно в оконечностях, шпации, усиленные шпангоуты, винты и рули. Для преодоления дополнительного ледового сопротивления на них устанавливались более мощные паровые машины. В качестве отличительного признака такие суда имели более заостренную (в плане) носовую оконечность. Принцип разрушения льда таким заостренным носом с вертикальным форштевнем назывался ледорезанием, а сами суда — ледорезами. Типичным представителем такого типа судов в России являлся ледорез «Федор Литке», закупленный в Канаде в 1914 году.

При работе в битых разреженных льдах ледорезы показывали вполне хорошую ледопроездимость. Ударяя клинообразным носом, как колуном, отдельно плавающие льдины, они раскалывали их на обломки, которые в дальнейшем разводились в стороны прямостенными скулами. Однако с продлением навигации, когда по-

явилась необходимость работы и в условиях сплошного достаточно толстого льда, принцип ледорезания себя не оправдал.

Процесс разрушения ледорезом сплошного ледяного поля выглядит уже совершенно иначе: при упоре вертикального форштевня в кромку поля происходит сминание льда, причем вблизи его горизонтальных плоскостей в значительной степени наблюдается скалывание, а в средней части дробление. По мере углубления носовой оконечности ледореза в лед аналогичный процесс разрушения льда идет непрерывно по обоим бортам вплоть до самой широкой части судна.

Ледяное поле при таком способе разрушения испытывает большие боковые давления, в результате которых во льду образуются многочисленные далеко идущие трещины. Сильно размельченный ледорезом лед частично выдавливается на поверхность нетронутого льда, частично загоняется под кромку канала, частично набивается между корпусом и кромкой, создавая ледовую подушку и увеличивая трение. Ледорезный принцип для разрушения сплошных льдов оказался непригодным ввиду чрезмерной энергоемкости.

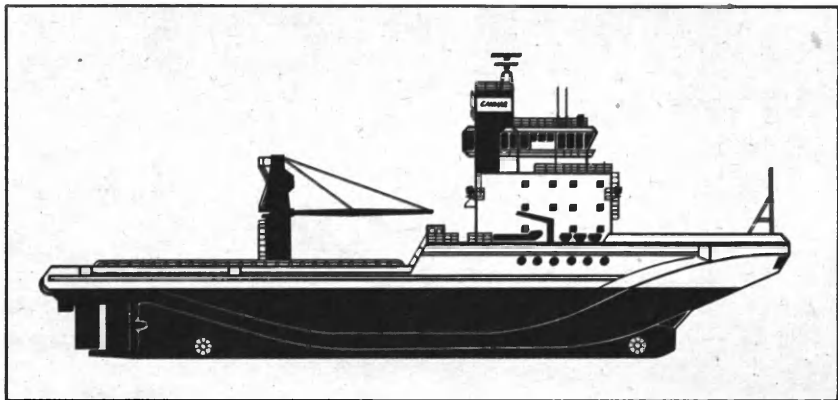
В конце XIX столетия в России, Германии, США появляются суда с сильно наклоненным форштевнем (угол наклона $25-30^\circ$). Эти суда благодаря наклонному форштевню значительную часть льда уже не дробили, как ледорезы, а кололи его, продавливая вниз, за счет своей тяжести. Ледовое сопротивление у таких судов по сравнению с ледорезами значительно снизилось. Суда с наклонным форштевнем получили название ледоколов.

Ледокольные суда с наклонным форштевнем окончательно не изменили ледорезному принципу: продавливание льда у них ярко выражено лишь на коротком участке носовой оконечности, только в районах, непосредственно прилегающих к форштевню; в местах же перехода носовой части корпуса в мидель, где линии обшивки почти вертикальны, процесс разрушения льда практически не изменился. Это хорошо видно на снимках, где зафиксированы рабочие моменты разрушения сплошного поля двумя традиционными ледоколами разных поколений. Лед у них, как и у ледорезов, раздвигается в стороны. При этом часть разрушенного льда выдавливается из воды наверх, отдельные льдины зачастую становятся вертикально, а на поверхности сплошного ледяного поля появляются трещины.

Закончив исторический экскурс в ледоколостроение, вернемся к судну «Макс Вальдек», на котором впервые в 1982 году установлена понтонообразная носовая оконечность, и посмотрим, как на нем конструктивно внедрена разобранная выше идея утапливания крупноразмерных кусков льда. Благодаря плоскому сильно наклоненному носу (угол наклона $15-20^\circ$) обеспечивается свободное одновременное наплзание ледокола на лед всей шириной понтона. При достижении определенного вертикального давления со стороны носа на лед последний разрушается крупными блоками и подталкиваемый наступающим еще не тронутым льдом скользит по днищу понтона вниз.

Все остальные элементы конструкции носа имеют вспомогательное значение и служат только для упорядочения процессов разрушения, притапливания и развода льда в подводном положении: боковые ножи, как алмазы стекольщика, намечают на поверхности нетронутого льда ширину будущего канала; центральный нож прово-

Управляющий якорем грузовой ледокол
«Канмар Кигорак» (класс 3—4)

дит линию раздела намеченной полосы пополам; ледоразводящий клин придает инерцию поступающему в это место льду в боковом направлении. В динамике процессы разрушения, притапливания и отвода льда под кромку канала при движении ледокола вперед следуют друг за другом непрерывно, напоминая работу хорошо отлаженного конвейера. На поверхности канала, созданного таким ледоколом, остается не более 30% разрушенного льда.

Таким образом, ледокол с понтонообразным носом уже полностью отошел от ледорезного принципа: лед на стадии разрушения у него совершенно не раздвигается в стороны, а полностью продавливается вниз; дробление и скалывание при таком взаимодействии корпуса со льдом сведены к минимуму. Более ста лет потребовалось человечеству, чтобы пройти путь от первого в мире кронштадтского ледокольного парохода «Пайлот» до ледокола «Макс Вальдек». А ведь, казалось бы, все так просто.

Достаточно условно, но можно себе представить, что понтонообразный нос есть не что иное, как нос ледореза, опрокинутый на один борт. А если так, то напрашивается и парадоксальный вывод: упомянутые сто лет потребовались изобретателям на то, чтобы повернуть нос ледореза в вертикальной плоскости на 90° с целью изменения способа разрушения льда. В действительности же, конечно, все намного сложнее. Технический прогресс в ледоколостроении сдерживался целым рядом объективных и субъективных причин, и прежде всего низким уровнем материально-технической базы научных исследований в этой области.

Справедливости ради следует отметить, что идея разрушения льда продавливанием все эти годы не давала покоя изобретателям. Только в СССР за последние 60 лет заявлено около десятка изобретений на эту тему. Так, например, в 1928 году В. А. Подъяпольским получено авторское свидетельство СССР (№ 9667) на ледокольную насадку на носу судна, имеющую все основные элементы понтонообразной формы, в 1959 году Г. М. Текучевым (а. с. СССР № 125735) заявлен речной ледокол с понтонообразным носом, ледорезными ножами и водометной ледоотводящей установкой. С 1969 года в СССР успешно проводятся натурные испытания разнообразных ледокольных понтонообразных приставок, толкаемых буксировщиками, а с 1978 года начато серийное изготовление одной из них (ЛЛП-18), предназначенной для раннего вскрытия льда и продления навигации на реках.

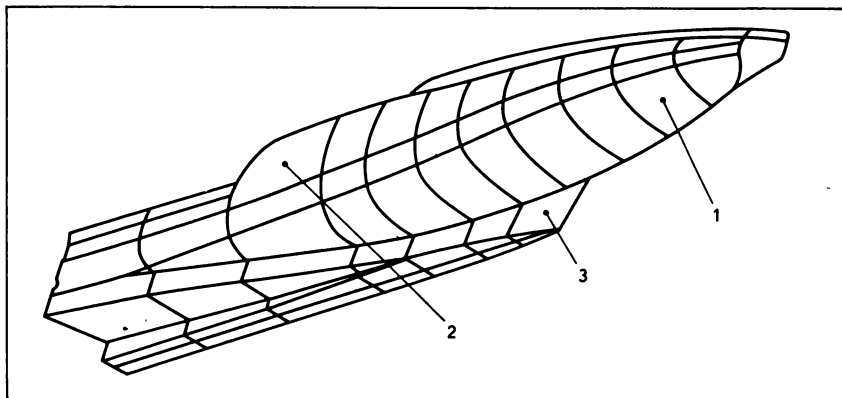
Теперь, после того как появилось представление о технологии разрушения льда ледорезом и ледоколом с понтонообразным носом, значительно упрощается задача по рассмотрению и других форм носовой оконечности. Дело в том, что все остальные известные носовые ледокольные конструкции, такие, как: «Уайт-бау» — танкер «Манхеттен» (США), «Мелвилл-бау» — балкер «Арктика» (Канада), цилиндрическая ледокольная приставка буксира «Протектор» (Финляндия), ложкообразные и полуложкообразные носовые формы новейших канадских ледоколов являются не чем иным, как переходными промежуточными формами между ледорезной и понтонообразной конструкциями с различной долей разрушения льда продавливанием.

Канадский ледокол «Канмар Кигорьяк» по своим характеристикам оказался наиболее близким к «Максу Вальдеку». Основное различие между ними заключается в том, что «Канмар Кигорьяк» разрушает лед не плоской, а выпуклой (ложкообразной) поверхностью. Остальные же процессы совершенно идентичны: продавленный ложкой лед попадает под днище ледокола, откуда с помощью ледоразводящего клина отводится в стороны. У ложкообразного ледокола, так же как и у понтонообразного, наибольшая ширина корпуса смещена в нос, где наблюдаются выступающие скулы, предназначенные для дополнительного разрушения льда, расширения канала и снижения сил трения средней части корпуса о кромки нетронутого льда.

Очевидно, что процессы колки, притапливания и отвода льда у ложкообразных ледоколов протекают несколько хуже (более хаотично), чем у судов с понтонообразным носом, что и подтверждается материалами научных конференций. Однако очевидно и то, что у ложкообразных ледоколов в процессе разрушения льда преобладает продавливание, что делает их по энергозатратам значительно более эффективными, чем традиционные суда. Об этом свидетельствует, в частности, и полное отсутствие у новых канадских ледоколов визуальных признаков ледорезного способа разрушения льда, так отчетливо наблюдающихся у традиционных ледоколов. На снимке запечатлен рабочий момент ледовой проводки бурового

судна в припайных льдах моря Бофорта ледоколом нового поколения с ложкообразной носовой оконечностью. Как видим, торшение льда в районе скуловых обводов отсутствует полностью, нет на поверхности ледяного поля и характерных для ледорезного принципа расходящихся трещин.

Носовая оконечность ледокола «Канмар Кигорак»: 1 — участок ложкообразной формы; 2 — выступающая скула; 3 — ледоотводящий клин

Провести достаточно точный сравнительный анализ ледового сопротивления трёх рассматриваемых ледоколов не представляется возможным, потому что никогда еще в мире не проводилось одновременных натурных испытаний разнотипных судов с одинаковой шириной корпуса. Расчетные же данные не дают точной картины ввиду большого непостоянства физико-механических свойств льда. Тем не менее наглядное грубое сравнение энергетических затрат на преодоление ледового сопротивления у ледоколов с различными носовыми оконечностями вполне возможно.

Даже невооруженным глазом видно, что ближе всего к ледорезному типу находится традиционный ледокол, имеющий наибольшую длину разрушающей рабочей поверхности, большая часть которой осуществляет дробление и скалывание. У понтонообразного носа — наоборот, длина рабочей поверхности минимальна, причем разрушение льда состоит практически из одного продавливания. Ложкообразный же нос имеет средние показатели как по длине рабочей поверхности, так и по способам разрушения льда.

Количественное сравнение энергозатрат по отдельным компонентам ледового сопротивления выполнено из расчета, что у традиционного ледокола их сумма равна 100 условным единицам мощности. Снижение энергозатрат до 40 на продавливание у понтонообразного носа объясняется уменьшением длины рабочей поверхности и упорядочением процесса нарезания более крупных плит льда. Увеличение расходов на трение у ложкообразного и понто-

нообразного ледоколов вызывается повышением нагрузки на «подводный ледовый конвейер» по притапливанию и отводу льда в стороны.

Полуложкообразный нос канадских ледоколов в отличие от ложкообразного не имеет выступающих скул. Тупой нос у него переходит непосредственно в вертикальный борт. Отсутствие более широких скул приводит к некоторому увеличению энергозатрат на трение.

Теперь, когда мы разобрались с носами канадских ледоколов, наступило время вспомнить про днище буровой установки «Кул-лук». На конической части корпуса ПБУ по всему периметру ватерлинии установлены (радиально) 24 полуложкообразных ледокольных носа. Таким образом, с какой бы стороны лед ни наступал на буровую, он попадает под нос ледокола и разрушается продавливанием. Затем по боковой конусообразной поверхности лед притапливается, обходит цилиндрическую буровую шахту и всплывает с противоположной стороны платформы.

Теперь несколько слов о форме корпуса и прочности новых канадских ледоколов. Традиционно считалось, что яйцевидная форма подводной части судна с абсолютно гладкими переходами — наилучшее решение в преодолении ледовых нагрузок. И вдруг все наоборот: вертикальные параллельные борта с прямыми скулами, плоское ступенчатое днище, большое количество плоских поверхностей, прямоугольной формы надстройка.

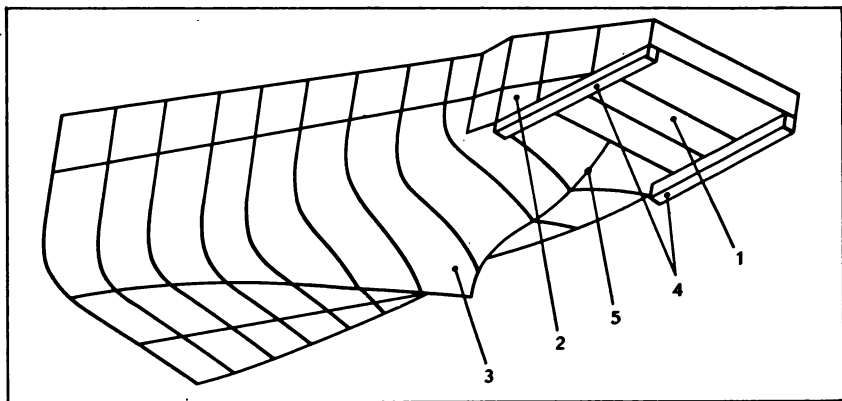
Когда смотришь на канадский ледокол, непроизвольно представляется, что он собран из детских кубиков. В то же время ощущается полная гармония и архитектурная законченность. Канадским инженерам удалось при упрощенной форме отдельных деталей конструкции добиться строгой элегантности общего вида ледокола.

Как ни странно, но и при такой «плоскоступенчатой» форме корпуса канадцы сумели обеспечить высокую прочность своих судов. Это достигнуто прежде всего конструкцией набора: сочетанием часторасположенных продольных и поперечных переборок, перекрестным расположением рамных шпангоутов, применением высокопрочной низкотемпературной стали, сохраняющей свои прочностные качества при температуре до минус 60°C.

В материалах Международного симпозиума «Ледовая техника-84» приводятся сведения о натурных испытаниях ледоколов «Кигорьяк» и «Лемур» при работе их набегами на однолетние и многолетние льды. Максимальная скорость при этом достигала 15 узлов! Никогда еще в мире в исследовательских целях суда не набегали на лед с такой высокой скоростью. «Кигорьяк», кроме того, «наскакивал» даже на стамуху, сидящую на грунте на глубине 25 м. Испытания проводились фирмой «Канмар» и Береговой охраной Канады и позволили получить обширный материал по ледовым напряжениям в корпусных конструкциях, который используется при создании современных ледоколов и арктических судов.

Буквально все без исключения новые функции ледокола в Арктике требуют многократного повышения его маневренности. Казалось, выполнить это условие практически невозможно — ведь

Носовая оконечность ледокола «Макс Вальдек»: 1 — понтонообразный участок носа; 2 — выступающая скула; 3 — ледоотводящий клин; 4 — боковые ножи; 5 — центральный нож

работающие во льдах суда как раз и ограничены больше всего в свободе маневра. Кто плавал во льдах, тот знает, что судно не всегда идет туда, куда его направляет судоводитель. Зачастую даже ледоколом управляет не человек, а лед. В частности, традиционному ледоколу из-за яйцевидной формы подводной части корпуса бывает трудно свернуть в уплотненную или смерзшуюся кромку канала, нелегко пройти параллельным курсом рядом с готовым каналом.

Ограничение маневренности старого ледокола во многом обусловлено ледорезным принципом разрушения льда, благодаря которому всегда присутствуют силы бокового воздействия ледяного поля на оконечность судна. В упомянутых выше случаях силы этих ледовых реакций с разных бортов оказываются неуравновешенными, что, с одной стороны, и не дает возможности ледоколу выйти из канала, а с другой — сбивает его обратно в русло канала, если он пытается следовать рядом с кромкой.

Канадские судостроители успешно справились с задачей повышения маневренности своих судов. Они решили ее за счет изменения геометрии подводной части корпуса, повышения энергооснащенности установок, перехода на новую, более приемистую систему движителей, применения специальной управляющей ледовой системы и различных подруливающих устройств.

У новых канадских ледоколов не только нос, но и корма имеет

ложкообразную, почти плоскую форму. Благодаря этому резко уменьшается боковое сопротивление развороту судна во льдах. Такие оконечности уже не раздвигают и уплотняют лед, а поднимают его под себя и пропускают под днищем. Задача рулевого управления при этом намного облегчается: судно уже при меньших углах атаки успешно врезается в кромку канала, более круто разворачивается на обратный курс как в битых, так и в сплошных льдах. Благодаря почти полному отсутствию боковых ледорезных реакций новые ледоколы свободно удерживаются на курсе, параллельном направлению канала при его расширении, а следовательно, работая в паре, могут успешно проводить во льдах крупнотоннажные суда.

Повышение маневренности, а также ледовой ходкости, естественно, обеспечивается и высокой энергонасыщенностью: сравнительно небольшие по размерам новые канадские суда в два раза превосходили по мощности на тонну водоизмещения дизель-электрические линейные ледоколы «Москва» и «Капитан Сорокин» и сравнивались по этому показателю с атомоходами типа «Арктика». Так, например, «Терри Фокс» водоизмещением 7 тыс. т имеет мощность 16 900 кВт, а «Капитан Сорокин» при водоизмещении 14 500 т — 16 200 кВт.

К факторам, улучшающим маневренность новых судов, следует отнести и полный переход их на винты регулируемого шага (ВРША). Не станем перечислять все преимущества этого прогрессивного типа движителя, рассмотрим только те из них, которые повышают эффективность ледокола в выполнении его основных задач.

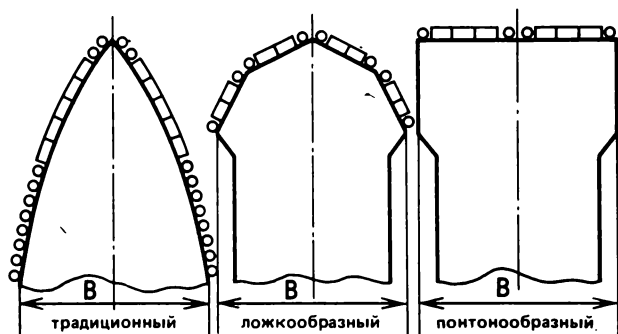
Во-первых, у судов с ВРША управление главными машинами производится с верхнего мостика, что наиболее полно соответствует условиям плавания во льдах: позволяет оперативно реагировать на непрерывно изменяющуюся обстановку. Во-вторых, время реверсирования мощности энергетических установок с винтами регулируемого шага весьма незначительно. Оно зависит только от технических возможностей и инерционности системы гидравлического привода разворота лопастей. Наконец, ВРША благодаря большому диапазону разворота лопастей позволяют повышать экономичность всех промежуточных скоростных режимов, а главное, что очень важно для ледовых условий, увеличивать силу тяги (до 30%) на минимальных скоростях при движении в сплошном льду и при буксировке тяжелых объектов, например ПБУ.

Самое опасное для любого винта — встретиться с тяжелой льдиной в зафиксированном положении. Прогиб или облом лопасти в этом случае неизбежен. Теорией доказано, а практикой подтверждено, что вращающийся винт намного легче уклоняется от тяжелого льда и более безболезненно переносит ледовые воздействия. У винтов с фиксированным шагом каждый реверс сопровождается изменением направления вращения валовинии, а значит, и возможными ледовыми повреждениями. Винт же регулируемого шага обладает очень важным положительным ледовым каче-

ством: он не останавливается и не меняет направления своего вращения в течение всего периода плавания. С этой точки зрения ВРШа в настоящее время является идеальным типом ледового винтового движителя.

В практике судостроения винты регулируемого шага, однако,

Энергетические затраты у разных типов ледоколов на создание канала во льду одинаковой ширины

Дробление и скалывание

55

10

5

Продавливание

45

60

40

Трение

0

10

15

Итого:

100

80

60

Условные обозначения: — область дробления и скалывания;

 — область продавливания льда.

не сразу заняли подобающее им место — длительное время считалось, что они недостаточно прочны для арктических условий, особые сомнения вызывали системы управления, размещенные в ступице.

В период эксплуатации первых ВРШа во льдах на американских ледоколах типа «Полярная звезда» эти сомнения подтвердились: часто выходили из строя механизмы разворота лопастей. Первые канадские ледоколы имели ВРШа только в насадках, понижающих пики ледовых нагрузок на лопасти примерно в три раза. Однако в дальнейшем, увеличивая размеры ступицы винта, изменяя профиль лопастей, совершенствуя механизм изменения шага, канадцы добились очень высокой степени надежности этих винтов.

Самые мощные ледоколы новой серии «Терри Фокс» и «Калвик» имеют уже открытые винты регулируемого шага. Отсутствие насадок исключает возможность забивания их льдом, пони-

жает сопротивление боковому перемещению кормы и тем самым увеличивает поворотливость и управляемость этих ледоколов, особенно на заднем ходу.

Ледовая защита насадок и винтов у новых ледоколов на заднем ходу обеспечивается установкой стопперов, предотвращающих выталкивание кормы на толстый лед, и плоских бортовых рассекателей — ледовых юбок, дополнительно разрушающих лед и направляющих его основную массу выше винтов и насадок. Кстати, ледовая юбка аналогичной конструкции диаметром 44 м установлена и в нижней части платформы «Кулрук» для защиты буровых колонн и якорных канатов.

Управляемость ложкообразного ледокола при создании и расширении канала вполне обеспечивается особой геометрией корпуса, высокой маневренностью энергетической установки с ВРША и рулевой машиной в традиционном исполнении. При заводке же якорей буровой установки, ее буксировке и околке, швартовках в ледовых условиях требуются уже более мощные боковые усилия. Для этой цели все новые ледоколы обеспечены подруливающими устройствами большой мощности. Так, «Канмар Кигорьяк» имеет два таких устройства: носовое и кормовое по 800 кВт каждый. Кроме того, для обеспечения динамического позиционирования канадцы начинают применять вместо традиционных подруливающих устройств с винтами в поперечной шахтной трубе электрогидрометные установки (ЭГУ) с регулируемым побортно потоком и управляемыми поворотными выходными дефлекторами (соплами), что позволяет использовать ЭГУ в качестве действенного подруливающего устройства, а бортовые сопла — как реактивные толкатели для отвода льда.

Управление новым канадским ледоколом, как правило, производится одним человеком при помощи единственной рукоятки, на которую посредством ЭВМ выведено управление рулями, винтами, подруливающими устройствами, гидрометными установками и их дефлекторами. Все это дает возможность удерживать судно в заданной точке даже в свежую погоду и легко маневрировать при околках, швартовках, при взятии судов на буксир и якорных операциях.

Расширение снабженческих возможностей

Если бы пришлось приспособливать старый ледокол под новые снабженческие функции, то от традиционной ледокольной архитектуры судна ничего бы не осталось. Дело в том, что ледокол, как таковой, никогда специально не готовился к снабженческим операциям. Больше того, исторически сложилось неписаное правило, что главная задача ледокола — создание канала во льду и проводка по нему судов, а все остальные дополнительные функции несвойственны ледоколу и не должны выполняться, тем более в обязательном порядке. Не случайно традиционные суда не имеют грузовых палуб и трюмов, не рассчитаны на перевозку больших

объемов жидких грузов, а все свободное пространство у них используется для увеличения собственных запасов и улучшения бытовых условий экипажа.

Здесь можно возразить, что ледоколу необходима большая автономность, что для его экипажа, насчитывающего более ста человек, в условиях длительного плавания и высоких широт требуются особые условия труда и отдыха: нужны бассейны, финские бани, спортивные площадки и т. д. Но ведь, с другой стороны, все это необходимо и остальным морякам, плавающим в Арктике, и ледокол сам по себе не спортивно-оздоровительный комплекс, а производственный объект, причем вспомогательного назначения, который обязан давать максимальную отдачу от вложенных в него народных средств.

В начале своей карьеры ледокол не мог возить грузы — клепанные тяжелые корпуса, громоздкие угольные котлы с низким КПД. крупногабаритные поршневые паровые машины обуславливали необходимость использования всего запаса дедвейта под угольный бункер с целью увеличения автономности и дальности плавания. О перевозке грузов ледоколами в то время не могло быть и речи.

В ходе же технической революции появились новые возможности: с переходом на сварную технологию изготовления корпусов, на более прочные и легкие материалы, на мазутное, дизельное и даже ядерное топливо можно было значительно увеличить грузовые показатели ледокола, но этого не происходило в силу упомянутой выше концепции.

Более того, начали проявляться уже и аномальные явления: постоянное увеличение ширины корпуса линейных ледоколов как

главного инструмента создания канала во льду приводило к соответствующему увеличению длины и осадки и превратило их в крупные, но порожные суда. Кажется парадоксальным тот факт, что крупнейшие в стране ледоколы водоизмещением более 20 тыс. т имеют в графе «грузоподъемность» прочерк. Для сравнения: новый канадский ледокол подобного водоизмещения может взять на борт уже до 8 тыс. т груза. Традиционные ледоколы, со снабженческой точки зрения, можно назвать судами неиспользованных возможностей.

Посмотрим, как же Канадский судостроительный консорциум решил эту задачу. Перейдя на непосредственную передачу мощности от дизелей на винты регулируемого шага, конструкторы значительно уменьшили в весовом и объемном отношениях энергетическую установку, упростили условия ее эксплуатации, сократили почти в два раза обслуживающий персонал. Сокращению численности экипажа, безусловно, способствовало и широкое применение автоматики и электронно-вычислительной техники. Все это позволило уменьшить объем жилых и служебных помещений, облегчить надстройку и переместить ее в нос, высвободив тем самым место в кормовой части судна под грузовую палубу. Наконец, компактное размещение практически в одном отсеке уменьшенного числа механизмов и агрегатов энергетической установки высвободило внутренние пространства под грузовые трюмы, топливные, балластные и водяные цистерны повышенных объемов.

Таким образом, размещение на ледоколе грузовых палуб, трюмов, цистерн различного назначения, больших площадей и объемов дало возможность судовладельцам варьировать грузоподъемностью своих судов, беря на борт в зависимости от потребностей буровых установок то одни, то другие, то третьи виды твердых или жидких грузов.

Совершенствование палубных устройств и механизмов

Многостороннее расширение вспомогательных функций ледокола потребовало совершенствования его палубного оборудования. Прежде всего это касается буксирных устройств. Все новые канадские ледоколы оснащены мощными современными многоцелевыми, как правило, трехбарабанными буксирными лебедками. Максимальное тяговое усилие при натяжении буксирного троса достигает у них 100 тс, а держащее усилие фрикционного тормоза — 400 тс. Для сравнения: у наших линейных ледоколов эти показатели составляют соответственно 60 и 200 тс.

Многие ледоколы к тому же имеют не только кормовые, но и носовые буксирные устройства, что позволяет им осуществлять буксировку во льдах, как традиционным для ледокола способом — на коротком буксире и вплотную, так и толканием впереди себя. Носовые буксирные отбойные кранцы снижают вероятность получения повреждений в случае навала на буксирную установку при околке ее от намерзающего льда.

Для операций с якорями и якорными канатами ПБУ ледоколы имеют специальные роульсы, стопора, битинги и якорные лебедки с тяговым усилием до 200 тс. Разместить на верхней палубе большое количество вспомогательных механизмов и приспособлений различного назначения без взаимных помех, при одновременном дефиците палубного пространства оказалось достаточно сложным делом. Для того чтобы элементы буксирных и якорных устройств не мешали проведению грузовых операций и работе друг друга, некоторые из них выполнены убирающимся гидравлическим приводом, в нерабочем положении, заподлицо с грузовой палубой.

Для выполнения погрузочно-разгрузочных работ судовыми средствами в условиях необорудованного побережья и открытых рейдов все рассматриваемые канадские ледоколы имеют грузовые краны или кабестаны или то и другое вместе. Так, например, «Канмар Кигорак» имеет 20-тонный электрокран и 2 кабестана, а на планируемых к постройке ледоколах 8-го и 10-го классов предусматривается установка 100-тонных грузовых кранов.

Как видим, все без исключения новые канадские ледоколы имеют достаточные технические возможности для выполнения всего комплекса работ по вспомогательному обслуживанию буровых установок. Они могут буксировать ПБУ, перезаводить ее якоря, доставлять для нее твердые и жидкие грузы, защищать от наступающего льда, окалывать и т. д. Хотя в персональном названии ледокола и заключено его основное назначение, тем не менее каждый из них может выполнять весь комплекс вспомогательных работ не только по обеспечению буровых программ, но и по ледовой проводке судов в период навигации.

Расширение аварийно-спасательных возможностей

Нет необходимости объяснять значение аварийно-спасательного обеспечения морских разработок нефтяных и газовых месторождений. Мировая статистика по аварийности свидетельствует о том, что буровым установкам на море редко удается закончить службу в установленные для них расчетные сроки. Если в средних и южных широтах причинами аварий в основном являются штормы и пожары, то в Арктике к этому добавляются еще и не имеющие аналогов в мировой практике горизонтальные силовые воздействия многолетних льдов, достигающие 50—200 тыс. тс, а также обледенение корпусов при низких температурах воздуха.

Даже такая буровая установка, как «Кулук» (арктический ледовый класс 4), корпус которой выполнен из высокопрочной низкотемпературной стали с толщиной ледового пояса 38 мм, не может быть полностью гарантирована в Арктике от ледовых повреждений. Во время первых экспериментальных работ в 1983 году ПБУ имела серьезные замечания как по корпусу, так и по системе стабилизации, которые были устранены в период зимних отстоев.

Были, в частности, установлены и новые якорные канаты большого диаметра с разрывным усилием 1100 тс.

Аварийно-спасательное обслуживание, как и остальные проблемы вспомогательного обеспечения буровых работ в Арктике, рассматриваются в Канаде всегда в контексте с основными производственными вопросами.

Большое удаление арктических нефтяных разработок от судоремонтных предприятий, да еще в ледовых условиях, потребовало особого внимания к водолазному обслуживанию. В ходе подготовки к выходу на арктический шельф канадцы поставили перед собой задачу: за счет грамотного планирования подводных работ и рационального размещения водолазных технических средств снизить уже на стадии эксперимента эксплуатационные затраты по вспомогательному обеспечению буровых программ и привести к осязаемой экономии этих средств в будущем.

Значительная часть работ, которая в средних широтах выполнялась обычно в доке, в Арктике ложилась на плечи водолазов. При этом требовалась стопроцентная гарантия качества подводных работ высокой квалификации: по замене поврежденных листов обшивки, смене винтов и их лопастей, подводной сварке, подготовке донной арматуры установок и судов к зимнему отстоя и обратно.

Высокие требования к водолазному обеспечению показали необходимость участия персонального водолазного подрядчика на всех стадиях проекта: конструирования, постройки и эксплуатации арктических платформ и судов. В частности, на канадских ледоколах уже техническим заданием предусмотрена возможность замены в подводном положении донной арматуры, рулей, винтов и даже лопастей ВРШа, установленных в насадках. Плоскопластинчатая же обшивка их корпуса значительно упрощает установку наружных кессонов в случае получения подводных пробоин. О высокой квалификации канадских специалистов свидетельствует такой пример: при смене якорных канатов на ПБУ «Кулдук» в зимних ледовых условиях водолазами на глубине 10 м были заменены 12 направляющих чугунных роульсов диаметром около 3 м.

В отличие от нашего аварийно-спасательного обеспечения, когда водолазные станции стационарно располагаются на линейных ледоколах, канадцы остановились на размещении всего водолазного снаряжения и оборудования в автономных мобильных контейнерах (домиках). Оказание помощи при такой концентрации водолазных средств значительно упрощается: ледоколу уже не нужно стоять у борта аварийного плавсредства и ждать устранения повреждения, его задача в этом случае сводится только к доставке водолазных контейнеров в район будущих работ.

Ледокол может оказывать аварийно-спасательную помощь и за счет своих судовых резервов: прежде всего средствами водоотлива и пожаротушения. Имея высокопроизводительные насосы водоотливных, гидроомывающих, балластных систем и гидрометных установок, все ледоколы этой серии обладают прекрасными техни-

ческими возможностями по быстрой откачке больших объемов воды. Для оказания помощи в тушении пожаров на них имеются установки водяного и объемного пожаротушения. На верхней палубе новых ледоколов предусматривается наличие противопожарных мониторов.

Подводя итоги, нельзя не заметить, что канадская арктическая буровая программа представляет собой комплексный, хорошо сбалансированный многолетний план поэтапного освоения арктического шельфа, в котором ледокольному обеспечению отводится важная роль. Выполнение первого этапа этого плана привело к появлению в Арктике двух экспериментальных ледокольных буровых платформ «Кулрук» и «Моликард» и серии новых ледоколов.

С появлением буровых вышек в канадской Арктике ледокол взял на себя несвойственные ему ранее функции и успешно их выполняет вот уже в течение 10 лет. Для этого, правда, ему пришлось сильно видоизмениться, расширить до предела свои технические возможности, стать настоящим универсалом. Ледоколы новой серии не бывают без работы: они то окалывают буровую, то везут для нее грузы, то занимаются проводкой судов на прилегающих участках Северо-Западного прохода. Время простоя у таких ледоколов резко сократилось.

Все, что делается в рамках канадской буровой программы, рассчитано на столетия и имеет поэтому экспериментальную окраску. Универсальные канадские суда также строятся под девизом: «Эксплуатируя — изучаем». Все построенные ледоколы в этом плане являются как бы действующими в натуральных условиях моделями арктических судов будущего. Так, при постройке ледокола «Роберт Лемур» учтен опыт эксплуатации судна «Канмар Кигорьяк». Сам «Роберт Лемур» является действующей моделью в масштабе 1:4 будущего ледокольного танкера. Корпус судна «Канмар Кигорьяк» в свое время прошел испытания как полномасштабная модель ледокола «Терри Фокс», а сам «Терри Фокс» является действующей моделью для создания будущих ледоколов 6, 8 и 10-го классов.

Все ли благополучно у канадцев, как это представляется? Конечно, нет: есть трудности со сходом с торосов, не все удовлетворяет в конструкции заднего хода, волнует забивание льдом насадок мелкосидящих судов и попадание крупных льдин в район открытых винтов. Но, создавая каждое новое судно, судостроители учитывают накопленный опыт и смело внедряют в практику все новые идеи и технические решения, считая, что будущее за универсальными ледоколами.

У наших ведущих специалистов нет единого мнения по новым канадским ледоколам. Одни считают, что «Терри Фокс» хорош только для тех задач и районов, на которые он рассчитан. Другие ставят под сомнение его маневренные качества и поведение на торосах, третьи сомневаются в надежности ВРШ и т. п.

А новое канадское направление тем временем уверенно внедряется в мировую практику судостроения. В феврале 1987 года

шведская фирма «Готаверкен арендал» получила заказ на постройку ледокола «Оден П» мощностью 18 400 кВт. К его проектированию привлекались канадские специалисты, и он имеет уже все отличительные признаки рассмотренных нами ледоколов. Опыт Канадского судостроительного консорциума начинает использоваться и при проектировании ледоколов Береговой охраны Канады, в частности ледокола восьмого арктического класса.

Не пора ли и нам, отбросив консервативные убеждения и взгляды, трезво посмотреть на канадскую практику ледокольного обеспечения буровых работ? Освоение шельфа советской Арктики уже началось. Давно пришло время комплексно рассмотреть и научно обосновать единую концепцию развития ледокольного флота страны с целью наиболее эффективного обеспечения народнохозяйственной деятельности в Арктическом бассейне. Это большая, сложная межведомственная работа, но она необходима — слишком велики вспомогательные затраты на освоение региона, а значит, и возможные потери народных средств.

АНТАРКТИКА: ПОИСК СПРАВЕДЛИВЫХ ПРАВОВЫХ РЕШЕНИЙ

В 80-е годы развитие политических событий вокруг Антарктики приобрело новое направление. Целая группа развивающихся стран, используя главным образом ООН, стала активно выступать за объявление Антарктики общим наследием человечества.

Означает ли это, что близится время радикального разрешения всех политических проблем Антарктики XX столетия, или же, наоборот, узел противоречий окажется затянутым настолько, что возникнет кризисная ситуация? Ответ на этот вопрос будет зависеть, как представляется, от баланса трех факторов: от соотношения сил, политических и экономических возможностей каждой из групп стран или отдельных государств, заинтересованных в исследованиях в Антарктике; от степени правомерности позиций каждой из этих групп стран; от того, в какой мере каждая из них будет считать, что уступки, на которые она должна пойти, затрагивают ее жизненные интересы. Можно, видимо, утверждать, что в Антарктике проявляют свой интерес в целом три группы стран: семь стран, заявивших в Антарктике свои территориальные претензии (Англия, Франция, Норвегия, Австралия, Новая Зеландия, Чили, Аргентина); группа стран, не признающих вышеуказанные территориальные претензии или не выдвигающих их, но участвующих в Договоре об Антарктике (США, СССР, Япония, Бразилия, ФРГ, КНР, Индия, Испания, Италия и др., всего около 30 государств); группа развивающихся стран, не участвующих в Договоре об Антарктике и активно выступающих за объявление этого континента общим наследием человечества (например, Малайзия, Антигуа и Барбуда, Бангладеш, Нигерия, Синегал, Шри-Ланка, Замбия, Зимбабве и др.).

Подразделение на такие группы несколько условно. Например, интересы СССР и США носят в определенной мере специфический

характер, накладывающий особый отпечаток на правовой статус Антарктики. Неоднозначны и позиции развивающихся стран, например Индии. Вместе с тем такое деление полезно в целях исследования интересов и прав этих групп стран.

Антарктика и концепция общего наследия человечества

Анализ позиций этих групп стран представляется целесообразным начать с вопроса, справедливо ли рассматривать Антарктику в качестве общего наследия человечества (ОНЧ)*.

Как известно, концепция ОНЧ сформировалась совсем недавно, в конце 60-х годов. Ее авторство обычно приписывается известному юристу А. Пардо. К настоящему времени концепция ОНЧ была декларирована в качестве принципа в нескольких резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН, а также нашла отражение в Соглашении о Луне 1979 г. и в Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.

Концепция ОНЧ, вообще говоря, никак из предыдущего развития международного права логически не вытекает, хотя ее авторы и пытаются увязать ОНЧ, например, с понятием «*res communis*».

Концепция ОНЧ внешне имеет достаточно прогрессивное гуманитарное звучание. Действительно, нельзя отрицать, что многие крупные проблемы современности перешагнули национальные границы и приобрели международный характер. Поэтому вполне в духе времени звучит и концепция ОНЧ, сформулированная в плоскости «общего» и «человечества». Однако конкретное правовое содержание, которое стремятся вложить в нее ее авторы, идет намного дальше простой интернационализации. Существо этого подхода заключается во введении понятия «наследие». Если быть точным, то можно было бы перевести на русский язык термин «*heritage*» как «наследство», а не как «наследие». Авторы ОНЧ и имеют в виду провести параллель с гражданско-правовой категорией «наследство». Соответственно все государства являются как бы «наследниками» какого-либо пространства (космических объектов, морского дна за пределами национальной юрисдикции, Антарктики, наконец), а соответственно независимо от своего вклада в его освоение имеют равное право ими управлять, а главное, имеют право на часть материальных благ, созданных или добытых другими государствами на этих пространствах. Говоря более точно, речь идет в целом о трех основных элементах: отказе от национального присвоения этих пространств или их части; совместном и всестороннем управлении ими; перераспределении добытых в пределах этих пространств ресурсов, а также созданных благ.

Справедливо отметить, что ни в одном общепризнанном международном документе пока не зафиксировано четко, какое содер-

* При этом нередко делаются ссылки на Конвенцию ООН по морскому праву.

жание вкладывается в концепцию (или даже провозглашенный принцип) «общего наследия человечества». Можно лишь констатировать, что концепция и принцип в декларативной форме — это уже историческая реальность, а конкретное содержание будет уточняться в дальнейшем в ходе претворения их в жизнь*.

Можно ли считать принцип ОНЧ соответствующим принципам взаимной выгоды и справедливости?*** В частности, в какой мере взаимовыгодно и справедливо требовать от государства, вложившего средства и предпринявшего усилия по освоению какого-то пространства, отказавшись в этой связи от других программ освоения своей национальной территории, передавать в безусловной форме плоды своих усилий другим государствам? Видимо, придется признать, что однозначного ответа на этот вопрос найти не удастся.

Одна из политических реалий нашего времени — это помощь, которую оказывают развитые государства развивающимся. Весьма существен вклад в оказание такой помощи со стороны социалистических стран, и в частности СССР.

Однако подобная помощь носит, как правило, целевой характер — представляющее ее государство само решает, какой стране ее оказать и в каких размерах. Концепция же ОНЧ предполагает новый элемент — оказание помощи и вообще передачу материальных благ не на целевой основе, а в какой-то общий фонд, из которого развивающиеся страны сами решат, кому и на какой основе следует предоставить полученные средства.

Необходимо отметить, что первые попытки развивающихся стран реализовать этот элемент на практике вызвали серьезные и вполне обоснованные затруднения. Так, в связи с перспективами создания международного органа по морскому дну «группа 77» выступила с инициативой создания общего фонда для компенсации ущерба, который может быть нанесен экономике развивающихся стран — производителей цветных металлов на суше в результате добычи этих металлов в международном районе морского дна. По замыслу «группы 77» основную долю взносов в этот фонд должны внести все промышленно развитые государства. В этом случае возникает, однако, вполне законный вопрос, почему, например, СССР должен компенсировать ущерб экономике этих стран, если они экспортируют свои цветные металлы не в Советский Союз и конкурентом их являются международные горнорудные кон-

* Уместно отметить, что развивающиеся страны сами далеко не всегда последовательны даже в таком вопросе, что можно, а чего нельзя считать общим наследием. Достаточно вспомнить в этой связи притязания ряда стран на геостационарную орбиту.

** См. пункт е) главы I Хартии экономических прав и обязанностей государств (резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 3281 (XXIX)). В хельсинкском Заключительном акте 1975 г., в разделе, посвященном вопросам сотрудничества в области экономики, науки и техники, говорится, что такое сотрудничество «может развиваться на основе равенства и обоюдного удовлетворения партнеров и взаимности, позволяющей в целом справедливое распределение выгод и обязательств сравнимого объема...».

сорциумы, во многом, кстати сказать, и повинные в непропорциональном, «колониальном» развитии экономики развивающихся стран? Действительно, в соответствии с такой логикой получается, что СССР, который, возможно будет добывать цветные металлы с морского дна не для экспорта, а лишь для удовлетворения нужд собственной экономики, независимо от своего желания будет обязан вносить средства в такой компенсационный фонд. Международные же консорциумы, прямо повинные в нанесении ущерба экономике развивающихся стран, пока вообще не собираются действовать в рамках Конвенции ООН по морскому праву, а значит, не внесут в такой фонд ничего. На этом примере достаточно ясно видно, что попытки заставить предоставлять материальные блага обезличенно по крайней мере не всегда соответствуют принципу справедливости. Тут важно также отметить, что если при становлении принципа ОНЧ, как и всей системы нового международного экономического порядка, можно было ожидать, что они будут носить ярко выраженный антиимпериалистический характер*, то современное развитие событий, в частности вокруг Конвенции ООН по морскому праву, подводит к выводу, что развивающиеся страны намерены предъявлять свои требования (по крайней мере экономические) не только к капиталистическим, но и наравне с ними и к социалистическим странам, которые не могут быть ответственными за последствия колониальной системы империализма.

Вышеприведенное даже самое общее исследование возможного содержания принципа ОНЧ подводит, как представляется, к следующему логическому выводу. Видимо, сам этот принцип может со временем закрепиться в международном праве. Однако он перестанет служить причиной возникновения острых противоречий и сможет найти всеобщее признание лишь тогда, когда его содержание станет приемлемым для всех групп стран.

Можно ли считать Антарктику общим наследием или хотя бы общей собственностью? Конечно, никак нельзя исключать возможность того, что конкретное развитие политической обстановки заставит все страны согласиться в конце концов с таким подходом. Однако на данном этапе представляется целесообразным поставить вопрос несколько по-иному — сколь оправданно и правомерно считать Антарктику общей собственностью или общим наследием.

Антарктика в отличие от Луны и морского дна была на определенном историческом этапе открыта как континент, и при этом была открыта русскими учеными и мореплавателями. СССР вложил весьма значительные средства в изучение и освоение как Антарктического континента, так и всего Южного океана. В этой связи Советский Союз прямо указал, что «сохраняет за собой все права, основанные на открытиях и исследованиях русских мореплавателей и ученых, включая право на предъявление соответствующих

* Богуславский М. М. Международное экономическое право. М., 1986. С. 22—29.

территориальных претензий в Антарктике»*. Хотя одновременно Советский Союз и не признает территориальных претензий других государств в Антарктике, тем не менее тут необходимо проводить различие между, с одной стороны, притязаниями на суверенное владение Антарктикой и, с другой стороны, какими-то правами, которые в той или иной степени было бы все-таки справедливо не сбрасывать полностью со счетов.

О каких конкретно правах может идти речь в этом контексте и какие последствия эти права должны вызывать? Тут уместно провести параллель с одним из элементов ОНЧ. Действительно, развивающиеся страны считают, что даже просто в силу самого факта их существования у них имеются права на управление общим наследием, а также на получение части материальных благ, созданных в результате освоения ОНЧ. Причем даже не просто равное участие в получении этих благ, а с учетом особых интересов и нужд

* Ответ Посольства СССР на письмо госдепартамента США от 2 мая 1958 г. // Правда. 1958. 4 июня.

развивающихся стран*. С точки зрения принципа справедливости существование «особых интересов», вероятно, оправданно. Но точно так же должно быть оправданно применение этого принципа не выборочно, но и в других случаях, например, когда идет речь о правах СССР в Антарктике. Представляется совершенно бесспорной роль СССР в открытии Антарктики и в ее освоении. Речь идет не только о крупных материальных затратах, но и о людях, которые нередко ценой своей жизни прокладывали путь к познанию этого континента, к возможности использовать его блага в интересах всего человечества. Нужно отметить, что немалую роль в освоении Антарктики сыграли и другие государства — участники Договора 1959 г.

Можно ли сбросить со счетов эти усилия и затраты, одновременно утверждая наличие «особых прав» у развивающихся стран?

В существующих условиях справедливым представляется следующий подход. Особые интересы развивающихся стран как общепризнанная реальность современных международных отношений в принципе могут быть учтены применительно к Антарктике. Речь может, например, идти о подготовке кадров и передаче технологии (на справедливых коммерческих условиях), необходимой для осуществления деятельности в Антарктике. Но нельзя отрицать особую роль стран, осваивавших Антарктику до настоящего времени. Их мнение непременно должно учитываться при принятии решений в отношении Антарктики. Что же касается позиции стран, таких, как СССР, особо много сделавших для освоения этого континента, то она должна играть весомую роль при принятии таких решений.

Как мы видим, если подходить с точки зрения справедливости, вряд ли можно настаивать на том, что Антарктика является общим наследием человечества.

Правовой статус и правовой режим Антарктики

Кому же принадлежит Антарктика? Этот вопрос затрагивается в той или иной мере практически во всех правовых исследованиях, посвященных Антарктике. В качестве ответа нередко при этом приводятся цитаты или просто пересказывается содержание статьи IV Договора об Антарктике, «замораживающей» территориальные претензии. При этом, однако, остается неясным, каково же конкретное правовое содержание такого «замораживания» и имеет ли оно вообще отношение к вопросу о применимости категории владения к Антарктике.

За последние тридцать лет в правовом положении Антарктики не происходило существенных изменений. Представляется, что не только Договор об Антарктике обеспечил такую ситуацию. В самом Договоре можно отметить следующие специфические особенности.

* Хартия экономических прав и обязанностей государств, ст. 140 Конвенции ООН по морскому праву, п. 7 статьи 11 Соглашения о деятельности государств на Луне и других небесных телах.

Во-первых, некоторые его положения сформулированы таким образом, что можно предположить, что он налагает некоторые обязательства на третьи стороны и разрешает или запрещает им осуществлять определенные виды деятельности в Антарктике. Например, это касается использования Антарктики только в мирных целях (статья I), свободы научных исследований (статья II), невозникновения прав в Антарктике, несмотря на осуществление тут деятельности (статья IV, пункт 2), запрещения ядерных взрывов (статья V), проведения инспекции (статья VII, пункт 3). Договор также предусматривает определенные особые права для некоторых его участников. В первую очередь это безусловное право участвовать в консультативных совещаниях для первоначальных участников Договора вне зависимости от того, имеют они в Антарктике научные станции или посылают туда экспедиции или нет. Участники консультативных совещаний имеют право назначать наблюдателей «для проведения любой инспекции» (статья VII, пункт 1), которая, как следует из контекста Договора, может касаться и стран, не участвующих в нем. Согласно пункту 2 статьи V, участники Договора в случае соответствующих договоренностей могут руководствоваться в отношении использования ядерной энергии в Антарктике иными правилами, позволяющими, в частности, не соблюдать общий запрет на проведение ядерных взрывов.

То, что Договор разрешает или запрещает проводить в Антарктике ту или иную деятельность, причем применительно к государствам, не являющимся его участниками, может иметь два объяснения. Либо Договор разрешает не участвующим в нем странам осуществлять деятельность, которая и так не запрещена, либо участники Договора считают, что они имеют право разрешать или запрещать подобную деятельность. Аналогичные положения содержатся также и в Конвенции о сохранении тюленей Антарктики, в Конвенции о сохранении морских живых ресурсов Антарктики и в Конвенции по регулированию освоения минеральных ресурсов Антарктики.

Казалось бы, если права некоторых государств в Антарктике основываются только на Договоре 1959 г., это означает, что при прекращении Договора вышеупомянутые права также исчезнут. Вероятно, это не так. Более естественное объяснение — Договор только отражает существующую правовую ситуацию в Антарктике и на основе этого определяет систему ее управления и использования.

Можно провести сравнение с правом собственности и правом владения, которые в римском праве включали (но не всегда) право распоряжения и право пользования. Это деление часто неоправданно, особенно когда речь идет о суверенных правах. Но сам метод представляется неизбежным в некоторых случаях довольно сложного современного правового положения ряда международных пространств. Эти права могут быть правом собственности (ограниченной или потенциальной), владения, управления и пользования. Никто не имеет суверенных прав в Антарктике, но права

некоторых государств (вероятно, первоначальных участников Договора, и прежде всего СССР) перекликаются с ограниченным или потенциальным правом собственности римского права (возможно, речь идет о *nuda proprietas*). Любое государство может осуществлять право владения в Антарктике, если оно проявляет свою заинтересованность (*animus possidendi*), создавая станцию или посылая экспедицию (*corpus possessionis*)* и приобретая на этот период право принимать решения как участник консультативных совещаний. Все государства имеют право на определенных условиях использовать Антарктику.

Права ограниченной или потенциальной собственности создают постоянный особый правовой статус Антарктики, а права владения, управления и пользования — ее правовой режим. Такое деление может быть полезным, поскольку правовой статус является устойчивым и постоянным, в то время как содержание понятия «правовой режим» более гибкое. Вместе они характеризуют Антарктику как зону «*sui generis*».

Такой особый постоянный правовой статус Антарктики существует на основе тех прав государств, которые возникли в силу открытия и освоения этого континента. Освоение же Антарктики приводило и приводит к определенным человеческим жертвам, к существенным затратам экономических и финансовых ресурсов, в конечном итоге ведет к отказу от каких-то национальных внутригосударственных программ. Такой особый правовой статус Антарктики не возник лишь в силу факта декларации о национальных правах (СССР в 1958 г.). Договор об Антарктике обеспечил правовую базу, чтобы «заморозить» статус Антарктики, сделать его стабильным и постоянным, не являющимся ни «*terra nullius*», ни суверенным владением, ни ОНЧ.

Подобный подход может быть назван прагматическим. В этом случае мы не пытаемся приравнять Антарктику к какой-либо суше в обычном понимании ни в географическом, ни в правовом смысле. Антарктика, которая имеет свои крайне специфические географические характеристики, имеет также и свою специфическую политическую историю. С практической точки зрения намного более оправданно рассматривать Антарктику такой, какая она есть, определяя ее правовой статус таким, какой он есть, вместо того чтобы пытаться приравнять его к существующим и уже установившимся в международном праве статусам других пространств. В таком подходе нет ничего необычного — ведь в этом веке был предпринят целый ряд попыток определить новый особый правовой статус некоторых пространств — морского дна за пределами национальной юрисдикции, Луны и других небесных тел, Шпицбергена наконец. Признать такой особый статус Антарктики — значит сохранить хрупкий баланс интересов ряда стран и соответственно гарантировать мирное изучение и использование этой части планеты.

* Римское частное право. М., 1948. С. 169.

Действительно, исходя из вышеописанного правового статуса Антарктики, необходимо признать, что она не может служить предметом национального присвоения. Что же касается ее правового режима, то Договор об Антарктике объявил ее по существу «зоной мира», обеспечил свободу доступа и осуществления в ее пределах научных исследований, запретил ядерные взрывы, предусмотрел механизм разработки конкретных мер по ее нехозяйственному использованию. Что же касается конкретных видов хозяйственной деятельности, то они регулируются международными соглашениями, связанными с Договором об Антарктике, в частности Конвенцией о сохранении тюленей Антарктики и Конвенцией о сохранении морских живых ресурсов Антарктики. Существенное отличие такого режима от режима, который предполагался в случае, если бы Антарктика была объявлена общим наследием человечества, заключалось бы, как представляется, лишь в двух элементах. Во-первых, при решении антарктических проблем признавалась бы особая роль государств, приложивших особые усилия по освоению этого континента. Во-вторых, если бы при этом и учитывались особые интересы развивающихся стран, то в ограниченном виде, так как вряд ли их можно считать особыми «наследниками» в отношении Антарктики. Тут, однако, нельзя не упомянуть, что совсем неоправданно считать Договор 1959 г. каким-то закрытым «клубом» группы государств. О необоснованности такого подхода сказано, например, в докладе генерального секретаря ООН, поэтому в этом вопросе также, видимо, необоснованно противопоставлять Договор концепции общего наследия.

Необходимо признать, что освоение минеральных ресурсов Антарктики (если не принимать во внимание возможность использования ее айсбергов в качестве источника пресной воды) — это дело далекого будущего, хотя в 1988 г. и была принята Конвенция по регулированию освоения минеральных ресурсов Антарктики. Современное развитие технологии, а также известные данные о таких ресурсах, включая нефть, позволяют предполагать, что ни в этом столетии, ни в начале следующего этот вопрос в практической плоскости стоять не будет. Если у некоторых промышленно развитых стран и будет создан экономический потенциал для освоения труднодоступных запасов минеральных ресурсов, то, видимо, его будет целесообразнее использовать для добычи полиметаллических конкреций в международном районе морского дна (что, судя по всему, тоже произойдет не в ближайшем обозримом будущем).

Таким образом, можно, вероятно, исходить из предположения, что государства, проявляющие сейчас повышенный интерес к Антарктике, не преследуют в качестве своей непосредственной цели добычу здесь минеральных ресурсов.

Несколько иное положение складывается в отношении морских живых ресурсов Антарктики. Как известно, Советский Союз

осуществляет здесь определенную промысловую деятельность, добывая криль. Размеры этого лова относительно общих запасов антарктического криля крайне невелики и не могут нанести ущерба антарктической экосистеме. Подобной же деятельностью в Антарктике занимаются и некоторые другие государства. Комиссия по сохранению морских живых ресурсов Антарктики осуществляет внимательный контроль за этой деятельностью с целью предотвращения ее нежелательных последствий.

Попытки пересмотреть существующее правовое положение Антарктики и, следовательно, режим деятельности в антарктических морях вполне обоснованно и оправданно могут встретить сопротивление со стороны государств, осуществляющих такую деятельность. Конечно, если сам Антарктический континент будет считаться общим наследием, то и дно Южного океана некоторые государства также будут склонны рассматривать в качестве ОНЧ. В таком случае возникнет вопрос, в какой мере Конвенция по сохранению морских живых ресурсов Антарктики, в настоящее время тесно связанная с Договором об Антарктике, сможет служить эффективным инструментом контроля за добычей живых ресурсов в этом районе.

В этой связи, говоря об особом правовом статусе Антарктики, необходимо отметить, что он, несомненно исходя не только из соображений здравого смысла, но и из положений Конвенции о сохранении морских живых ресурсов Антарктики, распространяется и на омывающие сам материк моря, вплоть до линии антарктической конвергенции. Иными словами, Антарктика — это особый с экологической точки зрения район, поэтому правовой режим, касающийся и хозяйственной деятельности, которая может нанести ущерб экологическому равновесию, должен распространяться на него в целом.

Участники Договора об Антарктике

Семь государств, являющихся участниками Договора об Антарктике и претендующих на распространение своего суверенитета на различные части Антарктики, заинтересованы по крайней мере в сохранении своих притязаний. Однако не следует переоценивать их возможности повлиять на сохранение существующего «статус кво». Их претензии не вызывали особых возражений до тех пор, пока Антарктида оставалась недоступным континентом и эти претензии между собой не перекрывались. После того как Чили и Аргентина выступили со своими притязаниями, картина резко изменилась. Взаимная недоговоренность «семерки» позволила и другим государствам включиться в решение вопроса о режиме Антарктики. Некоторые из них к этому моменту уже в значительной мере утратили иллюзии в отношении альтернативных возможностей освоения высокоширотной Арктики. Став участниками Договора об Антарктике, государства, заявившие территориальные претензии, уже тем самым пошли на уступку, позволив формально

поставить под сомнение обоснованность своих прав. Их подход можно, конечно, понять, так как таким образом они одновременно подтвердили и то, что какие-то их права в Антарктике все-таки существуют. Пойдет ли «семерка» сейчас на то, чтобы применить, например, силу для подтверждения своих прав? В 40-е годы Англия, а также Чили и Аргентина демонстрировали силу, пытаясь таким образом урегулировать взаимные претензии. Сегодня такая демонстрация является, видимо, крайне проблематичной.

Политическое влияние «семерки» также не столь велико, чтобы позволить успешно противостоять намерениям группы развивающихся стран.

Несколько в ином положении находятся другие участники Договора об Антарктике. В политическом плане они не выглядят так одиозно, как вышеупомянутая «семерка». Они не претендуют на суверенитет в Антарктике. Некоторые из них прямо заявили о непризнании территориальных претензий. Многие из этих государств действительно прилагают значительные усилия по освоению и изучению Антарктики, не преследуя при этом каких-то своекорыстных целей. Сама по себе эта группа достаточно многочисленна, в нее входят, как уже указывалось выше, такие крупные и влиятельные страны, как СССР, США, Япония, Индия, КНР. Меры, которые они принимают совместно с «семеркой» в рамках Договора об Антарктике, действительно направлены на всемерное изучение и сохранение этого уникального региона, а в перспективе и на его научно обоснованное освоение.

Несмотря на это, их политические возможности выступать в защиту договора 1959 г. несколько скованы рядом обстоятельств. Они, во-первых, связаны Договором с группой стран, заявивших территориальные претензии. Во-вторых, они в других вопросах мировой политики занимают нередко взаимно противоположные позиции. К этой группе формально относится и ЮАР, что, несомненно, ведет к определенным политическим издержкам и часто не позволяет занимать активную позицию, несмотря на полную ее правомерность. В Договоре не участвуют африканские государства, которые формально как раз и мотивируют свою позицию участием в нем ЮАР.

Вообще говоря, позицию африканских стран и стран Карибского бассейна в отношении ЮАР по вопросу об Антарктике вряд ли можно считать достаточно логичной. Во-первых, вызывает сомнение сама идея оказания давления на ЮАР путем угрозы изгнания ее из международных соглашений. Резонно было бы, наоборот, ожидать, что участие ЮАР в международных соглашениях будет накладывать на нее более серьезную ответственность перед международным сообществом. В конце концов ЮАР подписала Устав ООН, и позиции большинства государств по этому вопросу достаточно ясны. Что же касается санкций, то они, конечно, необходимы, но должны носить такой характер, чтобы способствовать, а не препятствовать целям, ради которых они вводятся.

ся. Во-вторых, позиция африканских стран, не поддерживаемая, кстати сказать, большинством других членов «группы 77», просто непоследовательная. Существует целый ряд соглашений, в которых африканские страны участвуют, несмотря на членство в них ЮАР*. Существует и еще одно важное соображение. Договор 1959 г. запрещает проведение в Антарктике ядерных взрывов. ЮАР же, как известно, является «околоядерной» страной, а может быть, уже и имеет ядерное оружие. В таких условиях попытки изгнать ЮАР из Договора никак не способствуют миру и безопасности. Хотя раздельная постановка проблемы ЮАР в ООН в рамках вопроса об Антарктике и проявила различные позиции в группе государств — участников Договора 1959 г., тем не менее в данном случае мы имеем, видимо, тот самый пример, когда цель не оправдывает любые средства.

Несмотря на в целом весьма авторитетный состав участников Договора об Антарктике, их проблемы последних лет было бы оправданно отнести как раз на счет неспособности активно и совместно выступить в защиту существующего в Антарктике правового режима. Препятствующие этому причины, как мы видим, носят объективный характер, но непосредственного отношения к антарктической проблематике в общем-то не имеют.

Наверное, можно не сомневаться, что в целом участники Договора пользуются достаточным политическим влиянием и авторитетом, чтобы оградить его от пересмотра. Вопрос заключается, скорее всего, в том, не перевесят ли у наиболее влиятельных государств этой группы какие-либо иные политические соображения, в частности нежелание, например, обострять отношения с некоторыми развивающимися странами, что может сыграть решающую роль при принятии совместных решений, в частности в рамках ООН.

В эту группу не входят крупные промышленно развитые или развивающиеся государства, за исключением, может быть, Малайзии, Египта и Филиппин. Влияние этой группы заключается по существу лишь в числе относящихся к ней государств. В этой связи уместно привести некоторые цифры. Государства — участники Договора 1959 г. представляют население более 3 млрд человек. При принятии Генеральной Ассамблеей ООН целого ряда резолюций по Антарктике группа государств, представляющая население более 2 млрд человек, практически почти совпадающая по составу с участниками Договора, заявляла, что не принимает участия в голосовании (КНР, являющаяся участницей Договора,

* Например, Договор о запрещении размещения на дне морей и океанов и в его недрах ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения; Международное соглашение по сахару 1977 г.; Международная конвенция по охране человеческой жизни на море 1974 г.; Протокол 1978 г. к Конвенции по предотвращению загрязнения с судов 1973 г. и др.

при принятии таких резолюций обычно воздерживается от голосования). Население же стран, более или менее активно выступающих за объявление Антарктики общим наследием человечества (около 15 стран), приблизительно равняется 400 млн человек. При этом число государств, голосовавших за принятие на 39-й и 40-й сессиях Генеральной Ассамблеи ООН резолюций по Антарктике (в части, не касающейся ЮАР), составляло от 92 до 96.

Состав этой группы и определяет ее тактику — использование механизма голосования в рамках ООН, а также механизма принятия решений, например, в рамках движения неприсоединения.

Такая ситуация заставляет еще раз задуматься, в какой мере оправданно применение процедуры голосования (простого или квалифицированного) при принятии решений, влекущих серьезные последствия экономического и политического характера. Результаты работы Подготовительной комиссии для Международного органа по морскому дну служат тому, как представляется, лишним подтверждением*.

Перспективы политического и правового урегулирования

Основная сложность политического положения, сложившегося вокруг Антарктики, заключается, таким образом, видимо, не в угрозе прямой конфронтации с применением силы — очевидно, ни одна из заинтересованных групп стран либо не обладает такими возможностями, либо не склонна применять силу. Затруднения заключаются в реальной возможности такого изменения структуры международных экономических, а в конечном итоге и политических отношений, которые приведут в дальнейшем к существенному нарушению принципов взаимной выгоды и справедливости в других вопросах, а значит, потенциально и к обострению отношений с непредсказуемыми последствиями. Речь по существу идет о том, каким будет новый мировой экономический порядок, к установлению которого так стремятся развивающиеся страны.

Можно предположить несколько вероятных вариантов развития политических событий вокруг Антарктики. В любом случае, однако, проблема, как представляется, вряд ли найдет свое окончательное решение в ближайшие годы. В пользу такого суждения можно высказать следующие соображения.

Вполне возможно, что систему Договора об Антарктике, до сих пор «работавшую» вполне удовлетворительно, удастся сохранить без изменений. Например, независимо от хода обсуждения вопроса об Антарктике в ООН члены Договора продолжают согласованные действия в его рамках, попросту говоря, игнорируя на практике притязания сторонников ОНЧ и сводя на нет их усилия в

* Логично напрашивается вывод, что необходим плюрализм механизмов принятия решений по вопросам различного характера и отказ в ряде случаев от принципа «одно государство — один голос». Речь может идти о консенсусе и о других процедурах.

ООН. О такой возможности говорит то, что при голосовании в ООН по резолюциям по вопросу об Антарктике (например, резолюция 41/88 от 4 декабря 1986 г. и 40/156 от 16 декабря 1985 г.) основные участники Договора 1959 г. довольно дружно заявляли, что не участвуют в этом голосовании. Несмотря на призыв резолюции 41/88 приостановить переговоры по выработке режима антарктических ресурсов, они тем не менее были продолжены.

Существенно и то, что, например, в советско-бразильском Коммюнике, принятом по итогам визита тов. Шеварднадзе Э. А. в Бразилию в сентябре 1987 г., т. е. после принятия в ООН упомянутых резолюций по Антарктике, говорится: «Стороны согласились, что Договор об Антарктике и дополняющие его соглашения обеспечили на протяжении более двух с половиной десятилетий поддержание в Антарктике мира, безъядерного статуса, сохранение окружающей среды, плодотворное развитие здесь международного сотрудничества, содействуя тем самым претворению в жизнь целей и принципов Устава ООН». С учетом этого стороны высказались в пользу укрепления и совершенствования этого международного механизма.

Нельзя сбрасывать со счетов и тот факт, что, хотя вопрос об Антарктике и обсуждается в ООН в течение ряда лет, радикальных решений по нему пока принять так и не удалось.

Такое развитие событий вряд ли будет означать, что вопрос об Антарктике решен окончательно. Во всяком случае сторонники объявления южнополярного района планеты общим наследием скорее всего не оставят попыток добиться своих целей и постараются найти иные пути.

В качестве другого варианта (каким бы он ни казался маловероятным) можно предположить, что сторонники ОНЧ полностью добьются своих целей, разрушат Договор 1959 г. и провозгласят Антарктику ОНЧ по схеме, уже нашедшей отражение в Соглашении о Луне 1979 г. и в части XI Конвенции ООН по морскому праву. Видимо, в таком случае одним из последствий будет то, что некоторые из участников Договора 1959 г., в частности СССР, утратят свое несколько особое положение при решении антарктических проблем, основанное на их особом вкладе в освоение Антарктики, и формально лишатся здесь своих особых прав, заняв одинаковое положение со всеми остальными государствами мирового сообщества. В таком случае решения в отношении Антарктики будет диктовать «группа 77», наиболее многочисленная по составу, а признание особых интересов развивающихся стран будет означать необходимость передачи им части материальных благ (причем скорее всего даже еще до начала освоения ресурсов Антарктики, как это показывает опыт с Конвенцией ООН по морскому праву), что, естественно, понизит рентабельность осуществления в этом районе коммерческих, а может быть, даже и чисто научных программ.

Могут возникнуть нежелательные последствия и более общего и долговременного характера, касающиеся международных экономических отношений в целом. Дело в том, что сторонники ОНЧ

из наиболее нетерпимо настроенных развивающихся стран стремятся сейчас направить развитие содержания этого принципа по довольно спорному пути (это касается и всей концепции нового мирового экономического порядка). Поскольку экономические последствия применения на практике принципа ОНЧ в целом наступят еще не скоро и каких стран они коснутся в первую очередь и в каких размерах, сейчас окончательно и безапелляционно утверждать нельзя, некоторые из политических деятелей склонны считать, что ОНЧ — это скорее абстрактная формула, которая не приведет к крупным материальным расходам, а если какие-то последствия и наступят, то, поскольку она носит исключительно антиимпериалистический характер, они коснутся лишь транснациональных монополий и стран, активно осуществляющих экономическую экспансию в развивающихся странах, т. е. Японии, США и некоторых крупных капиталистических стран Европы. К сожалению, практика уже показала, что это далеко не так, например, по итогам работы Подготовительной комиссии для Международного органа по морскому дну.

Согласиться с тем, что Антарктика является общим наследием человечества (при том содержании, которое в него вкладывается) означало бы дать начало пересмотру во многих областях международных экономических отношений с ущемлением принципов взаимной выгоды и справедливости.

Можно предположить и другой, достаточно вероятный ход развития событий вокруг Антарктики, учитывая оценки специалистов стран — участниц Договора 1959 г. Система Договора об Антарктике будет сохранена, но несколько модифицирована. Это может произойти либо путем принятия соответствующих рекомендаций в рамках консультативных совещаний, либо путем принятия дополнительных протоколов, или за счет внесения соответствующих поправок в соглашения, связанные с Договором и касающиеся эксплуатации антарктических ресурсов. Существо изменений может касаться обеспечения более широких условий участия для всех государств мира в механизме принятия решений в рамках Договора при одновременном сохранении особой роли «антарктических» государств, в частности СССР, и, возможно, признания в определенных рамках некоторых прямо оговоренных особых интересов развивающихся стран.

Каким бы ни было дальнейшее развитие политических событий вокруг Антарктики, тем не менее очевидно, что развязка сложившихся там проблем должна осуществляться на справедливой основе, с должным учетом интересов определенных стран, с необходимой долей ответственности за принимаемые решения. В ином случае баланс интересов различных групп государств будет нарушен, что может вызвать ответные шаги с целью его восстановления и в конечном итоге приведет к ненужной напряженности в международных отношениях, которая не может быть выгодна ни одной стране.

УБЕРЕЧЬ БИОСФЕРУ АНТАРКТИКИ

В течение последнего десятилетия внимание международной научной общественности к Антарктике неуклонно растет. Ряд новых стран присоединились к Договору об Антарктике и построили круглогодично эксплуатируемые научные станции. Многие страны, первыми подписавшие Договор, расширяют и реконструируют свои зимовки, некоторые из них сооружают летние лагеря для полевых работ, создают новые постоянно действующие станции на свободных ото льда участках материка. Франция построила аэродром на скальном основании, а Австралия собирается приступить к строительству подобного аэродрома. В окружающем Антарктиду Южном океане постоянно работают рыболовные флотилии многих стран, промысляющие с каждым годом все больше и больше рыбы и криля, примерно полмиллиона тонн ежегодно. Было бы неразумным надеяться, что такая активность не возрастет в последующем десятилетии и в XXI веке.

Многие официальные лица приходят к выводу, что необходимо выработать меры по лицензированию и контролю предстоящей добычи полезных ископаемых в Антарктике. Все это, вместе взятое, не может не беспокоить лиц, причастных к расширению всякого рода работ, сопровождающихся неизбежным вторжением в хрупкие связи животного и растительного мира непосредственно в местах обитания этих сообществ. На многие вопросы требуются безотлагательные ответы.

В состоянии ли все мы сохранить этот удивительный живой природный мир для последующих поколений или наш современный образ жизни с его огромной зависимостью от энергетической базы превратит этот мир в еще одну пустыню на нашей планете?

Остановимся же на одном из аспектов природной среды Ан-

тарктики, особенно тревожащем общественное мнение. Он не касается непосредственно основных крупных аборигенов Антарктики — пингвинов и тюленей. В данном случае это растения и животные, обитающие на суше, в озерах, ручьях и водоемах, являющиеся составной частью экосистемы суши. В нее входят простейшие организмы: бактерии, грибки, водоросли, мхи и лишайники, а также одноклеточные организмы: нематоды и насекомовидные клещи. Именно такая жизнь гнездится в скалах, в грунте, в пресных и засоленных водоемах.

Несмотря на то что эта жизнь приспособилась к существованию в экстремально суровых природных условиях, наша неразумная деятельность может легко все погубить. На свободных от снега и льда участках легко истребить всю флору и фауну при строительстве, передвижении транспортных средств и даже при ходьбе. Легко это сделать еще и потому, что почти вся живая жизнь сосредоточена на территории, составляющей всего 2,4% от общей площади материка. И именно эта свободная ото льда территория больше всего подвергается деятельности человека.

Так как же осуществляется сегодня охрана экосистем суши в целом для всей Антарктики и для района моря Росса в частности? Пока осуществляются лишь минимальные меры. После проверки действенности этих мер следует продумать, какие еще потребуются мероприятия для увеличения эффективности экологической защиты.

В системе Договора об Антарктике предусматриваются два положения об особых территориях, где флора и фауна подлежат первоочередной охране. Это пункты о зоне усиленной охраны и зоне повышенного научного интереса, которые для краткости будем впредь именовать зона УО и зона ПНИ. Для посещения зон УО требуется особое разрешение. Меньшие строгости относительно посещения зон ПНИ, однако и в этом случае нужен официальный запрос, если посещение может вызвать нарушение природного равновесия сообществ пингвинов или тюленей.

Особые зоны созданы для охраны уникальных природных сообществ в научных интересах. Значение этого акта для защиты всех разнообразных представителей флоры и фауны суши и пресных вод Антарктики огромно.

Главные задачи особых зон — сохранение в неприкосновенности отведенных участков для проведения специальных научных программ и гарантия того, что здесь никогда не будет осуществляться деятельность, противоречащая научным наблюдениям и экспериментам. Зона ПНИ может быть объявлена и в том случае, когда чувствуется, что длительные охранные меры необходимы и при отсутствии активных хозяйственных работ. Такие зоны устанавливаются на определенный промежуток времени, по истечении которого защитные меры могут быть сняты или продлены.

Всего на территории Антарктики установлено на сегодняшний день 20 зон УО и 21 зона ПНИ. Их распределение представлено на картах. Предложения по установлению особых зон исходили

главным образом от самых активных членов Договора об Антарктике. После возвращения из экспедиций их участники могут подавать свои предложения в национальные комитеты по антарктическим исследованиям, которые в свою очередь санкционируют утверждение таких предложений в международном масштабе, если они этого заслуживают. В первую очередь это зависит от комитета по биологии, хорошо осведомленного о биологических особенностях Антарктики и входящего в Международный научный комитет по антарктическим исследованиям (SCAR). SCAR является составной частью Международного Совета научных союзов (ICSU) — федерации научных союзов по разным дисциплинам. Задачи, поставленные SCAR, обсуждаются затем на очередных консультативных встречах членов Договора об Антарктике (ATCM). Все полноправные члены Договора голосуют по рассматриваемым вопросам, и только после того, как они будут одобрены всеми участниками встречи, предложения вступают в силу. Слишком долгий и тернистый путь!

Ко времени 13-й Консультативной встречи в 1985 году было официально объявлено 17 зон УО и 21 зона ПНИ. Три предложения относительно установления одной общей морской зоны ПНИ, включающей льды и дно океана, были выделены по району Антарктического полуострова. Основная причина повышенного интереса к этому району заключается в том, что в нем имеется семь зон УО по охране птиц и тюленей как компонентов морской экосистемы и десять заслуживающих внимания участков со специфической наземной флорой и фауной. С точки зрения выделения зон ПНИ для их выделения имеются веские причины. В районе Антарктического полуострова — самой северной, относительно теплой и влажной части материка — находится шесть участков с изобилием птиц и морских животных, десять — с растительной и микробной средой и два участка, где есть и то и другое. К тому же в двух пунктах имеются интересные ископаемые остатки, и один характеризуется электромагнитной аномалией атмосферы.

Таким образом, на всей территории Антарктиды имеется 22 участка, на территории которых можно проводить исследования по различным аспектам окружающей среды. В районе моря Росса сосредоточено 13 таких пунктов, из них 4 являются зонами УО и 9 зонами ПНИ. Большая часть участков, отражающих особенности живой природы материка, расположена в районе Антарктического полуострова (12 зон) и его прибрежных островов и еще два пункта близ австралийской станции Уилкс на Земле Уилкса. На характеристике зон УО в районе моря Росса стоит остановиться подробнее.

Две зоны заслуживают особого внимания. Первая — остров Сабрина — из-за своей характерной сухопутной и морской флоры и фауны и вторая — остров Бофорта — из-за обилия птиц. Мыс Халлетт — единственная зона по охране сухопутной флоры и фауны в районе моря Росса, расположенная непосредственно на материке. Согласно недавним исследованиям, проведенным в 1985

Этот удивительный природный мир Ан-
тарктики

году, его площадь не превышает 0,5 км². Растительность здесь типична для участков с хорошим удобрением грунта птичьим гуано в сочетании с обилием талой воды. Преобладают щитовидные зеленые водоросли *Прасола криспа* (*Prasola crispa*) в сочетании с подушечками мхов и яркими желтыми, оранжевыми и серыми лишайниками на поверхности скал. Площадь, покрытая растительностью, увеличилась по сравнению с первым описанием, сделанным в 1960 году. Позже исследования проводились в 1983 году, и следует сказать, что данные за разные годы чрезвычайно важны для проведения мониторинга окружающей среды и выявления долгосрочных изменений.

На мысе Берд — свободной ото льда территории острова Росса — находится крошечный, менее 0,25 км², особо охраняемый участок, обильно увлажняемый талыми водами, на котором по берегам ручейков растет множество мхов и водорослей. По сравнению с мысом Халлетт здесь совсем нет лишайников. Изучение этой территории может послужить важным шагом на пути выработки мер по охране типичных представителей всей разнообразной антарктической флоры. Это — единственная, самая удаленная от материка зона УО, окруженная зонами ПНИ, и она является уже относительно потревоженной по сравнению с зонами ПНИ, где научные наблюдения проводятся все последние десятилетия. Крошечная хижина, построенная на краю этой зоны, каждое лето дает приют одному-двум, максимум шести исследователям. Постоянная тревога, выражаемая этими исследователями по поводу малого количества уникальной растительности и слишком малой площади, занимаемой ею, является основной причиной для сохранения данного участка в полной неприкосновенности. Ведь в случае появления людей в связи с проведением каких-либо работ может быть легко уничтожено все, ради чего ведутся исследования.

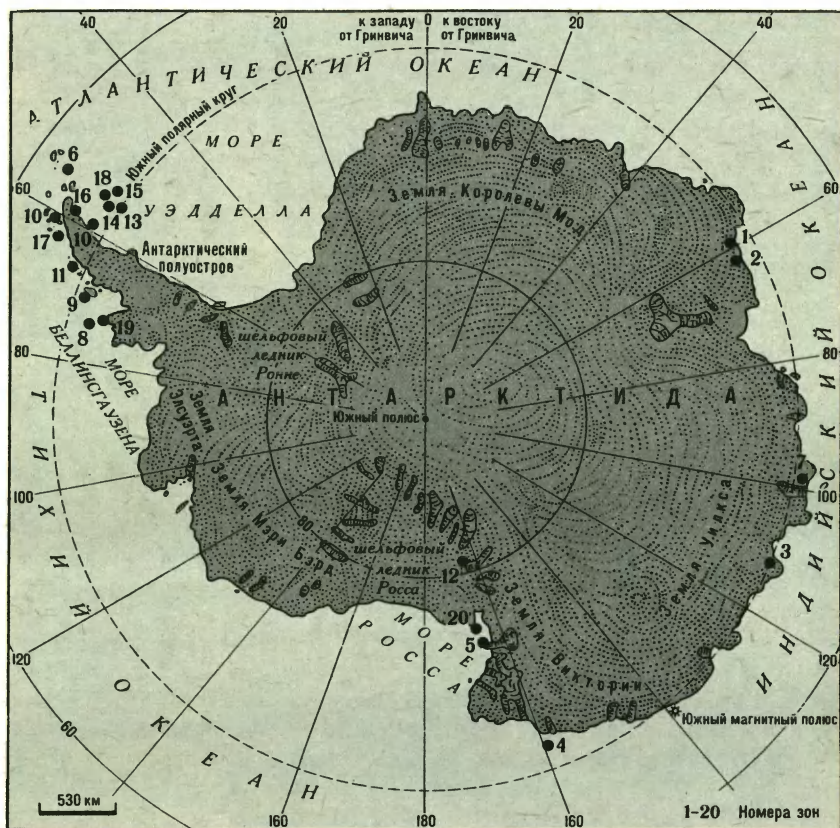
Крошечный остров Сабрина в архипелаге островов Баллени площадью менее 5 км² — самая северная территория в районе моря Росса. Охранный статус был присвоен ему потому, что на этой крайней северной широте было решено сохранить в неприкосновенности флору и фауну в их природной взаимосвязи. На острове располагаются большие колонии пингвинов и птичьи базары. Ниже уровня моря, вдоль побережья, расцветает морская жизнь. Флора острова представлена зелеными водорослями и лишайниками. Так же как и на мысе Халлетт, изобилие зеленых водорослей сочетается с образованием удобрений за счет птичьего помета, неизбежным при столь огромном количестве птиц. Просто невероятно, как на таком маленьком острове, как Сабрина, может существовать так много типичных представителей флоры района. Вероятно, и на других островах архипелага на удобренном грунте есть много видов растительности. Дальнейшие исследования помогут выявить участки, достойные таких же охранных мер, как и остров Сабрина.

Еще одна зона УО — остров Бофорта, редко посещаемый, несмотря на непосредственную близость от острова Росса, лежащего в 20 км к северу. За последние семь лет во время ежегодных

облетов острова транспортным самолетом «Геркулес» производилась аэрофотосъемка территории, выявившая огромную колонию пингвинов. Здесь скапливается свыше 70 тыс. пингвинов Адели и около 3500 императорских пингвинов, что уже само по себе говорит о необходимости охраны острова. Сведения о другой какой-либо сухопутной жизни пока отсутствуют, но весьма вероятно, что на свободных ото льда участках в прибрежной полосе и на скалистых утесах есть различные виды растений. Остров часто подвергается штормам, и разбивающиеся волны обдают его соленой водяной пылью. Если там есть растительность, то она должна была приспособиться к переизбытку удобрений, так же как и на острове Сабрина и мысе Халлетт.

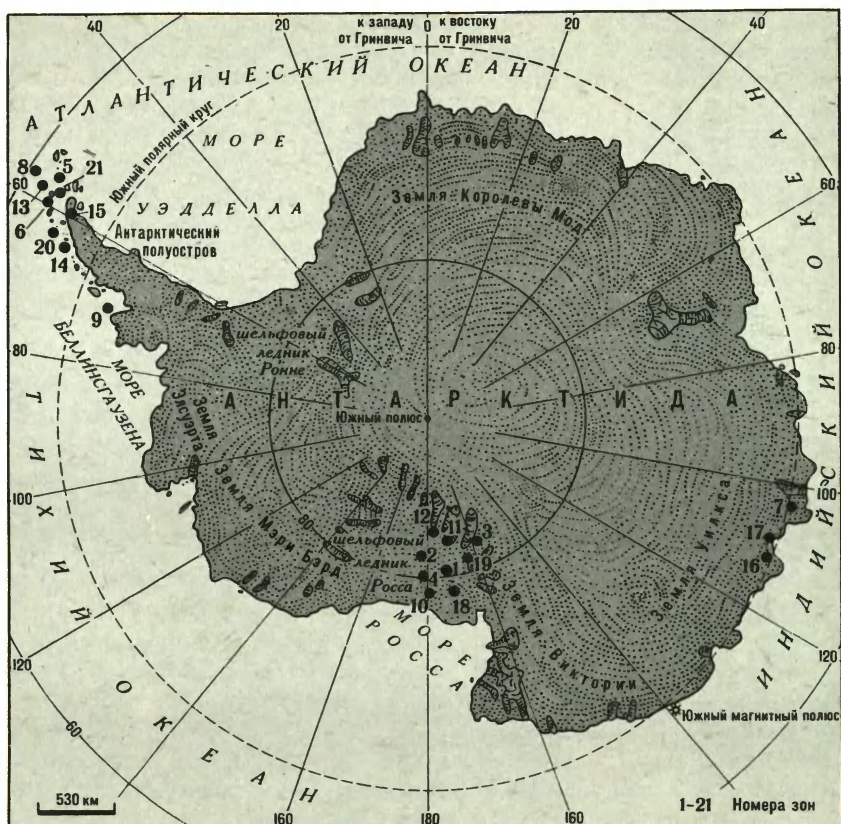
Из девяти зон ПНИ в районе моря Росса только на трех участках имеются условия для существования сухопутной флоры. Одна из них заселена тюленями, и одна намечена для изучения электромагнитных явлений в верхней атмосфере. Пункт Кэтли-Бич на острове Росса окружен несколькими зонами, заслуживающими особого внимания. Рядом, на материке, в долине Тэйлора, где располагается американская научная станция Мак-Мердо, есть интересный участок. Со стороны ледника Канада и по берегам ручейков по границе с ледяными склонами на увлажненном грунте поселилась растительность. Талые воды способствуют возникновению флоры более обильной, чем даже в пункте Кэтли-Бич. Особенно много здесь водорослей, среди которых встречаются виды, отсутствующие на острове Росса. Здесь в течение последних десяти лет ведутся различные биологические исследования и построены два небольших домика. Периодически этот район посещается учеными, следующими в другие пункты на вертолетах. Частое и интенсивное вторжение людей сопряжено здесь с большим риском потери научной ценности этого района, нуждающегося в усиленной охране. На некоторых участках уже видны следы вмешательства в окружающую среду в виде сотен квадратных сантиметров погибшего мохового покрова. В соответствии с выработанными недавно рекомендациями посещение этого района без специальных целей ограничено. Подушечки мха очень легко вытаптываются, и на влажном грунте даже шаги человека наносят непоправимый ущерб. Мох ведь растет очень медленно, на миллиметр в год, а то и меньше. Сезон роста длится всего два месяца. В оставшиеся десять месяцев мох промерзает и высыхает, и его вытаптывание становится непоправимым.

Большая часть площадей, свободных от снега и льда, обычно крайне обезвожена, за исключением коротких периодов снегопадов и метелей. В итоге только те небольшие участки, где временно скапливается немного талой воды, покрываются хоть и довольно скудной, но разнообразной по видовому составу растительностью. Поэтому такие участки приобретают особую ценность для изучения. Однако это отнюдь не означает, что не стоит уделять внимания и крайне сухим участкам, на которых возникают уникальные сообщества микроорганизмов, также легко уязвимых.

На насыщенных влагой грунтах отпечатки обуви и другие следы деятельности человека могут в течение недель, а то и месяцев заполниться песком и илом. А на сухих участках они становятся неизлечимыми ранами, и нарушения сохраняются годами, десятилетиями, а может быть, и больше. Наряду с этим известно, что микробная среда на сухих участках развивается очень медленно и, следовательно, еще дольше восстанавливается. Повсюду появляются следы пребывания человека. Это резко выделяющиеся тропинки, становища покинутых временных лагерей, вмятины от шасси вертолетов и другие характерные отметки на грунте. На мысе Крозье — еще одной свободной ото льда территории острова Росса — до сих пор отчетливо видны следы, оставленные гусеницами вездехода, прошедшего здесь четырнадцать лет назад.

Не меньше растительности интересует ученых и местная микробная среда, а точнее, каков состав простейших представителей окружающей среды и каково влияние вторжения чужеродных

микробов в местную среду? Неизбежно будут происходить такие вторжения в дальнейшем. Большое количество отходов постоянно выбрасывается из поселков и летних лагерей на острове Росса, что, несомненно, сопровождается внесением чужеродных микробов. Отрицательные последствия этого могут свести к минимуму определенные мероприятия. Микробы могут попадать также с поверхности тела людей, их одежды и научного оборудования. Этого можно избежать с помощью стерилизации приборов, тщательного мытья обуви и одежды, аккуратного хранения расходных материалов. Попадание в местную окружающую среду таких отходов, как пищевые отбросы, топливо и моча, может нарушить баланс местной микрофлоры и способствовать возникновению новой. В этом случае ограничение деятельности человека в наиболее интересных для изучения микрофлоры зонах становится просто необходимым.

Для двух зон ПНИ в районе моря Росса характерны крайне

бедные по составу сообщества микробов. Одна из этих зон — долина Барвика в южной части Земли Виктории. Она выделена как самая показательная из наименее нарушенных и загрязненных из всех так называемых «сухих долин» и благодаря своей нетронутой микрофлоре призвана служить в дальнейшем эталоном для сравнения с другими, более пострадавшими участками, чтобы проследить изменения и наметить пути восстановления исходного состояния.

В грунтах «сухих долин» содержатся особые «дрожжи» типа микроскопических грибов, обитающих только в таких зонах. Как считают ученые-микробиологи, микробная флора этих зон и условия, в которых она развивается, может быть обнаружена разве что на Марсе. Более богат микрофлорой склон долины Мак-Келви в пяти километрах от долины Барвика. Однако работавшая здесь в 1984 году полевая партия биологов сообщила о замеченных следах антропогенной деятельности.

Еще одна зона с интересной микробной средой рекомендована на Консультативном совещании в 1975 году. Это горная терраса хребта Асгард между долинами Тэйлора и Райта в южной части Земли Виктории на высоте 1500—1750 м над уровнем моря. Здесь особый интерес вызывает микрофлора, обитающая в скалах, сложенных песчаниками. С 1976 года здесь проводятся исследования лишайников, водорослей и бактерий, поселившихся на глубине нескольких миллиметров под скальной поверхностью, в капиллярах между кристаллами горных пород. В находящихся неподалеку совершенно голых скалах живут целые колонии ярко-зеленых и синезеленых организмов. Есть подобные сообщества и в других, более теплых районах Земли, но колония микроорганизмов из антарктических скал уникальна. В частности, это относится к крошечным ячеистым зеленым водорослям Хемихлорис антарктика (*Hemichloris antarctica*), впервые обнаруженным в горах Земли Виктории в 1984 году. В их описании отмечается, что полученные образцы подлежат тщательнейшему хранению, ибо скалы, где они были собраны, чрезвычайно хрупки и могут в любой момент подвергнуться разрушению.

И еще одна зона ПНИ, утвержденная в 1985 году, уникальна благодаря особому составу простейших организмов, живущих на поверхности грунта. Это самая высокая в Антарктике зона — 3400 м над уровнем моря, и расположена она на склоне горного хребта Трамвай, близ вершины действующего вулкана Эребус на острове Росса. Это один из самых активных выходов горячего пара на склонах вулкана. Пар очищает от снега и льда несколько гектаров площади. Температура на поверхности грунта порой достигает $+60^{\circ}\text{C}$. Теплый увлажненный грунт способствует росту удивительных мхов, нетипичных для остальной Антарктиды. Один из этих мхов является «термофилом», т. е. теплолюбивым, и прекрасно себя чувствует при температурах выше $+40^{\circ}\text{C}$. Здесь вторжение чужеродных микробов гораздо опаснее, чем даже в зонах с сухим грунтом. Новые микробы могут резко дестабилизировать местные популяции. Влажный теплый грунт — идеальное место

для процветания многих разновидностей мхов, печеночников, водорослей и их сообществ с грибами и бактериями. По-видимому, то, что здесь обитают лишь местные эндемичные сообщества, — результат крайне редкого попадания и выживания чужеродных видов, которые могли бы быть занесены на столь ограниченную площадь ветром из областей, удаленных на тысячи километров. Площадь этого участка мала, всего четыре гектара, наиболее же интересны из них два гектара.

Остальные четыре зоны ПНИ в районе моря Росса в отношении экосистем суши нехарактерны. Тем не менее в трех из них имеются признаки растительности, требующей охраны. Один из пунктов расположен на шельфовом леднике Росса, к северу от острова

Уайт. В нем небольшие озера, заселенные микроскопическими водорослями. И здесь же самая большая в Антарктиде площадь, около 125 км², заслуживающая особого внимания из-за огромного лежбища тюленей Уэдделла, служащих постоянным объектом биологических исследований. До сих пор остается загадкой: как возникло и существует это лежбище, удаленное от открытого моря на 25 км?

На острове Росса, в районе мыса Ройдс, находится самая южная колония пингвинов Адели. Ее охрана начата в 1967 году, когда было замечено, что население колонии стало быстро убывать после сооружения площадки для посадок вертолетов и постоянного присутствия большого количества людей. В результате ограничительных мер число пингвинов восстановилось.

В этом районе много озер с щелочной водой, обильно заселенных водорослями. Зона граничит с довольно большим озером Пони, на берегу которого стоит хижина, построенная экспедицией Шеклтона в 1905—1907 годах. Впервые водоросли из этого озера были описаны в те годы биологом экспедиции Шеклтона — Джеймсом Мурреем. В других озерах этого района — Голубом, Зеленем и Прибрежном — обитают подобные же специфические водоросли, характерные только для Антарктики.

Сходные условия на мысе Крозье — самой восточной оконечности острова Росса. Здесь имеются почти не затронутые антропогенным воздействием колонии императорских пингвинов и пингвинов Адели, а также ограниченные по площади участки с лишайниками, мхами и сообществами особых водорослей. Эти водоросли заселили самую большую из всех известных — территорию зеленых водорослей, способных существовать в снегу (так называемый «зеленый снег»). Скопление этих водорослей было обнаружено случайно уже после установления охранного статуса зоны.

Активные исследования верхней атмосферы, проводимые в зоне ПНИ, известной под названием Холмы Гостеприимства близ станции Мак-Мердо на острове Росса, существенно видоизменили флору и фауну этого района. Экосистемы суши сильно пострадали в результате строительства домов, дорог и ангаров для авиации, однако некоторые виды растительности сохранились. К сожалению, эта зона находится на очень небольшом расстоянии от нескольких постоянно действующих станций и слишком часто посещается людьми.

Во время подготовки этой статьи намечалась очередная консультативная встреча стран — участниц Договора об Антарктике в Бразилии и перед этим чувствовалось явное нежелание некоторых государств установить новые зоны УО и ПНИ. Поэтому пришлось ограничиться предложением о создании всего четырех новых зон, разбросанных вокруг Антарктического материка. В трех из них особой охраны требуют сухопутные экосистемы, а в четвертой — палеонтологические находки в Холмах Вестфолд близ австралийской станции Дэйвис.

Одна из новых зон — гора Мельбурн в районе моря Росса — напоминает зону на вулкане Эребус с сообществами особых микро-

организмов на геотермальном грунте. Однако здесь свой «ансамбль» редких видов. Хотя некоторые виды в районе горы Мельбурн и на вулкане Эребус имеют много общего, некоторые виды не встречаются нигде больше в Антарктике — это листовенные мхи и печеночники. Немного похожие мхи встречаются лишь в районе мыса Халлетт, где имеются и лишайники и два вида зелено-голубых водорослей, не обнаруженных на вулкане Эребус. Интерес микробиологов к этим микроорганизмам может упасть, если вторжение человека повлечет за собой засорение местной флоры и фауны чужеродными элементами. А такая опасность существует. Последние годы здесь постоянно работают летние партии западногерманских и новозеландских ученых. В будущем оборудование для проведения сезонных научных работ сохранится и на острове Герлаха в бухте Терра-Нова, где в нескольких километрах к югу в сезон 1986/87 года итальянцы построили свою постоянную научную базу. С этой базы на вертолете в считанные минуты можно долететь до горы Мельбурн. Статус зоны ПНИ для этого района позволит ограничить количество визитеров, вторгающихся в ареалы редких экосистем. Так же как и склон вулкана Эребус, весь охраняемый район горы Мельбурн располагается выше условной границы, проходящей на высоте 2000 м. Только после установления статуса зоны ПНИ этому району ничто не будет угрожать.

Информация о зонах УО и ПНИ постоянно изучается, с тем чтобы установить, как сказываются принимаемые защитные меры на сухопутных экосистемах в районе моря Росса. Нельзя ни на минуту забывать, что эти меры призваны защитить все разнообразные формы жизни как на суше, так и в пресноводных озерах. В «сухих долинах» южной части Земли Виктории каждое из замерзающих зимой озер обладает своей специфической флорой и фауной, своим физическим состоянием и химическим составом воды. Они активно изучаются учеными Новой Зеландии, США и Японии. На сегодняшний день лучше всех изучены озера Фрикселл и Бонне в долине Тэйлора и озеро Ванда в долине Райт. Подо льдом озера Ванда скрываются обширные заросли водяных мхов и водорослей. Насколько легко их можно повредить, свидетельствуют такие факты.

В 1973—1974 годах во время осуществления научной программы «Бурение в «сухих долинах»» на льду озера Ванда было установлено оборудование для бурения скважин с целью получения образцов донных озерных отложений. Двадцатидевятиметровая скважина серьезно нарушила состав вод озера. Позже, в летний сезон 1984—1985 годов, на ледяной покров озера были сброшены с самолета бочки с топливом, предназначавшимся для обеспечения научной станции. Из-за нераскрывшихся парашютов три бочки разбились, и на лед вытекло около 250 л горючего. К счастью, пораженная площадь оказалась незначительной, и загрязненный лед был быстро удален. Однако часть горючего успела проникнуть в воду. Теперь статус зоны ПНИ исключает повторение подобных инцидентов.

Совершенно особый характер носит живая природа системы засоленных озер Дон-Хуан на юго-востоке долины Райт. Воды этой

системы насыщены солями хлористого кальция, и вся поверхность вод обычно покрыта тонкой соляной пленкой. Озера никогда не замерзают. Это, конечно, крайне неблагоприятные для любых форм жизни условия, и пока здесь еще не обнаружены микроорганизмы. Но это отнюдь не означает, что их там совсем нет. Если в будущем они будут обнаружены, то наверняка окажутся хорошо приспособившимися микробами. Влияние антропогенной деятельности уже успело сказаться и в этом районе. Водная система Дон-Хуан разительно отличается от многих сотен и тысяч прочих озер района моря Росса. Если представители местной фауны еще не выявлены, то флора представлена здесь в виде водорослей, обильно покрывающих камни и дно. В разных водоемах обитают различные виды водорослей. Флора пресноводных и соленых озер существенно различна. К сожалению, еще многие водоемы системы Дон-Хуан не получили статуса зон ПНИ.

В будущем летние ручейки и более крупные водотоки типа небольших рек, несомненно, станут объектами детальных биологических исследований. Около 34 постоянных летних ручьев существует на территории мыса Берд острова Росса. На материке есть ручьи в долине Гарвуда. Населяющая их флора не похожа на флору ручьев в районе ледника Канада. Изучение экосистем проточных вод по сути дела только начинается.

В целом охрана большого количества зон необходима потому, что условия жизни в разных зонах очень разнообразны. Так, например, совсем особые сообщества обитают вблизи гнездовий птиц, где скапливаются удобрения в виде помета, а на совсем незначительном расстоянии от колоний характер флоры и фауны резко меняется. Очень много зависит и от положения участка. Если территория расположена на наветренной стороне, то она в гораздо большей степени подвержена засолению брызгами морской воды. Важную роль играет и рельеф, влияющий на перенос снега и, следовательно, на режим увлажнения. Это сразу становится заметным по расселению лишайников.

На сегодняшний день около 10% от территории 27 тыс. км², находящейся под наблюдением исследователей Новой Зеландии, охраняется от антропогенного воздействия. Предварительные исследования показывают, что этого недостаточно для полного охвата всего биологического разнообразия Антарктики. Ведь даже вся суммарная площадь зон УО и ПНИ составляет 670 км², что соответствует лишь 0,005% площади материка. Если же рассматривать более тщательно этот вопрос, то окажется, что для охвата большей части экосистем суши потребуется территория, составляющая примерно 0,2% от суммарной площади свободных ото льда участков. Но даже такая площадь не сможет отразить все разнообразие видов, обитающих в Антарктике, и следует предусмотреть для этого большую площадь.

На первых порах достаточно будет установить еще несколько новых зон в районе моря Росса. Большое значение будет иметь система ряда охраняемых территорий. При системе, включающей множество разбросанных маленьких участков, очень затрудняется

контроль. А в настоящее время развивается именно такая система. Только одна зона имеет размеры 352 км^2 , две — около 40 км^2 , пять — от 10 до 20 км^2 , а все остальные 28 — менее 10 км^2 . В рекомендациях Договора об Антарктике содержится требование, чтобы количество и размеры зон были сведены до необходимого минимума. Однако детальный анализ материалов о необходимости гарантированной охраны основной части антарктической сухопутной флоры и фауны свидетельствует о том, что охраняемых зон должно быть больше. Установлено также, что для полной сохранности флоры и фауны выделенные зоны УО и ПНИ должны быть окружены еще дополнительной буферной зоной. Особенно в тех случаях, когда вблизи охраняемого района строятся новые станции и другие технические сооружения. Пока большинство малых охраняемых зон не имеет буферных территорий. Так были построены две новые станции на острове Кинг-Джордж в непосредственной близости от охраняемых зон. Достаточно построить здесь еще одну станцию, и экологическое равновесие этого интереснейшего района будет нарушено. Вот нагляднейший пример неразумного вторжения человека в окружающую среду.

Самый безжизненный район — антарктический ледниковый щит — тоже нуждается в охране. Законсервированная в слоях льда история изменений климата может служить неоспоримым свидетельством явно выраженной тенденции роста уровня глобального загрязнения окружающей среды. Пока еще мало известно о сообществах микробов, попадающих на поверхность льда, а затем погребенных последующими слоями. На этой гигантской территории также следует выделить зоны для постоянного наблюдения за промышленным загрязнением и вторжением чужеродной микрофлоры.

ры. Подобный девственный участок ледника недавно получил статус зоны УО на Южных Оркнейских островах. В районе моря Росса со стороны материка имеется аналогичный потенциальный участок.

Стратегия поведения человека на Антарктическом материке окончательно пока не выработана. Необходимо безотлагательно сформулировать правила контроля хозяйственной деятельности, которая может погубить биологическую среду континента. Это должны быть комплексные меры по защите не только флоры и фауны, но и других неоспоримых природных ценностей, в число которых войдут и ландшафты, и геологические, геоморфологические, гидрологические и гляциологические особенности материка. Нельзя больше откладывать и решение вопросов, связанных с постоянно развивающимся туризмом. Только решительные меры могут уберечь биосферу Антарктики от уничтожения.

АДАПТАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА В АНТАРКТИДЕ

Открытие южнополярного континента Антарктиды русской экспедицией Ф. Ф. Беллинсгаузена и М. П. Лазарева в 1820 году стало крупнейшим географическим открытием XIX века и послужило стимулом к исследованиям в этом наиболее труднодоступном районе планеты. Лишь в начале нынешнего столетия появились первые антарктические зимовочные базы. Эра «пионеров Антарктиды» связана с именами К. Борхгревинка, Р. Скотта, Э. Шеклтона, Р. Амундсена и других отважных путешественников.

Уже первые экспедиции и зимовки показали, что человек встречается здесь с чрезвычайно суровыми (экстремальными) условиями. Сверхнизкие температуры, ураганные ветры, многомесячная изоляция полярников от внешнего мира, своеобразие ландшафта, трудности жизни маленьких мужских коллективов — это далеко не полный перечень специфических будней зимовочных баз. Природные условия Антарктиды требуют от полярников сверхчеловеческой выносливости и большого мужества. Многие заплатили жизнью за попытку узнать тайны Антарктиды. Широко известны трагические обстоятельства гибели Р. Скотта и его спутников в 1912 году на обратном пути от Южного полюса вследствие недоедания и пурги. По данным американского врача Гедблома, за 140 лет со времени открытия Антарктиды зарегистрировано 139 смертей за Южным полярным кругом. Лишь 4 человека умерли от болезней, а остальные стали жертвами несчастных случаев: упали в трещины, сгорели при пожарах, утонули в океане.

До 50-х годов экспедиции на этот континент были немногочисленными. Рубежом стал период проведения Международного геофизического года (1957). Многие страны объявили о своем участии в его проведении. Первая Советская антарктическая экспе-

диция (1955—1957) под руководством известного полярника, Героя Советского Союза М. М. Сомова основала обсерваторию Мирный. Затем были созданы другие станции в различных районах, в том числе и в центральной, самой суровой части континента. Советские исследования Антарктиды стали постоянными. Подписание Договора об Антарктике (1959) двенадцатью государствами, в том числе Советским Союзом, стало юридической основой международного сотрудничества, которое успешно развивается и расширяется. За истекшие десятилетия около 30 тысяч советских людей участвовали в Антарктических экспедициях. Более 15 тысяч — участники зимовок на советских станциях Восток, Мирный, Молодежная, Новолазаревская, Ленинградская, Беллинсгаузен.

Я принимал участие в Шестой и Десятой САЭ, зимовал в обсерватории Мирный, обеспечивал в качестве врача-повара санно-гусеничные походы по маршруту Мирный — Комсомольская — Советская — Восток. Это позволяет мне осветить проблему адаптации с позиций собственного опыта, используя, разумеется, результаты исследований как других советских, так и зарубежных специалистов. Подобно многим коллегам, работавшим в южнополярном районе, я до сих пор остаюсь в плену «белого магнита» Антарктиды. Слишком ярки и необычны впечатления о жизни и работе на этом континенте. Нельзя не согласиться с В. Песковым, писавшим в своей книге после посещения Антарктиды, что полярников после трудных зимовок еще долго преследуют «белые сны». Медицинские вопросы адаптации и в целом состояния здоровья человека на ледяном континенте стали частью научных программ Советских антарктических экспедиций.

Адаптация — результат взаимодействия внешней среды и организма человека. Поэтому кратко отметим особенности природных и социальных условий на современных антарктических станциях. Можно сказать, что полярники здесь живут в условиях ледникового периода с его суровым климатом. Хотя современные социально-бытовые условия жизни здесь расцениваются как относительно благоприятные для сохранения здоровья, однако они не могут полностью нейтрализовать отрицательное влияние природы Антарктиды на организм человека. Люди не изолированы от внешней среды, а она здесь весьма своеобразна.

Антарктида — полярный ледяной материк площадью около 14 млн км². Кроме того, это высокогорный материк. Средняя высота его — 2040 м, что в 2,8 раза больше средней высоты всей остальной суши Земли (780 м), поэтому здесь сочетаются условия Заполярья и высокогорья. На всем континенте, кроме узкой береговой полосы, температура воздуха отрицательна в течение всего года. По мере удаления от побережья она неуклонно понижается. Самая низкая температура на земном шаре зарегистрирована на станции Восток (—89,2°). Годовые ее колебания на побережье материка составляют около 45°С, а в Центральной Антарктиде достигают 55—66°. Это проявления континентального климата. Среднегодовое атмосферное давление на побережье равно 980—990 мб по сравне-

нию с 1010 мб на экваторе и 1000 мб в центре исландского минимума. На побережье при циклонической погоде атмосферное давление резко колеблется, что небезразлично для здоровья метеобильных людей. В Центральной Антарктиде — высокогорном плато — давление всегда низкое и на высоте 3500 м составляет в среднем 620—630 мб, или 465—472 мм рт. ст. Ветровой режим — один из главных факторов, обуславливающих суровость климата Антарктиды. Для побережья и антарктического склона характерны частые ветры, достигающие силы урагана, особенно зимой. В Центральной Антарктиде скорость ветра не превышает 5 м/с. Ветры «порождают» частые метели и пурги. Количество дней с метелями составляет за год: Мирный — 190, Пионерская — 259, Восток — 41. Особенностью Антарктиды является низкая влажность воздуха. На станции Восток абсолютная влажность составляет лишь 0,003 мб по сравнению с 30 мб на экваторе.

Условно можно выделить основные сезоны года. Антарктическое лето короткое — декабрь и январь — с довольно однородными условиями погоды. В районе Мирного температура воздуха составляет $-2, +2^{\circ}$, что на $5-9^{\circ}$ ниже, чем в соответствующих широтах Арктики. Летом на побережье возможно таяние снега. Заметно уменьшается скорость ветра, увеличиваются влажность воздуха и облачность. В Центральной Антарктиде температура воздуха также заметно повышается. Наступает южнополярный день. Однако эти районы остаются царством холода. Летняя температура на станции Восток равна $-32-34^{\circ}\text{C}$. Антарктическая осень длится не более двух месяцев (февраль и март). Повсюду быстро понижается температура воздуха, сокращается светлое время суток. На побережье учащаются штормовые ветры и метели. В Центральной Антарктиде температура воздуха понижается до $-65-67^{\circ}\text{C}$. В марте здесь устанавливается зимний режим погоды, на антарктическую зиму приходится около шести месяцев (апрель — сентябрь). Внутри материка ее продолжительность достигает 7—8 месяцев. Зима здесь самая суровая на Земле (станция Восток — «полюс холода»). На побережье среднемесячная температура равна $-12-20^{\circ}\text{C}$, что мало отличается от температурного режима соответствующих широт Арктики. Однако жестокость погоды определяют частые штормовые ветры (стоковые и циклонические). Антарктическая весна приходит в октябре — ноябре. Непрерывно и быстро повышается температура воздуха. Среднемесячные ее значения в Мирном составляют $-9-10^{\circ}\text{C}$, во внутриматериковых районах $-50-52^{\circ}\text{C}$. Одновременно прогрессивно увеличивается световой день. Облачность уменьшается. Наблюдается максимум ясных дней.

Вследствие высокой отражательной способности (альбедо) снега, достигающей 83—96%, а также эффективного излучения тепла в космос радиационный баланс Антарктиды всегда отрицателен в центральных ее районах, положителен на ледниковом склоне и побережье три-четыре месяца в весенне-летний период. Ведущее климатообразующее значение имеют теплые воздушные массы, приходящие к Антарктиде с океана. Приполюсное положение конти-

нента обуславливает наличие полярного дня и полярной ночи, в период которой организм человека испытывает солнечное голодание.

Как оценивается жесткость погоды Антарктиды? Предложен ряд обобщенных показателей, одним из которых является «ветро-холодовый индекс». В нем объединено охлаждающее влияние на организм движения воздуха и температуры в виде шкалы теплопотерь (ккал/м в час). Шкала колеблется от условного значения 50 (ощущение «жарко») до 1000 («очень холодно») и 2500 («невыносимый холод»). Этот индекс, довольно точно отражающий ощущение холода человеком на открытом воздухе, имеет недостаток — отсутствие учета теплоизоляции одежды полярников. Для обсерватории Мирный среднегодовое значение индекса равно 1440, достигая в самый холодный месяц 1740, а в самый теплый — 1050. Следовательно, здесь на открытом воздухе ощущение «очень холодно». Что же говорить о «полюсе холода» в районе станции Восток!

Итак, климат Антарктиды самый суровый на земном шаре. Он является ведущим природным фактором, требующим эффективной социально-бытовой защиты полярников.

Немаловажное значение для здоровья имеют геофизические явления в Антарктиде. В связи с высокими широтами они протекают весьма активно (полярные сияния, геомагнитные возмущения, атмосферное электричество, ионизация воздуха и др.). Благодаря наличию у человека врожденного свойства магнито- и метеочувствительности эти природные факторы вызывают изменения жизнедеятельности организма. Специально изучая этот вопрос, мы назвали их гелиометеотропными реакциями исходя из современных представлений о связях в системе «солнце — климат — человек». По образному выражению основателя гелиобиологии А. Л. Чижевского, все мы «живем в ритме Солнца», т. е. в биосфере Земли отражаются изменения солнечной активности, которые накладываются на биологическое действие климата и погоды.

Адаптация к окружающей среде — универсальное свойство всего живого. Особенностью человека, как существа разумного, является создание искусственной среды обитания (техносферы) для облегчения процесса адаптации. Подчиненное значение в отличие от других живых организмов имеют биологические механизмы адаптации. Совершенствуя техносферу, человечество получило возможность расселиться во всех районах Земли, стало осваивать ближний космос, глубины Мирового океана. Каковы же некоторые особенности социальных условий (техносферы) в Антарктиде? Это жилище, одежда, питание, водоснабжение, организация труда и отдыха, средства связи и др.

Основным типом жилища являются дома из алюминиевых панелей с высокой теплоизоляцией, такие, как здания аэрометеорологического центра Молодежная. Они специально построены на скалах и приподняты с помощью металлических свай примерно на 2 м. Этот градостроительный прием позволяет избегать снежных заносов при зимних метелях. Как по нашим данным, так и по материалам

других полярных врачей, на советских станциях в помещениях в течение зимовки поддерживался достаточно комфортный микроклимат. Например, в медицинском пункте обсерватории Мирный температура воздуха колебалась около 19°C (подснежное здание). В надснежных зданиях температура зимой и летом составляла $20,9\text{—}22,9^{\circ}\text{C}$. Это обеспечивалось непрерывным электробойлерным отоплением. Аналогичные температуры внутри помещений зарегистрированы на внутриантарктической станции Восток.

В антарктических жилищах низка относительная влажность воздуха, вызывающая раздражение дыхательных путей, поэтому требуется искусственное увлажнение помещений.

Специальные исследования показали высокую степень чистоты воздуха жилых зданий. Например, в 10-й САЭ в двенадцати помещениях обсерватории Мирный, по данным советского ученого В. Ф. Гаршенина и микробиолога Техасского университета США Майера, количество выросших бактерий в посевах составило от 2 до 73 в разные сезоны года, что в 50—100 раз ниже нормативов для средних широт. В 94—97% случаев в посевах определена плесень (пенициллиум, аспергиллюс). Болезнетворная микрофлора (по одной колонии) высевалась в мае и сентябре.

Вентиляция, освещенность жилых и служебных помещений соответствует гигиеническим нормативам.

Таким образом, микроклимат типовых зданий антарктических станций достаточно комфортен. Это позволяет полярникам находиться внутри помещений в легкой одежде.

Участники САЭ обеспечены разнообразным набором обмундиро-

вания, позволяющего работать на открытом воздухе при сверхнизких температурах (до -80°C и ниже). Оптимальным оказался костюм КАЭ из верблюжьей шерсти с капюшоном и клапаном для защиты лица от обморожения. Однако его ветрозащитные свойства недостаточны для длительной работы при сверхнизких температурах. Трудно объяснить отсутствие в Антарктиде традиционной одежды народностей Крайнего Севера, обладающей хорошими тепло- и ветрозащитными свойствами. Вероятно, дело в отсутствии здесь традиций аборигенов Севера и кратковременности зимовок в Антарктиде (около года).

Питание полярников обеспечивается привозными продуктами. Используются естественные ледники. Суточные рационы питания зависят от характера труда. Для лиц физического труда рацион должен составлять 4500—5000 ккал/сутки, а для работников камерального труда — 3500—4000 ккал/сутки. Существующие нормы питания на антарктических станциях различных стран вполне обеспечивают энергетические потребности организма. Характер питания ненормированный, что при малоподвижном образе жизни зимой приводит к увеличению массы тела. Однако не следует уменьшать существующие нормы питания в Антарктиде, поскольку всегда существует угроза аварийных ситуаций и авральных работ с большими энергозатратами. Кроме того, полноценное и разнообразное питание — своеобразная компенсация за трудности жизни в изолированных небольших мужских коллективах зимовочных баз. Недаром профессия полярного повара-кулинара весьма уважаема.

Качественный состав рациона (витамины, микроэлементы) хотя и соответствует нормативам, но нередко во вторую половину зимовки ухудшается. Это связано с трудностью хранения витаминносителей (овощи, фрукты, молочные продукты). Видимых проявлений недостатка витаминов и микроэлементов мы не наблюдали, хотя биохимическими методами начальные стадии определялись.

Питание полярников можно оценить как физиологически достаточное и сбалансированное, способствующее сохранению хорошего уровня здоровья. Однако необходимость его улучшения существует, особенно по витаминному и микроэлементному составу. Следует учесть, что Антарктида и прибрежные моря — заповедная зона, что исключает использование местных пищевых ресурсов (тюлени, пингвины). Рыболовство носит эпизодический характер в форме любительства и не может рассматриваться как источник продовольствия.

Для здоровья важно качество питьевой воды. В Антарктиде единственным ее источником является снег и лед, при растапливании которых электротаялками удовлетворяются нужды полярников. Это маломинерализованная вода. Так, по данным В. Ф. Гаршенина, в 10-й САЗ ледниковая вода обсерватории Мирный не содержала железа, фтора, в ней лишь следы кальция, магния, хлоридов, а сухой остаток лишь 33 мг/л. Длительное пользование такой водой чревато развитием кариеса (недостаток фтора!). Поэтому дефицит микроэлементов должен быть восполнен за счет пищевых продуктов.

Отметим другие особенности жизни человека в Антарктиде.

Банно-прачечное обслуживание благодаря достатку электроэнергии и, следовательно, воды соответствует гигиеническим нормативам. Русская баня весьма популярна и при монотонности зимовочной жизни воспринимается как праздник.

Характер труда определяется спецификой профессий. Есть вахтовый труд (радисты, метеорологи). Многие специальности связаны с работой на открытом воздухе (гляциологи, механики-водители, метеорологи). Зимовка — это выполнение научных программ и необходимых хозяйственных работ. Поэтому официальных выходных не существует. Однако отдых полярников во внеслужебное время, восьмичасовой ночной сон, с нашей точки зрения, достаточны для восстановления сил. Все же постепенно накапливается усталость преимущественно психологического характера, причиной которой является многомесячный отрыв от семьи и друзей.

Трудно переоценить значение радиосвязи для полярников. Ленинградцев и москвичей всегда волнуют радиотелефонные переговоры с родными и близкими. Не забуду, как мы вслушивались в передачи программы «Маяк» или записанные на пленку «Последние известия».

Культурный досуг полярников заполнен чтением и особенно просмотром кинофильмов. Практически ежедневным! Немало спортивных игр (шахматы, шашки, домино, бадминтон). На современных крупных станциях строятся залы для гимнастов, тяжелоатлетов. Популярны пешеходные прогулки в окрестностях зимовок, хотя они и небезопасны при метелях. Какое удовольствие и заряд бодрости дает общение с пингвинами и другими птицами Антарктиды! С тюленями общения более редки. Флора прибрежной Антарктиды чрезвычайно скудная, представлена мхами и лишайниками на выступающих из-под снега и льда скалах. Не случайно так любят полярники «пейзажные» кинокартины с обилием флоры и фауны средних и южных широт. Весьма популярны также кинокомедии.

К сказанному следует добавить трудности психологической адаптации в замкнутом, немногочисленном мужском коллективе. Здесь быстро «просвечиваются» люди эгоистического склада. К сожалению, психологического отбора на зимовки пока не существует. Не случайно ядро каждой советской антарктической станции составляют опытные полярники — участники зимовок в Арктике и на шестом континенте, деловые и моральные качества которых известны руководителям зимовок. Мы присоединяемся к мнению ряда ученых, считающих Антарктиду уникальной земной лабораторией для оценки резервов приспособительных возможностей человека, в том числе для подготовки к длительным космическим полетам.

Можно считать, что современные антарктические станции — это форпосты цивилизованного мира, снабженные всем необходимым для обеспечения здоровья, жизни и работы в суровой обстановке.

Условия ледниковой эпохи особенно присущи местам, где проходят внутриантарктические санно-гусеничные походы. Участвуя в походах 6-й САЭ по маршруту Мирный — Пионерская — Комсомольская — Советская — Восток в качестве врача-исследователя и повара, я испытал их полной мерой. Щитовые домики на гусеничных вездеходах слабо удерживали тепло. Угольные печки обеспечивали лишь кратковременный тепловой комфорт. К утру температура на высоте 1 м от пола падала до 0°С. Днем работали в наиболее теплом наборе одежды и обуви, ночной сон — в спальнях мешках. Питание было относительно разнообразным. В Центральной Антарктиде вода закипает при +86°С, что затрудняло приготовление мясных блюд. Выручали заранее приготовленные в Мирном пельмени, супы и другие блюда, которые замораживались до похода. Оставалось лишь их подогреть, растопить. Недостаточными оказались тепло- и ветрозащитные свойства костюма КАЭ на плато Советское. В походе нельзя было организовать баню. Приходилось ограничиваться мытьем открытых частей тела со сменой белья. Работали по 12—14 часов, что совпадало с продвижением на антарктической целине. Свободного времени оставалось мало, читать не хотелось из-за усталости.

Приведу краткую выписку из своего антарктического дневника.

«19 марта 1961 года. Сто тридцать четвертый день 6-й САЭ. Санно-гусеничный поезд возвращается из Комсомольской в Мирный. Семь полярников, три тягача, жилой и кухонный домики, сани с горючим. В течение дня бушует метель, сильный ветер при температуре до —52°С. К 15 часам с большим трудом прошли 17 км и остановились в 570 км от Мирного. Ничтожная видимость из-за пурги еще больше уменьшалась от выхлопных газов, которые ветер гонит впереди машин. Во время движения мне пришлось отлеживаться на нарах жилого домика из-за тряски и качки на снежных застругах. Сильные атмосферные помехи на стоянке (пурга!) крайне затруднили радиосвязь с Мирным. После остановки готовил блюда: суп, пшенная каша, кисель. Досаждают руки, болезненные трещины на пальцах, которые здесь заживают медленно. У моих спутников легкие обморожения. Радист М. Любарев, потерявший голос из-за воспаления гортани на Комсомольской, снова его обрел. Восхищен терпением водителей, подолгу работающих на морозе у своих машин, разогревающих паяльными лампами моторы перед выходом...»

Очевидно, что работа во внутриантарктических походах — наиболее трудное испытание для полярников. Однако необходимый минимум социально-бытовой защиты от холода, высокое чувство гражданского долга, взаимовыручка и коллективизм способствовали выполнению поставленных в походах задач. Аналогичные трудности и проблемы описаны зарубежными полярниками — участниками походов.

Каковы особенности адаптации человека в Антарктиде? Сначала рассмотрим содержание термина «адаптация». Определений очень много. Академик И. П. Павлов считал, что живые организмы постоянно приспосабливаются к внешней среде за счет механизмов уравнивания. Адаптация присуща всем биологическим системам — от простейших до человека. Приведем лишь два определения этого термина. Одно — из Большой Советской Энциклопедии.

«Адаптация физиологическая — последовательное снижение степени раздражимости под влиянием соответствующего активного раздражителя».

Мы согласны с академиком АМН СССР В. П. Казначеевым, который применительно к человеку определил адаптацию в физиологических критериях следующим образом: «Адаптация — процесс поддержания функционального состояния гомеостатических систем (поддерживают постоянство внутренней среды. — Н. Д.) и организма в целом, обеспечивающий его сохранение, развитие, работоспособность, максимальную продолжительность жизни в адекватных и неадекватных условиях среды».

В научной литературе широко также используется термин «акклиматизация», где акцент делается на приспособление к новым климатическим условиям. С нашей точки зрения, предпочтительнее термин «адаптация» как более широкий. Оба они могут считаться в определенной степени равнозначными.

При оценке адаптации все дело в том, насколько соответствуют резервы индивидуального здоровья человека условиям окружающей среды. Поэтому различают адекватные (соответствующие генотипическим свойствам организма) и неадекватные (не соответствующие этим свойствам) условия природной и социальной среды. Естественно, что, чем более экстремальны (неадекватны) условия жизни, тем значительнее проявления процесса адаптации. На Земле это наиболее характерно для Арктики и Антарктиды, высокогорья, пустынь и тропиков. Благодаря социальным средствам защиты от неблагоприятной для здоровья среды, а также большим резервам адаптации постоянное население проживает во всех

экстремальных географических районах. Исключением является Антарктида.

Адаптация характеризуется определенными фазами развития. Различают краткосрочную (примерно до 2—3 лет жизни в новых условиях) и долгосрочную (более 3 лет) адаптацию. Антарктические зимовки пока не превышают 1,5 года (двухгодичные были единичными). Смена зимовочного состава происходит в период антарктического лета. Часть старой смены остается на сезонные работы до осени (апрель). Поэтому для полярников Антарктиды типичны проявления краткосрочной адаптации. Краткосрочность отнюдь не означает, что она проходит легко или без последствий для здоровья. Любая адаптация, по мнению академика АМН СССР А. В. Авцына, имеет свой уровень «биосоциальной платы», которая означает морфологические и другие изменения организма, после возвращения в привычные условия не восстанавливающиеся на 100%. Образно говоря, «изнашивание» организма и его старение как бы ускоряются. Конечно, здесь имеются большие индивидуальные различия. Речь идет о врожденных генетических программах. Согласно предположению академика АМН СССР В. П. Казначеева, у части людей при перемещении в экстремальные условия эти программы лабильны и способствуют полноценной адаптации. Из этих контингентов формируется постоянное население. У другой части людей генетические программы малоподатливы, что затрудняет адаптацию. Это вынуждает их возвращаться в привычные условия (обратная миграция). Эта проблема изучается учеными Сибирского отделения АМН СССР на основе современных представлений о морфофункциональных особенностях (конституции) человека, функциональной асимметрии полушарий головного мозга, генетической памяти и др. С позиций «биосоциальной платы» важно знать отдаленные последствия для здоровья повторных зимовок в Арктике и Антарктиде, чем, в частности, заняты ученые Арктического и Антарктического института Госкомгидромета СССР в лаборатории полярной медицины.

По современным представлениям процесс адаптации — это переходное (промежуточное) состояние между нормой (истинным здоровьем) и болезнью (нарушением здоровья). Адаптация, как правило, отражает новый уровень функционирования организма в связи с изменившимися условиями его существования. Например, физическая нагрузка, которая вызывает учащение сердечных сокращений, увеличение минутного объема крови, учащение дыхания и другие сдвиги систем кровообращения и дыхания для обеспечения организма кислородом в связи с возросшими потребностями.

Различают «ступени» здоровья через уровни адаптации. Так, Р. М. Баевский и С. Г. Гуров выделяют четыре уровня: удовлетворительное приспособление, состояние активного напряжения, состояние плохого равновесия с окружающей средой, срыв адаптации или предболезнь. Разрабатываются методы оценки этих уровней адаптации, важные для выявления предболезненных состояний и

их предупреждения в основном немедикаментозными средствами.

Каковы механизмы адаптации? Существует множество теорий; основные из них:

— управляющая и регулирующая адаптивные процессы роль центральной нервной системы (коры больших полушарий головного мозга, получающей информацию через зрительный и другие анализаторы о внешней среде) при взаимодействии организма и окружающей среды (И. П. Павлов);

— адаптивная роль вегетативной нервной системы, непосредственно обеспечивающей «растительную» деятельность (питание, кровообращение, дыхание, обмен веществ) через высшие вегетативные центры (гипоталамус и др.), симпатический и парасимпатический отделы. Особенное значение имеет адаптационно-трофическая функция симпатического отдела по Л. А. Орбели и А. Г. Ги-нецинскому;

— теория стресса или общего адаптивного синдрома, выдвинутая и разработанная канадским ученым Гансом Селье. Ее суть в следующем. В ответ на чрезвычайные (экстремальные) для организма раздражения (стрессоры) — от холода до психологического потрясения — возникают довольно однотипные изменения (стресс) за счет усиления активности системы «гипофиз — кора надпочечников» с выделением в кровь избыточного по сравнению с обычным количеством адаптивных гормонов, т. е. биологически активных веществ — продуктов желез внутренней секреции. Состояние стресса еще не болезнь, и в привычных условиях обитания человека это нормальный уровень напряжения систем и равновесий его организма. Следовательно, стресс — необходимый спутник нашей жизни. Все дело в количественных и качественных его характеристиках. Чем жестче условия жизни, тем сильнее проявления стресса и тем возможнее его переход в различные болезненные состояния. Огромную роль здесь играют индивидуальные резервы здоровья;

— синдром полярного напряжения (В. Р. Казначеев). Пусковым механизмом является нарушение окислительно-восстановительных процессов в биологических мембранах клеток под влиянием электромагнитных полей (особенно выражено в Заполярье). В ответ на избыточное образование недоокисленных продуктов (перекисей) в клетках формируются ответные реакции нервной и эндокринной систем, внешне проявляющиеся общими адаптивными реакциями организма в новых климатогеографических условиях;

— теория структурных адаптивных изменений в клетках или структурного следа в системах, специфически ответственных за адаптацию организма к конкретному фактору среды (Ф. З. Меерсон). В клетках существует взаимосвязь между функцией и генетическим аппаратом. Через эту взаимосвязь функциональная нагрузка, вызванная действием факторов окружающей среды, приводит к увеличению синтеза (образования) нуклеиновых кислот и белков, т. е. структурного следа. После прекращения действия

данного фактора среды (например, высотной гипоксии или недостаточности кислорода) происходит исчезновение системного структурного следа.

Каковы основные особенности адаптации человека в Антарктиде?

Предварительно заметим, что полярники — это здоровые люди молодого и среднего возраста, прошедшие медицинский отбор и признанные годными для работы на шестом континенте. Естественно ожидать, что процесс их адаптации носит нормальный, или физиологический, характер. Так ли это? Рассмотрим принципиальные итоги исследований этой проблемы за последние десятилетия.

Нервная система. Ее адаптивные изменения оказались характерными для здоровых людей с нормальной психикой в экстремальных условиях.

Обращает внимание относительное обилие субъективных нарушений самочувствия (ухудшение сна и работоспособности, разнообразные болевые ощущения и т. п.). Это происходило на фоне обострившегося внимания полярников к своему здоровью в условиях длительной изоляции от привычных условий жизни и труда, хотя каждая зимовка обеспечена квалифицированной медицинской помощью.

На наших зимовках мы получили следующую динамику субъективных нарушений (в % от числа обследованных):

Экспедиции	Число полярников	Сроки исследований и сезоны года				
		Май	Июль	Ноябрь	Январь	После зимовки
		Зима		Весна	Лето	Корабль
6-я САЭ	90	27	75	26	62	48
10-я САЭ	70	60	53	54	22	10

Видно, что в двух коллективах обсерватории Мирный нарушения самочувствия были относительно частыми преимущественно в зимний период. Они регистрировались во всех возрастных и профессиональных группах полярников. Их информативная ценность неоднозначна. Чаще всего это было отражением в сфере сознания легких функциональных сдвигов в организме, редко — начало заболеваний. Это подтверждается тем фактом, что у абсолютного большинства своих пациентов я не смог обнаружить нарушений функции мышц, сердца, легких и других органов, используя современную диагностическую аппаратуру.

По данным многих полярных исследователей-медиков, продолжительность ночного сна у сотрудников антарктических станций составляла около 8 часов, т. е. соответствовала норме. Его нарушения обычно сопутствовали развитию неврозов.

Высшие психические функции (память, мышление и др.),

согласно нашим данным и данным В. В. Борискина, на протяжении зимовки не только не ухудшались, но даже и улучшались. Мы объясняем это повышением чувствительности анализаторов при недостаточности внешних раздражителей (вокруг ледяная пустыня, монотонность социальной среды). Недаром у полярников столь велика потребность в ярких зрительных впечатлениях, которая лишь частично удовлетворялась просмотром кинофильмов, общением с птицами и морскими животными Антарктиды.

Изучая электрическую активность головного мозга (энцефалография) полярников, П. В. Бундзен, Е. А. Ильин, Н. Н. Василевский и другие пришли к выводу, что выраженность тормозных процессов в коре больших полушарий снизилась и, как следствие, повысилась чувствительность центральной нервной системы к внешним раздражителям. Указанные изменения более существенны на станции Восток в Центральной Антарктиде по сравнению с береговыми (Молодежная). С. И. Сороко обосновал возможность определения индивидуальных типов адаптации, обусловленных тремя уровнями пластичности нервной системы — высоким, средним и низким (а эти относятся к генетическим особенностям личности). Энцефалографический метод может быть использован для медицинского отбора в полярные экспедиции и прогнозирования адаптивных реакций.

Материалы по адаптации нервной системы на Крайнем Севере позволили Ц. П. Короленко выделить «синдром психоэмоционального напряжения» в начальном периоде проживания в экстремальных условиях. Его главное проявление — тревожность, начиная от психофизиологического дискомфорта и кончая невротическим уровнем тревоги. Он отражает состояние хронического стресса. У части новоселов Заполярья на этом фоне формируются болезни (гипертония, язвенная и др.).

Неврозы и другие нервные расстройства в зимовочных коллективах Антарктиды сравнительно редки. По данным А. П. Матусова, в структуре общей заболеваемости САЭ неврозы составили 6,6% (пятое место). Психозы были единичными. На американских станциях психические расстройства составили 0,9% врачебных выводов.

Приведу собственное наблюдение развития невроза:

С-ок И., 35 лет. Сотрудник станции Восток 10-й САЭ. Зимовал впервые. Признан годным для работы в Центральной Антарктиде. В феврале 1965 года, в начальный период высокогорной адаптации, стал жаловаться на угнетение настроения, бессонницу, различные страхи при отсутствии существенных проявлений горной болезни. Часто недосыпал из-за необходимости срочного ремонта вышедшей из строя радио- и геофизической аппаратуры. Предоставление отдыха, лечение успокоительными препаратами оказались неэффективными. Эвакуирован самолетом в Мирный, где лечение было продолжено. Повторное перебазирование на Восток для принятия оборудования от старой смены резко ухудшило самочувствие. Появились выраженные страхи за свою жизнь, усилилась бессонница, снизилась трудоспособность. Решено возвратить в Мирный с последующей эвакуацией на Родину. Существенных нарушений здоровья, за исключением психоэмоциональной сферы, мной не обнаружено. Имелась тенденция к снижению артериального давления, асимметрия кожной температуры в отдельных сегментах тела.

Диагноз. Дизадаптационный астенический невроз тяжелой степени с нарушением трудоспособности. По состоянию здоровья зимовка противопоказана. Нуждается в эвакуации на Родину по медицинским показаниям.

Мной и другими исследователями изучены адаптивные изменения вегетативной нервной системы на основе сердечных рефлексов, зрачковых реакций, симметричности артериального давления и кожной температуры, состояния подкожных кровеносных сосудов и других показателей. Обнаружены сезонные изменения изучавшихся показателей, однако у абсолютного большинства полярников они носили нормальный приспособительный характер. Обращала внимание частота асимметрий кожной температуры на дистальных участках тела (кисти, стопы). Например, среди сотрудников обсерватории Мирный в 10-й САЭ эта группа составляла 26—55% обследованных в различные сроки зимовки при ежемесячных исследованиях. Однако средние значения кожной температуры и ее топография (распределение) соответствовали таковым у здоровых людей других контингентов. Важно подчеркнуть, что наблюдавшиеся нами сверхнормативные отклонения отдельных вегетативных показателей не трансформировались в болезни.

Эндокринная система. Под ней подразумевают железы внутренней секреции (гипофиз, щитовидная железа, надпочечники, половые железы). Исходя из теории Селье о стрессе, в условиях Антарктиды следовало бы ожидать существенной активации системы «гипофиз — кора надпочечников». Полученные данные неоднозначны. В. В. Борискин, И. Ф. Рябинин не находили существенного увеличения в крови гормонов, свидетельствовавших об активации этой системы. Все же в начале зимовки гормональный статус был повышен, а затем нормализовался. Сезонные ритмы различных гормонов зарегистрированы В. А. Яковлевым на станции Ленинградская. По данным Л. Е. Панина и В. П. Соколова, углубленные биохимические исследования с использованием информативных методик показали активацию гипоталамо-гипофизарно-надпочечниковой системы у сотрудников как береговых, так и внутриконтинентальных антарктических станций. На фоне повышения гормонов надпочечников характерным оказалось существенное снижение уровня сахара крови. Проявлений сахарного диабета при этом не наблюдалось. В условиях хронического стресса это расценивается как переход организма на другой уровень регуляции.

Иммунная система. Она контролирует «чистоту» внутренней среды организма и обеспечивает невосприимчивость к инфекциям. Данные о ее состоянии немногочисленны, хотя зависимость иммунобиологических особенностей организма человека от климатогеографических условий проживания известна. Исследования Г. А. Барашкова, Р. Ю. Ташпулатова, В. В. Петросова, Н. Р. Деряпы и И. Ф. Рябины, как и зарубежных авторов, показали снижение иммунологической реактивности полярников на антарктических зимовках по сравнению с доэкспедиционным уровнем. Этому способствуют скудная микробная флора шестого континен-

та, длительная изоляция зимовочных коллективов от жителей других континентов с неизменяющимся бактериально-вирусным окружением, недостаточность качественного состава пищевого рациона и др. Снижение иммунологической реактивности ко времени окончания зимовки небезразлично для здоровья. Мы наблюдали вспышки острых респираторных заболеваний у полярников Мирного как при встрече с новой сменой, так и при возвращении на Родину. Они возникали вследствие контактов с новым коллективом — носителем новых штаммов бактерий и вирусов, иммунитет к которым снизился в течение годичной зимовки. Указанные факты следует расценивать как возникновение иммунодефицитных состояний у пришлого населения Заполярья, о чем свидетельствуют материалы В. С. Новикова, В. И. Хаснулина, Н. В. Васильева и других советских исследователей, полученных на Крайнем Севере.

Терморегуляция. Этот термин обозначает поддержание температуры тела в пределах ограниченного диапазона при изменении уровня внутреннего теплообразования и температуры окружающей среды. По данным В. В. Борискина, И. И. Тихомирова, температура тела у сотрудников станций Новолазаревская и Восток сохранялась в пределах нормы с тенденцией к понижению в зимний период (ниже 36°C). Причиной сохранения нормального теплового баланса следует считать достаточную защиту организма от охлаждения с помощью климатической одежды и жилища. Все же в дистальных участках тела зачастую отмечались температурные асимметрии, о чем упоминалось ранее. Этот факт отражает определенные нарушения физической терморегуляции, обусловленные превышением теплоотдачи над теплопродукцией вследствие «поломов» регуляции процесса теплового баланса. Существует адаптация к повторным холодовым воздействиям открытых участков тела у лиц, работающих на открытом воздухе в условиях Антарктиды. Об этом свидетельствуют наблюдения Фразье, Вилсона, В. В. Борискина и др. Она заключается в усилении кровообращения в коже, препятствующего отморожениям (при нечрезмерных экспозициях).

Теплообразование обусловлено окислительно-восстановительными процессами за счет питания, а также дрожательной активностью мышц при охлаждении и другими причинами, что можно считать проявлением химической терморегуляции. Важной ее характеристикой является теплообразование в условиях покоя — основной обмен. В условиях побережья Антарктиды большинство исследователей не обнаружили изменений основного обмена на протяжении годичной зимовки. Это объясняется эффективной защитой от охлаждения полярников с помощью жилища и одежды. Аналогичные данные получены на станции Восток. Вероятно, это связано с краткосрочностью адаптации человека в Антарктиде. И. С. Кандорр, Н. И. Бобров и другие обнаружили повышение основного обмена у жителей Арктики уже в пределах двухлетнего проживания.

Энергетический обмен. Он включает обмен белков, жиров,

углеводов, минеральных веществ, витаминов. В полярном климате обнаружены адаптивные изменения всех видов этого обмена. По данным Н. Р. Деряпы и И. Ф. Рябинина, у сотрудников обсерватории Мирный выявлены разнообразные изменения обмена веществ, носившие по ряду показателей сверхнормативный характер (снижение содержания незаменимых аминокислот крови при повышении до 38% их выделения из организма, увеличение содержания общей суммы жировых веществ крови, повышение уровня холестерина, снижение концентрации сахара в крови и кальция и др.). Указанные сдвиги можно объяснить угнетением нервной трофики по И. П. Павлову. Снижение содержания в крови кальция и фосфора обнаружил А. Я. Шамис у полярников станции Восток.

В последнее десятилетие в Сибирском отделении АМН СССР получены убедительные факты о формировании у жителей Арктики и полярников Антарктиды «полярного метаболического (обменного) типа», характеризующегося «переключением» углеводного типа обмена веществ на жировой с преобладанием жирового обмена. По данным жителей Арктики, питающихся преимущественно белково-жировой пищей, вследствие генетически закрепленной адаптации сосудистых атеросклеротических нарушений практически не возникает. У пришлого населения явления атеросклероза ускоряются.

Физическое развитие. Полярники, как здоровые люди, отличаются высокими показателями физического развития, такими, как масса тела, станова́я сила, кистевая динамометрия и др. В связи со спецификой двигательной активности и питания указанные признаки претерпевают адаптивные изменения. Рассмотрим это на примере массы тела.

Абсолютное большинство полярных врачей регистрировали увеличение массы тела сотрудников береговых антарктических станций на зимовках по сравнению с доэкспедиционным уровнем. Это объясняется превышением энергопотребления над энергозатратами вследствие снижения двигательной активности, что особенно характерно для зимнего периода, когда полярники вынуждены большую часть времени проводить в помещениях вследствие штормовой погоды. При этом у них сохраняется хороший аппетит, что при полноценном питании способствует увеличению массы тела.

Эта закономерность прослеживается на примере моих исследований:

Экспедиции	Увеличение массы тела, % от числа обследованных				
	Май	Июль	Ноябрь	Январь	После зимовки
6-я САЭ	92	99	93	84	95
10-я САЭ	94	92	83	74	59

С учетом роста и возраста у абсолютного большинства по-

лярников увеличение массы тела не выходило за пределы нормативов, т. е. нельзя было говорить об избыточном весе и развитии ожирения.

Другие показатели физического развития соответствовали нормативам здоровых лиц, несмотря на сезонные адаптивные изменения.

В условиях Центральной Антарктиды характерно уменьшение массы тела, что обусловлено трудностью высокогорной адаптации. Например, у сотрудников внутриконтинентального похода 6-й САЭ по маршруту Мирный — Комсомольская — Советская — Восток по прибытии на станцию Восток уменьшение массы тела было следующим: до 2 кг — 1 чел.; до 2,1—4,0 — 1; до 4,1—6,0 — 4; до 6,1—8,0 — 5; более 10 — 1 чел.

Система кровообращения. Она обеспечивает транспорт кислорода ко всем клеткам организма и удаление из них продуктов обмена.

Многочисленные исследования показали, что в Антарктиде ее адаптивные изменения происходят в пределах физиологической нормы. В период полярной ночи обнаружено урежение частоты сердечных сокращений, снижение артериального давления у полярников Мирного, что проявилось во второй половине зимовки. Одновременно наметилась тенденция к уменьшению минутного объема кровообращения. Однако все это не выходило за пределы нормативов, свидетельствуя о достаточной кислородной обеспеченности организма.

Функция системы кровообращения в условиях Центральной Антарктиды зависела от длительности адаптации к высокогорью и скорости перемещения с побережья на высокогорное плато. По данным И. И. Тихомирова и других авторов, быстрое перемещение самолетом на станцию Восток сопровождалось первоначальным увеличением артериального давления, учащением частоты сердечных сокращений и другими признаками гиперфункции этой системы. По мере наступления адаптации АД снижалось вплоть до гипотонии, сердечный ритм приближался к нормальному (пределы 60—80 ударов в 1 мин.).

При перемещении на плато санно-гусеничным поездом, занимавшем около месяца, сдвиги показателей менее резкие, хотя они отражают влияние высокогорной гипоксии с компенсаторным усилением функции кровообращения. Например, частота пульса у сотрудников походов 6-й САЭ в Центральной Антарктиде увеличилась: Мирный — 62 удара в 1 мин., Комсомольская — 76, Советская — 76, Восток — 71 (средние данные у 14 полярников). Различия по сравнению с уровнем моря (Мирный) достоверны. Однако сверхнормативное учащение пульса (более 80 ударов в 1 мин.) отмечено лишь у 2—4 человек, что указывало на достаточную компенсацию кровообращения при медленном перемещении на высокогорье.

Использование нами, как и другими авторами, современных аппаратных методов оценки кровообращения — от электрокар-

диографии до тахоосциллографии — с помощью функциональных нагрузок показало развитие физиологических адаптивных реакций у абсолютного большинства полярников. Однако у отдельных лиц обострялись ранее скрыто протекавшие болезни кровообращения типа гипертонической или ишемической болезни. Характерным для Антарктиды оказалось увеличение скорости кровотока.

Система дыхания. Через альвеолы (мелкие пузырьки) в легких происходит поступление кислорода в кровеносные капилляры и выделение из организма углекислоты. Для высоких широт характерна «полярная одышка», т. е. субъективное ощущение затрудненного дыхания при работе на открытом воздухе. По данным Н. Р. Деряпы и И. Ф. Рябинина, у полярников Мирного вследствие нарушения бронхиальной проходимости уменьшена объемная скорость выдоха, особенно у курильщиков и работающих на открытом воздухе. Это одна из причин «полярной одышки». Как показали И. И. Тихомиров, В. Н. Пономарев, В. С. Поггенполь, в условиях станции Восток из-за действия недостатка кислорода во вдыхаемом воздухе увеличены частота и глубина дыхания, легочная вентиляция, снижено насыщение крови кислородом (до 87—88%), особенно в начальный период адаптации. В дальнейшем у абсолютного большинства наступает удовлетворительная адаптация за счет стабилизации работы систем кровообращения и дыхания по поддержанию оптимального уровня напряжения кислорода в тканях на протяжении годичной зимовки. Все же у многих сохраняется нерегулярность дыхания, особенно во время сна. Система дыхания находится в состоянии относительной гиперфункции. Об этом, в частности, свидетельствуют пробы с задержкой дыхания.

В условиях высокогорья (3488 м) показатели пробы ухудшаются вдвое по сравнению с результатами на побережье.

Система пищеварения. Ее состояние изучено общеклиническими методами, учитывая сложность использования внутриполостных методик у здоровых лиц. Материалы мои и других авторов свидетельствуют о физиологических (нормальных) вариантах адаптации. Косвенным доказательством этого являлось сохранение аппетита и увеличение массы тела у абсолютного большинства полярников. По данным Н. Р. Деряпы и И. Ф. Рябинина, у сотрудников Мирного в 12-й САЭ не наблюдалось достоверных изменений кислотности желудочного содержимого. В условиях Центральной Антарктиды многими исследователями отмечены преходящие нарушения функции пищеварения, в частности запоры, на фоне ухудшения аппетита. Типичным явлением было снижение массы тела без проявлений пищевой недостаточности, о чем свидетельствуют специальные исследования А. Я. Шамиса на станции Восток. Одной из причин уменьшения массы тела, по мнению И. И. Тихомирова, Вилсона и других, у сотрудников внутриантарктических станций и походов является потеря жидкости с выдыхаемым воздухом вследствие низкой влажности атмосферы на антарктическом

высокогорье. Мы присоединяемся к этому мнению, поскольку наблюдали очень быстрое восстановление массы тела у сотрудников походов после возвращения в Мирный, происходившее за счет приема воды. На побережье Антарктиды нет избыточных влагопотерь при дыхании в связи с достаточной влажностью в атмосфере.

Мочевыделительная система. Имеющиеся материалы получены с помощью общеклинических методов. По данным Н. Р. Деряпы и И. Ф. Рябинина, у сотрудников Мирного на зимовке во все периоды исследования наблюдалось небольшое, но достоверное превышение водопотребления над суточным выделением мочи. Вероятно, это объясняется влагопотерями за счет дыхания. У части полярников, живших в надснежных домах, отмечалась жажда. В период с мая по ноябрь регистрировалось увеличение относительной плотности мочи. Наблюдавшиеся сдвиги носили нормальный физиологический характер.

Согласно наблюдениям Н. И. Макарова на станции Восток, Нормана, Стакэ, Девиса, Н. Р. Деряпы, во внутриконтинентальных походах довольно типично снижение суточного количества мочи и относительная дегидратация организма. Учащение мочеиспусканий было редким явлением, учитывая хорошую защиту полярников от холода. С возвращением на побережье материка наблюдавшиеся сдвиги исчезали. В целом на состояние мочевыделительной системы оказывают влияние как полярный климат Антарктиды, так и специфика питания и употребление маломинерализованной воды.

Система крови. В настоящее время в Антарктиде не регистрируется полярное малокровие (анемия). Большинство исследователей регистрировало близкие к норме показатели гемоглобина и эритроцитов, хотя в отдельных экспедициях отмечалась тенденция к уменьшению количества эритроцитов. В Центральной Антарктиде гемоглобин и эритроциты существенно возрастают, что является типичной приспособительной реакцией на длительное пребывание в условиях высокогорья. Одновременно возрастало содержание кровяных пластинок — тромбоцитов. Количество лейкоцитов в зимовочных коллективах Антарктиды колеблется в пределах нормативов (4×10^9 — $8,8 \times 10^9$ /л). Во внутриматериковых районах отмечено их уменьшение. Скорость оседания эритроцитов (СОЭ) изменялась в пределах нормальных величин (2—6 мм через 1 час).

Приведенные материалы свидетельствуют о развитии у полярников Антарктиды отчетливых адаптационных изменений всех физиологических систем. Это можно объяснить влиянием хронического напряжения (стресса), вызванного суровыми природными и специфическими условиями жизни и труда полярников. Преимущественно нормальный (физиологический) характер адаптации обусловлен современными эффективными средствами социальной защиты от неблагоприятного воздействия полярного климата, обеспечением квалифицированной медицинской помощи и системой

предупреждения адаптационных нарушений, медицинским отбором на зимовки только здоровых лиц молодого и среднего возраста.

Я не касался проблемы заболеваний человека в Антарктиде, поскольку это предмет специального рассмотрения.

В отдаленной перспективе не исключается использование природных ресурсов Антарктиды и омывающих ее океанов, что потребует формирования здесь постоянного населения. Это диктует необходимость дальнейших исследований проблемы адаптации в южнополярной области. Советские ученые-медики продолжают исследования в этом перспективном направлении полярной медицины.

ШАГИ В НЕВЕДОМОЕ

НА КРАЙНЕМ ФОРПОСТЕ РОССИЙСКОМ

Чукчи платят ясак количеством и качеством, какой сами пожелают.

Свод законов Российской империи

Из записной книжки журналиста

Это случилось в один из летних дней уже далекого от нас 1948 года в порту Провидения. В редакцию газеты политотдела ГУСМП «Чукотский полярник» пришел очень дряхлый чукча по имени Килит. Он отлично говорил по-русски, и вот что с горечью нам рассказал: «Тот начальник был хороший человек, добрый к чукчам, но теперь мало о нем помнят, только старики. Это плохо. Мой отец Онехе всегда ездил с ним по тундре, получил от него медаль за службу. Но отца давно нет. Я уже старый, но приплыл на вельботе сюда, в большой порт. Пошел к начальнику политотдела Бигуну. Сказал, нужно на реке Майн снова сделать его могилу — медведь развалил крест. Начальник стал кричать на меня. Говорил: только бывшие кулаки могут заботиться о могилах царских чиновников. А я не кулак. Всегда был охотником за морским зверем».

Немногословное, но горестное повествование старика я тогда же записал, а вот его самого больше никогда увидеть на довелось. В тот же день он вернулся в свой поселок, где-то в районе Анадыря. А вскоре мы узнали, что его не стало...

Мои попытки разузнать что-либо о начальнике сурового края, оставившем по себе столь добрую память у коренных жителей Чукотки, а потом написать о нем в нашей газете, в корне пресеклись тем же моим политотдельским начальством.

Но годы шли. Менялись не только люди, но и взгляды на прошлое.

Рассказывают...

Звонящую тишину тундры вдруг нарушил звериный рев. Ее лохматый «хозяин» многопудовой тяжестью провалился под не успевший затвердеть снежный наст. Под ним скрывалась чугуновая изгородь. Один из ее стержней копьеобразный, острый, вспорол медвежий бок. Медведь принялся яростно разгребать снег. Обнажился крест светло-серого полированного гранита. «Обидчик» был разнесен мощными лапами на три куска. Тогда медведь сразу успокоился и поплелся восвояси, оставляя на снегу алые пятна.

Через много лет, где-то в конце 1950-х годов, памятник восстановили работавшие в том районе археологи. На нем хорошо сохранились надписи — по одной стороне креста: «Леонид Францевич Гриневецкий, родился 17 июня 1853 г., умер 26 июня 1891 г.», на другой: «Потрудившемуся на пользу науки, 1894 г.»

Надгробный памятник первому начальнику Анадырской округи был установлен Российским Географическим обществом. Немногие сохранившиеся в государственных архивах документы и давно ставшие библиографической редкостью публикации проливают свет на события конца XIX столетия, развернувшиеся на северо-восточной оконечности Азии, тесно связанные с полузабытой деятельностью «на пользу науки» (прибавим от себя: и на пользу Отечества) доктора Леонида Францевича Гриневецкого на суровой чукотской земле.

Курс на Чукотку

В один из майских дней 1889 года русский трехмачтовый военный корабль встал на якорь в заливе Нагасаки. Это был клипер «Разбойник». Он возвращался на Родину из кругосветного плавания.

Настроение команды приподнятое. Скоро — Владивосток, долгожданный отдых после многомесячного путешествия в тропиках. Здесь, в Нагасаки, стоянка предполагалась краткой. Ожидали возвращения из российского консульства командира корабля П. Н. Вульфа. Вот и капитанская шлюпка. Вульф, моложавый, подтянутый моряк, легко поднялся на палубу. Все, кто на ней был, заметили на его лице озабоченность. По его знаку офицеры спустились в кают-компанию. Там он показал телеграмму, врученную ему консулом. Капитан, как всегда, был лаконичным:

— Господа, извещаю вас: в июле прошлого года государь император утвердил проект основания Анадырской округи. Она выделяется теперь из Гижигинского уезда. Во исполнение высочайшего решения приамурский генерал-губернатор господин Унтербергер утвердил начальника новой округи и его штат. Требуется

людей и необходимый груз доставить к устью реки Анадырь. Видимо, там, а может быть, и в Марково, будет основана его резиденция. Выполнение столь ответственной миссии возложено на нас, как знающих чукотское побережье, тамошние воды, особенно лиман этой реки. Нам приказано незамедлительно следовать во Владивосток. Как видите, господа офицеры, отпуска ваши на несколько месяцев откладываются.

Поставленная перед экипажем задача никого из офицеров не удивила.

Наступившее после слов Вульфа молчание прервал единственный, но одинаково уважаемый всеми на корабле, пассажир клипера, известный ученый, да к тому же фотограф, доктор А. А. Бунге:

— Простите, Петр Николаевич, в тексте телеграммы упоминается имя начальника новой округи?

— Да, но этого чиновника я раньше не знал, — ответил Вульф. — Надворный советник Гриневецкий... Впрочем, слышал о враче с такой фамилией на Командорах.

— Он и есть, — удовлетворенно сказал Бунге. — Господа, все в порядке. Я хорошо знаю доктора Гриневецкого. Он знает Арктику, и не понаслышке!

П. Ф. Унтербергер всегда с удовольствием беседовал с умным и просвещенным человеком — доктором Л. Ф. Гриневецким и сейчас встретил его особенно приветливо.

— Присядьте, Леонид Францевич. Затосковали, видимо, в нашей Хабаровке. Вполне вас понимаю. Полагаю, после Командоров вы отдохнули, не так ли? Убежден, что не откажетесь от нового назначения — управлять Чукоткой.

Пребывание его у Унтербергера в тот день длилось недолго. Основательные разговоры оба решили перенести на ближайшее время. А пока? Пока следует все тщательно обдумать.

Доктор неторопливо возвращался домой. В глубокой задумчивости проходил по столь знакомой Муравьевской улице. Вот и памятник ему, незабвенному Николаю Николаевичу Муравьеву-Амурскому, основателю города и края. А на этот памятник замечательной работы А. М. Опекушина собирали деньги многие уважаемые люди страны. Внес свою скромную лепту в увековечение памяти путешественника и он, врач Гриневецкий.

Вернулся — и прямо в свой просторный кабинет... Задумался о предстоящих многообразных заботах, долгожданных поездках по тундровым просторам, о тамошнем народе, попечительстве над ним. Зуд странствий, такой близкий каждому прирожденному путешественнику (а натура Гриневецкого издавна оказалась к тому склонной), давно сделал тесными стены этой комнаты, уставленной книжными шкафами, увешанными географическими картами, да еще дорогими охотничьими ружьями, к которым хозяин кабинета питал особую слабость. И к книгам, конечно. Они забили все полки, стопками лежат на диване, на полу... И вдруг, не впервые, все

это оставить и вновь мчаться туда, в пока ему неизвестную страну «ледяного безмолвия»!

Впереди нелегкий разговор с женой. Несколько лет прождала его в чуждой для нее Хабаровке. Дети еще малы. Увезить их в малоосвоенное место... И думать нечего. Самое разумное — отправить семью на Украину, в имение матери. Да, это решено. Там, под Полтавой, прошли и его детские годы. Потом, по окончании Харьковского ветеринарного института, продолжал учебу в Петербурге, в Военно-медицинской академии. Студент был примернейший. Особенно увлекали научные исследования. Этот высокий, худой юноша, с впалыми щеками и едва пробивающейся бородкой проводил время в академической библиотеке или в отлично оборудованном зоохирургическом кабинете. Там он неутомимо проделывал опыты над животными, в основном собаками. Прозектор А. И. Тарлецкий привлек любознательного студента к занятиям по краниологии... В 1882 году Леонид Гриневецкий блестяще защитил диссертацию на степень доктора медицины. По решению ученого совета академии его работа была издана. А дальше случилось неожиданное для окружающих. Он отклонил заманчивое предложение остаться при академии, решил претворить в жизнь давно лелеемую мечту о полярных путешествиях и отправился на зимовку в Арктику.

С августа 1882-го по август 1883 года проходил Первый Международный полярный год. На Новой Земле была организована русская полярная станция Малые Кармакулы. Там и стал служить врачом Л. Ф. Гриневецкий. Он первым из европейцев пересек суровый остров. Через год его интересный доклад на очередном заседании Географического общества был опубликован.

Минуло несколько лет. Леонид Францевич Гриневецкий — врач на Командорских островах. Там он провел три года. Его возмущали бесцеремонные действия американских каперов, варварски уничтожавших котиковые лежбища. Доктор Гриневецкий был в числе патриотов, ходатайствовавших перед правительством об усилении охраны отечественных вод. Этот вопрос не переставал его занимать и по возвращении с Командор в Хабаровку...

С января 1889 года крайняя озабоченность не покидала приамурского генерал-губернатора. Предстояло претворять в жизнь «высочайшее решение» по налаживанию управления далекой Чукоткой.

Громоздкая бюрократическая машина огромной империи и плохие дороги явились причиной того, что важные бумаги доходили из Петербурга лишь на пятый месяц. Одной из них и был рескрипт о создании Анадырской округи. Генерал-губернатор П. Ф. Унтербергер добросовестно изучал подведомственный ему обширный край, опираясь на им же умело подобранный штат исполнительных чиновников. Павел Федорович Унтербергер многое сделал, чтобы там, в Петербурге, представили истинное положение вещей на севе-

ро-востоке Азии. Свой вклад он внес и в разумное решение «чукотской проблемы». Пока не прислали из столицы чиновного карьериста, генерал-губернатор без лишних проволочек назначил начальником новой округа человека инициативного, в способностях и честности которого был твердо уверен. Зато столичные чиновники проявили недовольство столь «неуместной поспешностью». Они основательно урезали финансирование этого, столь ответственного предприятия. Впрочем, случалось и хуже. Разве не из-за происков сановных бюрократов вынужден был окончить жизнь на чужбине Н. Н. Муравьев-Амурский?

Почти ежедневно Унтербергер и Гриневецкий обсуждали дела, связанные с новой, Анадырской округой. Наиважнейшим делом собеседникам представлялось укрепление контактов будущей администрации и вообще всех русских с чукчами.

Однажды Гриневецкий заметил:

— Павел Федорович, насколько мне известно, чукчи имеют немало предметов европейского производства, причем изделий последних лет.

П. Ф. Унтербергер горько усмехнулся:

— Рад, милейший Леонид Францевич, лишний раз убедиться в вашей проницательности. Вы явно глубоко вникли в донесения из Гижигинской округи. Да, ситуация сложилась действительно щекотливая. Полюбуйтесь на эту карту.

Здесь Унтербергер, вытащив из ящика своего стола потертую на сгибах географическую карту, продолжил:

— Она издана в Штатах. Заметьте, Чукотка обозначена нейтральным цветом. Так на нее стали смотреть многие американские деятели после продажи Соединенным Штатам нашей Русской Америки. Последовало, вы это отлично знаете, непрерывное американское каперство у берегов Камчатки, Алеутов, той же Чукотки, где вам предстоит действовать. Мы более десяти лет назад ввели, как вам известно, крейсерство, но ощутимых результатов эта мера не дала. Теперь, после длительных проволочек, создана Анадырская округа. На месте вы сами убедитесь, в сколь сложной узел сплелись взаимоотношения чукчей и наших, азиатских, эскимосов с американскими торговцами. Узел-то этот распутывать предстоит вам.

— Это будет неизбежно, — согласился Гриневецкий. — Но, как известно, вся русская торговля на нашем крайнем северо-востоке находится в упадке. Нынешние сибирские купцы в отличие от своих предшественников малоинициативны. Куда делся их былой размах?

— Вот вы, Леонид Францевич, и прилагайте все усилия для привлечения к торговле на Чукотке мещан из Гижиги, Петропавловска, Владивостока. Постарайтесь завести одновременно для помощи инородцам столь нужные, в случае голодовок, казенные склады, а заодно и свой транспорт для поездок по тундре, катера для охраны побережья.

— Ваше превосходительство, приложу все усилия, дабы эти

разумные мероприятия осуществить. Но позвольте поинтересоваться размерами сумм, коими я ежегодно смогу оперировать.

— Увы, не скрою, они до смешного малы. Попробуйте пока обойтись этим. Я же обещаю вам не оставлять в покое Петербурга, добиваться как можно большего финансирования округа уже на ближайшее будущее. А что касается доставки вас с персоналом к устью Анадыря, облегчения по первоустройству там, будет предпринято все возможное.

П. Ф. Унтербергер действительно большое внимание уделял подготовке экспедиции в Анадырский лиман. Генерал-губернатор разработал несколько кратких документов-инструкций. В апреле утвердил штат управления округой. Кроме ее начальника предусматривались канцелярский служащий (он же помощник начальника округа), писарь-переводчик, десять казаков с семьями. В одной из инструкций было сказано:

«На усмотрение начальника округа предоставляется выбор первой оседлости на устье реки Анадырь или вернуться в село Марково на р. Анадырь и открыть там первоначальное Управление округа. Предпринимайте отсюда поездки для изучения края и исполнения поручений... Обязательно должно быть посещено с. Марково, назначенное Государственным Советом местом резиденции Управления Анадырской округи... Обстоятельно выяснить потребные средства на устройство там Управления округи, а равно и выгоды, и недостатки постоянного там местожительства...»*

Организаторы округа главным считали закрепление дружеских контактов с коренным населением Чукотки. «Письмо-инструкция» в те же дни было дополнено:

«Округа эта обитается преимущественно племенем чукчами, которые до сих пор считают себя народом свободным и ясака русскому правительству не платят. В задачу начальника Анадырской округи входит ликвидация такой обособленности.

Генерал-губернатор Унтербергер.
14 апреля 1889 г.»

— Чукчи и другие тамошние инородцы должны прочно усвоить понимание своего российского гражданства, — повторял генерал-губернатор. — Но прививать такое сознание следует при полнейшем взаимном доброжелательстве. Сами понимаете, ясак взимать придется с них по-прежнему, в тех же предусмотренных законом размерах, как бы символический.

В помощники Гриневецкому был определен чиновник генерал-губернаторской канцелярии Михаил Дмитриев...

* Здесь и далее материалы из Государственного архива Магаданской области (ГАМО), «Морского сборника», 1890 г., архива ДВ РСФСР.

В конце апреля оба оставили Хабаровск и направились с объемистым багажом, преодолевая весеннюю распутицу, бездорожье, во Владивосток.

13 мая Гриневецкий с Дмитриевым прибыли в приморский город. Опыт, приобретенный начальником Анадырской округи за годы работы в северных условиях, позволил ему вместе с экипажем судна со знанием дела заняться подготовкой к трудному плаванию.

Владивостокская дороговизна была известна по всему Приморью. А тут местные торговцы, прослышав о срочности экспедиции, взвинтили и без того немалые цены на все ей нужное. Отпущенных казной денег не хватило, и Гриневецкому пришлось доплачивать за товары из личных денег. Только таким образом удалось приобрести дом-казарму для начальника округи и его «конвоя». Дом, разобрав, погрузили на клипер. Кроме него погрузили железные печи, кирпич, толь, керосин, разные товары. Наконец погрузка завершилась.

3 июня клипер оставил Владивосток и взял курс на японский порт Хакодате. Там моряки взяли на борт ранее закупленные сто тонн угля, пополнили запасы свежей провизией и «просушили паруса».

Утром 8 июня, несмотря на начавшийся шторм, корабль снялся с якоря и на всех парусах пошел на север, к берегам Камчатки.

Погода шквалистая. Сплошной туман затянул горизонт. У Курильской гряды ветер стих. Закрепили паруса и пошли «под парами». Выяснилось, что закупленный в Японии уголь оказался самого низкого качества — быстро сгорал, засаривая трубки. Пар часто падал. Пламя уголь давал непомерное — дымовая труба и даже кожух накалялись докрасна. Вспыхнул лес анадырского дома. Но быстрыми и слаженными действиями команда ликвидировала начавшийся пожар. Обгорели лишь самые концы досок...

11 июня туман рассеялся. Теперь клипер спокойно двигался вдоль Курильских островов.

14 июня корабль бросил якорь в Петропавловском порту.

Пока в Петропавловске-Камчатском судно загружалось углем более высокого качества, чем приобретенный в Японии, доктор А. А. Бунге старался помочь Гриневецкому в заботах, отнюдь не уменьшавшихся. Теперь он был предельно занят подбором своей «свиты», как пошучивал доктор Бунге.

На Камчатке числилось около 600 казаков. Это казачество имело свои особенности. Характер их хозяйства мало отличался от хозяйства остального русского населения полуострова. Как и другие местные русские люди, камчатские казаки издавна роднились с камчадалами и коряками. От казны получали довольствие и небольшие деньги. Занимались в свободное от не особенно обременительной службы время кто огородничеством, кто скотоводством, не пренебрегали и охотой. За ними закрепилось прозвище,

вовсе не считавшееся обидным: «собачьи казаки». Великолепные камчатские псы действительно были на Камчатке, как и ездовые собаки повсюду на Севере, основным видом зимнего транспорта.

Л. Ф. Гриневецкий прежде всего познакомился с начальником выделенной ему команды урядником Алексеем Павловым. Он производил впечатление мягкого, спокойного человека. Как мог, охарактеризовал начальнику окружи каждого из девяти своих подчиненных. Решено было брать их в плавание без семейств. Казакам следовало еще обжиться на неведомой им чукотской земле. Из них выделялся расторопный Иван Попов. Он один из немногих казаков был грамотным, и тут же его назначили писарем... Некоторым из этих камчатских казаков суждено было сделаться русскими старожилами будущего административного центра Чукотки.

Для экспедиции приобрели две отличные собачьи упряжки. Был увеличен запас продовольствия... Корабль оказался загруженным до предела. На палубе буквально негде было повернуться. Но все понимали: на Чукотке окажется жизненно необходимой любая кажущаяся мелочью вещь.

24 июня клипер снялся с якоря.

Некоторое время шли на Север для экономии угля под парусами. Погода неблагоприятствовала плаванию. Клипер сопровождал «стойкий туман», непрерывно лил дождь. П. Н. Вульф записывал:

«Все пространство берега от мыса Олюторского до Наварина прошли при густом тумане со свежим попутным... 7 июля вечером открылся на несколько минут нижний край мыса Наварин; по нем успели приближенно определить и изменили курс... в Анадырский залив. 8-го утром подошли к траверзу Угольной бухты... Льдов нигде не встречал; снег — на горах и в лощинах. Туманы и здесь не покидали клипер...»

Когда в полдень туман ненадолго рассеялся, А. А. Бунге успел сделать несколько снимков берегов бухты Угольной. Клипер скоро ее оставил. Вновь встали на якорь уже в 30 милях от устья реки Анадырь. Утром 9 июля двинулись к устью. Когда туман разошелся, увидели вдали очертания мыса Гека. Оказывается, корабль снесло к западу...

Из донесения П. Н. Вульфа:

«На якорь встал между мысами Александра и Михаила, где стоял и в прошлом году. В тот же день я дал в распоряжение начальника экспедиции паровой катер для объезда берегов и выбора места для поселения».

Когда на клипере бросили в последний раз якорь, моряки увидели движение на песчаной косе. От стоявших на ней нескольких яранг бежали люди. Они приветственно махали руками русскому кораблю.

В истории освоения Чукотки открывалась новая страница.

От горы Святого Дионисия весело сбегала в лиман речка. В тот ясный день хорошо просматривались ее берега, поросшие карликовой ивой и ольхой. Густыми крикливыми стаями кружились чайки. А вот они, ластоногие морские обитатели. Любопытные большеглазые нерпы высовывали усатые морды у самого катера. Суденышко, оставляя за собой причудливо вьющуюся дымку, неторопливо бороздило водную гладь Анадырского лимана.

Корабельный паровой катер приблизился к песчаной косе, от которой убегала за горизонт бескрайняя тундра. К ней и был прикован взгляд Гриневецкого. Доктор крепко схватил мокрые поручни, а его плотно укутанная плащом сухопарая фигура, и без того сутулая, как бы преломилась и застыла в напряжении. Он пристально всматривался в узкую косу у мыса Александра. На самом ее краю прилепились три яранги маленького селения береговых («сидячих») чукчей, известного в тех местах под именем Вэн. Не оставил он без внимания и груды наносного леса, громоздившиеся по краям косы. «Вот и готово топливо, по крайней мере на первое время», — сам себе сказал...

Сразу пожелал вернуться.

— Почему так быстро обернулись, Леонид Францевич? — удивленно спросил его капитан Вульф.

— Место выбрано, — кратко ответил Гриневецкий. — Чукчи не случайно облюбовали когда-то эту косу.

И прибавил:

— Поистине, от добра добра не ищут!

Доктор Бунге, вот уже с полчаса осматривавший в бинокль косу, одобрительно кивнул.

Тем временем кожаная лодка подошла к борту клипера. Это был аняпик*. В лодке размещалось человек десять мужчин и женщин — обитателей крошечного поселка.

Команда встретила чукчей, взобравшихся на борт, как старых знакомых. Кое-кого матросы знали и по именам. Гостям тут же подарили по пачке табаку. Они чувствовали себя на корабле вполне свободно. Удобно расположились на палубе, закурили. Молча, но внимательно разглядывали тщательно увязанные доски, огромные ящики... По своему обычаю, с вопросами не спешили. Кок разнес кружки с крепко заваренным чаем. Еще немного помолчали, смакуя горячий напиток. Косились, с трудом скрывая любопытство, на диковинный ящик со смотревшим на них круглым, блестящим глазом объектива и на доктора Бунге, который склонился над ним, укрывшись с головой черным, матерчатым мешком...

Беседа постепенно завязалась неторопливая, обстоятельная, с помощью переводчика, прибывшего с казаками из Петропавловска.

— Вот и они утверждают, что лучшего места для поселения

* Этнографы называют такую лодку эскимосской промысловой байдарой, изготовлять которую научились у азиатских эскимосов береговые («сидячие») чукчи.

здесь не найти, — заметил Гриневецкий командиру судна. — Им-то известно!

Наутро начальник округа сошел на облюбованный им берег. Свое первое появление на косе постарался обставить как можно торжественнее. Гриневецкого сопровождали казаки во главе с урядником. На каждом из них — форменный мундир с красным воротником — отличием камчатского казачьего войска. За исключением вахтенных, с корабля сошли во главе с П. Н. Вульфом все офицеры и матросы, тоже в парадной форме.

Жители селения вышли из своих яранг навстречу новым соседям. Кохлянто, пожилой чукча, бережно нес на вытянутых руках деревянное блюдо (кэмэны). На нем — хлебная буханка, явно корабельного происхождения, а на ней, тоже деревянная, мисочка с солью. Гриневецкий отломил кусочек от буханки, опустил его в соль и положил в рот... Потом повернулся к офицерам и заметил:

— Как вам нравится? По-нашему, хлебом-солью встречают!

Вульф погладил бородку, едва скрывая улыбку. Он еще вчера «секретно» растолковал чукчам русский церемониал, подобающий встрече начальника округа.

Гриневецкий тут же одарил счастливого Кохлянто ружьем с запасом патронов. На чукчей подарок произвел огромное впечатление. Они разъяснили дарителю, что ружья ими приобретались преимущественно у американских торговцев. Рядом с Кохлянто стоял молодой чукча со смышленным взглядом, немного говоривший по-русски. Он назвался Василием, как окрестил его марковский священник, но тут же прибавил, что предпочитает свое родовое имя — Онехе.

Василий Онехе взял из рук Кохлянто ружье и наглядно продемонстрировал его стоимость на американской фактории. Торчком, прикладом вниз, поставил на гальку и показал, как накладываются одна на другую песцовые шкурки, пока не покроется ими выходное отверстие ствола.

Гриневецкий одарил всех столь дружелюбно встретивших его обитателей косы. Они получили табак, а женщины еще и по пригоршне весьма ценного ими бисера.

Через день приступили к разгрузке. В этой по существу авральной работе принимали участие все: казаки, матросы, чукчи. Расчистили место для дома, устроили насыпь под его фундамент. Сборка дома-казармы затруднений не вызвала. В пространство между досками за недостатком мха засыпали дерн со щебнем. Крышу сделали из двух слоев досок, покрыли ее толем. На сени материала не хватало... Гриневецкий понимал, что для зимовки в суровых условиях Заполярья дом утеплен недостаточно. Правда, стены обили шкурами, приобретенными у чукчей. Сложили печи. В большой комнате устроили нары. Там разместились казаки. А в двух маленьких каморках — Гриневецкий и Дмитриев. Рядом с домом установили две старые яранги. В них сложили огнеопасное: порох, керосин. «На отпущенные мне средства я никоим образом не мог обойтись и вынужден был истратить почти все свое

годовое содержание», — доносил Гриневецкий начальству. И вообще пока благоустривались, он спешил с составлением депеш на имя генерал-губернатора. Просил незамедлительно, не позже следующей навигации, обеспечить его водным транспортом. Сообщал о вестях, которые принесли на косу береговые чукчи, прибывшие из поселка, расположенного где-то в районе Провидения. Там в те дни хозяйничали американские торговцы. Это побудило Гриневецкого изложить свое мнение:

«Я нисколько не сомневаюсь, судя по настоящему отношению к нам местных чукчей, что если бы в последующие годы сюда ко мне присылались все существенно необходимые для существования предметы, американское влияние сильно упало бы само собой».

И вот письма семье, Унтербергеру наконец переданы капитану клипера.

Чукчи сообщили, что марковский священник М. Шипицын, прослышав о создании в лимане форпоста, спешит сюда. Но Вульф задерживаться не мог.

22 июля 1889 года клипер расцвел флагами. На берегу его экипаж в полной парадной форме выстроился в шеренгу. Напротив — строй казаков во главе с начальником округа и его помощником. Тут же — исконные обитатели косы — береговые чукчи. Они тоже преисполнились значительностью события. В стороне со своим фотоаппаратом — доктор А. А. Бунге. Над домом-казармой взвился российский государственный флаг. Корабль отсалютовал из всех орудий... Определили и название форпоста. По случаю тезоименитства императрицы пост назвали Ново-Мариинском.

На следующее утро клипер «Разбойник» оставил Анадырский лиман, взяв курс на Петропавловск-Камчатский.

Кучка русских людей и их новых друзей — местных чукчей не сводила глаз с корабля, пока он не скрылся за дымкой горизонта.

Наступили будни.

Начальник округа, приглядываясь к своему «конвою», остался им доволен. Казаки безотказно выполняли любое поручение, работали усердно, от трудностей не бежали. А вот физически (глаз врача это приметил) народ оказался слабым. Причина? Гриневецкий догадывался: недостаточность подходящего питания в тяжелых климатических условиях Камчатки. Но условия на Чукотке куда более суровые!.. Понимал, сколь полезным здесь могло стать общение с соседями-чукчами. У них в первую очередь и следовало перенять богатый опыт приспособления к предстоящей нелегкой жизни...

Из плавсредств в распоряжении Гриневецкого была лишь маленькая лодка-шампунка, купленная во Владивостоке. На ней ка-

заки ежедневно обходили побережье лимана, собирая топливо на предстоящую долгую зиму. Распорядок начальник округа ввел жесткий. Утренняя молитва, завтрак, работа. В праздничные дни — обязательные гимнастические соревнования, в которых охотно принимали участие и чукчи. По вечерам — чтение вслух глав из Евангелия. Скоро Гриневецкий дождался желаемого — освещения дома-казармы.

В последних числах августа священник Митрофан Шипицын на своем баркасе добрался до лимана. С ним находился и его постоянный «багаж» — походная складная церковь.

По выполнении всех связанных с обрядностью формальностей Гриневецкий уединился в своем «кабинете» с отцом Митрофаном для откровенной беседы.

Разговор был долгим. Гриневецкий многое узнал о старинном русском селе Марково, о его обитателях. Сам отец Митрофан пребывал там с 1865 года. Рассказывал он неторопливо, с подробностями.

— В нашем селе, почтеннейший Леонид Францевич, числится триста пятьдесят постоянных жителей. Но часть из них большее время года обретаются по заимкам. В приходе же, с инородцами, всего пятьсот душ обоего пола. Это кроме двух десятков русских мещан да крестьян чуванцы, юкагиры, ламуты. Духовных лиц всего трое — сам я, пономарь да дьячок. Все марковские инородцы очень бедны и, заверяю вас, богобоязненны, полностью прониклись православной верой. Они забыли родной язык, говорят по-русски, но, как заметите потом сами, не совсем правильно. Сообщу вам и печальную истину: живут наши марковчане не совсем в ладу. От души радуюсь, Леонид Францевич, созданию округи. Это поможет с божьей и просвещенной вашей помощью помирить враждующие семьи. В чем, спрашивается, суть раздоров? Она простая: частые и ужасные голодовки.

Далее отец Митрофан, одобрив выбор месторасположения поста в устье реки Анадырь, посоветовал на первое время обосноваться именно в Марково. Гриневецкий согласился с его доводами. Действительно, на благоустройство косы, несомненно, понадобятся еще годы, да и обходить побережье пока не на чем. Проблему обсудили детально. Сошлись на том, что из-за отсутствия транспорта и с приближением холодных месяцев Гриневецкому с его командой придется зимовать на устье. К следующему лету в Маркове будет подготовлено и доставлено сюда все необходимое для плавания по реке.

Отец Митрофан поспешил до ледостава отбыть в свое село.

На форпосте продолжалась жизнь внешне однообразная, но преисполненная деятельности. Заготовка топлива, охота стали основным занятием казаков. Соседи из селения Вэн научили их охотиться на нерпу, ставить ловушки, ловить рыбу, заготавливать ее впрок.

Сам Гриневецкий долгие часы проводил с молодым смышленным Онехе и старым мудрым Кохлянто. Научился понимать по-чукотски,

записывал обычаи береговых чукчей, их предания. Много сил уделял сбору коллекций для Военно-Медицинской академии, занимался краниологией.

Дом-казарму часто посещали чукчи, и не только соседи по косе, но и заезжие. Кроме любопытства посетителей влекли слухи о способностях начальника округа лечить всевозможные недуги. А в последних, как убедился врач, недостатка не было. Он внимательно осматривал каждого такого гостя, лечил. Как-то записал результаты своих наблюдений за болезнями аборигенов.

«Главнейшие болезни — это какие-то специфические язвы, которые затрудняюсь подвести под какую бы то ни было патологическую форму, затем сифилис, выражающийся в самых страшных проявлениях, и еще болезнь глаз, которая обуславливается, по моему мнению, дымными жилищами, почти постоянными чрезвычайно сильными ветрами и более чем в течение $\frac{3}{4}$ года блеском снегов, при полуденном почти солнце; наблюдаются еще, но в сравнительно немногих случаях острые гастриты, обуславливаемые тою невозможно ужасною пищею, которою в течение зимы питаются чукчи. Цинга — относительно редкое явление».

За здоровьем своих казаков начальник следил тщательно. Лучшей профилактикой против болезней считал труд и правильно организованный досуг. С особым вниманием относился к нуждам соседей-чукчей. Он доносил генерал-губернатору:

«...Взято кое-что из вещей, которые, по нашему соображению, должны быть необходимы для чукчей, как медные и чугунные котлы, чайники, ножи, топоры, лопаты, бусы, крестики, металлические блестящие пуговицы и проч. — все эти вещи взяты для того, чтобы ими расплачиваться с чукчами за всевозможные с их стороны услуги нам».

И просьба:

«Не откажите, ваше превосходительство, прислать в будущем году какие возможно официальные подарки, как кафтаны, медали и проч. Уже теперь у меня есть один чукча, Василий Онехе, который служит для меня просто правой рукою в моих сношениях с его братьями. С помощью этого чукчи я предполагаю зимою делать разъезды по обширнейшему округу своему, а потому вознаграждение его каким-либо официальным подарком будет иметь следствием возбуждение ревности услужить нам со стороны других чукчей».

А в конце года — о своих планах:

«В нынешний год мы могли, так сказать, ориентироваться, присмотреться к обстоятельствам, разузнать многое и собрать необходимейшие научные сведения о крае. В будущем году, если будем здоровы, мы значительно расширим район деятельности нашей в смысле обширного исследования края».

Полярная ночь вступила в свои права. Пурги сменялись безветрием, приносящим лютый мороз. Пребывать в доме-казарме было нелегко. Неприспособленное к здешним условиям жилье продувалось, особенно мучила людей сырость. Гриневецкий, обеспокоенный состоянием дома, писал Унтербергеру:

«Покорнейше прошу ваше превосходительство прислать лесу для ремонта нашего дома, который вряд ли простоят более одного-двух лет от разрушительного влияния местных непогод... Я думаю, он скоро подвергнется гниению».

Весной умерли двое наиболее слабых казаков. Удрученный Гриневецкий ежедневно, до наступления летних дней, тщательно осматривал каждого из своей «команды». С началом ледохода облегченно вздохнул. Здоровье переживших зиму, особенно тяжелую весну опасений уже не вызывало.

На посту жили надеждой увидеть корабль, «кусочек» своей «Большой земли». Но приход судна по каким-то причинам задерживался. Гриневецкий готовился к переезду в Марково. На косяке он определил остаться двум казакам, которые должны были передать капитану корабля, если он появится, заблаговременно заготовленные депеши...

Еще когда весенние дни числились лишь на календаре, на форпост примчались три собачьи нарты. Это прибыли отец Митрофан, чуванцы* — староста Константин Кулиновский и учитель Афанасий Дьячков. Они пробыли на косяке почти два месяца. Гриневецкий получил возможность неторопливо, обстоятельно обсудить с гостями из Марково все многообразие дел, которые предстояло им вместе свершать в недавно созданной округе. Все трое уехали лишь в начале мая. Они увозили строжайший наказ начальника округа: как можно скорее полностью снарядить и доставить в устье баркасы для доставки в Марково Гриневецкого и его казаков.

15 июля 1890 года в устье пришли баркасы, не пять, как договаривались, а шесть. Тот, шестой баркас всю зиму старательно изготавливали марковчане специально для Гриневецкого. Суденышко оказалось отличным...

Сборы в дальнюю дорогу заняли две недели. Уже в начале августа маленькая флотилия пошла вверх по великой чукотской реке — путем, за несколько веков до того проложенным легендарным землепроходцем Семеном Дежневым... Двигались медленно. Гриневецкий старался детально ознакомиться с берегами реки. Все замеченное описывал.

«Места рождения каменного угля находятся от устья р. Анадырь в 200—250—300 верстах, лежат на южном берегу, т. е. правом; берег реки обрывисто крутой, сажень 6—8 высоты, пласт

* Чуванцы — коренные жители Чукотки, обрусевшие юкагиры, осевшие в начале XIX века по берегам р. Анадырь, в районе села Марково.

угля обнажается непосредственно, будучи закрыт только землей и камнем, которые постоянно осыпают берег».

Первое селение, где путники остановились на ночлег, сойдя на берег, состояло из «двух юрт сидячих чукчей и 8 юрт оленных...».

Скоро экспедиция оказалась в своеобразной лесной зоне. К северу от марковского лесного массива простиралась до самого Ледовитого океана необозримая тундра, далеко не все уголки которой были исследованы.

Марковчане встречались все чаще. Гриневецкий узнал от них, что промысел оленей под Марково в этом году оказался неудачным. Ему пояснили, что людей в какой-то мере выручило огромное количество куропаток, появившихся в окрестностях села. Его жители запасли на зиму тысячи тушек этих птиц. Теперь большинство марковчан отправились на добычу оленей к устьям Усть-Белая и Майна — притокам реки Анадырь.

Наконец путники достигли села Марково, около сотни домиков которого с церковью в центре раскинулись в «700—800 верстах от устья», места в какой-то степени «обжитого» Гриневецким и его маленьким отрядом.

Пока для начальника округа «обстраивалась квартира» в доме, где должно было разместиться временное управление округа, Гриневецкий остановился в доме отца Митрофана. Одна из тем их разговоров затронула самое наболевшее: причины частых голодовок и меры по их предупреждению. Истоки бедствий и пытался объяснить священник гостю.

— Обратите внимание, почтеннейший Леонид Францевич, между юкагирами, чуванцами, ламутами, чукчами, да и русскими, к стыдобе нашей, с давних пор не утихают распри. А все по поводу начала промыслов оленя и ленных гусей, да и других общественных, так сказать, дел. А что получается? Вследствие несогласий то или иное общество, не сговорившись с другим, отправляется на промысел и прежде времени отпугивает, скажем, оленей от места переправы. Отсюда следует, как вы догадываетесь, что другие общества обречены на длительный голод.

Гриневецкий возмутился:

— Отец Митрофан, ведь вы и другие местные русские, как люди, мнящие себя цивилизованными, способны и просто обязаны предотвратить эти губительные раздоры между инородцами, да и одернуть кое-кого из мещан... Стыдно мне от вас слушать подобное.

Шипицын сокрушенно опустил голову.

Гриневецкий уже прознал, что марковский священник давненько пренебрегает своими прямыми обязанностями. Он действительно неутомимо объезжал чукотские стойбища, дабы «окрестить их обитателей». Суть обрядности отец Митрофан чукчам не затруднялся объяснять. «Новообращенные» охотно принимали за процедуру крещения отпущенные на эти дела казной пачку табаку или рубашку. На том «обращение» в новую веру кончалось. «Окрещенные» после отъезда священника моментально вновь становились

«язычниками». Но такие вояжи приносили попу немалый доход. Так, он возил с собой бумажные иконки святых, полученные бесплатно и в огромном количестве из Якутска, выменивая их... по белке за штуку.

Гринецкий сделал в одном из своих отчетов запись:

«Священник Шипицын, живущий в Анадырском крае уже 25 лет с лишком... занимается деятельностью, да простит мне бог, исключительно коммерческой».

На укоризненные замечания начальника округа отец Митрофан со вздохом ответил, что прокормить свою большую семью здесь трудно. Старший сын, тоже Митрофан, только недавно отправлен в семинарию, подрастает младший — Иван, дочери на выданье...

Гринецкий извлек и пользу из разговоров с отцом Митрофаном, достаточно поднаторевшим в «трудах коммерческих». В частности, он узнал, что чукчи все реже стали посещать Марково. Причина, по словам священника, заключалась во все учащавшихся наездах американских каперов к чукотским берегам Берингова пролива. Гринецкий тут же записал услышанное им об этих торговцах.

«Они поставили в заливе Св. Лаврентия небольшое деревянное здание, в котором поселились трое американцев, снабженных значительным запасом всевозможного товара, а главное, рома, которые и привлекли чукчей к себе, что, конечно, не трудно сделать».

Далее он предлагает:

«...Устроить на устье лимана, хотя бы в нашем доме, склад необходимых для обихода чукчей предметов, т. е. просто-напросто устроить здесь факторию... и не подлежит сомнению, что в года два-три всех чукчей можно привлечь на нашу сторону, тем более не трудно сделать это, что чукчи отлично сознают, что американцы суть виновники оскудения морского зверя».

Позже Гринецкий записал впечатление от личных бесед с коренным населением:

«Чукчи как-никак хотя смутно, а все-таки считают себя более близкими к русским, нежели к американцам. Это мы прекрасно чувствовали и видели».

В деяниях отца Митрофана далеко не все было однозначным. Страсть к стяжательству удивительным образом сочеталась с желанием распространять просвещение в глухом краю, где судьба уготовила ему поселиться навсегда. Он оказался причастным к созданию первой на Чукотке школы. «Взрастил» и удивительного учителя — чуванца-самоучку из бедной марковской семьи, когда-то породнившейся с коряками, Афанасия Ермиловича Дьячкова. Этот человек, выучившись грамоте по единственной книге, имевшейся с давних времен в Марково, Псалтырю, со временем проявил не-

обычайную одаренность. В поселке скоро завелись другие книги, журналы. Их с жадностью поглощал самоучка. Вместе со священником они и открыли в 1883 году школу. Там Дьячков с одинаковым рвением обучал и детей, и взрослых. К появлению в Марково Гриневецкого читать и писать в селе практически умели все. Начальник округа это оценил в полной мере. Он не преминул и посетить уроки в марковской школе.

Как никогда волновался учитель-самоучка, поглядывая на склонившегося над низким столом рядом со смущенными детьми начальника округа. Начальник что-то непрерывно записывал. Когда урок кончился, показал оробевшему учителю написанное. Дьячков прочел и с неизъяснимым выражением благодарности взглянул на Гриневецкого. Тот составил длинный список пособий и учебников, детских книг, о которых самоучка раньше и не слышивал. Леонид Францевич разъяснил ему, что все это обычные спутники для любой начальной школы. Запросить их он намеревался незамедлительно, отправив запрос с первой же почтой, которая с наступлением зимы уйдет на нартах в Гижигу, а оттуда в Хабаровку...

Когда начальник округа обосновался в своей канцелярии, он стал там подолгу беседовать с Афанасием Дьячковым. Тот знал родной край, как никто другой из марковчан. Гриневецкий слушал его с жадным любопытством, а когда оставался один, обязательно записывал услышанное. Однажды Дьячков застенчиво вручил Гриневецкому тетрадь, сшитую им из плотных листов бумаги. Это были краеведческие записи учителя-самоучки. Всю ночь читал их начальник округа и убедился, что перед ним — своеобразный и достаточно серьезный краеведческий труд. Он подарил Дьячкову несколько толстых тетрадей и велел немедленно засесть за работу над книгой, предварительно разъяснив чуванцу всю ее важность. Подсказал краеведу план будущего сочинения и потом сам же редактировал рукопись страницу за страницей. Той же зимой труд первого чукотского краеведа был отправлен Гриневецким во Владивосток с приложением к нему письма на имя его хорошего знакомого — активного деятеля Общества по изучению Амурского края Ф. Ф. Юусе. Тот высоко оценил труд марковского учителя, литературно доработал его и вскоре издал...*

Л. Ф. Гриневецкий оценил важность месторасположения села Марково, основанного русскими землепроходцами. Сюда привыкли съезжаться оленеводы, отсюда представлялись удобными поездки и к ним, в дальнюю тундру. Только после детального ознакомления с глубинной Чукоткой Гриневецкий считал возможным окончательно вернуться на Ново-Мариинский пост и, вытребовав паровой катер, взять оттуда под контроль все чукотское побережье.

В конце ноября начальник округа на нескольких собачьих

* «Анадырский край». Рукопись жителя села Марково г. Дьяčkова. Записки Общества изучения Амурского края. Владивосток, 1893.

упряжках отправился в стойбища чукотских оленеводов. Его сопровождали Афанасий Дьячков, два «сидячих» чукчи из селения Вэн — Кохлянто и Василий Онехе.

«Поезд» Гриневецкого изо дня в день все дальше углублялся в тундру. «Край ледяного безмолвия», его звенящую тишину нарушали скрип нартовых полозьев и лай ездовых собак. Они долгими неделями мчались от стойбища к стойбищу. Белое покрывало слепило глаза, и начальник почти не снимал темных очков. Во время пурги научился «отлеживаться» среди теплых собачьих тел. Затихала пурга — снова в путь.

Начальник округа приглядывался к жизни, быту оленных (кочевых) чукчей, к их нелегкому труду. Он старался не пропустить ни одной попадавшей по пути яранги. Подолгу, обстоятельно беседовал с ее обитателями и, как врач, обязательно осматривал их. Выявил много больных. Пытался их лечить. Благо не расставался с аптечкой, заполненной лекарствами. Удрученный тяжелыми условиями жизни людей тундры, он записывал:

«Страшно тяжелые условия существования, нечеловеческие труды в течение зрелого периода жизни при зимних промыслах — все это обуславливает слишком раннюю дряхлость и смерть по большей части еще в цветущих летах».

В ужас привели Гриневецкого и невероятные трудности «пушного промысла». Ловушки обычно устанавливались «верст за 10—15 от жилья. Обходы их должны осуществляться ежедневно, в любую погоду!» — записывал он. А результат? Семейство добывало за сезон, как им было замечено, «каких-нибудь пять песцов да три-четыре лисицы». Заработок, как выяснил он, достигал от силы 30 рублей...

Среди чукчей уже начиналось имущественное неравенство. Зоркий глаз Гриневецкого это уловил. Встречал он владельцев крупных оленьих стад, у которых работали пастухами более бедные сородичи. Появились в тундре и посредники в торговых операциях между осевшими на побережье пролива американцами и кочевниками-олeneводами. Такие чукчи-посредники получали солидные барыши и превращались в эксплуататоров бедноты. Гриневецкий записывал:

«Таких агентов я знаю несколько: это все люди черствые и весьма несимпатичные. Вообще можно принять за правило, что все богатые чукчи всегда отличаются черствостью, даже по отношению к собратьям своим...»

И далее:

«Все первой необходимости вещи чукчи получают в обмен на пушной промысел предшествовавшей зимы. О если бы кто-нибудь мог себе представить, что за нечеловеческий труд представляют зимою пушные промыслы, а следовательно, и то, во что обходится несчастному чукче какой-нибудь чайничек, котелок и проч.»

Только создание казенных складов, пришел к окончательному выводу Гриневецкий, в какой-то степени облегчит положение чукчей.

Весна пришла, а Гриневецкий со спутниками еще находился в тундре. Там его задержала эпидемия гриппа. Он со всей наглядностью убедился, что периодически два страшных врага косили местных «инородцев»: грипп и голод. Какое-то количество продовольствия по его распоряжению удалось доставить из Марково. Но и там наступили голодные месяцы. Запас взятых им лекарств истощился. Дьячков предложил врачу испытать стародавний способ: отвар из маленькой тундряной ягоды — сиха. Доктор стал в этот отвар добавлять немного хины. Смертность в стойбищах снизилась.

Длительное пребывание в дымных ярангах, часто среди туберкулезных больных, для Гриневецкого не прошло даром. Он заразился... «Скоротечная чахотка», — с ужасом определил врач.

В апреле 1891 года Леонид Францевич Гриневецкий вернулся в Марково. Там подстерегала его неприятность, подкосившая последние силы.

Помощник начальника округа, пользуясь его длительным отсутствием, самовольно отлучился из Марково в район, где, по слухам, могли находиться золотые россыпи. Дело требовало расходов. Михаил Дмитриев вовлек в него писаря Ивана Попова, соблазнив крупным кушем. Из кассы окружного начальника они похитили крупную сумму денег, гербовые марки и бланки. Дмитриев оставил для разведки золота на реке Белой нескольких обнаруженных им там «единомышленников» — чукчей-посредников, поднаторевших в торговых «делах», и успел к приезду Гриневецкого из тундры возвратиться в Марково. Там, в канцелярии, безотлучно находился поджидавший с нетерпением Дмитриева казак Иван Попов.

Подробности преступления Гриневецкий выяснил тотчас по прибытии своем в Марково. Он немедленно уволил Дмитриева и заставил его с отправившимися в Гижигу нартами оставить Чукотку. Попов сразу повинился во всем. Начальник округа велел ему написать объяснительную и стараться не попадаться на глаза...

Пока перепуганный Попов, пристроившись за колченогий стол в одной из комнатшек «окружного управления», всхлипывая, трудился над «покаянным объяснением», Гриневецкий почувствовал себя настолько плохо, что поспешил вызвать чуванского старосту Константина Кулиновского и учителя Афанасия Дьячкова. Старосту он отпустил, дав указания о незамедлительных мерах по управлению округом на время своей болезни. Дьячкова же оставил у себя для составления под диктовку бумаг — донесений в канцелярию генерал-губернатора о состоянии дел в Анадырской округе. Сам писать уже не в состоянии, да и подниматься с постели — как врач, он это понимал — больше не сможет... Удрученные его

болезнью Кохлянто и Онехе старались не отходить от походной кровати своего начальника, к которому успели крепко привязаться, да и не только они, но и большинство жителей Марково. В село часто прибывали люди из тундры справиться о состоянии здоровья Леонида Францевича, доброту и сердечность которого испытали на себе...

Пересиливая слабость, больной диктовал медленно, внятно:

«Скорблю глубоко, Ваше Превосходительство, что мне не суждено укрепить и основать на Анадыре наше дело, так блестяще начатое. Как бы ни оценивали мою деятельность в этом крае, я все-таки схожу в могилу с сознанием честно, добросовестно и по мере сил исполненного долга. Смею сказать, что я открыл торную дорогу для будущих деятелей края, открыл тем именно, что установил с чукчами наилучшие отношения, заручился полным доверием их и беспредельной преданностью, что видно из того, на что способны чукчи по первому моему требованию. Я полагался и надеялся на чукчей гораздо больше, нежели на своих подчиненных казаков. К этому прибавлю, что чукчи высоко ценили мое доверие к ним. Следовательно, будущему деятелю этого края остается только поддерживать эти добрые отношения, и я не сомневаюсь, через два-три года большинство чукчей будет платить ясак и примет христианство. При умении взяться за это и при средствах для летнего сообщения (паровой катер), несомненно, так и будет».

Гриневецкий замолчал, тяжело дыша.

— Вам совсем худо, — встревожился Дьячков. — Может, прекремся?

— Ни в коем случае. Продолжаю.

«В настоящее время стало ясно, что Дмитриев упросил хлопотать об эксплуатации золота, пронюханного на р. Белой. Да и вообще, кажется, он собственно из-за золота и на Анадырь попал, так гнусно обманув меня своими уверениями. Во всяком случае прошу Ваше Превосходительство не допустить его на Анадырь за золотом, ибо, несомненно, он будет эксплуатировать чукчей».

Больной зашелся кашлем.

— Устал. Продолжим завтра. Хочу остаться один, все обдумать...

Наутро Л. Ф. Гриневецкий потребовал к себе кроме Дьяčkова священника и чуванского старосту К. Кулиновского.

— Господа, своим душеприказчиком оставляю господина Дьяčkова, — с усилием произнес начальник округа. — Афанасий, целуй крест, что все мои бумаги в запечатанном конверте вручишь, если я не проживу более, командиру корабля, который этим летом придет в устье. Да, и передай уряднику, если на побережье случится голод, пусть чукчам нашего поста выделит продукты из кладовой... Теперь дописывай рапорт.

«Все дела управления я сложил в денежный ящик... Покорнейше прошу, Ваше Превосходительство, все, что будет причитаться мне по день смерти моей, передать малюткам моим. Я сам не брал из ящика своего жалованья вот уже больше года... Чувствую близость кончины своей. Прошу, Ваше Превосходительство, не оставить семью мою Вашим мощным покровительством».

Гриневецкий подписал документ.

Еще через день больной в присутствии Дьячкова, Кохлянто, Онехе, священника и старосты Кулиновского продиктовал часть своего завещания. Исполнение последней воли возложил на Константина Кулиновского.

«...Собранные и переписанные мною вещи мои укрепить хорошо и, запечатав казенной печатью, отправить на устье, где сдать командиру судна, адресуя г. военному губернатору Приморской области... По смерти моей меня похоронить без всяких забот о том, какие церемонии соблюсти. Похоронить просто, как хоронят и всякого простого жителя».

Тем временем вокруг домика «управления» суетились казаки и марковчане. Они упаковывали имущество начальника округа, многообразные собранные им коллекции. Тут же, у дощатой пристани, готовились в дальний путь баркасы. Говорили мало, да и то шепотом. Люди выглядели удрученными. К Леониду Францевичу все искренне привязались.

У постели больного теперь безотлучно находились Дьячков, Шипицын и Кулиновский.

— Нельзя вам, дорогой Леонид Францевич, в таком состоянии отправляться в столь трудную дорогу, — уговаривал священник. — Здесь в покое, бог даст, поправитесь.

— И думать нечего, отец Митрофан, — слабым, но решительным голосом отозвался Гриневецкий. — Как врач, признаюсь вам, что болезнь моя неизлечима. Боюсь, и месяца не протяну. Но интересы округа, мой долг требуют, чтобы я лично встретил корабль, который скоро должен прийти в устье... Нет, господа, уговоры бесполезны. Завтра погрузимся на баркасы — и с божьей помощью в путь-дорогу. Со мной будут Дьячков, Кулиновский, мещанин из Петропавловска Косыгин, казаки да Онехе с Кохлянто. Вы же, отец Митрофан, перед нашим отправлением не откажите мне у вас исповедаться. Случиться в пути все может. Желательно, чтобы сами вы оставались в Марково. Село вам до возвращения господина Кулиновского оставлять не следует... А теперь, Афанасий, закончим завещание.

Все, кроме Дьячкова, вышли. Гриневецкий напряг силы и стал медленно диктовать свою последнюю волю.

«Все вещи, собранные мною для казенной коллекции, приказываю Кулиновскому с понятыми же собрать и тщательно уложить по ящикам или как придется, закупорить и отправить

на имя г. военного губернатора. На устье, какие есть коллекции, и с ними поступить так же.

Скелеты зверей и черепа человеческие сложить в прочный ящик и четкими буквами написать: в Императорскую Военно-медицинскую академию, Его Превосходительству Александру Ивановичу Тарнецкому. Все же прочие вещи адресовать: Его Превосходительству г-ну военному губернатору Приморской области.

Кулиновскому приказываю принять меры к доставке на устье какое есть казенное имущество, а равно окажется невозможным для прибывшего судна забрать все казенное имущество, то там по жребии должны остаться два казака для хранения этого имущества, впредь до распоряжения начальства. Приказываю Кулиновскому иметь это в виду и зимою навестить оставшихся людей, оказывая, понятно, возможное содействие в нуждах их.

Из моего личного имущества отдать: принадлежавший канцелярскому служителю (М. Дмитриеву. — *Прим. мое.* — И. Б.) винчестер, не оплаченный им (на устье же), дарю Кулиновскому. К нему — все патроны Кулиновскому же от моего винчестера (около 400 штук); пехотную берданку (на устье) отдать учителю Афанасию Дьячкову (к ней 400 патронов). Все прочие собственные мои ружья обязать хорошенько и доставить г. губернатору для передачи моей жене.

Книги и бумаги, как здесь, так и на устье, аккуратно собрать, уложить в крепкий ящик и, обязав (непременно) веревками, отправить г. военному губернатору для передачи жене моей».

— Кажется, почти все, — с облегчением проговорил больной. — Афанасий, будь добр, пригласи-ка Кулиновского и этого... Попова.

Вошедшему Кулиновскому начальник округа указал на табурет. Попов же робко прислонился к дверному косяку. Гриневецкий строго на него взглянул и продолжал диктовку:

«Кулиновскому предоставляю полное право распоряжаться всеми делами, неусыпно и неотложно следя за действиями Попова, которому приказываю быть в безусловном повиновении старосте. В противном случае, по заявлению кому следует со стороны старосты, Попов ответит по всей строгости закона. Попов, как ближайший ко мне человек, знающий общее положение дел, должен по совести объяснить старосте все то, что старосте необходимо будет знать. Равно и всем казакам строжайше приказываю быть в полном повиновении у Кулиновского, как лица, облеченного моим доверием. Всякая жалоба Кулиновского на неповиновение казаков отразится весьма тяжело на виновных».

Гриневецкий дал знак Попову оставить комнату и продолжал:

«Кулиновскому строго приказываю во всем совещаться со священником и без его совета не предпринимать ничего особо выдающегося. Тут же покорнейше прошу отца Митрофана иметь неослабное наблюдение за правильностью исполнения приказаний моих и в случае замеченной нечестности довести до сведения начальства.

Подпись: окружной начальник Гриневецкий».

Больной прослушал зачитанный Дьячковым продиктованный текст и дрожащей от слабости рукой подписал документ, последний в его жизни. Потом попросил:

— Позовите отца Митрофана, а когда он придет, оставьте нас вдвоем. — И утомленно закрыл глаза.

Возвращение

Из путевого дневника учителя марковской школы А. Е. Дьячкова.

«21 июня. Пятница.

В 6 ч. утра... Все марковское население высыпало на берег притоки Марковки, где стояли нагруженные корбасья. Начальник, собравшись кое-как с силами, встал на ноги и распростился со всеми стоявшими на берегу марковцами. Мы отправились в путь. На ночлег остановились в 6 часов вечера. Ночь для больного начальника очень трудная, потому что болезнь все более усиливалась.

22 июня. Суббота.

Встали в 6 часов, а начальник, не спавши ночь, захотел соснуть немного. В 8 часов остановились. А между тем при выходе и входе из шлюпки начальника выносили на носилках.

23 июня. Воскресенье.

...Больному было трудно. По причине сильного ветра остановились ночевать.

24 июня. Понедельник.

...Ветер еще более усилился. По общему совету остановились на дневку.

25 июня. Вторник.

...Отправились в путь в половине 10 ч. Плыли ок. двух часов. Потом остановились пообедать на урочище Дресвяной. Состояние начальника сделалось опасным, вследствие чего остановились переночевать.

26 июня. Среда.

Больному сделалось очень тяжело. По предложению начальника принуждены были остановиться дневать, потому что начальник еще за несколько дней предсказал, что непременно раньше четверга умрет...

В 7 ч. 10 мин. начальник скончался.

Он скончался в палатке один. Потому что, будучи жив, дал приказание, чтобы при его кончине никто не оставался... Потом

позаботились омыть тело покойного начальника и одеть... Голову помадили, рубашку одели с узором. Вместо креста надели икону Спасителя, потом подштанники, брюки, мундир и эполеты. На ноги сапог не надели, потому что он сам, будучи жив, отказывал в этом по причине распухших ног, а по его приказу надели торбаса летние... Одним словом, по его приказу надели на него все старое... После одевания тело положили на ящиках, мощенных досками. На доски постлали белую простыню, на которую положили тело, а сверху покрыли простыней. Под голову положили две подушки. Потом, окурив тело ладаном, все вышли из палатки. На палаточном столбике повешена была икона, перед которой зажжена восковая свеча. На груди тоже положили икону.

Первым долгом чуванский староста позаботился объявить предсмертное письменное распоряжение г. начальника. Для прочтения письменного распоряжения или инструкции призван был петропавловский мещанин Иван Косыгин. По выслушании таковой немедленно собрали комиссию и запечатали все ящики и чемоданы, как казенные, так и собственные его высокоблагородия... Потом позаботились сделать гроб, на который было его приказание, чтобы гроб сделан был из любимого его каюка, купленного в Марково. Так и сделали, как было приказано. Из каюка сделали гроб. В 12 ч. 10 мин. тело положили в гроб.

Так как около места его преставления не было удобного места для погребения... его половинная свита была отправлена вниз по р. Манну на расстояние 10 верст, на более хорошее место для вырытия могилы... По исправлении и положении в гроб отправились к месту погребения на *урочище Собининский.

27 июня. Четверг.

Во время несения тела на могилу команда была в парадной форме. На гроб положили орден и саблю. Перед опущением тела в могилу команда сделала три выстрела из 5 ружей. После погребения немедленно вся свита отправилась в путь, потому что покойным начальником было приказано как можно быстрее после его смерти поспешить в Ново-Мариинский пост ко времени прихода судна, и приготовить все им лично приказанное, и заботиться о сохранении казенного и его собственного имущества.

От сего числа дневник прекращается, потому что во время пути следования до Ново-Мариинского поселения не встречалось никакой особенности. Все обычным порядком плыли, но только плыли очень медленно по причине частых противных ветров. Достигли Н.-Мариинское поселение 13-го июля, в субботу. С 14 числа позаботились переписать казенное и собственное его высокоблагородия имущество».

Все время своего пребывания в те дни на форпосте А. Е. Дьячков продолжал аккуратно вести дневник. В нем рассказывается о

повседневных заботах казаков в ожидании судна с «Большой землей». Они готовили к отправке багаж, заготавливали на зиму дрова...

Корабль долго не появлялся. Некоторое разнообразие в жизнь на косе (она стала окрестным населением называться косой Гриневецкого) принесли чукчи, приплывшие из Берингова пролива.

Из записи А. Е. Дьякова:

«25 июля. Четверг.

Чукчи рассказывали, что к ихнему жительству приходило 25 торговых американских судов, которые очень торопились — даже не успели распродать все товары. Американцы говорят: «Мы боимся, чтобы русский пароход нас здесь не застал». В 1890 г. их ходило несравненно больше...»

Наконец в конце августа долгожданный корабль бросил якорь в устье. Смены казакам доставлено не было... Капитан согласился принять только письменную документацию. Остальной багаж остался на посту в ожидании «подходящей okazji».

И последующее...

Надолго запомнился жителям Чукотки страшный голод весной 1892 года. Бедствие не обошло и поселка Вэн. Урядник Алексей Павлов запомнил одно из последних распоряжений Гриневецкого: поделиться с соседями-чукчами казенным запасом продовольствия... Воспротивился только казак Иван Попов. Опозоренный, он стремился выслужиться перед «высшим» начальством и послал в Петропавловск донос...

Летом 1892 года форпост посетили с ревизией камчатские чиновники.

«Господину приамурскому генерал-губернатору. Петропавловский окружной начальник при посещении округа усмотрел, что урядником Павловым выдано чукчам Ново-Мариинского поста во время голодовки с 1-го января по 1-е июля 1892 года муки 18 пуд. 20 фунт. и крупы 3 пуда 10 фунт. ...Принимая во внимание, что чукчи, живущие у устья Анадыря, в высшей степени бедны и покрыть произведенный на них расход провианта они не в состоянии, я ввиду ходатайства начальника Анадырской округи о сложении числящейся на них недоимки имею честь покорнейше просить распоряжения Вашего Высокопревосходительства о принятии этого расхода на счет казны.

Вице-губернатор Павленков.

22 января 1893 г.»

Надолго запомнили чукчи косы Гриневецкого акт его очередного милосердия, свершившийся через год после смерти...

Ранее провинившийся казак Иван Попов был доставлен в Петропавловск, где с трудом избежал арестантской роты...

Завершился первый этап в истории Анадырской округи, неразрывно связанный с добрым именем Леонида Францевича Гриневецкого.

Казаки, оставшиеся «без замены» на косе, так и осели здесь на постоянное жительство. К некоторым приехали с Камчатки их семьи. Люди постепенно обстроились, каждый обзавелся своим добротным жильем. Кое-кто породнился с аборигенами.

Прошли годы. На косе лимана уже десятки домиков торговцев и чиновников, отдельный из них — начальника округи, самый просторный — окружного управления, склады — казенный и русских купцов, постепенно оседавших на этом узком клочке чукотской земли, американская фактория. На месте открытых Гриневецким залежей угля возникли копи, обеспечивавшие топливом обитателей Ново-Мариинского поста. В 1912 году на высоком берегу речки Казачки поднялась радиовышка. Население поселка значительно выросло...

Вторым начальником Анадырской округи был Николай Львович Гондатти, личность по-своему примечательная. Охотно играл в «либерала». В столице — обширные связи. Как видный член Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, весьма заботился о славе своей как ученого. Таковым и прослыл, особенно когда в Петербург на адрес Академии наук прибыла собранная им во время поездок по Чукотке крупная коллекция. Правда, он умолчал, что к своим материалам присовокупил и застрявшие на устье коллекции, собранные для Военно-Медицинской Академии его предшественником... Справедливо будет отметить умелое управление им округой, хорошие отношения с «иногородцами», благотворные меры по значительному увеличению ее финансирования и снабжения. При нем на могиле Гриневецкого был установлен тот самый мраморный памятник от Географического общества (транспортировка через всю страну громоздкого надгробия заняла несколько лет). Уделял внимание Афанасию Дьячкову и его школе. В округах Анадырской и Чукотской (образованы в 1900 году) появились две-три маленькие школы и столько же фельдшерских пунктов. Вскоре после отставки Унтербергеря приамурским генерал-губернатором сделался Н. Л. Гондатти. Он вывез в свою новую канцелярию почти весь чукотский архив, и с тех пор об Анадырской округе почти не вспоминал.

По-настоящему изучением малых народов Севера занимались те, кто не по своей воле оказался в краю «холода и голода», — политические ссыльные. Революционер-народник В. Г. Богораз-Тан, обследовав обитателей чукотской тундры, создал о них классические труды, разработал письменность на основе языка этого народа.

В течение первых двух десятилетий XX века положение чукотских «инородцев» неуклонно ухудшалось. Их безудержно спаивали «свои» и иностранные торговцы-спекулянты, опутав все население

тундры и побережья неоплатными долгами. Голодовки и эпидемии не прекращались.

Новую жизнь народам Чукотки принесла победа Великой Октябрьской социалистической революции. С начала 20-х годов там началось социалистическое строительство...

Небезынтересна судьба некоторых персонажей нашего повествования.

В почете прожил в своем Марково последние годы учитель А. Е. Дьячков. Он умер в 1907 году. Немного ранее ушел из жизни чуванский староста К. Кулиновский. Человек честный и бескорыстный, он оставил семью в великой нужде. Его маленький сын Никола был взят на воспитание его дальними родственниками, «петропавловскими мещанами» Косыгиными. Потом стал коммунистом, членом легендарного первого ревкома Чукотки. В феврале 1920 года вместе со своими соратниками был расстрелян контрреволюционерами на льду речки Казачки... Строителями Советской власти на Чукотке стали многие ученики Афанасия Ермиловича Дьяčkова.

И никак не обойти молчанием судьбу клипера «Разбойник», экипаж которого столь самоотверженно содействовал основанию первого форпоста на крайнем северо-востоке Азии. В 1890-е годы ушел в отставку капитан 1-го ранга П. Н. Вульф, сменился экипаж. Но добрые традиции морского братства и преданности Родине передались новому поколению моряков боевого корабля. Они в 1904 году, при обороне Порт-Артура, не желая сдаваться в плен врагу, взорвали себя вместе со своим клипером...

Видимо, почитал себя «русским патриотом» и «либерал» — приамурский генерал-губернатор Н. Л. Гондатти. Стремясь «спасти русскую культуру от большевиков-варваров», он в конце 1917 года со всей своей канцелярией эмигрировал в Харбин, прихватив дальневосточную казну, богатейшую библиотеку и архив. В 1924 году, с открытием в Харбине советского консульства, Гондатти за злоупотребления на КВЖД был арестован китайскими властями, но скоро ими же выпущен. На требование правительства СССР о его выдаче последовал отказ. После смерти Гондатти его библиотека и весь дальневосточный архив распродавались по частям (многие бумаги — на вес, «на макулатуру») в недрах харбинского базара...

В наших государственных архивах сохранились, в основном в копиях, дела канцелярии Приамурского генерал-губернатора, относящиеся к Анадырской округе. С некоторыми из них, связанными с именем первого начальника этой округи, нам в какой-то мере здесь и удалось познакомить читателя.

В течение десятилетий имя Л. Ф. Гриневецкого оставалось в забвении. Да и одного ли его из славных русских путешественников? Так, в 30-е годы рьяные «борцы с проклятым прошлым» уничтожили в Хабаровске опекушинский памятник Н. Н. Муравьеву-Амурскому...

К косе в Анадырском лимане только недавно вернулось возрожденное народной памятью имя Гриневецкого. От этой косы деревянный мостик ведет на другой, крутой берег речки Казачки, где ныне раскинулся город Анадырь, административный центр Чукотского автономного округа. В этом самом далеком от нашей столицы городе в многоэтажных комфортабельных домах живут более 14 тысяч человек. Это чукчи и русские, чуванцы и украинцы, эскимосы и белорусы... Его крупный арктический порт принимает всевозможные корабли, а аэродром на противоположном берегу лимана — лайнеры.

Обезлюдела лишь песчаная коса Гриневецкого. На ней Чукотским окрисполкомом решено создать историко-этнографический музей. Здесь наряду с другими историческими памятниками предполагается воссоздать и дом-казарму, установленную сто лет назад первыми русскими жителями Анадыря по соседству с крошечным чукотским поселком Вэн.

Память о прошлом возвращается к потомкам.

ОТКУДА ЗЕМЛЕПРОХОДЦЫ XVII ВЕКА ПРИШЛИ НА ТАЙМЫР

В литературе о Сибири с начала 50-х годов встречаются упоминания о каком-то путешествии безвестных русских землепроходцев, обогнувших якобы полуостров Таймыр с запада около 1619 года. Предположение о таком плавании было выдвинуто в конце 40-х годов группой археологов и историков, проанализировавших комплекс монет и бытовых предметов из так называемой «таймырской находки», обнаруженной в 1940—1945 годах на островах Фаддея и в заливе Симса, расположенных на таймырском побережье моря Лаптевых, примерно в 150 километрах к юго-востоку от мыса Челюскин.

Первая находка была сделана топографами из гидрографической экспедиции, специально зазимовавшими в заливе Фаддея для первого в советское время картографирования этого побережья, на самом северном из трех островов Фаддея в сентябре 1940 года. На каменистом мыске, в 10—15 метрах от воды, среди сгнивших мхов, первоначально укрывавшихся каменными плитами, были найдены различные предметы: украшения (перстни, бусы, подвески), вооружение (остатки лука, стрел, пищаль, пули, пороховница), посуда (медные котлы, оловянные тарелки), мореходные инструменты (компасы, солнечные часы), серебряные монеты (копейки), остатки одежды. В марте 1941 года на северо-восточном входном мысе залива Симса, лежащего в 60 километрах западнее, при заготовке леса-плавника гидрографы обнаружили полуразрушенный сруб небольшой избы, которую разобрали на дрова. Летом того же года среди развалин сруба нашлось много предметов, аналогичных найденным на острове Фаддея, разрозненные остатки трех человеческих скелетов, но не было огнестрельного оружия. Найденные на обеих стоянках 3324 русские серебряные монеты-копейки к осе-

ни 1941 года были доставлены в Красноярск вместе с некоторыми другими наиболее ценными предметами.

Предварительный анализ вывезенной части «таймырской находки» показал, что на острове Фаддея и в заливе Симса находились стоянки русских землепроходцев XVII века, приплывших туда морем. Летом 1945 года стоянки обследовала группа археологов, руководимая А. П. Окладниковым, собравшая дополнительный материал. Результаты изучения «таймырской находки» коллективом ленинградских ученых были обобщены в специальном сборнике.

Рассматривая его спустя почти четыре десятка лет, нельзя не прийти к заключению, что если по тщательности изучения всех предметов «таймырской находки» и их описанию этот сборник продолжает сохранять свое научное значение, то сделанные авторами выводы, главным образом по направлению путешествия владельцев «таймырской находки», в свете современных историко-географических знаний о севере Таймыра не кажутся убедительными. Предварительно заметим, что выводы эти сделаны специалистами исключительно материальной культуры, археологами, несомненно, квалифицированными знатоками своего дела, но мало знакомыми с физико-географическими условиями прибрежных вод Северного Таймыра и мореходными качествами сибирских кочей XVII века. Кроме того, следует учитывать, что выводы эти делались в конце 40-х годов, в печальной памяти период «антикосмополитизма», когда главный вывод авторов сборника о плавании владельцев «таймырской находки» с запада в обход северной оконечности Азии задолго до появления здесь первого в истории судна «Вега» шведа А. Норденшельда был весьма созвучен приметам времени усиленного «восстановления» чаще всего дутых приоритетов отечественных открытий по многим отраслям знаний.

Главным аргументом авторов «Памятника» была датировка монетного комплекса, который, по экспертизе Эрмитажа, в том виде, в котором был туда предъявлен, мог сложиться, «судя по всему, на Севере России» не позже 1617 года. А так как в 1619 году царским указом плавания в Карское море были запрещены, следовательно, делают выводы авторы «Памятника», в плавание из Белого моря землепроходцы могли выйти не позже 1619 года. Поскольку же в то время не были известны пути по рекам юга Таймыра, в нынешнее море Лаптевых они могли попасть, лишь обогнув мыс Челюскин. По предположению авторов «Памятника» в заливе Симса землепроходцы зимовали, построив на берегу избу, а следующим летом пошли дальше на восток, заходили на остров Фаддея «для рыбной ловли», но их коч был у острова раздавлен льдом. Имущество с него удалось выгрузить на остров, с которого затем уцелевшие люди ушли по льду, но, вероятно, погибли. Вот главный вывод авторов «Памятника», сопровождаемый, правда, некоторыми оговорками. Со временем все эти оговорки забылись, в литературе закрепился главный вывод — владельцы «таймырской находки» около 1619 года обогнули с запада мыс Челюскин.

В середине 60-х годов выдающийся геолог и географ С. В. Обручев, изучив выводы авторов «Памятника», посчитал «необходимым пересмотреть вновь всю проблему и изучить все материалы, чтобы заново решить некоторые вопросы, оставшиеся еще во многом спорными и неясными»*.

Основные возражения и дополнения С. В. Обручева следующие:

— исходя из наличия на острове Фаддея и в заливе Симса примерно равного числа мореходных инструментов, у землепроходцев имелся не один, а минимум два коча, которые погибли недалеко от этих стоянок;

— скорее всего кочи были построены не в Поморье, а на Енисее, где с 1619 года существовало плотбище в Енисейском остроге, а кочи строились и раньше. Например, для плавания из Енисея в Пясино двинянина Курочкина в 1610 году кочи были построены близ Туруханского зимовья;

— невозможно представить, чтобы избушка в заливе Симса размером всего $2,6 \times 2,6$ метра использовалась для зимовки, как считают авторы «Памятника», всей команды одного коча, насчитывавшей обычно 8—10 человек. Отсутствие в заливе Симса огнестрельного оружия заставляет предположить, что оно было взято ушедшими на юг после кораблекрушения членами экипажа коча, а в избушке зимовало только три человека, останки которых были найдены;

— надписи на рукоятках ножей из залива Симса, прочитанные авторами «Памятника» как «Акакий моряк» (мураг) или «Акакий мурманец» (житель полуострова Мурман), следует расшифровывать как «Акакий муромец» (житель города Муром), а по аналогии на втором ноже — «Иван моремец». Из записей в таможенных книгах сибирских острогов XVII века обычно к именам землепроходцев добавлялись слова, характеризовавшие их принадлежность к городу или местности: «двинянин», «каргополец», «устюжанин», «муромец», а характеристика «мурманцы» (жители Мурман) в XVII веке еще не употреблялась. Поэтому владельцев ножей из залива Симса следует считать жителями города Мурома;

— в трудах историков и этнографов Сибири С. Н. Бахрушина и В. А. Александрова С. В. Обручев нашел документальные сведения о торгово-промышленной деятельности богатейшей семьи муромцев Пахоминых-Гловых, которая началась с 1626 года в бассейне Енисея и в Мангазее и прослеживается до 1657 года. Причем расцвет деятельности этих муромцев приходится на 1631—1634 годы, когда из всех товаров, завезенных в Мангазею, почти половина (свыше 3 тыс. руб.) приходится на долю фирмы муромцев Пахоминых. А в 1631 году один из представителей муромцев «явил в Енисейскую таможню 72 сорока добытых соболей». В 1634 году в Мангазею прибыли два коча, на которых муромцы Пахомины привезли из Тобольска товаров на 1196 рублей.

* Обручев С. В. Таинственные истории. М., 1973. С. 17.

Вероятные маршруты землепроходцев XVII в. на север Таймыра

Владельцы «таймырской находки» муромцы Акакий и Иван, по мнению С. В. Обручева, принадлежали к богатой фирме Пахомовых, поскольку трудно предположить, что в то время или чуть раньше в Мангазее промышляли или торговали еще какие-то муромцы, способные организовать плавание на кочах к северу Таймыра: «...шансы на это очень значительны». Прибытие же их с товарами в Мангазею более вероятно из Тобольска, откуда путь по «Мангазейскому морю» (Обской губе) не был запрещен;

— хотя С. В. Обручев и признавал датировку по монетам плавания к северу Таймыра муромцев, «но все-таки полной уверенности, что в 1619 году такое смелое предприятие было выполнено,

пока еще нет». Он обращал внимание на то, что доставленные с острова Фаддея и из залива Симса предметы, подвергнутые изучению, не отображают действительного состава оставленного в XVII веке имущества, особенно это касается монетного комплекса. Так, признавали и авторы «Памятника», «некоторая часть монет разошлась по рукам различных любителей редкостей»* среди членов гидрографической экспедиции в течение нескольких лет до прибытия археологов в 1945 году, посещавших хорошо известные им стоянки землепроходцев в поисках «сокровищ», о которых в те годы среди полярников ходили легенды.

Добавим от себя, что из бесед с участниками той экспедиции выяснилось, что любители сувениров отдавали предпочтение наиболее сохранившимся блестящим серебряным монетам, т. е. менее всего бывшим в обращении монетам позднейших годов выпуска;

— С. В. Обручев, основываясь в основном на годах расцвета деятельности на севере Сибири торгового дома муромцев Пахомовых в 1630-х годах, а также сомневаясь в непререкаемой точности датировки монет 1617 годом (из-за неполноты их действительного состава), считал возможным допустить поездку муромцев к острову Фаддея и в залив Симса не позже первой трети XVII века. Он считал необходимым тщательно изучить таможенные книги Сибирского приказа, чтобы установить, фиксировались ли в них другие муромцы кроме Пахомовых ранее середины 1620-х годов, когда началась деятельность в Сибири Пахомовых.

Нам также уже приходилось отмечать, что абсолютизация датировки далеко не полного монетного комплекса «таймырской находки» в качестве исходной посылки для определения направления маршрута их владельцев, как это делают авторы «Памятника», вряд ли правомерна. Не были учтены следующие обстоятельства:

— незначительная сумма денег — около 34 рублей, что составляет примерно одну десятую стоимости коча, — вряд ли предназначалась, как полагают авторы «Памятника», для развертывания торгово-промышленной деятельности. Нахождение монет на острове Фаддея в прядках-столбиках свидетельствует о том, что они зашивались в матерчатые трубки и, вероятнее всего, предназначались для украшения. Хорошо известно, что в ту эпоху монеты нередко использовались для отделки женской одежды у народов Сибири, а денежное обращение заменило натуральный обмен на пушнину уже в послепетровское время;

— как убедительно доказал С. В. Обручев, денежная казна «таймырской находки» складывалась не на Русском Севере, как считали авторы «Памятника», а в Сибири — Тобольске или в Мангазее, где она могла образоваться не обязательно вследствие правильного денежного обращения, аналогичного обращению на Руси. Известно, что в XVII веке в Сибири преобладал натуральный обмен. Поэтому датировка таймырской казны по такому

* Окладникова А. П. Русские полярные мореходы XVII века у берегов Таймыра. М., 1957. С. 88.

типу, который складывался на севере Руси, вряд ли обоснованна. Как правильно считал С. В. Обручев, эта казна вполне могла несколько лет в пределах первой трети XVII века находиться в Сибири вне обращения.

Экспертиза найденной нами в 1971 году на месте раскопа 1945 года на острове Фаддея пищали, вымытой к тому времени прибором из прибрежного галечного вала, проведенная специалистами по древнему русскому оружию в Эрмитаже, установила, что это — ружье кремневое периода 1620—1650 годов, русской работы ремесленного характера, северной или сибирской выработки.

Как видим, экспертиза этой пищали даже не допускает возможности ее изготовления в 1610 году. Поэтому слишком много факторов, приведенных нами выше, позволяют усомниться в отставиваемой авторами «Памятника» датировке начала плавания владельцев «таймырской находки» непременно не позже 1619 года. Более обоснованным надо считать этот срок на 10—15 лет позже. В таком случае рушится главный аргумент авторов «Памятника» о возможности попасть на северо-восток Таймыра землепроходцам непременно с запада: ведь уже в 1620-е годы был освоен так называемый Южно-Таймырский водный путь с Енисея на Хатангу по рекам Таймыра. В 1630-х годах землепроходцы вышли в Хатангский залив и открыли там «остров с заморным зубом» — нынешний остров Бегичева, слухи о котором в начале 1640-х годов дошли даже до якутского воеводы. Тот в 1642 году послал служивого человека И. Реброва «узнать накрепко про Набару реку и промышленный остров с заморным зубом». О том, что остров этот был

известен землепроходцам в XVII веке, свидетельствует и находка на нем Н. Бегичевым в 1908 году развалин русской избы, в которой лежали стрелецкие алебарды и шахматные фигурки, выточенные из моржовых клыков, вероятно тут же и добытых. Имеются документальные свидетельства о плаваниях на кочах по Хете и Хатанге в 1640—1650-е годы.

Отметим еще несколько обстоятельств, побуждающих усомниться в версии авторов «Памятника» о плавании владельцев «таймырской находки» с запада.

В тайнике на острове Фаддея землепроходцы спрятали огромное количество пушнины, даже спустя 300 лет показавшееся археологам «настоящим складом». В 1971 году мы легко собрали среди камней поблизости от раскопа 1945 года пакет с пожелтевшей шерстью весом с полкилограмма. По экспертизе Зоологического института АН (профессор Н. К. Верещагин) примерно половина этой шерсти принадлежала соболю, половина — песцу. По оценке С. В. Обручева, на коче Акакия было до сотни соболей. Возникает вопрос: зачем было землепроходцам, плывшим, как полагают авторы «Памятника», от устья Енисея на восток в область неведомых земель везти огромное количество пушнины? Пускаться в такое плавание в 1619 году, в полную неизвестность, когда еще ничего не знали о сибирских землях восточнее Енисея — Пясины и можно ли там рассчитывать на добычу вдобавок к той, что уже была собрана? Вряд ли землепроходцы были столь непрактичны, чтобы уходить из района, где они уже добыли немало пушнины, в неизвестные гиблые места.

Ближайшей целью землепроходцев, отплывших к востоку от устья Енисея, могла быть крупная река восточнее уже известной Пясины, поднявшись по которой к югу они могли бы надеяться достичь еще неизвестных в отношении богатства пушниной лесных мест. Даже если бы пустившимся в подобное плавание землепроходцам удалось при благоприятной ледовой обстановке преодолеть лабиринты прибрежных островов шхер Минина и архипелага Норденшельда, что могло иметь место лишь к осени, после долгих блужданий среди неизвестных островов, их внимание, несомненно, привлекло бы широкое устье большой реки Нижней Таймыры. Миновать огромную реку, не узнав, что в ее верховьях, взять курс круто к северу, чтобы обогнуть север Азии, как считают авторы «Памятника», значило бы поступиться элементарным здравым смыслом. Такому плаванию обязательно должно было предшествовать освоение Нижней Таймыры, подобно плаванию двинянина Курочкина по Пясине в 1610 году.

Между тем ни в одном письменном или картографическом источнике XVII века эта река и большое озеро, из которого она вытекает, не указываются. Впервые эта река под названием Горбита, как ныне называется приток Верхней Таймыры, показана на карте Страленберга по данным 1710-х годов. Причем устье ее находится в «пресноводном заливе Северного моря», которым (как видно из пояснений Н. Витсена и Страленберга) считали во вто-

рой половине XVII века (со сведений от кочевников) озеро Таймыр.

По сведениям Н. Витсена, получаемым из Москвы с середины XVII века, «было 6 или 7 попыток объехать Таймыр из Енисея, но смелые плователи или погибали или возвращались»*. Подобные же сведения собрал от русских Ж. Жербильон в то же время: «Москвитяне объехали берега Ледовитого и Восточного морей и всюду находили море, кроме одного места, где находится горная цепь, выдающаяся очень далеко в море, и они не могли дойти до конца этих гор. Это место на меридиане Пекина между 70 и 80° широты**». Вряд ли нужно сомневаться, что речь здесь идет о нынешнем Таймыре, обогнуть который с запада удалось землепроходцам лишь до залива Миддендорфа, который они не могли миновать, посчитав его, конечно, за устье большой неизвестной реки.

В 1741 году, находясь на юго-западном входном мысе этого залива, Х. Лаптев записал в дневнике: «На сей корге плавнику великое множество, здесь сыскали старые огнища». На этом же примерно месте в 1961 году гидрографы нашли замшелую часть нижней челюсти человека. По всей вероятности, здесь был предел пройденного землепроходцами побережья Таймыра с запада.

Противоречит теории авторов «Памятника» и находка в заливе Симса и на острове Фаддея предметов украшений женской одежды, присущих женским нарядам исключительно тавгийцев (нганасан), что установил этнограф Б. О. Долгих. Наряды принад-

* Миддендорф А. Ф. Путешествие на север и восток Сибири. Ч. 1. СПб., 1860. С. 64.

** Алексеев М. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников. Иркутск, 1941. С. 108.

лежали, очевидно, женщине, чьи останки были найдены в заливе Симса, и, как доказывают антропологи, женщине северной сибирской народности. Около 1619 года русские еще не успели пройти в глубь Таймыра, к местам кочевий тавгийцев, с которыми познакомились лишь в середине 1620-х годов. Поэтому женщина-тавгика со своими нарядами никак не могла попасть на коч землепроходцев, выходявших в плавание из Енисея около 1619 года.

Ранее упоминалось о том, что С. В. Обручев хотел исследовать таможенные и ясачные книги сохранившихся столбцов Сибирского приказа, чтобы выявить землепроходцев-муромцев, промышлявших на севере Сибири ранее середины 1620-х годов, для подкрепления версии авторов «Памятника». К сожалению, С. В. Обручев не успел ознакомиться с результатами многолетнего тщательного изучения именно всех этих сохранившихся в ЦГАДА материалов. Эту работу в 1960-х годах проделал красноярский историк и этнограф П. Н. Павлов. В сохранившихся делах Мангазейской, Туруханской и Якутской таможен за период с 1610 по 1685 год он выявил 6218 имен землепроходцев, их происхождение и количество собольих или песцовых шкурок, предъявлявшихся на этих таможнях. Среди большой массы промышленников муромцев выявлено всего 8 человек, причем все они зарегистрированы только мангазейской таможней. По годам муромцы распределяются: в 1629-м (самый ранний) — 1, в 1630-м — 4 и в 1635-м — 3. Позже 1635 года на этих таможнях не было зарегистрировано ни одного муромца.

К сожалению, имена и фамилии этих муромцев в книге Павлова не перечисляются, и для их выяснения надлежит вновь обращаться к столбцам Сибирского приказа.

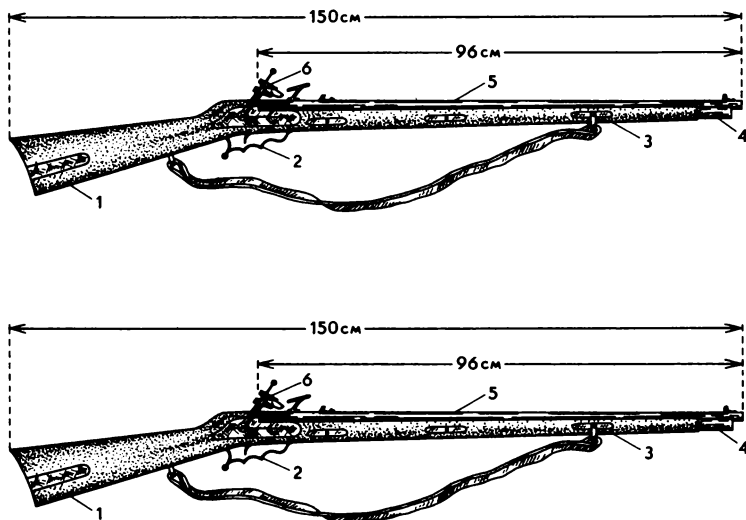
Можно сделать вполне обоснованное заключение об отсутствии какой-либо реальной основы для версии авторов «Памятника» о западном варианте маршрута владельцем «таймырской находки». Как видим, эта версия основывалась исключительно на датировке монет, причем авторы «Памятника» почему-то закрыли глаза на немаловажное обстоятельство — что экспертизе не были подвергнуты монеты наиболее поздних выпусков, расхищенные (как лучше сохранившиеся, блестящие) до прибытия археологов. Все другие приведенные выше факторы только опровергают «западную» версию, и в то же время имеется много аргументов в пользу прихода кочей Акакия-муромца на север Таймыра с востока, вернее сказать — с юга, которые перечислим ниже.

Бесспорным представляется вывод С. В. Обручева, что владельцами двух ножей с надписями, найденных в заливе Симса, были муромцы Акакий и Иван, принадлежавшие к крупной торгово-промышленной компании муромцев Пахомовых-Глотовых. Как по данным С. В. Обручева, так и по исследованиям П. Н. Павлова, пик их торгово-промышленной деятельности на севере Сибири приходится на середину 1630-х годов. Причем, по данным П. Н. Павлова, после 1635 года промышленных людей-муромцев таможни Мангазеи, Туруханска и Якутска не фиксировали, хотя в более юж-

ных районах Сибири Пахомовы-Глозовы, по данным С. В. Обручева, продолжали свою деятельность до конца 1650-х годов.

Датировка кремневого ружья-пищали с острова Фаддея периодом 1620—1650-х годов согласуется с предположением, что плавание Акакия и Ивана — муромцев — на север Таймыра состоя-

Кремневое ружье (1620—1650 гг.)

лось в 1630-х годах, скорее всего в конце этих лет, поскольку после 1635 года через Мангазейскую или Туруханскую таможенную муромцы не проходили. Это произошло, видимо, потому, что потеря двух кочей, гибель Акакия и Ивана, около 100 соборей на острове Фаддея серьезно подорвали возможности торговой фирмы Пахомовых-Глозовых, видимо, отбили у них желание промыслить в Мангазейской земле, отчего они переместились на промыслы юга Сибири.

В 1630-х годах землепроходцы уже освоили плавание по Южно-Таймырскому водному пути, плавали в Хатангском заливе мимо острова Бегичева к устью реки Анабар. В бассейне реки Хатанги они встречались с тавгийцами-нганасанами, вступали с ними в меновую торговлю и, конечно, расспрашивали о том, что тавгийцы встречали на северном пределе своих кочевий. Тавгийцы рассказывали русским о «пресном море», где они ловят рыбу. Сведения об этом «море» (озеро Таймыр) достигли Москвы и были причиной географической путаницы о соединении Новой Земли с материком восточнее Енисея.

Контакт владельцев «таймырской находки» с тавгийцами подтверждается наличием женских украшений, присущих тавгийкам,

а также останками женщины северосибирской народности, вероятно, тавгийки, которую муромцы Акакий и Иван могли взять с собой как переводчицу на случай встречи с ее одноплеменниками при достижении «пресного моря» с востока.

Наличие большого количества пушнины, спрятанной муромцами на острове Фаддея, где был обнаружен «настоящий склад» (мехов), становится понятным, если предположить, что муромцы, закончив промыслы на Хатанге или на Анабаре, решили вернуться к устью Енисея, попытаться разведать морской ход, чтобы избежать трудностей на волоках юга Таймыра, преодолимых, кстати, только в начале лета в течение всего двух-трех недель после весеннего половодья. Возможно, что именно обмеление волоков в конце лета было главной побудительной причиной попытки вернуться к Енисею морем.

О попытках русских землепроходцев пройти в Енисей со стороны Лены в 1670-х годах сообщал Н. Витсен: «Недавно оттуда выехало в море несколько русских, предполагая закончить плавание на Печоре или в Архангельске. Но их захватила зима, и им пришлось зимовать на Новой Земле; четверо из них остались живы, а остальные погибли*. Известно, что в XVII веке бытовало заблуждение о простирании Новой Земли параллельно всему сибирскому побережью, а термин «новая земля» нередко относился не к Новой Земле, а к любому острову, усмотренному севернее сибирского побережья.

Упомянутые Витсеном путешественники, вышедшие морем на запад со стороны Лены, конечно, совершали прибрежное плавание и от Хатангского залива были вынуждены следовать на север. Пересекая нынешний залив Фаддея с запада, они видели на северо-западе возвышенный берег, который можно было легко принять за «новую землю», где побывали или зимовали четверо спасшихся. Быть может, эти четверо в начале зимы вышли к югу из залива Симса, где потерпел крушение коч Акакия. С. В. Обручев достаточно убедительно доказал, что в заливе Симса в тесной избушке зимовали и умерли лишь трое, а наиболее выносливые члены экипажа коча Акакия ушли в начале зимы на юг, захватив огнестрельное оружие и соболя меха, которых в избушке залива Симса в отличие от острова Фаддея не оказалось.

В пользу того, что кочи муромцев сумели дойти с юга только до острова Фаддея и залива Симса, свидетельствует и расположение южной кромки Таймырского ледового массива большую часть навигационного периода в среднем примерно по параллели островов и мыса Фаддея. Именно только от мыса Фаддея смогло пройти с юга летом 1739 года судно Х. Лаптева «Якуцк».

Вероятно, четверо спасшихся с «новой земли» землепроходцев, упомянутые Н. Витсеном, вышли в жилые места на реке Хатанге. Слухи о людях, добравшихся сюда с «новой земли», нашли

* Визе В. Ю. Новые сведения о русском арктическом мореплавании в XVII веке // *Летопись Севера*. Т. 1. М., 1949. С. 85.

отражение на карте Сибири, составленной в 1710-е годы в Тобольске шведским военнопленным Ф. Страленбергом. На ней западнее устья Хатанги вытянут на два градуса к северу гористый полуостров, соединенный с настоящей Новой Землей перешейком из «ледяных гор». Страленберг пишет, что от старожилов Сибири он слышал о людях, переходивших с севера на материк с Новой Земли «по ледяным горам» и видевших по обе стороны от них море.

Взглянув на физико-географическую карту рельефа Восточного Таймыра, легко понять, как могло возникнуть у путешественников, пересекавших горы Бырранга к югу от залива Фаддея, заблуждение о «перешейке из ледовых гор»: они знали, что к востоку от этих гор, покрытых в наивысшей части ледниками, располагается море. По нему путешественники плыли с юга на «новую землю» (район залива Симса), а на западе видели восточную часть озера Таймыр, достигающего здесь ширины до 50 километров. По-видимому, Н. Витсен и Ф. Страленберг получили сведения об одних и тех же людях, добравшихся с «новой земли» (северо-восток Таймыра) по «ледяным горам» (ледники Бырранга) к жилым местам на Хатанге. Они принесли сведения о «гористом перешейке» (горы Бырранга) и о «пресноводном море» (озеро Таймыр). Вероятно, это были те муромцы, которые ушли на юг от построенной ими (для троих ослабевших) избушки в заливе Симса. Иначе можно предположить, что было два подобных путешествия из Хатангского залива в район острова Фаддея, что маловероятно.

Итак, мы с полным основанием, опираясь на вышеизложенные факты, можем заключить, что около второй половины 1630-х годов промышленниками-муромцами на двух кочах была сделана попытка пройти морем от Хатангского залива к Енисею, вывезти много пушнины. В районе островов Фаддея льды преградили путь; один коч был раздавлен льдом у северного острова Фаддея, имущество с него было вынесено на остров, люди, выбираясь на материк, погибли. Второму кочу удалось пройти до залива Симса, где команда высадилась, построила для ослабевших избушку и ушла на юг через горы Бырранга.

Вряд ли когда-нибудь станут известны подробности этого трагического путешествия первопроходцев севера Таймыра. Однако новые тщательные поиски на месте раскопа 1945 года на острове Фаддея с просеиванием толщи галечного вала на глубину хотя бы полметра могут дать новые находки. Вспомним, что в 1971 году море обнажило целую пищаль. Подводные поиски аквалангистов вблизи островов Фаддея и северо-восточного мыса залива Симса, быть может, обнаружат остовы погибших кочей. Построенные, вероятно, из лиственницы, их корпуса, возможно, сохранились. Следовало бы тщательно осмотреть южный берег залива Фаддея, с которого, вероятнее всего, начали пересечение гор Бырранга спасавшиеся путешественники.

А главное — не должна больше повторяться в нашей исторической литературе необоснованная версия о мнимом плавании в 1619 году землепроходцев вокруг севера Азии.

ОВЦЕБЫКИ НА РЕКЕ БИКАДА

Таймыр. Река Бикада

Когда в конце зимы я открываю на далекой Бикаде свой очередной полевой сезон и вновь встречаюсь с овцебыками, невольно испытываю волнение. Казалось бы, хорошо знаком с ними, изучил многие стороны их жизни, различные повадки, но вот увидел скопление огромных черных туш в заснеженной тундре, и душа затрепетала. Не оттого ли, что звери и вправду необычные, диковинные, что они не только с Американского континента, но и из далекого прошлого... Встреча с ними никого не оставляет равнодушным. Кстати, этих зверей мы величаем не только овцебыками, но и мускусными, и арктическими быками.

В первые дни полевой работы я сажусь на ярко окрашенный быстроходный снегоход «Буран» и еду к ближайшему стаду. Пешком подхожу поближе и устанавливаю с животными прямой контакт, здороваюсь с ними, веду разговор. Понимают ли они меня? Думаю, что да. Они сообразительные существа. Слушают, смотрят на меня. Рассматриваю и я их. Замечаю, что за долгую суровую зиму животные здорово похудели, стали плоскими, как доски, у них еще резче обозначился горб на холке.

Конец апреля, в арктической тундре еще зима, но крепкие морозы ослабли, мягче стали полярные ветры. Над бескрайними просторами уже вовсю сияет полярный день. В стаде — первое прибавление. Телята — черные курчавые комочки — шныряют между ногами взрослых, сразу и не понять, сколько их. Некоторые только что родились, едва стоят на ногах, прижавшись к боку матери. На первых порах мое присутствие вызывает волнение у зверей, они сбиваются в плотную шеренгу, поддают друг друга. Но вскоре успокаиваются, начинают пастись или отдыхать.

Овцебыки хорошо понимают, кто перед ними — человек, собака, волк или песец. По отношению к каждому из них они ведут себя по-разному, как подсказывают им врожденные и приобретенные инстинкты. К людям они снисходительны, вне периода гона не агрессивны, если не лезть к ним, как говорится, на рога. В летнюю пору при желании можно день за днем, не прерываясь, следовать за стадом, находиться рядом с ним. Если звери легли, ложись и ты, встали и пошли, иди и ты. Наблюдай, записывай, фотографируй. В конце концов они понимают, что невооруженный человек не опасен для них, его можно терпеть вблизи. Но следят за ним зорко, порой отрываются, уходят быстрым шагом или галопом. Случается и так, что стадо, развернувшись в обратную сторону, начинает обтекать тебя со всех сторон. Тут уж не паникуй, води себя спокойно, прильни к земле, лежи без движения, дабы не напугать зверей. Они человека не тронут, скорее наоборот — отскочат от него.

Исчезли и возродились

Занимаясь на Таймыре с новым копытным видом вот уже много лет, я и мои коллеги пытались решить один интересный в научном отношении вопрос. Он касался гибели, вымирания древних, или плейстоценовых, мускусных быков на севере нашей страны. Когда же они все-таки исчезли, в какое время? Выясняя это, мы должны были ответить на другой важный вопрос: чем же мы занимаемся на Таймыре — реакклиматизацией, то есть восстановлением исчезнувшего вида, или акклиматизацией, вселением нового вида овцебыка?

В настоящее время достоверно установлено, что последние мускусные быки мамонтовой фауны в пределах Евразии жили как раз на севере Таймырского полуострова, в районе мыса Челюскин, и, видимо, на Северной Земле. Они исчезли здесь не 8—9 тысяч лет назад, как во многих регионах Евразии, а намного позднее — около трех тысячелетий назад. Но конечно же не за 150—200 лет до наших дней, как сенсационно преподносят некоторые известные в нашей стране биологи в научно-популярных статьях и книгах. Это же XVIII век! Эти цифры, правда с оговоркой, перекочевали в солидный Биологический энциклопедический словарь, изданный в 1986 г. Откуда же взялись «150—200 лет»? Дело в том, что один или два ископаемых черепа овцебыка, найденные на севере Таймыра, имели небольшие округлые отверстия, напоминающие сквозной след пули. А раз так, то рождается версия, что в зверя стреляли, и стреляли из пулевого ружья. Дальше додумывалось легко: такое оружие могло появиться на Севере совсем недавно. Но специалисты по баллистике, скрупулезно исследовавшие круглые отверстия в черепах, пришли к единому заключению: эти отверстия не пулевые. Их создала, вероятно, сама природа.

Да, на Таймыре пришлые люди XVIII века имели стрелковое

оружие. Этого мы не отвергаем. Но по овцебыкам они наверняка не стреляли, ибо этих зверей уже не было в тундре. И здесь для большей убедительности хотелось бы добавить следующее. В 1733—1743 гг., то есть более 200 лет назад, по северной окраине Азиатского материка прошла Великая Северная экспедиция Витуса Беринга. В ее отрядах были знающие и любопытные люди. Однако они ни словом не обмолвились о мускусных быках — живых или только что исчезнувших. Позднее, в 40-х годах XIX в., или 140 лет назад, по Таймырской земле прошел с экспедицией А. Ф. Миддендорф. Кажется, он до всего «докопался», но и в его многотомных трудах тоже нет ни единого слова о крупных обитателях тундры.

Профессор Н. К. Верещагин в книге «Почему вымерли мамонты» (1979 г.) пишет: «Древность черепов (мускусных быков) с Таймыра была определена по углероду C^{14} в 2800 лет. Следовательно, овцебыки могли дожить и до нашей эры». В другой книге — «Зоологические путешествия» (1986 г.) — он дополняет: «Как выяснилось в 60-х годах, северная часть Таймыра действительно была участником наиболее длительного переживания плейстоценовых овцебыков. Южнее мыса Челюскин их кости лежат местами на поверхности тундры и датируются по радиоуглероду в пределах 2800—3800 лет до наших дней».

Наш экземпляр ископаемого черепа из того же района продатировался тем же методом в лаборатории абсолютного возраста Геологического института АН СССР в 2920 ± 50 лет. Ограничимся этими данными. Считаем, что они достаточно убедительны, ибо основываются на научных фактах, а не на досужих вымыслах.

Раз наш таймырский мускусный бык давно исчез, то мы расселяем сейчас совсем иной вид или подвид этого ценного копытного. Он доставлен с Северо-Американского континента. И следовательно, мы занимаемся акклиматизацией нового для нашей современной фауны зверя. Он выпущен на Северо-Восточном Таймыре, в долине реки Бикады. Это совсем недалеко от района мыса Челюскин, того примечательного места, где когда-то бродили последние разрозненные стада доисторических быков.

Для завезенных овцебыков первые годы их жизни на Таймырской земле были трудными. Да и начали мы с малого — тридцати особей, из которых сохранилось лишь две трети. Но шли годы, звери все лучше и лучше адаптировались к новой среде обитания. Поголовье их неуклонно росло — первая сотня голов, потом вторая... Сейчас только за один год приплод арктических быков составляет несколько десятков особей, в тундре прибавляется сразу два-три довольно крупных стада. Формируется природная популяция, расширяется ее ареал. Пожалуй, сейчас можно с уверенностью сказать, что уникальный эксперимент с переселением овцебыков в арктические тундры Таймыра удался. Дополнительного завоза из-за рубежа не потребовалось.

Полуостров Таймыр

За многие годы обитания наши подопечные основательно освоили тундры долины реки Бикады, прекрасно в них ориентируются. Им хорошо известны все реки и озера, сопки и ложбины, береговые яры и овраги, участки богатых зимних и летних пастбищ. Однако и нам в этих тундрах все привычно и знакомо до мелочей. Блуждать не приходится, ибо они исхожены вдоль и поперек. В долине Бикады мы довольно легко находим то или иное стадо, так как знаем их излюбленные места выпаса и отдыха.

В долине и соседних районах пастбищ для овцебыков хватает, иначе они бы не прижились здесь. Правда, зимой пастбищных участков не так уж много. Корм добывать труднее, ибо все низинные тундры покрыты толстым и крепким слоем снега. Но звери уходят на возвышенности, где снега мало или его совсем нет. Там, где зимние пастбища все же прикрыты небольшим слоем снега, животные разгребают его копытом или мордой. После пастьбы на таких местах остаются серовато-бурые пятна или полосы разрытого снега, хорошо видные издали.

Чем же питаются овцебыки? Из низкорослых кустарников, произрастающих в долине Бикады, любимым кормом зверей во все сезоны года считается ива красивая. Она оправдывает свое название. Летом у нее листья крупные, продолговатые, ярко-зеленые, нежные, а тонкие стелющиеся побеги — бордовые. Более распространенные ивы — шерстистую и ползучую — звери едят не так охотно, в основном весной и в начале лета. Активно поедают они в течение года и мелкие ивы — арктическую, полярную, монетовидную. Мелкий кустарничек дриаду овцебыки используют на корм зимой на малоснежных участках. Карликовую березу с ее грубыми листочками звери почти не едят. Из травянистых растений они поедают пушицы, осоки. Летом используют зеленые побеги, зимой и весной — подснежную зелень, ветошь, корневища. Поедают охотно различные злаки, бобовые, разнотравье.

Кормовые растения, употребляемые овцебыками, богаты содержанием белков, углеводов, витаминов. Особенно богаты белками летние корма — листва кустарников и разнотравье. Потребности в минеральных солях удовлетворяются в летний период посещением естественных солонцов. Их в долине Бикады несколько, есть они и недалеко от базы стационара, так что стадо овцебыков можно увидеть в бинокль прямо с крыльца жилого дома. Солонцы чаще встречаются по небольшим ложбинам или крутым склонам, где верхний тонкий слой земли оголился, сполз под действием теплых дождей и открылись солонцеватые почвы. Зверь грызут или слизывают богатую натрием землю. Издали солонцы выглядят серовато-фиолетовыми пятнами.

В поисках пищи

После окончания отела, примерно с 20-х чисел или с конца мая, стада покидают зимние пастбища. В течение весны и лета они ред-

ко посещают их, и тундровая растительность там заметно восстанавливается. Дикий северный олень не является для мускусных быков серьезным конкурентом по кормам, ибо в долине Бикады его зимой и летом немного — всего несколько сот особей. В период сезонных миграций численность оленя заметно увеличивается.

В весеннее половое (июнь) овцебыки выбирают обширные возвышенные сухие места. Но нередко и в эту пору они широко кочуют по водораздельным плато. Успешно пересекают небольшие ручьи, появляются вблизи базы стационара, заходят в открытые загоны, когда-то построенные для них. По размягченному снегу звери идут цепочкой, почти след в след. За каждой самкой следует ее детеныш. Ведет стадо опытная самка-лидер с крупным теленком. В насыщенный водой глубокий снег животные не лезут, обходят. Если кто-то из смельчаков все же пытается ступить на такой снег, тут же проваливается по брюхо и спешит вернуться обратно.

После схода основной массы снега, спада вешних вод и появления первой зелени звери спускаются в низины, в поймы рек и ручьев, на полигональные болота, арктические луговины. Пасутся широко, свободно, не мешая друг другу.

Летом стада овцебыков подвижны. Они кочуют в поисках свежих пастбищ с целью быстрого нагула. Иногда стадо за сутки проходит 10—15 километров, потом пасется несколько дней на продуктивных участках. В этот период многие стада не имеют в своем составе взрослых и молодых самцов. Те покидают их еще во время отела или после окончания его, тоже, видимо, с одним намере-

нием — быстрее набрать вес к гону и следующей зиме. Защиту и лидерство в летнем стаде берут на себя самые опытные взрослые самки. В конце августа и сентябре наблюдается значительное прибавление массы тела зверей за счет накопления жировых запасов. Туловище у них становится широким, округлым, а вылинявшая шерсть — гладкой и темной.

Удивительные реакции

Овцебыки обладают хорошим слухом и зрением. Звук самолета, снегохода, моторной лодки улавливают в тихую погоду за 2—3 километра. Спуск фотоаппарата слышат за 100 метров. В снежный период подъехать на снегоходе к стаду на близкое расстояние невозможно. Как правило, снегоход приходится глушить за 500—700 метров, ибо звери улавливают звуки мотора даже на малом ходу, настораживаются, сбиваются в кучу. Пешком к стаду можно приблизиться незамеченным, используя рельеф местности, до 200—300 метров. В открытую, когда звери заметили человека и сгруппировались, можно подойти к ним до 100 метров и как предел — до 20—30 метров. На такое же расстояние подпускают одиночные или в паре взрослые быки, порой даже до 15—10 метров. Однако не раз случалось, что при неаккуратном подходе к стаду оно срывалось с места и уходило от опасности галопом за несколько километров, скрывалось в распадках или горных ущельях. Первой бежит материнская группа с молодняком, за ней следуют остальные особи. Если в стаде есть самцы, то они замыкают бег, как бы прикрывая сородичей от опасности. При передвижениях во время отела сзади всех идут самки с неокрепшими телятами, порой отстают, волнуются. Именно у таких самок нередко детеныши гибнут от волков. Однажды в разгар отела нами в предгорьях Бырранги был добыт волк недалеко от стада. В его желудке мы обнаружили почти всю тушку овцебычка.

В долине Бикады и ее окрестностях волки обитают круглый год, но главная их жертва — дикие олени, которые встречаются здесь и зимой. Безусловно, нападают хищники и на овцебыков — стада, группы, одиночных особей. Весной волков становится больше, так как они подходят с юга вслед за мигрирующими оленями. К сожалению, отстрел волков с применением вертолета проводится нерегулярно, и поэтому пресс хищничества на популяцию овцебыка пока заметно растет.

По следу крупного стада

В последнюю поездку на Бикаду я в течение четырехмесячного полевого сезона регулярно вел наблюдения за самым крупным стадом, которое часто появлялось на берегах Бикады в районе нашего стационара. Это стадо провело зимовку в северной части долины Бикады, на малоснежных песчаных грядах и ярах небольшой речки Июньской. До отела в нем было 43 зверя, в том числе два

взрослых быка. В начале мая самцы откололись от стада, сначала выпасались недалеко от него, потом ушли к югу, появились на берегах Бикады, рядом с нашими жилыми постройками. Я не раз следовал на снегоходе за ними, подъезжал и подходил к зверям на близкое расстояние, фотографировал, отмечал, как у них проходит линька. Быки долго не задержались на берегах Бикады, перешли русло реки и откочевали еще южнее, за несколько десятков километров, к каменистой гряде Кирыка-Тас. Там мы их не раз видели с самолета Ан-2, когда проводили подсчет поголовья.

Но вернемся к стаду. За апрель — май в нем родилось 16 телят, и общее количество особей возросло до 57. В конце мая стадо также начало постепенно передвигаться к югу, шло от одной чернеющей сопки к другой. В эти дни выпал обильный снег и прикрыл толстым пушистым слоем всю тундру. Животным стало худо, они забеспокоились, начали искать доступные зимние пастбища. Вскоре стадо появилось в районе стационара, зашло в одну изгородь, в другую. Через несколько дней оно ушло с берегов Бикады к югу на излюбленное возвышенное место — Белые яры реки Нюрай-Тари.

Весной и летом данное стадо неоднократно возвращалось на берега Бикады, вновь и вновь заходило в загоны. Наблюдения продолжались. Было выяснено, что от него откололась группа из семи особей. В стаде осталось 50 голов: 24 самки, 10 годовиков и 16 телят. В таком составе оно кочевало по тундре почти до конца лета. В первых числах августа к стаду присоединился вожак — взрослый самец с мощными и острыми рогами, потом — молодой самец. И в других стадах появились самцы-предводители. Пришло время формирования гаремных стад. Близилась пора гона.

В разгар брачной поры гаремный самец стада чрезвычайно активен и агрессивен, порой разъярен до предела. В такие дни лучше к стаду близко не подходить. Он не разбирается, кто перед ним — волк или человек. В любом движущемся крупном объекте он видит своего соперника. Многим не раз приходилось поспешно отступать под его напором.

Бродящие в окрестных тундрах холостые быки в поисках косяка самок с молодняком боятся вступать в драку с гаремными самцами, ибо те зачастую крупнее и сильнее их. Своей мощью, вздыбленной гривой, сопением они повергают соперников в панику. Не вступают в драку с вожаками и молодые быки в стаде, ибо они еще слабы, чтобы выдержать жестокий бой.

В разгар гона предводитель самого крупного стада выделялся рядом с самками такие фигуры, словно выступал в цирке. Недаром один любопытный человек спрашивал меня, можно ли использовать овцебыка на манеже цирка. Наш бык мог, к примеру, оторвать от земли тяжеленную переднюю часть тела и секунду-другую постоять на задних ногах. Иногда размеренно топал, да так сильно, что гудела земля. Он крутил самку волчком, незлобиво сталкивался с ней лоб в лоб... И мог рыкнуть, как лев. Самец требовал послушания самок. Он был в беспрестанном движении, почти не кормился, редко отдыхал, зорко следил за стадом, не давал ему разбиться на группы или уйти без его ведома. Телят и годовиков не трогал, но если они мешали ему, отпугивал грозным видом или кивком головы. Молодых быков преследовал рьяно, напористо, с хорканьем. Гнал их прочь на десятки метров. Те всегда были начеку, держались подальше от разъяренного соперника, чаще на противоположной стороне стада.

В брачную пору беспокойны и одиночные взрослые быки. Они бродят по берегам рек, натыкаются на базу стационара, но сворачивать не любят, пройдут среди построек. Если на базе подняли лай собаки, бык ловко расшвыривает их, напором, сопеньем, резкими движениями загоняет их в коридор дома и встает у порога как скала. Не сдвинуть. Стоять будет до тех пор, пока вокруг не воцарится покой. Даже здесь он чувствует себя хозяином. Порой отойдет на десяток шагов от дома и приляжет отдохнуть, а потом спокойно уйдет своим, только ему известным путем. Но вот что еще интересно: если волк внезапно прижмет быка недалеко от базы, то он ищет спасения среди построек. На людей и собак не обращает внимания. Понимает, что здесь он нашел защиту, да и хищник не сунется сюда.

Как только ответственная пора, связанная с гоним, закончится, среди овцебыков наступает мир и спокойствие. Некрупные стада начинают объединяться. В них вливается и часть холостых быков. И все уживаются, никаких стычек между самцами. В октябре 1987 г. на богатых пастбищах некогда вытекшего и заросшего буйным разнотравьем большого озера объединилось сразу три стада,

А этому малышу жизнь видится пока в ярком свете

в том числе и наше подопечное. В общем скоплении насчитывалось 96 зверей. Животные интенсивно паслись, стремились пополнить свои жировые запасы перед наступлением зимних холодов.

Зимняя стужа

Арктическая зима — самая трудная пора в жизни овцебыков. Особо тяжело им в полярную ночь, которая длится в районе их обитания, на 75-м градусе северной широты, более трех месяцев. В полярную ночь резко усиливается жесткость погоды, часты пур-

ги. Звери имеют очень теплую «шубу», но в непогоду они все же испытывают холод, горбятся. При лежке шерсть их забивается снежной пылью. Когда животные встают, они встряхиваются, освобождаясь от нее.

По своей морфологии шерсть овцебыков удивительна. Она состоит из разных категорий и порядков волос. Но основу ее составляют пуховые волосы — до 90 процентов. Пух, чрезвычайно тонкий, длинный, шелковистый, густой, лежит на теле животного толстым слоем. По качеству он превосходит таковой всех других диких и домашних копытных животных. Сверху пух прикрыт грубой и длинной остью черного цвета. Она свисает по бокам тела, на груди, шее длинными густыми космами. Издали кажется, что зверь «надел юбку» до пят. Вот эта «юбка» служит ему во время отдыха хорошей и непримерзающей подстилкой.

Небольшие экспериментальные фермы овцебыков имеются в США при Аляскинском университете и в Норвегии при университете г. Тромсе. Кроме того, на Аляске, в 80 километрах от г. Анкориджа, в местечке Палмер, существует коммерческая ферма из 105 овцебыков. Обслуживают ее всего два человека. Основная продукция фермы — пух зверей. С каждой взрослой особи его вычесывается весной 1,8—2,7 килограмма. Артель вязальщиц из соседних поселений изготавливает из пуха различные вещи естественного окраса. Цены готовых изделий высокие. Так, шарфик хорошей ручной вязки стоит от 90 до 170 американских долларов.

В зимнюю стужу овцебыки малоподвижны, могут неделями находиться на одном и том же участке тундры. Они экономно расходуют свои энергоресурсы. Вся их деятельность заключается в том, чтобы за два-три часа наполнить желудок грубым кормом, а потом при долгой лежке переварить его. Как только появляется арктическое солнце, активность зверей возрастает.

Рождение потомства. Мать и дитя

В предвесеннее время у мускусных быков наступает другая ответственная пора — отел. Первые детеныши рождаются в последней декаде апреля при 20—30-градусных морозах и жестких арктических ветрах. Массовый же отел, как и гон, длится недолго, всего две-три недели. В конце мая отел заканчивается. И когда в июне побегут первые ручьи, стада с окрепшими телятами могут мобильно кочевать по тундре в поисках свежих пастбищ. Это одна из характерных биологических особенностей арктических быков — раннее, до наступления весны, рождение телят.

В разгар отела малыши овцебыков появляются на свет один за другим, каждый день, как грибы в летнюю пору. Успевай только подсчитывать. Самки приносят телят чаще в ночные часы, в стаде или рядом с ним. Рождают по одному детенышу весом 8—9 килограммов. Теленок выпадает из утробы на холодную и твердую снежную подстилку, и его мокрая курчавая шерстка на морозе

быстро покрывается инеем, становится белесой. Мать тут же встает, оборачивается к малышу, языком сушит его заиндевелую шубку. Начинает с головы. После такой процедуры даже крепкий мороз малышу не страшен. У него шерстяной покров хоть и короткий, но почти такой же густой, как и у взрослых особей.

Врожденные инстинкты у новорожденного проявляются достаточно сильно с первых минут жизни. Первейший стимул — приподняться, подползти к матери, найти вымя и дотянуться до него. Но не сразу это ему удастся. Он еще очень слаб, беспрестанно падает, кувыркается в снегу. Пройдут первые два-три десятка минут жизни, и малыш попытается встать сперва на колени, потом на все четыре ноги. С каждой минутой движения его тверже, увереннее. Силы ему придают внутренние резервы питательных веществ — небольшой запас жира на почках и брыжейке, который расходуется, сгорает в эти часы жизни. Подползая к матери, детеныш тычется в ее ноги, грудь, сосет шерсть. Она мордой подталкивает его под себя или становится так, чтобы он оказался под брюхом.

Инстинкт заставляет новорожденного искать у матери соски. Иногда это длится не один час. Но чаще бывает так, что уже на 40-й минуте своей жизни он получает первую порцию теплого и жирного молока. Сосет недолго, с перерывами, не больше одной минуты, так как быстро устает, падает на снег. Пока малыш отдыхает, мать осторожно переступает и разворачивается к нему, обнюхивает и облизывает его. Потом пасется тут же или ложится рядом. После подъема малыш получает очередную порцию молока.

Но соски ищет долго, так как забывает, где они. В первые сутки мать кормит его часто и обильно, примерно через каждый час в течение 3—4 минут. Насытившись, детеныш сам перестает сосать.

С каждым днем их обоюдная привязанность крепнет. Зрительная связь между ними не прерывается. Как только мать отойдет в сторону на 5—10 метров, малыш встает и следует за ней, или она возвращается к нему. Если стадо начинает уходить с места пастбища или отдыха на другой участок тундры, самка с новорожденным следует за ним, причем иногда ни разу не покормив дитя. Она опасается отстать, неровен час, подвернется волк, и ей придется обороняться в одиночку. Слабый детеныш не успевает за споро идущей матерью, быстро устает, падает в разрыхленный копытами снег, призывно блеет. Случается, что бегущие по тропе отставшие сородичи сильно поддают теленка рогами, подбрасывают его в воздух как мячик. Они не любят слабых. Мать быстро возвращается к нему, поднимает его мордой, кормит непродолжительное время и ведет дальше.

Трех-четырёхдневные телята уже довольно крепкие, резвые. В спокойной обстановке под опекой матерей могут пройти не один километр. В этом возрасте малыши начинают затевать групповые игры. Наиболее яркое игровое поведение наблюдается в первые три недели их жизни. После очередного продолжительного отдыха и кормления они носятся по горкам, сшибаются лбами, прыгают как козлики. Самки нередко вмешиваются в игру телят, разгоняют

их. Им, вероятно, кажется, что они затеяли драку. Вообще детское и материнское поведение в первые недели их совместной жизни разнообразно, насыщено многими элементами. Бывают и забавные случаи, и непредвиденные серьезные ситуации.

С недельного возраста количество молочных кормлений телят в день резко сокращается, да и время каждого кормления становится коротким. Лактирующие самки прерывают акт сосания, гонят детенышей прочь или убегают от них. Тем самым заставляют их почаще употреблять подножный корм. Зелени в мае и в первой половине июня в тундре еще нет, и телятам приходится, учась у матерей, выбирать на земле наиболее мягкие прошлогодние листочки трав и стелющихся ивов. В месячном возрасте они почти полностью переходят на растительный корм. Молочные кормления редки, один — четыре раза в сутки, непродолжительны, всего 20—30 секунд. К началу зимы они вообще прекращаются. Но забота матерей о своем потомстве продолжается до следующего срока отела.

Раз — голова, два — голова...

В последние годы нарастание численности арктических быков на Таймыре идет довольно быстро. В 1978 г. мы имели лишь 21 особь, в том числе одного теленка. Через два года поголовье удвоилось, в 1984 г. превысило сотню. После отела 1987 г. численность возросла до 230 голов. За 1983—1987 гг. родилось 186 телят, сохра-

нилось 179, или 92,6 процента. За данное пятилетие численность популяции увеличилась почти в три раза. К 1990 г. поголовье должно возрасти до 450 особей.

С ростом численности зверей быстро расширяется район их обитания. Они освоили не только бассейн реки Бикады площадью около 1 миллиона гектаров, но и вышли за его пределы. В 1985 г. одно стадо, перевалив через основные гряды гор Бырранга, закрепилось на зимовку в верховьях реки Ленинградской, в 120 километрах севернее низовьев Бикады. Весной 1987 г. это стадо находилось уже в долине соседней реки — Траутфеттер, в нем было 40 особей. Часть стада закрепилась южнее реки Бикады, в районе каменистой гряды Киряка-Тас, в 60—70 километрах от первоначального района обитания.

Холостые самцы — группы, пары, одиночки — освоили еще большую территорию Северо-Восточного Таймыра, в пределах 10 миллионов гектаров. Отдельные из них удалились от места выпуска на 150—300 километров и появились даже на побережье Ледовитого океана, в районе мыса Челюскин. Наиболее дальний уход одного самца отмечен в западном от Бикады направлении — до берегов реки Пясины, на 600 километров по прямой. Некоторые быки, вероятно, навсегда потеряли связь со стадами — основной частью популяции.

Сегодня при резком росте поголовья и расширении ареала давать точную оценку численности овцебыка на Таймыре стало трудно. Сейчас не обойтись только наземным способом учета с

использованием снегоходов, моторных лодок, пеших маршрутов. Слишком обширен стал район поиска зверей, слишком удлиннились наземные маршруты. А результат получается не полный. Приходится использовать для учета очень дорогую для нашего Крайнего Севера авиацию.

Лучшее время для авиаучета — вторая половина мая, когда тундра еще сплошь заснежена, отел овцебыков заканчивается, животные сосредоточены в крупных стадах. Для работы мы используем самолет Ан-2, реже — вертолет Ми-8. Летаем на высоте 150—200 метров по намеченным параллельным маршрутам или руслам рек. Каждое встреченное стадо отмечается на карте, фотографируется, в нем визуальным подсчитывается количество зверей, в том числе телят. Однако и с помощью авиации не всегда удастся обнаружить все стада, если не знаешь хотя бы приблизительно места их нахождения. Тогда опрашиваем пилотов местного авиаотряда, работников геологических партий. Если и эти сведения не дают полной картины, продолжаем поиск зверей и весной, и летом.

Кому он нужен, этот овцебык?

С момента завоза и начала акклиматизации овцебыка на Таймыре прошло более десяти лет. Много сил и средств затратил на это ответственное государственное задание Научно-исследовательский институт сельского хозяйства Крайнего Севера. Бесчисленное количество дней проведено биологами института в поле, рядом с овцебыками. Изучены многие вопросы их биологии и экологии.

В районе обитания зверей с целью их охраны создан государственный комплексный заказник. Там же возник биологический стационар с жилыми и другими постройками. Завезены необходимые для работы транспортные средства, полевое оборудование. Казалось бы, в данный момент имеются все условия для широкого развертывания углубленных исследований по овцебыку. Не хватает лишь одного — денежных средств, хотя требуется их не так уж много.

Сейчас сложилась парадоксальная ситуация: с переходом большинства предприятий и учреждений страны на полный хозрасчет и самофинансирование овцебыки Таймыра оказались «сиротами», никому не нужными. Трудно найти в стране заинтересованное учреждение, которое бы профинансировало научную тематику по овцебыку, выделило бы средства на проведение учетных работ, охрану зверей, отстрел волков.

Удивляет и другое. Овцебыки, не успев основательно закрепиться на Таймырской земле, стали, мягко говоря, неудобными, неугодными для местных органов власти. Абсурд, да и только. Да, этих зверей поселили в Таймырских тундрах, поселили не по прихоти тех или иных людей, а в силу экологической пригодности данных тундр. Еще в 20—30-х годах ведущие зоологи Советского Союза называли полуостров Таймыр одним из самых перспективных районов для расселения овцебыков. Мы подыскали им подходящее место — бассейн реки Бикады, который стал для них новой родиной. Понятно, что этот район должен охраняться. Заказник Бикада на площади 870 тысяч гектаров составляет лишь один процент территории Таймырского автономного округа. Он организован в отдаленном неосвоенном районе на землях государственного фонда и не мешает ни местным совхозам, ни рыбзаводам, ни другим предприятиям.

На данном этапе в силу объективных причин овцебыки не могут дать тот или иной экономический эффект, хотя цена самих животных очень велика. Сейчас они стали неотъемлемой частью нашей живой природы, нашего богатства, нашей экономики. Значение их велико. И не меньшее — в социально-экологическом плане. Пройдут года, и мы обязательно получим от них хозяйственную отдачу.

Нуждаются в защите

В последнее время в места обитания овцебыков усилился наплыв поисковых геологических партий. Одни появляются там с юга, через поселок Хатанга, другие — с севера, мыса Челюскин. Смотришь, они уже с техникой по тундре, барражируют на самолетах и вертолетах. Стонет под металлическими гусеницами тундра, портятся пастбища. К сожалению, слишком мал штат егерской службы заказника, слишком мизерные средства отпускаются на охранные меры по наведению здесь порядка.

Овцебыки чувствительны к фактору беспокойства. Единственное спасение для них — горные ущелья. Скрылись — не найти.

Это усложняет учетные и другие работы. Не единожды бывало, что пролетающий над стадом овцебыков вертолет или самолет совершал вираж только ради того, чтобы посмотреть сверху на диких животных. А этого допускать никак нельзя, особенно в период отела. Звери испытывают сильнейшее волнение.

Для осуществления эффективного контроля за полетами и разездами «гостей» Таймыра службе охотнадзора нужны достаточные средства на тот же вертолет, чтобы попасть на стоянку любой экспедиции и принять на месте соответствующие меры. Сейчас на повестку дня ставится вопрос о создании на всем Северо-Восточном Таймыре, занимающем площадь 15 миллионов гектаров, зоны относительного спокойствия для овцебыков.

В СССР, на полуострове Таймыр и острове Врангеля, в 1987 г. было 300 овцебыков. К 2000 г. численность их достигнет, видимо, почти 2000 особей. Если остров Врангеля может вместить, пожалуй, лишь несколько сот зверей, то полуостров Таймыр — многие тысячи. Конечно, все это в будущем, но думать и планировать это надо сегодня. Сегодня уже формируется крупная материковая популяция овцебыка на Таймыре. Со временем она послужит базой для расселения этих животных в другие районы Советской Арктики.

На Аляске, островах и материке, возникло пять новых популяций общей численностью 1700 особей. Поголовье зверей растет. В Швеции и Норвегии имеются небольшие стада овцебыков — по 40 особей.

В отдаленной перспективе мы можем иметь овцебыков столько же, сколько их есть в Гренландии или Канаде. Расселенные в прибрежных арктических тундрах и на крупных островах Ледовитого океана копытные животные будут эксплуатировать самые скудные растительные ресурсы северных широт. Как крупные существа, имеющие вес 300—400 килограммов, овцебыки могут давать богатую ценную продукцию: великолепный пух, деликатесное мясо, крепкую шкуру. Немаловажно для последующей работы с ними и другое: овцебыков с их уникальным генофондом, удивительной приспособленностью к арктическим условиям можно использовать не только в селекции, но и в межвидовой гибридизации.

СЕДАЯ ПЕЧОРА

Судьба предоставила мне счастливую возможность жить и работать на реке, которую на протяжении десятков лет не называли иначе как красавица Печора, Печора-матушка, Печора-кормилица, Печора — золотые берега, мать Печора Океановна.

Согласитесь, что за четверть века можно увидеть, прочувствовать и понять очень многое о тех местах, где ты живешь, особенно если корнями врос в эту землю. Родители мои — коми-зыряне с верховий Вычегды (Эжвы, по-нашему). Видимо, мне, как и любому другому человеку, непросто представить себе своих более отдаленных предков, но подозреваю, что чомкосты* свои они отмеряли не только на Каму и Печору, но и за Камень (Урал).

«Судьба предоставила мне...», — говорю я. А быть может, она ни при чем? Быть может, память предков привела меня на Печору?

Здесь я стал капитаном теплохода, речным гидрографом. Специфика работы предоставила возможность неоднократно бывать во всех уголках Печорского края на борту своего судна, а в продолжительные зимние отпуска расширять знакомство с Печорией на границах ее с соседними областями. Я пересекал на лыжах Приполярный Урал, а совсем недавно проложил маршрут на одну из красивейших его вершин — Саблю, многие годы в период навигации приковывавшую мое внимание всякий раз, как только появлялась она по курсу моего судна. То зимнее путешествие запомнилось надолго.

Два Евгения — Дернов и Фадеев — и я, несмотря на тридца-

* Зырянская мера длины.

тичетырехградусный мороз и отсутствие специального снаряжения, рискнули совершить восхождение на главный пик Саблинского хребта.

На крутом обледеневшем склоне опасность подстерегала на каждом шагу. Вскоре Фадеев отморозил пальцы ног, через полчаса в его руках хрустнула одна из лыжных палок. Мне же просто повезло — сорвался, но в двадцати метрах ниже зацепился над трехсотметровой пропастью. Мы пережили еще несколько острых моментов, но что-то не подвластное инстинкту самосохранения неудержимо влекло вперед, вверх.

Триста метров отделяло нас от вершины, и все-таки пришлось остановиться. Запел свою песню ветер, на вершину стали наползать облака. Единственное, что мы могли позволить себе перед срочным спуском, — это обозреть с десятков минут пространство вокруг себя.

Не знаю, что испытывали в душе мои друзья. Конечно, в чем-то наши мысли были едины, но каждый из нас думал еще о чем-то своем. Помню, что меня ошеломила и поразила увиденная картина этой части хребта: окаменевший взрыв, лунный ландшафт, гигантская друза горного хрусталя!

Сделал для себя и другие выводы. Лишний раз убедился, например, в том, что узнать реку Печору невозможно, изучая ее только с воды, то есть с русла. Вот эти горы, отделяющие реку от Азии, они тоже часть реки, ее биографии, истории, здоровья. Я видел вокруг себя не только ослепительную красоту горной страны, но и язвы пожарищ, рубцы бесчисленных пронизывающих просек, лишаи новых болот на теле раскинувшейся под ногами печорской пармы.

В ходе той экспедиции мы прошли вдоль хребта Сабли с восточной его стороны, обошли с юга гору Сундук, спустились по рекам Вангыру и Большой Сыне (правые притоки реки Печоры) до железной дороги на Воркуту. Мы шли в пору весенних свадеб в лесу, но стали свидетелями того, как живая природа словно забыла о неумолимости своих законов. Чаше встречались нам туристы со всей страны; встречались и такие лица, цель путешествия которых могла бы выявить только милиция. Встречались двухсотлитровые железные бочки в руслах рек, многочисленные следы гусеничных вездеходов и «Буранов», открыто оставленные предметы браконьерского снаряжения на берегах и лишь единичные следы зверей и птиц.

Год назад, в конце сентября, находясь в последнем рейсе нашего судна, я был свидетелем того, как по стечению обстоятельств в один день вышли из реки Шугор более ста плавсредств (байдарки, плоты разных конструкций) с туристами. Так в один день на берегу возле известной в прошлом богатой деревни Усть-Шугор собралось народу больше, чем самих ее жителей.

Объединенный отряд завхозов прибывших групп нагрязнул в магазин, но довольно скоро с вытянувшимися лицами вернулся обратно. В выходные дни продавца практически невозможно

найти, но, даже если бы он и нашелся, в магазине этого забытого богом уголка все равно почти ничего не бывает.

Повышенное внимание к нашему судну как возможному транспортному средству для эвакуации до города Печоры со стороны путешественников еще более усилилось. Но теперь оно скорее стало напоминать внимание голодной волчьей стаи.

Конечно же мы поделились с ними судовыми запасами, самым замерзшим и уставшим предоставили для отдыха свои каюты, а с остальными коротали ночь в беседе у костра на ожившем от необычного многолюдства берегу.

Наши новые знакомые представляли Волгоград и Харьков, Минск и Пермь, Чебоксары и Тулу, Киев и Воронеж, Свердловск и Москву, Киров, Ростов и другие города.

Одни шли с Саранпуля по притокам Оби, через Урал, в бассейн Щугора. Маршрут других пролегал через деревню Аранец, гору Саблю и правый приток Щугора — Ыджыд-Паток. Третьи поднялись по притоку Печоры — Подчерему и с его истоков перешли на истоки Щугора. Заповедная река сейчас собрала их всех здесь воедино.

Были тут и «законные» туристы, были и «дикари». Нетрудно было увидеть, что снаряжение многих из них не соответствовало жесткому режиму заповедной реки.

В глазах изнеможенных новичков сохранялось восхищение увиденным. В глазах тех, кто бывает в этих местах неоднократно, грусть и тревога: «Щугор уже не тот, видать, конец близок всей Печоре!»

Из карманов рюкзаков выглядывают чудодейственный «золотой корень», охапки дикого лука и чеснока.

Может, потому уже нет того бережного отношения к уникальному созданию природы — Щугору, что все сильнее начинает действовать принцип «все равно пропадет».

В недалеком прошлом туристы привыкли видеть на этой реке только себе подобных. А сейчас добрая половина встречающихся именует себя геологами, старателями, изыскателями. Снуют здесь и заключенные из созданных десять лет назад двух лагерей строгого режима. Это ведь надо додуматься — открыть лагерь рядом с заповедной рекой (один из них практически на берегах Щугора)! И контингент их нацелен недвусмысленно — рубить парму, а попросту говоря — уничтожать все живое в реке и саму реку Щугор.

«А что, Щугор уже не заповедная река?» — спрашивали меня не раз в эту осеннюю ночь. А получив утвердительный ответ, возмущенно негодовали: «Так что же все они — геологи, старатели эти — лезут сюда? Неужели на Щугоре — этой слезинке Урала, этом «родильном доме» большей части семги, куда она возвращается для продолжения рода аж с Норвежского моря, преодолевая бесчисленные препятствия, этой уникальной, неповторимой реке всей Европы — клин экономики сошелся?!»

В конце концов мои усталые туристы уснули. Как-никак на-

меченный финиш, у кого раньше, у кого позже, тем не менее состоялся. Впереди радость встреч с родными и близкими, которые с нетерпением ждут их рассказов об удивительной и все еще считающейся экзотической, девственной Печоре.

Большинство из них, лежащих в спальниках вокруг ласкового и уютного костра, завидуют мне, потому что я живу и работаю в этом краю. Но вряд ли предполагают они, как с каждым днем становится мучительно больно за судьбу Печоры — моей, твоей, нашей!

Что выпало ей претерпеть? Если бы она могла рассказать нам, людям, все то, что повидала на своем жизненном пути!..

Более 35 тысяч лет назад человек появился на Средней Печоре. Древние охотники умело использовали береговой рельеф, загоняя к высокому обрывистому берегу реки свою главную добычу — мамонта. Срываясь вниз со стометровой кручи, огромные звери становились легкой добычей своих преследователей.

Если в те отдаленные времена человека больше привлекали на Печору многочисленные стада животных как источник его существования, то в более близкую историческую пору большую роль стали играть природные богатства края.

Трудно и сегодня однозначно утверждать, что раньше называли печорой — людей, живущих здесь, или саму реку. Несомненно одно — слухи и легенды о Печоре проникали в самые отдаленные страны, будоража воображение иноземцев.

Летописные сведения говорят нам о «дырах» в горах, через которые обитатели гор обменивали меха на железо. Не имеется ли в виду в этих описаниях удивительное создание природы — ворота реки Щугор!

Неповторимые и резко отличающиеся друг от друга вершины Камня (Урала), такие, как Пайер на Полярном, Манарага и Сабля на Приполярном, Тельпосиз на границе с Северным Уралом, — эти своеобразные природные маяки очень помогали ориентироваться в дебрях Припечорья.

Много разного люда стремилось к Печоре, но не всем удалось достичь ее.

О древних путях купцов-путешественников говорят сохранившиеся до наших дней названия притоков Печоры — Торговая, Волоковая и другие. Предания не поведали нам о том, как в глубокой древности в местечке, именуемом «торговище», в верховьях Печоры датчане, шведы и норвежцы обменивали свои товары на индийские, персидские и греческие, а также на туземные.

Разъезжались купцы, разносилась слава Печоры. Центр, перекресток великих путей, выход в Северный океан — вот чем манила она к себе...

Настал момент, и столкнулись здесь интересы русского, угрофинских и самодийских народов. В течение нескольких столетий в первой половине нашего тысячелетия совершались через этот край югорские походы из Новгорода, Ростова, Москвы.

Впервые река увидела скопления тысяч людей на своих берегах, ощутила тяжелую силу вооруженных отрядов на плечах своего ледяного панциря и поняла — кончилась ее власть над человеком, с этого времени предстоит ей тяжелая работа.

Вместе с посвистом стрел и копий слышала Печора другие звуки. Застучали то там, то тут топоры, запели пилы — рождались кочи для дальних и близких плаваний. В самом устье реки, рядом с поселением древних морских промышленников, встал Пустозерск-городок, в устье Усы — Усташ, на Лемве (приток Усы) — Рогов. Лопата и кайло рудознатцев вгрызались в землю по всем притокам бассейна. Даже найди кто-нибудь из них случайно «Золотую бабу», главного кумира предков коми, процесс этот уже было не остановить*.

Совсем был дикий край — раздолье для старообрядцев. Скифы ставили рядом с рекой, а когда уединению приходил конец, прощались с матушкой Печорой и уходили в дебри пармы, оставляя за собой пепелища на обжитых местах.

Не тогда ли появился на берегах Печоры страшный Яг морт (лесной человек), как называют его в народе коми? Был ли это потревоженный реликтовый гоминоид («снежный человек») или одичавший старообрядец, как бы то ни было, появление его среди людей грозило бедой и смертью.

Печора щедро открывала свои богатства, но уже был выбит в ее лесах весь соболь. В 1491 году цилемская серебряная руда ушла в Москву, а через год из нее чеканилась царская монета. Славилась Печора нефтью, точильным камнем. Лиственница с ее притоков держала Венецию.

Мангазея — дитя Печоры. Без матушки-кормилицы ни в жисть не подняться бы новой государевой вотчине. Сыны Печоры шли надежными вожами в Мангазею, далее «встречь солнцу», открывали сибирские реки, прославляли свои имена до Американского материка... Назад они не возвращались, но идущие следом легко находили их пути по множеству зырянских названий на огромном пространстве от Урала до Чукотки.

С запрещением плавания в Мангазею поутихло на Печоре. Захирел город Рогов на Лемве, мрачной тюрьмой стал Пустозерск. Не могла вынести река столько казней и пыток, поднялась всей своей неукротимой мощью в весеннее половодье, чтобы разметать гнездо позора и насилия... Аввакум не дал, остановил у самого крепостного рва: «Дозволь, мать Печора, мне — силы еще есть! Коли не смогу и смерть приму — тогда оставь это место, обойди стороной!» Содрогнулась река перед таким мужеством, отступила, но наказ протопопы запомнила.

Постепенно возвращался к реке зверь, огромные стада семги поднимались к своим нерестилищам на Щугор, Сыню, Илыч. Редкие селения видела «красная» рыба на тысячекилометровом

* Легенды повествуют, что, спасаясь от христианизации, многие коми бежали на Урал, на Обь, куда и унесли «Золотую бабу».

пути по реке. Рвала износившиеся сети из рук немногочисленных рыбаков, отдельных упрямец выдергивала вместе с нею из лодок в студеную воду.

Редкий по старым временам парус стал выходить из Печоры на морской звериный промысел. С каждым годом увеличивались олени стада ижемцев на ягельных борах. Леса пересыхали на корню и гибли от пожарищ. Вздыхала Печора как засидевшаяся девка на выданье. И дождалась.

Целый ряд исследователей и путешественников взялся за ее изучение. Морские офицеры и чиновники, зоологи и лингвисты, геологи и географы, патриоты России и будущие иностранные концессионеры — кто только здесь не побывал.

Река очаровывала одновременно дикостью, красотой, древностью и культурой. В самых, казалось, глухих уголках необъятного края встречались рукописные крестьянские книги, передавались из рода в род обряды, сказания, легенды.

Впервые о Печоре, которая представлялась такой же дикой, как и тысячу лет назад, были написаны объемистые труды.

Иностранные концессионеры в Архангельске предвкушали легкую наживу. Но не суждено было еще Печоре испытать разбойного хозяйничанья. Успела взрастить река очередного достойного сына, с юных лет пропадавшего на ее берегах.

Родом с Вычегды, зырянин Василий Латкин широко мыслил и видел далеко вперед. Он знал цену каждому дереву, ревностно болел за самобытный родной край, добивался экономического развития его для пользы Отечества.

Печорская компания Латкина, созданию которой он посвятил 30 лет жизни, подсчитала запасы леса в бассейне, рубила спелые сорта и в плотах сплавила к устью реки. Шел лес в Европу, обратно приходили дешевые хлеб и соль, так необходимые печорцам. Хмурились чердынские купцы, снабжавшие до этого их своим привозным, поистине «золотым» хлебом. Строили козни иностранцы, с чьих лесозаготовительных предприятий Северной Двины рабочие перебежали на Печору. Не помогли патриоту и общественному деятелю России ни высокие титулы в ученых обществах, ни известность во всей Европе. Не сберегла река своего сына — загубили все же многочисленные враги. Но сама вновь спаслась — другой выдающийся сын подрос.

Заслонила Печору соратник Латкина, архангелогородец Михаил Сидоров — не дал разграбить край иностранцам. Сам строил суда, дороги через Урал, привез на реку первый пароход и заложил первую нефтяную буровую скважину. На выставках показал всему миру печорские богатства и сказал: «Это наше, российское, и должно быть на пользу России!» Он же составил лоцманскую карту Печоры и снабдил судостроение России печорским лесом. Радетелем Севера, стражем интересов Севера России называли его современники. Печора, эта вторая его родина, дала ему силы для еще более славных дел, обессмертивших его имя.

Впервые при Латкине и Сидорове река почувствовала, что может приносить пользу созидательную. Уже не впустую текли ее воды в океан, а ласковыми огнями маяков и буев встречали в устье российские и иноземные корабли...

Мало было у Печоры таких друзей, как Латкин и Сидоров. Инструкция по вырубке леса, составленная ими, сдружила всех троих навечно...

Много воды с горных ледников вынесла река с той поры. Пароходы Александра Сибирякова связали Печору с Архангельском. Деревня Усть-Шугор, где ломились от товаров его пузатые склады со всевозможными богатствами Европы и Азии, считалась чуть ли не центром губернии.

На ягелевых оленьих борах (ягах) в окрестных лесах нагуливали жир сотни ездовых оленей Сибирякова, перевозивших грузы из-за Урала по дорогам, начинал строить которые еще Сидоров.

О его делах слышал и молодой студент Андрей Журавский. Раз приехал на Печору и остался, плененный ею на всю жизнь, на ее берегах. Печорскими Альпами назвал он скалы реки Большой Сыни, а Печоре это понравилось...

Воротами в Ледовитый океан стала река для Владимира Русанова. Провожала его в предчувствии недобрых перемен в своей судьбе.

И час настал. С удивлением и любопытством река взирала на красные флаги на своих заснеженных берегах — революция! Но вскоре ужас сковал ей сердце. Озверевшие белобандиты бросали под лед Печоры раненых красноармейцев из захваченных госпиталей.

Голод и холод опустошали прибрежные деревни. За привозной (через Урал) хлеб из Ляпина расплачивались жизнью. Весной в море со льдом несло трупы людей, подводы с хлебом. Такой невиданной жестокости река не видела даже в пору югорских походов.

В зиму 1921 года тысячи отступавших из Сибири красноармейцев и беженцев устремились через Полярный Урал на спасительную Печору.

Перестала литься кровь. Новые люди, новые контуры увидела Печора на своих берегах. Поднялись угольные шахты, встали мосты через реку, загудели паровозы. Впервые Печору стали охранять — появился Печоро-Ильчский заповедник.

Счастье реки? Сбылось то, о чем мечтали Латкин и Сидоров?

Но не радостно Печоре. Почему человек бросает в ее воды бревна, они же тонут? Почему строятся новые тюрьмы на ее берегах? Почему в них люди, строившие эти мосты, заводы, железные дороги? Чем-то они очень похожи на Аввакума, Латкина, Сидорова...

Первая крупная морщина легла в ту пору на лицо красавицы Печоры. Подобно поседевшим вискам забелились от сплошных рубок ягелевые боры...

Беда не приходит одна. Вновь тревожно на реке. Теперь вроде бы и не близко льется кровь и свистят пули. Но поганый сапог захватчика коснулся все же земли печорской. Фашистский десант на Кожвинский железнодорожный мост должен был разрушить его. Не удалось — кости парашютистов сгнили в печорской парме.

Лучших промысловиков своих отправила Печора на Карельский фронт, туда, где нужны были их зоркость и выносливость. Имена их сегодня на обелисках по всей реке и в звездочках на стенах домов припечорских деревень. Четыре долгих года ждала река своих посланцев — рыбаков, охотников, оленеводов, лесорубов. Вернулись единицы. Счастливая река делала все, чтобы вдохнуть в них жизни: переправляла уголь и лес, щедро отдавала рыбу, пушнину, клюкву, оленину, нефть. Люди и вместе с ними река ожили. Помолодевший край в ожерелье из гор Уральских, Пай-Хоя, Тимана все более привлекал к себе художников, путешественников, геологов, других ученых.

Слава «разбогатевшей» Печоры-красавицы возрастала. И приданое уже видится из золота, хрустала, агата...

Но устала Печора. Пора бы отдохнуть, отдышаться. Заслужила!

Переброска!!! Переброска!!! Переброска!!!

Как справилась река с первым инфарктом — трудно объяснить. Но с этой минуты она окончательно потеряла способность к сопротивлению и могла лишь позволить себе безучастно наблюдать собственное бичевание человеком.

Принцип «взять как можно больше, иначе затопит и пропадет» начал действовать. Вырубается лес больше, чем можно вывезти, даже рядом с Печоро-Илычским заповедником. Русло реки все больше устилается затопленной древесиной и корой. Семга бьется в стальную сеть перекрытия в устье Печоры и, безнадежно пытаясь найти в ней узенькие ворота для прохода и чаще не находя их, погибает. Газонефтедобытчики спешат с бурением — нефть от многочисленных аварий течет в реку. Все нужно срочно, а значит, делается некачественно. Уже никого не волнует, что при буксировке теряется в реке импортное дорогостоящее новейшее оборудование и трубы для буровых. Это мелочи. А сколько их брошено на берегах в месте выгрузки, оставлено на буровых?

Миллионы брусков из прекрасного точильного камня, того самого, что экспонировали Латкин и Сидоров на Всемирных выставках в прошлом столетии, из Войского карьера, вместе с породой брошено в фундамент строящихся дорог к буровым. Пойменные заливные луга покрылись многослойной древесиной.

Где-то в это время ели печорскую семгу, носили пимы из камусов печорских оленей и одежду из печорской замши и мехов. Получали в подарок ювелирные изделия из печорских самоцветов и конечно же восхищались богатствами Печоры. Художники и поэты писали картины, стихи, выпускали альбомы о краса-

вице Печоре, не подозревая, что она безнадежно больна.

Реклама не могла не подействовать. На Печору устремились люди жить и работать. Разумеется, вместе с тем и покушать семги, поохотиться в экзотических местах, запастись диковинными и редкими местными сувенирами и драгоценными камнями. Будет с чем уехать под старость обратно — не век же здесь коротать.

Тяжелый недуг прочно захватил реку. Не стало хватать жизненной влаги из болот, лесов — природных резервуаров на берегах. Русло реки стало накопителем зловония в результате разложения древесной коры, удобрений, металла, одежды и прочего. Каждый километр реки заковали не кандалами — тысячами настороженных и оставленных блесен и рыболовных крючков. А сколько в реке брошенных обрывков сетей, целлофана, затопленных лодок и моторов!

Захламлялись нерестилища рыб. Увеличивающийся транспортный и технический флот продолжал эту общеразрушительную работу. Как ни удивительно, в этих условиях река все еще расхваливалась как невеста. А в результате буквально в наши дни, сегодня, появились новые тюрьмы на ее берегах! Увеличивается паломничество туристов. Большинство, как правило, не имеет сегодняшнего представления о местах своих путешествий и едет вновь «покорять» дикий экзотический край.

В последнее время появился спасительный последний шанс у реки — национальный природный парк на ее правобережье вместе с западными склонами Северного и Приполярного Урала с живописными ландшафтами от равнин до высокогорья, наименее тронутый пока человеком. Подобного места в Европе уже не осталось.

Только парк смог бы снять разрастающуюся раковую опухоль с дряхлой старушки Печоры!

Но река понимает свою обреченность. Да и как можно этого не понять, если с самого начала разговора о создании парка, еще в 1970 году, началось массированное добивание старушки. Людям, приехавшим заработать деньги, временщикам парк — это помеха к наживе. Не хотел бы я испытать то, что досталось реке в последние годы!

Гусеницы вездеходов раздирали тундру на ее берегах. Кумжинская скважина в устье Печоры в 1980 году дала аварийный выброс, извергая ежедневно 0,8 миллиона кубических метров сероводородного газа с конденсатом. Ликвидация аварии затянулась на многие годы.

Постоянная пленка нефтепродуктов вместе с замазученностью берегов стала нормой для притоков Печоры — Колвы и Усы.

Ну а чтобы не оставить и малейшей надежды на создание парка, золотодобытчики своей «космической» техникой буквально поставили с ног на голову реку Кожим с ее сказочными скалами-замками — излюбленное место туристов-водников всей

страны. Как нерестилище семги она пропала. Это в северной части парка. В западной ускоренными темпами продолжается разграбление пармы со всеми ее обитателями контингентом вышеописанных лагерей.

Сегодня наносится самый изощренный удар в сердце парка — по заповедной реке Шугор. Это не пустые слова. На ее берегах появились мощные тракторы, стоят уже не палатки, а балки, взлетают и садятся вертолеты.

А в устье Шугора бдительно несет вахту рыбинспектор Вуктыльского района, напоминая своим присутствием, что на заповедную реку вход запрещен!

Оставшиеся в живых немногочисленные шугорские старожилы все чаще дымят на берегу — на реке делать нечего. «Помысматын!» (Конец близок!) — все чаще повторяют они, наблюдая вытекающую грязь из устья Шугора.

Река гонит обратно в море идущую, как прежде, на нерест к ней семгу. Реке уже все равно, что будет с ней, жалко рыбу! Кажется, рыба стала ее понимать и часто направляется на нерест в скандинавские фиорды.

Куда же деться зырянину, выросшему на этой земле? Куда деваться потомкам приезжих людей? Бежать, как в давние времена бежали за Урал? Какие же мы люди после всего содеянного с рекой?!

ЗА АВАНГАРДОМ — В ГЛУБЬ ВЕКОВ

Слово «авангард» обычно ассоциируется с конструктивизмом 20-х годов, дизайном Андре Куррежа, геометрией Пьера Кардена, практицизмом Мэри-Куанта, современным поп-артом...

Каково же было мое удивление, когда самый настоящий авангард я обнаружила... в XV—XVII веках у народов, населяющих Крайний Север нашей страны! Подлинным открытием стала для меня одежда коряков, чукчей, эвенков, нганасан, с которой впервые познакомилась двадцать лет назад в Ленинградском музее этнографии, куда я, тогда студентка Московского текстильного института, приехала на преддипломную практику. Я была потрясена тем, что фантазия народных мастеров на целые столетия смогла предвосхитить многие идеи, кажущиеся нам и сегодня, в конце XX века, суперсовременными... Как зачарованная, ходила я по музею, делала наброски и поражалась мудрости древних мастеров, их удивительному пониманию логики красоты...

Вот когда я в полной мере осознала глубокий смысл слов Валентина Распутина: «Устремленность в будущее невозможна без памяти. Без прошлого, без материального и духовного ее усвоения нет надежного будущего».

С тех пор я буквально «заболела» Севером. Эта тема стала главной в моем творчестве и самой для меня дорогой. Это может показаться странным: ведь я родилась и выросла в Тбилиси, там закончила художественное училище и свою трудовую деятельность начала художницей на студии «Грузия-фильм». И вдруг Север? Почему? Наверное, по принципу контраста: своеобразие уклада жизни людей в экстремальных условиях диктовало оригинальные художественные принципы и традиции. Познать их, «пропустить через себя», попытаться переосмыслить, но не копируя, — это стало моим творческим кредо.

Итак, я приглашаю вас совершить путешествие в глубь веков и на край земли — за авангардом...

Полуостров Таймыр, где живут нганасаны, многим и сегодня представляется подлинным «краем света». Среди бесконечных просторов тундры в суровых условиях Заполярья веками вырабатывался мужественный и поэтичный характер народа, насчитывающего всего немногим более тысячи человек, людей, влюбленных в природу своей земли, в ее своеобразную красоту. Недаром народная мудрость Севера гласит: «Я знаю, где сердце у оленя, знаю, где оно у реки, но кто скажет мне, где сердце у тундры?»

Живя среди снега и льда, нганасаны очень любят в одежде и в предметах быта два цвета — белый и темно-коричневый: цвета снега и земли.

При первом знакомстве с нганасанами кажется просто невероятным, что их изысканные краски, их сложный покрой одежды сложились в народной среде без участия модельеров и художников. Поражает своей красочностью и современностью праздничный костюм: в быту его уже не встретишь, только в музеях...

Название этой народности происходит от слова «нганаса», что означает «человек», «мужчина». Сами нганасаны называют себя «ня». Мужчину они называют «на-нганаса», женщину — «ня-ны». До революции в литературе их называли самоедами.

Суровость климата (среднегодовая температура составляет минус 11,5 градуса, а минимальная температура достигает в январе почти минус 60) наложила отпечаток на уклад жизни нганасан, на традиционный народный костюм.

Одежда у них была многослойной, она делилась на верхнюю и нижнюю. Самое парадоксальное, что, внимательно взглядевшись в ее крой, в ее орнаменты и украшения, мы обнаружим множество аналогий с современной молодежной модой. Столь любимые молодежью комбинезоны — это повседневная одежда нганасан, а всем известная «дубленка» — не что иное, как одна из разновидностей нганасанской «лу» — женской малицы, сшитой из прямоугольных и квадратных кусков. Шьют ее из летних шкур взрослых оленей или из шкуры молодого оленя. Рукава соединяются с платьем при помощи остроугольных ластовиц чаще всего ярко-красного цвета. Посредине спины вшит прямоугольник, окаймленный черной полосой. На него нашиты свободно висящие кожаные ремешки с поперечными красными или черными полосками. По этим ремешкам сами нганасаны определяют, женат этот человек или нет, замужем женщина или нет, каково их материальное положение. Подол малицы окаймлен красными полосами. Всевозможные комбинации красных, оранжевых, оливковых тонов на верхней одежде свидетельствуют о необычайно сильно развитом чувстве цвета и ритма. Яркая цветовая гамма выделяет костюм нганасанов на однообразном фоне снежного пейзажа и голой тундры и необычайно тонко и гармонично объединяет его со всей природной средой. Пышные белые опушки из собачьего меха увеличивают эту взаимосвязь.

Для дальней дороги в зимнее время служит совик (верхняя одежда) из белой оленьей шкуры с капюшоном. Спереди на капюшон пришивается в виде султана олений хвостик, так что нганасаны в этой одежде по силуэту напоминают пингвина или какую-то другую полярную птицу.

Дома, в своем чуме, нганасаны находились в нижней, нательной одежде. У мужчин это были короткие, облегающие бедра меховые трусы мехом к телу. У женщин — комбинезон, в котором соединялись брюки и лиф, закрывающий и грудь, и спину. Комбинезонов носили два — нижний (мехом к телу) и верхний (мехом вверх). Но самое удивительное — это украшения! На грудь привязывались пять — семь пластинок из желтой меди с узорами. Каждая штанина украшалась семью медными трубочками с медными кольцами. С правого бока на цепочке из больших медных колец подвешивали железное огниво на витой железной цепочке, крюк для очистки курительной трубки от нагара, игольник с кисетом для табака в виде расписанного бисером мешочка. С левого бока прикреплялись на ремнях медные трубочки с иглками внутри. Эти трубочки оттягивались по ремню вверх, и на освобождающуюся часть ремня втыкались иголки, после чего трубочки снова надвигались. К концу ремня привязывалась большая медная бляха. К комбинезону спереди пришивался пояс с ниспадающими раскрашенными кистями. Нганасанка носила постоянно на себе в общей сложности несколько килограммов металла. Ну чем не поклонница «металла» наших дней? Только в отличие от современных «металлистов», у нганасан эти металлические украшения носили скорее ритуальный характер: они должны были ограждать, оберегать и охранять их владелицу от дурного глаза, болезней и нечистой силы и потому назывались «оберегами».

Нганасанские торбаса — женская зимняя обувь, которая шьется из белых оленьих камусов в виде прямого мешка, без выделения стопы и следа. А щелевидные очки, пользующиеся сегодня такой популярностью у молодежи, испокон веку служили нганасанам защитой от снежного блеска тундры. Изготавливались они из дерева, бивней, кости или из согнутой металлической пластинки с двумя узкими прорезями. Пластинка укреплялась с помощью ремешков. Иногда она заменялась двумя расплюснутыми серебряными монетами с горизонтальными прорезями посередине, вставленными в оправу из окрашенной кожи с бисерными нашивками. Да это же самый современный дизайн!

С достижением совершеннолетия для каждого юноши и девушки шилась особая нарядная одежда из красного, черного и белого сукна, которая украшалась медными подвесками. Девушки надевали на голову широкие медные кольца с подвесками из бисера, свисающими большими гроздьями возле ушей. Чем не современные клипсы?

Нарядную одежду нганасаны надевали на свадьбы и «на праздник чистого чума», то есть на новоселье. Любопытно, что в такую же одежду обряжали и покойников. Ведь похороны, уход в мир

иной тоже были торжественной церемонией, зрелищем. И потому даже оленей, которых по традиции убивали на могиле покойника, украшали нарядной упряжью.

И наконец, прически. Нганасаны, как мужчины, так и женщины, носят длинные волосы, которые перед причесыванием густо

смазывают жиром и костным мозгом оленя, а затем разделяют посередине клинком ножа. Мужчины после этого волосы заплетают в две косы. Женщины заплетают несколько косичек, к которым привязывают металлические подвески и бусинки. Иногда в косы вплетаются медные пуговицы, мелкие серебряные монетки, укреп-

ленные на тонких ремешках. Подвесками могут служить и случайные предметы, понравившиеся женщине, ну, например, колесики от сломанных карманных часов. Совсем как у современных панков или хиппи...

А теперь перенесемся в край двухсот вулканов и тысячи горя-

чих источников — на полуостров Камчатку. Гейзеры выбрасывают вверх струи горячей воды и пара при температуре до 150 градусов. Горячая вода образует речку Гейзерную, по берегам которой даже в сильные морозы растет зеленая трава. Экзотическая природа Камчатки, причудливое соединение на небольшой территории разных климатических зон не могли не найти отражения в народном искусстве коренного населения полуострова — коряков. Само название Камчатка происходит от местного слова «камчаакытан», составленного из двух глаголов: «камчаа» — колебаться и «ыттан» — взбираться. Это образная характеристика далекого края: здесь надо взбираться вверх на сопки и здесь земля колеблется.

Свою одежду коряки шьют из тех же, что и другие северные народы, оленьих шкур и замши-ровдуги, но ее покрой, орнаментация, художественные принципы у них иные.

У каждой из народностей Крайнего Севера есть что-то свое, характерное только для нее, типичное и особенно привлекательное в искусстве костюма. Из этих «непохожестей», наверное, и складывается понятие национальной самобытности...

Если от эвенов мы могли бы взять в эту копилку коллективного человеческого опыта искусство вышивки бисером, от нганасан — аппликацию и медные подвесные украшения, от чукчей и эскимосов — косторезное мастерство, то коряки предстают как непревзойденные мастера меховой мозаики. Это подлинное чудо народного декоративно-прикладного искусства.

Большинство народных мастериц Севера затрачивали массу времени, терпения и труда на то, чтобы поверхность меха в готовой вещи была безупречно однотонной, а заделка всех неровностей и изъянов была бы столь незаметной, чтобы мех казался безупречным от природы.

У коряков же все наоборот. Пестрота, пятнистость, двухцветность у них считалась испокон веку признаком наивысшей красоты. Все отверстия, дырки, шероховатости заделываются ими так, что это образует дополнительные узоры.

Обычно для верхней зимней одежды коряки используют с давних времен шкуру пятнистого оленя. Но такие олени попадают крайне редко. И вот постепенно корякские мастерицы научились создавать нужную им пятнистую шкуру искусственно. Они «врезали», вмонтировали «пятно» нужной формы и нужного размера в ровную, без пятен, однотонную поверхность меха. Так зародилось у коряков искусство меховой мозаики.

Чем искуснее мастерица, чем больше у нее развито чувство цвета, ритма, чувство соразмерности частей, тем интереснее у нее получается искусственная пятнистая шкура.

Среди корякских женщин издавна существовало своеобразное соперничество в искусстве шитья и украшения изделий из меха. Умение хорошо шить всегда было здесь решающим доводом в пользу выдаваемой замуж девушки. Да и до сих пор корякские девушки и женщины воспринимают как самую высшую похвалу, когда о них говорят: «Она хорошо шьет».

«И ты еще раздумываешь — жениться или нет? — спрашивает один герой эскимосской сказки у другого. — Разве девушка Туткан не умеет хорошо шить?»

Очевидно, что понятие «хорошо шить» у коряков было достаточно широким. Оно означало не только мастерское владение игло-

кой, но еще и умение создавать вокруг мужчины эстетически прекрасный, выразительный и радостный мир. Ведь талант всегда несет в себе радость.

Вот какое это глубокое философское понятие — «хорошо шить».

«Если ты умеешь шить что-нибудь, достань сухожилие собаки и этой нитью зашей на небе звездочки, чтобы небо было без этих пропускающих свет дырочек». Так в старинной корякской песне воздается хвала женщине-труженице, чей ум, находчивость и мастерство почитаются как высшая добродетель... Корякские мастерицы создали немало таких одеяний, которые не похожи ни на одно из уже известных нам народных костюмов народов Крайнего Севера. Прежде всего это гагагля, некое подобие современной дубленки.

Для изготовления гагагли (одежда для весны и лета из ровдуги) требовались две цельные оленьи шкуры. В них всегда оказывались природные пороки, дырки. Мастерицы могли бы при желании совершенно незаметно заштопать их, но они поступали в духе современного авангарда — все наоборот: вырезали кружочки из ров-

дуги, чтобы они подходили по цвету, накладывали их на прорывленные места, пришивали и еще окаймляли эти весьма живописные заплатки крупным обметочным швом. Они служили дополнением к основному декоративному орнаменту гагагли в виде круглых розеток из кусочков камуса с мозаичными или бисерными серединками. Эти розетки нашивались на спину, реже на переднюю часть гагагли и на боковые части капюшона.

Окрашивалась гагагла в пурпурный или красно-лиловый тон, чем напоминала тогу римских императоров. Этот удивительный цвет, который в Древнем Риме получали из особого рода морских моллюсков, корякские красильщицы делали из настоя ольховой коры. Ольха вообще любимое северянами дерево. Она всегда была доступным материалом и потому использовалась во всех случаях жизни. Так, ольховая кора давала краску, мягкие ольховые гнилушки заменяли детские пеленки, а из стволов делали ритуальные маски.

Замечательным произведением искусства художественной обработки меха является корякская кухлянка, основной вид местного костюма, — длинная глухая двойная меховая рубаша с капюшом. Излюбленный прием корякских мастериц состоит в том, чтобы использовать естественный узор меха. Они располагают куски пестрой шкуры таким образом, чтобы их естественный узор играл роль главного декорирующего элемента в одежде. Корякские женщины славятся умением сшить одежду так, чтобы природное пятно пришлось именно на то место, которое было определено мастерицей. Композиция узора на одежде выглядит всегда как цельный естественный рисунок.

Множество идей дарят художникам-модельерам XX века народные мастера Крайнего Севера. Многие из них пока так и не нашли своего воплощения в современной моде, оставаясь лишь музейными экспонатами.

Возникает вопрос: а соизмеримы ли вообще ценности, скажем, авангарда и культуры этнографического костюма? Думается, ответ однозначен, и дан он самой историей.

Народное искусство — это прошлое в настоящем и будущем. Так почему же не попытаться уловить в древнем народном искусстве нечто созвучное нашему времени? Почему бы не постараться по-хозяйски распорядиться тем бесценным капиталом, каким является многовековой опыт человечества в искусстве одежды? Ведь культура человека определяется в том числе и его отношением к прошлому, к наследию, созданному руками его предков...

ЛЕТО В АНТАРКТИЧЕСКОМ ОАЗИСЕ

До последнего времени слово «оазис» в нашем представлении привычно ассоциировалось с определенной природной обстановкой: островок яркой зелени среди выжженной солнцем бескрайней пустыни. Есть оазис, значит, есть вода, основная драгоценность пустынь. Животворное влияние воды — причина возникновения таких оазисов. Оазис в жаркой пустыне — место долгожданного отдыха усталых, изможденных недостатком воды и нестерпимой жарой путешественников, а подчас реальная надежда выжить.

Теперь представь себе, дорогой читатель, такую картину. Блеклое голубовато-серое небо, на горизонте сливающееся с синевато-белой, чаще тоже серой, снежной поверхностью. Кругом снег, снег, не за что глазу зацепиться. Странное ощущение отсутствия пространства. Вдруг на горизонте появляется черная точка, постепенно по мере приближения превращающаяся в полосу, и ощущение пространства возвращается к тебе. Чем ближе, тем отчетливее проступают детали, теперь уже не черной, а коричневой, серой и другой окраски. Начинаешь различать горы, холмы, небольшие долины. С чем можно сравнить эту резкую смену природной обстановки? Конечно же с оазисом! Так из сферы эмоциональной родился терминологический аналог. Так и закрепилось в научной литературе название «оазис» за свободными ото льда, а летом и от снега участками в Антарктиде. Нигде, кроме Антарктиды, в таком понимании термин «оазис» не применяется. Поэтому и употребляется он всегда с прилагательным «антарктический».

Но не всякий лишенный льда участок суши может быть назван оазисом. Поскольку для оазиса характерен свой климат, он должен обладать определенной площадью, и, следовательно, отдельные горы, нунатаки, нельзя называть оазисами. Нельзя, по-види-

мому, отнести сюда и некоторые горные цепи в центре Антарктиды, поскольку в них, возможно, отсутствует таяние, а значит, нет и воды, жизнь крайне угнетена или вовсе не существует. Но это пока лишь предположение, так как в Антарктиде еще немало мест, куда не ступал человек, и мы не знаем точно, есть ли на Земле участки суши, еще не освоенные жизнью. Можно предположить и другое: темные скалы нагреваются у поверхности до положительных температур даже в центральных районах Антарктиды; может быть, периодически, не каждый год и на очень короткое время, здесь появляется талая вода, а следовательно, возможно и проявление жизни. В самом деле, трудно представить, что за миллиарды лет существования органической жизни на Земле остался где-то хотя бы маленький клочок суши, на который бы не были занесены споры, семена растений.

Сколько же в Антарктиде оазисов? Это пока неизвестно, их никто не подсчитывал. Но вот для Восточной Антарктиды — района работ Советской Антарктической экспедиции — это сделал И. М. Симонов. Здесь оказалось 14 оазисов. По геоморфологическому признаку И. М. Симонов разделил их на низменные и горнодолинные, а по местоположению — на прибрежные и «зашельфовые», то есть отделенные от берега моря шельфовыми ледниками. Но кроме того, в Антарктиде есть еще и третий тип — внутриконтинентальные оазисы. Типичный представитель этого типа — оазис Унтер-Зее, в массиве Вольтат, где мне удалось побывать вместе с геофизиками ГДР в конце полевого сезона 1982 года.

Интерес к оазисам возник с самого начала научных исследований в Антарктиде и не ослабевает по сей день. Это понятно. Ведь только в них можно видеть коренную основу материка, познавать его геологическую историю, минеральные богатства, скрытые подо льдом. В Советских Антарктических экспедициях, начиная с первой, всегда работали геологи, геоморфологи, географы, мерзловеды, для которых оазисы были основными объектами исследования. В составе 1-й САЭ в 1956—1957 годах мне в качестве гляциолога и мерзлововеда довелось работать в зашельфовом оазисе Бангера и прибрежном — Вестфоль Восточной Антарктиды. Четверть века спустя, в 27-й САЭ, районом моих работ был другой зашельфовый оазис — Ширмахера, о котором мне и хочется здесь рассказать.

В конце ноября 1981 года рейсом Москва — станция Молодежная, ставшим уже регулярным, на самолете Ил-18 мы, участники сезонного состава 27-й САЭ, прилетели на снежный аэродром Молодежной. В Москве — начало зимы, снег. Первая посадка в Одессе тоже при снегопаде. А далее посадки в Каире, Адене, Дар-Эс-Саламе, Мопуту — тропическая жара, температура за 30°C. От Мопуту до Молодежной, нашего антарктического центра, 8 часов полета над океаном — и снова зима. В Молодежной пересадка на экспедиционный Ил-14, и через 5 часов полета над бесконечной снежной равниной мы увидели величественные горные массивы Вольтат и Мюлиг-Хофман. На их фоне как-то незаметно под кры-

лом самолета появилась узенькая невзрачная полоска земли, которая и оказалась оазисом Ширмахера. Самолет снизился, и мы увидели в самом начале оазиса, на его восточной окраине, маленькие разноцветные квадратики строений, разбросанных по вершинам мелких сопок — станцию Новолазаревскую.

По нашей просьбе самолет дважды пролетел вдоль всего оазиса, что дало нам возможность получить общее впечатление о нем, как говорится, «с высоты птичьего полета». Оазис Ширмахера предстал перед нами в виде узкой, 0,5—4 км шириной и 18 км длинной, полосы мелкосопочника. С юга на эту полосу наползает грандиозный материковый ледник, с севера, до кромки моря Лазарева, на 90 км тянется плоский, почти ровный шельфовый ледник того же названия. И всюду озера: озера на льду обоих ледников, озера на скалах в пределах самого оазиса. Стало понятно, почему А. Ширмахер — летчик немецкой экспедиции, открывшей оазис в 1939 году, — первоначально назвал его «страной озер».

И все же не озера в первую очередь привлекают внимание исследователя, а эти невысокие скалистые сопки, расположенные буквально в котловине. Поверхность не только материкового, но и шельфового ледника местами выше поверхности скал в оазисе. Как выдерживает натиск льда эта узенькая полоска суши на протяжении, как теперь выяснилось, не менее 5—6 тысяч лет? Почему ледник не перекрыл ее за это время? Каковы условия существования оазиса в настоящее время? Эти и другие вопросы интересуют ученых с самого момента открытия оазиса. На некоторые из них уже получены ответы, а некоторые еще ждут своего решения.

Оазису Ширмахера, можно сказать, повезло. В 1961 году здесь была создана советская станция Новолазаревская. Сначала она располагалась на берегу озера Станционного, ютилась в сильно заносимых снегом маленьких домиках. В 1979 году станция была перенесена на полкилометра к западу, что сделало оазис более доступным для исследователей. Сейчас станция Новолазаревская — это три больших жилых дома, в которых располагаются и научные лаборатории — метеорологическая, аэрологическая, несколько геофизических; материальный склад; дизельная, при ней механическая мастерская и баня с прачечной. Есть кают-компания, где полярники не только питаются, но и развлекаются после рабочего дня: кино, хорошая библиотека, бильярд, настольный теннис. Кают-компания даже имеет название — «ресторан «Поморник»». Если учесть, что оазис вообще очень беден пернатыми, то предпочтение в названии, отданное поморнику, понятно. Это единственная в Антарктиде птица, быстро приспособившаяся к человеку и сопровождающая его повсюду. Заботливые полярники создают для поморников такие комфортные условия, что они живут здесь круглогодично. Кроме поморников за время своих последующих маршрутов по оазису я изредка встречал лишь качурку Вильсона да однажды, в разгар лета, забрела сюда парочка пингвинов Адели (а до моря 80 км по прямой) и сразу же ушла обратно — не понравилось.

Дома станции соединены между собой деревянными тротуарами. С одной стороны тротуары ограждены металлическими перилами, необходимыми во время пурги. Во всех домах на окнах полярники разводят огурцы, помидоры, цветы, и снаружи окна домов выглядят совсем не «по-антарктически». Вода для станции подается по утепленным трубам на эстакаде, идущей от небольшого, но не промерзающего до дна озера, в 200 м на запад от дизельной. Сейчас такой способ обеспечения водой можно видеть на многих прибрежных антарктических станциях, и воспринимается это как должное. Вспоминается первая САЗ: в Мирном заготовка воды для камбуза, для дизельной и бани была очень нелегкой работой.

Дома станции Новолазаревской располагаются на скалистой сопке с неровной поверхностью, высотой чуть более 100 м над уровнем моря. Барьер материкового ледника находится в 500 м к югу, а шельфовый ледник — в полутора километрах к северу от станции. Со всех сторон станцию окружают озера. На юге, вдоль ледникового обрыва, длинное и узкое озеро, которое зимовщики образно называют «Сосиска». Оно круглый год подо льдом. На севере довольно большое озеро Глубокое, которое каждый год вскрывается, но не каждый год полностью освобождается ото льда. Это действительно самое глубокое из внутриоазисных озер — 37 м. На западе видна серия приледниковых озер (Верхнее, Поморник, Смирнова), которые летом избыток воды сбрасывают в Глубокое. Из него через ледяной тоннель в остаточном леднике Станционный сток идет в узкое и глубокое ущелье северного, обрывистого края оазиса. Здесь в разгар таяния образуется красивый водопад, у которого любят фотографироваться полярники Новолазаревской.

Станция занимает вершину сопки, поэтому хорошо продувается ветром. С одной стороны вроде бы и неуютно тут на «семи ветрах», а с другой — очень выгодно: снег не задерживается, весь сдувается. Мы прилетели в начале весны, хотя весна, как и осень, здесь понятия условные. Снег сохранился только в ветровой тени зданий, да и то в небольшом количестве, поскольку подполья зданий хорошо продуваются.

Ветры здесь обладают удивительным постоянством по направлению: почти всегда с востока-юго-востока. В промежутках между циклонами с материка начинает стекать тяжелый холодный воздух. Тогда задувает очень жесткий и неприятный стоковый южный ветер. Здесь не отмечали ветров такой ураганной силы, как на прибрежных станциях, но в зимние месяцы скорость ветра нередко доходит до 35—37 м/с. В сочетании с температурами воздуха до минус 35°C это сурово. В отличие от всех других прибрежных станций в оазисе Ширмахера очень низкая относительная влажность воздуха — около 50%, а иногда она падает до 20%. При такой сухости мороз переносится легче.

Антарктическое лето коротко, только декабрь и январь. В конце ноября уже началось протаивание мелкозема на участках без снега. А задача — проследить, как идут процессы сезонного про-

таивания и промерзания рыхлых отложений в оазисе, — была для меня одной из основных в предстоящих полевых работах. Поэтому свои работы по геокриологической программе я начал с того, что подыскал довольно хорошую площадку для наблюдений за ходом промерзания и протаивания пород. Она располагалась неподалеку от станции, в типичной для оазиса, небольшой выработанной ледником котловине. На дне ее сохранилось маленькое озерцо, которое мы условно называли Домашним. Когда-то оно было больших размеров, и на пологом склоне, бывшем дне озера, сейчас остались скопления валунов, гальки, песка. На поверхности успели развиться каменные многоугольники, или полигоны, — так называемые структурные формы криогенного микрорельефа, широко распространенные и у нас в северном полушарии, в арктических пустынях.

Площадка оказалась удачной еще и потому, что была в стороне от всех хозяйственных сооружений, а потому никто туда не заходил, что очень важно для сохранения условий естественными, неизменными. Вырыл шурф и поместил в него нехитрый прибор — мерзлотомер Данилина. Это — резиновый градуированный шланг диаметром 1 см, заполненный дистиллированной водой, помещенный в защитную эбонитовую трубку. Такая вода, как известно, замерзает и оттаивает при 0°C. Таким образом, ежедневно проверяя уровень льда в шланге мерзлотомера, удастся проследить за динамикой сезонного протаивания и промерзания верхнего слоя пород. С этой же целью на поверхности и в верхнем тридцатисантиметровом слое грунта были размещены почвенные термометры.

С этого времени и до окончания полевых работ, 10 марта 1982 года, эта площадка стала для меня самым посещаемым местом в оазисе. Каждое утро перед завтраком, в любую погоду, я мчался туда, чтобы сделать отсчеты. Не всегда эта прогулка доставляла удовольствие. Основное время пург и метелей в оазисе Ширмахера — май — июнь, то есть разгар зимы. Но изредка они бывают и летом, причем довольно сильные. В сильный ветер по поверхности переносятся острые кусочки льда, обломки щебня, и термометры не раз приходилось заменять — их разбивало, несмотря на всяческие ухищрения по их защите.

Для того чтобы составить представление о геокриологических условиях оазиса, стационарных наблюдений на одной площадке, если она даже удачно выбрана, недостаточно. Нужны маршрутные работы по всему оазису. Вот тут и возникли трудности. Антарктида — материк суровый. С ним нельзя обращаться на «ты», сколько бы его ни исследовали. Капризы его погоды уже известны. Поэтому на всех советских антарктических станциях строго определена зона, в пределах которой разрешается работать в одиночку, не регистрируя в специальном журнале время ухода и возвращения. Определена такая зона и вокруг станции Новолазаревской. В кают-компании висит план станции и прилегающей территории, где разрешено работать одному. Но это очень ограниченный участок, увы, не охватывающий все разнообразие ландшафтов оазиса.

Выход из положения подсказал начальник станции Василий Семенович Крылов. В течение уже многих лет вместе с советской экспедицией в оазисе Ширмахера работает экспедиция Академии наук ГДР. Ее участники ведут в основном геофизические наблюдения, в частности геомагнитную съемку, которая тоже требует маршрутных работ. Вот к ним-то В. С. Крылов и направил меня. База ученых ГДР расположена в километре к востоку от станции Новолазаревской. Она представляет собой небольшое уютное помещение сложной в плане конфигурации, состоящее из комбинации нескольких металлических контейнеров, состыкованных вместе. У них своя небольшая электростанция, обеспечивающая освещение, отопление, работу приборов. Для исследований западной половины оазиса Ширмахера они построили небольшой домик на двух-трех человек в центре оазиса, куда тоже завезли совсем маленький движок, газ и продукты питания. У нас он значился под названием «немецкий хутор». Мы потом не раз пользовались гостеприимством этого «хутора», а однажды, когда в маршруте застала пурга, в нем двое суток жили 6 человек. В остальном же советская и немецкая экспедиции — это единый дружный коллектив. У нас общая кают-компания, общие радио- и метеоцентр, баня и прочее.

В первые же дни я познакомился с немецкими коллегами. Это 6 молодых, жизнерадостных, гостеприимных парней, все, как один, с солидными бородами. Хотя по возрасту они годились мне в сыновья, я, не успевший еще обзавестись «антарктической растительностью», выглядел явно моложе. Больше всего в дальнейшем мне пришлось работать с Вольфом-Дитером Хермихеном — научным сотрудником Центрального института изучения изотопов АН ГДР и геофизиками из Института физики Земли АН ГДР Фолкмаром Даммом и Манфредом Грилли. Ближе всего мои научные интересы совпали с интересами Хермихена, поэтому в маршрутах я бывал чаще с ним, чем с другими сотрудниками. По возвращении из Антарктиды нами с Хермихеном была написана совместная статья о составе и строении материкового ледника в районе оазиса Ширмахера.

Из зимовщиков советской экспедиции чаще всего меня сопровождал в маршрутах геофизик из Ленинграда Виктор Серов. В его обязанности входили наблюдения за полярными сияниями, то есть исключительно ночная работа. Днем он был, естественно, меньше загружен и с удовольствием, как он говорил, ходил в маршруты, чтобы «не потерять форму». Надо сказать, что Виктор — заядлый альпинист и его навыки, сноровка очень помогали в маршрутных работах, особенно на скальных и ледовых обрывах.

Какие же задачи ставит перед собой мерзлотовед в маршрутных исследованиях? Прежде всего это схематическая, а если позволяют картографическая основа и инструменты, точная, кондиционная мерзлотная съемка района исследований. Что значит «мерзлотная съемка»? Это нанесение на карту всех выраженных в рельефе проявлений мерзлоты: морозных трещин, каменных полигонов, полос, бугров пучения, термокарстовых просадок; нанесение точек

В поселке «Мирный»

детального специального обследования, замеры температур грунта и тому подобное. Дальнейшая камеральная обработка этих материалов дает специальную нагрузку для геокриологической карты.

Вторая важная задача — изучение криогенных образований, явлений: тщательное описание, фотографирование, отбор образцов пород для детальных лабораторных исследований. Наконец, у меня была и третья задача: выбор наиболее рациональных профилей для систематических декадных измерений глубины сезонного протаивания в летнее время. Это значит, что один день из десяти на протяжении декабря и января, когда идет протаивание пород, я должен посвятить тщательному изучению динамики слоя сезонного оттаивания на одних и тех же площадках. Это позволит мне потом сказать, какова динамика мощностей этого слоя, в чем отличие ее от других районов Антарктики и внеледниковых районов северного полушария. В конечном счете это поможет полнее познать один из важнейших криогенных процессов.

У мерзлотоведа всегда проблема — чем и как измерить глубину протаивания во время маршрута. На стационарной площадке все ясно, там стоят приборы, методика измерений давно отработана. А в пешем маршруте? Единственный пока и незаменимый «прибор» для этого — металлический шуп. Именно металлический, так как ни пластмасса, ни дерево непригодны для протыкания шупом талого слоя, пока он не упрется в мерзлую породу. Появился шуп на заре мерзлотоведения и продолжает трудиться до сих пор. Не везде он применим. Например, в грубозернистых породах при наличии большого количества валунов и крупных обломков пород «прощупать» такой слой — труднейшая работа. Совсем уж не годится шуп там, где глубина протаивания больше полутора метров. В этом случае приходится прибегать к комбинации: шурф, шуп.

Были сомнения относительно шупа и у меня. Из работ предыдущих исследователей я знал, что в оазисе Ширмахера за сезон протаивает не более чем на один метр. Но рыхлые породы здесь в основном ледникового происхождения, то есть с валунами. И все же шуп оказался пригодным и для работы в оазисе. Но это была нелегкая работа. Каждый замер — это среднее значение из 3—5 «уколов», а всего по маршруту было организовано 11 площадок для таких измерений. За полевой сезон удалось провести 10 серий измерений глубины сезонного протаивания пород.

Итак, у меня с первых дней определились два вида постоянных работ: ежедневные утренние наблюдения на мерзлотной площадке и декадные «щуповые» по рациональному маршруту. Но в программу моих работ входили не только геокриологические, но и гляциологические исследования, то есть изучение льда во всем его природном многообразии: ледникового, озерного, наледного, подземного. Поэтому все маршруты должны быть «рациональными» и в гляциологическом отношении. Одна из гляциологических задач заключалась в том, чтобы проследить за изменением положения края материкового ледника в пределах оазиса за летний период. С этой

целью я выбрал декадный маршрут таким образом, чтобы наряду с определением глубины протавивания пород раз в декаду замерять также изменение положения стенки обрыва ледника на одном из скальных выступов. В стенке ледника, в скважине, мной была закреплена градуированная рейка, по которой проводились наблюдения за скоростью стаивания льда на стенке, а на поверхности скалы была замаскирована точка, от которой мерной лентой измерялось расстояние до ледяной стенки. Точность таких замеров невелика, около 1 см, но они позволили сделать вполне уверенный вывод о стационарном положении края и об очень медленном движении здесь ледника, около 3—5 м, в расчете на год.

Между тем скорость движения ледника за пределами оазиса, по измерениям гляциологов, намного больше — до 350 м/год. Следовательно, оазис Ширмахера служит своеобразным тормозом для движения материкового ледника. И это одна из главных причин того, почему ледник не перекрывает скалистые сопки оазиса.

Другой задачей было исследование строения природных льдов. Поэтому из маршрутов я, как правило, не возвращался с пустым рюкзаком. Образцы льда, уже на станции, изучались с помощью поляридов и лупы, в основном в немаршрутные дни.

Пешеходными маршруты были только по самому оазису, где вездеходу пройти довольно трудно, а местами просто невозможно. Совместно с геофизиками ГДР мне удалось совершить несколько интересных вездеходных маршрутов по шельфовому леднику Лазарева и по материковому леднику к близлежащим нунатакам: Аэродромному, Базисному и другим. А в самом конце сезона, когда к нам прилетела смена, был совершен очень интересный и важный в научном отношении вертолетный маршрут в оазис Унтер-Зее.

Прошло уже несколько лет с тех пор, как я вернулся из оазиса Ширмахера. Все полученные материалы в основном обработаны. По их результатам теперь можно сделать какие-то общие выводы по геокриологии оазиса.

Известно, что все природные процессы, протекающие на Земле и связанные с приходом солнечной энергии, зональны в своем проявлении. Зональны и геокриологические, или мерзлотные, условия. В северном полушарии давно уже установлены северная, умеренная и южная геокриологические зоны. В каждой из них — и подзоны, и аazonальные участки. Естественно предположить, что геокриологические условия зональны и в южном полушарии. Однако околополюсные районы здесь целиком заняты льдом, а там, где ледниковый покров кончается, сразу начинается море. Проявляется ли в этих условиях геокриологическая зональность? Оказывается, проявляется. В сущности здесь можно говорить о тех же трех зонах, что и в северном полушарии, но в Антарктике влияние ледника и моря заставляет определять их по-иному. Я определил эти зоны как океаническая, или островная, прибрежно-континентальная и внутриконтинентальная. Наиболее суровая из них — внутриконтинентальная зона. Она характеризуется сплошным рас-

пространением вечной мерзлоты, большой ее мощностью, составляющей сотни метров, низкими, ниже минус 10°C , температурами пород, небольшой глубиной их сезонного оттаивания. Исследования в оазисе Ширмахера позволили определить его место в схеме геокриологической зональности Антарктики: ближе всего геокриологические условия этого оазиса подходят к внутриконтинентальной зоне. Действительно, многолетнемерзлые породы здесь повсеместны, не только в пределах оазиса, но и под материковым ледником. Температура пород точно неизвестна из-за отсутствия глубоких скважин в грунте, в которых ее можно было бы измерить. Но поскольку средние годовые температуры воздуха, по данным метеостанции Новолазаревской за 1974—1981 годы, колебались в пределах минус 10 — 11°C , можно предполагать, что к ним близка и температура пород.

Вместе с тем в полярный день, который здесь продолжается около 70 суток, в середине дня поверхность темных скал прогревается до плюс 30°C . За лето рыхлый грунт успевает оттаять на глубину 0,8 м. Причем, как выяснилось из наших наблюдений, процессы протаивания и промерзания здесь из-за неустойчивости погодных условий довольно сложные. Так, начало протаивания неоднократно сменялось возвратным промерзанием и полным исчезновением образовавшегося было слоя сезонного протаивания.

Здесь хорошо развиты такие процессы, как наледообразование. Обычно это наледи талых поверхностных вод, в понижениях на поверхности материкового и особенно шельфового ледника, висячие наледи на скальных и ледяных обрывистых склонах. Реже наблюдаются процессы криогенного пучения. Ледяные бугры пучения, подобные буграм на сибирских наледях, мы наблюдали на промерзающих до дна мелких наледниковых озерах. Хорошо развиты здесь также морозное растрескивание пород, десквамация — отшелушивание на поверхности скал, морозная сортировка в рыхлых породах, в результате которой на поверхности образуются узоры каменных многоугольников, колец, полос.

Однако многое в геокриологической обстановке оазиса Ширмахера еще остается неясным. Самое главное, нет точных данных о температуре пород, что не позволяет рассчитать мощность толщи вечной мерзлоты. Значит, одна из важных геокриологических задач на будущее — пробурить в мерзлых породах скважину на глубину по крайней мере 50 м. Задача эта непростая, так как рыхлые отложения в оазисе маломощные и не повсеместные, а бурение в скальных породах требует соответствующего оборудования, которое в Антарктиду пока не завозится.

Здесь почти не изучены криогенные склоновые процессы, требующие не маршрутных, а стационарных длительных наблюдений. В сущности специальным геокриологическим исследованиям в оазисе Ширмахера, да и в Антарктиде в целом, положено лишь начало, и исследователей ждут в будущем новые открытия.

В ГОРАХ ЗЕМЛИ ЭНДЕРБИ

Начинался 1963 год. Я снова в Антарктиде. На этот раз — в Восьмой Советской антарктической экспедиции, а для меня это четвертая по счету (до этого были Первая, Третья и Пятая САЭ).

Основная задача гравиметристов в этой экспедиции заключалась в измерении силы тяжести на море с борта дизель-электрохода «Обь» и на Земле Эндерби, в районе южнополярной станции Молодежная.

В Антарктике мы выполняли не только морские наблюдения. На самолетах и вертолетах, с легкими сухопутными гравиметрами, мы летали вдоль побережья Антарктиды и в глубь материка, измеряя силу тяжести для решения самых разнообразных геологических и геофизических задач. Гравиметристы принимали участие в санно-гусеничных походах на станцию Восток, к Южному полюсу, к Полюсу относительной недоступности. По гравиметрическим данным определялись толщина антарктического льда, построены карты подледного рельефа и толщины земной коры в Антарктиде, а также детально исследуются отдельные районы, в которых можно ожидать наличие нефтегазоносных и других месторождений полезных ископаемых.

Наиболее ответственный этап работы в Восьмой САЭ — гравиметрическая съемка на Земле Эндерби. Я тщательно готовился к этим работам.

Прежде всего необходимо было подумать об опорном пункте, к которому должны быть привязаны все гравиметрические наблюдения. Такой опорный пункт имелся в Мирном, и его нужно было связать с пунктом в Молодежной. Однажды такая связь уже была сделана Ю. Н. Авсюком в Седьмой САЭ. Сейчас следовало эту связь повторить для повышения точности гравиметрических работ. С этой целью мне было разрешено принять участие в беспосадоч-

ном полете Мирный — Молодежная и затем обратно.

Тщательно подготовив гравиметр и сняв отсчет на опорном пункте в Мирном 20 ноября 1963 г., я погрузился в самолет Ил-14, и мы вылетели из Мирного. Кроме меня в самолете летела группа строителей, которые должны были выполнить ряд работ на станции Молодежная. Полет продолжался семь с половиной часов. Самолет приземлился на ледовом куполе южнее станции, когда солнце уже клонилось к горизонту и небо, и лед стали окрашиваться в розовые тона. Со станции пришел вездеход, на котором я и группа строителей поехали на Молодежную.

Мои наблюдения заняли немного времени. Я снял отсчет гравиметра на пункте Ю. Н. Авсюка, потом измерил силу тяжести на аэродроме у стоянки старого, списанного самолета Ли-2, после чего на попутном тракторе добрался до нашего Ил-14. Солнце скрылось за горизонтом, наступили сумерки, похолодало. Наконец прибыл вездеход из Молодежной, и мы стали готовиться к вылету в Мирный. Разогрели моторы, сели по местам, пилоты включили двигатели, самолет взревел, задрожал и... ни с места! Лыжи примерзли ко льду. Такое часто случается в Антарктиде. Днем лед сверху подтаивает, а ночью, когда понижается температура, образуется ледяная корка, которая крепко прихватывает лыжи. В таком случае бортмеханик обычно берет большую деревянную кувалду (которую летчики ласково называют «микрометром») и бьет ею по примерзшим лыжам. Ледяная корка при этом разрушается, лыжи получают возможность двигаться. Но в данном случае и «микрометр» не помог. Пришлось взять тонкий стальной трос и подпиливать им лед под лыжами. Работали попарно, по очереди сменяя друг друга. Наконец лыжи освободились ото льда, и мы взлетели.

14 февраля, после окончания разгрузки, «Обь» вышла из Мирного и взяла курс на Молодежную, куда прибыла 10 февраля и встала под разгрузку, которая проходила в очень тяжелых условиях. Погода была скверная. С утра начинал дуть стоковый ветер с ледяного купола, а потом поднималась пурга, которая, казалось, никогда не кончится. Ветер достигал такой силы, что неоднократно рвал швартовы, и «Обь» отходила от берега. Сейчас, когда я перелистываю страницы своего дневника, читаю такие записи:

«11 февраля. Взломало припайный лед, «Обь» перешла на новое место разгрузки.

13 февраля. Пурга. Разгрузка продолжается.

14 февраля. Пурга и разгрузка.

15 февраля. Разгрузка и пурга.

16 февраля. Пурга немного утихла. На самолете Ан-6 летал на купол, сделал 4 гравиметрических пункта.

17 февраля. Пурга...»

Отряд геологов из Научно-исследовательского института гео-

логии Арктики, руководимый С. Ф. Духаниным, находился в это время в полевом лагере на льду замерзшего озера Ричардсон, в 6 км от восточного берега залива Амундсена, у подножия горы Рисер-Ларсен, в 250 км от Молодежной. 18 февраля к ним присоединился и я.

Поразительная картина открылась глазам, когда наш самолет приземлился в лагере геологов. Ровное, продолговатое ледяное озеро, три километра в длину, полтора в ширину, с трех сторон окружено высокими горами, а с четвертой обрывистый ледник высотой 40—50 м отделяет его от океана. (Озеро пресноводное, мы прорубили во льду лунку и брали оттуда, как из колодца, хорошую

пресную воду.) Ярко сияет солнце, на льду стоят четыре полукруглые черные палатки, несколько человек заняты установкой еще одной. Я присоединился к ним, и к вечеру палатка была готова.

Эти палатки КАПШ-1 очень удобны для полярников. Мне приходилось жить в них и на дрейфующей льдине в Арктике, и на Антарктическом континенте. Палатка имеет легкий каркас, собираемый из изогнутых дюралюминиевых трубок; на каркас натягивается двойной верх, причем наружное полотно окрашено в черный цвет, чтобы притягивать солнечные лучи. Пол палатки также двухслойный; на него стелятся оленьи шкуры и ставятся раскладушки. Рядом с палаткой стоит газовый баллон, а в палатке — газовая плита. Когда горит газ, в палатке очень тепло, можно жить и работать, не одеваясь в теплые верхние одежды. Но на ночь плитку нужно выключать во избежание пожара. К утру палатка изрядно остывает, и, конечно, требуется определенная сила воли, чтобы покинуть теплый спальный мешок. Но вот находится «самый смелый», который выскакивает из мешка, зажигает плитку и тут же снова ныряет в мешок. Минут через десять уже становится тепло, все встают, одеваются и идут на завтрак, приготовленный очередным дежурным. Начинается рабочий день.

Первый день моего пребывания в лагере геологов был посвящен благоустройству лагеря. Вместе с радистом В. Н. Александровым мы поставили еще одну палатку, натянули антенну и оборудовали радиостанцию. Потом я вместе с геологами стал летать в горы.

Земля Эндерби — горная страна. Высокие горные хребты и отдельные пики высотой до трех километров от уровня моря здесь как бы прорывают толщу материкового льда и выходят на поверхность. Геологам очень важно собрать побольше образцов пород с вершин этих гор, чтобы изучить их минеральный состав и построить геологическую карту. Моя задача — выполнить гравиметрическую съемку, чтобы затем сделать некоторые выводы о глубинном строении земной коры этого района.

Работа была очень интересной, и мы выполняли ее с большим энтузиазмом. Вот только летчикам нашим было тяжело.

Во-первых, много неприятностей доставлял стоковый ветер, который дул с вершины гор, как правило, вдоль северных склонов, чаще всего по утрам. Поэтому если самолет должен обойти какую-либо гору с северной стороны, то обходить ее нужно было на максимальной скорости, чтобы быстрее преодолеть этот стоковый ветер.

Однажды утром, когда мы летели на работу в горы, мы попали в очень сильную струю стокового ветра. Наш самолет бросило метров на сто вниз, и лишь невероятными усилиями первого пилота В. И. Попова и бортмеханика А. Д. Межевых удалось удержать самолет в горизонтальном полете, прибавить газ до отказа и выскочить из этой струи. Самолет так встряхнуло, что сверху, с полка, на нас посыпались продукты — сухари, крупа, лук, а я креп-

ко держал свой гравиметр и не дал ему упасть. Ведь если бы этот чувствительный прибор упал, мне нечего было бы делать на Земле Эндерби...

Во-вторых, каждую посадку в горах и каждый взлет приходилось совершать с определенным риском. Можно было, конечно, садиться в лощинах между горами, а потом пешком добираться до обнажений горных пород, но тогда мы не смогли бы отработать больше одной точки в день, а антарктическое лето так коротко!.. Поэтому наши летчики (экипажи С. Ерохова и В. Попова), эти настоящие полярные асы, поступали следующим образом.

Самолет садился у подножия выбранной нами горы и при работающем моторе, на лыжах буквально «вползал» на гору до тех пор, пока не кончался снег. Там мы выскакивали из самолета, брали нашу «Аннушку» (Ан-6) за хвостовой стабилизатор, разворачивали на 180° , то есть мотором вниз, и ставили на тормоза. После этого начиналась работа. Геологи осматривали горные породы, брали образцы, я настраивал гравиметр и отсчитывал показания прибора, барометрами-анероидами измерял атмосферное давление, определял температуру и влажность воздуха с помощью психрометра. По окончании работы все садились в самолет, пилот включал мотор, некоторое время разгонял винт до нужного числа оборотов, затем «Аннушка» срывалась с тормозов, и мы неслись вниз с этой высоченной горы, как на санках, набирая скорость, необходимую для взлета, взлетали и летели к следующей горе. Великолепное мастерство! В иллюминатор при этом лучше не смотреть — все равно ничего не увидишь. Сплошной снежный вихрь летел из-под винта, мы мчались словно в молоке. У следующей горы повторялось все сначала. Бывали, конечно, случаи, когда лыжа насккивала на невидимый под снегом камень, случались и поломки, ремонтировали и летели дальше. Зато с какой радостью, с каким удовлетворением от выполненной работы мы каждый вечер возвращались в свой ставший родным лагерь, в свои уютные палатки!..

Дважды я летал на Молодежную, выполнял контрольные наблюдения на опорном пункте. Все шло хорошо. Погода благоприятствовала нашей работе. Был, казалось, какой-то удивительный микроклимат в нашем районе. Когда мы поднимались в воздух, то могли видеть мрачные черные тучи далеко на горизонте, а в нашем лагере и его окрестностях все время стояла ясная и тихая погода, и мы даже могли иногда раздеться до пояса и позагорать. Но 24 февраля вдруг поднялся сильный ветер, и началась пурга, которая продолжалась семь дней. Полеты пришлось прервать, эти дни мы посвятили обработке полученных материалов и планированию дальнейших работ. 4 марта возобновили полеты, а 12 марта погода снова стала портиться. К вечеру ветер достиг ураганной силы...

Какой-то странный был этот ураган. Ветер дул не постоянно, а порывами через одну-две минуты. Сначала был слышен пронзительный свист со стороны межгорного ущелья, затем налетел порыв

ветра, причем не постепенно, а сразу, с огромной скоростью и силой. Наш анемометр зашкалил на цифре 60 и вышел из строя. Это значит, что скорость ветра была больше 60 м/с, то есть более 200 км/час! Минуты через три-четыре внезапно наступал полный штиль, а через одну-две минуты снова слышался свист из ущелья, и все повторялось сначала. Рвались наши палатки, трещал лед на озере, слышался грохот обвалов в горах.

Всю ночь, весь день и следующую ночь мы боролись с этим ураганом, пытаясь спасти что можно. В первую очередь нужно было спасать самолеты. Они стояли на льду, на ледовых якорях, то есть за лыжные стойки были привязаны стальными тросами к камням, вмороженным в лед. Пользуясь промежутками между порывами ветра, мы крепили тросы, заводили новые, пытались как-то усилить крепления. Кроме того, нужно было следить и за палатками, и за оборудованием. Свой гравиметр я укрепил среди тяжелых ящиков с образцами горных пород, чтобы его не унесло ветром и не разбило. Приходилось бегать по льду от самолетов к палаткам и обратно, а когда из ущелья раздавался свист, все ложились на лед и всячески старались удержаться и уберечься от тех предметов, которые с огромной скоростью носились по льду. Обломки ящиков, дюралевые санки, пустые газовые баллоны, бочки — все это представляло большую опасность для людей. Первым пострадал штурман И. Гончаров — дюралевые сани ударили его по ноге. Порыв ветра сбил с ног и ударил об лед головой бортмеханика А. Межевых. Меня выручала старая десантная финка, которая всегда висела у меня на поясе. Я вонзал ее в лед как ледоруб, и она служила мне хорошим тормозом.

Самолет С. Ерохова все-таки был разбит. Не выдержали лыжные стойки, сломались, и самолет стал биться всем корпусом о лед. Отлетели плоскости, погнулись лопасти винта. Самолет В. Попова удалось спасти. На нем 15 марта, когда ураган прекратился, начали эвакуацию лагеря. Первым рейсом на Молодежную были отправлены И. Гончаров и работавшие с нами геодезисты из ГДР И. Либерт и Г. Леонхардт. Вторым рейсом улетели геологи Е. Зацепин, Е. Каменев, О. Шулятин и я. Высадив нас на Молодежной, В. Попов снова возвратился в лагерь и заночевал там, чтобы утром продолжить эвакуацию. Но в эту ночь ураган возобновился с новой, еще большей силой, и самолет В. Попова был также разбит.

Летчики потом рассказывали, что этот самолет был тяжело загружен и дополнительно укреплен — стальной трос был заведен вокруг фюзеляжа и хвостового оперения и растянут на ледовые якоря. Чтобы не повредить фюзеляж, под трос были подложены спальные мешки. Но сила ветра была так велика, что этим тросом разрезало фюзеляж, хвостовое оперение было оторвано и унесено в горы на высоту около 10 метров!.. Ветер уничтожил все палатки, разбил наземную радиостанцию. Для связи с Молодежной можно было использовать только чудом уцелевшую рацию на самолете С. Ерохова. Радист В. Александров и бортмеханик А. Батынков

добрались до этого самолета, запустили рацию и передали в эфир сигнал бедствия. Но в этот момент сильнейший порыв ветра перевернул разбитый самолет лыжами вверх, и смельчаки получили тяжелые травмы, которые, к счастью, оказались не опасными для жизни. Подбежавшие товарищи вытащили пострадавших из-под обломков самолета и оказали им первую помощь.

Восемь человек оказались в лагере без крова, без радиосвязи и почти без продовольствия. Они ушли в горы и укрылись от бушующего ветра за каменными скалами. К утру ветер утих, и они снова спустились на озеро.

На Молодежной не осталось ни одного самолета, поэтому в Мирном стали срочно готовить Ил-14 для полета на Землю Эндерби, чтобы спасти людей. «Обь» прекратила морские работы и взяла курс на залив Амундсена, чтобы в случае необходимости высадить на берег спасательную группу.

Ил-14 вылетел из Мирного 17 марта и на другой день, после ночевки на австралийской станции Моусон, прибыл в район озера Ричардсон. Стояла сплошная облачность, горизонтальная видимость не превышала 300—400 м. Заходить на посадку можно было только с одной стороны — со стороны моря, причем садиться сразу, с первого захода, так как подняться и зайти на второй круг самолет не сможет из-за близости высоких гор.

Люди в лагере не знали, что к ним летит самолет. Из-за отсутствия связи мы не могли им сказать, чтобы они развели костры и пускали сигнальные ракеты. Мы могли только держать связь с самолетом Ил-14 и корректировать его посадку на озеро. Этим сложным делом занимались С. Ерохов и авиационный инженер А. Зайцев. Мы с геологами стояли тут же, в радиорубке, и с волнением ожидали исхода этой операции. Слышали, как сказал Слава Ерохов: «Заходи со стороны моря, курс такой-то. Увидишь справа гору, поверни левее от нее на два градуса и снижайся». Ил-14 ответил: «Вас понял, захожу на посадку. Если все будет нормально, выйду на связь через три минуты. До связи!..»

До связи!.. Как медленно, как долго текли эти минуты!.. Прошло три, четыре минуты, связи нет. Пять минут, шесть... Наконец голос пилота Ил-14: «Все в порядке, есть связь с лагерем, все вижу, захожу на второй круг!..» Вот это да! Как же смог он вывернуться и набрать высоту для вторичного захода на посадку?! Откуда вдруг появилась связь с лагерем? Оказалось, что как раз в этот момент полярникам в лагере удалось наладить рацию на самолете В. Попова. Они срочно связались с Мирным и с бортом Ил-14, который шел к ним на посадку, быстро разожгли костер и стали сигнализировать ракетами. Посадка прошла успешно. Вскоре все восемь человек были эвакуированы в Мирный.

В результате тех геолого-геофизических исследований на Земле Эндерби была выполнена геологическая и гравиметрическая съемка на площади около 20 тыс. км². По данным этих наблюдений, обнаружена впадина в подледном рельефе глубиной около 200—300 м, простирающаяся вдоль берега с востока на запад. Вычислена тол-

щина земной коры в исследуемом районе, получены другие геолого-геофизические данные.

Успешное выполнение этих работ и благополучное завершение спасательной операции стали возможными благодаря блестящему мастерству наших славных полярных летчиков.

Ураган в горах Земли Эндерби — одно из самых памятных для меня событий тех лет.

ЗАПОЛЯРНАЯ СКАНДИНАВИЯ

Фотоочерк

Январь 1988-го. В явном противоречии с календарем и всеми закономерностями климата в воздухе Хельсинки дрожит пелена мелкого дождя. Сырость, слякоть несусветная в сочетании с порывами ледяного ветра с Балтики.

Монументальное, краснокирпичное здание вокзала сразу спасает от ненастья. Обычный людской муравейник, пахнет какой-то смесью из синтетических моющих средств, жареного картофеля «пом-фри» и еще чего-то. Взгляд привычно ищет какую-нибудь очередь или надолго расположившихся пассажиров, но не находит.

Множество надписей на финском и — втором языке страны — шведском. С последним мне легче. Этот язык напоминает мне и о всей нашей поездке: предстоит путешествие по полярному северу Скандинавии по маршруту Кеми — Хапаранда — Лулео — Елливаре — Кируна — Нарвик. Много раз приходилось бывать и в Финляндии, и в Швеции, и в Норвегии, но пересекать заполярные области всех трех стран сразу — впервые.

Трехместное купе, в котором полки одна над другой и оплетены ремнями, чтобы пассажир не смог вывалиться. Внизу столик с туалетным оборудованием. Хельсинки — Кеми — это один из самых длинных маршрутов в Финляндии, около 700 км на север. За окном вагона постепенно все более утверждается снег, хоть и нелегко ему приходится на многочисленных станциях, разъездах, автотрассах.

В Кеми свежий морозец 10—12 градусов, пушистый снег надежно укутал землю. После хельсинкской слякоти с удовольствием топаешь по чистому, хрустящему снежному покрову. Кеми по нашим меркам город небольшой — всего несколько тысяч жителей. Центр его можно обойти за полчаса. Тем не менее несколько

ярко освещенных магазинов, включая супермаркет, смотрятся вполне современно в зимних приполярных сумерках. Город окружен лесами. Об этом можно догадаться сразу по нескольким деревообрабатывающим заводам и заводикам, возле которых лежат штабеля хорошо упакованных и готовых к отправке досок.

Как всякий скандинавский город, Кеми в дневное время кажется безлюдным, так как практически все при деле. Пустынной видится и моя гостиница с непроизносимым и незапоминаемым названием не то на «...ерви», не то на «...йоки». Очень теплая, хорошо пропылесосенная, с дезинфицированными саунами. Городской ритм кажется замедленным, редкие покупатели в магазинах явно не спешат и тщательно обдумывают свой выбор и слова в беседе.

Услышав от меня о «замедленном ритме», мой новый знакомый, служащий муниципалитета, заразительно, совсем не «по-фински» смеется, затем сквозь заметный финский акцент прорывается поток шведских фраз: «Это обычное представление о нас как на Востоке, так и на Западе. К счастью или к сожалению, мы все более становимся такими же, как все, и по характеру, и по проблемам. Раньше считалось, что из-за своего «финского характера» и языка финским хоккеистам очень трудно прижиться в канадских клубах. Теперь похоже, что это уже позади. Сейчас и в обозримом будущем для нас характерны все те же проблемы современной жизни развитых стран Запада: трудности с рабочими местами, злоупотребление алкоголем, наркотики, высокий процент разводов, экологические проблемы и многое другое. Вы еще немало услышите об этом по ту сторону границы в Швеции. При всем при том мы все более приближаемся к жизненному уровню этой страны, и многие всерьез пересматривают свое отношение к Швеции как к «старшему брату»».

Кстати, что касается финского менталитета и спорта, рекомендую вам настоятельно посмотреть вечером международный матч по бенди. Так в Скандинавии называется распространенный зимний вид спорта, который у нас именуется «хоккей с мячом».

Кеми поддерживает довольно тесные контакты с СССР. К некоторому смущению, только здесь я узнал, что Волгоград — побратим Кеми. Побратим для скандинавского уха, пожалуй, «многовато». В скандинавских языках это звучит как «город-друг».

С нашей точки зрения, болельщиков было — кот наплакал, человек 400—500. Но самих болельщиков это вроде бы никоим образом не смущало. Хоккей с мячом — это своего рода зимний футбол на коньках и с клюшкой. При приближении оранжевого мяча к чьим-либо воротам поднимался такой шум, что поневоле начинаешь следить за развитием событий как замороженный. В руках у зрителей какие-то дудки, трубы и прочие оглушительные звуковые устройства. «Хором» дирижирует особо яркий болельщик при помощи финского или шведского флага. Я не оговорился насчет шведского флага. Дело в том, что Кеми находится на побережье той части Балтики, которая называется Ботническим заливом. Следовательно, рядом со шведской границей. Например, до шведского

Лулео морем — 50—60 км, а по прибрежному шоссе — чуть дальше. Пограничных формальностей практически нет. Для шведа съездить на матч из Лулео или Хапаранды в Кеми — это примерно как москвичу на дачу куда-нибудь под Дмитров.

Приезжают семьями. Одеты все примерно одинаково — в утепленные, как бы надутые комбинезоны или куртки с термобрюками. На ногах раздутые поролоном сапоги, на руках варежки, в которых они энергично хлопают-аплодируют. На голове шапка, яркая спортивная шапочка, а то и вовсе ничего, хотя минус 20 по Цельсию. Вся семья дружно реагирует на происходящее на льду, одновременно подкрепляясь неизменным крепким кофе из термоса. Лишь самый маленький ее член, лет этак двух-трех от роду, невозмутимо ползает в снегу, пользуясь полнейшей самостоятельностью.

А мороз между тем крепчал. Между трибунами горели стоящие в снегу вертикально кругляки с 3—4 крестообразными распилами вдоль. В перерыве возле них теснился народ, слышалась финско-шведская речь, порой чья-то рука лезла за пазуху за плоской фляжкой, после чего аргументация становилась гораздо более эмоциональной и даже непререкаемой.

Я сел в новенький «вольво», внутри которого стало разливаться живительное тепло почти сразу же после включения двигателя. Набрал по телефону код Москвы и свой номер. Моя шестилетняя дочь задала мне массу вопросов и одновременно жаловалась на дождь. Как-то не верилось, что в Москве в это время текли ручьи.

На следующее утро мы с моим давним знакомым шведом ехали на машине вдоль моря к шведской Хапаранде. Справа неслись назад в Финляндию довольно низкие сопки, поросшие лесом. Приполярный лес — это далеко не сибирская тайга. С высоты он кажется клочковатой реденькой бородачкой на жестких каменных скалах северных сопки. Тем не менее деревья диаметром 12—15 см уже идут в дело, а на их месте старательно высаживаются новые деревца. Пройдут десятки и десятки лет, прежде чем посадки станут лесом.

Слева от шуршащего, ухоженного шоссе порой проглядывал залив. Вряд ли бы его можно было различить под ровным белым полем, если бы не черные, хорошо заметные изломанные трещины, пересекающие это поле.

Пограничная Хапаранда. Шведские пограничники лишь изредка записывают номер какой-нибудь машины. Однако отличающийся от белого цвет кожи въезжающего вызывает у них определенную активность. Вспомнилось, что уже около десятой части населения Швеции, если не больше, этнически не скандинавы, а часто и не европейцы. Здесь остановилось немало жителей Ближнего Востока, Турции, Латинской Америки, Юго-Восточной Азии, выгнанных из своих стран войной, нищетой, репрессиями. Оказывается, ассирийцы живут не только в учебнике истории, но и здесь, в Швеции. Иммиграция, безусловно, спасает шведов от самой неprestижной работы, например в сфере сервиса, коммунальных служб, но она приносит и свои проблемы. Вместе с увеличением

Один в вышине...

прослойки иммигрантов растет и расовая нетерпимость скандинавов, проявляющаяся, в частности, в создании иммиграционно-враждебных организаций типа «Сохраним Швецию шведской» (BSS). Эту аббревиатуру то и дело видишь намаляванной на стенах домов, бетоне мостов и переходов.

В фарватере иммиграции иногда следует — чего греха таить — и терроризм, и наркотики, и нелегальные «пришельцы». Этим, по-моему, и объяснялся повышенный интерес пограничной службы к въезжающим неевропейцам.

Мне же пришлось проявлять инициативу и самому предъявлять визу. В считанные минуты с формальностями было покончено, и мы двинулись по улицам Хапаранды.

Хапаранда — северные ворота Швеции. Довольно помпезное кирпичное здание вокзала перевидало на своем веку немало пассажиров, среди них таких, которые оказывали влияние на ход истории. На перроне стояли большевики, проводившие в 1906 году свой IV съезд РСДРП в Швеции. Здесь же стоял В. И. Ульянов-Ленин с товарищами, возможно обдумывая свои «Апрельские тезисы» перед возвращением в революционный Петроград в 1917 году. Во время второй мировой войны Хапаранда видела десятки тысяч немецких солдат, курсирующих между Германией, Северной Финляндией и Северной Норвегией. Последние из них отступали здесь в 1944 году из Северной Финляндии, оставляя за собой пожары и разорение в отместку за сепаратный мир, который был заключен в том же году между СССР и Финляндией при самом активном посредничестве нашего посла в Швеции легендарной Александры Коллонтай. За долгие годы работы здесь она тоже много раз миновала Хапаранду.

Внешне же волны исторического прошлого вряд ли оставили какие-либо заметные следы на облике города. Сейчас это скорее шведско-финский город со всеми смешениями в языке, валюте, экономике. Но в отличие от подобной ситуации на самом юге Швеции — на границе с Данией — миграция рабочей силы здесь более четко выражена в направлении Швеции. Сотни тысяч финнов выехали в Швецию через Хапаранду в поисках заработка, хоть большинство их и возвращается домой.

Дорога режет холмы и скалы дальше, в сторону Лулео. Пронесится над каменистыми долинами рек. На многих из них стоят малые и средней величины электростанции. Энергетический кризис прошлых лет явно ускорил их сооружение. Но сейчас, когда нефть опять подешевела, усилилась борьба за сохранение водных артерий в первозданном виде, что имеет прямое отношение к защите окружающей среды. Особую активность в этом вопросе проявляют молодежь, школьники, студенты. Уже дома, разбирая множество бумаг, проспектов, статей, скопившихся за многие годы, я наткнулся на следующее открытое письмо шведской молодежи Севера старшему поколению:

«Я принадлежу тому поколению, которое увидит предсмертные судороги общества всеобщего благоденствия. Я принадлежу тому

Преодоление водной преграды

поколению, которое появилось на свет слишком поздно. Мы не можем и никогда не сможем изменить что-либо в лучшую сторону. Когда наших родителей не станет, когда мы останемся одни — тогда останется только ждать. Наш мир уничтожен, так подло, постыдно, пакостно уничтожен, что ничего уже нельзя переделать. Сейчас уже слишком поздно. Поздно для нас, для вас, для тех, кто уничтожил землю, кто уничтожил нас»*.

Письмо было написано в начале 70-х годов и использовано, в частности, в ходе кампании по спасению северной реки Юснан от строительства на ней электростанции. За планами строительства стояли, как говорят шведы, «могучие экономические интересы», возглавляемые кланом Валленбергов. Однако в очередной раз узнаю, что Юснан стоит и сейчас, в конце 80-х, нетронутым, и на его берегах по-прежнему перекликаются рыболовы с удочками и традиционными шведскими спиннингами.

Вообще-то рыболовство, как это сейчас хорошо известно, существенно сказывается на количестве рыбы, особенно благородных видов, в реках и морях. Для восполнения рыбных запасов в Швеции каждый год выпускается 3 млн мальков. Естественно, что большинство из них становится добычей щук и других хищников. Однако, как умудрились подсчитать шведские ученые, выживаемость мальков увеличивается в 5 раз, если их выпускать в защитных сетях до августа — сентября. Правда, у меня возникает вопрос: не снижают ли «тепличные» условия их естественную приспособляемость и способность уходить от хищников? Но последнее слово должно быть за ихтиологами, которые также подсчитали, что большая часть рыбы «оказывается на суше» в первые 1,5 года своего существования вследствие нещадного лова в Балтийском море. В этом плане очень положительным моментом оказалось урегулирование давнего советско-шведского спора вокруг рыболовной зоны в центре Балтики. Договор позволил положить конец хищническому рыболовству в этой так называемой «белой зоне».

Подъезжаем к Лулео, который стоит на Луле-Эльв, впадающей в Балтику. Названия многих шведских рек и речек оканчиваются или на «-эльв», или на «-он», что, собственно, означает «река», «речка». На Луле-Эльв множество судов и суденышек, не говоря уже об огромном количестве стоящих сейчас на приколе лодок, яхт, яхточек.

Лулео называют шведским Клондайком. Дело отнюдь не в золоте, хотя и его тоже немного моют на шведском Севере даже туристы. Дело в первую очередь в высококачественной железной руде Елливаре и Кируны. До 72% содержания железа в руде — это много. Руда — основа шведской экономики, во всяком случае начала периода шведского «просперити». Люди давно уже вгрызаются в толщу Мальмбергета — «рудной горы» и других месторождений, но запасов хватит еще надолго. Шведская руда хлынула на внешний рынок широким потоком со строительством железной

* Напечатано в журнале «Ви» № 32/33.

Оазис среди «белого безмолвия»

дороги Кируна — Елливаре — Лулео в 1888 году и десятью годами спустя — Кируна — норвежский Нарвик, что на побережье Атлантики.

Строительство железной дороги в условиях Заполярья в то время, когда единственным средством «механизации» был изобретенный Нобелем динамит, — это, как говорят шведы, «отдельная глава», требующая своего романа. Мы ограничимся только упоминанием о том, что работа шла круглый год. Летом, когда солнце светило почти круглые сутки, она продолжалась постоянно. Условия работы и существования были, прямо скажем, каторжные. Мастер — царь и бог, мог уволить в любой момент. Жили в землянках и халупах с земляным полом круглый год. Но платили по тем временам хорошо, и легкого на подъем народа хватало. Нравы, как и в Клондайке Джека Лондона, были жестокие: пьяный кураж, карты, убийства, проституция были заурядным явлением. Многие из строителей навсегда остались в этой суровой земле.

На кладбищенских крестах тех времен часто одни имена, так как фамилий не знал никто: «шведка Анна», «норвежец Харальд»...

С тех пор многое изменилось, и с трудом верилось, глядя на высокотехнологизированное производство в шахте Елливаре, что когда-то было время тачек, качающихся трапов и зловонных трущоб.

Лулео — морские ворота северного лена* Швеции Норрботтена. Город довольно быстро развивается. В целях освоения северного края предприятиям даются некоторые налоговые льготы, в особенности если создаются новые рабочие места. В городе растет количество студентов. В недавно отстроенном, огромном по шведским масштабам закрытом спорткомплексе «Аркус» регулярно проводятся ярмарки, выставки, гала-представления, в том числе с участием СССР. Наряду с певучим северошведским диалектом нередко

* Лен — основная административно-территориальная единица Швеции.

слышен центральношведский и даже южношведский, напоминающий картаво-датский. Близость к морю смягчает климат, который становится суровее буквально с каждой сотней километров на север.

Стрекочет самолетик «Сессна», неумоимо продвигаясь на север, к Елливаре. Внизу изрезанный рельеф. Леса все меньше, все больше скал, все глубже ущелья. Высота небольшая, и хорошо видны редкие поселения с их типичными темно-красными крышами и стенами. Считается, что эта краска из окиси фалунской меди хорошо предохраняет древесину от гниения, и поэтому деревянная Швеция часто ассоциируется с бордовым цветом. Где-то здесь проходит полярный круг.

Подпрыгнув несколько раз, самолетик затих перед стеклянной коробкой маленького аэропорта. Сразу бросилось в глаза большое количество снега, хотя его немало было и в Лулео. Местные шведы не преминули рассказать, что в этом году снега навалило как никогда. Даже лопаты исчезли кое-где из продажи. Снег подверг серьезному испытанию современные архитектурные решения. По калифорнийской моде, где, как известно, снега практически не бывает, многие крыши стали плоскими. А по некоторым подсчетам, на площади крыши величиной в школьный класс скопилось 35—40 т снега. Словом, работы со снегом хватало... Действительно, дорога напоминала широкую траншею. Лучи фар скользили по бесконечной снежной стене. Это уже Заполярье. Улицы города освещены почти постоянно. Из рта вырывается пар. В теплой машине чувствуешь себя гораздо уютнее, чем на пронизывающем ветру.

Дорожная траншея поднимается вверх, и скоро мы останавливаемся перед кряжистым зданием из высохших на корню огромных елей. Здание стоит в окружении несерьезных на вид, ярко раскрашенных домиков. Все это — туристский пансионат-комплекс на горе Дундрет. Одна из верхушек горы срезана бульдозерами, и на образовавшейся площадке группка строений вцепилась своими сваями в мерзлую землю.

За плотной дверью главного здания остался свист ветра и холод. На стенах висели медвежьи шкуры и деревянные рельефные панно. На столах небольшого ресторана горели свечи, пламя которых отражалось в стекле и фарфоре. Где-то вверху тускло блестели электрические светильники. Свет их с трудом достигал деревянного пола, и массивные столы вырастали из полутьмы желтыми островками.

Передо мной и моим собеседником Бертилем — членом правления местного муниципалитета, именуемого по-шведски «коммуной», лежит на тарелке длинная, гладкая, абсолютно без мяса кость, рядом — деревянная палочка. Я с некоторым замешательством подумал о своих зубах. Бертиль, прочувствовав ситуацию, терпеливо пояснил, что мозг внутри кости считается лакомством у лопарей. Деревянной палочкой он выталкивается на тарелку. Если мозг покажется слишком жирным, в него добавляют сваренную и растертую со специями печенку. Тут же лежал тонко рас-

катанный саамский хлеб. Я почувствовал себя увереннее, когда очередь дошла до оленьих отбивных: нежное, вкусное мясо.

«Надеюсь, что в мозге и мясе цезия не больше нормы, — улыбнулся Бертиль. — Наши две тысячи саамов-оленоводо­в наделали немало шума в средствах массовой информации, когда требовали компенсации за якобы резко повысившийся уровень содержания радиоактивного цезия в связи с вашим Чернобылем. Хотя вопрос о норме остается спорным, как и сам уровень содержания цезия до и после катастрофы. Несомненно лишь возрастание общественной активности всех аборигенных народов — от американских индейцев до наших лопарей-саамов. Наверно, это и вас касается. Вопрос очень сложный, затрагивающий право на землю предков,

Полярная ночь

среду обитания, компенсации и многое другое. Наши саамы уже подавали на нас в европейский суд в Страсбурге».

Мы говорили об интеграции экономической жизни и, конечно, об общих проблемах. Скандинавия, умело используя природные ресурсы, суперсовременную технологию, культуру производства, сумела достичь в беспрестанных спорах, дискуссиях, обвинениях друг друга во всевозможных грехах, расследованиях... достаточно высокого уровня развития. Нужно заметить, что этот уровень непосредственно отражается не столько в цифрах, сколько в качестве быта и покупательной способности кроны, марки. Однако в разгар процесса потребления вдруг стали замечать тревожные признаки отчуждения человека от природы. Все очевиднее становилась связь между привычными химикалиями и современными болезнями, развитием промышленности и кислотными дождями, ведущими к гибели рыбы и уничтожению лесов. В погоне за «мелодией дня» предприниматели стали рекламировать овощи и фрукты при помощи ярких надписей: «Не обработаны химикатами». Досуг на лоне природы все более становится культом. Средства массовой информации, туристские фирмы, северные коммуны всячески подогревают интерес к путешествиям в «нехоженые места». Горные лыжи, загар, чашка кофе возле трассы на крутом склоне или крохотного водопада — это престижно, это атрибут современного качества жизни. Растет инфраструктура сервиса.

С другой стороны, продолжаются словесные баталии между социал-демократами и буржуазными партиями о размерах и видах «региональной помощи» Северу. Между тем жители северных коммун стараются ни в чем не отстать по части быта и сервиса от остальных жителей. Не все идет гладко, с трудом появляются новые рабочие места. Молодым людям, ищущим работу, нередко приходится слышать: «Поезжай на юг». Но нет аврала, штурма, нахрапа, нет мысли о том, чтобы подзаработать, «освоить», а потом хоть трава не расти. Конечно, нелегко привыкнуть к Северу, где кроме романтики полярного сияния и золотистой морошки есть еще летний неистребимый гнус да зимняя пронизывающая холодрыга с Арктики. Но летом стараются и машины оборудовать сеткой от гнуса, а зимой вьюга не страшна за теплыми стенами чистой сауны. На прилавках — качественные овощи и фрукты круглый год по довольно божеским ценам. Все это происходит совсем рядом с нашим Кольским полуостровом.

Тонкостенный домик не имел сквозняков и был с электрическим, легко регулируемым подогревом. Настораживал с непривычки вакуумный туалет. Компактный душик благоухал дезинфекцией.

Едем дальше по дороге-траншее. Карман оттягивают гранулы руды-концентрата. В глазах по-прежнему мощные машины, дробящие рудный камень. Множество пояснений, из которых главное, пожалуй, в том, что горнорудное дело — основа развития края и выгоднее производить концентрат, чем просто добывать руду. Терриконов нигде не видать. Производит впечатление также продуманная техника безопасности. Носок ботинка или сапога рабо-

тающих должен выдерживать определенную нагрузку «во избежание несчастных случаев, связанных с падением тяжелых предметов на ноги».

На белом склоне из снежного шлейфа стал возникать ярко-красный снегоход-скутер с прицепом. Он с легкостью бежал по снежной целине километров под 100 в час.

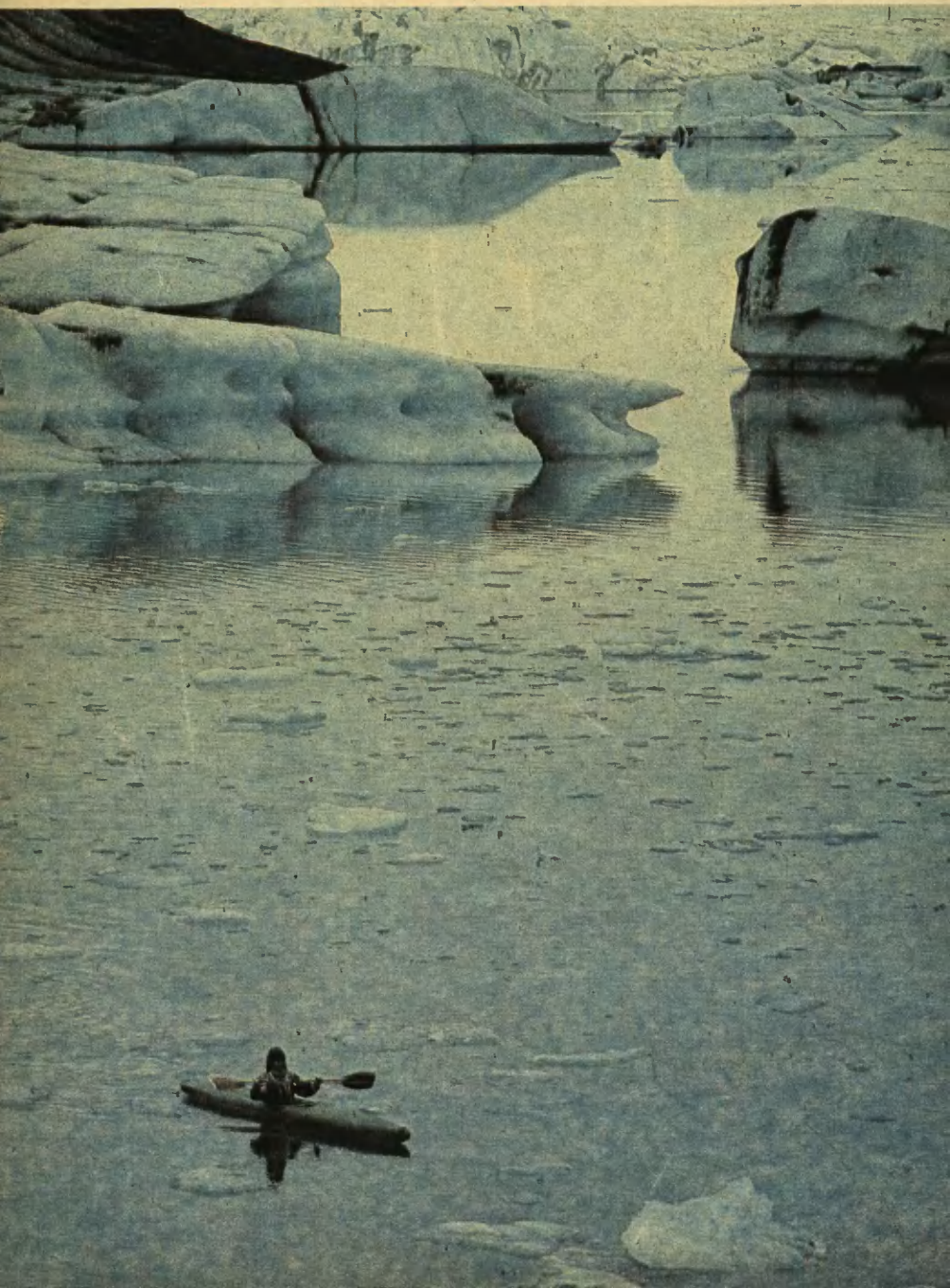
«Никуда без них сейчас не попадешь», — прокомментировал Бертиль. Появились лет 25 назад и быстро «размножились». Сегодня это 50—60-сильный аппарат, развивающий скорость до 150 км/час. На нем проникают сейчас во все уголки земного шара. На этом же везли, очевидно, подкормку для голодающих из-за глубокого снега оленей. На других случается и браконьерство, благо можно без труда догнать любого зверя. Недавно у одного такого «охотника» дома в морозильной камере обнаружили две россомахи и рысь. За такое грозит тюремное заключение сроком до 2 лет.

Другим удручающим явлением стала статистика несчастных случаев, связанных с ездой на снегоходах. Посудите сами: за последние 15 лет в результате неосторожного обращения с техникой погибло 13 человек из населения Кируны. В данный момент в Кируне было зарегистрировано около 5000 снегоходов. Нужно также отметить, что в 9 случаях водители находились в состоянии опьянения. Сравнения ради скажем, что снегоход стоит на шведском рынке примерно столько же, сколько «Жигули».

Обо всем этом нам охотно рассказывали в основательном здании правления кирунской коммуны. Пол из южноамериканского красного дерева, на стенах теплые гобелены, функциональные кабинеты с катающимися рабочими креслами и множеством аппаратуры. Система кондиционирования воздуха. Жалобы лишь на синтетический ковер — покрытие пола, которое собирает статическое электричество. Некоторым казусом кажется то, что несколько тысяч кирунцев умудряются официально занимать территорию около 100 км², что относит небольшой город к самым крупным городам мира. Об этом говорилось с шутливой гордостью.

Новое шоссе бежит к норвежской границе. Потребовалось немало труда и технических знаний, чтобы проложить в вечной мерзлоте современную автостраду. Пейзаж становится все более гористым, все меньше растительности. Наконец-то кое-где мелькают олени, трудно понять — дикие или домашние. Впрочем, разница, наверно, незначительна. Жизнь кочующих саамов протекает возле оленей. Едва образуется наст в горах после первой весенней оттепели, как общее стадо нескольких саамских семей откочевывает к побережью океана. Движимые инстинктом донести своих еще не родившихся оленят до побережья, самки идут круглые сутки. Стадо растягивается в виде длинного остроконечного треугольника. Выбирают дорогу вожаки с колокольчиками на шее. Собаки с остервенением загоняют в ледяную воду многочисленных озер и рек ленивых или выбившихся из сил животных: путь только один — вперед, отстать не должен никто.

Весна на скандинавском севере

На берегу фьорда

Все короткое северное лето олени щиплют траву на побережье, спасаясь от гнуса и нагуливая вес. После осеннего перехода в горы, где несколько слабеют арктические ветры и мхи и ягоды помогут скоротать долгую зиму, начинается раздел общего стада по семьям. Тем самым подводится итог года. Глядя на хрупкие силуэты оленей, я вспомнил один коварный вопрос, который когда-то задал местный оленевод членам нашей делегации.

«Как вы думаете, сколько весит освежеванная оленья туша?» — спросил он нас, скрывая улыбку. Один из нас храбро предположил: «300—400 килограммов».

«Русские олени, должно быть, самые большие в мире: У нас эти туши весят всего тридцать пять — сорок килограммов», — беззлобно, но с хитринкой прокомментировал швед.

Наверное, ни один туристский проспект в Швеции не выходит без изображения саамов в их живописнейших национальных нарядах: сине-голубых длинных рубашках с ярко-красным орнаментом. Алые ленты различной ширины нашиты на плечи, грудь. Алыми полосами украшены полы одежды, обшлага, шапки. На пронзительно красном фоне лент выступают белые и синие кружки, ромбики, квадратики, цветы... Впрочем, все это для торжественных и представительских случаев. В обычной жизни все прозаичнее и функциональнее: комбинезон, джинсы, крепкие сапоги-ботинки со шнуровкой...

Где-то далеко слева осталась самая высокая гора Швеции — Кебнекайсе. Впереди, справа, — национальный парк Абиско на границе с Норвегией. Как и Сарек, это один из крупнейших шведских заповедников — природных резерватов. Весной здесь будет людно. Склоны прорежут слаломные трассы, по которым помчатся лыжники в плавках. Они очень хотят загореть и в одинаковой степени не хотят упасть в жесткий зернистый снег.

Очередной мотель, очередная «Лапландия». Быстрый обед, крепкий кофе, и опять в путь. Воздух становится более влажным. Показался норвежский Нарвик с необычно большой гаванью. Город явно полностью зависит от морского судоходства и рыболовного промысла. Каждые полчаса, а может быть и чаще, здесь громыкает состав со шведской рудой, которой предстоит еще далекий путь в Америку или Центральную Европу. Теплый Гольфстрим неумолимо борется с подступающими льдами. Шведский язык эволюционировал в норвежский: резко идущие ввысь интонации, диковинные северонорвежские слова, что, впрочем, не мешает взаимопониманию. Ландшафт и свинцовая вода кажутся более суровыми и, если исходить из традиций северного романтизма, более скандинавскими.

Полярная Скандинавия — суровый край, не располагающий к особой сентиментальности. Но люди, похоже, прочно обосновались в этих горах и долинах. Их прочные жилища вписались в склоны гор, накрепко слились с землей и недвижны под порывами «зарядов» с Арктики.

ПОД ПОЛЯРНОЙ ЗВЕЗДОЙ

ЗАКОН ТУНДРЫ

Далеко за полярным кругом раскинулась обширная Обская тундра, врезааясь длинным Ямальским полуостровом в Карское море.

Ходят по суровому морю ледяные торосистые горы, с глухим грохотом, напоминающим отдаленную пушечную стрельбу, сталкиваются друг с другом, рассыпаются мелкими ледяными искрами.

Иногда забредет в Карское море откуда-то с северной, океанской стороны бродяга айсберг, раздвинет молодые торосы и крепко усядется на отмель у берега. Только летнее солнце, источив его со всех сторон, да особо большой прилив воды в море снова сдвинут его с места. И опять пойдет ледяной гигант шататься по морю, как исполинский тюлень, обламываясь кусками и кувыряясь порой на хмурой седой волне.

Тихо в тундре.

Только дикий олень пробежит иногда по зыбкому болоту, поднимет красивую голову с ветвистыми рогами, втянет воздух в нежные, тонкие ноздри, прислушается к морским тяжелым вздохам и скроется в долине реки.

Чайки, застывшие на широкой отмели, вдруг всполошатся, взмоют в воздух с надрывным тоскливым криком и повиснут белыми платками над голубым морем.

Заботливый песец, крадучись, пробежит с мышью в зубах в свое обширное гнездо в сухом песчаном бугре. Там подруга сторожит очаровательных пушистых детенышей от хищной совы, которая, неслышно взмахивая крыльями, крадется за ними по долинам и низинам в страшном бредущем полете.

Ходят по тундре ненцы с чумами, с большими стадами оленей, раскидывают свои легкие подвижные станы в десятках кило-

метров друг от друга, чтобы не сбегались стада, не спутались олени. Пасутся олени на низких ползучих кустарниках и сочной летней траве, растят молодняк, набирают силу к лютой полярной зиме.

Зорко следят в кочевом хозяйстве за оленями — не прицепилась бы к ним худая болезнь, не напал бы дикий зверь, не разбежалось бы в испуге стадо по тундре от несметных полчищ комаров. А когда ударят первые августовские утренники с крепкими инеями, когда собьют они кровососов, когда первые синие ночи слегка коснутся тундры, тогда начнут отдыхать отощавшие олени, станут нагуливать вес и восполнять кровь, выпитую за лето комарами.

Тогда следят ненцы, на хороших ли ягельниках пасутся олени, не далеко ли они отходят ночами в поисках корма от чума, быстро ли они входят «в тело», успеют ли заправиться к ранним сентябрьским заморозкам, успеют ли сами запасти на зиму рыбы из широких озер, что стоят в тундре в плоских берегах, как в блюде.

И каждый чум торопится завершить летний круг работы. Длинный день заполняет он неводьбой, надзором за стадом, починкой сбри, нарт и лодок, на которых пересекает при кочевках глубокие реки со всем своим скарбом вслед за переплывающими через них оленями.

Женщины торопятся всем жителям чума нашить к новой зиме новые меховые одежды и обувь — малицы, гуси, ягушки, чижи, кисы и прочий обиход*. Всякий знает, что новую зиму в старой малице зимовать «не терпит» никто.

...В то время еще не пустили колхозы крепких корней в суровой тундре, много было чумов-одинок. Богатые оленеводы нанимали батраков для своего стада или соединялись с маленькими стадами бедняков и жили совместно. Батрачил бедняк многие годы, думая поправиться, нажить своих оленей и тогда кочевать самостоятельно. Но не скоро ему это удавалось. Богач отпустит его лишь тогда, когда подрастут сыновья или найдет он других хороших батраков и испытает их несколько лет на своей работе.

Богат старик Геседа Окатетта. Далеко шумит его стадо — оно давно перевалило за тысячу оленей. Кочует он быстро. Зимой уходит далеко в леса, где делает новые нарты, поправляет чум и весь деревянный инвентарь. Летом он стоит на своей старой вотчине у самого Карского моря, куда приходит каждый год. И хотя хватает у него оленей, чтобы выменять на зиму рыбы и шкур морского зверя для постромок и сбри, но по старой привычке заставляет батраков и сыновей самих промыслять рыбу, песка, зверя.

Недавно вернулись с морского промысла его сыновья. Около месяца пропадали они в море. Было два крутых ветра за этот месяц. Дули они «с могильной стороны» — с северо-востока, и старик начал уже тревожиться, не прихватила бы волна, да не бросила бы лодку

* Малица — мужская одежда мехом внутрь, к телу.

Ягушка — женская шуба.

Гусь — верхняя меховая одежда.

Чижи — мягкие чулки из шкурки молодого оленя, мехом внутрь.

Кисы — нарядные меховые сапоги.

на острые гребни торосистого льда, не попала бы она в тиски между двух ледяных полей, да не зазевались бы промышленники и успели выдернуть лодку на пляшущий и ломающийся лед. Геседда уже дал обещание убить в жертву богам несколько оленей, как вдруг неожиданно на чужих оленях приехали сыновья. Промысел был удачен — на пять человек и на лодку пришлось по два морских зайца, да молодого моржа резали на те же шесть паев. Можно бы много убить тюленей — они, глупые, сами лезут к лодке посмотреть, кто пришел, но лодка и так была перегружена.

Осень теперь обеспечена вкусным жиром и новой сбруей, а часть постромок из шкур морского зайца можно было и продать. Новая зима начинала складываться для Геседы хорошо.

Ночи стали опускаться холодные и черные. Низкие осенние облака ползли с морской стороны и несли с собой туманы и сумрак. Все чаще и чаще моросил мелкий дождь, все реже сияло солнце, трудно было вялить рыбу, добытую в озерах, сушить одежду и обувь. Приходилось женщинам сушить их в чуме над костром, а затем тщательно и долго разминать кисы в руках после сушки. Много мужчин живет в чуме Геседы, много и кисов висит над костром. Только женские кисы и чижи заткнуты за чумовые шесты у самого входа — им нельзя висеть над священным домашним огнем вместе с мужской обувью. Их сушат позже.

Костер в чуме давно погас. Старший сын хозяина, Енгале, раскинув крепкие руки, громко храпит в передней, мужской части чума и беспокоит лежащих с ним собак. Собаки поднимают белые острые морды, прислушиваются и, успокоившись, снова дремлют вполглаза. Женщины с детьми расположились у входа в чум — в задней, женской части. Они спят тихо, не мешая мужчинам.

Не спит один батрак Лонк. Не греет его новая малица, которую недавно женщины сделали ему к новой зиме, оленья шкура («постель») под ним кажется жесткой, ягушка, которой он укрыт, сползает с плеч, а в голову лезет все одна и та же дума.

«Уже рога выросли у молодых неблюев. Ночь начала покрывать тундру. Годовой срок его работы у Геседы кончается. Еще одна луна родится, и хозяин пойдет далеко на юг, где высокие леса покрывают землю и берегут оленей от страшных метелей и гололедицы.

Там рыхлый снег легко поддается копытам оленей, там тучный ягель, и олени хорошо переносят суровую зиму.

Там много ненцев съезжается вместе, чумы стоят близко друг к другу. За один короткий зимний день объедешь пять-шесть чумов. Там есть большие русские лавки, которые продают ненцам много товаров и покупают от них пушнину и шкуры оленей. Туда нынче придет с чумом и оленями с высокого Уральского Камня старик Тегу Лаптандер...»

Знает Лонк, зачем спустится богатый старик в чужую для него Ямальскую тундру.

Два года назад Лонк поехал искать ушедших от стада оленей по тундре и попал в чум старого Нима Ганугрютти. Оленей у него мало, но зато выросла у него дочка Мерику. Смотрел Лонк, как проворно варила она пищу в котле, как грела чайники, как раздувала в костре пучки корявой ползучей березки и они весело трещали в огне.

«Недавно еще маленькой была, — думал он, — тогда все играла с братишками в оленей, училась стрелять из лука маленькой стрелкой, а теперь чашки играют у нее в руках. Не пожалел бы за такую жену и 100 оленей да песцов, если бы они были...»

Год назад Лонк опять приезжал к отцу просить ее в жены, но старик только посмеялся и сказал:

— Какой калым дашь — у тебя ведь очень мало оленей и песцов совсем нет.

Мерику, должно быть, поняла, зачем приехал Лонк. За чаем подкладывала ему лакомые горячие языки, мозги, хрящи. Два раза поймал он ее робкий взгляд.

«Что-то сказать хочет», — подумал он.

Когда он вышел из чума запрягать своих оленей, которых поймал ее брат, она тоже вышла развязать соседнюю нарту, а ничего не взяла. Тогда он спросил, пойдет ли она за него замуж. Она ответила, что пошла бы, да отец продал ее за десять ненецких десятков* оленей богачу Тегушке Лаптандеру, который ушел на Камень (Урал) и придет за ней, когда снег упадет на землю.

Лонк помнит, как вдруг оторвалась застежка на ремне, и олень шарахнулся от неловкого движения. Он взглянул на Мерику, она стояла, смотрела вниз, и слеза дрожала на глазу, готовая упасть на мох.

Лонк помнит, как вдруг огонь прокатился по всем жилам, будто он сразу много выпил «огненной воды»**, как вскинулась вся молодая сила в нем и ударила в голову. Он хотел спросить Мерику — уйдет ли она с ним далеко, к священному Белому острову без согласия отца, но ее позвал осторожный старик, и она скрылась в чуме.

Потом он помнит, как красное зарево длинного заката полыхало в небе, как сильно он гнал оленей, как нарта с разбега влетела в болото и брызги густо осыпали ему лицо...

Он много думал, где достать оленей и песцов, чтобы перебить калым Лаптандера. Но так не придумал и не достал до сих пор. Да и где их взять? За пять лет жизни у Геседы он скопил лишь тридцать оленей.

Лонк встал, накинул малицу и вышел из чума. Две его собаки кинулись за ним, думая, что он собрался «в олени» — караулить пугливое стадо.

Короткая ночь уже ушла в западную сторону, оставив только серые утренние тени. Огромное озеро блестело светлым, вытянутым

* Ненецкий десяток — девять, русский — десять.

** «Огненная вода» — водка.

вдоль горизонта пятном и разбегалось узкими блестящими полосками по темной равнине. Где-то в стороне слышалось стадо, «хоркали» неблюи, молодые самцы стукались крепкими рогами, пробуя их для борьбы за обладание важенками, пастух покрикивал с конца стада, ободряя оленей и отпугивая волков.

Лонк сел у перевернутой лодки.

Вспомнил он то время, когда был еще маленьким, ездил на одной нарте с отцом и ловил только крестоватиков*. После того раз семь тундра растаяла, на восьмой раз пришла на оленей страшная болезнь — «сибирка». Стадо его отца почти все погибло в то лето. Тогда и отец умер. На руках у него — очень молодого еще мужика — остались мать и двое ребятишек — брат да сестренка. Пришла большая, тяжелая нужда в сиротский чум.

Когда Лонк подрос, попробовал счастья на рыбных промыслах, но заработки были плохие, и пришлось идти в батраки. Тогда умерла и мать, а маленьких сирот взял дядя на воспитание вместе со своими детьми.

Не может поправиться Лонк. Не дают ему старики самостоятельной жизни, не хотят доверить оленей на выпас, не хотят дать хоть полчума вместе с утварью в долг, чтобы кочевать самому, соединившись с другим бедняком и его полчумом.

* Крестоватик — летний молодой песец.

А самое главное — жену выкупить не может. А без жены кочевать нельзя: кто будет ставить и убирать чум при кочевках, ведь сам он не может делать этой женской работы? А кто будет шить малицы, гуси, кисы, чижи? Кто будет их сушить в ненастье, чинить, готовить чай на костре и делать всю остальную женскую работу?

Там, на юге, под Салехардом, говорят, какие-то колхозы начинаются. Бедняки уходят от богатых, сгоняют оленей в одно стадо и живут вместе. А здесь, на Севере, о них и разговора нет. И снова, как и прежде, Лонк не находил выхода.

«Надо украсть жену», — пронеслась мысль, которая все чаще в последнее время приходила ему в голову.

Но разве может он бороться с могущественным Тегу Лаптандером? Бывало, старшины всегда судили так, как хотел Тегу, и, когда умерла его первая жена, он остался не виноват, хотя всякий знал, как он запрягал ее вместе с оленями, садился на нарту с длинным погонным шестом и кричал:

— Ну, вези меня так, как возили бы сорок оленей, которых я заплатил за тебя!..

Всякий знал, как он бил ее, выбрасывал зимой на снег из чума, всякий знал, как увезли ее потом к русскому лекарю в Салехард. Больше она уже не вернулась, должно быть, умерла там. Тегушка купил другую жену, а теперь хочет взять еще и третью.

— Не бывать этому! — воскликнул Лонк. — Не отдам Мерику Лаптандеру!

Ранняя заря занялась в восточной части неба, но разгоралась медленно. Солнце не спеша катилось где-то под горизонтом и скупно добавляло свет. Молочно-белый туман разлился по тундре, повис вокруг чума, как плотный занавес.

Стадо у озера вдруг зашумело и в панике шарахнулось к чуму.

«Волк», — пронеслось в голове Лонка. Он вскочил и, громко закричав, бросился навстречу подбежавшим оленям. Вдали ему вторил голос Пиртику — младшего сына хозяина, который сегодня был «в оленях».

Из чума выскочил Геседа, за ним старший сын Енгале, они тоже принялись кричать гортанным голосом:

— О-го-го-у-у! О-го-го-у-у!

— Волк? — быстро спросил старик.

— Не знаю, не знаю, должно быть, он, — ответил Лонк.

Дежурная нарта, запряженная двумя оленями, стояла возле чума. Лонк сел на нее и поехал вокруг стада.

Навстречу попался Пиртику, который вез задранного волками оленя.

— Какой олень? — спросил Лонк.

— Твоя пестрая важенка, которая терялась зимой в метель.

— Ой беда, — горестно сказал Лонк, — и так у меня мало оленей.

Волк успел выхватить лишь язык и часть горла — самые лакомые куски. Весь олень был цел.

Они подъехали к чуму. Женщины быстро сняли шкуру, отобрали внутренности, и мужчины с ребяташками, каждый со своим острым ножом, уселись вокруг освежеванной туши и принялись за привычный сырой лакомый завтрак.

— Волк пришел из-за озера, — рассказывал Пиртику, — вон там, от высокого яра по оврагу. Сначала немного пугнул стадо. Я был в другой стороне, думал, собака испугала оленей. Поехал туда, а стадо кинулось мне навстречу. В овраге волк уже ел важенку. Я немного подождал, и он ушел.

— Ты прогнал волка? — с тревогой спросил Геседа.

— Нет. Нечем было прогнать, ружья не было. Я бы его убил.

— Нельзя его пугать. Если бы ты не попал в волка, он бы озлобился и разогнал ночью половину стада да еще новых волков привел бы с собой. Тогда беда...

— А русский Шурка говорил в Совете, что это неправда и волка не надо бояться, — возразил отцу Пиртику, — и надо убивать.

— Ты совсем дурак, — ответил отец. — Молодой еще так разговаривать. Напрасно слушаешь русского Шурку. В Совет тебе нечего ездить — доброму не научишься.

Пиртику засмеялся, он не боялся отца. Отец хоть и ругал сыновей частенько, но любил их, как все ненцы любят своих детей прочной, ровной и глубокой любовью — без баловства, без потворства, но и без наказаний, побоев и даже без грубых окриков.

Пиртику вырос крепким и ловким юношей. Он рано начал ездить на самостоятельный промысел и теперь промышлял как взрослый. Не нравились отцу лишь частые поездки сына зимой без дела в кочевой Совет, когда чум Совета подходил близко к их чуму. Там сын подружился с Шуркой и теперь на летних кочевьях часто вспоминает своего друга, ждет новой зимы.

— Зачем пришел Совет в тундру? — говорил Геседа. — Разве плохо жили мы без Совета? Оленей было больше в народе, песца добывали лучше, тогда ловили и крестоватика, шили из него теплые ягушки. А теперь запретили его добывать. Раньше с купцами торговали — кто больше даст, а теперь всякая лавка одну цену дает. Не знай — хорошо, не знай — плохо продаешь и торговаться нельзя. А уж купцы угостят, бывало, как!

— Русский Шурка говорит, что купцы раньше обманывали ненцев.

— Врет твой Шурка! — сердится отец.

Енгале тоже не разделял увлечения брата и хоть не хвалил старину, как отец, но и не видел пока пользы от недавно появившегося и редко встречавшегося с ними кочевого Совета. Он прислушивался к тому, что говорит народ о Совете и о каких-то колхозах. Кто ругал их, а кто и одобрял. В Совет выбирали своих, всем известных ненцев, только бедных; говорили, что они хозяева тундры. Выбирали и своих судей — ненцев. Чего худого? А раньше судили русские и говорили по-русски — ничего не поймешь.

Лонк одобрял веселого и смелого Пиртику. Лонку крепко западали слова русского Шурки, что Совет — это власть бедняков, она

защитит и накормит их. А разве он не бедняк?

Гесед богат. Он ругает Совет. А Лонк беден, значит, ему Совет должен быть хорош. Раньше, конечно, богатый все мог купить: и оленей, и песцов, и товар всякий, и жену. А теперь? Тегушка и теперь хочет купить его Мерику... Значит, все равно... Значит, и теперь, как раньше...

«Нет! — думает Лонк. — Не дам Мерику Тегушке! Украду. Пусть меня судят за это, как и раньше судили. А может, не будут судить? Надо спросить русского Шурку».

Лонк все больше укреплялся в своем решении.

После завтрака Геседа подошел к Лонку.

— Зачем тужишь? Парень ты молодой, сильный. Будешь хорошим хозяином, другую девку возьмешь.

— Нет, вэсоко*, другую девку мне не надо. Я ведь тебе говорил.

Чувствует он, что Мерику счастье ему принесет в чум, и не может, да и не хочет ее забыть. Хоть не сказала она, что пойдет с ним к Белому острову без согласия отца, но знает он, что не хочет она идти в чум старого, сердитого Тегушки.

— Как делать будешь? — продолжал Геседа. — Тегу заплатил уже часть калыма, теперь вэсоко Ганугрютти не отдаст тебе ее. Мало ли хороших девок в чумах?

— Нет, вэсоко. Жили мы с тобой пять зим и пять лет — пришло время расставаться. Пиртику большой стал, я уже тебе не нужен. Я пойду добывать себе жену. Будет счастье — моя будет. Пусть Тегушка другую ищет.

Глаза Лонка сверкнули решимостью.

— Худое дело ты задумал. Тегушка сильнее, спорить с ним ты не можешь.

— Хозяин, помоги мне — дай двадцать оленей мне пасти. У меня своих тридцать штук. Можно будет понемногу кочевать с чумом. Года через два-три отдам твоих оленей и еще что-нибудь прибавлю.

— Как кочевать будешь? Чума ведь нет у тебя, — сказал Геседа, уклоняясь от прямого ответа: он не хотел терять такого исправного и проворного батрака, каким был Лонк.

Старик встал и пошел в чум. Там был готов чай.

Короткая осень быстро шла к концу.

Морошка осыпалась. Гуси большими стаями с криком пролетели на юг. За ними последними потянули лебеди. Крепкие утренники сковывали небольшие озера, и тундра по утрам покрывалась серебряным инеем. Легко по насту скользили нарты, стуча о подмерзавшую землю. Жирные олени играючи несли нарту и быстро переходили на галоп.

В стаде стояла неумемная радость — ожидание близкой зимы. Молодые неблюи насккивали друг на друга, становясь на задние

* Вэсоко — «старик». Так почтительно называют ненцы уважаемого человека.

ножки; важенки-матери звали по весенней привычке детей-игрунов, но они теперь не обращали на матерей никакого внимания. Тогда мать спрячется в стаде, смешается с серой стеной оленей, а неблюй-игрун вдруг вспомнит о теплых материнских сосках и кинется вокруг стада, тревожно хоркая. Мать потихоньку ответит ему и выйдет навстречу.

Живет, клубится стадо на тучных ягельниках, то разойдется широко по долине, то сгрудится вместе, ложась на отдых. Самцы — хоры — торопятся очистить свои рога от покрывающей их шкурки. Они ищут кустики, которые поднимались бы над землей, и, качая головой, обдирают о твердые ветки омертвелую и ненужную уже шкурку. Рога выходят чистыми, белыми, с острыми концами.

Ночи делались все темнее, и первые робкие северные сияния легкими дымками начинали бороздить небо, как бы готовясь к зимним ночам с лютыми морозами и пробуя свои переливы. Теперь чумы ненцев стояли ближе друг к другу — не больше двух попрысков, и в чум Геседы часто наезжали соседи.

Гесед а встречал гостей по обычаю с неизменным радушием. Чайники не сходили с маленького столика на низких ножках, и костер в чуме уга с ал.

Как-то раз приехал сосед Хадамп и Яунгад и передал Гесед е небольшую палочку, на которой много было нарезано зарубок и косых крестов. На палочке стояла вырезка — тамга главного выборного ненца — председателя кочевого Совета Макара Худи. Таку ю же палочку Хадамп и дал Лонку.

Гесед а встревожился. Он поворачивал палочку в разные стороны и не понимал, зачем послан этот «документ».

Хадамп и объяснил, что зимой будет большой сбор ненецкого народа, там надо будет выбирать новый Совет, туда надо ехать всей семьей. Только детей можно оставить с кем-нибудь в чуме, а можно и их взять с собой. Здесь нарезано столько зарубок, сколько дней нужно пропустить до сбора.

Гесед а крепко привязал палочку к поясу. То же сделал Лонк. И с той поры каждый вечер они срезали острыми ножами по одной зарубке.

Однажды вечером Гесед а лежал в чуме, окончив дневные работы. «В оленях» были Лонк и младший сын, Пиртику. Осенью волки особенно смелы, а олени жирны. Приходилось караулить по двое.

Жена Геседы, повесив чайник над костром, сказала:

— Вэсоко, не пора ли женить Пиртику: очень тяжело нам со снохой управляться в чуме.

— Что ты, жена! Пиртику еще молодой, много ли больше двенадцати или тринадцати зим прошло от его рождения?

— Чум у нас большой, — продолжала женщина, — народу своего много, а еще больше бывает чужого. Некогда нам малицы и гуси шить.

— Правда твоя, я и сам смотрю — тяжело вам стало работать.

— Если не хочешь женить Пиртику, то сам женись второй раз.

— Что ты, что ты! Мне жениться не надо.

— Тогда давай все-таки для Пиртику выбирать невесту. Вон Мыйти Ямал женил сына еще моложе нашего, а Такоче Хороля сына на руки его же будущей жене отдал.

— Выбирать долго не придется. Невесты есть на виду, — сказал Гесед.

— У кого же ты видел невест? — спросила жена с любопытством.

— Мало ли у кого можно взять, — уклончиво сказал старик, принимаясь есть настроганную женой мерзлую рыбу, которая красивыми белыми кольцами грудилась на столе.

Собаки провожали жадными глазами эти кольца и звучно облизывали морды. Они терпеливо ждали своей очереди, сидя вокруг людей.

На другой день Гесед поднялся рано. Еще солнце не перекапталось из-под земли в тучи и туман густился в долине реки, как он сбросил с себя ночную ягушку и надел малицу.

Женщины сейчас же принялись раздувать в золе искры вчерашних углей и повесили ведро, в котором до дна замерзла вода.

Лонк увидел дым, выходящий из чума, и подъехал к Пиртику, чтобы гнать оленей к чуму. Пиртику сморило за ночь, и он крепко спал на нарте. Лонк разбудил его.

— Надо оленей гнать, вэсоко каслать* хочет, — сказал он.

— Вчера каслали, зачем сегодня каслать? — ответил Пиртику.

Лонк видел, что старик почему-то сильно заторопился. Еще озера как следует не затянулись льдом, а он уже подвинулся на юг. Сегодня опять каслать хочет. Так идут только зимой по хорошему снегу. Пастухи поехали в разные стороны вокруг стада — посмотреть, не отбились ли олени. Объехав оленьи тропы и убедившись, что ни одну из них они не пересекли своим следом, пастухи погнали оленей к чуму.

Сборы были недолги. Женщины привычно разобрали чум. Больше времени пришлось потратить на то, чтобы отделить быков от прочего стада и загнать их при помощи собак в веревочный круг. Отсюда оленей быстро развели к увязанным уже нартам. Скоро весь обоз был запряжен и, вытянувшись в одну линию, двинулся под предводительством Геседы в южном направлении. За обозом погнали остальное стадо.

Кочевали сегодня долго.

Давно уже уставшие люди посматривали на переднюю нарту, давно надо было греть чайники, а старик все ехал вперед. Промелькнул хороший ягель — было бы где попасть оленей, но он не остановился. Много озер миновали, несколько речек пересекли. Свободные олени уже начали отставать, а старик продолжал двигаться вперед. Только один Лонк радовался такому быстрому ходу: если так пойдут дальше, то он намного раньше приедет к чуму Ганугрютти, чем Тегу Лаптандер. Но эта поспешность, однако,

* Каслать — кочевать с чумом.

не была понятна Лонку, а спросить он боялся, чтобы упрямый старик не переменял своего решения.

Наконец уже к вечеру Гесед а выехал на высокий берег Мелоуояга и остановился. Сойдя с нарты, он воткнул в землю свой хорей. Это означало, что здесь надо поставить чум. Сам же снова куда-то уехал, должно быть, посмотреть ягель вокруг стоянки.

На другой день Гесед а поднялся опять рано. Он послал Пиртику к Енгале, который был «в оленях», и велел ему пригнать стадо к чуму.

«Неужели третий раз подряд каслатъ будем?» — подумал проснувшийся Лонк и спросил:

— Чего делать будем?

— Близко стоит большой шаман Сэйко Яптик, надо к нему съездить.

Все это было очень странно. Гесед а сюда так сильно спешил, оказывается, чтобы увидеться с шаманом. «О чем-то говорить хочет. А может, жертву задумал принести большому богу — недалеко здесь его жертвенник», — подумал Лонк.

— Кого возьмешь с собой? — спросил он.

— Никого не надо, зачем лишних оленей гонять. Поймай-ка белого оленя, — прибавил он.

Гесед а не запрыг белого оленя. Конечно, он ловил его для жертвы или в подарок строгому шаману — видно, большое дело задумал старик.

Спустилась темная ночь.

Ветер разгульно гнал волны большого озера. По небу ползли низкие клубы облаков, иногда побрызгивая мелким дождем вперемишку с крупой. Нарты около чума едва можно было различить в непроглядной мгле.

В стадо на ночь надо было идти Лонку, но Енгале решил опять караулить с ним вместе: в такую ночь один пастух не справится. Лонк был этому рад. Утром он сказал Енгале:

— Хочу уйти от вас.

— Зачем? Разве у людей лучше, чем у нас?

— Нет, у людей не лучше, я думаю — пришло время взять жену.

— Чего же плохого? Разве с женой нельзя у нас жить?

— Нет, нельзя. Мне придется жену украсть.

— Что ты, что ты? — удивился Енгале. — Где украдешь?

— Сразу у двоих стариков хочу украсть — у вэсоко Ганугрютти и у Тегушки Лаптандера.

— А, знаю. Отец сказал, что надо найти чум Ганугрютти, потому и торопится выйти на его дорогу.

— Он хочет предупредить старика? — спросил Лонк.

— Нет, не похоже на это. Он ведь когда-то судился с ним из-за оленей.

— Енгале, помоги мне. На своих оленях я разве могу уйти от оленей Ганугрютти? У Тегушки тоже олени крупные и жирные.

— Что ж, я тебе рад помочь. Ты знаешь моих пять хаптарок*, на которых я диких оленей загоняю, запряги их.

— Ладно. А что скажет отец?

— Надо, чтобы он ничего не знал.

— А зачем твой отец судился с вэсоко Ганугрютти?

— Давно, когда я еще небольшим был, мы каслали около старика Ганугрютти. В дороге случился буран. Пришлось поставить поскорее чум. Нашей тропой шел Ганугрютти. Увидел он, что мы чум ставим, и он остановился, отошел немного в сторону и свой чум поставил. Ночью в его стадо зашли волки и угнали часть оленей в тундру, а часть зарезали. К нам в стадо забежали три быка. Утром отец увидел чужих оленей и поймал их. Смотрит уши, а на них вырезана тамга вэсоко Ганугрютти. Отец запряг нарту и отвел оленей к старику. У того в это время был шаман Мандырка, которого старик нарочно позвал камлать** и узнать, где его оленя. Мандырка начал бить в бубен, долго шаманил, пел и плясал. Потом сказал, что у моего отца в стаде еще несколько оленей Ганугрютти есть. А когда отец сказал, что чужих оленей у него в стаде больше нет, что Мандырка наврал напрасно, то вэсоко Ганугрютти поехал к старшине и пожаловался на отца. Совета в то время не было. Старшина позвал к себе народ, позвал отца и еще позвал самого старого шамана Нейву Тибичи и велел спросить духов — виноват ли отец. Шаман сказал, что отец убил для пищи пять оленей Ганугрютти, а привел трех быков лишь для отвода глаз. Тогда старшина велел отцу отдать своих пять оленей и заплатить штраф десять оленей. С тех пор отец и обижается на вэсоко Ганугрютти.

Этот рассказ обрадовал Лонка. Теперь все дело представлялось ему значительно упростившимся. Хаптырки Енгале несутся быстрее ветра, нет оленей, равных им, в ненецких стадах. Так казалось Лонку. На этих оленях он может уехать от самого черта. А жить? Почему, в самом деле, не жить еще год-два в чуме Геседы вместе с Мерику, пока не наживем достаточно оленей для самостоятельной кочевки? Ему казалось, что серый ненастный день наполнился ярким солнцем.

Чум шамана стоял на высоком месте. Еще издали увидел Геседу широкий конус чума и около него второй, поменьше — старшего сына шамана Хедеку. Хедеку Яптик перенял от отца часть его шаманского «искусства», но далеко не все. Широкая слава окружала чум Сейко Яптика и летела из одной тундры в другую. О нем говорили не только на Ямале, но и в Тазу, и в Большеземельской тундре. Сказывали, что он повелевает различными духами, как оленями, говорили, что может он на себя всякий вред накладывать и большим ненецким ножом может себя поранить, и шомполом живот про-

* Хаптарка — яловая важенька — особенно быстрый и легкий олень.

** Камлание — обряд обращения к богам (ворожба).

ткнуть, и боли не чувствует, и крови не пускает. Много былей и небылиц летало вокруг чума Сейко Яптика. Его могущество считалось безграничным: что скажет великий шаман, то исходит от самих богов, и нельзя не сделать так, как он сказал. Ослушника ожидает страшный гнев богов, неудача в промысле, нищета и болезни.

Много нарт стояло вокруг чума. Видно, немало добра было спрятано на этих тяжело нагруженных нартах. Против передней части чума стояла не одна, а две священные нарты, каждая о семи копыльях. На них были привязаны поперх шкур, покрывавших идолов, маленькие священные нарточки, украшенные сукнами и колокольчиками. На самом высоком шесте, торчащем над чумом, — деревянная священная птица.

Сейко Яптик не имел обыкновения выходить из чума для встречи приезжего гостя. Геседу встретил Хедеку и, когда Геседа привязал оленей, позвал его в чум старого шамана.

Сейко сидел в передней части чума и играл табакеркой из мамонтовой кости, из которой только что заложил за оттопыренную губу табак. Это был высокий, худой старик, лицо землисто-желтого цвета было измождено и изрезано глубокими морщинами. Длинные всклокоченные волосы рассыпались на две стороны. Когда-то, очень давно, они были заплетены в две косы, но теперь эти косы свалились в толстые полоски кошмы. Сейко сидел, накинув на плечи богатую ягушку. Геседа поприветствовал шамана и сел рядом с ним.

— Как в эту луну ты оказался на нашей земле? — спросил Сейко глухим голосом.

— Я поторопился нынче по делам, — неопределенно ответил Геседа.

— Дела нынче плохо делать — порядка нету, стариков перестали слушать.

— Да, это так. А все-таки зовут и нас, стариков, на совет к красным начальникам. Я получил от них палочку-знак, — сказал Геседа, указывая на палочку, привешенную к поясу.

— Тебя еще зовут, а меня не стали звать. Не хотят слушать слова богов. Худо будет. Народ начнет помирать. Скоро и тебя звать перестанут...

Старики начали изливать друг другу жалобы на новые порядки,

о которых слышно с полуденной стороны.

Две женщины — жены шамана грели чайники, варили еду в котле, не разгибая спины. Старшая жена от постоянной работы согнувшись или от иных причин осталась согнутой под прямым углом на всю жизнь.

Вторая жена не долго прожила в чуме. Она не пережила рождения второго ребенка. Третья жена, совсем еще девочка, несла главную тяжесть работы в чуме. Когда Сейко решил жениться на ней, он сказал:

— Мне не было счастья со взрослыми женами, попробую взять маленькую...

И взял ребенка. Едва она подросла, как сделалась женой шамана и теперь уже несколько лет ведет его большое хозяйство. Много льет она слез втихомолку от тяжелой работы, от строгости хозяина. Не любит слугитель богов женской слезы. Старая жена — плохая помощница со своей тяжелой постоянной болезнью, к тому же она требовательна, как и сам хозяин.

Сейчас не успели старики окончить общего первого разговора, как перед ними женщины уже поставили столик, набросали куски мерзлого мяса, из ящика столика достали плоские широкие чашечки и налили в них крепкого черного чая. Молодая жена молча села прислуживать.

После чая можно было приступить к разговору о цели приезда гостя, и Сейко спросил:

— Дело ли какое привело тебя в мой чум?

— Да, взоко, без дела и птица не летит по воздуху.

— Какое же дело я, малосильный, могу тебе облегчить?

— Ты можешь повелеть невидимым силам послужить тебе, ты можешь остановить ветер, ты можешь дать промысел или отнять его, ты можешь управлять человеческой душой.

— Было время, когда я был великим и сильным, а теперь я старик, могу ли сделать, чего не знаю? — хитро ответил шаман.

— Старый песец учит молодых, а молодые могут знать не больше того, что знает старый, — ответил Геседа.

— Я могу только помочь, если боги помогут мне, если боги довольны тем, кто просит у них помощи.

— Я для богов найду в своем стаде приклады получше белого быка, который стоит около твоего чума.

— Видно, что ты уважительно обращаешься к богам за помощью. Говори, в чем твое дело.

— Было время, когда худой человек силой взял у меня много жирных оленей. Он взял у меня за то, что я помог ему разыскать потерянных им оленей и сам привел их к нему в чум. С той поры прошло больше десяти зим, мои олени у него плодятся и обращаются в стадо. Я не сужу лихого человека и не хочу взять у него своих оленей. У него есть дочь, которую он хочет продать в чужую землю Лаптандеров. Эта дочь принадлежит мне за моих оленей. Я должен ее взять в свою семью. Помогли мне, великий шаман.

— О ком ты говоришь? — спросил Сейко.

— Я говорю о Ниме Ганугрютти.
— Да ведь это бедняк. Ему не пошли впрок твои олени.
— Разве у худого человека олени ведутся? Он, однако, десять лет ел моих оленей.

Шаман задумался. Он видел, что помочь богатому Геседу весьма выгодно: он понимал, что бедняк Ним Ганугрютти — не страшный противник и перед гневом богов не устоит. Но он не видел способа уговорить бедняка Нима отказаться от калыма за дочь и отдать ее старику Геседу. Он хмуро обдумывал положение.

— Трудное это дело, — сказал он, — я не вижу в нем хорошего конца.

— У меня есть батрак Лонк, — продолжал Геседа. — Он хочет украсть дочь Нима для себя. Я ему в этом помогу, но дальше ты сделай так, чтобы она стала моей.

— Об этом деле я могу подумать, — ответил шаман.

— Вот и хорошо, подумай хорошенько, а я подумаю о хорошем прикладе для богов.

Геседа ехал домой в самом хорошем расположении духа. Дело складывалось как нельзя лучше. Мерику очень работающая, сильная девушка. Она сама даже оленей на тынзян* ловит, сама запрягает и хорошо правит оленями. А разве плохо будет, если молодая жена в темную, буранную ночь согреет старого Геседу...

— Жениться хочет взсоко Геседа? — спросила после его отъезда младшая жена Сейко.

— А ты не слушай, что старшие мужчины говорят, — грубо ответил Сейко. — Кто вас породил, кто выкормил, тот и знает, как лучше надо сделать.

Спросившая отвернулась к костру. Клетка тонких лучинок прогорела и рассыпалась. Стало темнее... Женщина задумалась. Свою жизнь яркой и радостной она помнит только ребенком. В чуме, куда ее рано взяли из родного чума, она сначала жила хорошо, а когда посватался к ней молодой Никунда, Сейко разгневался:

— Не с ума ли ты сошел? Для тебя ли я припас жену, взяв ее ребенком?

И в ту же жуткую осеннюю ночь она сделалась его женой. С той поры нет радости, есть только страх и побои злого старика. «Нет жизни мне в этом чуме, — думает она, — но уйти некуда. Родной чум давно разделился, да если бы еще и оставался прежним, все равно не примет обратно. Ведь калым уж не вернешь — он давно съеден...»

Старик Сейко вышел из чума — значит, надо поправить шкуры, наладить изголовье и готовить олени постели для сна.

Старик Геседа заторопился еще больше. Едва начала образовываться корка на больших озерах, которую легко было продавить и чайником, как старик пошел в далекий путь с летних кочевий

* Тынзян — аркан, сплетенный из оленьей кожи.

за широкую Обскую губу. День стоял, два касал. Теперь по утрам ложился снежок, и нарты легко скользили по тундре.

В путь пускались еще до восхода солнца. К середине дня снежок таял, и надо было останавливаться. За утро успевали пройти три-четыре попрыска*. Обоз был легкий, продукты съедены. Все питание состояло теперь из оленьего мяса, рыбы и зверового жира. Ни хлеба, ни кренделей, ни сахара давно уже не осталось, хотя в этом и не было большой нужды. По дороге во время остановок ездили смотреть песцовые следы — много ли их, хорош ли будет промысел зимой. Песцов в этот год было мало в тундре. Песцовая мышь-лемминг куда-то ушла, за ней ушли и песцы. Еще летом заметил Лонк, что большинство песцовых нор пусты. Поедет, бывало, на рыбную ловлю, увидит на горке нору и непременно остановится, чтобы осмотреть ее. Постучит кулаком по земле, послушает — не залают ли в отнорке маленькие крестоватики. И вот нынче, сколько ни слушал, все больше попадались пустые норы. Ушли песцы на север, к морю. Придут ли обратно к зиме — никто не знает. Наверное, зимой промысел будет плох.

Подошли к большим озерам Ней-то. Здесь были оставлены нарты с зимним чумом, зимней одеждой и обувью. Здесь же заложено весной немного привозного продовольствия — крендели, сахар, чай, мука для этой осенней дороги.

Бывало, у озер Ней-то Гесед а стоял дня три-четыре; ловили рыбу, которая здесь водится в изобилии, давали отдых оленям, сушили одежду и только после этого двигались дальше. В этом же году Гесед а ограничился одной дневкой, во время которой был сложен летний чум, летние одежды на две нарты, укрыты от дождя и снега, завязаны и поставлены на возвышенность, чтобы издали было видно, и на другой же день двинулся дальше.

Во время дневки выпал большой рыхлый снег.

Олени бегали и резвились, радостно приветствуя зиму. Собаки валялись в снегу, зарывались в него носами, вскакивали, отряхивались и снова ныряли, радостно взвизгивая. Тундра оделась в праздничный чистый наряд. Только широкая гладь озер Ней-то глядела черными пятнами на белом бескрайнем поле. Мелкие озера давно уже затянулись молодым льдом, который свободно пропускал оленей и нарты. Было начало октября. Скоро все ненцы уйдут на зиму к югу, начнут общее быстрое движение в далекую лесотундру. Не пойдут со всеми лишь немногие чумы «медвежатников», намеревающихся посвятить зиму промыслу белого медведя и песцов на самом северном конце Ямала.

Гесед а далеко оставил за собой озера Ней-то, спустился к Обской губе, где лучше ягельники, миновал длинное озеро Ямбуто, пересек реку Се-ягу и миновал группу озер Тангаптюн-то.

Теперь он приближался к самой большой реке Ямала — Юрибею, которая имеет как бы две головы — два огромных озера Ярро-

* Попрыск — пробежка оленей в запряжке около 1 часа по времени. Летний попрыск — 7—8, зимний — 12—15 километров.

то. Из этих озер вырываются два больших потока на север и, изгибаясь по тундре, как ленты, сливаются вместе в большую, могучую реку, которая, подойдя к высокому водоразделу обских и карских вод, круто поворачивает на запад, затем на юго-запад и наконец впадает в глухую, мелководную, но богатую рыбой Байдарацкую губу. Горе ненцу, не знающему, где пересечь Юрибей. В него впадает паутина притоков, глубоко изрезавших песчаную, «высокую» тундру. Надо знать, по какому притоку спуститься в глубокую, с крутыми боками долину Юрибея, по какому выйти из нее. Иначе груженные нарты пойдут кувырком, и от них останутся одни обломки, а олени переломают ноги, а иногда и хребты.

Гесед а пришел сюда первым, он первый проложил след по нынешнему новому снегу. Через неделю потянутся по тундре дороги, и можно будет идти по ним, сберегая силы оленей. Гесед а не хотел ждать и шел в самой голове движения ненецких кочевий. Лонк работал не покладая рук, ценя торопливость хозяина, как необходимую помощь себе. Теперь уже очевидно, что чум Геседы придет скорее, чем чум Тегушки, за невестой. Уральский богач хотя и ближе Геседы до чума невесты, но он не будет торопиться — все равно ведь куплена девушка и никуда от него не уйдет.

Ветер дул уже два дня. Чум трепетал под его ударами. К чуму для устойчивости было приставлено несколько нарт, но и это не давало уверенности в благополучном исходе бури.

День теперь был короткий. Не успеешь как следует объехать оленью тропу, не успеешь осмотреть поставленные капканы, а уже начинает смеркаться. А в буран и того скорее. Как закипит тундра клубами снежного пара, сольется земля с небом в одно сплошное месиво, как закидает буря буграми снега — того и гляди сорвет легкий чум с места, изорвет в клочья и унесет в тундру. Такое тоже бывало. В такие сердитые дни сидит все живое в чумах и не видит, продолжается день, или спускаются сумерки, или пришла уже ночь.

Время от времени женщины выбегают из чума, чтобы захватить приготовленное топливо и снова торопливо нырнуть в чум. В такой день нельзя развязать нарту и взять из нее какую-либо нужную вещь — в нарту сразу набьется много снега. В такой день нельзя работать.

Только одни пастухи остаются вне чума. Волки днем в буран смелы, как ночью, и почти ни одна метель не проходит без жертв в стаде. Надо стараться только, чтобы урон был как можно меньше.

Олени в такие дни жмутся к чуму, подолгу лежат неподвижно, тесным клубком и слушают, как ветер свистит в голых ветвистых рогах, словно в лесных прутьях.

Лонк еще засветло поймал быстрых хаптарок и запряг их в легкую нарту. Старик Гесед а объяснил ему направление.

— Так пойдешь, — говорил он, показывая рукой на запад, — реку Хадыте-ягу перевалишь, тогда вправо будет след. По нему не ходи — это в русскую лавку. Сейчас буран, и следа, может быть, и

нету, но ты увидишь там святую лиственницу. Тут твоя дорога. От лиственницы возьмешь влево и поедешь к Оби-реке. Старик Ганугрютти два раза скаслал. Идет на Салехард. Туда приедет и Тегу взять жену. Ним стоит сейчас на Харутте-яга, против Салемала, близко к берегу Оби-реки. Так люди говорят.

Лонк допил чай, опоясал малицу и поднял шкуру, закрывающую вход в чум. Ветер рванул ее и бросил горсть острого снега в лицо. Лонк подошел к нарте, стряхнул снег с гуся и надел его поверх малицы. Хаптарки встрепнулись. Лонк отвязал передового оленя, взял хорей под левую руку и ловким коротким движением быстро вытащил постромки из-под ног оленей, удерживая передового. Однако передовой сразу рванулся вперед, хаптарки подхватили, и Лонк едва успел боком упасть на нарту. Олени галопом понеслись по ветру. Лонг выправил курс, заметил направление ветра и больше не мешал оленям горячить друг друга и стремглав нестись вперед, в мутную мглу метели.

Заплакала тундра разными голосами. Воеет, свистит ветер вокруг нарты, силится стряхнуть дерзкую песчинку куда-то в бездну, остановить ее стремительный бег, засыпать буграми снега и снова нестись в безбрежном просторе. А нарта все летит вперед, то врежется в сугроб, вздымая облако снега, то скользит по ровной глади тундры, то ныряет в замерзших ручьях.

В метель нет никаких следов, нет никаких примет и ориентиров, пока не начнется редкий лес или кустарник. Только по направлению главного ветра, по снежным застругам можно держать курс. Однако ненцы — отменные следопыты и в тундре почти никогда не сбиваются и не блуждают.

Лонк все погоняет оленей, тычет костяным наконечником в жирные крупы, шипит и кричит, смешивает свой голос с воем ветра, торопит передового оленя единственной вожжей.

Жутко Лонку среди снежных чудовищ. Слышал он песни, в которых пелось о свадьбах и играх духов в буранные ночи, слышал он, что выходят в такие ночи души покойников из могил. От этих игр и плясок вздымаются снега. Вон летит какой-то клубок с хвостом мимо нарты и вдруг исчезает, а на смену ему новый. Там что-то черное несется навстречу, пока из мутной мглы вокруг не вырисовывается корявое низкое дерево. Жутко одному в безжизненной тундре. Не любят ненцы ездить в одиночку. Хоть с ребенком, мальчиком, но вдвоем.

Лонку же сегодня нельзя иметь спутников. Он боится — не попалась бы навстречу нарта, тогда, по обычаю ненцев, надо остановиться и разговаривать о том, кто и куда едет. Гонит, торопится Лонк, гонит свои страхи, давит их мыслями о встрече с Мерику, о будущей их жизни.

Мелькнули кусты.

«Река Хадыге», — подумал Лонк. Соскочил с нарты, взял передового оленя коротко за вожжу и полез в кусты, проваливаясь в снег, выбирая для оленей проходы. Нашел хороший берег и, загородив оленям ход хореем, осторожно свел их под кручу. Выхать всегда

легче — можно двигаться вдоль по реке и найти отлогий берег.

Опять поскакал, следя за ветром, забирая в сторону от следа на русскую лавку, который должен быть здесь под снегом. Буря не унималась, должно быть, боги решили помочь Лонку и не останавливали бурана. Метель усиливалась. Теперь не видно уже рогов оленей. На правой щеке намерзла толстая ледяная корка и покрыла половину лица. От этого лицу теплее — не поморозишься. По щеке струится вода, стекает на шею, но это ничего. Снег крупными горстями летит в лицо и утолщает корку сверху. Лицо горит, горят глаза. Пятерка легких оленей быстро бежит по рыхлому снегу, совсем почти не проваливаясь и только оставляя на снегу едва заметный след.

Временами Лонк останавливается, проехав попрыск, давая оленям передышку. Но чем дальше, тем реже он делает остановки.

Попалась свежая широкая тропа оленей со следами нарт в середине.

«Кто-то каслал», — подумал Лонк.

Он пересек следы и кинулся по направлению к речке Харутта. Лонк боялся, как бы не остановилась метель, как бы не оборвалась ночь, как бы не догадался старик, зачем он приехал.

Еще мелькнули кусты, начались мелкие озера в крутых берегах, задерживая движение. Пересек Вада-ягу. Скоро Харутта-яга. Передовой олень на бегу нюхает снег, ищет какие-то следы и все чаще поднимает голову, смотрит направо. За ним все олени поворачивают головы в ту же сторону.

«Чум, — думает Лонк, — надо спросить».

Он повернул оленей вправо. Олени охотно бросились вперед. Передовой шел по следу, изменив направление, разыскивая на ровной снеговой поверхности в вихре бури ему одному известные признаки.

Лают собаки. Попалось стадо оленей. Лонк объехал его, нашел пастуха.

— Чей чум? — спросил он.

— Яунгада Хупеда, — ответил пастух.

— Скоро он сюда пришел, — сказал Лонк, зная вотчины Яунгадов на реке Венуй-еус на северном конце Ямала.

— Промысла нету, — пояснил пастух.

— А где чум вэсоко Нима Ганугрютти?

— Там, — указал направление пастух, — вэсоко уехал в Салехард.

— А сыновья дома?

— Дома.

— Далеко ли чум?

— Летний попрыск будет — совсем недалеко. А ты что за человек? — спросил в свою очередь пастух.

— Я — Серотетта. Прощай, — прибавил он, не желая продолжать разговор и уточнять свое имя.

— Лакомбой (с чистым сердцем), — ответил пастух.

Лонк погнал оленей дальше. «Старика дома нет, сыновья, должно быть, «в оленях», скорее туда», — думал Лонк. Теперь по

ветру олени идут хорошо. Передовой гордо поднял голову, стучает тонким ветвистым рогом соседа и выдвигается вперед.

Не замечает Лонк ни кустов, ни озер. Стоит перед ним Мерику в клубах метели, смеется, а слеза дрожит на глазу. И видит он только ее, и сила опять пошла по рукам, по ногам.

«Драться буду крепко, если придется», — думал он и все сильнее гнал оленей. Передовой олень уже почуял чум, поправил направление и неся галопом в черную пустоту ночи.

Совсем близко кинулись собаки. Олени разом встали. Лонк не заметил чума, он подъехал с наветренной стороны, и чум, покрытый снегом, сливался с мутной мглой.

«Нет стада, — подумал он, не встретив оленей, — видно, далеко ушли, значит, далеко и братья».

Привязал оленей, сбросил гусь на нарту и пошел к чуму.

— Ань дорово! — приветствовал он громко.

— Ань дорово, ань дорово, — ответил ему скороговоркой, обычной спросонья, мужской голос с пола из-под шкур. Привсталла какая-то женщина.

— Что за человек? — спросил голос.

— Лонк Серотетта, — громко сказал приезжий, желая, чтобы услышала Мерику.

— Зачем пришел так поздно ночью?

— В русскую лавку хочу попасть, да сплутал немного, — сочинил Лонк. — Чей чум? — прибавил он тотчас.

— Вэсоко Ганугрютти.

Какая-то фигура незаметно выскользнула из чума. И не столько увидел, сколько почувствовал Лонк в этой фигуре Мерику.

— Чай пить будешь? — спросил голос.

— Нет. Надо ехать. Лакомбой, — быстро ответил Лонк и вышел из чума.

Мерику стояла около нарты. Ветер бил ей в лицо, распахивая ягушку.

— Надень гусь, поедem! — тихо сказал Лонк.

Мерику быстро накинула гусь Лонка и села на нарту.

Лонк погнал оленей по направлению к русской лавке — в чужую сторону. Через час скачки он встретил кочевой след, ведущий к фактории. По нему круто свернул вправо, в свою сторону.

— Погоня будет, пусть подумают, что мы уехали в ближнюю лавку, — сказал он.

— Не скоро будет погоня, только к утру, — ответила Мерику. — Отца дома нет, старшие братья — «в оленях», один в русскую лавку уехал. Этот скоро приедет и погонится. Сейчас только младший брат дома. Он до утра будет спать, если второй брат не скоро приедет.

Чувствует Лонк крылья за спиной, будоражит оленей: все ему кажется — тихо скачут они. Олени несутся широким веером, не мешая друг другу. Они высунули языки в сторону, как собаки, жарко им. Лонк не чувствует холода в одной малице, хотя запасной гусь привязан на нарте.

— Ждала меня? — спросил он, оборачиваясь.

— Конечно, ждала.

— Я ведь не сказал тебе, что приеду.

— Ну и что же? Я знала, что ты приедешь, — в прошлом году ты открыл мне свои мысли. Только я боялась, что ты не успеешь приехать.

— А что, разве скоро хотел Тегушка спуститься?

— Он уже спустился с Камня в Салехард. Отец два дня назад туда поехал встречать Лаптандеров. Люди говорят, что Тегушка

большой калым привез, много песка, много оленей — промысел на Камне хороший был. Только сказывали, летом олени сильно умирали. А у вас как внизу?

— У нас промысел хуже, но олени не падали, — ответил Лонк.

— Куда поедет теперь?

— В дальнюю лавку, к русским. Там надо немного ночевать — олени устали, не терпят. Потом поедет в чум старика Геседы.

Была еще глубокая мутная ночь, когда подъехали к фактории. Олени упали на рыхлый свежий снег отдыхать. Они пробежали больше ста километров.

Фактория спала глубоким сном после трудового дня. Тяжелый спертый воздух от многих посетителей, побывавших здесь за день, перемешивался с терпким запахом свежей пушнины, висевшей по стенам, и запахом рыбьего жира, наполняя комнату. На полу раскинулись случайно заночевавшие ненцы. На окне горела лампочка, которую не гасили всю ночь. Она помогала путникам издали заметить факторию, не видную из тундры без огонька.

Беглецы вошли в дверь, не имевшую запоров. Никто не встал навстречу новым посетителям, и они, найдя свободное место, легли отдохнуть.

Долго еще слышался их сдержанный разговор о впечатлениях дня, о будущей совместной жизни, о гневѣ отца и о вероятном примирении. Мерику рассказала Лонку, как в прошлом году торговался ее отец с Тегушкой, как скупой старик не хотел сначала дать больше семи десятков оленей. Свадьба почти расстроилась. Тегу уехал в свой чум, но через день приехал снова и сразу дал двенадцать десятков. Первые пять десятков должны быть «русские десятки», а остальные — «ненецкие десятки». Отец не согласился бы и на этот калым, но Тегушка привез водку и хорошо угостил отца. Он согласился получить еще только тридцать «толстых» песцов*, три соболя и одну красную лисицу.

Мерику рассказала, как украдкой плакала мать, но боялась просить отца отказаться от такого богатого калыма. Она не хотела отдавать дочь в этот чум. Мать говорила отцу, что, когда Мерику была маленькой, к ней очень близко подошла смерть. Мать упросила ее не брать дочь и обещала ей принести в жертву пять быков, когда дочь будет выходить замуж. Отец сказал Тегушке об этом, и тот ответил:

— Обещанное — все равно что отданное. — И нарезал на палочке с калымом еще пять зарубок, где были обозначены быки. Теперь отец должен был получить весь остаток калыма.

Постепенно разговор беглецов затих, и они вместе со всей факторией погрузились в предутренний сон.

Свистит ветер в оленьих рогах. Стремглав несутся олени в ночной мгле. Сверлят буранную темноту тундры опытные старческие глаза Тегу Лаптандера.

* Толстый песец — песец первого или второго сорта.

«Неверный след положил, сылка*. Старик Гесед не пойдет в эту лавку, его дороги тут нет», — привычно читал среди метели раскрытую книгу следов старый следопыт.

Передовой олень уже почуял свежий след, уверенно свернул на кочевую дорогу и неся на реку Хадыту. Стоит старик жених на нарте, над головой хорей держит. Гикает, шипит, пугает крепких оленей. Капюшоны гуся и малицы сдвинул с головы назад. Озирается, скользит взглядом по синим туманам кустов, выбирает короткую дорогу. Треплет ветер белые волосы, перемешивает их со снегом, свистит в ушах и остается сзади.

«Мимо дальней лавки не пойдет — олени не терпят», — хорошо соображает Тегу.

Едва успевают задние нарты за «каменным» стариком. Не останавливается он после хороших попрысков, не дает оленям похватать снежку и вкусного ягеля, который легко достать, ударив передним копытом по снегу. Сильно торопится куда-то хозяин, и некогда думать о нежном ягеле. Надо скакать на тонких ногах все быстрее и быстрее.

Старик Ним не отстает от Тегу. Тяжелые мысли теснятся в голове, летят рядом с нартой. «Как теперь быть с калымом? Часть его давно уже съедена, часть отдана пушной фактории за старые долги. Что будет теперь? Как расплатиться?» И руки крепко стискивают хорей, злее тычут им в крупы оленей. Олени озираются на хозяина, испуганно кидаются вперед, готовые заскочить на Тегушкину нарту.

Только братья беглянки едут по обязанности и не очень бы опечалились неудачей погони.

Тегу все больше торопится. Никакого следа не осталось на чистой тундре. Скоро ровняет метель тонкий след, но опытный передовой олень ежеминутно нюхает снег и не останавливает бега, следя за поворотами. Хорошо знает Тегу тундровые тропы к факториям. Минутами кажется, что Лонк перехитрил его. Порой он думает: «Не свернул ли, лешак, на ближнюю факторию, на ту, что осталась сзади». Но, свернув в перелесок, он видит не заметенный бураном свежий след нарты, и опасения исчезают.

Вот и фактория. На дворе стоит нарта, еще не занесенная снегом и запряженная пятеркой оленей. Посмотрел оленей, и злорадная усмешка торжества скривила рот.

«Птенец не может обмануть старого вожака», — подумал он и быстро вошел в дом.

Была еще темная ночь. Она завладела уже чуть не полными сутками. Красный огонь сигнальной лампы лежал на снегу под окнами.

— Здесь моя жена? — громко спросил старик, входя в факторию.

Лонк разом вскочил.

— Нет твоей жены, — ответил он в упор.

* Сылка — разбойник.

— Ты взял, разбойник?

— Я взял свою жену.

Мерику, как придавленный слопцом* песец, смотрела на старика Тегу, на своего отца, на братьев.

«Ой беда... — думает Лонк, — драться нельзя, товарищей нету».

Фактория зашевелилась. Кто-то недовольно сказал:

— Ну, загалдели спозаранку.

— Иди! — сказал отец Мерику.

Она вздрогнула и прошла мимо Лонка, низко опустив голову, мимо старика Тегу, мимо братьев, и опять увидел Лонк слезу, готовую упасть с ресниц.

Он озирался по сторонам, ища поддержки. Душа клубилась, как метель, но лежавшие на полу ненцы только подняли головы и сейчас же опять их уронили.

Рванулись олени, взвизгнули нарты, угасили вспыхнувшее счастье.

Вся фактория была уже на ногах. Серые рабочие будни не ждут солнца, его и ждать нельзя. Оно едва подкатит к горизонту, зажжет розовым отблеском южный край неба и, не показываясь, начнет опять проваливаться куда-то в черную бездну.

— Что это за человек приходил? — спрашивали работники фактории Лонка.

— Это худой человек — Тегушка с Уральского Камня, — отвечал он.

— Зачем пришел? Почему уехал так скоро? — допытывались факторийцы.

Лонк не знал, можно ли сказать о воровстве невесты, он не знал новых законов, а по старым — сказать было нельзя.

— Какую жену он нашел здесь?

— Что за спор был у тебя с Тегушкой о жене?

Пришлось рассказать все по порядку.

— Что же ты не сказал нам раньше, когда он был здесь? — воскликнул комсомолец Митя — кладовщик фактории. — Мы не дали бы ему увезти девушку. Мы бы поговорили с ним по-нашему, по-рабочему, как третью жену покупать за свое богатство.

— Да ведь он заплатил уже весь калым, — сказал Лонк.

— Эх, темная твоя голова, — сказал Митя. — Да знаешь ли ты, что советский закон не велит калыма давать и брать! Тегушку и Нима судить за это надо. Как можно жену покупать, что она — песец, что ли, или олень?

— А кто же отдаст свою дочь без калыма? Разве есть такой закон?

— Конечно, есть.

— Я не знал, — растерянно сказал Лонк.

* Слопец — ловушка для песцов вроде деревянной мышеловки.

— А что нам не сказал? Мы старику помазали бы лыжи, чтобы катился он от нас сильнее.

— Что теперь делать буду? — спрашивал Лонк скорее сам себя, чем собеседников.

— Ступай в чум Тегушки, возьми товарищей с собой, да не бойся, не ночью, а днем иди. Возьми девушку, вези ее сразу в ненецкий кочевой Совет. Луце Сурка знаешь?

— Знаю.

— Вот туда и иди. Там бумагу сделают, что она твоя жена, там-гу положишь и можешь ехать куда хочешь с ней вместе. Никто у тебя ее не отнимет.

— Ты, однако, врешь, — разочарованно сказал Лонк.

— Почему ты так думаешь? — спросил Митя.

— Такой закон не будет. Живет девка в чуме отца. Кормит ее отец, одевает сколько лет, замуж отдает, и калым он должен взять за то, что она съела в чуме отца. Такой закон тундры.

— Эх, опять скажу — темная ты голова! Она в чуме живет и все время работает. А отец платит ли ей за эту работу? Нет. Вот то-то и есть. Она не батрачка, плату не получает, а работает. Как же? Отец ее кормить и одевать не должен, что ли? Как ты думаешь, а? — наступал Митя на Лонка. — Обязан ее отец кормить и одевать, и ничего ему за это не полагается, и продавать дочь он не имеет права. Кого она сама выберет в мужа, с тем ей и жить. И отец запретить этого не может. Так и скажи своим ребятам, скажи всем старикам и Тегушке Лаптандеру.

Тихо едет Лонк к своему чуму. Олени едва бегут, забывает он подгонять отстающих. Бежит ровный снег под высокую нарту, мелькают широкие копыта, щелкают косточки на тонких ногах. Мысли толпятся в голове. Что-то новое, большое узнал сегодня Лонк. Богачи сильны, но с ними можно бороться и бояться их нечего. Новый закон пришел бедных защищать.. Верно Митька сказал, что не надо калыма отдавать. Ули Адер давно уже собирает калым и все не может жениться. Такоче Ямал, сильный молодой парень, ходит на Белый остров промышлять, но не может собрать оленей для калыма. Он давно хочет взять дочку Тироку Вануйта, но, должно быть, не возьмет... Худое дело — калым, для нас, бедняков, шибко худое дело. Молодой парень Митька, а слова говорит правильные. Кто учил его?..

«Богачи не любят Луце Сурку. Они не велят ездить в Совет. Они сами не слушают новый красный закон. Шаманы Нева Солиндер и Сейко Яптик не велят нам слушать новый закон. Врут старики! Новый закон для бедняков — хороший закон. По нему мы все завтра можем жениться — хороший закон», — думал Лонк.

Метели уже нет. По небу из-под горизонта брызнули зеленые столбы, сначала робкие, бледные, потом все ярче и ярче. Они двинулись в разные стороны, то расходясь, то сливаясь друг с другом. Будто десятки невидимых людей где-то под горизонтом взяли огромные зеленые фонари и ходят с ними взад и вперед, разыскивая какую-то потерю. Тундра осветилась феерическими отблеска-

ми, заискрилась зелеными алмазами на снегу. Порой разрывались столбы, открывали черное небо, и на нем засветлялись извивы зеленых лент, разгораясь все ярче и ярче, переходя в желтый, оранжевый, красный цвета, постепенно затухая и исчезая, чтобы сейчас же зажечься в другой части небосклона в еще более причудливых формах и ярких красках. Даже олени поднимали головы, как бы призывая полюбоваться могучей фантазмагорией ледяной природы.

«Будет мороз, — подумал Лонк, — Обь-река станет крепче».

Чувствовал Лонк, что где-то по ту сторону фактории клали жирные олени Тегушки широкие стежки по тундре и уносили все дальше его счастье. Но вместе с тем Мерику не казалась ему теперь такой далекой и недосыгаемой, как раньше. Теперь он чувствовал опору в кочевом Совете и хотел начать новую борьбу за нее. Ему кажется, что вместе с нею придет к нему новая жизнь. Он будет жить недалеко от ненецкого кочевого Совета. Можно и кочевать вслед за Советом. «Куда он пойдет, туда и я скаслаю», — думал Лонк.

Ему хотелось теперь же поехать в кочевой Совет, сказать там, что он всегда будет делать так, как скажет Совет.

Долго еще полыхало небо, будоражило предутреннюю темноту ночи, возбуждало несбывшуюся мечту, звало к новой борьбе за счастье и удачу.

Не верит хитрый Тегу старику Ганугрютти. Напрасно последний бил непокорную дочь, напрасно рвал ее волосы и хлестал по щекам, чтобы убедить «каменного» старика в непричастности к заговору. Тегу решил теперь не спускать глаз со своей будущей жены, наполовину уже купленной им. Не верит и високо Ганугрютти скупому и злобному старику, не хочет признать его власти над своей дочерью, пока тот не выплатил весь калым. Он ездил в Салехард для встречи со стариком Тегу, надеясь получить весь калым, но получил только немного больше половины. Оленей много у старого Тегу, и он не задержит остальных, но песцов может не отдать, тем более что еще не согласился он дать тридцать штук. При торге он давал только двадцать. А может, обманет и с оленями? Он и то уже жметса от дорогой цены и говорит: «Хватит с меня и старой жены», да взглянет на девушку и делается уступчивее. Молода, крепка, чум ставит скоро, оленями правит хорошо. Думает о многом старик отец, покачиваясь на нарте, пока едут они к Салехарду, в чум «каменного» старика. Хорошая водка у него — так и ходит по жилам. Пожалуй, сбросить часть калыма можно — пусть берет себе девку.

Сын на задней нарте поет бесконечную заунывную песню. Второй сын свернулся меховым комом на нарте и, наверное, спит крепко, навив на руку вожжу, чтобы в случае падения с нарты не упустить оленей — их тогда не поймаешь.

Мерику пустыми глазами смотрит с нарты «каменного» старика

в свободную даль тундры. Знает она, как тяжело ей будет жить у жестокого мужа. Знает она, как бил он смертным боем своих прежних жен, как озлобились они на весь мир, на свою тяжкую жизнь и даже на детей. Знает она, что ей много придется терпеть и от оставшейся в живых второй жены Тегу.

Зачем сказала она Лонку, что погоня только утром будет. Надо бы скакать дальше. Не знала она, что отец встретит старого Тегу недалеко от чума и они скоро вернутся и обнаружат побег. Надо бы ехать в чум Лонка, там стали бы драться, и сильный Лонк победил бы, конечно, старика, братьев и отца.

Тегу сидел хмурый, срывая на оленях свою злобу, втыкал хорей так сильно, что сдвигал оленей с пути, и они испуганно, с прижатыми ушами резко рвались вперед. Тегу привставал с нарты, смотрел кругом. Он несколько опасался погони Лонка вместе с русскими. Русских он не любил. В Уральской тундре он слышал, что новые законы пошли — худые законы для умных и богатых людей. С ними нельзя бороться. Только бы доехать до чума, расплатиться с калымом, он показал бы ей, как надо слушать хозяина-мужа, не перечить ему ни в чем, служить ему всем своим существом, думать его головой, желать его желаниями и выполнять все, что он хочет. Бывает упрямый олень в стаде, долго с ним приходится мучиться, но и он в конце концов запрягается и возит хорошо. Узнает девка твердую руку — смирной станет.

Зарылись маленькие избушки в снег. Зима только недавно пришла, а сугробы на улицах уже ползут к заборам, лезут по ним вверх, еще немного — и опрокинутся во дворы. Новые красавцы дома молодого советского центра — Салехарда щегольски высятся на широких улицах. Несмотря на поздний вечерний час, на улицах Салехарда не улеглось еще дневное оживление. То здесь, то там пройдут порой группы ненцев, хантов и коми. Было время, которое называлось раньше «Обдорской ярмаркой»: в город съезжались с разных сторон Обского Севера промышленники-пушники и оленеводы, бродили целые дни по городу, «гостевали» у друзей, продавали пушнину и олени шкуры в факториях, приглядываясь, где выгоднее, где лучше и больше товаров, нужных им. Вечерами разъезжались по окрестностям к своим чумам, или ночевали в чужих чумах, или, наконец, оставались в городе у старых и новых друзей, отогнав своих оленей к ближайшим чумам.

С утра все начинается снова — съезжаются неотторговавшие промышленники, наводняют фактории заготовителей и если не продадут пушнину, то посидят, послушают, поговорят, повстречаются с людьми, которых не видели два-три года. Они могут наняться с оленями на короткие случайные перевозки, перехватить работу, пока их чумам разрешено стоять на одном месте в окрестностях города.

Скользнули две нарты в переулок, подвернули к воротам большого трехоконного домика. Один приезжий соскочил с нарты, отворил ворота, а другой ввел оленей во двор. Из дома вышел хозяин в длинной малице без пояса — по-домашнему.

— Ань-дорово, — сказал ему приезжий.
— Ань-дорово, — прибавил также и другой.
— А! Друзья, Лонк, Енгале! Ань-дорово, ань-дорово! — приветливо ответил хозяин.

Путники сняли гуси, отряхнули с них и с кисов снег и вошли в бедную комнату рыбака-хозяина. Пока пили чай, разговор шел вокруг рыбных промыслов прошлой осени.

— Как ушел ты из артели, — рассказывал рыбак Лонку, — дело пошло плохо. Рыбы-то много было, люди ловили хорошо. А нам «башлык»* попал плохой вместо тебя — Васька Тибити. Песков не знал, невод садить не умел. Пробились мы с ним недели две, нашли другого, но и он был не лучше — сильно вино пил. Путина кончилась, и на пай досталось очень помалу. Пришлось почти все отдать в контору промыслов за забор товаров и сетей. Едва хватило рассчитаться, а на зиму ничего не осталось. Не выгодно так-то рыбу добывать.

— А вон Еська Солиндер с товарищами хорошо добыли.

— Они артелью робили — колхозом. Им кооперация помогала. Мережу дала хорошую и товары подешевле.

— А ты что с ними не пошел?

— Люди говорили, что худое дело — колхозом добывать. Сказывали — рыбу всю отбирать будут, и чумы отберут, и одежду, и все. Ну я и забоялся. Ан вышло иначе: лодки им дали, продовольствие дали, снасти дали. Слышь, колхозу можно доверять, а мне одному, одиночнику, никак нельзя. Ну и того... Колхоз заработал, сейчас вон покупают, а я только долги покрыл и зубами щелкаю.

— Худое дело, — сказал Енгале, зная, что значит остаться на зиму без рыбы и заработка.

— Да, худое, — подтвердил хозяин. — Теперь с весны пойду в колхоз, а если не возьмут, то бросать надо рыбу ловить... Бросать-то бросать, — воскликнул он, — а как подумаю, сам знаю, что не брошу. Придет зима, лед зашумит, заворочается, «соры» откроются, рыба пойдет, и потянет опять к воде, как пьяницу. А вы-то почто приехали, песка менять? — спросил он, меняя разговор.

— Нет, мы к тебе по другому делу, — сказал Лонк.

— Чего случилось? Какое дело у вас до меня?

— Жену надо взять, калыма нету — помоги нам.

— Да ведь у меня денег-то нету — чем помогу?

— Собери товарищей, да побольше — сколько найдешь, а я оленей приведу.

— А, понял, — украсть невесту хочешь! А в чем чуме?

— У Нима Ганугрютти. Продал он дочь Тегушке Лаптандеру с Каменной тундры.

— Ах старый черт — еще жену берет! Двух ему мало, за третьей тянется, да еще совсем молодую сосватал. Ладно, я тебе буду помогать.

* Башлык — старший специалист в рыболовецкой артели.

Лонк рассказал о своей неудаче с похищением Мерику и прибавил, что теперь можно только силой отнять жену у Лаптандера, а для этого надо смелых людей.

— Ну зачем же силой, — ответил хозяин. — Теперь закон не велит жен покупать, и можно отнять по закону. Сегодня вы немного спите, а утром пойдем в большой Совет. Там скажут, как надо сделать.

— Разве можно говорить об этом? — с испугом сказал Лонк. — Там ругать будут.

— Нет, ругать не будут. Ты ведь не с худым пойдешь.

Наутро все отправились в большой двухэтажный дом. Лонк еще не видел этого дома. Он был построен недавно. Поднялись по широкой лестнице на второй этаж и вошли в одну из комнат.

«Который же начальник?» — подумал Лонк.

Их попросили сесть и подождать. Кто-то входил в соседнюю комнату и выходил оттуда. Ждать пришлось недолго. Их тоже позвали туда. Войдя в большой кабинет, Лонк сразу оробел. Длинный большой стол был покрыт красным сукном, какого нет в лавках. Много стульев — русские не умеют сидеть на полу, хотя пол здесь закрыт большим пестрым ковром, и сидеть на нем хорошо. В конце красного стола стоит еще небольшой стол. На нем много всяких вещей и бумаг, а за столом сидит русский старик... Страшный, седой, как Тегушка Лаптандер. Ему что-то сказали по-русски. Он велел всем сесть и стал разговаривать с рыбаком — хозяином Лонка. Потом старик засмеялся, Лонк и Енгале, хотя и не знали, над чем смеялся старик, тоже засмеялись. Потом старик взял какой-то крючок, приложил его к уху и стал громко разговаривать один. Помолчит и скажет, опять помолчит и опять скажет, а сам смеется. Потом велел всем сесть на мягкий широкий стул и ждать.

Снова к старику приходили люди, говорили стоя и скоро уходили.

Рыбак объяснил, что это председатель окружного исполкома — главный начальник всех людей здесь, на Салехардской земле, и в тундре, что он позвал по телефону коммунистку, главную по женским делам, зовут «женотдел». Ее сейчас и ждут.

Скоро пришла женщина, и Лонк с удивлением увидел ненку в русском платье. Она сказала что-то большому начальнику, села на стул и заговорила по-ненецки. Лонк быстро ей все рассказал. А она велела ему поехать в чум и привести три нарты с оленями. Она сама хочет ехать в чум Лаптандера.

— Тебе худо ехать, — сказал Лонк.

— Почему худо? — спросила она.

— Тегу с сыновьями будет драться, надо взять мужиков.

— Ну, я не боюсь, — сказала женщина, — я коммунистка из «женотдела», и Тегу Лаптандер со мной драться не будет. Я возьму с собой только одного комсомольца.

Рыбак не дал больше говорить, заторопился и скорее послал Лонка за нартами.

Лонк поехал к чуму Хата Езынги, у которого они с Енгале оставили кормить своих оленей, подъезжая к Салехарду, и который знал намерение Лонка и обещал помощь. Теперь эта помощь была очень нужна. Хат Езынги запряг три нарты и дал их Лонку, Енгале за это время разузнал, где стоит чум старого Тегу.

Едет Лонк к чуму старика Лаптандера и думает, как его встретит старый зверь. Чудятся ему искаженное злобой безобразное лицо Тегу и рядом испуганные глаза Мерику, чудится ему среди побоев ее невнятный голос: «Прости, хозяин...», и он кричит Енгале, чтобы гнал скорее переднюю нарту.

Полозья пели причудливую песню. Воздух искрился и был наполнен морозной пылью. Стоял один из редких морозов, который даже здесь заставляет отвертывать лицо от встречного ветра. Лонк вспомнил сильное северное сияние два дня назад. Такое всегда бывает перед большим морозом. Первый луч солнца брызнул из-за горизонта, вырезал на снегу длинные синие тени, насыпал алмазов на опущенные инеем ветки кустов и редких лиственниц, заиграл на заиндеветших боках оленей, резко вычертил видневшийся на горизонте чум «каменного» старика и его огромное стадо оленей.

Среди оленей видно было движение. Стадо разбилось на две группы, между которыми сновали собаки и люди. «Хотят каслать, оленей ловят», — подумал Лонк.

От чума отделилась фигура и пристально смотрела на приближающиеся нарты. Лонк узнал, скорее почувствовал, старого Тегу, и злоба клубком подступила к горлу. Тегу тоже догадался уже и не двигался с места. Не двинулся он и тогда, когда нарты подъехали к чуму, седоки спрыгнули и привязали оленей.

— Никак, на свадьбу приехал? — спросил с нескрываемой злобой Тегу.

Лонк промолчал. «Женотдел» сбросила уже гусь и, пройдя мимо старика, скрылась вместе с комсомольцем в чуме. Лонк тоже прошел мимо старика в чум.

Увидев Лонка, Мерику отвернулась, закрыла лицо рукавом ягушки, и слезы помимо ее воли потекли из глаз. Она не понимала причины его приезда. Старая жена старика, оторвавшись от шитья шкуры и зажав оленьи жилы в руке, смотрела с недоумением на вошедших: Лонка, женщину и какого-то русского — почему их не сопровождает хозяин.

— Чего плачешь? — ласково спросила приехавшая по-ненецки, отмахиваясь от дыма, — новый красный закон говорит, что ты сама будешь выбирать себе мужа, а я приехала тебя спросить: с кем ты хочешь жить — с Лонком или с Тегу? — начала она без обычных приветствий и ненужных разговоров.

Мерику молчала, она подняла полные слез глаза и не понимала, о чем говорит эта женщина.

Вошел Тегу, за ним отец Ним и все братья.

— Зачем ты, разбойник, приехал? — резко спросил Тегу, обращаясь к Лонку.

— Ого, какой ты грозный старик, — насмешливо сказала приезжая женщина. — Ты сначала меня спроси, зачем я приехала, и послушай, что я скажу, потом и ты будешь разговаривать.

— Что мне слушать? В чуме я хозяин, тебя — женщину мне совсем нечего слушать, — ответил Тегу.

— Нет, придется тебе меня послушать, потому что твоего старого закона теперь нету. Ты думаешь, что за своих оленей ты можешь все купить — и песцов, и рыбу, и жену, и даже судью, как было раньше при царе. Нет, вэсоко, песка и рыбы купить можешь, а жену и судью купить не можешь. Если ты будешь отбирать ее у Лонка, то я передам дело в народный суд. Новый красный закон не велит покупать жен, и тебе в суде плохо будет. Плохо будет и отцу, который продал дочь, плохо будет и братьям за то, что позволили старику отцу продать сестру. Может, вы мне не поверите — давайте попробуем, поедem в Салехард.

— Что же я буду теперь делать с калымом? — сказал Ним с отчаянием. — Ведь назад отдавать нечего: все, что я получил, мы уже проели. Семья большая, песец не ловится, олени плохие...

— Калым назад можешь не отдавать, — ответила ему приезжая женщина. — Советский закон не признает калыма, и по суду его назад этот старик, — указала она на Тегу, — получить не может. Это он тебе подарок сделал. Подарить он все, что хочет из своей доли в имуществе и кому хочет, имеет право. Советский закон это не запрещает. А отдавать назад подаренное не полагается.

Вэсоко Ганугрютти подошел к Лонку.

— Друг, уйди, не бери Мерику...

— Нет, вэсоко. Я просил тебя отдать ее мне, крепко просил, но ты не хотел. Теперь я приехал с новым законом. Мерику будет моей женой.

— Друг, Лонк, я получил калым, купил на него хлеба, чем теперь отдавать буду?

— Ты же слышал в чуме — этих оленей и песцов вэсоко Тегу тебе захотел подарить. Они у него лишние... Не торопись отдавать. А потом я поправлюсь и помогу тебе.

— Худо мне будет, — горестно сказал старик, — как людям в глаза смотреть буду?

— Люди скоро узнают новый советский закон, и ты смело будешь смотреть им в глаза, — вступила в разговор приехавшая женщина. — Богатые теперь не могут обижать бедных. Скажи это всем, — добавила она.

Солнышко спряталось, ночь быстро надвигалась на тундру. Уже кое-где засияли звезды. Мороз хотя и сдал несколько, но все еще был силен и быстро прихватывал нос и щеки.

В Салехарде Лонк с Мерику и Енгале не стали задерживаться и рано утром понеслись в свою сторону. Надо было спешить каслать на новый мох, заправить оленей и поскорее выйти на промысловые песцовые места. Лонк время от времени поглядывал назад —

не надумает ли старик опять погнаться за ними, хотя теперь он уже чувствовал себя под крепкой защитой нового красного закона.

Долго ехали без остановок, стараясь попадать на попутные кочевые тропы, на которых не остается следов. Путники торопились оторваться от чумов, стоявших вокруг Салехарда, и не заезжали в них. Олени сильно устали и не могли уже делать хороших зимних попрысков. Приходилось останавливаться чаще, и терялось всякое представление о пройденном расстоянии. Ненцы в таких случаях говорят:

— На хороших оленях — близко, а на уставших — сильно далеко.

Только на следующее утро они подъехали к своему чуму. Еще издали Лонк и Енгале заметили две чужие нарты, стоявшие у чума. Теперь они рассмотрели нарты с семи копыльях и решили, что приехал какой-то шаман*.

В чуме сидели Сейко Яптик и его сын. Шаман приветливо поздоровался с приезжими и сказал с шутливым укором:

— Бывало, такое дело не делалось без молитвы тадибе**, а теперь ты, Лонк, должно быть, не хочешь знать волю богов.

— Нет, вэсоко, я не нарушил воли богов: боги не запрещают молодому ненцу быть храбрым.

Вошла Мерику и скромно села в задней части чума у входа. Старуха сейчас же ласково предложила ей поесть и отдохнуть с дороги.

— Боги, должно быть, довольны тобой, раз к твоему приезду привели в твой чум своего служителя. Теперь надо спросить у них, какая жизнь ждет тебя с молодой женой.

Лонк привык с детства к почтению, которое оказывали шаманам, и до сих пор не потерял веры в их могущество и посредничество в сношениях с богами. Он носил на поясе маленького идола, который по его представлению помогал ему на промыслах. И теперь свою удачу он объяснял во многом вмешательством богов. Это они послали хороший новый закон, дали ему сильных помощников, и сейчас он был не против предложения шамана.

Шаман никогда не начинал своего камлания утром, поэтому нужно было дожидаться ночи, что было очень кстати приехавшим, так как после обычного чая, устав в дороге, они уснули мертвым сном.

Пиртику пригнал к чуму оленей и хотел идти в чум, но его внимание привлек голос шамана, который доносился из-за опрокинутой лодки, где был разложен столярный инструмент и неоконченный полоз нарты с копыльями. В этом месте, скрываясь от ветра, в свободное дневное время обычно работали: делали но-

* «Семь» у ненцев — число священное. Шаманы использовали это суеверие в быту.

** Тадибе — шаман.

вые нарты. Здесь сидели оба старика и разговаривали вполголоса. Шаман сказал:

— Ты должен послать Лонка в Салехард, а девушка останется здесь. Тогда ей надо внушить, что он уехал совсем и не хочет вернуться.

— Ты мудрый, тадибе. Если сумеешь сделать это дело, я не пожалею для тебя лучших оленей на полную запряжку*.

* Полная запряжка — пять оленей.

Пиртику затаил дыхание. Он не все расслышал из разговора, но понял, что здесь какой-то заговор, который касается новой девушки и Лонка, и заговор этот нехороший. У него шевельнулось недоброе чувство к шаману и даже к отцу. Дальше разговор перешел на шепот, и он не мог больше ничего слышать.

Вечером, когда темная облачная ночь поглотила землю, разлилась по всем углам и закоулкам густыми тенями, Сейко Яптик стал готовиться к ворожбе. Он приказал сыну принести со своей нарты специальную одежду, обувь, бубен, небольшую лопаточку и несколько костяных идолов. Потом он расстелил в передней части чума оленью шкуру, но не как обычно — головой к стене, а наоборот — головой к костру, оделся в шаманскую одежду с колокольчиками, бубенцами и суконными лентами, обул женские кисы, на которых были нашиты оленьи копыта, и вымазал свое лицо сажей из костра. Его волосы торчали в разные стороны, и при мерцающем свете костра он со своим черным лицом производил жуткое впечатление.

Шаман велел всем жителям стана зайти в чум и сесть. Мерику с интересом смотрела на Сейко. Она несколько раз видела камлание шамана и не боялась, тем более что с ней рядом был Лонк.

Шаман сидел на шкуре оленя и ждал, когда нагреется бубен, который лежал над костром на поперечных брусках. Бубен время от времени издавал какие-то звуки от все большего натяжения высыхающей на нем кожи.

— Бубен хочет что-то говорить... — таинственно сказал шаман. Все сидевшие в чуме невольно взглянули вверх, на лежащий бубен тадибе.

Шаман взял лопаточку, подвинулся к костру и положил на нее холодный уголь. Потом он стал подбрасывать лопаточку, напряженно глядя на уголь, который ежеминутно падал на землю. Сейко снова клал его на место и снова подкидывал лопаточку. Затем вместо угля он положил палочку и проделал то же. Наконец он многозначительно покачал головой и сказал:

— Кто-то из нас не хочет долго оставаться с нами, кто-то хочет уйти в большую дорогу и не вернуться вновь...

— О ком ты думал, тадибе? — спросил Гесед. — Кого держал в своей голове?

— Я думал о твоём чуме, вэсоко. В нем не все останутся надолго жить.

— Е-уой, е-уой, — сокрушенно воскликнул Гесед.

Все насторожились. Тревога искрой прошла по чуму.

Шаман приподнялся, взял бубен в левую руку и загородил им свое лицо от костра. Лицо теперь приняло черно-желтую окраску от просвечивающей тонкой кожи, натянутой на обруч бубна. В другую руку Сейко взял кривую деревянную колотушку, обернутую замшей, и тронул ею натянутую кожу бубна. Бубен издал сочный густой басовый звук, напоминающий звук большого барабана. Потом Сейко сделал несколько редких ударов, прислушиваясь к звуку.

Бум... бум...бум...бум... бум, бум, бум... бум... бум... бум...

— Кто-то есть за чумом, — сказал шаман, — пусть идет сюда и сидит здесь.

Опоздавшего позвали. Это был Пиртику. Он сел далеко в стороне и хмуро смотрел на шамана.

Бум, бум, бум... бум, бум, бум...

Снова несколько ударов в бубен. Молчание. Опять ряд ударов с паузами. И вдруг удары посыпались часто-часто. Чум сразу наполнился волнами тяжелого звука.

Бум, бум, бум, бум, бум, бум, бум, бум...

Сейко остановился, обвел присутствующих пристальным взглядом и снова забил в бубен. Потом начал выкрикивать какие-то слова. Его сын, сидевший рядом, повторял слова шамана громко, на весь чум, стараясь перекрыть бубен. Он как бы переводил слова шамана для окружающих.

— Я выхожу на высокую гору, — пел шаман, закрыв глаза и покачиваясь взад и вперед.

Бум, бум, бум...

— Что за свет сияет кругом? Глазам больно. Смотреть нельзя. Это солнце восходит над горою. Прямо с восхода солнца идет ко мне женщина. Она вся в белой одежде. Ягушка из белых неблюев, шапка песцовая и пимы белые. Я спрашиваю у нее помощи в моем деле, чтобы узнать правильную судьбу молодой семьи. Женщина смотрит мимо меня и говорит: «Зачем ты зовешь меня сказать то, что не надо говорить никому?»

Бум, бум, бум... Бум, бум, бум...

Удары бубна сыпались часто. Густые, сочные звуки наполняли чум, отдавались в головах слушающих вязкой тяжестью. Казалось, звуки хотят разорвать, опрокинуть чум и полететь свободными волнами по тундре. Назойливость звуков гипнотизировала присутствующих, хотелось сильно встряхнуть головой, освободиться от липкой тяжести ритмичных ударов. Но напрасно. Удары все учащались, одурманивая людей.

Лонк напряженно вслушивался в слова богов, по очереди говоривших голосом шамана. Ему начинало казаться, что до свадьбы еще далеко. Духи страшали кого-то близкой смертью, если свадьба будет раньше указанного времени.

Под грохот бубна он слышал, что не вовремя похитил Мерику, что не будет у них счастья впереди, не будет промысла, а лишь болезни и бедность будут сопровождать их недолгую жизнь. Духи сказали, что Мерику находится в руках злого духа, который не даст ей ни одного ребенка. В чуме не будет детей, чум будет тихий, как мертвый... Злой дух владеет ею, и Сейко не может теперь же вырвать ее из этих рук.

Мерику забила в самый угол чума. Оттуда испуганно смотрела на шамана. Из глаз ее текли крупные слезы. На лице были испуг и растерянность. «Зачем не знала она этого раньше? Она не ввела бы Лонка в роковую ошибку. Она искренне хотела своим трудом всю жизнь помогать ему и нести в их чум радость и смех.

Кто же знал, что такое несчастье сопровождает ее...»

Гесед сидел, понутив свою седую голову. Пиртику с любопытством смотрел на шамана и думал: «Как это он видит то, чего не видят другие? Зачем сговаривался отец с шаманом за лодкой?..»

Прошло три дня.

Шаман на другой день после камлания уехал, но с его отъездом не прошли черные тучи, нависшие над чумом Геседы.

Лонк не хотел верить шаману и в то же время думал, что если шаман окажется прав, то несдобровать ему, Лонку, — в его чуме будет жить злой дух — хозяин Мерику.

Мерику целые дни плакала, отказывалась от пищи и не выходила никуда из чума. Напрасно жена Геседы ободряла девушку, утешала хорошими словами, напрасно жизнерадостная жена Енгале старалась развлечь ее. Мерику была безутешна. Она чувствовала, что шаман ошибся, духи говорили что-то другое. Но разве могла она, молодая девушка, сказать об этом кому-либо? Ведь поверят ему, а не ей...

Лонк не старался с ней заговаривать, и она ждала чего-то.

Только Пиртику недоумевал, почему Лонк не утешает свою жену. Ему было жаль Мерику. В первую же ночь «в оленях» он сказал Лонку:

— Ты, кажется, хочешь послушаться старого тадибе?

— А как же не слушаться? Он с духами знает. Он может и сейчас спросить их, о чем мы с тобой разговариваем.

— Ну что же, пусть спросит. Мне не страшно. А только может и тадибе ошибаться.

— Нет, Пиртику, ты еще не знаешь всей силы Сейко Яптика, потому так и говоришь...

Через два дня пришло время всем ненцам ехать на фабрику, где был назначен выборный съезд. Лонк и Енгале поехали одни, так как Гесед заболел и не позволил ехать женщинам. Пиртику был еще молод.

Дорога была дальняя, и раньше чем дней через пять вернуться назад было нельзя.

На другой день Гесед скасал в сторону от фабрики, на третий также подвинулся в сторону, потом дал оленям отдых и опять два раза подряд сделал кочевку. Он все удалялся от фабрики, где был выборный съезд. Мерику беспокоилась, что теперь Лонку придется проехать много дальше. Она не могла понять, почему Гесед так торопился уйти в глубь тундры. Через день после последней кочевки во время чая Гесед сказал, что он не ждет Лонка к себе в чум. Мерику широко раскрыла глаза.

— Лонк сказал, что после съезда поедет в другую сторону — искать другое счастье, — пояснил он.

Мерику упала на шкуры и зарыдала.

— Отец, — сказал Пиртику, — Лонк так не говорил.

— Как можешь ты знать больше отца? Ведь если у Мерику не

будет детей, то она может выйти замуж только за того, кто их уже имеет.

— Бывает, что счастливее живут со второй женой, — сказала жена Геседы.

— Не надо горевать, — сказал Геседа ласково, обращаясь к Мерику, — я ведь не выгоняю тебя из чума. Будешь жить сначала как дочь, а потом — как скажут боги. Может быть, и мужа найдем тебе.

— Отец, Лонк сам хочет жениться на ней, ты не должен отнимать у него жену, — настаивал Пиртику.

— Тогда я возьму да тебя женю на ней, — запальчиво ответил старик.

— Зачем ты меня женить будешь — я и сам могу жениться. Геседа вскочил как ужаленный.

— Ты вот как разговариваешь? С какой поры дети стариков учить выдумали? Ты еще молодой, не можешь знать, какую жену тебе нужно.

— Я-то знаю, что взял бы Мерику, девушка она хорошая. Шамана я не боюсь, мне русский Шурка говорил — не надо верить шаманам, они все врут, да я не хочу обидеть Лонка, и тебе, отец, нехорошо так делать.

— Молчи ты, теленок! — вскричал отец. — Ты что, хочешь выйти из отцовской воли? Выгоню тебя из чума без оленей, пойдешь батрачить вместе с Лонком, а ей, — указал он на Мерику, — я устрою хорошую жизнь.

Пиртику встал и вышел из чума.

Лонк приехал в факторию как раз вовремя. Накануне в чуме Тусиды, где они ночевали и кормили оленей, он срезал последнюю зарубку на палочке-повестке.

Двор фактории был запружен нартами и оленями, будто вся тундра сразу приехала к русскому чуму. Никогда во время самого большого пушного торга не бывало столько нарт у фактории. А в доме... Народ сидел на лавках, на койках, на окнах, а многие — на полу.

В конце комнаты стоял стол, покрытый красным сукном, как нарта невесты. За столом — русские из Салехарда и здешние. Есть и ненцы. Один русский что-то говорит по-своему. Он стоит, говорит всем, но никто, кроме русских да двух переводчиков, ничего не понимает. Лонк видит, что он объясняет и руками. Вот он гребет к себе, вот отсчитывает что-то на пальцах, теперь ударяет кулаком по воздуху. Эх! Научиться бы понимать и говорить по-русски!

Потом встал ненец и сказал:

— Этот русский около самого большого начальника — председателя сидит. Он сказал, что теперь новая власть, там, у русских. Эту власть сделали бедняки и коммунисты — рабочие, которые работают в больших «машинных домах», крестьяне, которые сеют

хлеб, и другие хорошие люди. Они прогнали богачей, потому что богачи обижают и обманывают бедняков. И здесь у нас, ненцев, так же. Вы с богачами живете мирно, а они вас обманывают и не дают беднякам поправиться.

«Верно, — подумал Лонк. — Я сколько лет работаю и все не могу поправиться, может, богатые в этом виноваты?»

И еще много говорил ненец. Все слова русского повернул по-ненецки, и стало понятно. И чем дальше говорил он, тем яснее становилось в голове Лонка.

Опять начиналась метель.

Снег мело понизу, закидывая под малицу. Была еще первая половина ночи. Пиртику пошел к стаду. Там он нашел Енгале, который не поехал с Лонком, а вернулся, чтобы следить за стадом вместо заболевшего отца.

— Брат, помоги хороших оленей поймать.

— Кому надо?

— Я поеду.

— Куда ты в такое время, скоро метель будет.

— Енгале, разве я не вырос еще или плохая во мне кровь моих старших, что ты так меня спрашиваешь? Разве нельзя мне доверить пятерку быстрых оленей?

— Зачем обижаешься, Пиртику? Ты знаешь, что я тебе всегда другом был и помогал тебе. Так будет и теперь.

— Не знаю, будешь ли ты помогать мне или поможешь отцу связать меня.

— Что ты, что ты?! Говори толком!

— Да что говорить-то? Отец хочет жениться на Мерику. Он задумал худое дело — отнять ее у Лонка. Я теперь понимаю, зачем отец сдружился с тадибе. Я понял, о чем он сговаривался с ним.

— Как — сговаривался?

— Они сидели за лодкой и говорили, а я шел мимо и слышал. Но тогда плохо понял.

— Вот в чем дело!..

— А Лонк не знает ничего. Я хочу его предупредить.

Енгале отвязал тынзян от веревки на сиденье, и они пошли ловить тех же быстрых хаптарок, на которых Лонк увозил Мерику.

Когда старик ушел из чума, Пиртику незаметно тронул девушку и сказал, что хочет с ней поговорить. Он сделал ей знак, чтобы она вышла, когда отец зайдет в чум.

За чумом он сказал Мерику:

— Лонк тебя один раз украл, теперь я хочу тебя украсть.

Мерику тревожно взглянула на него. Она не понимала шутки Пиртику, но чувствовала, что он собирается ей помочь.

— Поедем прямо к Лонку. Когда отец уснет, мы выедем. За ночь будем далеко.

Мерику всплеснула руками:

— Правда? — спросила она, не веря своим ушам.

— Правда, — подтвердил Пиртику. — Отец задумал худое дело — обмануть человека, который долго служил ему. Я не дам этого сделать.

— Ты — хороший друг, — сказала Мерику, — но разве ты не боишься того, что сказал тадибе, что с нами поедет злой дух, который держит меня. Он будет тебе мешать...

— Врет шаман, — нахмурился Пиртику, — я не верю ему, никакой дух тебя не держит. Он и тебя обманул, чтобы отдать моему отцу.

— Ты не боишься так думать! — воскликнула Мерику. — Я сама давно хотела сказать, что ошибся тадибе.

— Тадибе не ошибся — он знал, что говорит ложь. Ему надо было врать, чтобы напугать и тебя, и Лонка, чтобы он отказался от тебя.

Через некоторое время нарта помчалась по направлению к фактории.

Метель разыгралась, но это не страшило Пиртику. Он был уже достаточно опытным ездоком по тундре, чтобы распознавать овраги и русла ручьев, держать направление и отмечать малейшие приметы пути.

Пиртику гнал, почти не останавливаясь. Так гонится хороший промышленник за белым медведем. Он спешил застать Лонка в фактории. Езды было не меньше нескольких дней. Ему хотелось сократить время пути. Он гнал от чума к чуму, меняя оленей у своих друзей. В одном чуме к нему пристали с расспросами:

— Куда гонишь так?

— В русскую лавку.

— Ты, наверное, невесту украл — вон какая молоденькая.

— Я бы женился на ней, да нельзя — чужая жена.

— А чья же она жена?

— Она жена выборного начальника, — схитрил Пиртику, — ее надо скорее довести до него. Дайте хороших оленей.

Никто никогда не отказывал в тундре в смене оленей.

Только ночью путники немного спали, чтобы рано поутру вновь скакать, сколько есть в оленях силы.

Приехали они в тот день, когда ненцы начали разъезжаться по своим чумам.

— Где Лонк Серотетта? — спросил Пиртику.

— Он стоит в чуме кочевого Совета, недалеко.

«Поеду туда», — подумал Пиртику, рассчитывая там же накормить своих оленей.

Войдя в чум, он окликнул Лонка. Тот вскочил, но в темноте не сразу разобрал, кто его зовет, и, только услышав имя прибывшего, он быстро сбросил ягушки и, накинув малицу, подбросил веток в костер.

— Зачем приехал, Пиртику? — тревожно спросил Лонк. — И Мерику привез с собой — не беду ли какую везешь за ней?

— Да, увез беду из чума и привез к тебе. Что хочешь теперь делай с ней.

— Какая такая беда?

Пиртику рассказал Лонку, как Мерику едва не сделалась женой Геседы. Лонк остолбенел, а Пиртику обрушился на него с гневными словами:

— Долго ли ты будешь верить шаману? Шаман был в сговоре с отцом и потому наврал на девушку. Она лучшая в тундре невеста, и если ты откажешься ее брать, то я предложу ей быть моей женой.

— Не сердись, Пиртику. Ты хотя и молодой, но мудрый, ты первый мой друг. На съезде я многое понял. Русский товарищ, коммунист, правильно говорил, и я теперь никакому вранью не поверю. Теперь я знаю, что богачи и шаманы нарочно придумали тундровый закон, чтобы таких, как я, обманывать. Они и Мерику хотели у меня отнять.

— Я же тебе говорил!

— Верно, говорил. Да я был глупый. Думал, старики и шаман лучше знают.

Над тундрой блестело невысокое солнце. Олени бежали дружно. Пиртику шурился от ярких лучей и, по ненецкому обычаю, пел нескончаемую песню-импровизацию, вспоминая прощание с друзьями, радостную улыбку Лонка и ясные звездочки в глазах Мерику. Он пел о новом законе, о радости жизни, о том, что сегодня сделал большое и доброе дело, как много еще впереди у него смелых и славных дел и как приедет он снова в чум Лонка...

ДРЕЙФУЮЩАЯ СТАНЦИЯ

Весна

Их в сущности две. Первая и вторая — если подходить максимально просто...

Между ними — год. Год жизни и работы, надежд и яростного труда, необычайных впечатлений и осуществления планов.

Год на дрейфующем льду.

Они совершенно разные — по настрою, чувствам, проблемам, переживаниям — и однако во многом схожи, как среднегодовые гидрометеохарактеристики одного и того же района.

Первая весна. Весна отъезда.

Ее тепло, ласка и цвет остались далеко на юге. Курс — норд-ост, на дрейфующую льдину. Стремительно было то время, быстро-течно, летяще. Пятнадцать часов полета — и ты в другом измерении, в другом времени, пространстве...

...Высадился из самолета, не понимая еще до конца, где я, что вокруг, почему. И только когда вдали от полосы ледового аэродрома, лопнув в первый раз, отошла льдина и открылось пространство черной воды, осознал, что подо мной не земля, а два — два с половиной километра воды.

Как давно она была... Да и была ли вообще?

Прошла та весна. Только остро вспомнишь самое первое мгновение на льду.

...Сморит короткий сон в пятнадцати-двадцатиминутный перерыв-перекур, резко очнешься: где? зачем? время? число? неужели вновь? И отляжет от сердца...

А не будешь ли, вспоминая, жалеть о той, давнишней картине: голый лед и первая палатка, крылья самолета, уходящего вверх,

в сплошной радужный блик... Такое же солнце медленно очерчивает овал в небе, окрест тот же бело-синий андреевский флаг — синь неба, белизна снега...

Не захочется ли вернуться?

...Я — не знаю...

Какого цвета солнце весной?

Желто-рыжее в высшей точке, блекнущее по мере исхода светового дня. Огромно-красное, внезапно трансформирующееся в невероятных размеров диск, нижний край которого упирается в дальнюю гряду торосов. Беги, лови — но не обожгись, не спали легкие в гонке к горизонту: на воздухе чуть-чуть меньше минус сорока по Цельсию.

Светло, прозрачно, тихо, покойно — смело выскакиваешь из дома (добежать до соседей, проверить приборы) в тонком свитере.

В оттепель при минус двадцать пять начинает протаивать кабель, оставляя бороздки-дорожки на снегу. Вокруг тысячи зеркал, рефлекторов, отражателей — спина в темной теплой куртке намокает — печет.

Солнце — везде солнце, полярный день...

Стихает ветер. Спадает совсем — до полного затишья, мертвого штиля, когда даже чувствительный датчик не в состоянии уловить малейшие порывы. И кажется странным: почему здесь существуют коэффициенты и надбавки, выдают по две пары унтов и неподъемные шубы?

...Светлеет небо с каждым днем. С каждым днем светлеют лица. Когда же было сумрачнее всего? Спрашивал у многих, пытался разобраться сам.

У каждого своя критическая отметка. Но никогда в этот ряд не попадает весна, нет ее в списке дней черных, дней, которые страшно и кошунственно вспоминать, равно как алеуту или эскимосу произносить имя верховного божества...

Молодой ты или поседевший — в Арктике всегда одна весна — весна огня, задора, ей все по плечу, «все будет великолепно, ребята!». Следующая несет смятение чувств, закаленных месяцами, и надежду.

Дальний рокот самолета, сегодня три рейса, завтра в плане — пять, ледовый аэропорт работает на полную нагрузку.

Усталые, чиненные-перечиненные приборы, истерзанный металл, пустые бочки из-под горючего — все это сменяют новое оборудование, свежие материалы и продукты, блестящая, проверенная аппаратура, чтобы через год, отслужив верно, смениться в непрерывном обращении... Идет смена.

Появляется чувство некоего превосходства, легкой, легкой размягченности — «мы-то смогли, отдали честно, что требовалось и даже больше, а как они-то?»

Обходишь — в который раз! — станцию.

Блок дизель-электростанции. Заходишь сюда не гостем, а хозяином, на равных с механиками, кичившимися раньше своим опытом

и независимостью. Стали друзьями. Степенно — если есть время до срока наблюдений — потолкуешь о делах, о трудностях, о том, о сем; вспомнишь вместе начало, как старики — минувшие десятилетия.

— А вот прошлой весной была погода... Не чета сегодняшней...

— Да... Дуло поменьше...

Нет, конечно, было то же самое, среднестатистическое, по прямой-то уплыли за год всего на двести двадцать миль, все изменения — плюс-минус градус Цельсия, метр в секунду, пяток миллибар. Просто этот год твой, и хочется, чтобы в нем все, даже погода, было лучше и неповторимее.

Рядом камбуз. Вечно гремит кастрюлями шеф-повар — вот уж у кого воистину не было ни денька на отдых! Выбежал на склад, бросил на ходу:

— Заходи, поужь! Сегодня на третье твои любимые булочки с кремом!

Выучил наизусть вкусы каждого. Определили и его пристрастия:

— Эти сосиски, Женя, тебе особенно удались!

Вдруг, неожиданно-негаданно, в одно прекрасное утро, выходишь на завтрак, все как обычно, ветер, снег, каюта, — а за столом видишь новые лица... Ночью были самолеты, и кто-то улетел внезапно, разорвав ткань дней.

Скоро, очень скоро и твоя очередь. А дни сливаются, сливаются в один — яркий, медленный, последний... Что бы ни было, что бы ни осталось в душе, сейчас основное — скорей бы! Виден, близок финиш — рукой подать до него, не сорваться бы в последние дни, чтобы не пустить все под откос, остаться человеком с людьми — товарищами, друзьями, встречаться потом, смеясь, вспоминать день за днем.

Возвращаться надо победителем.

Ходят друг к другу в гости, как будто не было длинного срока. Разговоры одни: отъезд, отъезд, отъезд...

— Слушай, я тут вычитал... — вытаскивается толстый фолиант: — «Счастье я определяю так: возвращение всякой вещи к своему началу...» — это Пико делла Мирандола, пятнадцатый век, Ренессанс, а они-то в счастье понимали...

— Так что — вернемся сюда?

— Обязательно вернемся!

Лето

Зелень лета... Зеленая вода, зеленоватые сколы торосов однолетнего льда, темно-зеленые ватники метеокостюмов...

Остальное черно-белое, штрих, ретушь. Остальное — воспоминания.

Скинешь темные очки, закроешь глаза, подставляя лицо солнцу. И воображаешь...

Шумит вдали река (работает неумолчный дизель). Хрустит под

ногами хворост и валежник (трескается тонкая корочка ноздреватого, источенного наста). Колючки можжевельника покалывают щеки (микроскопические ледяные иглы витают в воздухе). Еще можно подойти к столбу силовой линии электропередачи и похлопать его ошкуренный бок. Сосна или лиственница? Ель?

Почему-то ночью (деление, понятно, условное) светлее, чем днем. Перед завтраком затянет небо слоистой облачностью, к обеду опустится туман, схватит серой шалью диск, которому поклонялись еще египтяне и инки. А ночью — потоки света сбивают, ошеломляют. Свет идет отовсюду: и с неба, и от снега, разбившихся на сотни тысяч желтых и синих самоцветных камней.

...Может, задрать повыше голову — нет ли самолета, не кружит ли вестник, закладывая лихой вираж, не шумит ли вдалеке, нет ли почты, известий? Но все равно: рано еще скучать, впереди еще год, работа только начинается.

Сначала льдина — это строительная площадка, такая же, как семижды семь раз описанные площадки таежных и иных десантов. Атрибуты те же — первая палатка, первый колышек. Только палатка иная — наглухо затянутый перкалем кокон с плотно пригнанными люками и иллюминаторами.

Топор, двуручная пила — в цене; гвозди, гаечные ключи — вот предметы первой необходимости. Осциллографы, вычислительные комплексы, электронно-транзисторная техника пока терпеливо ждут своей очереди. Их время впереди...

Не урчат экскаваторы и не роят котлованы, строительство идет особое. Город закладывается словно в кратере вулкана, в эпицентре землетрясения, которое может произойти в любой момент и предсказать которое трудно.

Технику с успехом заменяют руки. Не едут сюда специальные бригады монтажников, электриков и отделочников. А объекты — не один и не два. Кают-компания. Дизельная. Склады — «теплый» и «холодный». Жилые и рабочие дома. Дома-лаборатории. Линии электропередачи и линии связи. Лунки гидрологов и океанологов — надо думать и об исследованиях, о том, за чем ехали. Антенно-мачтовое хозяйство. Эстакады для грузов. Палатки, бункера, терриконы бочек.

Сделай сам...

Океанологи слесарят, аэрологи с геофизиками — сборщики, геологи — ледокопы, механики-электрики — мастера на все руки, выпрямляют каждый кривой гвоздь: «В Арктике ничего не выбрасывают!»

Наконец переезжаем. Из палатки в дом. За месяц привык к ней, как к старой коммунальной квартире. Привык к своей раскладушке — от лаза первая налево, к спальному мешку с вкладышем, к выючным ящикам, заменявшим стол и стулья, к вечной неразберихе вещей и инструментов — и места-то толком не выбрать, не вбить гвоздь в парусные стены.

А здесь удобства. Нары, которые сам обстругивал и украшал самым простым и распространенным образом — обжигал паяль-

ной лампой. Стол, который собрал приятель из дюралевого уголка и толстой плиты генитакса. Твердая стена не выгибается под ударом кулака.

Распаковываешь чемодан, мешки.

Подергал за дверную ручку и понял: здесь я буду жить. Жить год. Дверь захлопнулась.

Стрижемся наголо. Очень удобно и гигиенично, да и шапка лучше сидит на лысой голове. До отъезда при желании успеешь подстричься еще не однажды. Падают под безжалостной машинкой доморощенного парикмахера волосы. Каштановые, посоленные сединой, темные, светлые.

— Дай погладить! — И рука сама тянется к аккуратно побритому черепу.

— Только ради тебя! Валяй, гладь... — подыгрывает приятель.

Поход на ужин. А может быть, на обед или завтрак — не отличишь: стереотип, стандарт. Солнце, как воздушный шарик на ниточке у ребенка, гуляет невысоко над головой. Рукой не достать, но низко, рядом. Переправа через ручьи и речки. Обходы, объезды, наведение мостов. По прямой — четыреста метров. На деле — полтора километра чистого хода и форсирование разводий на надувной лодке.

В воздухе сыро. Кажется, что идет вечный, нескончаемый дождь. Метеоролога в каюте ждут с надеждой — он приносит очередную сводку за прошедший день и прогноз. Аэрологи согласно кивают, они в курсе общей обстановки. Их работа начинается практически с первого дня.

— Когда подморозит?

Метеоролог разводит руками:

— В августе...

Подмокают папиросы, ползет плесень под нарами — это полбеды. Отсыревают, капризничают приборы — это беда. Самое время для отладки, монтажа, настройки. Надо спешить — осень и зима не простят заминок.

Наконец — баня. Настоящая баня, русская, самая северная в мире. Последний объект.

Все чин по чину: печка, правда, не на березовых дровах — слишком шикарно — на бензине, но запаха и угара нет, старались; докрасна раскаленные камни. Специально везли ящик камней. «Золотые» камни — не дешево обходится доставка каждого килограмма на лед. Но везли не зря, где и кто набирал — неизвестно, но все в душе говорят ему, пожелавшему по понятной причине остаться неизвестным, спасибо.

Веники. Это роскошь. Это каждый вез себе сам, со своими личными вещами; до новых чуть-чуть не дотянули — уехали. Но и старые гуляют по животам и спинам — только листья летят. У механика — дубовые. Предмет общей зависти. В итоге идут на круг — отказать невозможно.

Весь этот комплекс — дом на три щита, четвертый — тамбур, предбанник, парадное крыльцо и огромная вывеска «Баня» —

плод бессонных ночей плотника. И ручка у двери покрыта лаком и отшкурена, и решетки для ног выпилены, как лобзиком, и полки выскоблены куском стекла.

Горячая вода из рубашек охлаждения дизелей, холодная — из снежниц. Четыре таза «на нос» — лимит. Если мыться аккуратно, или, как говорит гидролог, «не все места», то хватает...

Единственные легализованные «полдня выходных». Можно никуда не спешить, посидеть в предбаннике с папироской, лениво закутавшись в простыни и разглядывая, как в дверях исчезают любители острых ощущений — макнуться в морскую воду Северного Ледовитого океана. Нырнуть в лунку, почувствовать всем телом минус полтора приповерхностного слоя, вскарабкаться по трапу и босиком по снегу обратно в плюс шестьдесят. Странно, но никаких лишних хлопот станционному врачу эта процедура не добавляет.

Лениво натягиваешь на себя чистое...

Первая баня. Следующие будут походить друг на друга. Эта — нет.

Осталось двадцать три бани и десять дежурств по станции...

Полярный день. Нескончаемый день. Глаза устали от белизны, люди устали от света. Тени исчезают в полночь.

Но дух перевели — все сделано, все построено, проверено, откалибровано. Теперь дело за наукой...

Растут кипы лент самописцев, записей многоканальных магнитографов, пухнут журналы наблюдений, гидрологические дневники и метеокнижки. Шелкает компьютер — работает свой ВЦ экспресс-обработки информации.

Идут в центр погоды синоптические сводки, в Мировой центр данных, что за семь тысяч километров, в зеленом благостном Подмоскowie; отстукивает радист три раза в сутки длинные колонки цифр — результаты ионосферных и аэрологических зондирований, точные определения элементов магнитного поля Земли...

Прибегают на завтрак оживленные геофизики, еще в угаре научной полемики — любят работать ночами, меньше помех, точнее измерения. В их углу только и слышится: «...волны Россби в центральном бассейне — уникально... Модель упругопластической деформации для летнего льда работает с большими допущениями — заметно увеличены параметры вязкости...»

Идет нормальная работа.

Если бы речь шла о земле — можно было бы поставить точку. Но вокруг лед. Ближайшая от тебя земля приблизительно в двух тысячах метров. Под слоем океана. На нее никто не спешит. И как только появляется чувство земли, чувство спокойствия, умиротворенности, вечности, прочности, только привыкаешь к неизменным ориентирам, словно к автобусной остановке на углу, как следует расплата. Скорая, неумолимая.

Стремительно уменьшаются пространства чистой воды, открытые разводья. Затягиваются сначала пленкой-шугой, потом нарастает тонкая поверхность зыбкого ноздреватого студня. И лед вхо-

дит в силу, трескается от невероятных, титанических нагрузок. Обломки сводит, торосит, крушит, ломает по-новому. «Идет подвижка льда», — сухо и буднично звучит радиограмма; на Большой земле знают — теперь может быть все: от легкого испуга до экстренной эвакуации.

Заметить и предупредить кризис удастся лишь по великому везению. День, сутки, месяц стоит нетронутая льдина, а в пять — семь минут ее поверхность испещряет сеть трещин. Его величество Случай... Поднимается ветер, и большие дредноуты оказываются неповоротливее юрких миноносцев. Они расходятся, чтобы потом удариться бортами, сминая их как бумагу.

Вот поплыл, удаляясь от основного лагеря, ионосферный павильон с двадцатипятиметровой громадиной мачты, вал торосов нацеливается на ее основание. Монтировали и устанавливали ее три недели — на эвакуацию счет идет на часы. Ломать — не строить, горько смотреть, как дела твоих рук обращаются в прах равнодушной стихией. Все заново, все сначала...

Там, где была ровная, без единого холмика, поверхность, вырастает стена. Где пролежала дорога, стояли знакомые придорожные столбы — телефон, энергия, — висят клочья кабелей и проводов, между ними каньон, полный черной морской воды. Льдина расширяется, дышит, живет...

Долгие, редкие удары в пустой газовый баллон, объявление по трансляции — ледовая тревога.

Есть аварийное расписание, оно вступает в силу, все остальное — побоку. Аврал из авралов. А в глубине души все благодарят судьбу: хорошо, что сейчас, в полярный день, в минус семь... Отстроим, воздвигнем, проложим, проведем заново — только спасти, вытащить из-под удара. Не привыкать — не первый раз...

В силу вступает масштаб прогноза. Что справедливо и проверено в общих чертах, на макрообъемах и выборках, оказывается нарушенным именно на твоей льдине. Закон бутерброда.

А на соседней льдине, спаянной крепкой сморозью, реет черный флаг. Нет-нет да и остановится на нем взгляд. Он отмечает место, зарезервированное под запасную площадку для станции. Это значит, при случае весь табор, вся армада двинется туда. Если пустит природа. Но это уже как — самое большое несчастье. Несчастье, не катастрофа — такого слова нет в принятой терминологии. Это значит — начать все абсолютно заново, и даже хуже, чем заново. Это последний шанс.

И были станции, смены, которые в течение года ездили с места на место по восемь раз. По восемь. Легко понять, что двигаются и переезжают они не сами, как Емелина чудо-печка, их двигают люди.

Тяжело переносить долгую разлуку; страшно вато просыпаться, зная, что впереди год, а у кого и полтора; перечитывать письма двух-трехмесячной давности. Но это ничто по сравнению с тем, когда не идет дело. Отсутствие реального выхода твоих усилий и потуг — нет картины мрачнее. Тут никакие скидки на природу не помогут.

Проходит сезон, самый трудный и ответственный. Напряженный и быстротекущий. В эти дни закладывался фундамент, основа. Основа работы, основа отношений.

Валется в углу ветошь. Четыре пары изорванных в клочья рабочих рукавиц, пара белья, разошедшаяся по швам, заляпанные дизельным маслом ватные брюки, прожженная, залитая щелочью куртка-непродувайка, просоленная фланелевая рубаша. В последние две недели добавились шерстяные перчатки, не выдержавшие соприкосновений с острыми заусеницами. Бочек с соляжкой, неумело штопанные, подпаленные при сушке... Не поддающаяся стирке тельняшка — в ней прилетел, в ней, не снимая, работал до первой бани... Пробитые на острых краях снежниц резиновые сапоги, клеенные не раз и не два...

На выброс — таков удел изношенной спецодежды. На вечное хранение — память этого лета.

...«А все-таки жаль, что кончилось лето, кончилось лето», — нашептывает в углу жилого дома магнитофон. — «Время летит, не удержать — дело не в этом...»

Осень

Сколько раз видана, сколько раз описана! И кем...

Но здесь иное. Полудрема. Тяжелый день позади. Приходит сон, как провал в пропасть, на пять, десять минут — еще не все дела переделаны. Воеет печка от сильной тяги. За стенами дома пурга. Первая пурга в этом году. Давно пора — начало сентября.

Не осталось ничего конкретного, полного. Сохранились полу-чувства, накопилась полуусталость, сделано полработы.

Но, как ни приятно у печки, надо идти. Кожаные штаны поверх обычных брюк, телогрейка, шарф, подшлемник, шапка, варежки. С силой рванул дверь от себя, с силой захлопнул. И сразу пропали реальные вещи, предметы, очертания.

Дома — желтые низкие окна, подсвеченные изнутри. Узкие сполохи прожекторного света, пятнающие снег. Маленькие оазисы света, а вокруг густая, тягучая темнота, чернила из опрокинутой чернильницы. Сквозь рваную облачность — оскал бледного сияния, тусклого, еле заметного, раннего.

Идешь один. Этого делать категорически нельзя, но на микро-переходах — сто — двести метров — дозволено. И посещает страшная, крамольная мысль. Что было бы, если бы ты остался один? Один на станции. Совершенно один...

Пусть все огромное хозяйство — твое.

Только твое.

Склады — мясо, консервы, крупа, сахар, чай, табак.

Хранилище — топливо: бензин, солярка; наука — одному она совсем ни к чему; кинофильмы, медикаменты.

Дома — живи хоть в трех, а не по четверо на восьми квадратных метрах.

Дизельная — при некотором первоначальном навыке и ты в состоянии управиться.

Мертвые лампы. Ртутные лампы дневного света по семьсот ватт каждая.

Черное небо — твое. Черные торосы — твои.

Все вокруг на тысячу миль — твое.

Застылый трактор, закутанный, как слон в попону, склад металлоконструкций — гнутые уголки и куски швеллера — тоже твои...

Один...

От чего погибнешь раньше?

От тоски по человеческому голосу?

От собственной беспомощности, от ничегонеделанья, опустив руки и прикрыв веки, уснув, как подбитая птица на снегу?

На пределе отчаяния, в походе к людям, превратившись в пельмень в морозилке? Идти надо тысячу километров, а пройти одному, без поддержки и помощи, сотню, ну сто пятьдесят верст уже испытание испытаний...

Тогда ни уйти, ни закричать, ни позвать на помощь — некого.

Без людей — никуда. Без товарищей — никак.

Вот и дом, чуть осевший на один бок во время летнего таяния, уткнувшийся в сугроб, как подбитый танк... Дошел до соседей, до друзей-товарищей... Ура!

Нападает вялость. Трудно установить, не спутать причину и следствие: то ли вялость мыслей и чувств рождает слабость физическую, то ли отсутствие физических нагрузок, к которым успели крепко привыкнуть, сковало ум. Как резко ушедший из спорта чемпион, расслабившись на малую долю, мигом теряет форму...

Начало октября — аналог глухой поры среднезимья в студёный год. Хлещет плотный утренник, подгоняя на бегу. Вскходит желтое холодное солнце, выются из труб дымки — деревня, русская деревня морозным днем в крещение, только нет лошадок и розвальной.

Раздаются в морозном воздухе голоса. Люди спешат, доделывают, готовятся, стремясь сократить в будущем общение с природой до необходимого минимума. Утепляют дома, оборудуют тамбуры, заводят кабели последних измерительных линий в лаборатории... То тут, то там возникает фигура механика-фонарщика. Он крепит на длинных стержнях лампы дневного света. Сначала они горят четыре-пять часов в сутки.

Но время их работы увеличивается. Бушуют закаты. Выхватывают края горизонта даже не красным, а малиново-алым, неживым, химически-анилиновым цветом. И снова ночь.

Грядет самая физически тяжелая работа на дрейфующей станции — постройка взлетно-посадочной полосы, устройство ледового аэродрома...

Там, где весной заходили на посадку самолеты, а летчики нахваливали: «Полоса у вас, мужики, лучше, чем в Шереметьево!», теперь раскинулся испытательный полигон тяжелой гусеничной техники,

усеянный крепко спаянными ежами и надолбами торосов.

Надо искать новую площадку, облазить все вокруг в радиусе трех-четырех километров. Это привилегия самых опытных. По ранним первым морозам вели разведку. Где найти заветный прямоугольник в тысячу сто на пятьдесят метров?

Надо успеть, пока светло, пока ночь коротка, пока относительно жарко — минус десять — пятнадцать...

Никто медлить не собирается, и природа в том числе. Она почти всегда опережает людей на полшага. Прошла трещина между стоянкой трактора и намеченной площадкой. Нет прохода, нет объезда... Дунул ветер, понес поземку, и занесло метровым слоем снега будущий аэродром. Можно разгребать его вручную... Как раз успеешь к весне. Нет, не успеешь — следующая вьюга уничтожит не только следы труда, но и следы присутствия. Остается ждать, наводить переправу, намораживать на тонкой свежей пленке льда добавочный слой: трактору хочешь не хочешь, а семьдесят сантиметров льда под гусеницы подай.

Так или иначе, на декаду раньше, на неделю позже, но аэродром строят. И каждый раз лелеют планы: как обойтись минимумом затрат ручного труда, малой кровью. И, как при любом штурме, генеральном наступлении, действительность жестче.

И вот пошли на приступ, вплотную, вооружившись — кирки, пешни, ломы, лопаты. Растаял мираж легкой победы, осталась реальность с ее занозами, ухабами и дурным характером. Главкомандующий противника — генерал Мороз отлично укрепил свои позиции.

Вспучились, встали на дыбы даже те участки, которые не так давно пленяли отсутствием малейших шероховатостей. Добавилась к старым новая гряда надолб — торосов. После расчистки поверхность льда пронизали паучьей сетью термические трещины.

Начали. Первый удар ломом. Первый взмах киркой.

Какой малюсенький кусочек льда, льдышечку, которой ребятам впору играть вместо шайбы, отколупнул ты от тороса! Толстого, промерзшего, противного. А сколько их — торосов, бугров, вздутий, колдобин впереди! Дух захватывает.

Температура — за минус двадцать. Для человека с пешней в руках, которую он не просто держит, а раз в секунду с силой вонзает в ледяной щит, такой мороз не беда. Но на помощь врагу приходит ветер. Обжигает, заставляет развернуться, показать спину...

Следует маневр. Зашли в тыл к бугру. Развернулись и встали в ряд — у каждого свой участок, фронт наступления — и пошли.

Кажется, весь день, с утра до вечера, ты машешь тяжелой железякой. Бьешь и сверху, и сбоку, стараешься вспороть основание, колотишь по краям и сколам...

— Сколько времени? Обед-то не провороним?

— Минут двадцать только отработали.

На шарф, на опущенные уши шапки садится иней от горячего дыхания. Усы и борода схватываются длинными сосульками.

Нижняя часть лица покрывается коркой. Усачи и бородачи превращаются в моржей, а все вместе — в кинозвезд — мороз подрисовывает, удлинняет ресницы. Дышать труднее не становится. Становится противнее — мешает короста. Набухают с отвычки белье и свитер.

Одеваться надо по работе — шуба не годится. Легкий штормовой костюм, и не останавливаться. Все равно в первые дни через час пот катит градом. На пять минут прерваться — застынешь. Перекуров нет. Даже самые заядлые курильщики забывают о существовании сигарет и папирос.

Через шесть часов — отбой. На смену идет другая бригада. Им еще тяжелее — легла темнота, и работать предстоит при свете прожектора. Узкий луч выхватывает линию атаки, инструмент передается из рук в руки. И так двенадцать часов в сутки. Утро — вечер, вечер — утро. А с каждым днем темнеет все раньше. Вот осталось только четыре часа светлых плюс два — два с половиной фиолетовых сумерек.

А доползаешь до дома, сейчас бы лечь, не думать ни о чем, нет сил идти на обед, и снова всеподавляющее чувство: «Надо!» Надо при этом и залить соляркой печи в доме, и обслужить себя, и, главное, надо — не пропустить ни единого срока наблюдений. Подменяются, не спят ночами... Все понимают, что просто прибавилось больше хлопот.

Чего только не придумывали за многолетнюю историю дрейфующих станций, чтобы облегчить тяжкий труд! Взрывали поднятия тринитротолуолом, бутили ямы снежной и ледяной крошкой, заливали низины, закатывали неровные поверхности специально сделанными гладилками, которые печально влек за собой трудяга трактор.

И все-таки — пешня и руки. Без них — никак. Трактор и гладилка в помощь. А остальные приспособления не выдержали испытания временем.

Морозы, ветер, мозоли. Неделя, другая, третья.

Каждый квадратный метр полит потом. Двадцать метров утром, двадцать — вечером. Рождается что-то осязаемое.

То, что недавно пугало безбрежностью и объемом, трансформируется в подобие футбольного поля. Доходит дело до энергетики. Протянули кабель, завели автономные двигатели, зажгли сигнальные лампы — осветили края, как гирляндой елку.

Вспыхнул свет: две ровные белые линии в ночи. Торцы красные — как подрубленная кайма платка. Это сигнал опасности, дальше дороги нет, дальше Арктика, не тронутая рукой человека.

Тысяча сто метров, местами гладких, как зеркало, местами больше похожих на стиральную доску, и ни сантиметра меньше — требования Аэрофлота — это полоса, аэродром, который свяжет лед и землю.

Ушла на землю радиограмма: готовы к приему технического рейса. Это значит, что поведет первый самолет самый опытный пилот. Он будет садиться в неизвестность, изучив лишь сухие

строки служебных радиogramм. Захватят только почту: письма, посылки, газеты, журналы.

Вскочит из черного неба самолет, проявятся, как на переводной картинке, бортовые огни... Но долго он будет кружить, постепенно снижаясь, замеряя с воздуха длину площадки, посвечивая фарой-искателем...

Письмо! Первое письмо за полгода!

Принесли в каюту свертки почты. Газеты и журналы пока в сторону, до них дело дойдет завтра. Двое наперебой выкрикивают фамилии. Сгрудились, обступили, тянут руки... У некоторых счет письмам идет уже не на единицы — на десятки. Многие не выдерживают: прямо в каюте, забыв обед или ужин, забыв, что стынет борщ, надрыдают нетерпеливо конверты, забиваются в уголок — и пропадают.

Новости всегда новости, даже не очень радужные. От английской поговорки «Лучшие новости — это отсутствие всяких новостей» устали, сыты по горло.

Первая декада ноября. Сдача взлетно-посадочной полосы, первый самолет.

Ноябрьские дни — число седьмое.

Загораются все лампы. Включаются все прожектора — на полную нагрузку молотят дизели. Охлестывает ветер черные фигуры с красными бантами на груди, метет поземка. Идут группы к трибуне, построенной из снега.

В назначенное время щелкает залп.

Снег, ветер, кумач — ощущение возвышенной тревоги. Прожекторы мечут лучи. Тени шевелятся, плывут в их свете.

Митинг — короткий, деловой, жгучий.

Салют из ракетниц. Вспыхивают над станцией красные, белые, зеленые огни. Дрогнувший голос начальника:

— Да здравствует Октябрьская революция! — слова относит ветер.

— Ура!

Праздничный ужин особенно параден. Тосты, пожелания, речи, песни.

Потом записанная на пленку передача «Голоса родных».

— Папочка, — вновь пришептывает голосок. — Я прочитаю тебе стишок...

И завершение любого праздника — самый веселый фильм, пусть даже не самый лучший с точки зрения придирчивой критики.

А через пять минут после отбоя руководители групп докладывают дежурному по станции о наличии людей. Завтра — нормальная, обычная работа.

...Время резко сбрасывает ход на середине дистанции. Приходит испытание общением. Научиться смотреть на себя со стороны каждую минуту, извинять слабость, не обращать внимания на мелочи, прощать привычки окружающих. И часто ранее незнакомые или знавшие друг друга на уровне «привет! как дела?» приезжают из экспедиции друзьями на всю жизнь.

Врагами на всю жизнь не приезжают. Если в группе или, что уж совсем редко, среди двоих и складываются аномальные отношения, эта группа или ее «больная» часть отправляется домой...

Начальник станции имеет право не взирать на прошлые заслуги — он отвечает в первую очередь за всех.

Он — капитан, главнокомандующий, диктатор, если хотите.

Хоть ночь и завладела небом целиком и полностью, хоть каждые сутки добавляют морозца — среднесуточная температура уже подкрадывается к «рубежу зрелости» — цифре тридцать пять, но живее становится на станции к концу осени. Нет-нет да и привезет вести самолет, частично меняются люди — приблизительно треть научных программ полугодовые... Новые разговоры, новые товарищи, беседы о делах институтских, об общих знакомых. Но колет, сосет под ложечкой, когда видишь собранные вещевые мешки у взлетной полосы. Улетают друзья. Обнимаются у трапа до хруста костей. Обнимаются — провожают, обнимаются — встречают.

Некая общая растерянность чувств.

Надо пересилить себя, отнестись к этому проще, обыденнее — будет легче жить дальше.

А как это сделать?

Дни уходят. Их за спиной уже больше, чем впереди. Перевал позади, высшая точка пройдена. Но точка «мертвая» — как у марафонца тридцать пятый километр — еще не преодолена.

Имя ей — зима.

Зима

Издавна считается: трудное время — зима. «Перезимовать бы, а там...» — и воображение рисует картины, в которых теплые молочные реки мирно несут свои струи меж кисельных берегов.

И здесь зима — зима в тысячу крат. Самое что ни на есть испытание. Никто из уезжающих в экспедицию, ну разве что кроме совсем зеленых новичков, никогда не скажет: «Уезжаю на год...» Он скажет: «Уезжаю на зимовку...»

— ...Все мы хорошие люди, но здесь мы давно. — Кто-то вздыхает, нарушая тишину в курительном тамбуре. Сентенция в перерыве между затяжками.

Плотно, плечом к плечу, сидят на скамеечках.

Сидят и просто молчат — устали. Как устает металл вращающихся валов машин. Несколько стерлись, как стирается рабочая поверхность дисков сцепления.

Дымят. Перерыв на обед. Еще полчаса, и снова — туда, за дверь. С внутренней стороны и дверь, и тамбур — теплый, отапливаемый горячей водой из системы охлаждения мощных дизелей, с добавочной пристройкой из фанеры, защитой от пурги, своеобразным стыковочным модулем между тобой и окружающей средой, — в наледи.

Гудят всю вентиляторы, но не справляются, не успевают полностью перемешать тепло батареи с холодным паром, сочащимся

из всех пор, оседающим во всех углах и щелях, на шляпках болтов, на законопаченных пазах сборных стен.

Кто-то вспомнил, очень к месту, один из вопросов новичка, заданный давным-давно, при паковке в городе:

— Зачем мы берем с собой вентиляторы? — И не без иронии: — Будет очень жарко?

И ответ:

— Нет, будет очень холодно...

Без этого нехитрого прибора каждый день вспоминали бы Джека Лондона, чьи герои играли в карты в юконской хижине, раздетые по пояс, а их ноги, обутые в двойные унты, терзал мороз.

Каждый день давит природа на спиртовой столб термометра, загоняя его все ниже и ниже: тридцать девять, сорок один, сорок шесть, пятьдесят... И это не предел.

Конечно, есть места на нашем земном шаре, где бывает существенно холоднее. Пример наипростейший: внутриконтинентальные районы противоположного полюса. Там не редкость температура на двадцать — тридцать градусов и ниже. А у нас если сорок, так нам это прямо Сочи, Крым... Но не будем забывать, что шестьдесят ниже нуля — гарантия отсутствия ветра; эти районы — гарантия стабильности, под ногами трехкилометровый ледяной панцирь; это гарантия того, что почти все, ну кроме самого минимума (выпуск радиозондов, наблюдения метеорологов), работы и исследования ведутся дистанционно, из укрытий и балков.

Здесь — все наоборот.

Ветер, который хуже мороза, а если не хуже, то его дополняющий.

Термические разломы льда — льдина при резких перепадах температуры лопается, сопровождая этот процесс звуками, похожими на винтовочные выстрелы.

Сжатие, сплочение ледяных полей. Хорошо, если ты на айсберге — тогда ломаешь, крушишь соседей, как суперледокол. А если нет?

Такое, чтобы трещина прошла прямо под домом, да в ветер метров восемь в секунду, да в сорокаградусный мороз, а меньше, чем через час, начался интенсивный сдвиг обломков, — редкость.

Но было.

И когда улеглись страсти, когда трактор с перемерзающей топливной системой, которую чуть ли не на ходу приходилось отогревать факелами (какая к черту техника безопасности!), выдернул дом из опасной зоны, у одного из жителей спросили, что он почувствовал в первые мгновения, когда жилье всколыхнуло и потащило в сторону.

Он ответил:

— Я подумал о том, что здорово поморожу лицо и руки. И что впереди море работы, которую придется делать заново. И что при переезде нам побьют и покорежат половину аппаратуры.

А как встанут сильные морозы — только к майским праздникам немного отпустит, поднимется до более-менее привычных двадцати — двадцати пяти.

Но все-таки холод не самое неприятное. Его спутница — темнота.

Только мертвый свет повисших над станцией ламп. Когда усиливается пурга, их яркие ореолы тускнеют, превращаются в некое подобие гало, а затем совсем скрываются за снежной пеленой. А в ясную погоду чуть вышел из круга, очерченного на плотно переметенном снегу, и окунулся в чернильный мрак. А за спиной остается станция, оплот тепла и света, тонущая в сугробах, заметенная, съжившаяся. Прожекторы, лампы, световые пятна, мешанина бликов, невероятная архитектура, причудливые связи, паутина проводов — то ли огромный космический корабль, то ли место высадки инопланетян.

Темнота угнетает. Темнота настораживает. Темнота подавляет.

На первых порах ходишь сонный, вялый — ночь, кругом ночь, надо спать, надо отдыхать. Но в действительности требуется совершенно противоположное. Надо идти и делать свое дело. Но спать хочется постоянно. Вечное ощущение слипающихся припорошенных глаз; тяга к теплу дома, теперь уже кажущегося верхом уюта и блаженства, родным, непреходящим — словно не знал никогда никаких других домов и мест.

Холод и темнота нивелируют, притупляют чувства. Остаются наиглавнейшие: долг и товарищества...

...Зимой объективно меньше работ, чем летом, меньше тяжелого физического труда, неблагодарной черновой подготовительной работы, необходимо предшествующей научному поиску на лю-

бом уровне. Но никто из ветеранов, да и просто опытных полярников не скажет, что зимой лучше, чем летом.

Молча, без особых улыбок, только накатанное «спасибо» поварам, один за другим покидают кают-компанию. Все реже собираются у бильярдного стола, за шахматной доской, даже крики доминошников слышны нечасто.

В первые месяцы зимовки по наблюдениям врачей экспедиционники стремительно набирают вес — позади все мелочные заботы и дразги, все мирское, здесь режим, продуктивный труд на свежем воздухе. Но к январю они теряют приобретенное. Такова статистика. Казалось бы, все должно быть наоборот — режим тот же, заботы дальше.

Декабрьскую сонную одурь сменяет бессонница января.

Бледнеют лица, отвыкшие от солнечных лучей, бледнеют впечатления и грубеют души.

Это хуже и холода, и темноты. Люди устали. Нужна разрядка, нужен праздник!

Новый год! Как его ждут, как к нему готовятся: пишут песни и оды, готовят торты и эстрадную программу — невообразимое смешение жанров — от пантомимы до музыкальной эксцентрики; чистят и гладят брюки, подравнивают усы и бороды. И ждут, считают дни и часы.

Потому что это не просто Новый год, а год возвращения.

Можно как угодно обманывать себя, прикидывать оставшийся срок в часах, днях, месяцах, банях, яичницах, но всегда в подсознании заложена иная реальность: домой даже не в этом, а в следующем году...

Год — он год только на бумаге, а сложенный из кирпичиков дней, сцементированный минутами, представляет собой пирамиду невероятной высоты.

И вот он, год Новый! Праздник, когда поют все. Даже те, кто до этого ни разу не открывал рта по причине полного отсутствия голоса и слуха.

Как и во всем мире, здесь тоже начинается отсчет нового времени.

Тосты, речи, смех... Улыбки, шутки, застольные песни...

Расходятся утром (какое утро — темень непроглядная!), по крепкому морозу, досыпать дома. Стали уже домами, пристанищем родным аккуратные ящики сборных щитовых балков.

Выметает дежурный ссохшиеся иглы, обрывки серпантина, кружочки конфетти из углов каюты. Прошумел праздник. Горы грязной посуды, хаос столов и стульев — все, как на континенте. Пора в будни. А будней впереди еще длинная череда.

Есть время подумать. Зачем ты здесь?

Конечно, каждый ищет на дрейфующем льде свое. Так что же? Деньги? Научный поиск? Долг? Трудная игра «в настоящего мужчину»? Стремление все испытать, все преодолеть? Тяга к перемене мест? И никто не ответит однозначно, ни в самом начале, ни тем более сейчас.

Говорят, высокие широты затягивают. Не редкость специалистов, за плечами которых десяток — десяток! — полновесных зимовок. И это не предел — рекорды здесь не ставят.

Никто из старожилов этих широт, не случайных, постоянных обитателей дрейфующих станций, никогда не скажет точно: почему? Кто сразу выложит то, что выношено, выстрадано и понято за прошедшие годы?

Остановка во времени предполагает взгляд назад, обращение в себя... Тогда и приходит решение — что к чему и зачем. И нет людей, которые, пройдя все круги Арктики, возвратились бы ожесточеннее, нетерпимее, злее... Да и остаться таким, каким был, тоже практически невозможно. Приезжают лучше, чище, добрее...

...Середина января — середина февраля — проверка на прочность.

Но приходит день. Вбегает кто-то в лабораторию:

— Ребята, а сугробы уже синие! Синие!

На полчаса в день поднимается у края неба рассветная синь, оживает на краткий миг пейзаж: скользят тени, естественные тени, полутона, а не жесткие изломы прожекторных страшилищ.

Полчаса, час — медленно-медленно глухую ночь сменяют сумерки. Их торопишь, их ждешь. Ведь свет — это жизнь, это возвращение к ней.

...С тобой щедро делились опытом, не жалели времени и рук, выполняя зачастую твою работу. Учили всему: как входить в каюткомпанию, как и во что одеться, как передвигаться по снегу и насту в сумерках ранней весны и поздней осени... Учили не беречь себя. Учили, как пользоваться паяльником на двадцатиградусном морозе, задубелыми корявыми руками ставить тонкие опыты, запаивать волосяные ножки микросхем и обкалывать края гидрологических лунок от нарастающего льда.

Теперь все равны, равно опытные и равно ответственные. Снег, ветер и соленая вода прошли с нивелиром.

Разгорается алым край неба. День, два, неделю растет полоса у горизонта, все труднее сумеркам сминать ее, прятать в темных драпировках. Заворачивают морозы. Недвижим становится воздух — уходят куда-то ветры и пурги. Еще ни разу не выглядывал из-за линии горизонта диск, но его чувствуешь, ждешь, подслеповато щуришь глаза, отвыкшие от дневного света, на восток...

Меняется все вокруг — ландшафт, режим, настроение, люди. Иные проблемы, иные заботы. Стихают страсти, остается светлая ностальгия.

Обмениваются адресами, договариваются о будущих встречах на континенте. Не просто легче становится — веселее...

Сам восход будничен и прозаичен: раз всего и показался горб желтого верблюда, а когда — никто точно не скажет, дежурный был занят, впередсмотрящих не выставляют, свободных людей, претендующих на эту должность, нет. Позавтракали, и вот оно — солнце!

Но надо не досиживать, радуясь светилу, а подчищать хвост

ты, доделывать то, чему мешала и противилась зима, наверстывать то, что упущено, выполнить программу работ по максимуму.

В лагере начинают гаснуть лампы наружного освещения. Необычен и насторожен вид станции. Всю позднюю осень и зиму они сверкали, разбрасывали светлые брызги, служили маяками, опорой во тьме. Странно без них, дико... Все шире заливает светом сколы торосов. Зима уходит, но уходит абстрактно — вместе с падающими листьями календаря. Тепла нет, наоборот — солнце на исходе зимы несет добавочную порцию холода, слишком низко стоит над горизонтом.

Касьянов день — двадцать девятое февраля. Не повезло — зимовка пришлась на год високосный, лишний день. День вне планов. И — странное чувство — все время гнал зиму прочь, подстегивал, прищипывал, пытался разойтись с ней, считал оставшиеся дни. Привыкал к ней, как к чему-то неизбытно тяжелому, — и вот нет ее, остались считанные часы.

Будут новые люди, новые друзья, новые дела и заботы. Новая программа, новые исследования, страницы, опыты, телеграммы...

Такую, какой была эта зима, больше не вернуть, не встретить, не повторить. Зима надежд и тревог, зима людей, о каждом из которых потом сможешь сказать: «Я с ним зимовал...»

УГОЛЬ И РОЗА

— Тема сегодняшнего сочинения — осень, — сказала учительница. — Вот и напишите, ребята, каким вы видите это время года.

Детские головы склонились над тетрадями, зашкрипели перья. Только одна девочка сидела неподвижно, о чем-то раздумывая.

— В чем дело, Майя? — подошла к ней учительница.

Девочка встрепенулась, обмакнула перо и тоже застрочила.

«Я расскажу про осень, которая бывает на острове Шпицберген... — перо споткнулось на секунду и побежало дальше, — потому что я забыла, какая осень на материке...»

Ворох фотографий, писем, газетных вырезок. И среди них — эта ученическая тетрадка дочери. Случайно уцелевшие, разрозненные свидетели дней минувших, ставших памятью. Женская неторопливая рука трогает их, в мягком грудном голосе — волнение:

— Это уже было потом, после зимовки. А началось так. Мужа вызвал Отто Юльевич Шмидт и предложил работать в Арктике. У меня тоже был разговор со Шмидтом: «Мы-то как одни останемся, Отто Юльевич? Сыну полгода и дочери шесть лет...» «Это важное государственное дело, — он говорит, — и Плисецкий — самая подходящая кандидатура. Я буду его рекомендовать!» А сам Михаил обрадовался, как раз по нему была эта работа. Он всегда радовался новому, интересному, где можно развернуться. Сразу стал собираться, приготовил заранее и одежду, и рюкзаки, и даже лыжи...

Да, Шмидт умел подбирать людей. И конечно, учел все. Мальчишка, в семнадцать лет ушедший на гражданскую войну (на самом деле Плисецкому тогда еще не было и семнадцати, он подделал документы, лишь бы попасть на фронт), лихой кавалерист, получивший ранение в бою с белополяками (налетевший конник рассек саблей руку; ничего, сшили, только задетый нерв напоминал о себе всю жизнь). Член партии с 1919 года, человек, всецело преданный коммунистической идее. После войны, когда стране понадобились не отчаянные рубаки, а командиры производства, «совхозяева», Плисецкого направили в Институт экономики. Уже на последнем курсе ему стали давать ответственные задания: работал в приемной Калинина в Кремле, ездил по наркоминдельским и внешнеторговским делам за границу, организовывал съемки первых, еще немых советских фильмов...

В 1932 году его назначили начальником наших рудников и консульским агентом на Шпицбергене. Задача, поставленная перед ним, была сформулирована очень четко.

Россия обращена северной частью к Арктике, для того чтобы ее освоить, в первую очередь нужно топливо, уголь. Где его взять? Уголь есть на Шпицбергене, причем высококачественный. СССР приобрел у иностранных компаний два рудника — Грумант-Сити и Баренцбург. Так что база будет. Надо как можно скорее дать уголь. Причем в особых условиях — норвежский суверенитет над Шпицбергенем.

Ты, Грумант-батюшко, грозен,
кругом льдами окружен
и горами обвышен.
На тебе нам жить опасно,
не пришла бы смерть напрасно...

так пели русские поморы, первооткрыватели архипелага, направляя свои лоды в студеной океан. История оставила нам мало имен и много безымянных могил. «Страной острых гор» назвал Грумант Виллем Баренц, а Нансен — «геологической книгой с картинками». Охотники за наживой и любители экзотики, герои науки и авантюристы — людские волны одна за другой окатывали архипелаг и уносились вспять, оставляя там только кресты. Люди приходили и уходили, Шпицберген был по-прежнему «грозен» и неприступен. В XVII столетии в водах, окружающих архипелаг, промышляли целые флотилии китобоев, но, выбив почти всех водных исполинов, и они рассеялись. Море невозмутимо лизало китовые позвонки и скелеты разбитых шхун.

Новая лихорадка потрясла Шпицберген в первой четверти нашего века: на западных, доступных для жилья берегах архипелага, как грибы, вырастали палатки и хижины, реяли разноцветные флаги, гремели выстрелы и взрывы, поднялся целый лес заявочных столбов. В 1912 году здесь работал и русский экспедиционный отряд геолога Владимира Русанова — он обследовал ряд мест и закрепил за нашими промышленниками много участков;

вслед за этим было основано товарищество для добычи угля — «Грумант».

Но большей частью эти компании были эфемерными мотыльками-однодневками, которые и не думали всерьез заниматься разработкой недр, заявки делались в надежде перепродать потом участок подороже и сорвать барыши. Фритьоф Нансен писал по этому поводу: «Мне кажется просто смешным, что люди, никогда раньше не бывавшие на Шпицбергене, воображают, будто достаточно — когда им взбредет в голову стать владельцами крупных земельных участков на Севере — взять с собой лодку, нагруженную досками с надписями и вдобавок с фальшивыми датами, да приколотить эти доски к столбам, установленным на берегу, чтобы получить права и преимущества перед другими людьми, которые здесь жили и трудились, быть может, еще тогда, когда этих захватчиков и на свете не было».

Люди зарывались в землю, словно стараясь крепче вцепиться в нее, удержаться надолго. Они искали черный уголь под белым снегом и мечтали превратить его в золото. И что же? Многие компании, едва начав свою работу, когда разразился мировой экономический кризис и цены на топливо внезапно упали, прогорели, не успев развернуться. И вновь опустели эти берега. Ветер заносил снегом покинутые штольни. Только на берегах Айс-фиорда еще теплилась жизнь: работала небольшая, поддерживаемая правительством норвежская шахта в Адвентбее да в Баренцбурге, законсервированном голландцами, два сторожа ловили на улицах песцов — охранять рудник было не от кого.

И вот новые люди ступили на эту землю. В 1931-м на рудник Грумант-Сити прибыла первая партия советских рабочих, а летом следующего года наши пароходы доставили в Баренцбург еще несколько сот человек и ушли, попрощавшись гудками. Горизонт опустел. За судьбой наших рудников на 78-м градусе северной широты пристально следил весь мир.

Женские руки перебирают фотографии... Обледеневший причал. «Чертова лестница» из восьмидесяти четырех крутых ступенек, ведущая с причала в поселок. Хмурые бараки. Двухэтажный дом с флагом, консульское агентство. Кабинет Плисецкого. Хозяин кабинета — совсем еще молодой человек — застигнут фотообъективом в момент работы за письменным столом: во всем его облике сквозит энергия, он смотрит на нас, отделенных от него полувеком, остро и, кажется, испытующе. За спиной у него, на стене, — большая диаграмма, рост добычи угля. А на столе — цветок... Роза.

— Мой муж всегда был, как бы это сказать... юным, — говорит Рахиль Михайловна. — Он даже отпускал бородку, чтобы казаться старше. Красивый, веселый, остроумный, а главное — нужный делу и людям. Некоторые даже завидовали ему, что у него все получается...

И еще один документ удалось мне раздобыть — записи, сделанные со слов Плисецкого его другом, поэтом Вадимом Шершеневичем.

С чего все начиналось? С митинга? С инвентаризации? Или с заработавшего дизеля и вспыхнувшей лампочки? Или, может быть, с того несостоявшегося банкета, которым встретило Плисецкого прибывшее чуть раньше временное начальство рудника? Оглядев тогда ломившийся от бутылок и яств стол, Плисецкий развернулся и отправился в рабочую столовую, потянув за собой всех начальников, и бывших, и новых. А может быть, Шпицберген начался для него с того дня, когда в Баренцбург прибыл с визитом норвежский губернатор Волмер Марлов? Вот тут понадобилось и угощение. Обе стороны были беспрельдно любезны, и, как оказалось, не только на словах, — отношения с норвежскими властями и в будущем оставались неизменно добрососедскими. Но когда речь зашла о налоге, взимаемом с рудника, Плисецкий не церемонился, он торговался, как лавочник в старое время, и договорился, только сильно сбив сумму...

Правильнее сказать, весь тот год стал сплошным началом. Все было ново и непривычно: и сверкавшие вечным снегом вершины, и языки ледников, из-под которых бурлили реки, и царственно-медлительные айсберги, и тучи шумных птиц, и деревья ростом ниже колена, и солнце, которое круглые сутки каталось по небу, словно мучимое бессонницей.

Голландская фирма «Неспико» продала свое хозяйство, согласно договору, — «как оно стоит и идет». На деле оказалось, что не все «стояло» и многое «не шло». Это и немудрено, за шесть лет консервации шахта пришла в запустение: в нее проникла талая вода, вход в штольню затянула мощная ледяная пробка. Часть оборудования проржавела и требовала ремонта, не хватало запасных частей. Свои снабженцы, торопясь отправить на остров за оставшийся после подписания договора срок навигации хоть что-нибудь, действовали вслепую, в результате зимовщики оказались без многих необходимых вещей. Достаточно сказать, что на складе лежало всего сорок полушубков — на все население Баренцбурга... Есть от чего схватиться за голову. Но унывать времени не оставалось — надо было срочно восстанавливать и расширять рудник. Работа закипела. Распределенные по бригадам люди трудились сразу на нескольких объектах: монтировали большой мостовой кран, сортировочный склад и электростанцию, возводили жилые бараки, двухэтажную столовую, полярную станцию.

Между тем день резко убывал, похолодало, повалил снег. Надвигалась полярная ночь. И словно грозное предостережение о ее наступлении, все чаще завывала над Баренцбургом троекратная сирена — сигнал аварии. Сгорел скотный двор и в нем одиннадцать коров и почти все ездовые собаки. Разбился, сорвавшись с мостового крана, монтажник Фролов. Посланный в Баренцбург из Мурманска пароход сел на мель, и, чтобы спасти

его, морякам пришлось выбросить за борт большую часть нужнейшего для рудника груза.

С наступлением холодов возникла новая проблема: где взять воду? Попытались сначала ловить «айсберчат», потом начали «доить» ближайший глетчер. 28 октября катер «Полярная стрела», отправившись за водой, был настигнут штормовым зюйд-вестом, жестоким и коварным поморским «шелоником», и выброшен на берег. Плисецкий тут же собрал спасательную партию, разыскал катер, но недосчитался там трех моряков. Они стали жертвами собственного нетерпения — решили вернуться домой на маленькой лодчонке. Тело одного из них нашли на берегу, двух других похоронило море.

Это только из числа крупных несчастий, мелкие же аварии и неполадки случались ежедневно. Шпицберген безжалостно наказывал за малейшую оплошность, за любой промах. И не все выдерживали. На острове началась «буза». Вдруг Плисецкому стали приносить документы, подписанные им самим, которые он раньше и в глаза не видел. Бумаги эти были одинаковы — во всех давалось разрешение на выдачу спирта и подпись была подделана так мастерски, что сам Плисецкий мог с трудом отличить ее от собственной. Потом в его кабинет зачастили рабочие, требовавшие отправки на материк. Причина? Болезнь. Думали, платить будут больше. Или просто: хочу — и все. В ответ на угрозы и призывы приступить к работе следовала стереотипная фраза: «Лежу и буду лежать»... И действительно, случалось, человек уходил в общежитие и ложился — знал, что кормить все равно будут и под конвоем на работу не поведут. Число бузотеров росло, и во всех их действиях чувствовалась чья-то единая, направляющая рука. На острове не спрячешься, и скоро все выяснилось: в Баренцбурге наряду с «Арктикуглем» действовал еще один «трест», имевший у рабочих сразу два названия — «Арктикуголь» и «Арктикспирт». Была у тайного треста и своя контора — парикмахерская, и свои управляющие, и даже свой гимн, который начинался так:

На острове Шпицбергене лафа,
там пьянствует рабочая братва...

Характерен для всей этой истории случай с шахтером Братановым. Угрюмый верзила Братанов по примеру других тоже явился к начальнику рудников и бросил на стол заявление.

— Отправляйте! Не работник я здесь.

— Вы приехали на год. Идите и работайте до конца договора.

— Не подпишете?

— Не подпишу.

Братанов грохнул по столу кулаком так, что перевернулась чернильница, и подкрепил этот довод ссылкой на господ бога.

— Идите, идите... — спокойно сказал Плисецкий. — Работа ждет.

— Пока не подпишете, не встану, — Братанов уселся в кресло.

— Ну сидите, пока дырку в штанах не просидите. А мы вам прогул запишем.

Плисецкий работает. Братанов сидит. Через час снова вскакивает:

— Да если ты не подпишешь, я и тебя, и твой кабинет разнесу к такой-то матери!

Молчание. Плисецкий невозмутимо продолжает что-то писать, вызывает людей, звонит по телефону. Еще через час Братанов, нагнув голову и опустив глаза, уходит. Несколько дней он «лежал», а потом, видимо, надоело — пришел на работу.

Да, было и такое. И все же как раз трудности Севера, чувство причастности к большому делу позволили большинству раскрыть здесь лучшие свои качества.

Кроме советских людей в Баренцбурге работала небольшая, но довольно пестрая группа иностранных специалистов, присланных «Неспику» для монтажа оборудования. Они держались особняком и думали, как казалось, только о заработке. Несколько человек сочувствовали Советам. Но были среди иностранцев и фашисты: итальянец Мартини, например, старательно выводил свастическую конструкцию.

Возглавлял спецов инженер-электрик Алевиензе, аккуратный, невозмутимый, всегда корректный голландец. Он был умен, хорошо знал дело и выполнял его в лучшем виде. В острые моменты он лишь ядовито улыбался — поводов для насмешек в тот год хватало. Любимым выражением Алевиензе было: «Это ваше завтра...» — словом «завтра» он называл все, что ему казалось сомнительным.

Однажды Плисецкий шел с ним по берегу залива. Остановились у разбитого моторного катера с надписью «Неспик».

— Хотим починить его, но вряд ли успеем в этом году, — сказал Плисецкий. — Как бы его назвать?

— Как назвать? — переспросил Алевиензе. — Ну конечно, «Завтра»!

— Вы правы, — нашелся Плисецкий, — тем более что «Завтра» — это лучше, чем «Вчера». Не так ли?

Алевиензе вежливо улыбнулся.

За внешним спокойствием Плисецкого таилась военная закалка, бойцовский характер. Вопиющие безобразия, от которых у более слабых опускаются руки, он воспринимал как неизбежные трудности, преграды, требующие преодоления. Он не был сверхчеловеком, на Шпицбергене многие работали на предельном напряжении, да и без дружных усилий целого коллектива никакая работа там вообще немыслима. Но он был на виду, ему приходилось думать обо всем и обо всех.

Трудовой день в Баренцбурге начинался в шесть утра. Необходи-

мо было обойти строительные и монтажные объекты, решая на ходу самые срочные дела — любое упущение могло обернуться катастрофой. Когда же добирался до кабинета; и там ни минуты не оставался в покое: беспрерывно звонил телефон, входили посетители, росла кipa непросмотренных бумаг. То надо было мчаться на собаках за сорок километров на второй рудник Грумант-Сити, где тоже шла реконструкция, то ехать в Адвентбей, к норвежцам. Кроме производственных работ приходилось решать уйму административных и чисто бытовых проблем вроде регистрации браков и рождений. Служивцы шутили, что, если бы в штатном расписании числилась должность заведующего таяньем горных снегов или инспектора белых медведей, Плисецкий, без сомнения, должен был бы исполнять и ее.

Обычных суток для жизни не хватало. Он урывал несколько часов для сна. А будильник уже возвещал новое утро и звал на рабочее место. Поднимался разбитый, с размотанными нервами и тяжелой головой. И думал при этом: «Какая неприятность случится сегодня? Откуда ее ждать?»

К 7 Ноября — пятнадцатой годовщине Революции — один забой был подготовлен к добыче угля. Плисецкий перерезал ленточку, и под пение «Интернационала» и крики «ура» пятнадцать груженных вагонеток выползли наверх, в сумерки полярной ночи. Конечно, это было только символическое событие — планомерная добыча угля еще не началась, и все же — победа, она должна была вдохнуть в людей уверенность: дело сдвинулось. В Баренцбурге появился шутливый лозунг: «Отсель снабжать мы будем углем!»

Накануне Нового года руководство рудников собралось на итоговое совещание. Как назло, именно в этот момент вышел из строя дизель, во всем Баренцбурге только в рудоуправлении горела единственная лампочка, и та не горела, а тлела. От этого лица казались мрачней обычного. Вокруг лампочки и сдвинули столы.

Что удалось сделать к концу года? Было в основном закончено строительство и монтаж главных сооружений, введены в строй полярная станция, жилые бараки, столовая, частично очищены и оборудованы шахты. Плисецкий задал вопрос: какие будут предложения по эксплуатации шахты?

Первым, со своими весьма осторожными рекомендациями, выступил Алевиензе, затем зачитали проект, составленный институтом «Гипрошахта». После горячих споров оба проекта были отвергнуты и составлен третий, учитывающий реальные возможности шахт и требования плана. Решено было быстрыми темпами форсировать очистные работы в обоих пластах рудника — верхнем и нижнем и по мере очистки вводить их в эксплуатацию. К плану добычи угля пришлось сделать существенную оговорку: он будет выполнен, только если рудник своевременно получит дополнительную рабочую силу, оборудование и материалы. Совещание закончилось под утро.

Помощь между тем была совсем близко. К острову пробивались сквозь стужу и ночь два ледокольных парохода — «Седов» и «Малыгин». В Баренцбурге их ждали с нетерпением. Вдруг радио-

станция приняла тревожное сообщение: обрушившийся ураган разъединил корабли, «Малыгин» поврежден и потерял ориентировку. Баренцбург не спал. Непрерывно давали радиопеленг, над рудником и еще в двух местах побережья зажгли высокие сигнальные костры. Больше зимовщики ничем не могли помочь. 29 декабря пришло новое сообщение: «Малыгин» бьется на прибрежных рифах, седовцы сняли с него людей и часть груза, но сам корабль оказался в прочной ловушке. В этот же день «Седов» добрался до Баренцбурга. И хотя на рудник прибыло подкрепление, забот тоже стало больше. На пристани спешно производилась разгрузка. А к северо-западу от Баренцбурга, всего в двенадцати милях (недаром говорят, что арктическая миля длиннее обычной), стыл во льдах полузатопленный темный корпус «Малыгина», в трюмах которого мокли те самые машины и продукты, что были так нужны на руднике. И надо было позаботиться, теперь до прибытия спасательной экспедиции, и об их сохранении, и о «штопке» самого ледокола.

В феврале из-за горизонта выглянуло солнце. Оно подняло настроение, казалось, все невзгоды уйдут вместе с темнотой полярной ночи. Добыча угля разворачивалась, рудник напрягал силы, чтобы выполнить план. В конце марта состоялся радиоразговор с Москвой, с руководством треста «Арктикуголь» и ЦК профсоюза угольщиков. Плисецкий доложил: несмотря на все усилия коллектива зимовщиков, план первого квартала не выполнен. Очевидно, план, составленный год назад, ошибочен, не учитывает трудностей работы в Арктике и дефицита рабочих рук и машин. В ответ раздался грозный разнос — трест и слышать не хотел ни о каком пересмотре плана. Что было делать? Все видели, что план завышен, фантастичен, все, кроме руководителей треста. У рудника оставался только один выход — апрель объявить месяцем штурма. В шахту спустились все, кто мог работать, ударные бригады выполняли норму выработки на 200—250 процентов, находясь под землей по десять часов в сутки. Но никакой штурм не мог поправить дела — план был недостижим...

В это время с моря опять донесся сигнал бедствия. Ему предшествовали такие события. Пока шахтеры авралили, моряки организовали спасение «Малыгина». На остров прибыла на сделавшем второй рейс «Седове» Экспедиция подводных работ особого назначения (ЭПРОН), с понтонами, водолазным оборудованием и мощными мотопомпами. Участники ее сняли «Малыгина» с мели, отвели в Баренцбург и подремонтировали, после чего многострадальный пароход решили отправить на материк.

Плисецкий предложил:

— Рядом, в Адвентбее, расчищает льды ледокол «Красин». Подождите его и идите вместе.

— В море я хозяин! — ответил начальник эпроновцев. — Ваши владения на берегу.

И «Малыгин» двинулся домой, к Мурманску, в сопровождении маленького спасательного судна «Руслан». Океан встретил моряков тяжелым льдом и штормом. На этот раз его жертвой стал «Руслан»...

Из-за сильной волны пароходик быстро оброс толстым слоем

льда и начал тонуть. А «Малыгин» был уже слишком далеко, чтобы поспеть на помощь, да и сам еле держался. 25 апреля в 23 часа 29 минут капитан «Руслана» Ключев послал в эфир радиogramму: «Дожидаем последние минуты. Последний привет всему коллективу по работе. Малыгинцам последний привет». И жене: «Воспита́й сына, но не моряком. Прости, не мог дать в жизни больше». За ним прощался с матерью радист Валентин Волюнкин: «Мама, гибнем в океане на «Руслане»... Все справки пиши на Мурманск, порт. До смерти час, а то и меньше...»

Это были последние слова с «Руслана».

Баренцбург не остался пассивным наблюдателем трагедии. Плисецкий с двумя лыжниками и собачьей упряжкой, груженной теплыми вещами и продовольствием, отправился на поиски: вдруг удастся спасти кого-нибудь? Четыре дня, без отдыха, в сильную пургу общались они берег и вернулись ни с чем. Дома их ждала радиogramма с «Красина», тоже искавшего попавших в беду моряков: ««Руслан» погиб со всей командой. Спустить шлюпки при такой обстановке не было никакой возможности. Дрейф и поиски людей бесполезны. Следую за «Малыгиным». Позже выяснилось, что трое моряков «Руслана» были спасены норвежским зверобойным судном.

Лыжники вернулись в поселок как раз 1 мая, на «большевистскую пасху», как острили иностранцы. Советский островок на чужом острове выглядел торжественно. Но хотя никто из зимовщиков, разумеется, не был виноват ни в гибели товарищей, ни в провале плана, настроение у всех было невеселое. К красному цвету праздника добавилась черная кайма.

Вскоре на остров прибыла специальная комиссия для проверки работы рудника. Разобравшись в делах, она подтвердила: да, план ошибочен, взят с потолка. Полярники работали «не меньше, чем нужно, а больше, чем возможно». Справедливость была восстановлена. Вместе с пересмотром плана произошла замена в руководстве «Арктикугля». Новым управляющим трестом стал Плисецкий. Так закончился первый, самый тяжелый год в истории заполярных советских рудников.

— Осенью 1933 года я с детьми приехала на Шпицберген, — продолжала свой рассказ Рахиль Михайловна. — Плыли на ледоколе, качка ужасная, а Майя веселилась, очень ее потешало, как чемоданы ползают по каюте. Муж был очень занят, уходил рано утром и возвращался совсем поздно, часто спускался в шахту. Все было непросто. Это уж потом и розы научились разводить... Со светом было еще плохо, освещались карбидными лампами, которые страшно дымили и пахли. Жили на ощупь. Когда построили новую электростанцию и вспыхнули лампочки, как все были счастливы, что можно погасить эту карбидку!

Рабочие очень любили Михаила за демократичность. Как-то раз норвежцы прислали ему в подарок несколько ящиков апельсинов. И он все отправил в рабочую столовую, на общий стол, у нас ни од-

ного апельсина не осталось. Другой случай. В Баренцбурге был чудесный повар по фамилии Золотой. Когда построили кран для погрузки угля, он сделал кран из шоколада и преподнес Плисецкому. И этот подарок Миша отправил в столовую. Он никак себя не выделял, никаких привилегий для себя не хотел, только то, что все.

Вспоминая о той далекой зимовке, Рахиль Михайловна мало говорит о себе, все — о муже и детях. Но известно, что она тоже не сидела на Шпицбергене сложа руки. Киноактриса, хорошо известная зрителям по первым советским фильмам, здесь она взяла на себя новую, необычную роль.

Когда кончилась навигация и полярники разобрались в привезенных грузах, оказалось, что на остров не завезли ни одеял, ни постельного белья. А число зимовщиков к тому времени значительно возросло — их уже было около двух тысяч. Сначала Рахиль Михайловна узнала, какие ткани привезли для магазина, потом собрала женщин поселка. О чем они совещались, мужчины узнали потом, когда на койках в общежитиях появились драповые и байковые одеяла, новые наволочки и простыни, на полу — половики, на окнах — занавески. А пестрый сатин пошел на абажуры, и окна Баренцбурга засветились всеми цветами радуги — все окна были разных цветов, ни одного одинакового! — так что прибывшие с очередным визитом норвежцы не сразу узнали поселок. В клубе их ждал еще один сюрприз — концерт самодеятельности...

Я, конечно, не удержался, спросил Рахиль Михайловну:

— Майя на Шпицбергене начала заниматься балетом?

— Нет, там балету не училась, просто сама по себе любила танцевать. Я ей заводила патефон, и она импровизировала под музыку. Но первое ее выступление на сцене было на Шпицбергене. Мы поставили в клубе даже «Русалку» Даргомыжского. В этой опере действует персонаж — девочка Русалочка, — которая не поет, а говорит: «А что такое деньги, я не знаю...» Вот это была Майя. Норвежские инженеры записали тогда в книге посетителей: «Опера по соседству с Северным полюсом! Мы щипали друг друга, чтобы убедиться, что мы не грезим...» Случались страшные пурги, сбивало с ног. В столовую ходили цепочкой, держась за руки. В одну из таких пург Майя выскочила из дому, я хватилась ее, стала искать, а на улице — хоть глаза выколи, такой ураган. Вижу только: наша собака Як, общий любимец, ньюфаундленд, разметает головой сугроб и вытаскивает что-то из-под снега. Это он Майю за воротник схватил. Они с Яком лучшие друзья были, всюду друг за другом ходили.

Муж часто устраивал лыжные походы — для исследований и оборудования охотничьих домиков. Издал специальный указ, чтобы люди несли в рюкзаках провизию и несколько кусков угля и оставляли после себя, где ночуют. Он восстановил на острове этот закон Севера. Хижины были уютные, с чугунными печками, для тех, кто в пути. Однажды отправилась куда-то далеко такая экспедиция, я работала телефонисткой, мое место было у окна. Погода прекрасная, и воздух такой чистый, что видно на колоссальное расстояние. Беру бинокль: что такое, за лыжниками крошечная фигур-

ка идёт и кисточкой на шапочке помахивает. По шапочке и узнала — дочь! И Як, конечно, плетется следом... Тут же послали лыжника, он и привез ее на плечах. С белым носом и щеками — еле оттерли. Ну, отчаянная! — восклицает Рахиль Михайловна. — Вся в отца. Он ведь не просто смелый, отчаянный был...

— А вы хорошо помните Шпицберген? — спрашиваю я теперь уже дочь.

— Конечно, я даже запомнила расположение гор Баренцбурга, — отвечает Майя Михайловна. — Горы, залив, летом крик птичий, альбатросов дикое количество. Лыжи были всегда, и я уходила бог знает куда, не понимая опасности.

— Но в ураган вам хотелось на улицу выйти? Или забиться в уголок? — допытываюсь я.

— Забиваться в уголок мне не хотелось никогда, — отчеканила собеседница. — Я не понимала такого чувства. И вообще всегда любила стихию, любила навстречу ветру бежать, кружиться...

— Стало быть, первые ваши танцы были на Шпицбергене? А первым партнером — ветер?

— Ну что ж, пожалуй, так, — согласилась она. — Еще помню, летела с горы кубарем, от собак. Две упряжки друг с другом сцепились, драка — и я полетела с горы, до сих пор вот тут шрамик... Еще помню, там один альбатрос был, не то подбитый, не то больной, и куда-то в горы я ему носила пищу. Очень хорошо помню этого альбатроса. А когда в очередной раз я к нему пришла, он уже был мертвый.

Однажды на лодке приплыл откуда-то норвежский рыбак. И мне почему-то показалось, что он голодный, хотя он был вроде даже и упитанный, не то чтобы замученный какой, несчастный. Но так мне показалось. И он прямо из моря пришел! Мы побежали с ребятами к пекарю и встали в очередь. Не помню уж, как в точности все произошло, но он на минутку вышел, и я — хватъ два теплых батона за пазуху и бежать — и первая прилетела на пристань, там длинная лестница была, через две-три ступени чесала к этому рыбаку и дала ему два этих батона белых! Он с удовольствием взял и очень благодарно на меня посмотрел и что-то говорил по-норвежски, я, конечно, ничего не поняла, неважно. Это оказалось кстати, я по глазам видела, и он тоже сунул их за пазуху...

— А помните свой первый выход на сцену?

— Еще бы! «Русалка»! Был мельник с бородой, весь взлохмаченный, подводное царство, все как положено... Мне это нравилось все, я понимала, что это театр, что я играю! И знаете, видимо, это навсегда. Я выхожу на сцену — вот когда мне хорошо. Наконец-то мне хорошо! Нельзя, конечно, совсем без волнения. Но как рыба в воде — это меня выпустили на сцену, вся хворь проходит и все на свете. Я себя очень хорошо чувствую на сцене. И вот это, наверно, и было тогда то самое...

— Майя Михайловна, а отец?

— Он мне казался строгим, я его немножко побаивалась. Мама меня баловала, зря баловала, он был прав. Теперь я это понимаю.

Нужно быть построже. Ребенок всегда чувствует, чей он баловень и баловень ли. Знаете, дети ведь все понимают, напрасно взрослые думают, что это не так. Много лет сюсюкали со мной: ой ты, Маечка, девочка... Я думаю: какие-то дураки просто! И уверена, что каждый ребенок так думает. С детьми надо разговаривать без снисхождения, как со взрослыми. Однажды один рабочий, который любил выпивать — я это помню, потому что боялась пьяных, — стал мне жаловаться, что вот, мол, твой папа не прав, что-то не так сделал, скажи ему... Я что-то начала было папе говорить, так он просто на корню пресек: «Никогда не лезь не в свое дело!»

Помню такой случай. У нас была огромная — или мне она казалась огромной — горка, полная палехских шкатулок, маленьких и больших, всяких, предназначенных для подарков иностранцам. Я однажды попросила у отца такую шкатулку. И была наказана. Он сказал: «На всю жизнь запомни — это государственная собственность. Я тебе не могу дать государственное». Он никаких привилегий для себя не хотел, только то, что всем. Он был из тех, кто делал революцию и глубоко верил, ему ничего нельзя было говорить против.

— Все-таки бросается в глаза его молодость. Надо иметь какие-то особые качества, чтобы в таком возрасте назначили на такой ответственный пост. В тридцать лет — консул и управляющий рудниками...

— А он был очень хороший организатор. И вообще мог бы очень многое сделать для Советского государства. Что у меня от отца? — говорит Майя Плисецкая. — Много. Даже во внешности. Ноги у меня в точности как у него, той же формы, кисти рук очень похожи. Я помню прекрасно — ну совершенно такие же! И мастью, цветом я в него — рыже-коричневая. Мне очень нравились волосы у папы, каштановые, волной, очень красивые. Помню, как отец морщил лоб, и я ему говорила: «Расправь!» И сама расправляла, а морщины все равно оставались. Я не могла этого понять, думала, если расправишь, то уже не будет ничего. Вдруг почему-то это осталось в памяти. И то, что у меня есть отчаянность, может быть, эта черта тоже от него... С тех пор прошла целая жизнь, но не было в ней ни одного дня, чтобы я не вспоминала отца, такого дня в моей жизни не было.

1933 год стал для самых северных в мире рудников переломным. В Баренцбурге на смену иностранцам прибыли свои квалифицированные горные инженеры во главе с Н. М. Стельмахом, автором проекта технической реконструкции рудников. Благоустроивался поселок, люди научились жить в Арктике. Шахты Шпицбергена начали снабжать порты и пароходы своим, заполярным углем.

Разбираю архивы. Узнаю на фотографиях рядом с Плисецким крупнейших наших полярников — освоителя новых земель Г. А. Ушакова, ученых Н. И. Евгенова, Н. Н. Зубова, летчика М. С. Бабушкина, капитана Н. М. Николаева... Многие из них были

с Михаилом Эммануиловичем не просто коллегами по работе в Арктике, но и друзьями. В июле 1934 года Баренцбург встречал ледокольный пароход «Садко», на котором базировалась Первая Советская высокоширотная экспедиция во главе с Ушаковым. На прощание Майя подарила Георгию Алексеевичу своего любимого зеленого медвежонка. И вскоре получила телеграмму с борта «Садко»: «Маленький друг! Спасибо за твои теплые слова, они принесли мне много радости. Буду ждать нашей встречи в Москве, думать о тебе. Зеленый медвежонок здоров, собирает серебряную бумагу, чтобы передать тебе, шлет привет. Будь счастлива, радостна. Крепко тебя целую».

Мелькают заголовки статей: «Премьер-министр Норвегии в гостях у советского консула на Шпицбергене», «Сотни иностранных туристов в Баренцбурге»... Пожелтевшая фотография из «Ленинградской правды», на ней изображена девушка с розой в руках. И надпись: «В теплицах Баренцбурга расцвела первая роза...» А рядом с бумагами стоит на столе маленькая черная карбидная лампочка с потускневшей надписью. Но стоило потереть эту надпись — и буквы заблестели: «М. Э. Плисецкому за большевистское руководство — от коллектива рабочих рудника».

— Я вспоминаю и то, о чем вы, наверное, не сможете написать, — говорит Майя Михайловна, — я вспоминаю его гибель. Свидетельницей не была, не могла быть, но знаю, могу представить... Ему исполнилось тридцать пять лет в тридцать седьмом, когда его взяли, и четыре года его мучили... Когда маме сказали, что он реабилитирован посмертно, потому что ни в чем не виноват, там было написано: умер — в сорок первом, где — прочерк, отчего — прочерк... Я знаю, его замучили... Поэтому я не могу ни читать книги, ни смотреть фильмы, где пытаются и убивают, пусть совершенно посторонний, итальянский... не могу! У меня немедленно возникает: отец! В связи с любым насилием и пытками.

Я помню отца, когда он незадолго до ареста, уже в Москве, пришел домой, лег на кровать и просто закинул руки за голову и смотрел в потолок. Я говорю: «Пап, ты что такой?» А он: «Маечка, знаешь, меня выгнали из партии...» Мы тогда уже переехали в тот переулок, в тот злосчастный дом — там все люди погибали, которые жили до нас и после нас.

— Это какой дом?

— Двухэтажный домик в Гагаринском переулке, рядом — Дворец пионеров. Там была наша квартира... С отцом поступили вполне по-иезуитски. Прислали приглашение на Первомайскую демонстрацию. Для меня это было невероятное событие. Я только этим и жила, так я была безумно счастлива, что он берет не маму, а меня. И тридцатого апреля, в ночь на первое его забрали. Прямо перед демонстрацией. И это я помню, только не знала тогда, что его забрали. От меня скрыли, сказали, что он неожиданно уехал. А так как мне можно было сказать все что угодно, я всему верила, то и не сомневалась. Я вообще обо всем об этом узнала, когда началась война, от бабушки,

который сказал: «Неужели ты действительно веришь, что он работает где-то на Севере?» Да, я верила, что он на Севере и маму вызвал к себе телеграммой. Ну совсем я, совсем глупая была, совершенно. Даже не догадывалась. Даже когда мне девчонки что-то в школе говорили, я считала, они со зла.

— В тридцать седьмом после возвращения в Москву, — вспоминает Рахиль Михайловна, — Михаил сказал: «Творится что-то ужасное, самые лучшие люди вдруг исчезают. Их арестовывают, у них срывают ордена...» Его самого арестовали в тот же год, дома, в четыре утра. Он утешал: «Даже лучше, чем ждать неизвестности. Пусть меня проверят, пусть убедятся...» Непокоримый большевик! И все. Оборвалось. Я тогда была беременна третьим ребенком. Уходя, говорил: «Только береги себя. Это все неправдоподобно». И вот еще спросил что: «А галстук нужен, как думаешь?»

В огромных очередях стояли, чтобы передать передачу — пять рублей. Больше ничего, никаких вещей не брали, только пять рублей. Доходила очередь: «Пять рублей Плисецкому...» — «Такого нет». И, целый день простояв в очереди, бежала в другую очередь, в другую тюрьму. Наконец нашла его в Лефортове — там приняли деньги. И я носила туда несколько месяцев. Потом мне сказали, что из Лефортова их куда-то перегонят. Как же дать ему понять, что я что-то знаю? Я передала ему не пять рублей, а четыре — чтобы он задумался, что бы это значило, может быть, поймет... Дальше уже не принимали денег, нигде и ничего не говорили. «Отойдите от окна!»

А меня уже в тридцать восьмом забрали. Дали родить и, когда ребенку исполнилось шесть месяцев, пришли за мной и за детьми, забрать их в детский дом. У моей сестры, балерины, был в этот момент спектакль в Большом театре, и я отправила детей к ней, в театр. Сообразила. С шестимесячным — он грудной был, я его кормила — мы в тюрьму вместе пошли... После тюрьмы — лагерь, ссылка... Никаких обвинений, признаний не требовалось. «Жена врага народа».

Михаила реабилитировали в пятьдесят четвертом. Вызвали и сказали: ваш муж реабилитирован, но нужны отзывы товарищей, с кем он работал. И я стала собирать справки — для восстановления его в партии. С тех пор никто из общественности им не интересовался. Ни разу, никто! Все были перепуганы насмерть. И забыт он по существу до сегодняшнего дня...

Да, официально забыли. А люди помнили. Читаю письма бывших зимовщиков, адресованные уже прославленной балерине Майе Плисецкой:

«После возвращения из Баренцбурга мне приходилось встречать много бывших зимовщиков, и все они очень тепло отзывались о Вашем отце. На Шпицбергене мы звали Вас просто «Майкой»: «Смотрите, Майка Плисецкая идет!» А сейчас язык не поворачивается сказать «Майка». Как бы бесконечно был рад Вашему успеху Ваш отец!»

Другое письмо: «Следили за Вашим расцветом и вспоминали Вашего отца. Вы очень похожи на него...»

«Видела Вас по телевизору в «Спящей красавице», и Вы мне представились девочкой, такой, какой я знала Вас на Шпицбергене. Не могла удержаться от слез, то были слезы радости. Память о Вашей семье свято сохраняю».

«Я расскажу про осень, которая бывает на острове Шпицбергене», — написала когда-то в школьной тетрадке Майя Плисецкая.

И дальше: «Дни становятся все короче и темнее. Птицы — альбатросы, полярные чайки, дикие утки, куропатки и все другие птицы — улетают стаями. На море все чаще шторм. Вянет трава и полярные маленькие цветочки. Дождь с сильным ветром колет лицо. Размытая дождем грязь делается скользкой. Приходят последние рейсы, и мы провожаем их. Поздней осенью, когда наступает полярная ночь, появляется северное сияние. Как будто прожекторы освещают небо, и свет переливается в разные цвета. Скоро зима».

МОЯ СУРОВАЯ, ТЕПЛАЯ ЧУКОТКА

(из записок учителя)

Больно мне слушать анекдоты про чукчей. Десять лет прожила я с ними на Чукотке. Узнала, какой это славный, гостеприимный, закаленный и стойкий народ. Сама суровая жизнь заставляет их приспособливаться к нелегким условиям. Я бы в первую очередь назвала такие их качества, как способность к учебе, восприимчивость к новому.

...1940 год. Я работаю учителем географии в школе, в Хабаровске. Однажды на партсобрание приезжает инспектор: «Кто из вас хочет поехать на освоение Севера на Чукотку?» Изъявила желание только я одна... Вот сейчас я задаю себе вопрос: почему я решилась на это?

Во-первых, я — географ, люблю путешествовать, объехала почти весь Советский Союз. Но главная причина, пожалуй, заключалась в том, что выросла я в большой рабочей семье, где одних ребятишек было семь человек. Спасибо родителям, приучили нас к трудолюбию, к заботе о маленьких. И — никогда не отступать от намеченного плана, не бояться никаких трудностей. Ох как пригодились мне в жизни эти качества, особенно на Чукотке!..

Итак, по путевке министерства меня направили в залив Лаврентия учителем географии и завучем школы. Я взяла с собой и девятилетнюю дочь. До Владивостока мы ехали поездом две недели, а дальше — пароходом. В 40-м году в летнее время ходил только один пароход, который делал один рейс за навигацию от Владивостока до Чукотки и обратно: привозил смену полярникам, питание, другие товары.

На тринадцатый день пути мы подплыли к поселку Уэлен на Мысе Дежнева. В то время никаких пристаней не было, и корабль останавливался за полтора-два километра от берега. От Уэлена мы с дочкой плыли на лодке. Вот где начались наши мытарства! Представьте

себе узкую полоску воды, по которой мы плыли с нашим провожаемым. Слева — громадные скалы с миллионной стаей чаек и гагар, птичьи базары; справа — бесконечные ледяные поля на сотни километров. Так мы плыли 700 километров в течение 17 суток.

На ночь останавливались на берегу, в яранге. Яранга — конус из дерева или ребер кита, обтянутый кожей. Внутри устроен полог — его подвешивают за четыре угла к основанию яранги. Полог меховой, сверху положена трава, а полог доходит до пола, где лежит большое бревно, за которое закладывают кожу полога. Чтобы попасть в полог, надо встать на четвереньки и влезть внутрь. На полу — шкура моржа, она как линолеум, который можно мыть. На нее положены шкуры оленя, — все сидят, поджав ноги, на этих оленьих ковриках. В яранге есть жирник — железный лист со мхом-ягелем, облитым жиром моржа или нерпы. Огонь освещает и обогревает ярангу, сохраняет тепло чайника (сначала надо на примусе растопить лед или снег и вскипятить воду).

В пологе очень тепло. Чукчи сидят там полураздетые, в одних трусиках из шкуры. Женщины на деревянной доске быстро раздвигают полукруглым ножом-пекулем оленьи или моржовое мясо, все начинают есть, а доска выставляется в сени, чтобы и собака полизала остатки крови...

Наконец, с остановками, мы достигли поселка Ванкорем. Нас выбежало встречать все население и, конечно, ребятишки — учащиеся интерната. Причина особой радости заключалась в том, что все уже считали нас погибшими — ведь никакой рацией мы в пути не пользовались.

Я приняла в свое ведение школу-интернат. Это был самый первый интернат на Чукотке. Его построили по инициативе И. Д. Папанина в подарок чукчам за участие в спасении челюскинцев (до этого дети учились прямо в ярангах). Две большие спальни, столовая, кухня, общежитие для учителей; правда, не было электричества. Мне рассказали, что поначалу чукчи неохотно отдавали ребят в интернат и учителям приходилось самим ездить на собаках за детьми. К моему приезду здесь было уже 96 детей — все учащиеся начальных классов, которых родители уже охотно привозили в эту школу. Очень помогли на первых порах русские учителя 1—2-х классов, говорившие и по-чукотски, и, кроме того, ученики 3—4-х классов, которые уже были пионерами. Они с таким старанием опекали новеньких малышей, объясняли, как надо мыть руки, садиться за стол, кушать ложками, спать в кроватях. Приходилось только удивляться, как быстро входили ребятишки в новую жизнь...

Пищу нам готовила повариха-чукча Наргинонав. Она хорошо научилась стряпать русские блюда. Кроме оленины чукчи вдоволь снабжали нас мясом морских животных — моржа и нерпы, вкусным, но немного отдающим рыбой. Ребята ели это с большим удовольствием, как и строганину, блюдо чрезвычайно витаминное. Старшие ребята охотились и пополняли наши запасы — ведь в школе было две упряжки, по одиннадцать собак в каждой, и каждой собаке требовалось по килограмму мяса в день.

Как-то чукчи убили белую медведицу, а двух медвежат — пушистых, чуть больше рукавицы каждый — отдали в интернат. Они сразу стали всеобщими любимцами. Но однажды ночью, отодвинув задвижку своей клетки, они вышли на волю и отправились в спальню к ребятам, стали стягивать с них одеяла. Дети сначала перепугались, а потом затеяли игру с медвежатами, стали кидаться подушками, которые медвежата раздирали зубами. Когда мы прибежали — ничего не было видно, везде только пух... Время шло, медвежата росли и становились опасными. Когда прибыл «Анадырь», я договорилась с капитаном, что он отвезет наших медвежат на Большую землю. Какое грустное зрелище было при расставании! В лодку медведи пошли спокойно, но, когда она стала отплывать в сторону корабля, медвежата начали реветь и протягивать к нам лапы. Почти все ребята плакали, да и мы, взрослые, незаметно вытирали слезы...

Взяли других медвежат, но и те, когда им исполнилось девять месяцев, превратились в больших медведей. Из Москвы пришла телеграмма с требованием уничтожить их. Но у кого поднимется рука? Посадили их на вездеход, отвезли почти за 500 километров. А через несколько дней они снова появились у нас... Стали тянуть жребий — кому стрелять. Все женщины и дети разбежались, подушками закрылись, чтобы не слышать выстрелов. Но другого выхода не было — люди отучили их плавать в холодной воде и добывать себе пищу. Ведь как медведица учит своих медвежат охотиться? Когда нерпа или морж вылезают на льдину отдохнуть, медвежата замирают, прижавшись ко льду. А медведица тихо крадется, закрывая свой черный нос лапой, и, сливаясь с торосами, приближается к своей жертве. Могучий прыжок, удар лапой — и жертва готова. Тогда прибегают маленькие медвежата, и начинается пир... Трагедия с медвежатами заставила задуматься о том, насколько осторожно надо вмешиваться в мир диких животных. Если бы люди не взяли медвежат к себе, те, может быть, и приспособились бы к суровой природе Арктики и были бы живы.

...Но вот кончился мой учебный год — надо было ехать в райцентр Уэлен с отчетом. По льду Чукотского моря — три недели туда и три обратно, на собачьей упряжке. Расстояния от стойбища до стойбища — до ста километров. Холода я не чувствовала — была соответственно одета, но очень страшно было ехать по маленькой полоске льда между скалами с одной стороны и ледяными торосами — с другой. Ехала, стоя на коленях, чтобы торосами не поранить ноги, и держась за каюра-погонщика Гвагаргина. Как-то на остановке чуть отошла за торос и... вдруг куда-то проваливаюсь. Я оказалась в трещине, запорошенной снегом, по плечи и держалась только на одних руках. Трещина неширокая, но в глубину метра 3—4, а ниже — вода... Испугалась я так, что потеряла голос, хочу крикнуть, да не могу! Хорошо, я сильная была, физкультурница — подтянулась на руках, выкатилась на лед, потихоньку вернулась к нарте — а сказать-то ничего не могу. Гвагаргин посмотрел на меня: «Анна Ивановна, что с тобой? Ты белее снега». Я его молча к трещине подвела. «Никуда от нарты не смей отходить, — рассердился он. —

А. И. Кузнецова с женой начальника станции пос. Сердце Камень, 1941 г.

Если бы ты шла прямо, а не боком, сразу бы провалилась. меховая одежда на дно потянула бы. Но даже если бы я тебя вытащил — ты бы до первого стойбища превратилась в ледяного человека. А меня бы судили за то, что я убил русскую учительницу...»

Больше я ни на шаг не отходила от нарты.

А в другой раз по дороге в Уэлен нас застала страшная пурга. Собаки дальше не пошли, легли, их стало засыпать снегом. Чукчи опрокинули нарты на бок и легли за наветренную сторону, чтобы переждать пургу. Но я так замерзла, что решила, держась за полоз, бегать вокруг нарты. Их засыпало, а я бегала. Пурга такая, что не видно протянутой руки. Капюшон своей кашлейки (это балахон из материала, надетый на меховую кухлянку, защищающий шкуру от снега) я завязала на лице так, чтобы только глаза были открыты. От моего дыхания с бровей стали спускаться сосульки, я их стряхивала, а они опять нарастали. Стоит оторвать руку от нарты — погибнешь. Вот так я пропрыгала двенадцать часов. И вся моя жизнь прошла передо мной...

Наступил страшный 1941 год. Надо ли говорить, как мы, оторванные от Большой земли, переживали за своих близких, за весь наш народ. Я одна была в поселке партийная. Мы с комсомольцами организовали пошив теплой одежды для фронта. Мужчины доставляли шкуры, а девушки и старшие школьники шили теплые рукавицы, телогрейки. В навигацию все это отправляли на Большую землю.

Я получила распоряжение переехать в бухту Провидения. Но выполнить его оказалось нелегко. До бухты почти 1500 километров, а навигация кончилась... Тогда я решила добираться со своей дочкой на вельботе. Жалко было расставаться с ребятами...

В вельботе собралось 25 человек чукчей и я с дочкой. Плыли по узкой свободной дорожке, но и ее уже начал покрывать ледок-молодняк. Моторный вельбот — это не ледокол, поэтому нос вскоре оказался продырявленным, и в лодку стала набираться вода. Выбросив вещи на лед и выпрыгнув из вельбота, мы пытались вытащить его для починки. Но края льдины подтаивают, крошатся. Вельбот с трудом все-таки вытащили, но чинить его было нечем: ни гвоздя, ни доски. Использовали все, что можно: оторвали рукав шинели, которой очень гордился один чукча, так как шинель ему подарили полярники; разбили мой ящик и вытащили из него гвозди, сложив мои вещи в мешок.

Пока чинили вельбот — четыре-пять часов, — мы плыли на льдине, толщина которой была не меньше трех метров. Кипятили на примусе чай, пили его, бегали, плясали, чтобы не замерзнуть. Наконец поплыли дальше.

Три недели плыли по Чукотскому морю, через Берингов пролив и Берингово море. Наконец достигли бухты Провидения. Полярная станция, погранпост, аэродром, гидробаза, хороший клуб — все здесь казалось раем по сравнению с Ванкаремом...

В 1944 году по болезни мне пришлось уехать в Москву, а в 1948-м — вернулась на Север, на мыс Шмидта, в качестве заведую-

щей школы-интерната. Страшно вспомнить, в каком состоянии я принимала интернат. Ребятишки в старых, поношенных платьях, костюмчиках. На кухне грязь. В спальне — трехъярусные нары: ребята, привыкшие в яранге спать на полу, часто с них падали. Зимой ребята во сне волосенками примерзали к стене.

Я сразу поехала и выступила там на заседании райисполкома. Мое счастье, что в свое время я составляла план застройки Ванкаремского интерната... Мне было выделено 250 тысяч рублей. На строительство отпущено всего два месяца полярного лета. Надо было торопиться, приедут ребятишки — а принять их некуда.

Материалов никаких не привозили — строй, мол, как хочешь. Пришлось мне приложить всю свою энергию. Мы использовали старые бревна от сломанного интерната, ловили бревна в море. Хорошо, что откликнулись люди с полярной станции, местные чукчи. А командир воинской части, стоявшей от нас в нескольких километрах, выделил для работ четырех солдат и немного строительного материала.

Ребята, военные, строившие интернат, спали в торговой конторе. И вот в одну из ночей к ним ворвался чукча с ножом, крича: «Я убью столько же русских, сколько они убили чукчей у нас в стойбище». Ребята его обезоружили, начали успокаивать. Придя в себя, он рассказал страшную историю.

К ним в стойбище пришел голодный, полузамерзший человек. Гостеприимные чукчи одели, накормили его, и он несколько дней прожил у них. Оказалось, это был заключенный из лагеря для особо опасных преступников с большим сроком. Никто там из

охраны и подумать не мог, что кто-то из заключенных рискнет уйти в бега за тысячи километров по безлюдной зимней тундре. Но этот преступник обдумал свой план побега таким образом: на оленях перейти границу, через Аляску добраться до Америки. Ему нужны были три живых оленя — двух запрячь, а третьего привязать и, когда будет нужно, забить. Для чукчей много значило отдать живого оленя, и, конечно, они воспротивились его желанию. Ночью он перерезал всех, уцелел лишь один чукча, уехавший на охоту. Он-то и рассказал нам страшную историю; мы сообщили о преступнике на все заставы, и он получил по заслугам. А какой вред этот убийца принес нашим взаимоотношениям с чукчами! Пришлось ездить по стойбищам и доказывать, что это был даже не человек, а зверь...

А мы продолжали строить интернат. Когда пришел пароход, я на катере добралась до него и по штурмтрапу (веревочная лестница) поднялась наверх. Глянула вниз — даже страшно стало: катер показался мне с игрушку... Объяснив капитану положение, попросила гвоздей, досок... Для ребятишек ничего не стыдно просить.

Главное, мы уложились в сроки. Оставалось соорудить печку, а кирпича нет. Собирали по кирпичику кто где; сложили печки в кухне и в двух спальнях. А потом я придумала, как сделать водяное отопление, чтобы за счет кухни обогревать весь дом...

Приехали ребятишки, началась учеба. На год надо было приготовить 150—200 туш оленей для питания ребят, учителей и собак. Мы с Гвагаргином, запрягшим лихачей-собачек, с утра двинулись в стойбище, что было в ста километрах от нас. Приехали к вечеру, переночевали. В стойбище четыре яранги. В стаде — 2—3 тысячи оленей. Перед забоем чукчи оголили все яранги, откинув покрывавшие их шкуры. А те, на которых спали, разложили на снегу. Так своеобразно проходила у них «санобработка» жилищ.

Мужчины-чукчи были одеты, как всегда, в кухлянки, меховые брюки и торбаза. Женщины — в меховую одежду без капюшона, с глубоким разрезом на груди, по-чукотски называемую «кер-кер» (обрабатывая туши, они сбрасывают верхнюю часть кер-кер, завязывая ее рукавами на талии, и остаются до пояса совершенно обнаженными).

У одной женщины-чукчи был шестимесячный ребенок, одетый в меховой комбинезон — рукава защиты, один только клапанчик открывается, чтобы выбросить мокрый мох и заменить его сухим. Этого малыша в меховом мешке подвесили повыше на сук около яранги (опасаясь нападения зверя).

К столпившемуся в кучу стаду, откуда слышалось характерное шуршание рогов, подошел чукча и метров за 10—15 метко набросил лассо на одного из помеченных оленей (помечаются подрезкой ушей самые слабые или с дефектом от рождения). Тянут оленя, подводя к чукче-резаку, держащему за спиной длинный, острый, трехгранный нож, а олень словно чувствует что-то — не идет... Метким, мгновенным взмахом руки нож вонзается в

сердце оленя, и он как подкошенный падает на снег...

Разделявает шкуру женщина. Подходит к лежащему оленю, водит ножом перед его глазами, убеждается, что зрачок не реагирует. Переворачивает оленя на спину, делает ножом-пекулем разрез от шеи до низа живота. Потом, орудуя уже только голым локтем, отдирает шкуру от мяса так ловко, что шкура получается цельная, без надрезов, а отделенное мясо гладким. Отодрав шкуру с обоих боков, она разрезает еще теплую тушу и глубоко засовывает внутрь озябшие руки, грея их в горячей оленьей крови.

Разделка туши происходит быстро — меньше часу — и артистически ловко. Отрезают голову, сортируют внутренности, отделяя несъедобные, а в содержимое желудка вместе с непереваренным ягелем добавляют жир нерпы и делают из этого колобашки. Потом, когда едят мясо, закусывают колобашками. Они заменяют у чукчей витамины.

Забой оленей продолжался часов десять, и, что удивительно, за все это время находившийся в мешке ребенок ни разу не пискнул. Потом чукчи опустили откинутые раньше пологи из шкур и зажгли печку-светильник. В яранге сразу стало тепло. Раздетый ребенок жадно прильнул к груди матери и, насытившись, блаженно отвалился от нее. Чукчи, зная, как я забочусь об их детях, решили угостить меня, по их понятиям, самым лучшим лакомством — еще теплым сырым мозгом оленя... И отказаться я не могла — это была бы смертельная для них обида. Я попыталась изобразить на лице восторг, поблагодарила своих простодушных, благожелательных хозяев и поехала домой, в интернат...

Ученики 4-го класса и их учитель

Школа-интернат, построенная по инициативе И. Д. Папанина в подарок чукчам за участие в спасении «челюскинцев»

Ученики наши были очень послушны, хорошо учились. Но стоило родителям приехать на оленях, провести их — тут уж беда! Интернат начинал походить на растревоженный улей.

В один из зимних дней приехала мать моей ученицы Рентенеу. Девочка слезно стала проситься домой. Я была неумолима. Тогда

Рентену схватила чернильницу, выпила чернила, стала дико кричать. Я вызвала врача, и мы в присутствии девочки стали обсуждать, как вызвать самолет, чтобы отправить ее в больницу. Рентену вскочила с пола, утерла рот: «Никуда не поеду, я здорова...» Впоследствии Рентену стала хорошим врачом на Чукотке...

Забываясь о детях, мы все что-то достраивали в интернате. Скопившиеся олени шкуры обменяли на фанеру (три листа фанеры за одну шкуру), обили стены, покрыли их краской (краску и мел вымаливали на приходящих пароходах), провели водяное отопление, электричество, построили для ребятишек баню.

В интернате стало чисто, светло, тепло. Но я никак не могла смириться с рваной одеждой у ребят. Закупила коричневого вельвета для девочек, синего — для мальчиков. Никогда прежде мне не приходилось шить, тем более — кроить. А тут пришлось стать и закройщиком, и портнихой. Я распорала старое платье среднего размера и, накладывая и расширяя спинку на новой ткани, кроила платья для трех размеров. Всех своих учителей и чукчей посадила шить. Так мы справились с одеждой для 75 ребят. Мальчикам сшили костюмчики, девочкам кроме платьев фартучки, а к надвигающемуся празднику 20-летия Чукотского национального округа — еще и белые фартуки.

Праздник встретили хорошо. В интернате тепло, на окнах тюлевые занавески, кровати чистые, ребятишки одеты опрятно. На стол постелили белую льняную скатерть, поставили графин с водой... Прилетел из Хабаровска секретарь окружкома партии. Только переступил порог интерната — и спрашивает секретаря райкома партии:

— Ты куда меня привел? Это интернат или гостиница? Такого у нас на Севере еще не было...

И мне за всю мою работу вручили грамоту окружкома партии.

...Я жила для своих ребятишек. Но и отдача велика. До сих пор переписываюсь со своими бывшими учениками. Если бы не возраст — мне уже восемьдесят, — я бы опять полетела в этот суровый, но оказавшийся для меня таким теплым и закаливающим край...

РАЗГОВОР

За окном бушевал Лох. Я вспомнил прошлогодние рассказы старой бабушки Степаниды: «...лежала Семужка в каменной ложбинке на дне чистой маленькой речушки и ждала Лоха. От матери она еще знала, что, когда Лох придет, наверху все перевернется. Будет неделю бушевать метель — не видно света. Она лежала, шевеля потихоньку плавниками от нетерпения. Семга томилась, но она не устала, она же ждала своего божественного супруга. Долго добиралась — все лето, по морям, по речным перекатам. Пришло ее время быть взрослой — она готова. Забылись все невзгоды — придет Лох, и она в первый раз в жизни выведет свое потомство. Уже и вода сверху стала твердой, уже и дышать трудно (как это тяжело — ждать супруга), а Лох не шел. Не знала Семужка, какой он, ее супруг, но чувствовала, что встреча с ним будет светлой, радостной, и в эту ямку, в это заботливо выбранное гнездышко среди наступившей тьмы брызнет солнце. Такое яркое, какое она видела в море. Так надо — солнце в море, но темно здесь, в речке. Ах, как темно... Ее маленькие рыбки, дети Лоха, появлялись уже весной, когда станет совсем светло и можно плыть в родное море, и она поведет их в большую жизнь, в большие воды, как и ее два лета назад вывела мать. Какое это было радостное чувство... Она, дочь Лоха, теперь выросла — она теперь его супруга! Скоро Лох придет. Семга ждала Лоха. Было тихо и спокойно. И вдруг... Забилось сердце радостно, что-то ей послышалось, шум какой-то. Громче, громче. Стук. Стук. Наверно, это Лох идет, тяжело ступая по твердой воде. А вдруг не может он добраться до нее и расчищает путь? Нет уже терпенья — приди, Лох! Приди быстрее, заждалась тебя Семужка! Все! Ярко осветил супруг ее уютное гнездышко. Здравствуй, Лох! Здравствуй, долгожданный!

Что-то темное спустилось сверху. Семга ждала, она знала, как приятен этот миг. И он пришел...

Не слышала Семга, как хвалил ее молодой рыбак, снимая с остроги — настоящая царица!

Не знала Семга, что она не только супруга бога, но и царская рыба, на царском столе ей лежать...»

Не сказки рассказывала бабушка Степанида — вроде сама жила там, сама переживала — так рассказывала! Говорила, что сама встречала Лоха. Да и мы тоже вроде знаем его и часто встречаем — ведь эта затяжная зимняя метель, наводящая тоску на всех, — это он, Лох, бушует.

Может, и правда встречала — много лет бабушке Степаниде, забыла уже. Утверждает, что это он, Лох, в ее долгой жизни главный, покровительствует ей. Много детей родила бабушка Степанида, и все — живые. Разве сумели бы они все выжить и были бы такими здоровыми, если бы за ней и ее детьми не приглядывал Лох, не отводил бы беды своей снежной кутерьмой?! А затем и внуков оберегал — тоже все взрослыми стали. Легко живет бабушка, знает, если что — Лох всегда поможет. Теперь вот за правнуков просит Лоха, чтобы и им помог жить. Много-много правнуков у старой ненки, не сосчитать.

Вот он, один из них, правнук бабушки Степаниды — Костя, сидит передо мной.

Давно уже сидит Костя в кабинете директора. В шестом классе учится Костя. Живет в интернате. Родители его — оленеводы. Седьмой он в семье по счету. Шестеро уже выучились — все братья, и еще трое маленьких в школе — братик и сестренки.

Разговор с Костей у меня очень серьезный. Вчера в поселок приезжали оленеводы из Костиной бригады на оленях, закупать продукты приезжали. Купили и водки. Много им водки продали, большая бригада — на всю дали. Не подчиняются продавцы решению исполкома, где сказано, что нельзя много водки продавать оленеводам. И был у оленеводов «большой праздник» — не могут они водку просто так держать. Если купили, обязательно выпить надо. А если немного выпили, то надо еще и еще, до тех пор пока голова не упадет, пока руки не перестанут слушаться. И был Костя вместе с ними, и тоже пил водку, и тоже, как все, до потери сознания — это у ненцев всегда так: пьют взрослые, а с ними пьют и дети, с далеких времен это повелось. Нашли ребята, принесли Костю в интернат, а то замерз бы он в сугробе — метель большая была.

А сегодня пришел Костя ко мне в кабинет, сам пришел — повиниться. Сидит, молчит виновато. И я молчу. Я не знаю, о чем говорить с парнем. Жаль мне его. Жаль, что судьба его так вот и предreshена.

Учиться не хочет, с уроков сбегает. Дотянем его как-нибудь до восьмого класса, и уйдет Костя в родную тундру, в свою бригаду, и ничего Косте не надо будет в жизни, как многим его соплеменникам, кроме хорошего чума да изредка напиться до одурения.

А парень-то умный, способный. Прошлый год сам убедился в этом. Говорили, что очень он музыкален, принес я ему аккордеон — через час уже наигрывал «Катюшу». А через три дня «Прощание славянки» звучало в интернате. Играл аккордеон до тех пор, пока не попросили Костю выступить на вечере художественной самодеятельности. Не стал, отказался, и после этого не слышал уже никто Костиной игры. Почему не стал — забоялся? Или не хотел для нас всех играть? Боялся, что смеяться будут, смущался или не хотел делиться с нами своими чувствами? А может быть, просто не хотел увидеть в наших глазах равнодушие или, что страшнее, немое удивление: «разве такой дурак может так играть?» Но, как бы то ни было, не играет больше Костя, и боюсь я с ним разговаривать об этом — знать, сильно мы его обидели, если не хочет он перед нами раскрываться, а по-другому он не умеет.

А еще видел я, как рисует он тундру, свою тундру. Какие у него краски! Я плохо разбираюсь в живописи, но думаю, что всех, кто видел бы тундру на Костиных рисунках, она бы тоже потрясла, как и меня. Белая важенька — молодая олениха с первым своим олененком. Вокруг уже яркие скорые цветы тундры разукрасили огромное пространство. И этот тыко-олenenок среди цветов. Стоптал цветы олененок. И смотрит важенька на него с укором — стыдно, тыко; не будет он так больше, он любит свою тундру. А рядом, крупным планом, — незаживающая и кровоточащая безобразная рана на любимой тундре — глубокий след от вездехода. Не может объяснить эту рану важенька своему тыко. Зачем же так делаешь, человек?!

Только никто не видел этих рисунков. Рисует Костя и прячет, не показывает никому. Еле-еле упротил показать мне, под страшной клятвой не разглашать тайну. Зато «рецензентом» стал и восторженным поклонником Костиного искусства. Подарил ему два альбома тогда — Рокуэлла Кента и его земляка, первого «президента» тундры, Тыко Вылки. Интересно стало, как он с ними справится. Принес обратно альбом Тыко Вылки — «я сам так умею», — а Рокуэлла Кента оставил себе. Так и я думал. Я давно уже заметил, что чувство национальной гордости «не играет» у детей-ненцев, уж очень глубоко оно скрыто, а наружу — показное равнодушие к родному, ненецкому. А может, мы его сами так глубоко загнали? Не могу я понять этой ненецкой философии.

Вот он, «философ», передо мной. Сейчас у него тупой, бессмысленный (не скажешь, что он очень музыкален) взгляд. Сидит молча в скованной позе и не шелохнется — думает о чем-то.

Что я ему должен сказать? О том, что пить нельзя вообще, а ему еще и рано? Но он с молоком материнским впитал алкоголь. Он, как говорят врачи, еще в материнской утробе стал алкоголиком. Пьют его родители, пьют его братья, пьет весь его народ — так почему же нельзя ему? Это ему просто непонятно. Столько лет пили, а теперь нельзя? Нет, он понимает, что он живет не так, как русские. У него нет дома, у него тяжелая жизнь, а вот почему пить нельзя? От этого люди тупеют. Но ему и не надо быть очень ум-

ным. Пусть умными будут русские, которые на каждом шагу называют его «лопатой», «обручем» (как будто среди русских нет людей с круглыми лицами), для которых он часто всего лишь «обезьяна» (как будто среди русских нет дураков и некрасивых) — что, неправда? Не отводи глаза, директор, ведь это так! И не можешь ты это переломить, директор.

Здоровье становится хуже? Но кто сравнится с ним в силе из русских сверстников! Коренастый, широкоплечий, словно сплетен из жестких пеньковых канатов — такие мышцы у Кости. Он обладает силой взрослого, с детства выполняет взрослую тяжелую работу пастуха-оленовода. Ненцы — они живучие, считает Костя. Пусть кто-нибудь попробует так прожить, как они живут в бригаде, — в чуме, где постоянно надо топить железную печь, а кроме того, еще и работать, а через каждые два-три дня кочевать, значит. И в пургу, и в мороз кочуют олениводы, иначе нельзя — олени не стоят на месте, им свежий корм все время нужен. Пусть кто попробует и выживет в тундре...

Говорить о том, что он позорит свой народ, тоже бесполезно. Я знаю его возражения: русские пьют — не позорят, а ненцы — позорят? Да и знает Костя, что давным-давно опозорен его народ, — «распозоривать» надо, только вот никто не берется за это дело. А в окружной газете пишут о лучших ненцах, так это не про них. Не знает мальчишка тех ненцев, про которых пишут, да и не читает он газету — не про тундру, не про его тундру она. И вообще почему то, что можно русским, нельзя ненцам? И почему ненцы, которые живут в тундре, которые кормят людей мясом, рыбой, дают мех на красивые бурки и шапки, не хозяева в ней?

Нет, не спросит он этого, Костя, но я уже представляю, как сожмутся его зубы, как заиграют желваки, загорятся глаза. Не буду я об этом говорить, иначе снова, в который раз, придется ему врать, что русский и ненец равны не только по Конституции, но и в жизни, что все русские уважают ненцев. Не смогу я ему сказать и правду, высказать свои мысли. Да и стоит ли ему говорить, что я уже пять лет, как приехал сюда директором школы, пытаюсь поломать эти позорные отношения, это укоренившееся мнение, что все ненцы — дураки? А «этих» ненцев — две трети школы. Не только в поселке люди так думают, мой мальчик, простые люди. Самое страшное, что большинство учителей так думают, и уж совсем катастрофа для нас с тобой — это то, что ты об этом хорошо знаешь.

Ты догадывался об этом в подготовительном классе, когда целый год тебя готовили к встрече с русскими детьми, пришедшими из детского сада, чтоб хоть чуть-чуть приблизить тебя к их уровню развития. Ты с ними встретился, был на год старше, но гораздо менее развитым, на наш, «цивилизованный», взгляд. Вот здесь и начались все противоречия, как модно сейчас говорить. Мы-то, учителя, знаем, что нельзя за год сделать то, что с русскими ребятами делали шесть лет в детском саду. Мы другого не знаем. Что характер у тебя сформирован другой философией — не-

нецкой, тундровой. И развит ты лучше этих детей, только в другой плоскости. Не начитан был ты, но знал о жизни больше. Не умел ты считать бойко, не знал наизусть все цифры, но уже с пяти лет водил ты яргиши — караваны оленей — из 8—9 повозок и четко знал, сколько и каких оленей не хватает в стаде, когда ездил с отцом пастишить на сутки-двое. Не знал ты, какие республики входят в нашу страну, какие города есть, но свою Канинскую тундру ты не однажды прошел от конца до конца. Не ездил ты с родителями к Черному морю в отпуск, но уже твердо знал, что на всю жизнь останешься у Белого моря, ты знал свою родину — тундру, ты любил ее и гордился ею, ты здесь — хозяин (о том, хозяин ли и почему нет, — это уж совсем взрослый и недоступный пока разговор, Костя), не нужны тебе большие города. Не тянет тебя и сейчас в эти города. Нет, не боишься их — ты не знаешь этого чувства — «боязнь», тебя просто каждую минуту тянет в тундру, на свободу — посидеть молча у костра, подумать. О чем ты думаешь все время, «философ»?

Начинать ли с тобой разговор с того, что ты нарушаешь порядок и дисциплину? Опять же молча возразишь, что не согласен, когда свободных детей тундры, которые привыкли к своему порядку, к своей дисциплине, установленной строгой и в то же время сумасбродной тундрой, сразу запирают в наши, непонятные им рамки. Проснись вовремя, усни — тоже. Кушай то, что подано, а не то, что хочется. А хочется сырого мяса мороженого — строганины. Знаю, Костя, как это вкусно, строганина из оленины — сам люблю, и про полезность ее читал — витаминов очень много, все овощи заменяет. Но у меня приказ строгий-строгий: ни в коем случае не давать сырого мяса детям-ненцам. Врачи, Костенька, которые в жизни никогда не пробовали тающее во рту ароматное мясо, заботятся о твоём желудке, а то, что в тундре это основная, нередко единственная пища — сырое мясо, знать не желают. Нельзя тебе его есть, дорогой, пока не поедешь в тундру.

Если поедешь... Много нервов и тебе и мне будет теперь стоять эта поездка — вон, твоя классная руководительница уже настаивает на том, чтобы оставить тебя на зимние каникулы в интернате — за десять дней ты должен научиться тому, что не выучил за шесть с половиной лет, научиться даже правилам поведения, научиться уважать русских учителей. А мы, учителя, за то, что не научили тебя этому вовремя, лишим тебя пушистого снега под полозьями нарт, быстрого ветра встречь открытому лицу, твоих любимых оленей, твоей любимой тундры. Лишить тебя свободы, тебе же ее проповедуя! Будь свободен в нашем выборе! Не видел ты полгода отца и мать? Не увидишь еще полгода. Разве тебе не по нраву такая свобода наших решений? Оторвали мы тебя от родителей, от тундры один раз, оторвем и другой. Это мы решаем свободно... На педсовете я буду доказывать, что нельзя тебя лишать этой встречи с твоей жизнью. Ты, наверное, думаешь, блестя глазами (это не слезы — это злость к нам блестит в глазах), что не любят тебя русские учителя. Они не понимают

тебя, а твоя вина в том, что ты ненец, что характер у тебя ненецкий, закрытый. Совсем-совсем, как говорит бабушка Степанида, скромный ты. Успокойся, добьюсь я решения — поедешь ты на каникулы, но эта процедура добавит еще порцию злости в тебе. А не надо бы, не злись, парень.

Может, прочитать тебе нотацию (как это делают большинство твоих учителей) о том, что если будешь хорошо учиться и вести себя, то можешь стать большим человеком? Но нет, не станешь ты большим человеком, как это понимаем мы. Не пойдешь ты в десятый класс, незачем, да и сами мы не захотим больше мучиться с тобой еще два года. Отпугнем тебя большими задачами, стоящими перед тобой. Ты будешь большой там, в тундре, и без нас, и ты хорошо уже это знаешь. Ты догадываешься, что твоя натура, твой ненецкий характер как раз и закрывают перед тобой все дороги, кроме суровых в тундре. За последние пятнадцать лет, это я знаю, из ненцев Канинской тундры вышло четыре учительницы — это высший уровень пока, и то их постоянно дергают — они ведь тоже с ненецким характером. А ты их не любишь, это же видно. Не любишь за то, что не хотят они быть ненками, не хотят даже говорить на ненецком родном языке, они стесняются своих родных из тундры за их «бескультурие», они забыли, что тоже из чума вышли. Поэтому и ты не ходишь на урок родного языка, твердишь, что не знаешь его и не говоришь на этом языке, и боишься смотреть в мою сторону — ведь мы с тобой очень охотно говорим на твоём языке, звучном, гортанном, суровом, когда вдвоем, ты даже учишь меня потихоньку. Не «выдам» я тебя, не ходи на эти уроки, тем более что ничего они не дают, без души проходят, и учительнице в тягость.

Что мне сказать тебе, Костя? Такой ты сегодня беззащитный — все выслушаешь, все тебе можно говорить.

Но не могу же я сказать о том, что реформа школы, которую мы усердно «осуществляем», воспитывая тебя, тебе как раз ничего и не дает. Прошел ты со своими национальными особенностями и мимо «тезисов по перестройке». Не могу же я плакаться тебе, что о твоей судьбе не хотят меня нигде слушать, что имею я уже ряд серьезных замечаний по поводу «непонимания национальной политики». Но ведь ты — вот, рядом сидишь. Тебя понимаю, а политику — нет? А может, политика не для тебя? Или ты не для нее?.. Нельзя об этом, нельзя честь мундира терять. Да и чувствую, что ты без этого знаешь, как мне трудно с тобой, как трудно мирить твои мировоззрения с действительностью. Тебя уже не примирить, видимо, Костя, но твоих младших брата и сестер — примирю! За тем я здесь живу и работаю.

Не знаю, когда у меня появилось такое острое желание. Пять лет назад, когда я приехал из далекого уже Новосибирска, я и не думал об этом. Хотелось просто душу потешить романтикой, славу «бывалого» приобрести. Не выдержал — семью привез, убедил, что здесь наше место, тундру полюбил, народ твой. И все из-за тебя, Константин!

Кто поможет мне? Я думаю, что твоя судьба заинтересует все-таки государственных людей. И кроме циркуляров — «заставить работать самоуправление» (да, есть и такие опусы), «воспитать сознательное отношение-к учебе и труду» — появятся и мудрые советы: «учитывать национальные особенности детей-ненцев, условия подготовки их к школе». И поймут государственные люди, что дети-ненцы — это не дети-русские, что нельзя одинаково учить Канюкова Костю, сына оленевода, кочующего по тундре, и Иванова Петю, сына кадрового военного — разные они в начале школьного пути, и особенно разные в конце его. Калечим и тех, и других одной меркой. Может, и из тебя выйдет новый Тыко Вылка. Для этого и должны звучать сказки бабушки Степаниды, которые совсем уже не знаешь ты. Для этого должна звучать и история твоего сильного народа, которую не знаем и мы. Будет все это, Костя, будет!

Молчишь? И я молчу.

Я хмрю брови, «сержусь». Знаю, как тяжело переносить тебе мое недовольство. Поэтому-то и пришел сам, чтобы хоть этим задобрить Оша — Хозяина тундры, как вы окрестили меня. Лестно иметь такое прозвище, но и тяжело. Нельзя ведь вас обмануть. Поэтому и молчу — не знаю, что сказать, во что поверил бы ты.

Нельзя тебе, Костя, быть плохим. Нельзя! Надо, надо мне убедить тебя в этом. Для тебе же надо. Но как?

Вот и поговорили мы с тобой, дитя тундры... Поняли ли друг друга?

Слушай! Ну сколько же можно... разговаривать?! Собирай-ка ребят да пойдем лучше к бабушке Степаниде слушать сказки про Лоха — в них прелесть и сила жизни, в них ваши истоки, в них история. Или пойдем в тундру, помолчим вместе — я тоже хочу научиться молчать и слушать жизнь. А потом вы меня снова поучите своему языку. И весело посмеетесь, когда я буду коверкать гортанные слова. Хорошо! Может, и еще кто из учителей пойдет с нами, просто так пойдет — будет еще лучше!

Тогда и Лох утихнет, он тоже порадует — неизвестно ведь, почему он так сильно бушует последние годы — и вовремя, и не вовремя.

Подумать бы об этом всем нам вместе...

За окном метель, не видно в двух шагах, темно — полярная ночь — не пойти нам в тундру.

Лох бушует за окном...

ОСТРОВ

Серебристый шлейф выхлопа видится долго-долго: небо светлое, чистое, точно скинутое ключевой водой. Мы стоим у палатки и смотрим вслед улетающему Ли-2. В звонкой полярной тишине хорошо слышен тончайший, как зуд российского комара, звук за-тихающего мотора.

Наш островок совсем невелик, но загадочен, вот отчего мы — наука, а точнее, молодежная научная группа здесь.

Молчим, не двигаясь с места. Далеко протянувшиеся от нас тени ломаются на застругах наста. Груда экспедиционного груза свалена возле круглой, как голыш, палатки. Рядом повизгивают в нетерпении собаки. Ну спокойнее, спокойнее, работнички! Успеете наломаться!

Речь Андрея, начальника группы, была короткой. Шмыгает простуженным носом и предлагает считать десантную операцию начатой. Негромкое «ура!», и беспокойно зашелестел иней на внутренней байке палатки Шапошникова. Эта палатка КАПШ — специально разработана для Антарктики. Круглые окошки-иллюминаторы только что не дрожат от слепящего солнца, которое высвечивает навал ящиков, спальников, коек, забивших нутро жилья. Оно ластится и к нам, приятно освещая рыжину унтов, глянец новых кожкостюмов, зеленый брезент утепленных курток — «каэшек». День-то какой! Заброс прошел без сучка и задоринки. Наконец-то покончено с затянувшимся ожиданием! И с комфортом Мирного.

Идет устройство лагеря. Торопимся, времени в обрез. А вокруг — голо, плоско и сплошной белый цвет. Он не в диковинку —

не первый день на континенте, но так хочется зеленого мазка...

Да, уже произошло ЧП — Толя угорел во вспомогательной палатке, где установлен движок электроснабжения. Завел для пробы, не открыв выход наружу. Ну и... Синюшное лицо, одурелый взгляд. Рвота с затыжными приступами. Что-что, а кислород в атмосфере низковатый, по горной норме. Чуть нагрузился и уже пыхтишь, а каково при отравлении? Понемногу отходили. После этого само собой утвердилось заповедь: остерегайся!

Солнце едва поднимается над горизонтом и чуть что чиркает по краю небосвода. Мы сидим на хвосте полярной ночи, а он горазд помахивать непогодой, как разбойник кистенем. Такая пора. Собственно, весь наш расчет на «окна» в погоде, которые мы намерены уплотнить работой до отказа.

Сейчас июнь. Зима в июне. В мозгу не укладывается — такой месяц и пропасть хлада! Остров весь обшит снегами и льдами с завидной тщательностью. На нем никого и ничего нет — зацепиться жизни за намороженные толщи — что прорасти зерну сквозь асфальт. Но для науки это первостатейный объект.

Пока мы носим в палатки вещи, Андрей взял бинокль и ушел на контроль вех, разбитых по маршруту еще в прежние залеты. Вернулся довольный, сообщил — стоят влило все до единой. Затем взмахнул «фельдмаршалским» жезлом и обрисовал диспозицию. Итак, он и я проводим геофизику по той, вехами меченной линии. Леня и Толя занимаются геодезией, проще говоря — ведут съемку дел наших, то есть точек наблюдений. Андрей увлекся, живо жестикулирует руками, вкладывая в наши головы ход намеченных работ.

Хорош наш шеф, ничего не скажешь. Плотный, высокий, с густой, в кучерявинку, чернушей, прямо-таки «монаршей» бородой. Глаза карие с энергичным прищуром. Только вот речь чуть невнятная. Думаю, из-за вечной торопливости. Он, похоже, живет, пытаясь объять необъятное. И в санно-тракторных походах участвовал, и в полетах на ледники, и с геологами по оазисам ходил.

При позднем ужине — совет. Жарко пылает «угольница». Сидим в свитерах, но в унтах: у потолка — тропики, ниже пояса — ощутимый морозец. Чуть живы, разморены донельзя — навозились с грузом вдосталь.

Женя доволен — собак прилично устроил. Прилично — это значит каждой по шесту — на, не теряйся по пурге! Подумать только: младший научный сотрудник, астронавигатор санно-тракторных поездов — и заправский каюр. И по своей охоте, вот ведь что. А скажи-ка ему там, в Штейнберге, астроцентре, что в каюра превратится, как бы прыснул в удивлении! И все — Андрей. Кинул ему идею — ты, мол, в конце сезона в простое, давай к нам. Отметил, как Леня к упряжке бесхозной привязался, когда штатный каюр ушел со сменой.

Спозаранку так шарахнуло, что все наши планы пошли к дьяволу. Ничего спросонья вначале не понял — отчего это моя койка

вошла в резвый аллюр, а палатка затрясла металлическим каркасом. Я невольно подобрался всем телом. В байковые бока жилища что-то временами неистово бухало. Палатка по-человечески охала, приседала, дрожала. Закрутила пурга! Сила порывов была именно антарктическая.

Ветер пробовал взять нас с ходу. Но вот что значит поставить дом загоя, еще в прошлый залет. Ай да Андрей! Наст успел «вобрать» жилье вместе с оттяжками, и ныне — попробуй, выдержи нас...

— М-да, погодка! — это, конечно, Леня. По части скепсиса он у нас главный. Бывало, еще в Мирном полеживает эдак на спине — руки на затылок, взгляд в потолок — и с ехидством в никуда бросит: «М-да!» И снова — долгое молчание. И непременно ядовитая усмешечка. Всезнающая. Точно — говорил же я вам, говорил, а вы на это — ноль внимания. Что ж, пеняйте на себя! Странный парень! И при этом ведь редко на кого так можно положиться, как на этого скептика. В делах вряд ли кто найдется жилистее, упрямее его. Но как выдаст свое «М-да!», противнее некуда! Я снова забрался с головой в мешок. А ну его...

Кончалась неделя, как бесновалась пурга. Аккуратный овал КАПШ-2 покривился, кое-где палатка пошла пузырем. Грузно и косо осела, замеченная снегом.

Время шло как в полусне. Поднимались поздно, ложились рано. Вяло дежурили. На чтение и то не тянуло. Стреножила душу вынужденная бездеятельность. Если выбирались «за борт», то лишь по самой необходимости и с неизменным фалом на поясе. Ступика в снежную круговерть без веревочной пуповины... Забыт, закрутит, завалает — в метре от палатки концы отдашь.

Андрей помрачнел, но терпеливо вел сражение с изнурительным бездельем — то проверь ему этот блок аппаратуры, то тот, то дай контрольную ленту к осциллографу, то непременно узрей уровень электролита в аккумуляторе. Вот к движку, в малую палатку гонял. А зачем? Ну молотит и молотит, свет исправно гонит, и порядок.

Худо, что готовились к штурмовым подвигам, быстрым перемещениям на острове, а пурга нас с ходу в палатке «заштопала». Пялишь глаза на то, как болтаются на веревках под потолком отсыревшие унты, унтыта, варежки, малахаи, голову в иллюминатор отвернешь — смутно, день-то, наштигованный снегом, осколком мутным проглянет. Общались привычно, но скучно — поднадоели друг другу еще в мирнинских долгих посиделках. Я все же себе отдушину нащупал — плавание вспоминал на белоснежном лайнере, через все пояса Земли... Но чаще, перебивая вся и всё, березки в кадре шли. Молоденькие, кудрявые, с омытой внешними водами зеленью. Эх, под ними бы да голыми ступнями прогуляться.

Леня не выдержал — пополз к собакам. Сориентировался по компасу, фал на пояс и айда к ним. Прихватил мороженой тюлени-

ны — вдруг возьмут? Когда вполз обратно, мы с него сугробище сняли да так грязной кучей у порога и примяли — выбрось-ка его сейчас, как же!

О виденном процедил в своей обычной манере — нормально, лежат. Подзадуты, есть немного. Не кормил — не взяли. Во упрямец! Не усвоит истину — лайки в метель скручиваются баранками, нос под хвост, лапы под брюхо — и ни воды, ни еды. Хорошо, шесты проверил — стоят. Ведь упади какой — амба животному. Антарктида терпеть не может неровностей и плотной коркой сразу покрывает все мало-мальски торчащее. Андрей говорил, что в прошлый залет, выбирая площадку для нас, он споткнулся о странный пенек. До боли ударился, озлился, в сердцах копнул носком и... итог любопытства — палатка Шапошникова, малая.

— Оказывается, та смена метила, — смеялся Андрей, — сорвать, видимо, то же яблочко, что и мы. Но видно, не смогли, не успели — закрутило, что ли?

Толя залег, отвернулся к стенке. Хуже всех почему-то ему. Тонковата натура? Спальник покидает — что медведь берлогу зимой, недовольно, морщась, нехотя. Вроде одолжение делает. Такой он, чего греха таить, еще с Мирного, разве что прилет сюда вернул ненадолго нам прежнего, заводного, веселого парня, каким он был у Канар...

Толя из профессорской семьи, лицо — образец воспитанности. Толковый взгляд, значительность выражения, суховатая ровность общения. Мало хорошего, если уйдет в себя, замкнется в своей скорлупе. Взгляда уже не поймашь... Что поделаешь: зимовка — лакмусовая бумажка характерам, что верно, то верно. Однако кто из зимовщиков хоть раз не клял себя за то, что поехал?

Андрей относится к нему как-то осторожнее, внимательнее что ли, чем к нам. Иль потому, что оба из МГУ? Впрочем, Андрея не поймешь — в университете шмыгали один мимо другого, едва ль и знаясь. Ладно, остановлюсь на предположении — взял встряхнуться, переменить обстановку. А что? Физик-ионосферщик пошел на «черную работу», то бишь на подхват ко всем нам, чтобы уйти, сбежать, временно конечно, от тубуса — прибора для ловли космических лучей. Что ж, посидишь в домике на отшибе, у самого барьера, почти полгода один — ходьба в столовую не в счет, взвоешь, а то и хуже — замолчишь...

Вот Андрей, он настроению не поддается. И — голова трезвая, расчетливая, упрямая.

Я усмехнулся про себя, посмотрев на шефа, который, животом подняв подушку, лежал, цвеля в улыбке. Перечитывал любимых Ильфа и Петрова. Сам-то он верил, когда убеждал ученый совет, что уложится в отпущенные дни, несмотря на тощий кошелек светлого времени. А впрочем, верь не верь, а летний сезон — он ли для мелочей? Весь без остатка идет «куполу» — станциям в центре Антарктиды, походам на тягачах, новым объектам на дальних ледниках, оазисах, шельфах. Хочешь не хочешь — на, бери «обрезок» сезона. И будь доволен...

Конец пурги был так же внезапен, как и начало, — в этих капризах Антарктида непревзойдена. Дуло, било в палатку еще с ночи, а утром — ни шелеста, ни свиста. Стойкая, хрустальная вроде бы тишина. Она и разбудила.

Краснела, едва заметно набухая, долгая полоска утренней зари за плексом. Видно-то как! Воздух — прозрачнее некуда. В жилье — морозная синева. Чернеют три недвижных бугра по койкам — я, выходит, первый на подъем. Ладно, не будем считаться — день-то какой! — растоплю печь. Дежурному-то еще надо и снег натопить, и завтрак сготовить. Развязываю обледеневшие до леденцовой глазури шнуры спальника. Выпрастываю руку, вытягиваю — на ощупь — сухой бензин из-под раскладушки...

Ярило в полнеба. Мы вновь деловиты, бодры, все подспудно подтачивавшее, пугающее — прочь. Полярнику солнце — та же терапия души. Отгребли снег от входа. Точнее — ниши прорубили в плотном наддуве. КАПШ-1 отныне почти не видна. Труба лишь говорит, что тут живут люди. Разбросали снег у груза на площадке. Да не весь, на весь и бульдозера мало, так, чтоб можно было до крышек добраться. Погрузили аппаратуру на нарты, закрепили. Туда же — спальники и продукты... Такой день терять нельзя, успеть бы хоть задел сделать. Но когда Леня, поавралив с нами, пошел к псам, ни под одним шестом их не оказалось. Плоско у палок, совершенно плоско! Лишь по отдушинам под ними поняли — замуrowало, горемычных, в наст. Откопали мы бедолаг, а встать ни одна не может! «Запеклись» в ледяные кольца, прочнее некуда — снег-то обтаял у шерсти. Лишь глазами — зырк на нас виновато, зырк. Морды худющие, тела — те же скелеты. Пообивали их молотками, выпрастывая из льда, как отливки из форм. Когда-то они теперь встанут на лапы? Леня чешет затылок.

И что ж? Потащились, конечно, с Андреем бурлаками. Наст тверд, как солончак, вот разве мешают заструги да передувы обледевелые. Палатки отдалялись медленно. Нет-нет и глянешь — уже далеко? Куда там, еще близко! Разозленный, перестал смотреть. Да и дорога оторвала от пустого занятия. Равнина хорошая! Чистейшая, сверкающая. Фильтры очков как будто повыбиты — глаза все равно щурятся. Хоть и пыхчу — надо до первых вех с пару километров пройти, — а заморожен отменно белейшим раскатом. Какие поля! И ведь на них один лишь пахарь — ветер, одно зерно — снег. И как чисты посевы — ни пылиночки, ни сориночки... И небо-то, небо как распахнулось!

Но иду и вздыхаю. Той группе что — ящичек с «дипломат», палка двухметровая — и работой. Мы же тут! Проклятые аккумуляторы! Аж нарты просели. Ишь, свинца в них набухали. В слабости не расписываюсь, но и в героях не очень-то походишь — тянутся сани, что якорь по дну. Поневоле шефа вспомнил — он маляхай об наст — и хлоп на нарты. Обвис устало, закурил, кулак под подбородок, и долгий молчок. Надо ж было псам так дойти! Помощнички! Повеселел, только когда от датчиков, расставленных на снегу, запись появилась.

И ведь пошло! День работаем, второй. Бродим от точки к точке, измеряем. Несмотря на то что подметывает, в ранние часы сток дует, а ведь пошла наука. Пошла наконец. С души камень свалился...

Порой мне снится странный сон. Я стою на краю белой бездны, за мной — земля без формы, без очертаний, безликая. Я застыл на опасном краю, недвижим, с бьющимся сердцем, скованный боязнью движения. И вот за бездной поднимается светило. Оно огромно, неправдоподобно огромно. Веер его лучей, широкий, низкий и плотный, накрывает пространство, непонятную землю.

Бездна передо мной — Вселенная — реальна до жути, до ошущимости страха перед ней. Лучи солнца — рельсы. Ее рельсы. Они зовут меня в заземленность пространства. Я трушу. К счастью, я всегда трушу, не делаю этого единственного шага. Антарктида — это мой мост в космос, касание чего-то запредельного, поражающего, в сущности нами так и не осознаваемого до конца...

Мирный живет своей жизнью — готовится к полярной ночи. Он все настойчивее запрашивает — кончаем ли? Видно, недельная пурга основательно напугала: не прелюдия ли к худшему? Однако работа без происшествий — задача больше для начальства. Наша — не сниматься без заполненных журналов и осциллограмм. А вообще-то не зря ли болтаемся здесь? Толя пробовал усомниться — какой, мол, прок науке от нашего осколыша? Как понесло Андрея! Хорошо еще, спешили на профиль, стояли у метеобудки лишь для того, чтобы закапюшониться, затянуть ремни унтов, шнуры у казшек. Шеф уложился в короткое резюме: на модели континента работаем, ибо на нем и на острове идут процессы чуть ли не один к одному — те же снегопереносы, льдообразование, сползание толщ льда в море. Мы себя зауважали: первые отгадчики здешних тайн, выходит.

За те дни, что дуло несильно, успели отработать ближние точки. Далее не потянуть — нужны псы. И день надо по-хозяйски прессовать, экономнее использовать — вон зори-то почти на полдня растянулись. Утекает освещение. Андрей поговорил с Леной и сразу махнул своим руководящим жезлом. Итак, Леня к нам, собачий профилакторий — на запор — надо работать, как бы собаки ни выглядели. Толе вменили весь лагерный обиход, кастрюльное хозяйство, снеготаялку и прочее. И еще — найти бочонок с соляжкой. По глупости при разгрузке откатали в сторону, побезопаснее, мол, а лопату, означавшую место, едва воткнули впопыхах, ясно, свалилась в пургу. И почитай, мы без движка, растяпы, — это что б заброшенное Антарктида отдала? Сомневаюсь. Да ей запросто хоть дом слизнуть без следа. Как отныне аккумуляторы гонять? Да и прожектор теперь — слепышок бессмысленный. В палатке перешли на керосин, на «летучую мышь».

Против ожидания собаки тянули неплохо. Правда, вечером упряжка едва доплелась до лагеря. Хотя сани были почти пустые.

Аппаратуру оставили на завершающей точке, да и сами мы нечасто усаживались на нарты, все больше подпрыгивали рядом. Тяжеловат еще для них дальний конец.

А вот солярка не нашлась. Нелепость какая-то — место знаем точно, а потыкался Толя ломом — пусто. Худо.

В тот день мы встали совсем уж затемно: предстояла работа на дальних точках. И мыкались в полутьме палатки, снуя по узким проходам. Только когда Леня взбодрил своих подопечных, прищелкнув их карабинами к постройкам, стал видаться день. Белая равнина уплотненно блестела, являя собой само смирение и покой. Не казалась опасной и тонкая слабенькая пыльца, что курилась у гребешков застрогов. Сегодня день, бесспорно, наш! Намерение твердо — кончить дальний кусок.

...Я стоял перед нартами с аппаратурой, принимал запись от датчиков, расставленных на снегу. Слегка расстегнуты каэшки, сдвинуты капюшоны, собаки пластом лежат на снегу. Бочком сказочного яйца птицы Рух светит купол на горизонте. Солнце жарит непривычно щедро, воздух прозрачен до исчезновения. Неяркий небосвод чист, лишь где-то там, далеко над морем, висит славный пуховичок. Облако.

Да, так и помню — я стоял на коленях и терпеливо запускал захандривший камертон, когда пуховичок, быстро и опарно взойдя, дошел до нас. Я оторвался от камертона и вижу — Андрей, который готовил взрывчатку, странно завис. Взглянул на Леню, возившегося у собак. И он — повис! Кругом все засветилось. Тени, с весенней быстротой подтаяв, исчезли. Горизонт — обрезанный овал острова — мягко расплылся и растворился...

Стало не по себе. Почувствовал, что как бы оглох, ослеп, онемел.

Подошел Андрей, ступая словно по воздуху, присел на ящик от сейсмостанции, обтер потный лоб рукой, сдвинул малахай на затылок:

— Белая мгла.

Коварное кольцо нежданной напасти замкнулось не на шутку прочно, без малейших просветов. Леня, подойдя к нам, не преминул заметить:

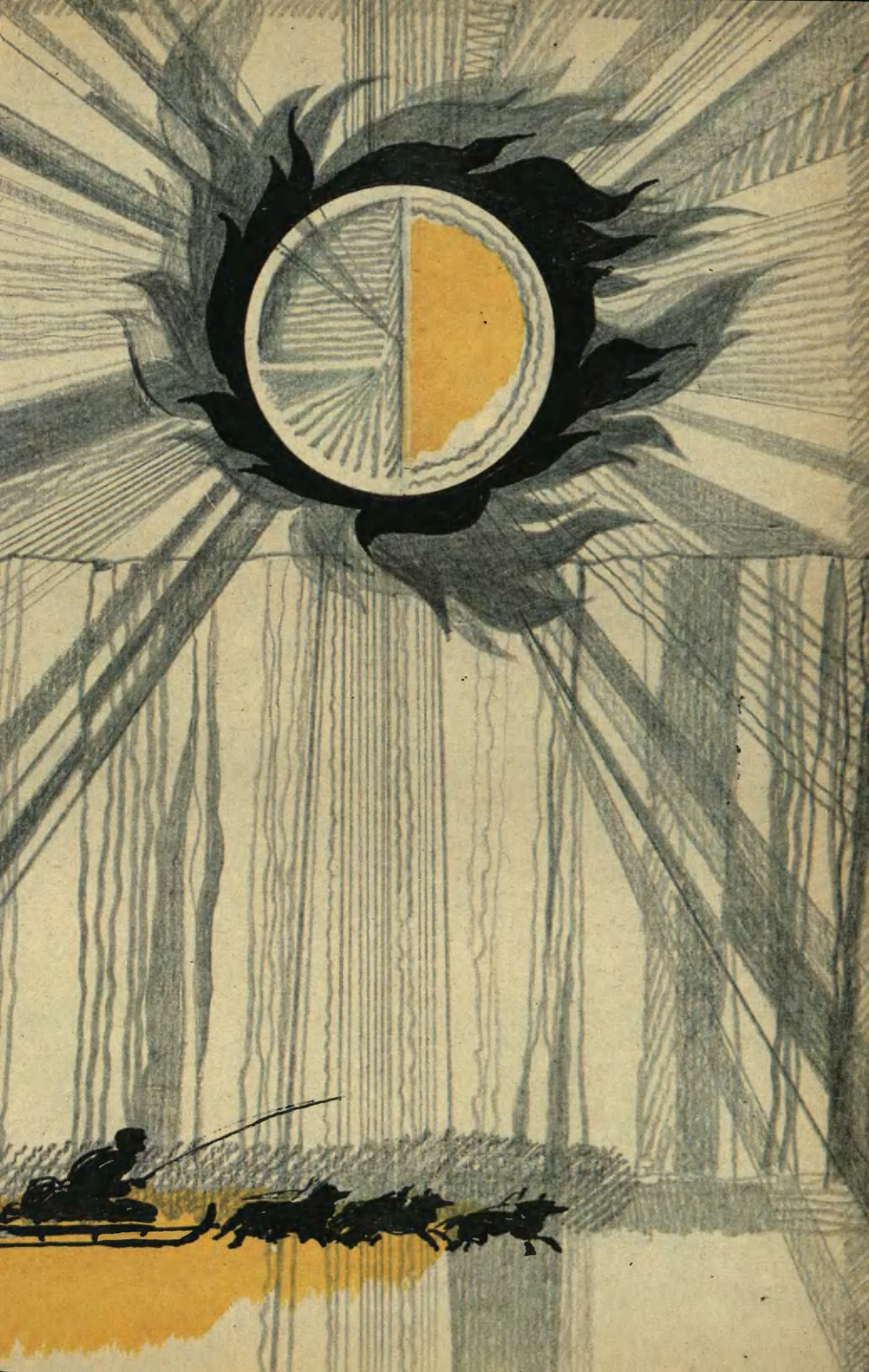
— М-да, явленияще. — И спокойно оглянулся вокруг. Мы с Андреем шикнули на «каюра» — недалеко краевой барьер, а сейчас мы как слепые...

Прикинули, порознь для начала, где может быть горизонт. И у каждого он оказался свой. Чертовщина какая-то! Никакой ориентировки! Ну точно опустило нас в бутылку с молоком. Делаю, ясно, конец — вежи сглотнула та же мгла. Вот тебе и кончили!

Поставили аппаратуру, затянули брезентом. Собаки повставали, чуть повизгивая, беспокойно переминаясь, смотрели на нас. Я запихнул осциллограммы в карман.

Андрей сидел, наклонив голову. Молчали. Так думалось лучше.

— Что ж, надо идти по следу, — Андрей выжидающе поглядел на нас. Голос его был нетверд. Положение, чувствовалось, было и для него внове. Он ждал, что скажем мы. У меня соображений не было. Думалось — вот-вот разойдется мгла. Но она становилась плотнее.

Андрей покрутил головой, задумчиво сказал:

— Разнозначность отражений. Только и всего. Одинаковое излучение и от снега, и от неба. Вот так. А если нет теней, попробуй разберись, что есть что.

— Упряжка найдет дорогу, — убежденно произнес Леня, разглядывая красавца Айсберга — широкогрудого, бугристого от мышц вожака, сидевшего во главе упряжки.

Помолчали еще. Андрей с новым интересом оглядывал собак. Использовать биологический инстинкт? Хм, мысль.

Потом он честно скажет, как обрежет, — я виноват, слишком доверился. Хотя что ему упрекать себя? Он искал ниточку выхода — след на настe — мы ведь пробовали взять. Потолкались у нарт, опустившись на колени. Тени исчезли даже у неровностей наста. Желтенький луч фонарика почти не выручал: на уплотненном настe следов не было видно. Конечно, выйти по следу, помыкавшись, мы бы вышли, но ведь и день-то был на исходе. А элемент фонаря не долгов.

И все же ответственным был он. И никто другой...

Рискнули. Доверились псам. Устроились на спальниках, ящике с продуктами. Леня, взмахнув бамбуковой палкой, крикнул что-то вроде: «Пошли, пошли, сердешные!», и мы помчались в слепящую пустоту. Айсберг дернулся было неуверенно туда-сюда, как бы что-то нащупывая, но упряжка нетерпеливо подтолкнула лобастого пса вперед. Собаки точно одурели в этой пропасти света, бьющего со всех сторон, и вышли из-под воли вожака. Если бы знать это, если бы...

...Сообразил ли Леня, что мы попали на барьер и что, обрушиваясь, снежный мост тянет собак вниз? Еще бы! Его резкий, свистящий придых «Хээй!!!» прозвучал выстрелом в тишине, и нас словно сбросило с мест.

Бухнулись с нарт кулями, еще плохо понимая, зачем. Застыли на четвереньках, удивленно глядя, как уходит куда-то вниз и вбок задок нарт. Разлетелись ящик, мешки, брезент, а задок задергался, ударяясь о бугристый, со звучным треском колющийся твердый снег. Хрип тяжело дышащих псов внезапно сменился отчаянным визгом, от которого прошел по коже озноб. Спустя мгновение визг, метнувшийся в нас комком боли, отчаяния, ударился как в вату, стих, и послышались звуки, от которых снова пошел озноб, — тупые удары, треск дерева, шум мягкого и продолжительного падения, уплывавший куда-то туда, вниз, под нас...

Над дырой провала взлохматилась белесая пороша и тут же, померцав, истаяла. Сердце колотилось сильнее некуда. Я судорожно сунул пригоршню жестких снежинок в пересохший рот. Где астронавигатор?

Спохватившись, шеф и я торопливо поползли к провалу, который угадывался благодаря темным, раскинутым в падении вещам. Проклятая мгла скрадывала все, даже место обрушения, хотя, как разворошен там покров, можно себе представить — «ушло» вниз не менее нескольких тонн снега. Проползя немного, сообразили — нет, негоже без страховки, и вот у меня в руках конец прочного шнура. Черт знает почему, но я держал «бикфордик» (шеф обмотался им про запас — думали работать долго), привязанный к поясу товарища, в таком излишнем натяге, что он досадливо махнул рукой — ну отпусти же!

Глаз не справлялся с плафонным сиянием пространства. Мне казалось, что Андрей ползет по своей какой-то высокой полке, а ниже, на другой, лежат раскиданные с нарт вещи. Как он спустится к ним? Один из мешков, неправдоподобно огромный и угольно-черный (они же зеленые!), до которого дополз шеф, оказался... Леней. Астронавигатор лежал недвижно. Что же с ним, что? Но вот в душе оттаяло — он шевельнулся. Андрей, зарываясь в рыхлый, развороченный снег, осторожно потянул его на себя...

— И как ты думаешь, где он был? — Андрей привалился к льдистой стенке наддува, пытаясь унять дыхание. От него валил пар, даже от бороды. — Почти на краю. Пару бы шевелений — и...

Я попытался привести Леню в чувство. Тер руки, массировал грудь под каэшкой. Видимых повреждений заметно не было. Ни крови, ни переломов. Трахнуло, видимо, при выбросе о глыбу. Иль нартами. Пока не понять. Но стукнулся здорово — постанывает, морщится, покусывает губы. Зачем было стопорить нарты? Бесполезно! Обезумевшие в предчувствии гибели собаки были уже не упряжкой — оравой разбегающихся псов, которых держали вместе лишь ремни. И что его усилия? Свечу, по-старинному если, ставить надо ему, вот что. Ладно, главное — отлежаться. О собаках я старался не думать.

День угасал. Я взглянул на часы. Как? Всего-то прошел час? Думал — вечность. Выход у нас один, конечно, — ночуем тут. Тыкайся тут, по скорой тьме, у края. Подтащили мешки, раскрыли НЗ, вспороли пару банок консервов. А, плевать, что без хлеба, почти привыкли — галеты шли вместо него. Все б ничего, но уходило тепло. Я поежился — мороз вроде мал, но моя каэшка лежала под Леней, который был еще слишком слаб. Скорее в спальник, единственный костер здесь — свое тело.

Белая мгла к ночи потаяла. Сквозь щели в капюшоне спальника я видел уже не сильные звезды. Лежал и вспоминал.

...Из битого черепичника припая (прибрежное торошение) возносится стена льда. Она надвигается быстро, внушительно. Мы пронесли над ней на самолете в считанные секунды. Но тех секунд хватило, чтобы барьер врезался в память. Крутой обрез, трещины, словно молнии, фиолетовый блеск глубоких расщелин в монолите и — высота. С сотню-другую метров. И нигде не видно никакого понижения: барьер сплошь оплел в кольцо маленькую твердь острова. Мы попали не на сам барьер, а на ту часть его, что тайным,

причудливым зевом вдавалась в глубь острова. По сути — большая трещина, перехлестнутая наддувом. Виноваты ли собаки? Шли они путем почти верным (инстинкт не подвел!), была ведь арктическая школа. Но сдали слишком к краю — делали большую дугу. Очень большую.

Утро — радость. Айсберг ткнулся в Ленкин мешок. Живой! На удивление, ни единой царапины! Стало чуть легче: всю ночь саднил душу жалобный вой свалившихся в трещину собак. И мучило бессилие — ничем не помочь. Вожака оторвало от постромков — на шее лохматится ременный конец — и, видимо, до отрыва в трещину. Да и хлестануло о снег, оглушило, иначе крутил бы хвостом тут с вечера. Ленья, приласкав пса, заметно ожил. Ему сейчас хуже, чем нам: не его ли вина всему?

Двинувшись в лагерь, увидели на утреннем небе близкие пятнышки бледноватых сполохов. Оказалось, Толя извел почти половину ракет — палил всю ночь. Встретил нас с красными глазами, дерганно — легко ль одному?

Ленья слабоват, еще шел с нашей помощью. Пришел и, не раздеваясь, сразу лег. Укрыли казшками. Андрей хмурится — Толя на вечерней связи «капнул» про нас в Мирный. А надо ль было?

Многое в нашей островной жизни обозначилось жестче: упряжки нет, горючего в обрез, из продуктов — в достатке лишь макароны. Плохо с сахаром, в кружки бухали, не стесняясь. Да и собак подкармливали, чтоб выправились быстрее. И еще досадная прореха в быту — второй мешок угля где-то там, в куче. Ее же «разбетонировать» надо. А где взять время? Темень и непогода уже на пороге. Сроки жмут, Мирный дал считанные дни на концовку.

С утра собирались на маршрут Андрей и я. Две пары белья, свитера, мехкостюм, казшки, фонари по карманам. И — за полог. Тускнеющий рассвет, неверная, крытая, точно после боя, снежным дымом равнина. Анемометр знай крутит, «южак» бросается пригоршнями снега. Работать бы! Но в голом поле, без укрытия, тыкась в сумеречных световых разводах? Куда там! Ставить палатку? Лишняя носка. Сроки «скрипят», как старые ворота.

Первым сорвался Толя. Прямо так и выдал — сматываться надо. Андрей в дискуссию — шлепали тысячи километров от дома и чтобы шанс упустить? Толя вскипел — шанс, шанс, а Лене каково в промерзшей палатке стыть? Ох и разгорячился физик! Почти до истерики дошел. Хотел из палатки раздетым выскочить... «Каюр» наш безучастно смотрел на происходящее, никак не выражая своего отношения. Я испытывал неизвестно отчего раздражение. Неужели устал? В спор не вступал, пытался быть объективным. Ведь понимаю и того и того. Но ближе мне Андрей.

Ленья встать явно не в силах, иначе б ползал на метеоплощадку — снимать срок, что было его обязанностью. Мы пытаемся

идти на профиль — он чернеет с досады. Хорошо, Андрей изрек, что достаточно и двоих. Достаточно?

В первые дни лежания Лени шеф зависал бородой над его ложем, пытал — как ты? Тот хрипловато, но твердо рубил — нормально, порядок. На предлагаемый выход — вызовем лайнер? — упрямо повторял: тебе надо — вызывай, мне — нет. Андрей с облегчением прикрывался этой индульгенцией: он ли не человек науки? Идею «добивал» поразительно упрямо.

Ночью мне снилась баня. Закуток с конуру, блаженство помывки. Горячо, обжигающе, потная грязь — ручьем с тебя. Эх! Проснулся с сожалением. Не успел домыться. Запаршивели мы здесь порядком. Воду — метелевые «кабанчики» — таяли ограниченно, с топливом нехватка...

Вечером Мирный шумел так, что наушники звучали как громкоговорители. И все — «немедленно сворачивать», «категорически», «самолет под прогревом», «ближайшее окно» и прочее. Шеф положил наушники на столик во время приема и раскрыл книгу Ильфа и Петрова. Толя смотрел на него, покусывая губы, Леня лежал, закрыв глаза. Я настраивался на завтрашний выход — вроде луна проглядывает сквозь облачность, бог даст, выйдем завтра.

И верно, дождались. Пошли! Привычным тандемом — шеф и я. Ныне, вспоминая, холодею — по голубой темно-сизой равнине, светлеющей разве что к полудню, на краю света идут-бредут два человека. Согнулись по-бурлацки — следом сани из лыж, где и спальники, и снедь, и сухой бензин, и «памирочка». Молочный выюн утренней поземки шуршит по штормовке, надетой поверх казшки. Пока — игривый, а ну как разовьется в метель? Поэтому Андрей нацепил поверх всех рукавов школьный компас — подарок сынишки в дорогу. Смешно, но детская штучка в случае снега помогает.

Я с тревогой нет-нет и оглядываюсь. Подвязанная к антенне лампочка (вместо прожектора) видна пока, но топать еще будь здоров. Противное чувство заброшенности, одинокости в этих безжизненных просторах усугублялось низким небом, по которому тащились брюхатые рыхло-ватные облака. Но замена всяческим эмоциям ныне — терпение. Вот так. Стержень всех наших свершений. Это потом, отойдя, я буду говорить всем — ах как интересно было... Пустое бахвальство. Терпение — вот кирпич всему тому, что было, есть и будет в Антарктиде.

Идем от вехи к вехе. К двум привязали фонарики — для створа. Антенны давно уже не видно, вехи, удаляясь, мутнеют в поземке. На полпути крутануло, зашуршало вокруг, зашелестело, зашвыряло в лицо ледяной крупой. Присели, потеснее прижались. Пронесло, к счастью, но стало тревожнее. Скорее бы отработать!

Обиднее всего — впустую выбрались: замерз моторчик у камертона. Да пропади ты все пропадом! Ловлю себя на мысли — вот-вот сорвусь. А ну посмей, посмей только!

Укутали аппаратуру снова. Моторчик взяли с собой. Опять уже

стемнело, хорошо, поэмка к вечеру не усилилась, а почему-то стихла. Странно. И невдомек нам было — завис внезапно ваш мирок с делами и бытом на воздушных «шариках», которых уже касались острия событий, никак не желаемых нами...

Хлоп! Лопнул первый «шарик». Толя сообщил нам, когда мы вернулись из неудачного маршрута, что второго ящика с продуктами (первый почти выгребли) не обнаружил. Как?! Ведь голодуха — это не лишнее ведро солярки, которое можно и сэкономить. Ринулись — что тьма! — в поиск. Был же он в общей куче, рядом с малой палаткой. Был, точно. Метили ж. Опять! Зла не хватает на здешнюю природу — вместо палки-отметки — мощный гребень наддува. Не-е-т, шеф здесь маху дает, своими замерами занят до предела, нет организации, нет. Самотек и авось.

Хлоп! Второй поддержки не стало — сели аккумуляторы. Пустяк вроде — глазок включения закрыт был кучей папиросных пачек, спичек, носков, грязных платков, каких-то обрывков — Андрей прямо-таки удивлял своей чудовищной неряшливостью. Разгляди-ка за этой грудой — состоялось ли включение рации. Враз аккумуляторы сели. Итог — пропуск вечерней связи.

Хлоп! Серьезнее некуда — ночью пошла кровь из горла штурмана. Я первым почувствовал что-то неладное. Выкинулся из тепло-го мехового чрева вмиг. Фонарик со стола — и на «каюра». Он свесил набок (как мешок расшнуровал?) небольшую, но удивительной правильности голову с махоньким ершиком волос и силится улыбнуться в слепящий кружок, уставленный на него. В уголке рта — темно-красная полоска, ниже, на шкурах, — лужица. Она, стеклянно схватываясь, густела и отражалась кристалликами льда.

Хорошо, что в панику никто не ударился. Укутали больного, растопили печь до гудения в трубе, положили грелки к ногам. Напоили крепким чаем. Он, ослабев, уснул сразу и глубоко. Мы трое, взбудораженные происшедшим, сели возле на раскладушки в том, в чем вскочили, — в нательном белье, унтах и шапках.

Круглыми черными провалами смотрелись в ничто настороженные иллюминаторы, мохнатые от свежего инея. Низким полуovalом, простроченным изморозными строчками, нависал закопченный потолок. Мирок, из которого нужно срочно выбираться. Вот оно, оказывается, как закончились дела: немедленный вызов самолета жирно и окончательно зачеркнул столбец остальных дел.

— Будем срочно связываться! — Андрей выпалил излишне резко. — Рация? Попробуем питание напрямую, от движка, в нем есть с десятков литров горючки. Хуже другое — Мирный не вызовет, неуточное время. И ночную московскую связь не поймать, не знаю волны. Попробуем... — Андрей, сведя брови, скосился на спящего Леню. Побулькивание в груди у больного ничуть не вселяло в нас успокоения. Да, стационар Мирного — верная палочка-выручалочка. Оснащение медиков там — будь здоров.

Толя молча потянулся за одеждой — автомобилисту и козыри в

руки — завести промороженный, долго не гонявшийся дизель никто не сможет лучше его. Стал облачаться и я — в помощь. Андрей отвернулся к столу и, покручивая рассеянно шнурок от малахая в коричневых от курения пальцах, что-то прикидывал.

— Так. Искать будем любую связь. Моусон, Амундсен-Скотт, Сева, Бодуэн — куда достанем нашей самолеткой. Что важно — время у них другое, дневное. Может, и выйдет, отзовутся. Должны отозваться. Ну, в работу, хлопцы, в работу, — сказал Андрей и стал вытягивать свитер из-под изголовья в мешке — маленькая хитрость в борьбе за утреннее тепло.

Заводя движок, мы кляли шефа. Непрогретый, да дизель, да на морозе — тьфу, пропади пропадом эта работа! И всего бы — выключить рацию! Ан нет, видишь ли, носкам другого места не нашлось... Часа через два наконец дизель чихнул, прыснул в натуге и — уф! — пошел.

Первым отозвался Моусон. Австралийцы оживленно затараторили было — как же, русские с острова! — но Андрей без дипломатии объяснил положение. Радиотелефон шел хорошо, наушники прослушивались прямо на столе. Английский Андрея был отличный. Выяснилось — австралийцам не «достать» Москву. Слабы. Однако помогли соединиться с Амундсен-Скотт, где была мощная установка. Американцы были сдержанны в эмоциях, но молниеносно отреагировали и приступили к поиску радиоцентра столицы.

Леня лежал уже весь в поту, постанывая сквозь зубы. Ему становилось хуже, может, было совсем плохо, если решился на стоны. Мы беспокойно переглядывались, сидя в кружок перед муаровым ящиком, огонек приема в котором был неподвижен...

— Остров, остров, я — Мирный, — голос низко забарабанил в черных кружках. — Я — Мирный, как слышите? Прием. — Мы напряженно ждали. Перекачивался в наушниках басок начальника летотряда: — Мы вылетаем, вылетаем немедленно. Обеспечьте посадку на контрольные ракеты, ракеты. Со связи не уходите, не уходите. Как поняли? Прием.

Андрей просто заорал, даже привстав с ящика.

— Вас понял, хорошо понял, прием на ракеты, ракеты! Связь держим, связь держим. Ждем, ждем!

И мы забежали мышами в мышеловке. Ракетницу нашли сразу — Толя не расставался с ней, сунул себе под спальный.

Пурга на мгновение словно смолкает, палатка низко-низко гудит, резонируя всем своим содержимым: самолет снижается. Толя и я мечемся по палатке, собирая самое-самое необходимое. Брать много некогда, и мы, часто не понимая, зачем, кидаем в мешок какие-то кружки, отношения унтята, пакеты с чем-то съестным. Ах, ленты же! Во даю! Журнал — драгоценность высшая — в сидор. Что еще?

Только что летчики радировали — идут на посадку, на сборы нам — секунды, моторы глушить не будут.

Вдруг Толя как наткнулся на что-то, встал, смотрит непонимающе на меня. Андрей? Андрею же не сказали!!! Неужто бьет

еще? Я опрометью бросаюсь к выходу. Андрей продолжает слать ракеты, пытаясь дать летчикам землю. Бац! — цветной пузырь ярко рвет тьму и, мигом слабея, блеклой туманностью уходит в струи снежного водоворота... Я рву Андрея за рукав, он оборачивается, мы бросаемся в палатку.

Толя уже готовит штурмана — зашнуровывает капюшон мешка, закрывает молнии, перетягивает веревкой — будет за что браться, когда потянем по насту. Леня вяло реагирует, не открывая глаз. Бросаем, собравшись, последние взгляды на покидаемое жилье. Но усиливающийся ветер гонит мысль о расставании — быстрее, быстрее, черт возьми!! Мы выволакиваем Леню через узкий, отполированный одеждой до льда снежный лаз...

Мы с Андреем волочем товарища, не забывая отворачивать его от ветра. Толя тащит за нами тощий мешок. Аппаратуру жалко... Антарктида вгонит и ее в свои недра.

Айсберг ползет рядом с Леной, не укрываясь от снежных дробин, тискаясь к больному.

Так все продвигаемся к размытому силуэту, означенному сигнальными огнями, задыхаясь от напора ветра и снега.

Самолет сразу дернулся, едва закрылся люк, загремел лыжами — не угодить бы в глубокую яму. Рисковые парни, полярные асы!

Андрей «добил»-таки остров. На следующей зимовке, через год, вместе с выздоровевшим Ленечкой...

БУТС И ЧАПЛАН

У темно-коричневого гранитного парапета набережной стояли люди и смотрели в одну сторону, где блестела наклонная, поднимающаяся к горизонту ослепительно сверкающая синяя гладь воды.

Только тоненькая желтая полоска противоположного берега огромного залива отделяла яркую воду от блеклого неба. Верхняя часть этой желтой полоски была неровная, покрытая серыми выступами маленьких отсюда цистерн. Ведь место это было частью Аравийского полуострова, так щедро «начиненного» нефтью.

Расположенный у южного входа в Красное море, город-порт сотни лет занимал ключевое место в великой торговой и военной дороге, связывающей Европу и Восток, Индийский океан и Северную Атлантику. Когда-то это был один из открытых, свободных от пошлин и поэтому процветающих городов мира. Его имя стояло в ряду с такими именами, как Гибралтар, Сингапур, Гонконг, Танжер. Да и сейчас на всей сверкающей синей поверхности залива как бы висели между небом и землей большие и малые корабли: белые лайнеры, сухогрузы с черными корпусами и желтыми надстройками и трубами самых разных цветов, огромные танкеры.

На некоторых из них на носу висели черные диски, знак того, что они на якоре, за другими виднелся кильватерный след. Водная гладь была перечеркнута в разных направлениях четкими линиями таких же следов, идущих от шлюпок и катеров, которые сновали между стоящей на рейде разношерстной эскадрой и берегом.

Люди у парапета набережной смотрели на море и корабли. Удивительно, но эти люди, их одежды гармонировали с общим празднично-экзотическим видом рейда и набережной. Нежные

цвета сари женщин Индии и строгие темные, несмотря на жару, костюмы их смуглых спутников перекликались с белыми бурнусами кочевников, с кричаще-красными и голубыми одеждами их женщин и со строгими костюмами европейцев.

В одной маленькой группе, которая стояла в тени большого дерева, разговор шел по-русски. Прислушавшись, можно было понять, что это моряки, вернувшиеся с прогулки по городу и ожидающие шлюпку-катер со своего корабля. Большинство из них — экипаж советского экспедиционного судна, возвращающегося из Антарктики домой. Люди давно не были дома, и этот порт — их первый «заход» за последние четыре месяца туда, где нет льдов. Стоянка здесь кратковременная, не более дня: нужно запастись пресной водой и топливом.

В группе обсуждались результаты прогулки. Сначала она не сулила ничего интересного. С моря, с борта судна, а потом со шлюпки-катера город выглядел как неширокая полоса двух-трехэтажных зданий, вытянутых вдоль берега, прижатых к берегу крутыми, безжизненными, серыми и черными склонами гор, создающих задний план городу. Да и в самом городе интересного было мало. Потом они внезапно вышли к какой-то узкой, вдающейся в берег бухточке, невидимой со стороны моря, и ахнули. За полосой грязи стояли на мелководье десятки огромных деревянных кораблей. Точнее, не сами корабли, а их пузатые коричнево-серые, давно забывшие краску корпуса, погруженные в воду и грязь дна только самыми нижними частями килей. Корабли настолько выступали из воды, что они повалились бы на бок, если бы в их борта не упирались толстые наклонные, уходящие в воду бревна-подпорки. Это были остовы парусных кораблей. Правда, мачты их были спилены и торчали как пни, но перила фальшбортов, большие штурвалы, бушприты у многих были еще целы. У всех даже дух захватило: кладбище парусных кораблей! Так захотелось броситься вперед, через грязь, залезть на палубу каждого, покрутить огромный штурвал, полазить по трюмам, может быть, еще пахнущим пряностями каких-нибудь Молуккских островов или чаем Китая!

Когда моряки пришли к той набережной, куда должна была прийти за ними шлюпка, и увидели лестницу, и синюю гладь с кораблями всех стран, и нежные сари женщин Индии, и белые бурнусы арабов, и яркие красные и голубые одежды их спутниц, — всех этих людей, замороженно смотрящих в неведомую им голубую даль моря, они опять тихо ахнули, и сердца их открылись.

И поэтому разговоры, рассказы, которыми перекидывались моряки и полярники антарктических станций, плывущие домой, не касались минорных тем.

Нет, в этот раз рассказывались истории плаваний, зимовок, но не в плане анекдотов и бытовых историй, а в плане раздумий, и о том, что интересно всем. И самые будничные детали того, что все видели, вдруг окрасились романтическим ореолом, стали необычными.

Рядом с их группой стояли и тоже смотрели на море, в синюю

даль двое. Он — среднего роста, европеец и в европейском костюме, несмотря на жару. Седые виски короткой прически, очень широкая, выпирающая грудь атлета, прямая осанка, неподвижный, устремленный к синему горизонту взгляд. У его ног, сбоку, сидела огромная гладкошерстная собака и, тоже не отрываясь, глядела туда, куда смотрел ее хозяин. Жара вынудила ее высунуть язык, она тяжело и быстро дышала, но внимание ее не ослабло. И в то же время чувствовалось, что связь — духовная, если можно так выразиться, связь между собакой и ее хозяином не прерывалась ни на секунду. Временами хозяин, не отрывая взгляда от голубой дали рейда, делал еле заметное движение, как бы распрямлял, оттопыривал чуть в сторону пальцы опущенной вниз левой руки, и собака боковым зрением, что ли, или другим чувством улавливала это движение и не быстро, без суеты, но точно чуть наклоняла свою голову, придвигая ее ближе к руке хозяина, чтобы пальцы могли бы легко, без дополнительного усилия со стороны хозяина дотронуться до ее головы, до остро стоящих ушей, чуть-чуть, всего двумя-тремя еле заметными движениями дотронуться до них, погладить.

Чувствовалось, что и хозяину, и собаке этого вполне достаточно для общения.

— Я думаю, что этот человек — военный. Он из последних сил дослуживает здесь, в этой жаре, положенное время. Ведь англичане старых, колониальных времен, знающие толк в жизни в тропиках и за полярным кругом, недаром считают время, проведенное в тропиках, для европейца более трудным, разрушительным для внутреннего «я», чем жизнь в Заполярье. И мне кажется, что человек этот и его собака ждут кого-то из-за моря, видимо, того, кто уехал от них. И может быть, никогда не вернется. Ведь в Европе, куда она наверняка уехала, легко забыть тех, кто в тропиках или в Арктике. Ведь тот, кто от них уехал, — конечно же она, — это произнес «дед». «Дедами» в русском торговом флоте называют главных механиков. Все промолчали из-за уважения к нему. Да и сказал он все вроде правильно.

— А я предлагаю свою версию. Я думаю, что этот человек — священник, католический священник, который работает здесь, но страдает от здешнего климата, мечтает о Европе. И конечно же как у католического священника, у него нет семьи, и он преданно любит собаку, так же как и она его. Может быть, даже больше, чем она его...

Кто-то засмеялся, но тот, кто начал, даже вроде обиделся:

— Что, не верите, что можно любить собаку больше своей собственной жизни? Такое бывает, особенно в экстремальных ситуациях. Я вам расскажу один случай.

В тот год я зимовал в составе американской антарктической экспедиции на станции Мак-Мердо. Уже прошел самый большой из полярных праздников — день середины зимы. Если бы кто-нибудь из вас появился там в то время, он нашел бы странную компанию на нашей станции. Молодые, измученные бессонницей

полярной ночи люди в когда-то красивых красных парках с большими голубыми эмблемами на груди, на которых написано: «Антарктическая программа США», — это мы, ученые. Мужчины в зеленых куртках со странными, на наш, русских, взгляд, капюшонами, отороченными полоской серого, с длинным ворсом волчьего меха. По внешнему краю капюшонов вшита мягкая проволока, которая позволяет краю этих капюшонов принять любую форму и таким образом лучше защитить лицо от мороза и ветра. Это американские матросы и их офицеры. Но уже давно проволока в тех капюшонах поломалась от многочисленных сгибаний и разгибаний. Уже давно красные и зеленые куртки потеряли свой цвет, пропитались машинным маслом, жидкостью гидравлических и тормозных систем, бензином, соляркой и топливом для реактивных двигателей. Уже давно у многих прочный когда-то материал этих курток порвался, задетый об острые железные выступы машин и механизмов, и когда-то белая «вата» внутренней теплоизоляции курток торчит из прорывов.

И наши лица тоже изменились: большие и малые бороды, усы самых замысловатых, экзотических форм, виданных только в фильмах о пиратах и разбойниках старых времен, коротко подстриженные волосы у многих и глаза с веселым прищуром, через который все чаще проступает тоска и усталость. Вот так выглядели мы во второй половине зимы на станции Мак-Мердо.

Со стороны могло показаться, что мы все стали более разными, более ярко выраженными индивидуальностями. Но это только со стороны. На самом деле все мы знали, что стали более похожи друг на друга. И не только каждый в отдельности. Мне кажется, что грани и индивидуальные особенности различных групп и даже наций тоже сильно стерлись. Вы знаете, что на станции работали кроме нас, ученых, еще и матросы и офицеры американского военного флота, обеспечивающие жизнь и работу ученых в Антарктике. В начале зимовки это были три разные, обособленные друг от друга группы. А к середине полярной зимы не было уже большой разницы между двадцатью офицерами и членами научной группы, которые пользовались специальными, недоступными для матросов душевыми и туалетами и проводили время в своей, офицерской кают-компании, и двумястами сорока матросами, которые работали здесь водителями, радистами, механиками, строителями, специалистами по ремонту и эксплуатации тракторов, бульдозеров, вездеходов, вертолетов и самолетов, операторами на обычной и атомной электростанциях, дававших энергию огромному, сложному, одинокому «кораблю в открытом море» под названием «Полярная станция» в период середины зимы. Все знали уже реальную цену друг друга и относились друг к другу только согласно этой цене.

Не было уже большого различия и между американцами, оставшимися зимовать на Мак-Мердо, и их гостем, «советским русским», то есть мной. И дело не только в том, что уже давно ходил я здесь в такой же, как у всех, одежде и давно уже носил на шее под майкой такую же, как у всех, цепочку из титановых шариков, на

которой у меня висела такая же, как у всех, сделанная из титана пластина с написанной по-английски фамилией и длинным номером, который, по-видимому, много скажет тем, кто найдет ее, если со мной что-то случится.

Но и в душе своей я уже воспринимал все события как «член команды». И когда, опять же в середине зимы, из Вашингтона пришла бумага о том, что один из зимовавших офицеров получит незаслуженно «плохое» место службы после того, как он вернется из Антарктики, я бушевал, и кричал, и ругал вашингтонское его начальство вместе со всеми не потому, что был реальный повод ругнуть Америку. Нет, я ругал его так, как ругал бы свое, московское начальство за нехороший поступок против нас, простых людей, которые и здесь, внизу, делают всю тяжкую и реальную работу.

Ведь для всех, кто дожил до середины зимы в Антарктиде, вне зависимости от того, чей флаг висел над станцией до того, как наступила ночь, мир разделился на нас, тех, кто жил на этом материке и ждал весны и солнечного света в темноте ночи, и жителей всей остальной Большой земли, где каждый день светит солнце и по улицам ходят живые женщины.

И вы знаете, мне кажется, что и Большая земля тоже понимала чувство слитности тех, кто отмечал свой праздник на семидесятих и восьмидесятих и девяностом градусе южной широты. Мне кажется, именно поэтому Председатель Совета Министров СССР, Президент Соединенных Штатов Америки, главы правительств других стран, имеющих свои станции в Антарктиде, 23 июня, в день зимнего солнцестояния в южном полушарии, в день середины нашей зимы, шлют в Антарктиду длинные телеграммы. И телеграммы эти адресованы не только своей, национальной экспедиции. Они адресованы всем, кто сейчас зимует в Антарктиде.

Теперь расскажу вам сам случай, который натолкнул меня на мысль назвать этого мужчину капелланом, любящим свою собаку даже больше, чем она его. Этот случай показывает также, как меняются, а может, просто обостряются чувства людей в трудное для них время. Итак, шла вторая половина зимы. Изогнув вшитый в капюшон моей парки не сломанный еще остаток проволоки, чтобы закрыть лицо от ветра, я шел из кают-компания в свой жилой домик по протоптанной среди сугробов дорожке. Вот справа большой серый одноэтажный барак — казарма матросов-механиков авиационного отряда. Полярным летом здесь живут десятки людей, а сейчас остались на зимовку только трое. Казалось бы, живи — не хочу, огромное пустое помещение, столько воздуха, располагайся каждый в своем углу, и обычное неудобство зимовщика — жизнь в скученных помещениях, все время на людях — тебе не грозит. Но я-то знал, что жили в этом бараке все трое в одном углу, как можно плотнее друг к другу.

У входа в барак висит большой фанерный щит, на котором местный художник нарисовал в ярких веселых тонах улыбающегося диснеевского Микки-Мауса. Красивая картинка. А под ней кто-

то другой сделал надпись: «Мы смеемся, потому что нам нельзя плакать».

А дорожка в снегу шла дальше. Кругом сугробы. Метет поземка, подсвеченная огнями фонарей. И вдруг в одном из сугробов торчит какая-то палка, на ней некрашенная дощечка поперек и что-то написано карандашом.

Подошел поближе, посветил карманным фонариком: «Пожалуйста, не рвите цветы». Потрясла меня надпись так, как будто нашел я здесь живой подснежник.

Кто-то, молчаливо и застенчиво улыбнувшись, нашел силы помочь многим. Кто? Кто из моих друзей просил не рвать цветы?

Каких только неожиданных надписей не встретишь во второй половине полярной зимы, каких неожиданных поступков не совершают люди, какими неожиданными гранями не поворачиваются друг к другу!

Заточение полярной ночи на станции Мак-Мердо делили и верные друзья наши — собаки. Правда, в тот год у нас было только две собаки: маленькая, вертлявая и ласковая она по кличке Шелли и огромный, хотя и молодой, он, которого звали Бутс. Шелли и Бутс были сибирскими, точнее, эскимосскими лайками, привезенными в Антарктиду откуда-то с Аляски, и все переживания их хозяев в середине полярной ночи были им нипочем. И кроме того, собаки были друзьями, пожалуй, даже любили друг друга, и поэтому настроение у них всегда было отличное. Да и как не быть этому, если вся неизрасходованная нежность двухсот с лишним мужчин тратилась только на них! Поэтому не было на Мак-Мердо уголка, который был бы закрыт, запрещен для любознательной, совавшей везде свой нос Шелли и сопровождавшего ее Бутса. В последнее время Шелли стала тяжеловата, и Мак-Мердо уже жил в ожидании маленьких веселых щенков, но вдруг страшный трагический случай потряс станцию.

Пожалуй, любопытство и избалованность и погубили Шелли. Она так и не поняла, что, когда люди хотя и ласково, но прогоняли ее с каких-то мест, они часто делали это не по прихоти, а потому, что места эти опасны для нее. Пожалуй, только экипаж атомной электростанции имел достаточно силы воли, чтобы не пускать Шелли в места, куда старались поменьше ходить и они сами и где висели знаки «Осторожно — радиационная опасность».

Поэтому, когда над Мак-Мердо внезапно взвыли в темноте сирены и дремавшие на койках одетыми матросы дежурного пожарного звена бросились к своим красным и неуклюжим, огромным, полным специального состава пожарным машинам-цистернам на гусеничном ходу и уже разворачивались в боевую колонну, а их командир захрипел в микрофон, запрашивая штаб, что делать дальше, — в этот момент Шелли спокойно спала в одном из лабиринтов барачных и складов, откуда ее обычно упорно гнали. В это время голос дежурного офицера штаба уже гремел через никогда не выключаемую, доходящую до каждого уголка станции систему динамиков: «Учебная пожарная тревога. Горят скла-

ды. Всему персоналу остерегаться опускающихся пожарных переборок. При счете «ноль» они упадут». Шелли не могла знать, что офицер уже досчитал до ноля и надавил на кнопку, загоревшую обычно специальным экраном, и тяжелые, несгораемые герметические корабельные двери-переборки рухнули сверху, как гильотины, и разделили помещения на ряд пожаронепроницаемых отсеков. И одна из таких дверей убила Шелли.

Вы можете себе представить, как горевал Мак-Мердо. Бутсу было легче. Он не понимал, что произошло. Конечно, он скучал первое время. Но возросшая любовь, даже обожание всех на станции, помогли ему перенести утрату. И кроме того, Бутс не остался одиноким. У него в отличие от Шелли, которая была со всеми равна, был друг, даже, по-собачьи, больше, чем друг, — хозяин!

Именно его, немолодого уже капеллана, считали хозяином Бутса все люди на станции, да и сам Бутс считал так же. Да, капеллана или чаплана, как их называют моряки и военные. Дело в том, что на станции Мак-Мердо была церковь, в которой служили даже не один, а два капеллана. Старший чаплан, офицер корпуса капелланов и капитан второго ранга по званию, представлял самую распространенную в США церковь — протестантскую. Капеллан — хозяин Бутса был всего лишь лейтенант и представлял католиков. Чаплан-протестант, был, как и полагается протестантскому священнику, женат, имел двоих детей, имел мягкие, изысканные манеры, был светским человеком.

С чапланом-католиком было другое дело. Лишенный возможности правилами своей религии иметь семью и детей, этот человек (мы в офицерской кают-компании звали его просто Джим) всю свою любовь сосредоточил на своей маленькой племяннице, у которой родители умерли. Фотографии племянницы всегда были с ним, и он их всем показывал. Практически он ее просто удочерил, но видел нечасто, большую часть времени она проводила в частных пансионах, которые он оплачивал. Ведь дома у чаплана не было, потому что жизнь его в основном проходила в плаваниях. Здесь же ее место в сердце Джима занял Бутс, который платил ему тем же, спал у него в каюте, везде после гибели Шелли ходил за ним и получал свою порцию мяса и костей из его рук. От остальных своих почитателей, живших в Мак-Мердо, он брал только сладкое.

Долгое время у меня с Джимом не было никаких отношений. Среднего роста, с красным, продубленным ветрами лицом, на котором выделялись, пересекая его, острые, вразлет, ржавые с проседью усы, Джим казался мне слишком грубым и непредсказуемым. Когда он напивался (а делал это нередко), начинал говорить громко, почти кричать. Приложив руку к сидящему виску, как бы отдавая всем честь, он маршировал гусиным шагом поперек кают-компании, распевая «Марсельезу». Однако при этом перекладывал музыкальные фразы этого гимна так, что тот звучал как марш гусиного шага, чем-то напоминая немецкие марши второй мировой войны. И в этом состоянии чаплан напоминал мне то

фельдкурата Каца из «Похождений бравого солдата Швейка», то пародию на гитлеровских офицеров. По-видимому, это сравнение приходило на ум не мне одному. Потому что в это время кто-нибудь из офицеров говорил из-за угла негромко, но четко:

— Хайль Гитлер, чаплан!

И поведение бедного чаплана менялось. Он с обидой ребенка, почти со слезами искал того, кто бросил эту фразу, снова и снова умоляюще убеждал всех, как он ненавидел Гитлера во время войны, как ненавидит тоталитарные режимы все вообще. И кто-нибудь из любителей его проповедей, пытаясь замять неприятность, говорил в это время, грустно констатируя:

— Опять отец налился...

А когда в этом состоянии его глаз падал на меня, он мог вдруг перестать маршировать и отдавать честь. Вместо этого он вдруг начинал кричать: «Смерш! Смерш!» — указывать на меня пальцем и хохотать громким голосом. И кто-нибудь из почитателей его проповедей опять говорил грустно: «Отец опять налился».

Сам я никак не реагировал на эти выкрики. Знал, что вся Америка, включая и всех друзей здесь, в Мак-Мердо, увлекалась чтением книги Иоанна Флемминга «Из России с любовью», из которой складывалось представление, что все, кто едет из СССР за границу, являются членами таинственной и грозной советской шпионской организации под названием «Смерш». Я прощал все Джиму, зная, что завтра, проспавшись, он придет извиняться. Но конечно, я не мог дружить с Джимом. Я не первый раз зимую, знаю, что к чему, поэтому я держался, шутил и смеялся больше многих.

Но со временем полярная ночь доконала и меня. Каждого она «достает» в разное время. В зависимости от обстоятельств. Я почувствовал вдруг, что не могу общаться. Какая-то черная меланхолия одиночества нашла на меня. Казалось бы, выбить ее можно было, увеличив число положительных эмоций, общения, разговоров. Но нет. Человек устроен так, что в это время он уходит в себя, не может помочь себе. А отдаляясь от других, он делает так, что и другие не могут помочь ему.

Конечно, каждый думает в этот момент, что у него есть для этого свои веские причины. Думал так и я, когда перестал смеяться, старался уединиться и не общаться с другими. Незадолго до этого, в большой национальный праздник США — День независимости, то есть 4 июля, начальник станции и мой хороший друг позвонил мне:

— Мне сказали, что вы привезли с собой из дома свой национальный флаг. Я знаю, как он вам дорог, как хочется вам иногда повесить его. Мне кажется, День независимости США — хороший день для этого.

Национальный флаг всегда дорог, когда ты долго один и в другой стране, поэтому не удивляйтесь, что я тут же воспользовался советом. Побежал к себе в кают-спальню, вытащил из чемодана советский государственный флаг, приделал его к палке, а палку прибил к стене домика, в котором я жил, как раз над окном

моей каютки. Итак, я поднял свой флаг в Мак-Мердо, а сам радостно пошел обедать. В хорошем настроении шел обратно в подсвеченной фонарями тьме ночного Мак-Мердо. Вот и мой дом, но что это? Флага нет, и мачты-палки тоже. Как будто и не было ничего. Я даже глазам своим не поверил, начал ходить кругами возле того места, где я лишь час назад вешал флаг, прибавал палку. И нашел. Нашел палку-мачту, коротенькие кусочки ее, сломанные, видимо, ногами.

Такое безысходное отчаяние навалилось вдруг от того, что кто-то во тьме ночи украл, может быть, изорвал и истоптал мой беззащитный флаг, обокрал меня. Я собрал зачем-то все куски моего бывшего флагштока, поплелся к себе в лабораторию и просидел весь вечер, переживая это в одиночестве. Несколько раз прибежал мой лаборант. Сказал, что мои друзья уже ищут флаг, что уже нашли его и тех, кто сделал это. Он же объяснил мне, что я сам вместе с моим другом-начальником были не правы, решив поднять советский флаг над Мак-Мердо. Мы забыли в этой проклятой ночи, что Мак-Мердо жил по законам морского корабля. Поэтому государственный флаг США поднимался над ней с восходом солнца, а с закатом спускался. А ведь сейчас уже несколько месяцев нет никакого флага над станцией. Флаг лежит в сейфе, в штабе, в ожидании солнца. И тут какой-то русский поднимает над американской станцией красный флаг. Было отчего взорваться измученным полярной ночью патриотам звездно-полосатого флага.

На другой день флаг мне вернули, принесся извинения за то, что случилось. Правда, никто ничего не сказал по поводу того, что я и сам поступил неосмотрительно. Но я уже сломался:

— Уйдите от меня, никого из вас не хочу больше видеть.

Вот в таком состоянии жил я на Мак-Мердо уже несколько дней. Ходил в кают-компанию, в лабораторию, на обед, завтрак, ужин. Сухой ответ на приветствие. Вот в таком состоянии встретил я однажды и Джима.

— Привет! — крикнул он мне громко.

— Привет, чаплан, — ответил я ему, и мы разошлись. Через секунду он догнал меня: — Извини, я хочу спросить тебя, почему ты назвал меня чаплан, а не Джимом, как раньше?

— Потому что ты и есть чаплан, а Джимом называть тебя не обязательно, — ответил я сухо.

— Нет, обязательно, для тебя обязательно. Я тебе друг и радовался тому, что ты мне улыбаешься. И многие чувствуют то же самое. И ты не можешь, не имеешь права быть другим. Ведь ты первый советский русский, которого каждый из нас увидел... И называй меня не чаплан, а Джим. Я ведь твой друг.

Ударив меня грубо по плечу, чаплан повернулся и быстро ушел.

И вы знаете, он вылечил меня, «выправил», и я опять начал смеяться и наслаждаться друзьями. Так по-новому узнал я чаплана, хозяина Бутса. Но главное о Джиме мне узнать еще предстояло.

Наступил день, когда какое-то дополнительное, почти осязаемое напряжение нависло над всеми. Конечно же я узнал о том, что произошло, последним. Ведь мой английский был еще так плох, что я сам себя в шутку называл даже кличкой Десять Процентов. Дело в том, что, как мне рассказали мои друзья-моряки, в американском флоте на уроках тактики планирования операций их учат: «Вы должны всегда помнить, что, как бы тщательно всем вы ни объяснили задачу, всегда имеется десять процентов ваших людей, которые об этом ничего не слышали и ничего не знают».

— О-о! Теперь я понял, кто я, — сказал я, когда услышал впервые эту историю. — Я — «десять процентов». Поэтому прошу всех иметь это в виду, вести себя со мной соответствующим образом и не стесняться извещать меня время от времени о том, что вроде бы всем давно известно.

Но вот новость, вызывавшая это напряжение, стала известна всем, стала официальной. Это была весть, которой многие даже и не поверили сперва. Советская и американская антарктические экспедиции где-то на высоком уровне, в Москве и Вашингтоне, договорились уничтожить всех собак на своих станциях, чтобы эти собаки «не нарушали окружающую среду», не пугали бы пингвинов и тюленей, не разгоняли бы птичьих базаров. И во исполнение этого решения адмирал издал соответствующий приказ, согласно которому Бутс должен быть уничтожен.

Буря страстей поднялась в измученных полярной ночью наших сердцах:

— Нет!

Но что мы могли поделать с приказом адмирала! Сначала капеллан ругал «эти великие державы, которые не могут договориться во Вьетнаме, а тут вдруг пришли к согласию о судьбе несчастного Бутса». Чаплан не отпускал собаку от себя ни на минуту и клялся, что размозжит голову каждому, кто до него дотронется. Роптали и мы, но понимали, что рано или поздно это кончится, не знали только, как, когда. И вот в один из дней чаплан пришел вечером в наш клуб какой-то сияющий, как бы потусторонний, узнавший что-то, что недоступно нам.

А мой друг — начальник станции был в тот вечер не в ударе. Сидел за столом в офицерской кают-компании и молчал. Вечером по станции поползли слухи и даже мне, Десяти Процентам, стало известно по секрету, что лейтенант-чаплан написал по начальству на Большую землю официальный рапорт о том, что он, один из ответственных за моральное состояние людей во время зимовки, считает невозможным убить сейчас единственную и любимую собаку Мак-Мердо и, не видя другой возможности остановить это, доводит до сведения корпуса капелланов, что он будет вынужден после того, как это произойдет, совершить страшный грех — покончить с собой.

Этой ночью я не спал не потому, что сказывалось действие полярной ночи. «О чем думает сейчас чаплан Джим, лежа в своей каюте? Действительно ли он готов умереть за Бутса? Ведь выхода,

после того что он сделал, уже нет. Долг чести офицера работает и здесь. И что думает сейчас мой друг начальник? Готов ли он выполнить приказ адмирала и этим одновременно лишить жизни и человека?» Ответов у меня не было. Уж слишком спутала все наши чувства и поступки полярная ночь.

На другой день начался поиск вариантов того, что можно сделать, чтобы спасти чаплана и Бутса. Меня, как «эксперта по России», попросили узнать, как поступила со своими собаками «другая сторона». Мы соединились с Мирным по радио, и я узнал печальный рассказ о том, как во исполнение той же рекомендации перестреляли собак и в моей антарктической «альма матер». В ответ я рассказал нашу борьбу за Бутса. И вот радисты поделились со мной маленьким секретом Мирного. Когда, казалось, все собаки были убиты или убежали в айсберги и замерзли и рапорт об этом уже ушел на Большую землю, оказалось, что двух собак их хозяева все-таки спрятали где-то в подледных катакомбах домов и держали там почти две недели, пока кампания «Собаки» не была официально закончена. И вот теперь до них никто не дотронется пальцем.

Узнав эту «дополнительную» неофициальную информацию, а также то, что наши соседи новозеландцы с базы Скотта вовсе не собираются следовать чьему-то примеру в «собачьем вопросе» и оставляют всех собак живыми, мы передали Бутса новозеландцам.

Для Бутса наступили тяжелые времена. Из всеобщего баловня он превратился в обычную ездовую собаку, одну из двух десятков, спавших на снегу привязанными каждая на свою цепь, единственным удовольствием которых было рвать и глотать мороженое мясо тюленя раз в сутки, ждать посещения хозяина да время от времени, когда удавалось сорваться с цепи, начать общую собачью драку.

Джим, конечно, часто навещал своего любимца, которого он спас, приносил ему подарки. Как всегда, он возвращался с новозеландской базы после встреч с Бутсом довольный, полный впечатлений. Но однажды вернулся с завязанной бинтом кистью руки и счастливо сообщил, что Бутс стал настоящим мужчиной, что на его глазах произошла очередная собачья драка «куча-мала», Бутс вел себя в ней молодцом, а когда Джим пытался вытащить его из свалки, тот даже тяпнул его сгоряча...

К гранитным ступеням набережной, стуча моторами, подходила шлюпка с большим красным флагом за кормой, разговор прервался, и все заторопилось вниз к воде.

От автора

Я слышал этот рассказ, когда был в порту Аден. Это было давно. Аден был тогда открытым городом. И всегда с тех пор меня интересовала судьба собак в Антарктиде. Еще в те годы я узнал, что Бутс спокойно дожил до старости как ездовая собака ново-

зеландской экспедиции. Узнал я и то, что собаки станции Мирный, оставшиеся в живых после описанного побоища, снова стали полноправными и любимыми членами экспедиции. Больше того, оказалось, что оставшиеся собаки были он и она, со временем от них родились щенки, от которых родились еще щенки. И никто из новых поколений собак и из новых поколений полярников не помнит, наверное, событий того трагического для собачьего общества времени, когда великие договаривающиеся стороны решили вдруг за счет собак улучшить режим охраны окружающей среды в Антарктиде. Для меня это пример того, каким осторожным надо быть, даже если ты захочешь сделать что-то из самых добрых намерений.

ОЛЕНЬИ ОСТРОВА

Из капитанской рубки ледокола «Омолрой» слева открывались унылые полярные острова. Засыпанные снегом, закованные льдом, они медленно разворачивались перед караваном, словно желая показать себя во всей унылости и пустынности. И тут вахтенный доложил:

— На льду — стадо оленей... Наверное, дикие...

— Дикие... Самые дикие. Откуда здесь взяться домашним, — вздохнул капитан. Он неохотно оторвался от морской карты, с которой работал, посмотрел на оленей.

Огромное стадо, вытянувшись, бежало по льду пролива, отделяющего острова от материкового берега. На материк и двигались олени, пересекая курс каравана.

— Малый ход! — приказал капитан Дружинин. — Пусть бегут олешки. Створ не упускай! По фарватеру пройти ювелирно, Федя!

— Пройдем! — откликнулся Федор, переводя ручку машинного телеграфа на малый ход. — Знаком с обстановкой...

Капитан кивнул головой, в своем вахтенном Федоре он не сомневался. Лоцмана не надо, когда Федор за штурвалом. По переговорному устройству вахтенный передал команду:

— По каравану — малый ход! Впереди — олени!

Выполняя команду лидера, сбросили ход ведомые суда. Оленей увидели и на лихтерах — лесовозах. Свободные от вахты матросы вышли на палубы, чтобы полюбоваться редким даже для Заполярья зрелищем.

Стадо, словно удивительное тысячеголовое животное, раздирая рогами снежную пургу, развернулось от берега до берега. Олени бежали плотно, едино, не обращая внимания на суда.

— Эх, стрельнуть бы сейчас! — мечтательно сказал Федор, прижмурив зеленые глаза. — Законно, не промахнулся бы... Шашлыков до самой Японии хватило бы...

— Проголодался, сходи на камбуз. Покормят... — хмыкнул Дружинин, поглядывая на часы. — Законно?

— Законно! — понял шутку вахтенный. — Стрельнуть, это я так сказал, Пал Сергеевич, от мечтаний... Ну, а если серьезно, то как бы зимовать не пришлось из-за оленей... Берингов далеко...

— Дойдем! — сказал капитан. — Должны успеть...

— Не успеем, будем во льдах зимовать... Тогда и поохотимся на оленей. Всю зиму будем стрелять...

— Зимой на этих широтах оленей не бывает, — объяснил капитан. — Песцы да белые медведи, да створы на берегах...

— Я слышал, здесь заповедник собирались открывать, — сказал вахтенный. — Ребята в порту судачили...

— Ну, заповедник, Федя, не наша забота, — отрезал капитан. — Какая там метеосводка?

— То же самое, Пал Сергеевич, — ответил вахтенный, — норд-ост... Зона устойчивого циклона... Передавали, наблюдается движение паковых льдов к Берингову... Ну, как запечатает нас в Арктике...

— Метеосводку запрашивать ежечасно! — сказал капитан строго, оборвав эмоции вахтенного.

— Есть запрашивать! — ответил Федор. Но так как ему хотелось поговорить, он сказал:

— Надо бы тиксинскому диспетчеру намекнуть насчет оленей... Тиксинские сюда браконьерить приезжают...

— Федя! — укорил его капитан. — Опять? Створ видишь?

Федор примолк, погладил штурвал, но через минуту закричал:

— Гляди, Пал Сергеевич! Олениха перед самым ледоколом... Хромая! Бедная, отстала от своих! Дышит как!

Перед самым носом корабля стояла некрупная, мышастого цвета важенка, поводя боками. Ледокол надвигался. Перед оленихой задвигался лед. Важенка шарахнулась и побежала по курсу ледокола, словно тоже спеша к Берингову проливу... Бежала она, хромая и оскальзываясь. Вскоре остановилась, чтобы отдышаться...

— Задавим, ей-богу, задавим! — вскрикнул вахтенный, душой болея за важенку. — Беги к своим!

У Дружинина тоже словно кольнуло в сердце — жалко стало хромоножку. За стадом всегда идут ослабевшие животные. Может быть, олениха растянула или повредила сухожилие. Теперь ее жизнь будет крайне суровой. Догонит ли она своих?

— Беги, беги за стадом! — подсказывал Федя.

И важенка, словно поняв, что ей внушают, стала заворачивать к материковому берегу. Хромая олениха шла и шла, спотыкаясь и оскальзываясь, но не упускала из виду родное стадо.

— Полный вперед! — скомандовал капитан, одобрив упрямство оленихи, ее желание выжить и преданность соплеменникам.

— Есть полный! — отозвался вахтенный, посмотрев на стадо, которое уже выходило в тундру, и на створ, который точно совпадал с курсом... Теперь на пути оленей только земля. Морской пролив и корабли они увидят, быть может, весной, когда вернутся обратно.

Дрожа от мощи и рева дизелями, ледокол ломал сентябрьский арктический лед, пробивая канал, по которому следовали лесовозы...

Мороз прихватывал открывшуюся после прохода судов воду. Но там, где подо льдом были морские течения, канал не замерзал. И открытая вода чернела и змеилась вдоль полярных островов многокилометровой полыньей. Над водой поднимался белый туман, его сметало налетавшими снежными зарядами. Туман перемешивался со снегом, смерзался и покрывал края полыньи опасной наледью. Там, где полынья замерзала, лед оставался тонким, потому что над островами стоял циклон и температура не опускалась.

Хромоногая важенка вышла на материковый берег, постояла, поводя боками, и потихоньку двинулась по следам прошедшего стада. Может быть, она догонит своих...

У Гоголева был обычный рейд. Ребята с ним поехали проверенные — Саня и Гриня. До райохотинспекции дошли слухи, что кое-кто из поселковых постреливает оленей у островов. Там секануть оленя ничего не стоило.

Еще недавно в районе инспекторов не было. Не могли найти человека, и ставка пропадала. А браконьеры убивали оленей ради камуса — меха с ноги оленя. Снимут камус, как чулок, с ног да и оставят голоногую тушу на льду. Вот такие бесстыдники водились до того, как Митрофан Гоголев вступил в должность. «Тундра оленей нарожает», — говорили они.

Но теперь эти бесстыдники задумались. Гоголев заставил задуматься и переменить отношение. Капитально заставил. Они как полагали? Полагали, что на Крайнем Севере и на безлюдье никакого контроля быть не может. Митрофану больно накладно по всему району мотаться, чтобы пресечь безобразия. А район большой — страну европейского масштаба можно вместить, а то и две... Как Митрофану справиться с такими масштабами? И Гоголев не справился бы, но общественность помогает. С общественностью браконьерам не сладить. Вот почему Гоголев ценил Санию и Грину — своих верных помощников...

Ехали как на санках с горы. Лед — каток. Ни единого тороса. Такой лед только в сентябре бывает, до подвижки... Праздник перволедья! От него, как в детстве, дух захватывало.

Саня и Гриня постанывали за спиной у Гоголева, наслаждаясь ездой. Однако Гоголев, ведя машину, был начеку. Обманчива эта гладь без тряски...

Присмотрелся Гоголев — так и есть! Вроде темнота кругом, а впереди — мерцание... Полоса на льду.

«Полынья, что ли?» — подумал Гоголев. Вроде не должна быть здесь. Напротив островов ключи бьют, подводные течения взламывают покров. А тут не должно...

Гоголев подъехал бочком, обороты сдал до самого последнего. Так и есть — майна!

— Митрофан! — крикнул Саня. — Ты чего, нас искупать решил в купели?

— Вот это дыра! — удивился Гриня, разглядывая купель. — Ледокол прошел!

— «Омолой» с караваном, — объяснил Саня. — Размолотили!

— Ну, теперь мы на острова не попадем. Будем у полыньи куковать! — сказал Гриня обескураженно.

— Дела! — сказал Гоголев, задумавшись. Совсем не ожидал он такого поворота. Ведь ледокол с караваном должны идти от мыса Муостах на север, в обход Оленьих островов. Караван же двинул через пролив. Капитаны рисковали... Особенно рисковал капитан ледокола, которому поручена проводка... А если не повезет?

Инспектора посидели у майны, поговорили о том и о сем. Пожелали капитанам проскочить пролив. Хотя створы стоят густо, но фарватер узкий. Не часто здесь ходят океанские суда, особенно в эту пору...

Рассвело. Гоголев протискивался пролив биноклем. Каравана не увидел. Саня тоже достал свой зачехленный бинокль и уже через минуту закричал:

— Гляди, гуси, никак...

— Гусиные шварки! — передразнил Гриня.

Гусей, конечно, не было. Это плыли олени. Голова к голове...

— Чуяло мое сердце, — выдохнул Гоголев с клубами пара. — Неспроста мы сюда ехали... Для оленей эта ледяная ловушка хуже, чем сто браконьеров на снегоходах... Капитально! — И ребята согласились с ним.

Когда подъехали, олени шарахнулись от рева «Бурана». Те шарахнулись, которые были живы... Ведь некоторые уже в лед вмерзли. Особенно Гоголеву было жалко тугутов — оленят. Было видно, что они недолго барахтались.

— Давай веревку! — крикнул Митрофан, оценив обстановку. — Будем за рога вытаскивать...

Сначала не получалось. Но приспособились. Саня набрасывает веревку, Гриня приподнимает оленя на лед за рога, Гоголев, включив вторую скорость, тащит бедолагу от майны... Олени были полумные от купели, не сразу отходили... Но один так крутнулся, когда снимали с рогов веревку, что сорвал рукавицу у Гоголева с руки. Отростком зацепился. Но уж больно работа горячая — не обратил Гоголев на потерю внимания... А тут еще одно стадо подошло — с островов. Инспектора из ракетниц стреляют, из карабинов. Завернули животных, норовивших попасть в майну... Но далеко олени не ушли. На виду маячили. Им-то деваться некуда. У них сроки — им охота на зимние пастбища. А на пути стояли люди и не давали проходить... До самой темноты вытаскивали

олений инспектора и отпугивали подходивших. Олени на островном берегу копились. Подходили мелкие стада, соединялись с другими. Скоро весь берег стал черным от оленей.

— Хор-хор-хор! — шумело стадо.

Олени смотрели на людей. А люди смотрели на оленей, стреляли и ругались. Правая рука без рукавицы у Гоголева мерзла. Митрофан оттирал ее снегом и грозил кулаком.

В сумерках олени ушли в глубь острова. И люди решили ехать на Полярку ночевать. Сил уже не оставалось. В темноте к ним подъехал якут-промысловик Федоров на своих собачках.

— Шайтан ледокол! — выругался он. И еще крикнул что-то по-якутски, так что собаки взвыли и залаяли враз, готовые разорвать того, кто обидел хозяина...

На полярной метеостанции — прямая связь с поселком. Пока Паша Боровских, начальник метеостанции, распоряжался насчет ужина, Гоголев связался с председателем поссовета Макаровым. Тот сразу понял, что случилась беда. По пустякам Гоголев не стал бы звонить домой.

— Как попали олени в майну? — спросил Макаров. — На ледоколе не видели оленей?

— Может, и видели, — отвечал Гоголев. — Я по следам смотрел, первое стадо впереди каравана проскочило... А второе угодило... Олени по следам друг у друга идут... На подходе еще несколько стад...

— Замерзает майна?

— Есть открытые участки. А где замерзло, лед тонкий. Стадо проваливается...

— Что предлагаешь?

— Вертолет поднять ранее раннего, пока олени не пошли... Тогда спасем...

— Вертолет, я чую, надо, — сказал председатель. — Да уж очень дорого вертолетное время... Кто будет оплачивать?

— В счет инспекции! И судиться будем с пароходством. Капитально!

— Не было случая, чтобы судиться...

— Теперь будет! Еще надо позвонить в соседний Булунский район. Майна тянется как резиновая...

— Понял!

— Отбой!

— Отбой! — согласился Макаров, но, подышав в трубку, спросил:

— А как ты думаешь, Берингов проскочат?..

— Дай им бог, — искренне сказал Гоголев, — но за оленей придется отвечать капитану...

— Придется! — сказал Макаров. — Наверное, придется...

Еще недавно это был барачный и балочный поселок, каких в полярном лукоморье немало. Ныне поселок отстроился современ-

ными домами на сваях. Сваи, чтобы вечная мерзлота не оттаяла и дома не сползли. Дома как бы висят в воздухе — голубые, охряные, синие, зеленые... Такими их сделали местные маляры. Может быть, художники заранее договорились о том, как будет выглядеть их родной поселок, или, не договариваясь, вдохновенно красили, подчиняясь требованиям души и красоты, но краски при этом не пожалели...

Если вы прилетите в поселок летом, когда полярное солнце сияет не заходя, то при посадке увидите эти дома. Вам покажется на миг, что это сам океан высыпал на берег разноцветную гальку, чтобы она переливалась и светила на холодном берегу. Потом вы увидите, что эта разноцветная галька жилых домов как бы висит в воздухе, и еще больше восхититесь.

Если вы прилетите зимой, то, вероятнее всего, ничего не увидите. Потому что в поселке всю зиму стоит непроглядная полярная ночь и дует такой ветер, что среди снеговой круговерти не сразу поймете, есть ли здесь вообще какое-либо человеческое жилище.

Осенью и весной можно увидеть поселок из поднебесной высоты. Он окован льдами, засыпан снегом. Из иллюминатора самолета вы увидите, что дома поселка похожи на заметенную снегом связку разноцветных шаров, неведь почему оказавшуюся на ледяном берегу. Этим я хочу сказать, что поселок даже в это время года выглядит довольно празднично. Во всяком случае его вид напоминает о празднике... В остальном это поселок как поселок. Свое строительное управление, что возводило дома и склады, административные здания. Котельная, что обогревает поселок. Морпорт с причалами, у которых зимовали суда. Сплаврейд, занимавшийся плотами и погрузкой леса на лихтеры. Молокозавод, выпускающий кефир и молочные изделия на основе порошков, привозимых с материка. Ну, конечно, исполком поссовета, прокуратура, милиция, суд и другие учреждения... Здесь так же ходят на работу — стоит ли полярный день или полярная ночь. Кто куда, а Саня — в котельную. Его друг Гриня — в пожарку. У обоих работа суточная. Сутки дежуришь, двое дома. Еще недавно Гриня работал на месте Сани. А Саня был пожарником. Но после отпусков они поменялись должностями, чтобы не было скучно. Отпуска и свободные от работы дни ребята проводили на природе, в рейдах вместе с Гоголевым. Они были фанатами, в хорошем смысле этого слова. Саню и Гриню ценили как в пожарке, так и в котельной, которая принадлежала, к слову сказать, морпорту. В морпорту так же трудились в свое время Саня и Гриня. Они могли делать практически все: матросить, тушить пожары, кочегарить, строить или слесарить. Но у них были еще и духовные запросы. Эти запросы были связаны с природой, защитой ее... Преданнее и бескорыстнее помощников у Гоголева не было. Поэтому Митрофан любил своих ребят...

Заступив на смену и убедившись, что манометры показывают нормальное давление в котлах и поселок обогревается как надо, Саня решил позвонить своему другу Грине.

— Ну, где наш капитальный Митрофан? — спросил Саня в трубку, почувствовав по дыханию в ней, что Гриня уже скучает без него.

— Капитальный пошел на сессию, — ответил Гриня. Он был всегда в курсе Митрофановых маршрутов. — Будет докладывать об олешках... Говорят, прокурор этим делом заинтересовался...

— Кончат полюбовно, — сказал Саня. — Оштрафуют пароходство, вот и все дела... Зря мы только упирались...

— Ущерб природе возместят, — сказал Гриня. — Куда денутся...

— А большой штраф-то? — спросил Саня.

— Два мешка денег, по моим подсчетам, — победно сказал Гриня, — и все крупными купюрами... Но нам все равно не дадут...

— Деньги в живых оленей не превратишь, — сказал Саня. — Этот круговорот денег в природе я давно изучил. Пароходство перечислит инспекции. Та положит в банк. А банк опять пароходству...

— И так далее, — засмеялся Гриня. — Однако на сессии буча будет.

— Из-за чего, интересно?

— Из-за островов... Их давно хотят в заповедник Соколиный передать...

— Так передали бы. Все легче нашим олешкам было бы...

— Председатель «Арктики» возражает... Говорит, что у него там тони, земля колхозная.

— Что за тони? — возмутился Саня. — Отродясь там рыбу не ловили. Разве что якут Федоров — да и тот песцам на приваду...

— Федоров тоже приехал на своих собачках. Он же — депутат...

— Ну, пусть там скажет свое мнение... Федоров — мужик дельный.

— Ох, хороший будет разговор! Хотел бы я побывать на такой сессии!

— Трудящимся сообщат, — сказал Саня. — Газеты надо читать!

— Почитаем! — сказал Гриня. — Но хотел бы послушать, о чем они толкуют...

— И я бы хотел, — сознался его друг.

— Ну, ладно, — сказал Гриня, — кочегарь там. Копи силенку — Митрофан нам дело найдет после сессии...

— Найдет, — согласился Саня. — У меня после того дела спина не разгибается...

— У меня тоже, — сказал Гриня. — Спасибо тебе, что батареи горячие...

— Стараюсь для друзей! — сказал Саня. — Выздоровливай!

— Бывай! — сказал Гриня. — Скоро повидаемся!

В поссовете между тем шло заседание сессии народных депутатов. Митрофан Гоголев, держа указку в левой руке (правая забинтована), показывал путь каравана у Оленьих островов.

— На самом деле, товарищи депутаты, этот путь должен быть таким: в обход островов с северной стороны. Тогда бы пути миграции оленей не были нарушены. И стада беспрепятственно ушли бы на материк, как они это делали тысячелетия подряд...

— А была ли возможность у ледокола с караваном пройти острова с севера? — спросил Касинский, молодой человек в кожаном пиджаке и джинсах, депутат и начальник сплавеяда. — По карте все гладко получается...

— Надо было наметить маршрут заранее, согласовать его или хотя бы предупредить, — сказал Гоголев.

— Навигация в этом году — сплошной аврал... Экспортный лес по льду грузили, — напомнила женщина в белом шерстяном платке. Она работала диспетчером в морпорту и знала обстановку.

— Действительно! — выкрикнул Касинский обрадованно. — Погодные условия, небывалые для Арктики...

— Ну, а как бы вы поступили на месте капитана ледокола? — спросил Макаров. — Покажите наиболее грамотное экологическое решение...

— Спасти диких оленей можно было... — сказал Гоголев. — При встрече со стадом нужно было немедленно сообщить в морпорт и поссовет... Мы наткнулись на открытую полынью случайно... Мы ехали по другим делам. В любом случае несообщение капитаном о стадах — ЧП. Погибло же более ста пятидесяти оленей...

— А видел ли капитан гибель оленей? — задал вопрос прокурор Васин, молодой синеглазый человек. — Или вообще оленей на льду?

— Меня это не касается, — ответил Гоголев. — Олени погибли по вине пароходства. Это доказано... Пусть оплачивает ущерб. В Арктике вообще скоро будет круглогодичная навигация, но своих оленей я не дам губить. Капитально не дам...

— Твоих оленей? — спросил Макаров с улыбкой.

— Наших, — поправился Гоголев.

— Олени наши, а экспортный лес уже не наш, — сказал Касинский под смех и оживление зала.

— И олени наши, и экспортный лес наш, — сказал Макаров. — Надо искать компромисс, чтобы одно не мешало другому... Касинский, вы хотели что-то сказать?

И Касинский сказал:

— Я жалею об олешках, погибших совсем зря... Но организация, которую я возглавляю, имеет отношение к лесу...

Мы грузили экспортник на лихтера. И я так полагаю, что якутский лес нам дороже. Мы его экспортируем за валюту... А пароходство найдет средства, чтобы заплатить и за оленей...

— Так пусть гибнут олени и в будущем? — спросил Гоголев, глядя в глаза депутату Касинскому.

— Я же сказал, что жалею, — объяснил Касинский, — но еще больше жалею о том, что из-за сложной навигации у меня в бухте осталось двадцать тысяч кубов... За зимовку экспортник оботрется льдами. А без коры японцы наш лес не берут... Они из коры лекар-

ство изготовляют... На сто один процент наш лес перерабатывают, как вы знаете... Пускай и кору берут, нам валюта нужна. А дикие олени — совсем пустой вопрос, я считаю, когда разговор о валюте и государственных интересах...

Гоголев хотел вспылить и ответить Касинскому с места. Но тут раздался телефонный звонок. Макаров взял трубку.

— Да-да, — сказал он. — Хорошо... Для нас это большая радость! — И, положив трубку, сказал депутатам: — Передали, ледокол «Омолей» с караваном благополучно миновал Берингов и вышел в Охотское море...

Депутаты оживились, заулыбались.

— Вот видите, — выкрикнул Касинский, — значит, наш якутский лес скоро увидит Японию... А мы про оленей талдычим...

Гоголев, поймав глаза председателя Макарова, ответил на реплику сдержанно:

— Почему экспортному лесу мешают дикие олени? Это не государственный подход. Олени острова нужно к заповеднику присоединить, пока не поздно...

Касинский махнул рукой, показывая, что Гоголев заигрался со своими оленями, как неразумный ребенок.

Слово взял дородный якут в очках, современно одетый. Это был председатель колхоза «Арктика» Виноградов.

— Вопрос, поднимаемый депутатом Гоголевым, имеет прямое отношение ко мне, — сказал он чисто по-русски, выговаривая каждую букву, — и я отвечу... И про диких оленей скажу. Пусть они вообще уходят с островов. Пастбища на островах я использую для домашних оленей. У меня в перспективном плане, утвержденном правлением, есть решение запустить туда две тысячи харулагских оленей... Домашние под ледокол прыгать не будут. Пастухи не дадут... А эти острова ягельные, гнуса мало... Домашний олень жирный будет. И еще: у меня на островах — тони. Колхозные рыбаки нельму ловят, муксуна, омуля... Так что эти острова — колхозная территория. Посмотрите по карте! Мы будем решать, что делать на своей земле с дикими оленями, что там завелись и вытаптывают ягельники... Я предлагаю весной отстрелять диких с вертолета... Вот и решение вопроса! Правильно я сказал, товарищи?

— Правильно! — выкрикнул Касинский, хотя толком не знал, чем домашние олени лучше диких.

Но председатель поссовета Макаров задумался:

— А найдете ли вы пастухов, товарищ Виноградов? — спросил он. — Острова — дальняя территория колхоза...

— С пастухами совсем трудно, товарищ Макаров, — сказал Виноградов уже не таким победным тоном, — не идет молодежь в тундру пасти оленей...

— А падеж у вас какой? — спросил Макаров.

— Падеж тоже большой, — ответил Виноградов, сникая, — дикие олени домашних отбивали... Молодежь обленилась. Легко, весело хочет жить. Телевизор смотреть, в клуб ходить... Будем решать кадровый вопрос...

— Когда решите, товарищ Виноградов, тогда будете думать: запускать домашних оленей на острова или нет! — отрубил Макаров. — У вас на обустроенных пастбищах порядка нет. А вы планируете беспорядок на островах... На молодежь нечего валить. Создайте ей условия, чтобы оленей пасли и телевизор смотрели...

— Создадим, товарищ Макаров! — сказал Виноградов, осознав свою ошибку, и потупился. — Поверьте, создадим... Но Оленьи острова наши.

— Вопрос об Оленьих островах — непростой для нашего района вопрос, — продолжал Макаров. — Давайте заслушаем директора заповедника, Прокопия Павловича Соловьева... Он хотел выступить. Тем более гибель оленей в какой-то степени касается его епархии... Олени из заповедника кочуют на острова...

Прокопий Павлович поднялся из рядов. Это был лысоватый мужчина с добродушным курносым лицом. В поселке он жил недавно, с созданием заповедника. А заповедник организовали километрах в ста от поселка, в устье Большой реки. Соловьев почти все время находился в заповеднике, хотя поссовет выделил ему квартиру в поселке. На сессиях он бывал редко, но вот теперь объявился.

— Уважаемые депутаты! — сказал он хрипловато. Голос у него был простуженный. Видно, уже «похлебал» полярного ветра и мороза у себя в заповеднике. — Когда в нашем районе работала проектно-изыскательская экспедиция, то ученые настоятельно рекомендовали включить в территорию заповедника Оленьи острова... Там не только дикие олени, которые кочуют от устья и по всему району. Там — уникальное лежбище моржей. Медведицы рожают медвежат... Наблюдались стерх, белый журавль, розовая чайка, занесенные в Красную книгу...

— Олени тоже занесены в Красную книгу? — спросил Касинский невежливо.

— Дикие олени пока не занесены, — объяснил Соловьев, — но они там приносят потомство, тугутов, маленьких оленят... Так было тысячелетия. Никому эти олени не мешали. Ягельники на островах крайне скудные. Это я вам говорю, как ученый. Только дикие олени могут использовать такие пастбища. А разве у нас их не хватает? По моим подсчетам, «Арктика» использует только двенадцатую часть колхозных пастбищ... Стоит ли зариться на острова? Островной, дикий олень в силу своих биологических особенностей крепче домашнего, отобьет стада домашних. При общей нехватке пастухов в районе невозможно организовать сколько-нибудь доходное домашнее оленеводство на островах. В то время как дикий всегда дает прибыль. Добываемый на путях миграции, он существенно пополняет бюджет района... Самое дешевое мясо дает дикий олень... И еще: как вы знаете, вопрос о передаче островов заповеднику положительно рассмотрела Москва. И только позиция колхоза «Арктика» и его председателя товарища Виноградова мешает решить вопрос окончательно, то есть включить острова в территорию заповедника...

— Не отдам я острова, — сказал Виноградов, — мои охотники и рыбаки против... Заповедник помешает малым народам развиваться...

— Еще ни один заповедник в нашей стране не мешал развиваться малым народам, — ответил Соловьев, — то, что вы сказали, — демагогия...

В это время охотник Федоров поднял руку. Поднял застенчиво, и на него никто не обратил внимания. Тогда он подал голос:

— Дай сказать, председатель... как охотник скажу...

— Пожалуйста, товарищ Федоров, внесите ясность! — сказал Макаров, жестом приглашая депутата к столу.

— Я с места скажу! Коротко...

— Скажите с места, — согласился Макаров.

И Федоров пошевелил толстыми губами, как бы вспоминая русские слова, которые он заготовил у себя в зимовье, ставя капканы и пасти на песца, сказал:

— Виноградова не надо слушать, однако... Он не хочет отдавать острова заповеднику, потому что сам хочет браконьерить... Сам видел. Весной приезжал, летом приезжал на катере. Оленей убивал, водку-спирт с начальником пил... Хочет, чтобы у него свой заповедник был. Он считает так, оленя от ледокола меньше не станет. А придет на острова Соловьев, не пустит браконьерить... У Соловьева — порядок большой. Я знаю... Острова заповеднику отдай, Виноградов! Малым народам будет лучше!

Закончив, Федоров сел на свой стул, шевеля губами, как бы припоминая, все ли он сказал, что обдумывал в одиночестве. Может быть, ради этих слов он и проделал многокилометровый путь на своих ездовых собачках.

Зал снова зашумел, одобряя выступление охотника-депутата. Но тут взвился Виноградов:

— Врешь ты, Федоров! Думаешь, не знаю, что у тебя на зимовье брага стоит... Ты самогонку гонишь... Олений камус, песцовые шкуры на сторону гонишь!

— Федоров — честный человек, — невозмутимо ответил Федоров и потрогал орден Ленина, прикрепленный к его пиджаку. Больше он ничего не говорил. Потому что уже все сказал.

Гоголев наклонился к Виноградову и прошептал:

— Проверю я слова Федорова... Не только от него я слышал про вас...

— Вы что, слухи по району собираете? — сказал Виноградов, неприязненно глядя на райинспектора.

— Проверяю, — сказал Гоголев, — иногда слухи подтверждаются. Дыма без огня не бывает...

— На Федорова я заявлю прокурору, клеветник он, — сказал Виноградов, взглянув на Васина, что сиял неподалеку своими безмятежно синими глазами.

— А если Федоров попросит привлечь вас? — спросил Гоголев. — Вы же обвинили его в самогоноварении, спекуляции и браконьерстве... А это нужно доказать!

Виноградов умолк, соображая... Депутаты же шумели, говорили вразнобой, пока Макаров не предложил выступать поочередно, для порядка.

И тут выступили многие. Говорили о том, что только передача островов заповеднику спасет диких оленей и все то, что на них водится. Как-никак, а на островах появится егерская служба. Будет кому охранять. Да и юридически будет легче бороться с браконьерством, если острова получат статус заповедных. Об этом давно разговор идет. Да с места не трогается из-за позиции Виноградова... Вот теперь пора разобраться... Никогда еще в поселковом совете не было такой шумной сессии. Никогда еще депутаты не спорили и не высказывались так откровенно и горячо. А за окнами поссовета шумела пурга, ухая в стекла снежными зарядами, словно пытаясь разбить окна и послушать, о чем говорят собравшиеся в поссовете люди.

Пурга полыхала и бушевала трое суток, заматывая оленьи туши, вмержшие в лед пролива. Оказалось, что не только у островов погибли олени... В поселке вспыхнула эпидемия браконьерства — словно вопреки решению депутатов усилить охрану природы в районе.

В окрестностях появилось множество песцов. И что тут началось! Гоголев составлял в день по десятку протоколов, умолял, грозил, наказывал... Его товарищи Саня и Гриня с ног валились от усталости, сопровождая своего Митрофана, возжелавшего сохранить жизнь мигрирующим песцам...

Одного браконьера обнаружили на складе пиломатериалов, который принадлежал сплаврейду. Браконьером, убившим песца, оказался сторож Сомин, вислоусый и горбоносый дядька в годах. Был он возбужден удачей и вооружен. В руках держал одностволку.

— Не подходи! — сказал он инспекторам. — Я при исполнении...

Добытого полярного лиса он придавил валенком. Песец был матерый, выкунившийся. Дядьке было жалко расставаться с такой добычей.

— А песца зачем убил? — спросил Митрофан, показывая красную книжечку инспектора, чтобы сторож понял, с кем имеет дело.

— Сдайте оружие по-хорошему!

— Не сторож ты, а браконьер! — сказал Гриня, бесстрашно идя на ствол.

— Плохо доски караулишь! — сказал Саня, тоже приближаясь и оценивая возможные действия сторожа.

Гриня ухватил ствол и прижал ружье к земле, на случай, если сторож захочет нажать спусковой крючок. Сторож удивился ловкости ребят, но оружия не выпускал.

— Ружо не отдам... Его мне Касинский выдал...

— Зарегистрировано ружье? — спросил Митрофан.

— Этого не знаю, — сказал Сомин обескураженно, потому

что ребята все-таки выдернули оружие из его рук, — мне оно начальством дано. Я при исполнении...

— Разберемся! — сказал Митрофан.

— Зачем ты все-таки, дядя, песка жизни лишил? — спросил Саня, почти нежно глядя на вислоусое лицо.

— Да, зачем? — спросил Гриня, приподняв тяжелого полярного лиса за хвост.

— Признавайся, кому хотел подарить шкуру? — спросил Саня.

— Унучке, — сказал Сомин, поняв, что чистосердечное признание может смягчить вину. — Унучке хотел воротник справить... Я же при исполнении... А может, этот песец доски хотел грызть? Я и стрельнул...

— Доски грызть не положено, — поддакнул Саня, — зубы затупишь...

— Совсем тупые зубы, — сказал Гриня, раскрыв пасть песцу, словно желая убедиться в справедливости Саниного предположения.

— Потому что — доскоед! — сказал Саня. — Но ничего, он и с такими зубами может все доски перегрызть...

— Да и контору сплаврейда вместе с начальником! — сказал Гриня.

— Отдайте ружо, — бубнил сторож. — Мне его Касинский дал... Он уже в контору пришел... Он рано приходит...

— Ну, пошли в контору! — сказал Митрофан. — Будем говорить с начальником...

Контора сплаврейда находилась на берегу бухты. Это было двухэтажное бревенчатое здание, в торце которого, на втором этаже, размещался кабинет Касинского.

Раннему приходу инспекторов он суматошно удивился. Задвигал ящиками, засуетился. Если бы Митрофан и его помощники были проницательны, как маги или волшебники, они бы смогли увидеть в ящике стола, за которым сидел Касинский, шкуру еще одного песка. Шкуру принес начальнику рабочий Иванов. Он убил этого песка прямо у ворот сплаврейда ломом.

— Вы, товарищ Гоголев, скоро на территории сплаврейда заповедник организуете! Кого опять решили наказать? — с притворным добродушием сказал Касинский, незаметно прикрыв коленкой дверцу стола.

— Вашего сторожа! — сказал Митрофан. — Вот песка добыл без лицензии... Надо акт составить!

— Как же вы так, Дмитрий Аркадьевич! — обратился Касинский к своему работнику. — И дался вам песец...

— Я стоял с ружом, а он за досками — хрусть-хрусть, — ответил Сомин, преданно глядя на своего начальника. — Я и защитил имущество.

— Превышение полномочий! — вздохнул Касинский задумчиво. — Знаете, такое может быть... Темнота, снег, ты стоишь один, нервы под утро напряжены...

— Я стою, а он грызет, — плаксивым голосом сказал сторож, — нервы напряжены...

— Вот видите, — сказал Касинский.

— Я хотел вам песка принести, товарищ Касинский, — сказал сторож.

— А зачем мне? — испугался Касинский и еще плотнее прикрыл дверцу.

— Как возмещение ущерба, — объяснил Сомин. — За наши доски... Государству эти доски в копеечку обходятся...

Нет, все-таки работники у Касинского были подкованы. Саня и Гриня готовы были расхохотаться, но сдерживались из последних сил. Однако Сомин не находил ничего смешного в своих объяснениях, а только преданно ловил глаза начальника...

Когда составили протокол на незаконно добытого песка из незарегистрированного дробового оружия, Гоголев объяснил Касинскому:

— Ружье изымаем...

— Не имеете права. Как же сторожить без ружья... У меня здесь материальные ценности, — сказал Касинский.

— Ружо по сменам передаем, — забурчал Сомин, — как смена будет сторожевать?

— Без «ружа» — с колотушкой пусть сторожат, — сказал Митрофан. — Ружье мы передадим в милицию... Зарегистрируйте, как положено... Проверьте, кому даете ружье, и, пожалуйста, сторожите.

— Инструкцию надо провести, как обращаться с ружьем! — подсказал Гриня.

— Колотушку можно выдавать без инструкции, — сказал Саня, улыбаясь, — под нее не всякий песец попадетсся...

— А если песец на колотушку набросится, — сказал Гриня, — все-таки деревянная...

— Фу ты, я забыл, что песцы-дровоеды завелись в сплав-рейде! — ответил Саня.

— Бедовые вы ребята, — сказал Касинский, тоже улыбнувшись, — обезоружили меня совсем... Вам бы где-нибудь заповедник охранять, хоть на Оленьих островах, лишь бы подальше от людей...

— Это будет, — сказал Митрофан. — Оленьи острова обязательно передадут заповеднику...

— Я не против, — сказал Касинский, пряча глаза, — пусть природа сохраняется...

Еще одного браконьера с песцом инспектора встретили на льду бухты, едва выйдя из конторы. Это был бородатый мужчина в овчинной дохе до пят. Полы дохи путались у мужчины под ногами, и он не мог убежать, хотя и пытался. Когда у него отобрали двухстволку и песка, он заорал:

— Поймали браконьера? Да? А вы попробуйте поймать не из простых, а из начальства... Вон «Омолой» тысячу оленей передавил, так с начальства взятки гладки... Государство богатое, спишут... А простым руки выкручиваете?

— Кто тебе выкручивает? — спросил Гриня удивленно.

— И какие тысячи? — спросил Саня.

— Тысячи! — сказал мужчина авторитетно. — Люди знают... Посчитайте!

— Считали! — сказал Митрофан. — Вместе с этими ребятами я и считал оленей... Считанные они у нас...

— Пароходство ответит за оленей! — сказал Гоголев разбушевавшемуся нарушителю. — А вы — за песка!

— А вон тех оленей подсчитали, что посередине бухты вмерзли? — кричал мужик.

— Подсчитали, — устало сказал Гоголев.

— А песка там подстрелил? На приваде? — спросил Гриня.

— Ну а где же еще, — ответил мужик. — Все песцы собрались на оленину... Дохлятину изо льда выковыривают... Много там песцов собралось. И вам бы хватило, между прочим...

— Распишитесь! — сказал Гоголев, подавая мужику протокол. Бородач послушно расписался, оставил ружье и песка без угроз. И ушел, помахивая лапами дохи. Гриня знал мужика. Тот работал в стройуправлении и фамилию назвал свою. Порой бывало, что нарушители называли вымышленные фамилии, фамилии своих товарищей, улетевших на Большую землю. Но инспектора знали почти всех жителей поселка в лицо.

Бородач недаром говорил о тысяче оленей. Конечно, он не знал, сколько оленей погибло в майне, и пользовался слухами. Но цифру назвал пророчески, предчувствуя тысячные убытки. Этот песец ему дорого обойдется. Кроме штрафа за песка его наверняка лишат тринадцатой зарплаты... И все-таки «рискачей» на льду бухты было немало.

Гоголев навел бинокль на причал, у которого высились суда на зимнем отстое. Матросы, вооружившись ломami, отбивали лед вокруг судов. Полыньи делали согласно инструкции по зимовке во льдах.

Среди матросов с ломami Гоголев поймал в линзу бинокля еще одного нарушителя. Приземистый парень в стеганке стоял у полыньи, показывал своим товарищам добытого песка...

Какие-то школяры в цветных лыжных костюмах весело гонялись за маленьким полярным лисом, что убегал от них по льду.

У входа в бухту красными пятнами горели туши вмерзших и раздираемых песцами оленей. Это было стадо, что решило выйти на материк у поселка. Ночью олени и погибли, не подозревая о полынье-канале, что пробил ледакол, выводя из бухты караван. Никто из поселковских не видел их гибели.... И вот теперь на мясо пришли песцы. Вот почему у поселка небывалое количество песцов. Полярные лисы держатся у поселка и на проливе, где остались олени от больших стад. Так что эпидемия браконьерства потянулась от этих погибших зря оленей.

Но скоро кончилось избиение песцов. И пришла другая напасть — белые медведи...

Такого не помнили старожилы с довоенных времен. По их рассказам, в те времена ватаги медведей осаждали малолюдный тогда поселок, оставляя шкуры на память храбрецам. Хозяевам Арктики давали отпор. С тех пор отношение к медведям в корне изменилось. Мишки занесены в Красную книгу, их охраняет закон. Так что никто не обижал и не пугал выстрелами трех богатырей в белых шкурах, что пришли в бухту. Самый крупный был величиной с породистого быка. Мускулы у него ходили под шкурой, как паровозные шатуны. Он слегка прихрамывал на правую переднюю лапу. Ухо оборвано. Видно, в драке с собратьями. Но оленины хватало. Поэтому Рваное Ухо не отгонял меньших, давая им насыщаться. Медведи легко рушили лед, выламывая оленье мясо...

Охотники говорили, что в проливе видели еще несколько медведей, их многочисленные следы и тропы... Так что вскоре промысловики вернулись в поселок, потому что стало опасно ставить капканы, проверять пасти... Особенно опасна встреча с медведем в темноте. Солнце к тому времени выглядывало всего лишь на два часа. Эти два дневных часа и были законным временем для промысловиков. Ночь — время хищников. Поэтому многие вернулись, решив не рисковать. Но и в поселке их ждали медведи.

Рыбаки колхоза «Арктика» тоже вернулись по домам. Сеть под лед не поставишь, если неподалеку ходит «хозяин». Возвращались охотники и рыбаки, далеко огибая бухту, где пировали медведи.

— Гоголев! Ты — райохотинспектор? — спросил Макаров, вызвав Митрофана в поссовет.

— Инспектор, — согласился Гоголев.

— Убери медведей! Чтобы их духу не было! — приказал Макаров.

— А куда?

— Куда хочешь — в заповедник, на острова! — сказал Макаров.

— Они мясо доедят и сами уйдут... Их оленина привлекает...

— Как хочешь, а мы с военкомом введем военное положение...

— Отстреливать медведей нельзя, — объяснил Гоголев, — занесены в Красную книгу...

— Когда бы медведи жили в Красной книге, то я бы читал эту книгу перед сном, — сказал Макаров, — а тут не заснешь, если они под боком ходят и скоро в поселок придут...

— Если придут, будем отгонять, — ответил Гоголев, — можно обездвигить и отвезти на острова, вертолетом...

— Опять вертолет вызывать? — спросил председатель. — Дорого оно, вертолетное время, я объяснял...

— Защита природы дешевой не бывает...

— С вами не продешевишь, — пробурчал Макаров. — Каждую неделю новости — то олени, то песцы, то медведи... Будет на них когда-нибудь управа?

— Закономерно, что пришли медведи, — объяснил Гоголев, — такая экологическая цепочка тянется...

— Приготовься к самому серьезному!

— Я готов, — ответил Гоголев, — мои ребята на льду караулят... Я сам только что вернулся из бухты... Будем надеяться, что медведи уйдут...

— Ох, не нравятся мне твои затеи, — сказал Макаров. — Как бы беды не вышло... Патроны для обездвиживания надежные хоть?

— Капитальные, — сказал Гоголев, — проверяли на острове Врангеля, где метят мишек...

— В бухте надо проверить, — сказал Макаров. — Хоть бы одного убрать. Все поменьше будет... А то жалобы на тебя, понимаешь... Сигнализируют, охотинспекция халатность проявляет, дремлет...

— Задремлешь рядом с медведями! — сказал Гоголев. — Мы с них глаз не спускаем...

— Не спускайте! — несколько смягчившись, одобрил Макаров. — Я отмечу твоих общественников грамотами... Это как борьба с хулиганством — твои медведи...

— Ну почему хулиганство? — удивился Гоголев, готовый объяснить, что медведи к хулиганам не относятся. И тут в кабинет ворвался Касинский. Он был до зубов вооружен. В правой руке он держал десятизарядный карабин, вероятно выданный в военкомате, в другой — сплаврейдовскую одностволку...

— Вот, — сказал Касинский, — теперь сам буду сторожить свой сплаврейд...

— А сторожа что? — спросил Макаров.

— Отказываются они, — сказал Касинский, — у меня люди скоро перестанут на работу ходить... Я хочу поставить вопрос в поссовете о том, что охотинспекция срывает подготовку к навигации...

— Как мы срываем? — выдохнул Гоголев.

— Медведи у самой конторы, — крикнул Касинский, — а у меня оружия не было... Последнюю одностволку конфисковали...

— Зарегистрировали одностволку? — спросил Гоголев.

— Зарегистрировал! — ответил Касинский надменно.

— Теперь сторожите, — сказал Гоголев, — только медведей не трожьте... А то акт опять придется составлять...

— А если бы на моего сторожа Сомина медведь набросился! — выкрикнул Касинский, совсем не сдерживаясь. — Ему надо было сначала бежать регистрировать ружье, а потом защищаться? Эта одностволка двадцать лет в сплаврейде не зарегистрирована, пока не пришли законники из инспекции...

— Накипело, — спросил Гоголев, — против инспекции?..

— Накипело! — заорал Касинский. — Но военком мне выдал карабин... Он не такой законник... Ему люди дороже медведей, пусть они даже занесены в Красную книгу... Людей уже надо заносить...

— Согласен! — сказал Гоголев. — Занесем! И будем беречь людей от медведей, медведей от людей... Такая у нас работа...

— Не понимаете вы, Гоголев, своей работы! — закричал Касинский, глядя на невозмутимого Макарова, словно желая заручиться его поддержкой. — Я поставлю вопрос на сессии! Говорю вам при нашем председателе.

Макаров пожал плечами, слушая перепалку задумчиво и нейтрально.

— Да не придут медведи в поселок! — сказал Гоголев. — Они вашего крика испугаются... Громче не надо!

— Посмотрим, как ты будешь кричать! — сказал Касинский, вконец разгневанный. Гремя прикладами, он ушел.

— Не понимаю я его, — сказал Макаров, прислушиваясь к стуку за дверьми. — Но какие необузданные страсти вокруг тебя, дорогой мой защитник природы!

— Не привыкли люди мыслить экологически, отсюда и страсти!

— Ты хорошо сказал: «мыслить экологически», — задумался председатель и посмотрел в окно, из которого была видна часть бухты, где бродили и жрали мерзлую оленину медведи. — Но что это значит?

Доев оленей, медведи под рев собак пытались пройти к домам, но были отогнаны выстрелами дежуривших общественников. Ребята Гоголева были начеку... Побродив по льду, мишки направились в океан. Они отлеживались в торосах, продолжая движение в одиночку. Белые медведи — одиночные хищники. Только обилие пищи в бухте собрало их в одну ватагу. Гоголев был рад, что против полярных пришельцев не применили оружия. Не пришлось обездвиживать их и вывозить во льды. Медведи ушли туда сами, что было гораздо дешевле для бюджета поссовета.

Однако торжествовать было рано. Медведи могли вернуться. Или прийти другие. Но поссовет приготовил им голодную диету. Олени съедены, а пищевые отходы решили вывозить далеко в тундру. Второе, что могло привлечь медведей в поселке, — обилие собак. В прошлом почти каждый промысловик и даже охотник-любитель считал своим долгом держать ездовых. Надобность в упряжках отпала. Охотники обзавелись «Буранами». Но собаки продолжали плодиться в теплотрассах.

Медведи перед уходом пытались ловить лаек, но были встречены таким злобным и дружным ревом, что оставили попытки. Теперь же поссовет дал указание начать регистрацию собак. Указание удивило поселковых. Ведь лайки были общие. Охотники порой запрягали их в нарты, ловя первых попавшихся. Даже неученые быстро привыкали к лямке, потому что были потомками ездовых... Как регистрировать вольных ездовых? Где держать зарегистрированных? Пока поселковские размышляли над указанием, медведи вернулись... На этот раз они пришли прямо в поселок. Под рев лаек полярные хищники стали крушить сараи, где жи-

тели хранили рыбу и мясо, бачки с остатками пищевых отходов. Давили и собак, проявляя при этом завидную сноровку. Видно, наголодавшись, медведи стали ловчее и настойчивее.

По улицам бежали вооруженные люди. На площади надрывался громкоговоритель:

— Внимание! В поселке — медведи! Просим не покидать квартир! Жителям первых этажей перейти на верхние! Улицы патрулируются. Из окон не стрелять! Белые медведи занесены в Красную книгу... Применять оружие разрешается только в состоянии необходимой обороны! Всем сохранять спокойствие! Готовится операция по удалению медведей из поселка!

Это был голос председателя поссовета Макарова, тревожный, торжественно-строгий, как у Левитана.

Два здоровенных медведя громили склад молочного завода. Трещали доски, ревели обезумевшие собаки. Белые разбойники чавкали, раздирая мешки с сухим молочным порошком. Он пришелся им по вкусу. Медведи ворочались в складском помещении, как разомлевшие от пара мужики в бане. Но склад был уже окружен вооруженными людьми. Среди них был и Гоголев с ружьем, заряженным бездвиживающими патронами. Операция по удалению медведей началась... На площадь, рядом с поссоветом, сажился Ми-8, управляемый лучшим авиатором вертолетного отряда, Кузнецовым. А в это время третий, самый крупный медведь, которого Гоголев прозвал Рваное Ухо, лежал на берегу бухты среди экспортного леса.

Рваное Ухо был стар и осторожен. Он не пошел в поселок вместе со своими братьями, хотя был голоден не меньше их. Рваное Ухо решил выждать, когда крики людей, рев вертолета и собак поутихнут. Он хотел тишины, потому что знал, что только в тишине охота бывает добычливой. Рваное Ухо ударом лапы убивал моржей и тюленей, подкравшись к ним бесшумно, как белая смерть. Он мог сутками лежать у полыньи и ждать, когда из нее вынырнет доверчивая голова нерпы. Он прожил много лет, исходил тысячи километров бескрайней Арктики, которая была его домом. И в этом доме он всегда находил пищу: моржей и тюленей, а на островах и оленей... Но Рваное Ухо помнил и пулю, которой был ранен в пору своей молодости. Он был тогда доверчив. Подошел к борту ледокола, что вторгся в его территорию. Он хотел обнюхать плавающее, как айсберг, жилище людей. Он видел на этом айсберге и людей, таких похожих на него самого... И тут раздался звук столкнувшихся льдин. И невидимый глазу коготь человека ударил в плечо...

Медведь был молод, силен, он убежал во льды, возненавидя людей на всю жизнь... Он не знал, что стал охраняться законом людей, но всегда ненавидел их, ничуть не пугаясь ни их криков, ни выстрелов. Эти выстрелы стали без когтей. Неопасные для его жизни.

Теперь Рваное Ухо старел. Его подтачивала пуля, что сидела в его мощном, как глыба тысячелетнего льда, теле. Она горела в

этой глыбе, не остывая. Не остывала и его злоба... Он жрал мертвую оленину вместе со своими собратями, злобясь на людей, которых он видел неподалеку. Потом он бродил и отлеживался среди льдов, переваривал. И когда его собратья пошли к поселку, тронулся следом... А теперь лежал среди бревен недвижно, как сугроб при безветрии. Он слышал крики людей, рев собак и вертолета, выстрелы, которых не боялся...

Рваное Ухо не знал, что усыпленные специальными пулями его собратья уже улетают в утробе вертолета к Оленьим островам, где он родился в снежной берлоге, чтобы стать «хозяином»... Рваное Ухо не знал, что люди ходят по улицам, заглядывая во все закоулки, под дома, прислушиваются к лаю собак, чтобы найти его, обездвижить и увезти прочь. Рваное Ухо лежал среди бревен, желая тишины, которая дала бы ему пищу и отмщение, потому что пища, насыщавшая его столько лет, с тех пор, как он был ранен, не насыщала его...

Татьяна Ильинична, кассирша поселковской сберкассы, выйдя из подъезда, постояла у дома. Поселок поутих. Вертолет, что барражировал и ревел над домами, улетел. Примолкли собаки, устав от своего воя. О чем-то тревожном бормотал голосом Макарова громкоговоритель на площади, то ли успокаивая, то ли предупреждая... Окна квартир светились мягко и тепло. Казалось, никто не думает поддаваться панике из-за каких-то медведей. За окнами шла мирная семейная жизнь в сиянии люстр и сервисов. Там ужинали, пили чай, говорили о семейных делах. Татьяна Ильинична, подняв голову, смотрела в окна, где жили счастливые люди, греясь теплом от света семейных квартир. Потом она закуталась в пуховый платок и, подняв воротник теплой шубы, пошла к дому Майи, своей подруги. И Татьяна и Майя считали себя несчастными от невзгод одинокой жизни и целыми вечерами напролет обсуждали, как бы сложились их судьбы, если бы они вышли замуж за настоящих мужчин. Разве белые медведи — помеха такому сладостному разговору о настоящих мужчинах, которых в поселке конечно же не было... По правде говоря, Татьяна Ильинична и не верила в существование каких-то белых медведей. Разве они не в зоопарке? И мало ли о чем бормочет радиоточка. Всему верить, что ли? Всю свою коротенькую жизнь Татьяна Ильинична прожила с мамой в Армавире. А в заполярный поселок попала по распределению. Ей обещали место заведующей сберкассой. Но обманули. И она работала кассиршей... Правда, была еще Майя, такая же кассирша. И с ней можно было поговорить, пожаловаться на превратности судьбы... Из-под многоэтажных домов неслась вьюга, затапливая поселок пронзительным полярным холодом. Как будто эти дома были плотиной с приподнятыми шлюзами. Из-под них с глухим завораживающим шумом бурлил поток холода, готовый разломить квартиры со светящимися теплыми окнами, где сияло семейное счастье, а разломив и потушив, покатить обломки туда, в черноту ночи, в ледяной океан. Татьяна шла быстро, чтобы не замерзнуть... И вдруг из-под дома выскочил какой-то здорову-

щий мужик в снегу и ухватил ее руками за плечи... У Татьяны Ильиничны все замерло внутри. Мужик был жуткий, мохнатый и вонючий. А пальцы у него были когтистые.

— Уйди, гад! — закричала она изо всех сил. — Брось, скотина...

Однако мужик, смрадно воняя, ухватил ее зубами и стал тащить к сваям жилого дома, не обращая внимания на ее крики. Воротник шубы попал мужику в зубы. Он рычал, норовя достать шею, шейные позвонки...

И тут Татьяна Ильинична поняла, что это не мужик, а белый медведь, в существование которого она почти не верила.

Громадный ушкуй тащил ее мимо стен... Последний раз сверкнули окна поселковских домов, и Татьяна Ильинична потеряла сознание... Но в поселке уже стреляли, ее крики слышали...

Медведь тащил ее волоком, ухватив зубами за воротник. Очнувшись, Татьяна услышала далекие крики и выстрелы. Но она ни звука не проронила в ответ, поняв, что это еще больше разозлит и раззадорит хищника. А напряжившись, попыталась вытащить правую руку из рукава. Не сразу, но ей удалось это сделать. И тогда Татьяна Ильинична потихоньку выпростала руку из левого рукава и, не дыша, выпала из шубы.

Татьяна Ильинична лежала, не двигаясь, на снегу, заметаемая пургой. Кажется, она умерла от страха. Она не видела ни красных ракет над поселком, ни бегущих к ней людей...

Медведя, который напал на Татьяну Ильиничну и едва не погубил ее, отстреляли недалеко от поселка в тот же день. Опасным он стал для людей, Рваное Ухо, если набросился на кассиршу.

Шкуру медведя сдали в райпо. Приемщик, старый финн по фамилии Виролайнен, живший в поселке уже сорок лет, сначала не хотел принимать шкуру. У Виролайнена и расценок не было на такие шкуры — только довоенные, уже не действующие. Но все-таки принял по этой недействующей цене. Медведя отстреляла инспекция. Ей и отвечать в случае чего. Шкуру Рваного Уха отправили в Якутск, на кожевенный комбинат «Холбос», где ее и выделали. А выделанная, она, говорят, попала в Ленинград, на пушной аукцион, где ее и купили шведы. Довольно дорого им обошлась шкура. На международных аукционах шкуры полярных медведей — редкость. За такую шкуру можно получить современный компьютер или контейнер сливочного масла. Конечно, это редкий случай, чтобы животное, занесенное в Красную книгу, лишили жизни...

А те двое медведей-буянов, любители молочного порошка, что были отправлены к Оленьим островам на вертолете, к поселку и в поселок не возвращались. Видно, занялись своим обычным промыслом: добычей тюленей, которых там полно зимой и летом. Там и моржи устраивали свои лежбища. Старожилы говорили, что до войны на близком от поселка мысе Муостах было лежбище. Но теперь моржи остались только на островах, где они появляются летом... Так что Митрофан Гоголев не зря хотел, чтобы полярные острова присоединили к заповеднику...

Татьяну Ильиничну навещали всем поселком. Приносили бруснику, мороженую оленью печенку, нельму и муксунов — для строганины, которую Татьяна Ильинична полюбила как первое северное лакомство. Поселковские зауважали Татьяну Ильиничну. Храня деньги в сберкассе, они присматривались к молодой женщине. Им нравилось, что она управлялась ловко, грамотно и даже «электронно». Татьяна Ильинична умела считать на электронных машинах, что поступили в сберкассу. Она еще в техникуме овладела электроникой. Ее подруга Майя, хотя работала давно и поселковские ее тоже уважали, электроникой не владела, а по старинке громыхла костяшками счетов.

Так что доверия к Татьяне Ильиничне было больше. И вот теперь она проявила мужество, не побоялась даже медведя. Такому человеку можно доверить трудовые сбережения и можно назначить заведующей сберкассой. Казалось, между трудовыми сбережениями и поступком Татьяны Ильиничны не было прямой связи. Но у поселковских своя логика. И они полюбили Татьяну Ильиничну, прямо скажем, увидев в ней надежного человека. А заведующей Татьяна Ильинична станет сразу, как только уйдет на пенсию нынешняя. Дело в том, что Татьяну Ильиничну распределили, не зная, когда уйдет на пенсию нынешняя заведующая... А нынешняя решила задержаться до навигации, вот поэтому Татьяна Ильинична и стала работать рядовой кассиршей. Но недолго ей осталось — рядовой...

После Нового года, который праздновался в поселке весело и душевно, как здесь праздновались только Октябрьские и Майские, а также День морского флота и День лесника, произошло еще одно событие, о котором говорили. Суд над пароходством, виновным в гибели оленей.

Сначала говорили, что никакого суда не может быть. А если и будет, то вряд ли капитан ледокола прилетит из Владивостока, где проживал с женой и двумя малолетними детьми и где был приписан ледокол. Говорили, что Дружинина судить нельзя. Не за что. Валюта дороже оленей. И что если капитана засудят, то кто будет содержать его детей и жену? Словом, говорили по этому поводу много.

Однако Дружинин прилетел в поселок по повестке суда. С ним прибыл Федор Синьгин, старпом, стоявший на вахте в тот день, когда погибли олени. Прилетел также адвокат Аркадий Илларионович Голубцов, интеллигентный мужчина с бородкой клинышком. Этот клинышек двигался, когда Голубцов улыбался. А Голубцов улыбался всем, кого видел в поселке, — собакам, разноцветным домам, председателю Макарову, Гоголеву и его общественным инспекторам, всем жителям, которыми он сразу восхитился и которых полюбил... И поселковским он нравился, потому что поселковские были простодушно рады любому «свежему» человеку. Дружинина и Синьгина они полюбили раньше. Считали своими. Открыто сочувствовали им, хотя и вздыхали по поводу погибших оленей.

Так что на суд пришел почти весь поселок, от мала до велика, сочувствовать. Даже промысловики приехали, прервав охоту на песцов.

Это было необычное для поселка событие — суд над пароходством. Хотелось узнать, как эта всемогущая организация отмахнется от назойливой инспекции и Гоголева.

Судьей была Таисия Ефимовна Удальцова, красивая и молодая женщина, эвенка по национальности, получившая образование в Ленинградском университете. В поселке ее уважали.

После того как она опросила свидетелей, обрисовавших общую картину гибели оленей, выступил адвокат Голубцов. Он прочитал метеосводку, из которой было ясно, что навигация прошлого года происходила в чрезвычайных условиях. На три недели позже обычного вскрылись реки Сибири. Из-за нехватки воды электростанция на притоке Большой Реки открыла шлюзы с опозданием. Таким образом, от истоков до устья режим реки был крайне маловодным и нестабильным. Теплые воды Большой Реки не разомкнули и не отодвинули обруч арктического льда. А навигация целиком зависит от промежутка между материком и ледяным покровом, который отходит от материка под напором летних вод. Плоты по Большой Реке, а лихтеры из Владивостока пришли с опозданием. Погрузка шла аврально. В сентябре морозы сковали бухту, из-за чего экспортный лес приходилось вытаскивать из-под льда. Караван с лесом направился в обратный путь с нарушением графика. Обруч арктического льда приблизился к матерiku. Ледокол и караван двигались в тяжелых льдах. Если учесть, что судам нужно было проскочить Берингов пролив, куда двигались паковые льды, готовые закупорить Арктику, то решение капитана ледокола Дружинина изменить курс, идти не у северной, а у южной части Оленьих островов, по сложному фарватеру было единственно правильным. Маршрут точен. Действия судовых команд безукоризненны. Это была просто героическая работа в чрезвычайных условиях Арктики.

— Конечно, погибли дикие олени, — сказал Голубцов, двигая клинышком бороды. — Пароходство не складывает своей вины. Готово оплатить ущерб природе района, но просит учесть смягчающие вину обстоятельства: погодные и навигационные условия...

Потом давал показания свидетель Касинский. Подбодрив взглядом молодых заседателей Алексеева и Лыкова — последний был рабочим сплаврейда — одарив улыбкой Удальцову, он сказал:

— Товарищи судьи! Я хотел бы обратить внимание на тот героизм, с которым грузился экспортный лес на лихтера в прошлую навигацию. Мы сутками не спали, чтобы загрузить экспортник... А за экспортный лес мы получаем валюту. Можем купить хлеб, станки, компьютеры, передовую технологию... А в нашем сплаврейде понимают, что такое валюта в нынешней напряженной обстановке — от простого такелажника до мастера понимают, хочу отметить это... Так у нас поставлена общепросветительская, так сказать, работа...

— А нельзя ли по существу, товарищ Касинский? — сказала Удадьцова, зная Касинского как записного демагога. — Суд интересуют обстоятельства погрузки. Ваши отношения с пароходством. Вы считаете, что суда ушли позже графика не по вине сплаврейда?

— Нет и не может быть нашей вины! — сказал Касинский с пафосом. — Учтите трудовой героизм... А то, что мы не догрузили рудостойку, пиловочник, ну экспортник остался в бухте, — так это догрузим... С полным героизмом готовимся к навигации... У пароходства нет к нам претензий...

— Нет, — подтвердил Голубцов.

— Вот видите, — сказал Касинский. — Здесь у нас полное взаимопонимание... Экспортный лес, что мы задолжали пароходству, отправим в первую же декаду новой навигации. Мы взяли повышенные обязательства.

— Что вы еще можете сказать по существу? — спросила Удадьцова.

— По существу должен сказать следующее, — бодро сказал Касинский. — Экспортный лес дороже диких оленей... Не может Гоголев понять государственных интересов. Распустил оленей и медведей... У меня до сих пор поджилки дрожат, как вспомню... Нет чтобы подумать, кому нужна такая дикая природа, так он подал на пароходство в суд... Надо инспекцию, как я понимаю, судить за бандитствующих медведей...

И Касинский сел на свой стул, не забыв подбодрить взглядом молодых заседателей и судью Удадьцову. Зал шумел и волновался неизвестно отчего, то ли радуясь речи Касинского, то ли негодую.

Касинский еще хотел сказать: «Ай, моська, знать она сильна, что лает на слона!», имея в виду Гоголева и пароходство, но воздержался от последней фразы, решив, что и так придавил Гоголева. Эту фразу и еще несколько мыслей он оставит для сессии. В поссовете он еще скажет о Гоголеве. Нужны ли такие кадры и такая должность району? Раньше жили и обходились. А теперь — акты, суды... Шурин Касинского, вездеходчик Саша Бабенко, жаловался, что теперь на Оленьи острова не проедешь. Общественники маршрутные листы проверяют, в кузова глядят — нет ли оленьей крови? Дожили! А песцы? Песцовые шкуры раньше дешевле собачьих ценились, а теперь? Теперь если и достал, то будешь дрожать, чтобы на тебя протокол не составили. Касинскому хотелось, чтобы и капитан Дружинин поддел бы Гоголева при всем честном народе, доказал бы полную его несостоятельность как гражданина и охотинспектора. Но Дружинин стал пространно рассказывать о маршруте у южной части островов... Как будто это было неясно. Идти к Полюсу, на паковые льды, караван не мог... Капитан говорил о лоции, фарватере и крайних условиях навигации — совсем не по существу, как считал Касинский.

Закончив об условиях, сказал, что не отрицает свою вину за диких оленей, погибших у островов. О том, что за первым ста-

дом шло второе, он не предполагал, так как не видел второе стадо. И без того караван потерял время. А каждая минута могла вызвать зимовку... Браконьерства со стороны команд не было. В оленей никто не стрелял. Экипажи судов предупреждены об этом...

Словом, выступление Дружинина разочаровало Касинского. И начальник сплавеяда озабоченно посмотрел на Лыкова, как бы подсказывая председателю, что нужно задавать вопросы против Гоголева. Но вопросы стала задавать Удальцова, и не против Гоголева, а скорее за. Она спросила у Федора Синьгина:

— Почему вы не предупредили тиксинского диспетчера об оленях?

— Как-то в голову не пришло, товарищ судья, — вежливо отвечал Федор. — Разве тиксинский диспетчер не знал, что на островах водятся дикие олени и что они кочуют? Это все знают — и охотинспекция... Поэтому я и не сообщил, полагая, что это очевидно и не столь важно... Конечно, я удивился, увидев такое большое стадо. Как вахтенный, я сделал все, чтобы не потревожить оленей, дать им пройти... Я не думал, что информация об оленях нужна тиксинскому диспетчеру. И что бы он с ней делал?

— Может быть, передал информацию в поссовет и охотинспекцию! — сказала Удальцова задумчиво. — И тогда бы сразу вызвали вертолет, чтобы отогнать оленей, идущих за первым стадом по следам...

— Я моряк, — сказал Синьгин, — я не решаю экологических задач... Я не знаю, как ходят олени — по следам или сами по себе... Второго стада на острове не видел, иначе бы мы пропустили это стадо впереди каравана, несмотря на лимит времени... Думается, мы свой долг выполнили.

— Выполнили разве? — спросила Удальцова задумчиво. И тогда Федор загорячился:

— Олени — дело инспекции. Законно вам говорю. У нас в порту все так считают, что зря на моряков оленей вешают... Почему охотинспекция не вызвала вертолет, хотя бы для того, чтобы проверить миграцию оленей? Пусть бы полетали, посмотрели. Хотя бы один знак поставили на берегу — что здесь мигрируют олени. Таких знаков в лоции нет, но мы бы догадались... Створы стоят, это я видел. А других знаков нет. Законно вам говорю. Нет нашей вины в гибели оленей. Просто так совпало, что у нас поздняя навигация, а олешкам приспичило идти друг за дружкой... Это как стихийное бедствие... Могли же олени погибнуть, скажем, от гололедицы, бескормицы или какой-нибудь болезни.

— Могли, — сказала Удальцова, — но они погибли по вине человека...

— Ну, а моряки здесь при чем? — спросил Федор. — Думаете, я не переживаю? Мы экспортный лес довезли, а когда сгружали, мне казалось, что лес красный, перемазан кровью наших оленей... Законно вам говорю... Другие у нас не переживали, а я переживаю... По столько оленей, сколько в акте указано, — не принимаю... Слишком много... Такого у нас не должно быть...

— Не должно, — согласилась Удальцова, — поэтому мы вас и вызвали из Владивостока, чтобы выяснить все обстоятельства и чтобы такое не повторилось...

Потом Удальцова опрашивала общественных инспекторов. Касинский пригорюнился. И Саня и Гриня говорили о вине пароходства, о канале во льду у Оленьих островов, о том, как спасали оленей... Касинский видел, что даже капитан Дружинин слушает и смотрит на ребят Гоголева без всякой злобы, как будто собирался сразу же после суда взять их матросами на свой ледокол. Совсем по другому фарватеру пошел суд, с горечью думал Касинский. Может быть, Удальцова забыла о государственных интересах? Разве важно, что экспортный лес был перемазан или казался перемазанным оленьей кровью? К чему же сентиментальные излияния? Разве они помогают раскрыть сущность дела?

Касинский пригорюнился еще больше, слушая выступление Гоголева. Тот вообще говорил напористо, резко, ничуть не считаясь с авторитетом сплаврейда и пароходства. И о валюте Гоголев не сказал, зато говорил о своей любимой экологии, да так ловко, как будто, кроме этой экологии, ничего на свете не существовало.

— Мы должны осознать, — сказал охотинспектор, — что массовая гибель оленей по вине пароходства изменила экологию целого района... Посудите сами, почему пришли в поселок медведи? Эти животные всегда мигрировали гораздо севернее, но тут повернули на юг, найдя оленей во льду. Затерроризированный медведями поселок, в котором нарушена производственная и культурная жизнь, — следствие нарушенной экологии...

Зал слушал Гоголева внимательно.

— Посмотрите на карту! — продолжал Митрофан. — Арктика похожа на ледяное яйцо... Как будто его утка снесла или гусь... Но не приведи боже, если мы по неосторожности или глупости разобьем его. Даже трещина на скорлупе может привести к необратимым последствиям... Мы в этом убедились. Казалось бы, такой пустяк — трещина! При современной технике мы можем вообще лишить Арктику льда и уничтожить все живое... Но что будет? Экологический кризис — от Ленинграда до Владивостока...

Директор заповедника Соловьев кивнул головой, слушая Гоголева.

— Капитально говорит наш Митрофан! — сказал Саня.

— Подходяще к моменту! — одобрил Гриня.

— Вот поэтому, — продолжал Гоголев, — я считаю, что Арктика заповедна по своей сути... Казалось бы, крохи — Оленьи острова, но, чтобы передать их заповеднику, Главохота бьется уже пять лет... Я понимаю, данный вопрос не в компетенции суда, но по крайней мере, я считаю, мы должны уяснить глубину вопроса... Капитально уяснить...

Председатель колхоза «Арктика» Виноградов давал показания сразу после Гоголева.

— Товарищи судьи! — сказал он, почему-то обращаясь не к

судьям, а ища глазами Макарова, который тоже сидел в зале: — Пусть мне объяснят, чьи олени утонули... Это мои колхозные олешки утонули, из второго харулагского стада... Как они попали на острова, спросите вы? Каждый год дикие олени идут мимо харулагских пастбищ, где отбивают домашних. Так в прошлом году у меня пропало сто пятьдесят оленей. И ежегодно пропадали. Домашний олень становится диким и плывет на острова. Так пусть пароходство оплатит колхозу убытки. Почему инспекция хочет забрать деньги? Пусть нам дадут пополам!

— А как вы докажете, что утонувшие олени колхозные? — спросила Таисия Ефимовна, удивившись неожиданному повороту дела.

— Пусть мне докажут, что олени дикие, — сказал Виноградов. — Никто не докажет! Наш колхоз не против отдать острова заповеднику. У нас правление было по этому поводу. Решили отдать. Если и Москва просит... Но пока земля колхозная, олени колхозные — пусть пароходство платит ущерб.

Макаров, отводя глаза от председателя колхоза, улыбался и смотрел на судей.

Виноградов же продолжал:

— Раньше я молчал... Думал, с пароходством нельзя судиться. Пароходство — во Владивостоке, большая организация. Валюту стране дает... Теперь молчать не буду, потому что ошибался. Наша Арктика заповедная. Олени мясо дают, шкуру, а дикий олень даже лучше. Ему пастухов не надо, он сам себя пасет... Будем беречь диких и домашних, что становятся дикими и уходят на острова... Пусть платит пароходство ущерб!

— Мы можем оплатить за погибших оленей колхозу, — примирительно сказал Голубцов, — но мы хотим понять, кто хозяин оленей. Чьи они, дикие или колхозные?

Народ в зале зашумел и заулыбался. Улыбался капитан Дружинин и его старпом. Улыбался адвокат. Улыбался Касинский, с горечью понимая, что Гоголев, кажется, выиграет дело. Улыбался председатель поссовета Макаров: нашел все-таки Виноградов, на кого списать колхозные убытки. И острова теперь готов передать заповеднику, чтобы доказать, что он руководитель дальновидный, заботится о природе.

— Олени дикие, конечно, погибли, — объяснила Таисия Ефимовна адвокату, — но в них наверняка есть кровь и колхозных... А отличить диких от домашних может только опытный охотник — по форме копыта...

— Что же нам теперь, копыта разглядывать? — сказал Голубцов. — Определите, кому платить иск...

Зал опять зашумел и брызнул смехом.

— Определим! — сказала Удальцова. — На то мы здесь и собрались, чтобы определить! — И попросила дать показания промысловика Федорова. Тот говорил кратко.

— Как промысловик я обижен... Ледокол прошел — олени погибли. Песцы ушли оленя кушать. Пасты пустые... Сытый песец в пасты не хочет идти. Зря рыбу ловил, приваду делал. Потом мед-

ведь пришел. Как промысловнику жить? Заповедник нужен. Я пойду егерем в заповедник. Буду смотреть, чтобы ледокол оленей не трогал. Ледокол увижу, сразу в инспекцию позвоню, в поселковый Совет. Буду беречь природу... Надо беречь!

— Все промысловики обижены, — шепнул Гоголев Макарову, — пушнина — тю-тю! Как выполнишь план, если экология нарушена...

— Да-а, — задумчиво сказал Макаров, — такого у нас еще не было... Тяжелый год... Хоть на суде я понял, почему тяжелый... И за пушнину нам влетит. План-то район не выполнил.

— Влетит! — согласился Гоголев. В конце концов это и его забота, выполнение пушного плана.

Потом выступил Васин. Он сказал:

— Мы должны не только определить степень вины пароходства, ущерб, нанесенный нашей природе, но должны выяснить, во сколько нам обходится экспортный лес и другая продукция, когда мы забываем экологию. Стоимость такой продукции необычно возрастает. Она становится дороже всякой валюты, которую мы можем получить...

В этом месте речи Васина начальник сплавеяда Касинский глубоко и печально вздохнул.

А прокурор же закончил:

— Никакие успехи невозможны без учета экологических законов... Природа отомстит, даже если нам вчера удалось урвать от ее богатств силой и нахрапом... И разве не отомстила?

Два дня шел суд. Зал битком набит. На заседания суда приходили даже учителя и школьники, которые хотели понять, что же произошло в их районе и кто такой Гоголев, если о нем так много говорят.

Еще на подходе к старому становищу, сидя внутри пахнущего теплым металлом вездехода, Оннонау почуяла густой, мощный запах девственной тундры, аромат оленьего мха — ватапа, отцветающих растений, грибов, корней, запасенных на долгую зиму тундровыми мышами, запах родного, давно покинутого, но еще живого очага. Ее охватила такая радость, что ей даже показалось, что она не только вернулась на старое место, но и в то молодое, счастливое время, когда все это прекрасное окружение она не только могла осязать, но и видеть живыми глазами, еще не подернутыми непроницаемым туманом.

К радости возвращения примешивалось и другое чувство: мысль о будущей операции. Они тревожили Оннонау, заполняя душу каким-то неведомым, сладостным страхом. Через несколько дней должен прилететь вызванный по рации вертолет и увезти женщину в больницу. Дочь уверяла, что такие операции нынче обычны, и даже прочитала вслух статью из медицинского журнала.

Сразу же начались привычные хлопоты по установке кочевого жилища, распаковке вещей и укладке на привычные места в яранге.

Помогали дочь и зять Петр Сотке, старший пастух, он же водитель вездехода. В ногах путался внук Вася, собирающийся нынче в школу, в селение Усть-Чаун, в интернат.

Ярангу ставили на старое место, хорошо заметное даже по прошествии многих лет: тяжелые камни, которые держат края рэтэма* на земле, все это время оставались нетронутыми, об-

* Покрытие тундрового жилища.

разуя правильную окружность. Ни долгие летние и осенние дожди, ни зимние ураганные ветры, полирующие сугробы, и снежные заносы не могли вытравить темный налет копоти, глубоко въевшийся в поры очажных камней.

Река Ичу в этом месте была мощна и полноводна, и звук ее течения напоминал дыхание могучего зверя, прокладывающего свой долгий и тяжкий путь через каменистую тундру и наконец-то достигшего своей конечной цели — свидания с другой рекой, слияния с ней для совместного движения к Ледовитому океану.

Уже много лет стойбище Онно не ставило свои яранги в устье реки Ичу, осваивая другие пастбища, расположенные в глубинной тундре или же в восточной части обширного побережья Чаунской губы.

Эти моховища считались резервными, сберегаемыми на самый крайний случай, и вот такой случай наступил, когда предназначенное на это время года пастбище оказалось занятым новой геологической экспедицией.

Когда ярангу поставили и разожгли костер, все ушли в стадо, оставив старую Оннонау одну. Так уж повелось за многие годы, когда главные дела по жилищу заканчивались, остальные — ложились на плечи старой женщины. Она ставила каждую вещь на свое, заранее и навсегда предназначенное ей место. Этот порядок понемногу утвердился в яранге с тех пор, как Оннонау ослепла. Произошло это не сразу, постепенно, и постепенно утверждался порядок при внутреннем убранстве яранги. И каждый ее обитатель — будь это зять, дочь или внук — знали, что старая Оннонау терпеть не может беспорядка, и старались поддерживать аккуратность и порядок в древнем жилище, хорошо зная, что слепая чует всякую грязь и неряшливость куда острее, нежели зрячий человек.

Старая Оннонау бережно подкладывала сухие веточки сланика, дула на огонь, разжигая его слабым дыханием. Время от времени она поднимала голову от очага, обращая лицо к широко распахнутому входу, к солнечному свету, щедро вливавшемуся в полусумрак яранги. Движения старой женщины были так уверенны, четки и экономны, что только теперь, когда ее лицо было открыто яркому свету, можно было заметить тусклые бельма.

Но, несмотря на этот сразу же бросающийся в глаза физический недостаток, уже через несколько минут забывалась слепота женщины, так она была жива, жизнерадостна и общительна, а черты ее лица были настолько выразительны, что вполне заменяли выражение глаз.

Оннонау ослепла давно, уже в ту пору, когда ярангу часто ставили на лето как раз в этом месте, при впадении реки Ичу в Чаун, на высоком, хорошо прогретом холме, где моховой слой был такой мощный, что, казалось, яранга и все стойбище стоят на мягкой оленьей постели.

...Прислушиваясь к шуму воды внутри закипающего котла,

Оннонау определила, что мясо готово. Чуть сдвинув в сторону котел, она пошла в угол и достала из вороха оленьих шкур портативный радиоприемник «Океан» и поставила на оленью шкуру внутри спального полога.

Оннонау старалась занять себя, отвлечь, загрузить работой, чтобы не прислушиваться к наружным звукам, отодвинуть воспоминания о прошлом, о том, что происходило здесь, на берегах реки Ичу, многие годы назад, в годы ее молодости, той счастливой поры, когда жизненный горизонт казался не только безоблачным, но и безбрежным, уходящим так далеко, что о пределах его не задумывалась счастливая Оннонау.

Здесь она встретила своего будущего мужа Василия Онно, только что закончившего школу колхозных кадров в Анадыре. Вася был родом из соседнего стойбища и ходил вместе с Оннонау в Усть-Чаунскую школу, поначалу не обращая никакого внимания на девочку, а потом и девушку, свою землячку и одноклассницу, которую, однако, сразу же заметил, как только вернулся в тундру из далекого Анадыря.

Да, это было счастливое время!

Ичу текла вольно, раздольно, смешивая свои воды с водами Чауна, и такое нетерпение было в этом течении, словно это была не вода, а нечто одушевленное, осмысленное, почти человеческое в стремлении к слиянию.

Точно так же было и у Оннонау и Василия, и они не искали слов для обозначения этого чувства, зная, что оно есть только у них двоих, что оно совсем не похоже на то, что испытывали и ощущали другие.

Они поженились, потом родилось первое дитя, дочь Анна.

Они надеялись заполнить детьми всю свою ярангу, но Анна оказалась первой и последней. Василий погиб под гусеницами вездехода, мощной новой машины, только что пригнанной пьяным от радости и вина вездеходчиком. Это была мечта пастухов: получить машину, чтобы не таскать на себе яранги, не отягощать ездовых оленей, не нагружать на них десятки нарт при перекочевках! Все стойбище можно было перевезти за один раз, да и скорость вездехода не шла ни в какое сравнение с неспешным продвижением по рыхлому снегу длинного оленьего каравана.

Когда она увидела Василия в белой камлейке, отороченной широкой алой лентой по подолу, лежащего на белом снегу, бледного, ставшего неожиданно таким серьезным и неулыбчивым, сказавшего удивительно ясно и просто «береги Анну», ей поначалу не поверилось во все происходящее. Она не смотрела на то, что было ниже красной оторочки белой камлейки — кровавого месива из снега, обломков костей, меховых штанов, торбазных завязок, телесного цвета подошв зимней обуви, таких чистых оттого, что на снегу лахтачья кожа обретала свой истинный цвет...

Глаза застилало туманом слез.

Василия увозили на том же вездеходе, под гусеницами ко-

торого он погиб. Сначала в поселок, а оттуда на вертолете в районный центр. Но врачи уже были бессильны спасти его. До последнего часа, до последней минуты Оннонау была с ним, утешала его как могла, пыталась найти хоть какой-то проблеск в беспросветной безнадежности, которую она слишком хорошо понимала. А он все шептал бескровными губами: «Береги Аннушку»... Самое ужасное в том, что он до самой смерти был в полном сознании и умер в одно мгновение, как только его положили на больничную койку.

Слезы лились так обильно, что Оннонау не видела ни обитого красного гроба, ни нового темно-синего костюма, в который обрядили Василия, отправлявшегося в последний путь.

Оннонау ни разу после этого не была на его могиле. Для нее ушедший в окрестности Полярной звезды муж там, где для него был насыпан Памятный Холм из оленьих рогов в верховьях Ичу, в истоках тундровой реки.

Долгое время Оннонау не понимала, что слепнет, а поняв это, вдруг успокоилась, но долгое время скрывала это от окружающих. Сначала легкое облачко надвинулось на ясный солнечный день, затем пасмурность стала увеличиваться, сгущаться, а ближние предметы, не говоря уже о дальних, потеряли свои очертания, расплылись и даже стали перемещаться в пространстве.

Первой заметила перемену в матери Аннушка. Она стала уговаривать мать поехать в районную больницу. Раз Оннонау поддавалась на уговоры и в один из приездов в район отправилась на обследование. Доктор прописал мазь, но твердо сказал, что улучшения не гарантирует, поскольку болезнь требует настоящего лечения в областной больнице.

Слепота надвигалась исподволь, медленно и постепенно привывкала к ней Оннонау, с удивлением обнаруживая, как по мере угасания света в очах усиливались другие чувства: резче и тоньше стал слух, обоняние, кожа чувствовала разность температур с такой точностью, что Оннонау куда точнее, чем раньше, угадывала время, когда можно было снимать с огня котел с оленьим мясом или закипающий чайник. Окружающие почти и не заметили, когда Оннонау окончательно ослепла, сохранив в побелевших зрачках лишь способность улавливать источник света. Она по-прежнему деятельно хлопотала в яранге — варила, собирала тундровый стланик для костра, ставила ярангу, разбирала при перекочевках, шила и чинила одежду... Но вот кроить, собирать ягоды, читать и писать больше не могла.

Зато часто слушала радио и теперь сама следила за тем, чтобы в яранге всегда был необходимый запас батареек.

Близкие с тревогой наблюдали за ней, часто заговаривали о лечении, но Оннонау каждый раз мягко, но настойчиво отвергала все предложения, вызывая сочувственное недоумение у родных и близких. Сначала ей не хотелось оставлять одну дочь. Шли годы. Выросла Аннушка и закончила школу. Но не захотела

уезжать далеко от матери, вернулась в тундру и вышла замуж за соседского парня.

Со временем все свыклись с тем, что Оннонау слепая. Только те, кто впервые видели ее, дивились жизнерадостности, веселости, живости, ее способности исполнять всю домашнюю работу нисколько не хуже, чем самые зрячие женщины. Она могла далеко уйти в тундру, в стадо и безошибочно найти обратный путь по необъяснимым даже для нее самой приметам.

Теперь ей не хотелось разлучаться с горячо любимым внуком, названным в честь погибшего деда Василием. Этой осенью он отправлялся в школу-интернат.

И этой же осенью Оннонау наконец-то собиралась поехать в какую-то необыкновенную клинику, где ей должны вернуть зрение.

Оставалось всего несколько дней до расставания.

Наведя порядок в жилище, Оннонау присела у костра, обратив лицо к широко распахнутому входу в ярангу.

Она прислушалась. Где-то вдали тарахтел двигатель вездехода, в соседних ярангах негромко переговаривались люди... Но что это? Будто кто-то стонал, и не разобрать — то ли зверь, то ли человек. Стон резкий, надрывный, достаточно протяжный, вдруг резко обрывающийся, словно кто-то зажимал могучей, непроницаемой то ли лапой, то ли рукой пасть или рот... Стон доносился из тундрового отдаления, и, если бы не особое доверие, которое испытывала Оннонау к собственному слуху, можно было предположить, что это разыгралось настороженное воображение, напряжение ума само рождало странные звуки.

Она ведь ждала, надеялась услышать знакомое, которое таилось запечатленным в памяти молодости, ожидавшее своего часа, чтобы снова воскреснуть, ворваться в сознание, сопровождая воспоминания о том радостном, солнечном чувстве, которое сопровождало всю их короткую совместную жизнь с Васей.

Ожидание было мучительно бесплодным: что же такое случилось? Неужто человеческий разговор, гул вездехода оказываются сильнее шума реки, настойчивого, неодолимого движения огромной массы воды, стремящейся к слиянию, вдали с соленым Ледовитым океаном?

Может быть, это другое место?

Да нет, вся остальная физическая действительность хорошо соответствовала тому, что бережно хранилось в закоулках памяти: и этот сухой пригорок, даже камни старого очага, не говоря уже о запахе примятого мха, травы, всего того окружения, которое свидетельствовало о давнем присутствии человека.

Но что случилось со звуками?

Снова издали донесся странный стон, и точно в сердце попала острая заноза, родив неутихающую, непонятную тревогу о далеком, страдающем существе.

Оннонау не обращалась к часам, чтобы узнать время: за долгие годы жизни во тьме она научилась определять его по

едва уловимым признакам: положению солнца над горизонтом, интенсивности светового потока, деятельности в стойбище. Вот и сейчас она с минуты на минуту ожидала возвращения домочадцев.

Она уловила далекий звонкий голосок внука, поначалу прерываемый странными стонами, потом различила слова дочери и лишь потом, уже у самой яранги, — голос зятя. И не потому, что у него был тихий голос: просто зять был человеком неразговорчивым.

— Бабушка! Бабушка! — теперь голос Василия заполнил все слышимое звуковое пространство, лишь изредка давая прорваться другим голосам и звукам. — Что я видел! Такого ты, наверное, никогда не видела!

Один лишь Вася мог, не задумываясь о возможности причинить боль, громко говорить о слепоте бабушки, описывая ей внешность или очертания какой-нибудь новой неведомой вещи, явления, нового человека.

— Так что же ты видел, Васенька? — спросила Оннонау, прижав к себе подбежавшего малыша.

— Я видел драгу!

— Это что за зверь такой? — шутливо переспросила Оннонау.

— Ты видела когда-нибудь драгу? — спросил Вася. — Разве она была, когда ты видела?

— Не видела, не видела, — торопливо ответила Оннонау, чтобы не лишать внука приятной возможности рассказать самому о новой машине.

— У драги железные черпаки, как раскрытые рты, — захлебываясь, продолжал Вася. — И даже зубы в этих черпаках. Этими зубами драга откусывает берег и тащит в машину, как зверь в живот. А сзади вода хлещет, и камни сыплются, будто она какает...

— Да это чудовище, — медленно и задумчиво произнесла Оннонау, представив себе работающую драгу.

— Она еще стонет и поет! — продолжал Вася. — Как живая! Так вот откуда этот странный звук! От работающего железного чудовища, отгрызающего золотоносную землю.

— И много она уже съела? — спросила Оннонау.

— Много! Везде кучи оставила. Такие ровные, высокие, как горки...

Разговаривая с внуком, Оннонау ставила на середину яранги коротконогий столик, семейное деревянное блюдо с вареной оленьей, чашки для чая.

Пока трапезничали, Вася продолжал свой рассказ о драге, о тундровой автомобильной дороге, которая пролегла до самой Чаунской губы.

— Эта дорога далеко-далеко видна, — сообщил он. — И голубой автобус по ней бежит.

Оннонау слушала и дивилась про себя: вот до чего дожили —

по тундре стали ездить на автобусах! В ее детские годы колесная машина была только в букваре и вызывала множество сомнений и вопросов.

После ужина изрядно уставший Вася забрался в полог и почти мгновенно уснул.

Оннонау ждала вечернего спокойного часа, чтобы в наступившей ночной тишине попытаться услышать шум речного потока. Она надеялась, что вместе с ним придут волнующие, сладкие до боли воспоминания о счастливых днях, когда они с молодым мужем мечтали о будущем, о долгой счастливой и дружной жизни в обновленной тундре. Василий считался опытным и знающим пастухом, и даже возникали разговоры о том, что его могут сделать председателем. Но каждый раз, когда слухи об этом усиливались, Василий отгонял стадо в такую даль, что проходило не менее полугода, прежде чем стойбище оказывалось в пределах досягаемости районных властей.

Да, то было удивительно насыщенное время: дня не хватало, чтобы переделать все дела, переговорить обо всем, насладиться ощущением бьющего через край счастья.

Василий охранял стадо, мастерил нарты, резал ремни из лахтачей кожи, рубил стланик для костра, громко разговаривал на собраниях, требовал, чтобы в тундре было больше вездеходов, современных товаров, книг, журналов, радиоприемников, батареек, чтобы привезли чугунные маленькие печки в яранги, чтобы жители не слепли от непрерывного дыма, стелющегося над земляным полом. Он мечтал построить легкий, передвижной деревянный домик, в котором можно было бы поставить стол, умывальник и чтобы в стене было настоящее стеклянное окошко, в которое можно увидеть всю тундровую ширь. Вычитал где-то в журнале, что есть легкие, портативные ветроэлектростанции, загорелся идеей, куда-то писал, требовал и вслух мечтал, как над стойбищем будет сиять негаснущий яркий свет, к которому будут сбегаться олени, а волки умчатся во тьму и оттуда в бессильной ярости будут скалить свои белые клыки на неведомый луч, проникающий далеко окрест, далеко сквозь снежную метель.

И вместе со всем этим он был необыкновенно нежен и внимателен к своей молодой жене, хотя никогда, ни разу, ни единым словом не высказал свое чувство, свою нежность. Когда Оннонау шла с полными ведрами воды по качающимся кочкам, почему-то именно тогда, когда думалось — хорошо бы в эту минуту появился Вася и подхватил тяжелые ведра, — он оказывался тут как тут, легко и без слов брал из женских рук ведро. Так было и тогда, когда ставили ярангу. Хотя это была сугубо женская работа, Василий всегда улавливал тот особый, не бросающийся в глаза момент: поддержит тяжелое срединное бревно, ускользающую жердь или сползающий рэтэм, который так трудно набросить на каркас...

А как он был нежен в темноте наступившей ночи, когда от

мохового светильника отрывался последний язычок желтого пламени и полог погружался в теплую, густую, мягкую темноту, обволакивающую разгоряченные тела, как самый нежный мех молодого олененка!

Казалось, что так будет вечно, и никогда, даже в самых сокровенных глубинах сознания, не возникала мысль, что все это может закончиться, оборваться в одно мгновение.

Память ее отказывалась воспроизводить то страшное мгновение, отсекала все то, что могло причинить невыносимую боль, затуманить сознание, рассудок.

Как только свиток жизни, который любила в тихие часы разматывать в своей памяти Оннонау, доходил до этого мгновения — на этом все кончалось!

Вот и сейчас, уходя все дальше от яранги, от привычного шума готовящегося ко сну стойбища, Оннонау ожидала сладостных воспоминаний о том времени, когда они любили друг друга именно здесь, над слиянием могучей Ичу и Чауна, над неудержимым потоком стремящейся к вольному океану воды.

Время от времени Оннонау останавливалась и прислушивалась, стараясь уловить шум текущей воды. Но почему-то в уши назойливо лез все усиливающийся стон работающей в отдалении железной драги, и, хотя Оннонау никогда не видела машины, она живо представляла ее в виде чудовища, образ которого остался в памяти от школьных учебников или книг, описывающих доисторическое прошлое Земли, когда здесь бродили мамонты и огромные, многотонные существа с пастями, усеянными острейшими зубами. Она знала, что драга добывает золото, драгоценный металл. Золото открыли в долине Ичу, когда еще был жив Василий. Сначала появились геологи, а за ними на разных машинах уже другие люди. Тогда всюду говорили: золото нужно стране! И еще в газетах и по радио называли Чукотку валютным цехом страны.

Оннонау остановилась и еще раз прислушалась. Назойливый металлический стон работающей драги уже начинал раздражать, и пришлось сделать усилие, чтобы унять это нехорошее в себе, постараться успокоиться.

Она знала, что вот за этим небольшим подъемом, когда ноги, обутые в легкие торбаса, подшитые лахтачьим мехом, пересекут небольшой овражек, оставшийся от весенних потоков, и ступят на каменистую вершину холма, она услышит голос водного потока.

Сделав еще несколько шагов, Оннонау снова остановилась, перевела дух и задержала дыхание, чтобы не мешать своему слуху... Ничего... Ничего, кроме какого-то жалкого журчания, прерываемого резким стоном работающей драги. Может быть, она заблудилась, пошла не в ту сторону? Но как могло ее обмануть обостренное чувство, отточенное годами слепоты, способность находить верный путь даже в незнакомом месте? Тут что-то не так. Она ведь доверилась и памяти чувств, памяти ощущений и

даже памяти собственных ног, которые «помнили» каждую кочку, каждую ложбинку, каждый камешек на пути от яранги к этому холму, вознесенному над полноводным потоком.

Она снова и снова прислушивалась, напрягая слух, отгоняя все посторонние мысли и ощущения, стараясь услышать то, что ожидала, то, что должно было напомнить ей об ушедших днях, живых в ее памяти.

Но ничего, ничего, кроме жалкого слабого журчания и монотонного, раздражающего жалобного стона железной громады драги.

Куда же могла уйти река?

Сейчас ведь не зима, поток не мог замерзнуть, укрыться под толщей прозрачного льда. И как себя помнила Оннонау, и все, что она слышала и даже читала в молодые годы, когда она еще видела: реки просто так не исчезают с лица земли. Такого просто не бывает.

Но ведь нет шума потока!

Оннонау с полчаса простояла на холме, все еще надеясь обнаружить среди ночных звуков этот шум.

Но тщетно!

Убедившись, что ожидаемого звука нет, поколебавшись несколько минут, Оннонау решила спуститься вниз, к самой реке. Она помнила, что спуск с холма довольно крут и сам берег здесь такой, что глубина начиналась с самого берега. Вполне можно свалиться в реку и утонуть. Поэтому Оннонау взяла левее, где спуск положе и сухой овражек у речного берега образовал маленький галечный пляж, откуда она когда-то брала воду и несла полные ведра вверх по склону, мечтая и надеясь, что вот-вот появится Вася и его сильные добрые руки возьмут тяжелые ведра...

С легким шумом катились камешки из-под ног.

Вот и бережок. Ноги сразу же утонули в мелкой гальке. Она была влажная, вязкая, и требовалось усилие, чтобы сделать следующий шаг. Оннонау вся напряглась в ожидании: вот-вот она почувствует кожей лица приближение большой воды, веяние прохлады от стремительно несущегося потока, чуткие ноздри уловят дух тундрового настоя, который вобрала в себя вода на своем долгом пути от дальних предгорий, через обширную тундру, многочисленные озерца, болотца, бочажки, ягодные места, морошечные поля, сухие, поросшие черной шишкой кочкарники, голубичные заросли, в которых лакомились буро-рыжие тундровые медведи... Но ничего подобного, ничего, кроме незнакомого запаха сырого металла, кислых испарений стоячей воды. Реки здесь не было.

Недоумение и тревога охватили Оннонау.

Она долго прислушивалась, принюхивалась, все больше и больше с горечью убеждаясь в том, что того, чего она с таким нетерпением ожидала, к чему так стремилась, ничего этого нет. Неужто ее привезли на другое место и ничего не сказали об этом, скры-

ли по неизвестной причине? Но зачем, кому это нужно? Возникнув, эта мысль уколола сознание, но тут же улетучилась: ведь все остальное было легко узнаваемым — место, где поставили ярангу, вся округа и даже дорога сюда, на берег невесть куда исчезнувшей реки.

Оннонау постояла на галечном пятачке и медленно побрела назад, поднимаясь по старому, высохшему овражку, проложенному весенними подснежными водами.

Еще издали она учуяла, что у яранги стоит дочь, дожидаясь возвращения матери.

Пока шла, Оннонау постаралась унять волнение, тревогу, загнала их в глубь себя по старой своей привычке, полагая, что ее волнения и внутренние заботы ни для кого не интересны, кроме нее самой, и спокойно, однако не скрывая удивления, сказала:

— Ничего не понимаю... Куда делась река?

— Реки нет, — тихо и как-то спокойно ответила Аннушка, и этот невозмутимый тон больше всего поразил Оннонау. Как можно спокойно было произнести — «реки нет»? Да это же все равно, что возвестить, что солнца нет, нет луны, что звезды никогда больше не засияют в небе, ягоды не вырастут и не наступит ожидавшаяся зима...

— Как нет реки? — переспросила Оннонау. — Куда же она девалась?

— Драга ее съела...

— Драга?.. Но она ест только землю, из которой добывает золото, — попыталась возразить Оннонау, отлично понимая, что ее техническое объяснение, почерпнутое из разговоров с семилетним внуком, весьма далеко от действительности.

— Не знаю, что ест это чудовище, — продолжала Аннушка, — но реки нет. Остались отдельные бочажки, озера, маленький ручеек да многочисленные кучи отмытой гальки, — описывает Аннушка. — Но река начисто исчезла. Говорят, что ушла под землю, в глубину.

Оннонау не верила своим ушам: исчезла река? Красивая, полноводная, играющая огромными серебристыми струями Ичу-вээм, замерзающая только в самый сильный мороз, но превращающаяся в сверкающую ленту, по которой змеились зимние низовые метели — снег не задерживался на гладкой, скользкой ледовой поверхности... Вдруг ослабели ноги, будто в одно мгновение размягчились кости, и старая женщина медленно, но без стопа опустилась на землю.

— Мама! Мамочка, тебе плохо? — забеспокоилась Аннушка. — Пойдем в ярангу...

— Нет, ничего, — успокоила дочку Оннонау. — Ничего... Уже проходит...

Собравшись с силами, она последовала за дочерью, машинально разделась и забралась в теплый, нагретый спящими меховой полог. Ее место находилось рядом с внуком. Она осторожно прилегла, стараясь не потревожить сладко и тихо спящего малыша.

Она слышала, как долго и беспокойно ворочалась дочь, шепта-

лась с мужем, сонно выпрашивающим, что случилось, слышала тихое дыхание внука, ощущала мягкое, нежное тепло, идущее от разгоряченного сном детского тела, и думала.

Думала сначала о невообразимом — как могла исчезнуть огромная, полноводная река? Потом о драге, чей зловещий и жалобный стон проникал в меховой полог, о том, как вгрызается она в галечную тундру, откусывая кусок за куском, чтобы извергнуть из себя золото. Давным-давно, когда в тундре появились геологи, молодая Оннонау видела у некоторых из них намытый на галечных отмелях золотой песок. Они сушили его в яранге на костре в металлических, похожих на спичечные коробках. Драгоценный металл в своем первоначальном виде был совершенно невзрачен, тускл и напоминал кал новорожденного младенца.

Вспомнились золотые зубы, мелькнувшие во рту большого анадырского начальника.

И все равно река была лучше!

Не удержавшись, Оннонау сделала глубокий вздох и застонала. Но Аннушка уже заснула и не услышала ее.

Сон не приходил. В голове роились разные мысли. Картины воспоминаний сменялись, словно Оннонау смотрела долгий, как теперь говорят, многосерийный фильм воспоминаний, радуясь, горюя, удивляясь, восторгаясь, печалась всему, что проходило перед ее мысленным взором. Картины были яркие, четкие.

Сможет ли она, Оннонау, обрета заново способность видеть, вспоминать так же живо и ярко?

От этой мысли Оннонау вдруг стало страшно.

Выдержит ли ее сердце, когда она увидит вместо полноводной, стремительно текущей Ичу-вээм жалкий ручеек, цепочку лужиц, на которых сверкают радужные пятна разлитой нефти, и, наконец, это стонущее железное чудовище — драгу?

А не лишится ли она самого дорогого в своей оставшейся жизни — воспоминаний?

Вертолет прилетел к обеду. На нем прибыл главный районный доктор. Он весело вошел в чоттагин и громко сказал сидящей у костра на корточках Оннонау:

— Ну, собралась?

И неожиданно услышал спокойный ответ:

— Я передумала. Хочу остаться такой... Никуда я не поеду.

Когда доктор попытался пуститься в уговоры, Аннушка твердо сказала:

— Не надо... Раз мама решила, значит, так и будет.

— Впервые вижу человека, который отказывается прозреть! — пожал плечами доктор.

Вертолет улетел.

Оннонау долго слушала удаляющийся грохот, пока он не сменился стоном драги.

Потом встала и принялась помогать дочери собирать вещи: пора было кочевать на новое место.

ПУТЕШЕСТВИЕ В БЕССМЕРТИЕ

Ясным солнечным воскресным днем 10 ноября 1912 года, в 12 часов 30 минут пополудни, небольшой отряд из трех человек на трех санях, запряженных семнадцатью ездовыми собаками, покинул базовый лагерь в задиве Коммонвелс и медленно двинулся по плотному ледяному склону на восток. Это был лишь один из отрядов Австралийской антарктической экспедиции 1911—1914 годов, однако не совсем обычный, поскольку возглавлял отряд сам Дуглас Моусон — руководитель экспедиции.

Моусону тогда исполнилось всего тридцать лет. Это был высокий, стройный блондин с большим лбом и постоянным выражением серьезности на удлинённом тонком лице. К этому времени он уже стал признанным ученым-геологом, широко известным своими работами в труднодоступных, ранее неисследованных районах. Возглавляемая им Австралийская экспедиция была великолепно организована. В отличие от всех предшествовавших экспедиций она имела постоянную надежную радиосвязь с внешним миром. Для этого еще на подходе к Антарктиде Моусон сделал остановку на одном из островов Южного океана — острове Макуори, чтобы построить ретрансляционную станцию. Моусон отклонил предложение Скотта принять участие в его экспедиции к Южному полюсу, которая отправлялась в путь в октябре 1911 года. К началу 1912 года о ней все еще не было никаких вестей.

Экспедиция Моусона, поддерживаемая австралийским правительством, должна была исследовать ближайшую к Австралии часть Антарктического континента и его береговой линии. Планировалось провести исследования сразу по трем направлениям. Экспедиционное судно «Аврора» высадило на большом расстоянии друг от друга две исследовательские партии — западную и восточную. Затем

«Аврора» отправилась в плавание вдоль побережья, чтобы как можно полнее исследовать и картировать береговую черту между районами высадки этих партий.

Оба береговых отряда провели зиму в базовых лагерях в ожидании короткого антарктического лета, когда погода позволит осуществить намеченные походы. В их задачу входило исследование как можно большей части территории, и поэтому, как только погода улучшилась, участники экспедиции буквально набросились на работу.

В разработке научной программы Моусон мог положиться на большой собственный опыт. К этому времени он был уже закаленным исследователем Антарктиды, проведя два года в составе экспедиции Шеклтона 1907 года «Дальний Юг». В составе первой партии он поднялся тогда на вершину горы Эребус (13 370 футов) — действующего вулкана на побережье моря Росса. Моусон измерил высоту кратера этого вулкана и, будучи физиком экспедиции, провел огромную работу по изучению геомагнитного поля и северных сияний. Кроме того, он занимался еще и топографическими съемками. В то время когда Шеклтон отправился к полюсу, Моусон в составе отряда из трех человек совершил на санях 1250-километровый поход к Южному магнитному полюсу.

Теперь, будучи руководителем экспедиции, Моусон разделил свою восточную исследовательскую партию на шесть санных отрядов по три человека. Перед каждым из них стояла своя задача. Первые два отряда должны были направиться непосредственно в глубь материка для определения изменившегося к тому времени положения Южного магнитного полюса. В их задачу входили еще и геомагнитные наблюдения. Третьему отряду было поручено обследовать западные прибрежные районы, которые могли также исследоваться и с моря. Оставшиеся три отряда двинулись на восток, поскольку сплошной тяжелый лед в этом районе моря исключал саму возможность подхода судна к побережью. Моусон условно разделил весь этот участок побережья на три смежных региона длиной от 100 до 150 миль и наметил каждому отряду свой маршрут. Наиболее удаленный от базового лагеря регион он оставил себе. Возглавляемый им отряд, названный «Восточной санной экспедицией», столкнулся с очень трудной задачей — ему предстояло пройти самый длинный путь и, следовательно, взять тяжелый груз провианта.

Попутчиками в этом походе Моусон выбрал Хевиера Мертца, жизнерадостного, неугомонного 28-летнего юриста, выпускника Базельского университета, разговаривающего со своими товарищами на ужасающем всех английском языке, и 22-летнего Нинниса — решительного и в то же время несколько церемонного лейтенанта Королевской пехоты. Ниннис сразу очаровал всех участников экспедиции, явившись на борт судна с бесчисленными чемоданами, набитыми военными мундирами и до блеска начищенными ботинками. Мертц был к этому времени чемпионом мира в лыжных гонках и с самого начала экспедиции он вместе с Ниннисом трудился в поте лица, чтобы овладеть искусством управления собачьими упряжками. Все

трое к моменту похода пребывали в наилучшей физической форме.

В этот воскресный полдень длинные сани оставляли в снегу глубокие следы. На санях было более 750 кг продовольствия и оборудования. Моусон готовился к походу настолько тщательно, что знал до грамма точный вес груза — 1723 фунта и 11,3 унции. По мере расхода продуктов предполагалось бросать и сани, поэтому каждый из участников экспедиции мог взять с собой лишь самый минимум личных вещей. Для Дугласа Моусона это был его дневник и фотография, тщательно упрятанная в бумажник. Перед отплытием в экспедицию он заручился обещанием Франциски Адрианы Делирайт — девушки, которую он звал Пакитой, выйти за него замуж после возвращения из Антарктиды. Это ее фотографию взял с собой Моусон.

Первый день похода был своего рода рекогносцировкой. Они заночевали в «Пещере Алладина» — искусственном углублении, вырытом во льду в 5 милях от базового лагеря, где хранились запасы лишнего продовольствия. Рано утром следующего дня при сплошной облачности они уже по-настоящему вышли в поход и к середине дня продирались сквозь густой снегопад при ветре в 40 км/ч. После полудня ветер еще более усилился, поднялась метель, и все вокруг закрыла толстая белая пелена. Пришлось разбить лагерь, и вскоре снег наполовину занес палатку, сани полностью похоронены под снегом, собаки же угадывались лишь по маленьким, тесно прижавшимся друг к другу холмикам на подветренной стороне палатки. В течение двух дней они слушали удары брезента под напором штормового ветра. На третью ночь порывы ветра стали угрожающими, и Моусон решил, что разумнее уложить рядом с собой в спальный мешок самое ценное оборудование — на случай, если ветер сорвет палатку. К концу первой недели они почти пять дней провели в палатке, продвигаясь вперед лишь во время коротких перерывов, когда ветер немного стихал. За это время они преодолели едва ли двадцать пять миль.

Наконец погода улучшилась, однако местность, по которой они шли на восток, не способствовала быстрому продвижению. Милою за милей приходилось форсировать заструги — образованные ветром снежные морщины на ледяной поверхности, больше всего напоминающие замерзшие остроконечные волны. Скользя и падая, они пытались перешагнуть или перепрыгнуть с гребня на гребень и вздохнули с облегчением, когда наконец впереди открылось широкое, покрытое мягким снегом пространство. Здесь Мертц смог надеть лыжи и пойти впереди отряда, хотя и здесь подстерегала опасность. Кажущаяся твердой поверхность в любой момент могла предательски исчезнуть, обнажив бездонную расщелину в теле ледника.

Отряд продолжал свой трудный путь по замерзшим долинам, то взбираясь на холмы, то скользя по их склонам. В течение трех дней они шли к далекой горе, вершина которой словно приглашала взглянуть на неизвестное пространство, находившееся по ту сторону. С высоты пика Авроры, названного в честь корабля, им открылась феерическая картина. Низкое солнце, словно стиснутое ледяными утесами и многократно отраженное их гранями, сверкало вдали —

это был первый большой ледник, преградивший путь отряду. Они дали ему имя ледник Мертца и пережили много тревожных дней, пробираясь через лабиринт трещин, избороздивших его поверхность. Еще через сто миль подошли ко второму леднику, дав ему имя Нинниса. Вся поверхность ледника была покрыта гигантскими ледяными волнами, расположенными в миле друг от друга и достигавшими 250 футов в высоту.

В удачные дни Моусон со спутниками преодолевали по семнадцать — восемнадцать миль, а в неудачные — лишь четыре-пять. Если погода портилась всерьез, они залезали в палатку и проводили там целые дни напролет, прислушиваясь к порывам ветра, беснующегося со скоростью 75 км/ч вокруг палатки, и страдая от тесноты — они не могли даже распрямить ноги. Во время таких вынужденных периодов безделья они уменьшали свой рацион, их начинали мучить галлюцинации, спровоцированные голодом. Ночью Моусон просыпался от крика «Хайк! Хайк!» — это Ниннис во сне кричал своим собакам. Иногда пытались читать. Ниннис взял с собой однотомник Теккерея, а Мертц — сборник рассказов о Шерлоке Холмсе. Однако книга Мертца закончилась слишком быстро, и он проводил время в подробных ее пересказах своим спутникам. Посыпались неприятности. Ниннис сначала страдал от снежной слепоты, потом у него развился абсцесс на пальце. Когда боль стала непереносимой, он упросил Моусона вскрыть нарыв. Операция была произведена перочинным ножом. Самого Моусона мучила треснувшая и распухшая губа, от которой болели часть лица и голова.

С собаками были свои проблемы. Иногда по утрам они не могли пошевелиться, примерзнув мехом ко льду, и каждую приходилось освобождать из этого необычного плена. Больные или раненные собаки распрягались и бежали налегке рядом с санями, пока не выздоравливали либо подыхали. Если состояние животного не восстанавливалось до нормального, присущего здоровой ездовой собаке, ее убивали.

К 13 декабря они ушли более чем на 300 миль от базового лагеря. Уже близился день, когда предстояло повернуть обратно. Одни сани они уже бросили. Следующий день обещал быть солнечным, с небольшой облачностью, слабым ветром и температурой до 11° ниже нуля. Им удалось совершить бросок по гладким снежным полям, и Мертц, бежавший впереди на лыжах, во весь голос распевал студенческие песни. В полдень они сделали остановку и, как обычно, определили свое местонахождение. Моусон был поглощен вычислениями, когда Мертц оборвал песню, поднял лыжную палку и побежал дальше. Это был условный сигнал — впереди трещина. Моусон крикнул об этом Ниннису, который ехал следом, и в течение четверти мили его сани спокойно катили вперед. Он прерывал свои вычисления лишь моментами, чтобы почти автоматически подать команды собакам. Внезапно донесся отдаленный визг. Тут он заметил, что Мертц остановился и в полном недоумении смотрит назад. Моусон также обернулся и не увидел ничего, кроме пустынного ландшафта.

Когда Моусон спрыгнул с саней и, спотыкаясь, бежал назад по

санному следу, он еще надеялся, что Нинниса просто не видно из-за подъема местности. Надежды оказались тщетными. В том месте, где Мертц останавливался и поднимал лыжную палку, была зияющая яма. Крыша трещины обвалилась, обнажив кратер шириной в 11 футов. Следы двух саней подходили к пропасти, и только один след отходил от нее. Проверая прочность поверхности палкой, Моусон осторожно подполз к краю и заглянул в темную бездну с ледяными стенами. Крикнул, но в морозной тишине услышал лишь собственное эхо.

Провал был слишком широк, чтобы установить на него сани. Вдвоем они отбили снежный наст до твердого льда, и, страхуясь веревкой, Моусон склонился над краем пропасти. Далеко внизу он увидел выступ — небольшую ледяную полку с двумя собаками на ней. Одна из них уже издохла, вторая с перебитым позвоночником дергалась в конвульсиях. Там же виднелось темное пятно палатки и один из мешков с продовольствием — и больше ничего. Ниже выступа трещина обрывалась в полную темноту.

Рыболовная леска с узлами позволила им измерить расстояние до выступа: 150 футов вдоль сплошной ледяной стены. Они не могли спуститься туда — даже всех оставшихся веревок, связанных вместе, было мало. В течение трех часов они поочередно наклонялись над расщелиной и звали Нинниса в надежде, что он лишь потерял сознание и может прийти в себя. Они просто не могли поверить, что он мог погибнуть вот так, в одну секунду. За это время раненый пес перестал двигаться и затих. Наконец в полном оцепенении от случившегося они покинули пропасть и взобрались на самое высокое место, чтобы определить свое местонахождение и провести ревизию оставшихся запасов. Моусон и его спутник находились к югу от мыса Фрешвилда, в 315 милях от базового лагеря, и положение их было более чем незавидным. Позади себя они не оставили никаких запасов продовольствия, поскольку намеревались возвращаться другим путем и лишь недавно, утром этого дня, Моусон перераспределил запасы на двух оставшихся санях. Предстоял последний, решительный бросок на восток. Они хотели достичь наиболее удаленной точки и затем повернуть обратно. В этом последнем марше Моусон решил использовать только одну упряжку, состоящую из самых истощенных собак и нагруженную минимумом продовольствия и запасов всего на несколько дней похода. В конце марша они хотели бросить эти сани и возвращаться домой на последних, третьих санях, доверху нагруженных провизией, на самых сильных и здоровых собаках, отдохнувших перед дальним походом.

Планируя порядок движения отряда, Моусон был реалистичен и честен. Он вполне резонно считал, что если снежный мост над трещиной рухнет, то скорее всего это произойдет под первыми же санями, пересекающими коварное место. Поэтому сам он ехал впереди на тех санях, что впоследствии предполагалось бросить, а уже за ним, по проверенному пути, двигались сани с основными запасами. Но так уж случилось, что именно вторые сани, ведомые Ниннисом, провалились в трещину. Мертц и Моусон оказались в семи неделях пути от

базы, с минимумом продовольствия, жалкими остатками прочих запасов и оборудования и истощенной собачьей упряжкой.

Вместе они вернулись к месту гибели Нинниса и разгрузили оставшиеся у них сани, оценивая каждую вещь. Здесь был полог от палатки, но не было кольев для установки; были спальные мешки, но не было никакой смены белья; немного еды, которой могло бы хватить двоим чуть больше чем на неделю, и печка с небольшим количеством горючего, но ничего похожего на еду для собак. Отбрасывая все лишнее и ненужное из оборудования, они все же оставили записи измерений, фотоаппарат и пленки. Сани были максимально облегчены. Моусон хладнокровно все рассчитал и пришел к выводу, что они могут добраться живыми, если в пути будут питаться собаками. Отчаянно экономя, они бросили на растерзание собакам оставшиеся сыромятные ремни и выношенные меховые перчатки, а себе сварили жиденький суп из старых пакетов от продовольствия.

В последний раз они подошли к бездне и тщетно пытались докричаться до Нинниса. Две маленькие фигурки среди безбрежной белой пустыни стояли на краю расщелины, и Моусон смущенно прочел вслух заупокойную молитву. В 9 вечера они наконец заставили себя уйти. В нескончаемых сумерках антарктического летнего вечера Моусон и Мертц начали битву за жизнь. В дневнике Моусона краткое описание трагедии Нинниса и их собственного положения заканчивается словами: «Помогите нам, господа».

Некоторое время они двигались с полным пренебрежением к опасности, едва заботясь о направлении и просто скользя по снежным склонам. Моусон был в почти полной уверенности, что следующая расщелина будет для них последней. Через пять с половиной часов достигли места предыдущей ночной стоянки, где были оставлены третьи сани. Мертц отрубил от них полоз и разделил его на две части. Привязанные к саням, они образовали нечто вроде рамы, на которую можно было натянуть тент палатки. Этот суррогат палатки имел в высоту 4 фута, и в нем едва помещались спальные мешки. Моусон сделал жестяные кружки из старых коробок от патронов, а Мертц вырезал деревянные ложки.

К этому времени слабейшую из собак уже везли на санях. Теперь ее убили и освежевали. Практически там не было никакого жира, мясо оказалось жестким и жилистым. Большая часть его была отдана собакам, которые съедали все — они разгрызали кости и сжирали даже шкуру. Меньшую часть они оставили на ужин и кое-что отложили про запас. Теперь нужно было приготовить это мясо. Они пытались его изжарить, но удалось лишь слегка подпалить его снаружи. Мясо имело сильный затхлый запах и было настолько волокнистым, что его невозможно было разжевать. Моусон записал: «Мы были счастливы, когда наконец добрались до печени — хотя она и не заслуживала доброго слова, но легко жевалась».

Наступила середина полярного лета, и они предпочли отдыхать днем, а передвигаться ночью, при более низких температурах и твердом насте. В надежде найти более легкий путь домой, в обход

ледника, они все больше забирались в глубь континента. В течение нескольких дней, несмотря на плохую погоду и свежее-павший мягкий снег, затруднявший движение, удавалось проходить по 15 миль в день. Однако истощение и голодное существование собак быстро делали свое дело. У Моусона разыгралась снежная слепота, и он шел с одним завязанным глазом. Мертц шел рядом, поскольку на лыжах было практически невозможно толкать сани.

Рождество застало их на леднике Нинниса. В 160 милях от базового лагеря они остались с последней собакой, а пройдена только половина пути. Истощенные животные падали на снег одно за другим. Их распрягали и клали на сани, но через несколько часов Моусон или Мертц были вынуждены убить собаку — они все больше зависели от собачьего мяса, пытаясь сохранить консервированные запасы как можно дольше. Приходилось экспериментировать и изобретать различные способы приготовления этого мяса: его отбивали, смешивали с небольшим количеством пеммикана, варили в большом котле. При длительной варке получали вполне приемлемый суп, а также съедобное мясо, в котором мускулы и хрящи были разварены до состояния желе. Наибольшего усердия требовали хвосты, но после долгой варки и они становились удобоваримыми, хотя вид этой еды был омерзительным.

По случаю рождества они позволили себе немного роскоши — по одной унции масла, чтобы придать праздничный вид собачьему жаркому. Моусон нашел в складках своего спального мешка остаток сухого печенья, и находку торжественно поделили на двоих. Они вновь уменьшили груз, избавившись от ружья и патронов, фотоаппарата и пленок, как чистых, так и уже отснятых. Это было молчаливым признанием того факта, что шансы на выживание стали почти призрачными.

На следующий день ледник Нинниса был пройден, и начался медленный подъем на огромные террасы антарктического плато. Приладили к саням небольшую оснастку — из лыж сделали мачту и гик, а из полотнища палатки — сам парус. Но и с парусом они двигались слишком медленно. Гинтер, их последний пес, уже не мог тащить сани, но стоически тащился рядом. Два дня спустя он выдохся и упал, был водружен на сани и впоследствии убит. Даже мозг этой собаки, сваренный прямо в черепе, был выскоблен, тщательно разделен поровну и съеден.

Ранним утром 30 декабря они завершили последний подъем и остановились на открытом плато. В описании этого унылого ландшафта Моусон употребляет такие фразы, как «изолированный от всего мира» и «зловещий и роковой». Однако дорога здесь была более легкой, и Моусону с Мертцем удалось пройти 15 миль до очередного привала. Здесь Моусон впервые заметил что-то настораживающее в поведении Мертца. Его обычно веселый и разговорчивый спутник был странно молчалив. Он промок и продрог, поскольку лишился своих водонепроницаемых брюк, исчезнувших в расщелине вместе с остальными вещами, а непрерывная метель делала свое дело. Как только палатка была поставлена,

Мертц забрался в свой спальный мешок и заснул. Моусон бодрствовал еще три часа, готовил собачье мясо и размышлял. В дневнике он коротко записал: «Хэвиер бледен».

В течение нескольких часов погода испортилась, пошел густой снег, поднялся ветер. Утром все в палатке было покрыто коркой льда. Пока Моусон кашеварил, тепло растопило замерзшую в палатке воду, она выпала внутрь дождем, впиталась и вновь замерзла. Они выглянули из дребезжащей от ветра палатки и попали в круговорот шторма. Делать было нечего, пришлось побыстрее забраться обратно, в тепло спальных мешков. Мертц чувствовал себя немного лучше. Он признался Моусону, что сомневается в пользе собачьего мяса, и оба решили в течение нескольких дней от него воздержаться. Однако это не принесло радости. По удивительному контрасту обычная пища показалась странно сладкой на вкус, но количество ее было столь мизерным, что и после еды болезненное чувство голода не покидало. Позднее в этот день они попытались двигаться дальше, но прошли не более двух с половиной миль. Вторая попытка принесла еще пять миль непрерывной борьбы с ослепляющей метелью и со страхом сбиться с пути. Так они встретили новогоднюю ночь.

1 января 1913 года погода была ужасной — тяжелые облака, свирепые порывы ветра, густой снегопад. Мертц снова был мертвенно бледен, печален и тих, но жаловался только на сырость своего спального мешка. В ответ на настойчивые расспросы взволнованного Моусона он признался, что ощущает боль в желудке. Моусон и сам страдал от непрерывного сосущего чувства в животе и решил, что у Мертца те же ощущения, пусть даже немного более сильные. Оба решили, что лучше один день отдохнуть в палатке, чем брести в полутьме. Мертц внезапно отказался от бисквита и страстно захотел поест консервов. Желая помочь товарищу, Моусон вручил ему весь их скудный запас, а сам довольствовался солидной порцией собачьего мяса. Поздним вечером попытались двинуться дальше, но через несколько миль Мертц оказался в столь плачевном состоянии, что им вновь пришлось разбить лагерь.

На следующий день погода стала еще хуже, и оба едва двигались, подкрепившись двумя унциями шоколада каждый. Однако вовсе не идти не могли — просто не имели права сесть и оставаться на месте. Новая неприятность: у обоих начала шелушиться кожа. Однажды Мертц протянул руку и легко снял кожу с уха Моусона, который вполне мог сделать то же самое с ушами Мертца. Особенно сильным шелушение было на ногах и в паху. Вновь нараставшая кожа была тонкой, легко рвалась и во многих местах стиралась до крови. Начали выпадать волосы. Поскольку одежда никогда не менялась, приходилось регулярно очищать ее от попавших внутрь волос и кусочков кожи.

3 января наконец-то в тучах появились разрывы, засияло солнце. В этот вечер они вновь двинулись в путь, но ночной воздух был таким холодным, что Мертц отморозил пальцы, и пришлось оста-

новиться, пройдя лишь четыре с половиной мили. Мертц был очень плох. С ног у него сходили большие куски кожи. Внезапно началось расстройство желудка.

Следующий день вопреки опасениям Моусона оказался более спокойным и ясным, однако состояние Мертца явно ухудшилось. Поколебавшись, Моусон решил дать ему день отдыха. Пока Мертц молча лежал в спальном мешке, Моусон в раздраженном состоянии чинил его одежду и готовил собачье мясо. Он разрезал один из пакетов и напоил Мертца молоком. Ближе к полуночи снова пошел снег, а Моусон, лежа в своем спальном мешке, боролся с навалившимся на него отчаянием — бесценное время утекало сквозь пальцы.

Пятого января было облачно, шел снег, но постепенно погода улучшилась. Моусон торопился, но Мертц наотрез отказался двигаться — он считал это самоубийством и предлагал провести еще один день в спальном мешке, чтобы высушить его и набраться сил. Солнце сияло вовсю, и Моусон пытался убедить товарища попробовать пройти хотя бы одну-две мили, просто чтобы размяться. В конце концов они достигли компромисса: еще один день отдыха, но начиная с завтрашнего утра двигаться вперед ежедневно. По молчаливому согласию они отказались от ночных походов, но в своем дневнике Моусон признался, что он сильно сомневается в том, что Мертц вообще сможет двигаться утром.

Шестого января погода улучшилась, и временами из-за туч сияло солнце. К удивлению Моусона, Мертц согласился двигаться дальше, но чувствовал себя слабо, кружилась голова. Впрочем, он все это отнес за счет недостатка пищи и слишком долгого пребывания в спальном мешке. Теперь путь вел вниз по склону, а поверхность была вполне приличная. Сначала Мертц медленно и с долгими остановками все же двигался, но после двух миль пути окончательно обессилел. После небольшого спора он согласился ехать на санях, и Моусону с помощью временного паруса удалось протащить его еще две с половиной мили. Мертц к этому времени так замерз от бездействия, что иного выхода, чем разбить лагерь, у них не оставалось. Глубоко расстроенный Мертц сразу же после еды заснул, однако сон его был неспокоен. Он казался возбужденным, его мучил понос. Он не мог есть похлебку, которой пытался накормить его Моусон.

В записи Моусона за 6 января между строк сквозит искушение оставить Мертца — он это искушение осознал и отверг: «...мы находимся оба в чрезвычайно серьезных обстоятельствах — если через день-другой он не будет в состоянии проходить по 8—10 миль в день, мы обречены. Я сам мог бы это сделать с тем провиантом, что у нас есть, но я не могу бросить его. Похоже, что сердце его не выдержало. Быть в 100 милях от базы и оставаться в таком положении — это ужасно».

И далее: «...длинная, утомительная ночь — если бы я только мог двигаться дальше, — но я должен остаться с Хэвиером, а ему так и не становится лучше. Наши шансы тают на глазах!»

На следующее утро Моусон проснулся с единственным желанием — идти вперед. Он готов был тащить Мертца на санях, завернутым в спальный мешок. Но состояние Мертца пугало. Не будучи в силах двигаться, он ходил под себя и был совершенно беспомощен, когда Моусон пытался поднять его, чтобы умыть. Наконец туалет был окончен, и Мертц вернулся в тепло спального мешка. Но и сам Моусон настолько замерз и ослаб, что счел за благо забраться на часок в спальный мешок, прежде чем предпринять следующую попытку. Когда он попытался растолкать Мертца, у того начался припадок. Через несколько минут конвульсии прекратились, Мертц пришел в себя, произнес несколько слов и, казалось, не осознавал, что с ним произошло.

Солнце, будто поддразнивая Моусона, то и дело появлялось на небе. В его записях чувствуется страдание: «...ясно, что сегодня мы не сможем двинуться дальше, а день хорош, хотя и не очень светлый — солнце лишь просвечивает сквозь облака. Это ужасно. Речь не обо мне, но по отношению к Паките и остальным, связанным с экспедицией, я чувствую себя глубоко виноватым. Я молю Бога о помощи».

Он сварил для Мертца бульон и какао и вынужден был поддерживать его во время еды. Во второй половине дня было несколько припадков. Мертц начал бредить, и Моусон опять приводил его в порядок. Он прикасался к Мертцу очень осторожно, поскольку кожа на ногах и в паху кровоточила. Мертц бредил, отказывался от еды и питья, иногда громко вскрикивал и делал бешеные броски — во время одного из них он сломал стойку в палатке. Затем он начал бесконечно выкрикивать слова «О да! О да!» в течение нескольких часов. Моусон пытался его успокоить и удержать в спальном мешке. Наконец ближе к полуночи Мертц заснул. Измученный Моусон забрался в спальный мешок и забылся чутким сном. Через два часа он проснулся со смутным ощущением, что в течение некоторого времени не ощущалось никакого движения со стороны его спутника. Он протянул руку — Хэвиер Мертц был мертв.

Остаток ночи Моусон неподвижно лежал возле тела своего товарища, и его истощенный разум снова и снова возвращался к ужасному положению, в котором он оказался. Чувство одиночества было столь сильным, что приводило к отрешенности. «Мне казалось, — писал Моусон, — что я стою один на пороге необъятного мира, и лишь маленький шаг отделяет меня от неизвестности». Ему вдруг захотелось бросить все и сдаться.

Снаружи его ждал ужасающий холод да злой завывающий ветер. До ближайшего человеческого существа было не менее сотни миль, а он был слишком слаб, чтобы одному тащить сани. Он даже не был уверен, что хватит сил самому поставить палатку на новом месте. Так не лучше ли остаться и спать в относительном тепле и уюте спального мешка?

Однако в 9 утра он заставил себя встать. Как бы приветствуя его решение, ветер стих.

Нет, он не сдастся, он не будет лежать и покорно ждать смерти. К этому времени Моусона уже не волновала идея достижения базового лагеря. Он более рационально взглянул на вещи и поставил более скромные задачи. Следовало достичь какого-нибудь известного места, как можно ближе к базе, и там сложить гурий, который могла бы увидеть поисковая партия, а в нем спрятать свои и Мертца дневники. Если его судьба — замерзнуть, то он встретит ее в пути, а не в спальном мешке.

Между тем здоровье Моусона разрушилось почти так же быстро, как это было с Мертцем. Он постоянно чувствовал себя на пороге изнеможения. Кожа на ногах и в паху была мокрой, болячки на пальцах не заживали. Несколько пальцев на ногах почернели и гноились у концов, ногти отделялись от мяса. Хуже всего были терзающие боли в желудке, которые усиливались и участились. Он просто не в силах был тащить сани — это было за пределами возможностей. Полдня разрезал он сани перочинным ножом, с оставшейся части снял поручни и сделал из них мачту и перекладины для своего нового транспорта, а потом вновь сортировал вещи, отбрасывая максимум возможного.

Лишь к вечеру он смог смириться с необходимостью расставания с Мертцем. Он вытащил тело из палатки прямо в спальном мешке, окружил его снежными блоками, связал полозья от саней в виде креста. В 10 вечера Моусон забрался в спальный мешок и заснул.

На следующий день от краткого затишья не осталось и следа. Ветер силой 45 миль/час сметал все на своем пути. Моусон резонно отбросил все мысли о походе. В дневнике он начинает отмечать симптомы ухудшения физического состояния:

«Я вынужден больше съесть сегодня в надежде, что это даст мне силы в будущем. Раздражающее последствие этого желания — незаживающие трещины на коже, поскольку нос и губы тоже подвержены этому явлению. Влажность и трение при ходьбе привели, как и у Хэвиера, к ужасающему состоянию кожи в паху».

Вечер застал Моусона возле могилы Мертца, за чтением заупокойной молитвы. В дневнике он отметил эту молитву и попытался определить координаты могилы. В тексте явно чувствуется сожаление по поводу неизбежности конца и незавершенности его миссии: «...поскольку у меня слишком мало шансов дожидаться живым чьей-либо помощи, то я весьма сожалею о невозможности описать исследованную нами на протяжении 300 миль береговую черту, а также ледники, ледяные образования и прочее — все это хранится лишь у меня в памяти».

Моусон вынужден был признать, что не знает даже точного местоположения своей стоянки.

Следующий день, 10 января, был совершенно ужасным — густая метель, сильный ветер и полное отсутствие видимости. И вновь Моусон занялся простым и нужным делом. Он проверил весь свой запас продуктов и сварил все оставшееся собачье мясо, после чего решил оставить большую часть имевшегося у него кероси-

на — казалось невероятным, что ему удастся прожить достаточно долго, чтобы использовать весь этот запас. К вечеру ветер стих, но поход все же был отложен до утра в надежде, что за ночь немного подживет кожа. Тихим солнечным днем 11 января он свернул лагерь, запаковал все вещи, водрузил их на оставшуюся половину саней, постоял несколько минут у могилы Мертца и двинулся в путь. Тотчас же начались трудности. Буквально через несколько минут ноги покрылись волдырями и начали болеть. После мили пути боль стала нестерпимой, пришлось остановиться, снять ботинки и носки. Моусон обнаружил, что подошва его ног — толстый слой кожи — полностью отделилась, а жидкость от волдырей промочила носки. Вновь образованная кожа была во многих местах стерта и кровоточила. Ему не оставалось ничего лучшего, чем обильно смазать ноги ланолином и прибинтовать обратно отставшую кожу. Шесть пар толстых шерстяных носков, сверху меховые ботинки — так он прошел еще шесть с половиной миль.

Вконец измученный, он разбил лагерь, приготовил мясо. Дневниковые записи характеризуют его физическое состояние: «...все мое тело просто разрывается от желания нормальной еды — отмороженные пальцы, нагноения, слизистая оболочка носа исчезла, слюнные железы отказываются работать, кожа сходит по всему телу». Утром он не мог двигаться из-за боли в ногах и вновь занялся ревизией своих запасов продовольствия, поделив их на порции. С раздражением отметил, что постоянно отщипывает кусочки от разных порций. На следующий день поход возобновился — вниз по ледяным полям, в направлении ледника Мертца. Наконец вдали, за ледником, показалась вершина пика Авроры и возвышающееся плато — последняя большая преграда на пути к заливу Коммонвэлс и базовому лагерю.

Вновь пришлось выбирать путь между предательскими трещинами ледника Мертца. Третий день пути по леднику мог стать роковым — обвалился снежный мост над трещиной. Моусон повис на веревке на глубине 14 футов, окруженный массивными ледяными стенами, уходящими в жуткую темноту. Ширина расщелины едва ли достигала 6 футов. Веревка понемногу опускалась все ниже в трещину, по мере того как сани, к которым она была привязана, подползали все ближе к краю трещины. «Итак, это конец», — подумал Моусон. Инстинктивно в мозгу пронеслось сожаление о несъеденной пище, что осталась в саях. Время шло, и ничего не происходило. Постепенно он понял, что просто медленно вращается на веревке, которая пропилила снежный наст на краю расщелины, — сани перестали двигаться. Навалились холод и боль. Поскольку день был относительно теплым, то незадолго до падения он снял рукавицы. Концы пальцев были повреждены и кровоточили, снег попал внутрь одежды. Моусон начал постепенно замерзать. На веревке были завязаны узлы, и невероятным усилием удалось ухватить один из них. Медленно карабкался он наверх, от узла к узлу, пока наконец голова и плечи не показались над

снежным настом. Он полежал несколько мгновений, жадно ловя ртом воздух и наслаждаясь относительным теплом солнца. Потом попытался выбраться из расщелины окончательно — и тут снежная крыша вновь обломилась, и он вновь полетел в расщелину и повис во мраке и холоде еще глубже, чем в первый раз. Несколько минут он отчаянно боролся, стараясь ухватиться за веревку, но вскоре прекратил эту молчаливую борьбу. Сильным было искушение отвязаться и просто улететь в пропасть.

Сил оставалось ровно на одну, последнюю попытку. Путь наверх казался вечностью и сопровождался непрерывной агонией мускульных спазм и рвущейся кожи. Достигнув верха трещины, Моусон откинулся назад, уперся в стенку и первым делом вытащил ноги. Затем скатился животом вниз на снег и медленно пополз прочь от трещины. В тот момент, когда почувствовал, что под ним твердая поверхность, наступила реакция, силы его покинули, и в течение часа он не мог пошевелиться. В конце концов удалось поставить палатку, немного поесть, залезть в спальный мешок и заснуть. Все это происходило после полудня.

Утром велико было искушение остаться в палатке, съесть все оставшиеся запасы и несколько дней наслаждаться. К чему эта борьба с муками голода — только ради того, чтобы в итоге погибнуть в одной из трещин, оставив еду несъеденной? Внутреннее оцепенение усиливалось тем, что он знал — лишь теперь внешний мир мог начать догадываться о каких-то неприятностях с экспедицией, ведь он запаздывал с возвращением в лагерь всего на два дня.

Но Моусон нашел в себе силы не наброситься на свои запасы — вместо этого он начал сооружать из альпинистской веревки подобие веревочной лестницы. Один ее конец следовало прикрепить к одежде. Если он опять провалится в трещину и сани его удержат, то выбраться не составит особого труда. На завтра рацион вновь был уменьшен, и удалось убедиться на практике, что лестница работает хорошо — пришлось выбираться из очередной трещины.

Ступни ног были в кошмарном состоянии. Ежедневно приходилось тратить массу времени на обувание. 19 января он прошел всего три с половиной мили, но все же достиг западного края ледника Мертца и отметил в дневнике: «Мне пришлось снять всю одежду, чтобы добраться до нарыва на ноге и проткнуть его». Физическая немощь и слабость не позволяли проходить более четырех миль в день, несколько дней отняли бураны.

Теперь предстояло двигаться вверх по склону мимо пика Авроры к последнему большому плато между ним и заливом Коммонвэлс. По примерным расчетам, он находился в 65 милях от базы и продолжал выбрасывать отдельные вещи из своего груза: альпинистскую веревку, альпеншток, изношенные шипы. Идти было трудно — мягкий мокрый снег «хватал» за ноги, налипал на полозья саней. На самом плато буйные порывы холодного ветра не раз опрокидывали сани и забивали снегом защитные очки. Запись в днев-

нике за 24 января: «На обеих руках кожа сходит большими лоскутами. Это очень больно и мешает».

На следующий день он снова не смог двигаться вперед — виной на этот раз был штормовой ветер, настолько сильный, что часть вещей, оставленных вне палатки, была им просто унесена. Снег засыпал палатку, готовя ему снежную могилу. Это леденящее душу сравнение пришло на ум, когда Моусон лежал в спальном мешке. 26 января, собрав волю в кулак, он свернул палатку и при ветре 60 миль в час прошел восемь миль, а затем еще два часа боролся с ветром, устанавливая палатку. 27 января 1913 года он записывает: «В течение последних 2 дней волосы выпадают пучками и соперничают с лысеющим мешком из оленьего меха — это сплошная помеха при приготовлении пищи. Да к тому же и борода выпадает пучками».

Через два дня ветер стих, за полтора часа сани и палатка были выкопаны из-под снега. Погода прояснилась, и он понял, что движется по слегка наклонной плоскости вниз. Это означало, что хребет плато в 3000 футов был позади и начался спуск к побережью. И действительно, впереди, примерно в 40 милях, удалось различить темное пятно между линией горизонта и нагромождением кучевых облаков — это была изрезанная береговая черта залива Коммонвэлс. Итак, цель была уже в пределах видимости. Весь вечер ушел на лихорадочные вычисления. Оставалось 35, может даже 30, миль до Пещеры Алладина с ее несметными сокровищами. При таких темпах он вряд ли достигнет пещеры быстрее, чем за восемь или девять дней. Еды было всего 2 фунта. Вопрос заключался в том, сможет ли он совершить этот переход, питаясь проголодь?

Назавтра погода испортилась, и залив пропал из виду, будто никогда и не существовал. Пять миль прошел он вниз по склону, борясь с ветром и метелью. В 2 часа пополудни в 300 ярдах к северу показался какой-то темный предмет, и Моусон повернул к нему. Это был кусок черной ткани, прикрепленный к гурию из грубо вырезанных снежных блоков. На гурии лежал мешок с продовольствием и небольшая жестяная коробочка, оставленные поисковой партией, отправленной на помощь Моусону.

Это было просто поразительно! Сорок пять дней потратил Моусон на то, чтобы пешком пройти 300 миль по совершенно диким местам, пользуясь поврежденным теодолитом, прикрепленным к углу печки, компасом, показания которого были ненадежны из-за близости Южного магнитного полюса, и часами, которые останавливались как минимум два или три раза. Правда, он тщательно записывал все свои ежедневные маршруты, но санный путемер постоянно ломался. И тем не менее он возвращался на базу с отклонением всего в 300 ярдов от намеченного ранее пути!

В жестяной коробке лежало краткое сообщение поисковой партии. Они соорудили гурий, припрятали провиант и теперь возвращались на базу. «Аврора» уже прибыла для эвакуации и готовилась к отплытию. Были в сообщении и новости: Амундсен достиг

Южного полюса, Скотт все еще был где-то в Антарктиде. В записке было указано точное направление к Пещере Алладина, находившейся отсюда в 23 милях. В записке указывалась дата и стояла подпись. Моусон был в состоянии, близком к шоку, когда осознал, что спасательная экспедиция ушла отсюда лишь шесть часов назад и он провел ночь всего в пяти милях от спасателей. Хотя реакция Моусона на это открытие никак в дневнике не отражена, можно догадываться о его эмоциональном состоянии по тому, насколько трудно давался ему выбор правильного направления пути (60° ЮВ). На протяжении полумили он брел по компасу, пока не обнаружил, что движется в направлении, противоположном цели. Он проследил свой путь и решил, что движется по направлению 30° СЗ. Лишь после полутора миль пути в непрерывных раздумьях он повернул на верный азимут 60° СЗ, но и тогда его инстинкт восставал против этого решения, подсказывая, что он отклонился слишком далеко к западу. Двигаясь в этой необъятной ледяной пустыне, он думал о том, правильно ли определила и записала координаты спасательная экспедиция. Казалось, что погода и сама природа сговорились помешать ему. Мелкий снег сменился ребристым и твердым как сталь льдом, и в своих ботинках без швов Моусон все время падал. Казалось, что каждый порыв ветра просто выбивает из-под него почву.

Моусон очень осторожно расходовал свой новый рацион, сдерживая себя, чтобы не вызвать заболевания желудка из-за резкого увеличения рациона. Однако выносливость почти сразу возросла и, несмотря на все препятствия, прогресс был налицо — тринадцать с половиной миль ежедневно оставались позади. 30 января он соорудил импровизированные шипы — размонтировал санный измеритель расстояния, вынул шурупы и гвозди, приладил их на куски древесины, отрубленные от теодолитного ящика, привязал эти деревяшки к ногам и двинулся дальше. Лишь через два дня, 2 февраля в 7 вечера, он обнаружил знак, отмечающий вход в Пещеру Алладина, и зашел внутрь. На полу, в самом центре, лежала небольшая кучка фруктов: три апельсина и ананас. Впервые за все время тяжелых испытаний он заплакал и опустил на колени. До базового лагеря оставалось всего 5 миль, но погода, будто в последней отчаянной попытке, разразилась непрекращающимся бураном, худшим из всех, что встречались на его пути. Целую неделю он отдыхал в безопасности пещеры, сделал новые шипы взамен поломанных и даже начал размышлять о своем состоянии, понимая, что с его организмом творится что-то странное. 3 февраля 1913 года он отмечает в дневнике: «В полночь я лег спать очень усталым, было такое ощущение, будто я болен цингой или чем-то в этом роде — все суставы сильно болели. Кровь продолжает сочиться из правой ноздри и из разрывов кожи на пальцах».

Будучи в несколько расстроенном душевном состоянии, он даже начинает подозревать, что это подействовало оставленное ему продовольствие. «Я уверен, — писал Моусон, — что часть оставленной здесь пищи явно испорчена, и это могло мне повредить».

Но больше всего мучил один вопрос — будет ли экспедиция ждать? «Аврора» должна была отправиться к берегам Австралии две недели назад.

Наконец 8 февраля ветер немного утих, и вскоре после полудня он начал последний этап путешествия. Вблизи базового лагеря не было никаких следов судна, но далеко в море угадывался небольшой силуэт корабля, медленно движущегося на север, к линии горизонта. Хижина тоже выглядела покинутой, но внезапно взгляд ухватил какое-то движение, и он увидел трех человек, работавших вблизи бухты, — береговой отряд остался ждать возвращения Моусона.

История возвращения Дугласа Моусона из похода — один из наиболее ярких примеров выживания человека во всей истории полярных исследований. Он остался жив, и не только вернулся к людям, но принес им новые знания и заполненный каракулями дневник. В действительности же дневник представляет собой описание болезни, которая еще в течение полувека останется загадкой для медиков.

Когда 8 февраля 1913 года Моусон достиг базы, он был лишь тенью того человека, который отправился в поход. Он похудел с 95 до 50 кг и настолько изменился, что бросившиеся к нему товарищи вначале даже не смогли понять, кто же из участников Восточного санного отряда остался в живых.

«Аврора», получив по радио сообщение о спасении Моусона, попыталась повернуть назад, но южные штормы не позволили капитану осуществить это намерение. Так Моусон и спасательный отряд оказались вынужденными провести еще одну зиму в Антарктиде. Но этот длинный вынужденный отдых был, скорее всего, благом. В дневнике мы читаем: «Я был преисполнен чувства благодарности. Но постепенно, через день-другой, когда напряжение начало спадать, я в полной мере ощутил тяжесть перенесенных лишений...»

Запись за 11 февраля: «Ноги ужасно распухли», на следующий день: «Я как будто разбит на части». Первое время он бездельничал, ел и дремал. Отношение к нему было трогательным. Зимовщики заметили, что Моусон всюду следует за ними, причем не столько чтобы поговорить, а просто чтобы побыть рядом. Прошло несколько недель, прежде чем вернулся нормальный сон, и почти два месяца, прежде чем его перестали мучить поносы.

С помощью радио, в коротких промежутках между сильными помехами, он рассказывал о своем возвращении, передавал сообщения для семей Нинниса и Мертца, а также просил королевского согласия на то, чтобы назвать земли, по которым он путешествовал, именем Короля Георга V. Но чувство неудачи не покидало. Паките он послал душераздирающую телеграмму, в которой сообщал о своем спасении и смиренно предлагал освободить ее от данного ему слова.

К этому времени Моусон становится жертвой необычного нервного напряжения, его эмоциональное беспокойство нарастает.

Запись за 27 марта: «Мои нервы явно не в порядке, и, судя по ощущениям в затылке, я скоро просто сойду с ума. Очевидно, у меня был сильный нервный шок. Я слишком много писал сегодня — в этом причина ухудшения. Если я хочу выздороветь, мне следует больше заниматься физическими упражнениями и меньше — наукой».

Опасения были вполне обоснованны, но по мере улучшения физического состояния беспокойство уменьшилось, а медленное течение зимних антарктических месяцев постепенно вернуло ему природное хладнокровие и способность к адаптации. Однако физические страдания продолжались. Запись в дневнике за 27 мая: «В левом виске у меня закипает котел. Здоровье мое никуда не годится». Последствия тяжелой болезни ощущались несколько месяцев.

Диагностика заболевания, перенесенного Моусоном, крайне сложна. Что же случилось с Восточным санным отрядом, что убило Хэвиера Мертца, а Дугласа Моусона превратило в физическом и психическом плане просто в инвалида? Страницы дневника Моусона содержат великолепное описание течения болезни — мало кто из врачей, находящихся неотлучно вблизи больного, может надеяться получить столь ясную, всестороннюю и исчерпывающую картину болезни. Но к сожалению, диагноз никто так и не поставил.

Моусон предполагал, что смерть Мертца была вызвана лихорадкой, причиной которой были погода, нехватка пищи и постоянное чувство риска. Безусловно, и гипотермия и полуголодное существование внесли свою лепту, но смерти от любого из этих факторов предшествуют инертность и кома, а не бредовая горячка и конвульсии и, уж во всяком случае, не шелушение кожи и выпадение волос. В качестве одной из причин Моусон рассматривал и цингу, но эта хорошо известная болезнь явно не вписывается в клиническую картину и может быть отброшена.

Описанная Моусоном болезнь подкрадывается незаметно и коварно, проявляясь вначале в вялости, апатии, общей слабости и депрессии. Затем проступают наиболее характерные симптомы: общее шелушение кожи и потеря волосяного покрова. Кроме того, наблюдается нарушение аппетита, боли в животе, понос, боль в мышцах и суставах, носовое кровотечение и отек ног. В остром течении болезни, как это было с несчастным Мертцем, последовала потеря ясности мышления, конвульсии, бредовое состояние и смерть.

Ирония заключается в том, что ключ к разгадке этой тайны уже существовал, но лежал он, в буквальном смысле слова, в другой части света. И был он не в ученых записках или на страницах медицинских наблюдений — разгадка оказалась в рассказах путешественников по Арктике и в эскимосском фольклоре. За 300 лет до описываемых событий Геррит де Вер опубликовал «Правдивое и полное описание трех настолько странных и прекрасных путешествий, что о них еще не слышал Лайк Хас. Плавание в Северное море и др.» (Лондон, 1609). Оно содержит отчет о Голландской

экспедиции 1596 года под руководством Виллема Баренца, которая была вынуждена зазимовать на Новой Земле. 31 мая 1597 года некоторые члены экспедиции, движимые голодом, вырезали печень убитого ими белого медведя, «приготовили ее и съели. Она была вкусной, но все мы заболели, особенно плохо чувствовали себя трое, и мы поистине думали, что потеряем их, поскольку вся кожа сошла у них с головы до пят. Но они поправились, за что мы сердечно благодарим Бога, ибо если бы мы потеряли этих трех человек, то сто шансов к одному, что нам не хватило бы людей, чтобы тащить и поднимать наш корабль». Геррит де Вер приходит к выводу, что они отравились печенью белого медведя. Это свидетельство не является единственным. В XIX веке практически каждый исследователь Арктики возвращался с рассказами о странных расстройствах, вызванных печенью белого медведя.

Наиболее живописное свидетельство принесла Датская экспедиция 1907 года. 10 марта с борта судна они подстрелили белого медведя. На следующий день из его печени приготовили рагу, которое ели девятнадцать человек, в том числе и врач экспедиции Др. Линдхард — он вел хронику последующих событий. Заболели все девятнадцать. Через несколько часов неудержимо потянуло в сон, а вскоре у всех появились сильные головные боли — пульсирующие или непрерывно сверлящие, которые усиливались при любом движении, кашле или чихании. Боли достигли максимума, а затем начали понемногу утихать и через день-два совершенно исчезли. Три члена экипажа бились в конвульсиях: резкие спазмы мускулов сменялись беспорядочным движением рук и ног. Большинство больных потеряли аппетит, страдали тошнотой, приступами рвоты. Некоторых лихорадило, хотя температура у них была почти нормальная. У десяти больных слоями сходила кожа, а у одного, самого неудачливого, это продолжалось больше месяца.

В эскимосских традициях на печень белого медведя всегда было наложено табу. Эскимосы верили, что каждого, кто съест эту печень, постигнет несчастье в образе болезни. Почти с такой же осторожностью относились они к печени тюленя, арктической акулы и песка. И, несмотря на все это, вплоть до 1939 года наука не интересовалась поиском токсинов в печени белого медведя. Молодой норвежский исследователь — медик Каара Родаль — присоединился к отряду ученых, которые провели зиму 1939/40 года в лаборатории, организованной в Реркте — охотничьей стоянке на северо-востоке Гренландии, где они занимались биологическими исследованиями. В течение зимы наряду с другими образцами ему удалось заполучить и две целые печени белых медведей. Он упаковал все свои образцы в бочку с соляным раствором, чтобы сохранить для анализа по возвращении в Норвегию, но весной 1940 года Германия напала на его страну. Спасаясь от фашистов, Родаль вместе со своими образцами попал в Англию, в Кембриджский университет. Уже предварительные исследования печени привели к результатам, вызывавшим недоумение. Не было обнаружено никаких неожиданных веществ или токсинов. Единст-

венной необычной характеристикой представлялось чрезвычайно богатое содержание витамина А. Его концентрация была в сотни раз больше, чем в печени таких домашних животных, как бык или овца. Третья печень белого медведя, добытая для Родаля Норвежским арктическим патрулем зимой 1940/41 года, лишь подтвердила этот вывод. И в печени двух тюленей не нашлось ничего необычного, кроме большой концентрации витамина А. Появилась интригующая идея — отравление печенью белого медведя есть просто гипервитаминоз витамина А. Вооружившись этой гипотезой, Родаль засел за ее проверку в лаборатории, но неожиданно это оказалось весьма трудным делом. Большинство используемых в эксперименте крыс отказывались есть эту печень, и только пять из них съели небольшую ее часть. Для трех из них это прошло бесследно, две заболели, и одна из этих двух сдохла.

Тогда Родаль измельчил печень и попытался накормить крыс различными экстрактами из нее. Вновь результаты оказались противоречивыми. Когда наконец в 1943 году он в соавторстве с Г. Муром описал эти эксперименты в журнале «Природа», то смог лишь постулировать, что отравление печенью белого медведя может быть вызвано поступлением в организм излишнего количества витамина А.

После окончания войны, в 1947 году, Каала Родалю было предложено принять участие в Датской воздушно-десантной экспедиции на северо-востоке Гренландии. На этот раз он вернулся с образцами печени не только полярных медведей и тюленей, но и многих других арктических млекопитающих, птиц и рыб. Удалось выявить интересный факт — высокие концентрации витамина А обнаружили не только в печени белого медведя или тюленя, но и каждого арктического животного, печень которого имела репутацию опасной для еды. Он сделал и обратное открытие. Животные типа моржа и арктического зайца, которые считались у эскимосов безопасными для еды, содержали малые концентрации витамина А в печени.

На этот раз он преуспел в своих опытах на животных и смог выполнить серию решающих экспериментов. Во-первых, ежедневное потребление печени белого медведя или извлеченного из нее масла неизбежно вело к заболеванию крыс, а иногда и к их гибели. Во-вторых, ни сама печень, ни экстрактированное масло не оказывали никакого вредного влияния, если были освобождены от содержащегося в них витамина А. Тяжесть заболевания была прямо пропорциональна полученной дозе витамина, а введенный иным путем в том же количестве витамин А вызывал идентичные симптомы. Не оставалось никаких сомнений, что известный эскимосам эффект отравления, который неоднократно сообщался путешественниками по Арктике, был вызван передозировкой витамина А.

В действительности белый медведь — последнее звено в цепи непрерывной аккумуляции и концентрации этого витамина. Началом является образование витамина в морском планктоне. Рыбы потребляют планктон и накапливают витамин в своей пе-

чени — отсюда и богатство витамином А рыбьего жира из трески и палтуса. Рыбой питаются тюлени, которые сами служат пищей для белых медведей. Всего 3 или 4 унции печени белого медведя содержат достаточно витамина А, чтобы вызвать острое заболевание.

Однако к моменту опубликования работы Родаля отравление витамином А было уже хорошо известно и называлось гипервитаминозом А. Появилась возможность получить концентрированный витамин А, и ряд энтузиастов витаминизации столкнулись с передозировкой. В некоторых случаях прописывали его и врачи, не имея понятия о возможном отравлении. Первые случаи гипервитаминозации были отмечены у детей еще в 1944 году, а первый случай у взрослого был зарегистрирован в 1951 году. В 60-х и начале 70-х годов была получена сравнительно полная клиническая картина болезни. Были выделены два различных состояния интоксикации: острое отравление одной, очень большой дозой; хроническая форма, вызванная регулярным приемом слишком больших доз в течение длительного периода. В остром случае симптомы устойчивые: боль в животе, тошнота, рвота, жестокие головные боли, вялость, через несколько часов появляется сильное желание спать. В течение дня или двух по всему телу шелушится кожа, а затем обычно в течение 2—3 дней наступает выздоровление.

Хроническая интоксикация более коварна. Установить диагноз у взрослых очень трудно, и жертвы гипервитаминоза обычно проходят через целый ряд неверных диагнозов, прежде чем проясняется истина. И клиника в этом случае неоднозначна. Наиболее характерным является иссушение кожи, ее растрескивание, часто вокруг рта, и обильное шелушение. Наблюдаются сыпь и пигментация, иногда — зуд. Волосы могут выпадать только на голове, а иногда и по всему телу. Обычные симптомы — слабость и утомление, повышенная чувствительность или боль в костях и суставах, тошнота, потеря аппетита и веса. Нестерпимые головные боли проявляются примерно у половины пациентов, и не так-то легко понять причину этих болей — интоксикация витамином А, способствуя увеличению внутричерепного давления, создает картину, очень похожую на внутричерепную опухоль, и пара пациентов была даже прооперирована нейрохирургами в поисках несуществующей опухоли. Психическое состояние таких больных тоже может меняться в широких пределах — от несильной депрессии до настоящего срыва, лечить который нужно у психиатра.

Лишь в 1969 году был поставлен вопрос о том, не были ли Хэвиер Мертц и Дуглас Моусон жертвами гипервитаминоза А. Профессор сэр Джон Клеланд из Университета Аделаиды и зоолог доктор Р. В. Соускотт высказали предположение, что причиной явилось употребление в пищу печени лаек. Арктические лайки входят в число животных, чья печень запрещена к употреблению в пищу, согласно эскимосскому фольклору. Оба ученых считали, что все симптомы болезни, проявившиеся у Мертца и Моусона во время

их эпического похода через Землю Короля Георга V, соответствуют типичной клинической картине острой интоксикации витамином А у первого из них и подострой, или хронической, интоксикации — у второго.

Конвульсии Мертца, бредовое состояние и кома — все свидетельствует о повышенном внутричерепном давлении, то есть о синдроме псевдоопухоли. Сильная интоксикация витамином А может привести и к кровотечению — по крайней мере в экспериментах на животных понос возникал в результате малых кровотечений из стенок тонкого кишечника. Возможно, этим объясняется понос Мертца и в конце концов потеря сознания.

История Дугласа Моусона дает полный набор симптомов хронического гипервитаминоза А. Клеланд и Соускотт не могли найти никакой иной причины, которая столь полно совпадала бы со всеми проявлениями его болезни. Они сравнивали ситуации, в которых оказались эти два исследователя, а также Нансен и Амундсен. Экспедиция Амундсена к Южному полюсу в 1912 году намеренно использовала собачьи упряжки не только как транспортное средство, но и как источник пищи. Оба, и Нансен и Амундсен, были знакомы с эскимосским фольклором и знали об опасности, поджидающей каждого, кто ест печень арктических животных. В отчете о походе к Южному полюсу Амундсен пишет: «Если... нам хотелось съесть кусок свежего мяса, то мы отрезали от собачьей туши небольшую полоску, и она казалась нам не хуже говядины». Похоже, что эти исследователи ели только постное собачье мясо, а все внутренности и печень скармливали другим собакам.

Единственным слабым местом в гипотезе оставался тот факт, что никто никогда не измерял содержание витамина А в печени лаек, привезенных в Антарктиду. Поэтому в 1971 году на базах Австралийской национальной исследовательской антарктической экспедиции (ANARE) были взяты образцы печени лаек, и их исследование обнаружило весьма значительное содержание витамина А. В среднем 100 г (3 унции) печени лайки содержат токсическую дозу витамина А.

После этих исследований оставался лишь один вопрос, на который следовало ответить: почему у Мертца была такая острая, бурная форма болезни, в то время как Моусон страдал явно хронической формой? В 1973 году профессор медицины Шерман из Университета Аделаиды высказал предположение, что Моусон мог предлагать Мертцу, который был почти вегетарианцем, львиную долю печени, которую было легче и есть, и переваривать. Похоже, что это самое большое приближение к истине, которого мы можем достичь.

В Англии и Австралии был создан Фонд спасения Моусона, который позволил «Авроре» совершить специальное плавание к берегам Антарктиды и в декабре 1913 года забрать на борт Моусона и береговой отряд. И даже здесь Моусон настаивал, чтобы перед отплытием в Австралию пройти вдоль береговой линии и еще раз нанести ее на карту. Он прежде всего и более всего был истинным уче-

ным, полным решимости завершить ту работу, ради достижения которой был послан в Антарктиду.

По возвращении в Австралию он женился на Паките, написал отчет и начал выступать с лекциями — тем самым зарабатывая деньги, которые должны были закрыть образовавшуюся финансовую брешь в экспедиционных фондах. Его не обошли официальные почести: дворянство в 1914 году, медаль основателя Королевского Географического общества в 1915 году и ряд других. В 1923 году он был избран действительным членом Королевской Академии, и его карьера геолога успешно развивалась. Однако в общественном мнении ни он, ни удивительная история его выживания в экстремальных условиях не получили достаточного резонанса. Его эпохальные достижения оказались в тени трагического исхода экспедиции Скотта, замерзшие тела участников которой были найдены 12 ноября 1912 года, всего через 2 дня после начала похода Моусона. А позднее, через несколько месяцев после возвращения Моусона в Австралию, все затмила трагедия первой мировой войны, разразившейся в Европе.

Сэр Дуглас Моусон умер в 1958 году в Аделаиде в возрасте 76 лет и был похоронен с государственными почестями. Было отмечено, что он находился в самых первых рядах антарктических исследователей. Школа геологии в Аделаиде была названа его именем, а в 1961 году был основан Моусоновский институт антарктических исследований, продолжающий начатые им дела. Моусон в значительной мере способствовал объявлению большого участка Антарктиды Австралийской антарктической территорией, и первая межсезонная антарктическая станция была названа его именем. Но наиболее трогательным памятником этому человеку является бесценный экспонат, заимствованный из Королевского Географического общества в Лондоне и находящийся в Музее Южной Австралии, — измятая и побитая половина последних саней.

История витамина А продолжается, а понимание гипervитаминоза А приобрело новое звучание. У больных с хронической почечной недостаточностью часто наблюдается в крови повышенное содержание витамина А; удалось понять возможность и избежать риска витаминной интоксикации таких больных при лечении с помощью аппарата искусственной почки. Сам же витамин А ожидает большое будущее — уже давно было подмечено, что в больших дозах он предотвращает и даже излечивает раковые образования в некоторых тканях. Поскольку путь борьбы с интоксикацией при больших дозах витамина А найден, то в будущем он может стать важным орудием в борьбе с раком.

Дуглас Моусон так никогда и не узнал, что явилось причиной болезни, поразившей его санный отряд. Он, безусловно, оценил бы, с некоторой долей иронии, как неожиданно опознание загадочной болезни поддержало его собственную философию. С самого начала он утверждал, что информация, вырванная из зубов необъятной и замерзшей Антарктиды, будет в течение долгого времени иметь значение для жизни каждого человека на нашей планете.

ВЕЛИКИЙ ПАТРИОТ

(Михаил Константинович Сидоров)

Внешне история нашего героя не всегда привлекательна: кулачные расправы, кутежи, аресты и побег, но сама суть жизни достойна восхищения.

Советский академик И. М. Губкин, посвятивший свою жизнь поискам нефти в нашей стране, говорил:

— Побольше бы нам таких Сидоровых, и никто бы не осмелился назвать дореволюционную Россию страной отсталой...

Очень хорошо, когда человек еще на заре юности ставит перед собой цель и потом всю жизнь достигает ее; в таких случаях он не останавливается до тех пор, пока не остановится его сердце. Люблю таких людей: они отвечают моему представлению о человеке!

А рассказ начинается уроком немецкого языка в Архангельской гимназии. Герр Шретер уселся за стол, глянул в кондуит:

— Руссише швайне Михель Ситорофф, ответшай...

Крупный и плотный отрок вразвалочку подошел к учителю и стал волтузить его кулаками, приговаривая при этом:

— Я тебе не «руссише швайне»... я тебе не Михель!

Немец убежал, а гимназисты обступили Сидорова:

— Ну, Мишка, спасайся: могут и в солдаты отдать.

— Беги скорей — швейцара уже за полицией послали...

Дядя — Ксанфий Сидоров — отыскал племянника на кладбище, среди могил и фамильных склепов купечества.

— Молодец — отучился на славу! Иди домой...

Тоскливые серые тучи стремительно пролетали над древним кремлем Архангельска. Гимназист поднялся с надгробного камня:

— Дядя Ксанфий, — неожиданно прозвучал вопрос, — скажи,

где достать три миллиона... да не бумажками, а чистым золотом!

— Три мильёна... С ума ты сошел, племяшек родненький. Да о таких деньжищах и мечтать-то страшно. Ты лучше думай, как жизнь свою далее налаживать. Ступай со мной — сейчас тебя выдерем во славу божию. Уже вся родня собралась — наблюдать будут!

— Пошли, — вздохнул Мишка. — Пускай дерут. Что мне? Не в первый раз... Но я уже все продумал, дядя...

Много лет спустя он писал: «Нелегка наша задача. Нам предстоит борьба, и эта борьба будет жестокой». В Ленинградском музее Арктики висит портрет Сидорова, а в архивах Академии наук СССР хранятся несколько заколоченных ящиков с его бумагами. Слишком необъятен материал для размышлений о небывалой судьбе человека, желавшего освоить весь Русский Север — от Камчатки до архипелага Шпицберген!

Сейчас нам трудно представить капиталистами П. М. Третьякова, основавшего картинную галерею, «канительного» фабриканта К. С. Алексеева, создавшего знаменитый МХАТ, московского купца А. А. Бахрушина, растратившего свои богатства на устройство Музея театрального искусства, — для нас имена этих людей связаны уже не с миллионами, которыми они владели, а с тем, во что они эти миллионы вложили...

После Сидорова не осталось ни галереи, ни театра, ни музея, зато Семенов-Тянь-Шанский говорил о нем так:

— Членами Русского Географического общества являются и султан турецкий, и герцог Эдинбургский, и великие князья с их княгинями. Но один господин Сидоров стоит всех коронованных особ — он осыпал русскую географию своим червонным золотом, его жизнь, его романтика зовут русскую жизнь на Север...

Деда разорили иноземные купцы-пароходчики, банкротом умер и отец; Миша Сидоров пошел служить в контору дяди Ксанфия, но и того вскорости разорили... Так начиналась его жизнь.

— Бумажку тебе надобно, — хрипел дядя Ксанфий, — бумажку какую-либо, чтобы видать было, каков ты человек.

Сидоров экстерном сдал экзамены на звание «домашний учитель» (было тогда такое звание). «Бумажка» теперь имелась, но... что с нее толку? Он уже заметил, что борьба с иностранным капиталом немыслима без получения кредитов, но русским купцам Госбанк кредитов не отпускает. Не в меру экспансивный, юноша сумел-таки убедить архангельских толстосумов, что надо завести частный банк. Проект такого банка подписали и отправили на учреждение министру внутренних дел, а тот запросил губернатора Архангельска: мол, какой-то недоучка Сидоров хлопочет о банке... нужен ли вообще банк? Губернатор велел купцам подписаться под бумагой, что никакого банка Архангельску не надобно. В страхе все подписались — не надо! Сидоров опять созвал купцов и стал их стыдить: банк нужен, и вы сами признали это поначалу...

— Подписывайтесь заново, что губернатор угрозами вынудил вас отказаться от заведения частного кредитного банка!

Министр вертел в руках две бумаги: в одной купцы умоляют об открытии банка, а в другой клянут этот банк на чем свет стоит.

— Ничего не понимаю, что там творится в Архангельске...

Дело дошло и до губернатора.

— Ах так! — осатанел он. — Этот щенок Сидоров осмелился пойти против меня... Под арест его! Хватайте паршивца...

Дядя Ксанфий помог племяннику бежать из города:

— И двадцати годков тебе нету, а сколько шуму и треску от тебя! Скройся так, чтобы и духу твоего здесь не было...

Сидоров появился в Красноярске, где пристроился на правах «домашнего учителя» к воспитанию детей оборотливого зырянского промышленника Василия Латкина, которого посвятил в свои планы создания на Севере русского Эльдорадо; юноша грезил о русских Клондайках, какие не снились даже американским бизнесменам.

Латкин, умудренный опытом, легонько осаживал его:

— Коли тебе своя шея недорога, так ломай ее! Я уже пытался освоить вывоз лиственницы с Печоры, да — шалишь, брат... Не от добра покинул родимую зырянскую Усть-Цильму!

Михаил женился на своей ученице Ольге Латкиной, самоучкой постигал основы химии и геологии, вникал в славную историю мореходов и землепроходцев. Сибирь уже тогда пересыпала в руках бродяг червонные россыпи... Сидоров говорил юной жене:

— Что можно сделать при отсутствии капиталов? Ничего! И все-таки можно. Надобно за гроши скупать участки, которые золотоискатели уже прочесали, но золота там не обнаружили.

— Не обнаружили, потому как нету там золота.

— Не всегда так! Надо уметь искать...

По дешевке скупал он земли вдоль Енисея, с каждым годом поднимаясь все выше по течению реки, промывал породу в тазах, не теряя надежды, что рано или поздно, но в тазу сверкнет золотишко, и тогда грандиозные планы станут явью. Целых пять лет, терпя жестокие лишения, искусанный гнусом, он бродил по притокам великой реки, а в 1850 году его занесло на Подкаменную Тунгуску; мрачно тут было, нелюдимо и жутковато, по следу одинокого золотоискателя шли хищные звери... Случайно поднял мох — золото! Отодвинул камень на берегу — золото! Забежал по колено в реку — на него смотрело сквозь воду золотое дно!

Это было так неожиданно, что он даже не обрадовался.

— Ну, вот и миллионы, — сказал он себе...

Возле своего дома в Красноярске он поставил пушки.

— Это я в Архангельске от полиции да от губернаторов бегал, а теперь... возьми-ка меня! Как пальну из своей личной артиллерии, так с любого генерала вся позолота сразу осыплется...

Первогильдейские торгаши стали его уважать:

— Коли ты, Мишка, мильёнов нахапал, так первым делом езжай до самого Парижу... Городишко веселый, не хуже Тобольска выглядит! Я, эвон, с кумом Пантелеичем две недели в Париже пробыл — и ни денечка трезвым себя не помню. Завинтись и ты!

— Пьянствовать, — отвечал Сидоров, — никто и здесь не ме-

шает. У меня на уме другое — хочу основать университет.

— Рехнулся? И де хошь основать?

— Здесь же — в Сибири...

Но тут началась война в Крыму, и он сказал жене:

— Оля, сейчас в Севастополе поставлена на карту честь России. Я был бы плохим патриотом, если бы...

И все, что дали ему за последние годы прииски, все безвозмездно отдал Сидоров на нужды армии. Кошелек стал пуст.

— Опять я беден. Даже приятно начинать все сначала...

А дела шли прекрасно.

За десять лет он намыл тысячу пудов золота, дав казне три миллиона чистой прибыли, и, сильно разбогатевав, отправился в Петербург, где предложил Академии наук принять от него доходы с приисков, дабы открыть в Сибири университет.

Академики поняли Сидорова как должно:

— Университет нужен! Ваш щедрый дар принимаем...

Но тут пошли всякие «мнения» сановников, отписки министров. Над великой империей, от берегов Невы до Амура, порхали казенные бумаги, а граф Муравьев-Амурский прямо заявил Сидорову:

— С такими деньгами да с такими сумасшедшими проектами вам бы, Михайла Константиныч, жить в Америке — вашим именем там бы город назвали! А здесь вы поторопились жить и чувствовать — наша Сибирь-матушка еще не доросла до диплома университетского.

В 1864 году дело с университетом заглохло окончательно, и Ольга Васильевна заметила в муже большую перемену: он как-то равнодушно взирал на поток золота, что рекою тек в его кошелю. Сидоров сделался мрачен, внутренне слишком напряжен.

— Ты можешь сказать, что с тобою?

— Я пришел к выводу, что золото само по себе ничего изменить не способно. Я перестал ценить его власть. Теперь я сознательно стану обращать свои прибыли себе же в убыток ради пропаганды освоения сокровищ Севера и надеюсь, что потомство мою жертву оценит. — Он прошелся по шкарам белых полярных медведей, скаливших на него розовые пасти из углов комнаты. — Мне уже сорок лет, — сказал он продуманно, — и остаток жизни я должен посвятить исполнению мечтаний юности. Иначе — зачем жил?.. В конце концов, — горько усмехнулся Сидоров, — всего золота из Сибири мне не вычерпать, да это и ни к чему: мне уже хватит!

— На твои фантазии хватит, — сказала жена.

— На твои тоже, голубушка! — отмахнулся он. — Я тебе ни в чем не отказываю. Вот единственные штаны, которые на мне, и больше мне ничего не надо. А ты можешь ехать в Париж и безумствуй там в магазинах, сколько тебе угодно...

— А о детях ты подумал? — наставительно спросила Ольга.

— Дети пускай сами о себе думают. Я не ради детей живу, не ради них и стараюсь... Деньги буду тратить на дело!

Недавно он посетил свои отдаленные прииски на реке Курейке, очень далеко на севере, где ему всегда дышалось особенно легко и приятно: Михаил Константинович стоял на черных глыбах породы и взирал на холодеющую даль.... Его окликнул проводник:

— Михайла, ты чего, как дурак, разинулся?

Сидоров нагнулся, отломил кусочек породы и, раскрыв блокнот, стал писать в нем породой, как грифелем: «Нет, я не стою, как дурак, я стою, как умный, ибо подо мною сейчас лежат русские миллионы: мы случайно открыли графит...»

Неужели графит? Да, то, без чего не может существовать цивилизация!

— Но ты разоришься, Михайла, с графитом, — сказал проводник. — Посуди сам: как из этой глуши вывезти? Оленями да собаками, через Урал на лошадях... — Ей-ей, на вывозе разоришься!

Сидоров показал на север, где было уже черно:

— Вот самая дешевая дорога в Европу — морем.

— Да кто ж там плавает?

— Предки плавали...

Это был неосвоенный Великий Северный морской пути!

Это была неисполненная мечта многих россиян...

Сидоров уже не раз заявлял в печати, что ходить морем из сибирских рек в Европу можно, но от его проектов отмахивались. Теперь он стал таранить Петербург докладами, лекциями, книгами. Он обещал груды золота смельчакам, которые рискнут отправиться в ледовый рейс — из Сибири в Европу! Но все его усилия разбивались не об арктический лед, а о ледяное равнодушие мореплавателя Ф. П. Литке, который в молодости и сам побывал во льдах.

Литке тогда считался непререкаемым авторитетом.

— Сидоров — это сумасшедший, — говорил он. — Нельзя верить ни единому его слову. А плавание во льдах невозможно...

Отчаясь, Сидоров в 1867 году обратился лично к наследнику престола, будущему императору Александру III, с запиской «О средствах вырвать Север России из бедственного положения». Он указывал, что одной треской сыт не будешь — нищета и голод северян исчезнут сами по себе, если Север осваивать экономически разумно и грамотно. Наследник передал записку своему воспитателю, генералу Зиновьеву, чтобы тот разобрался, и вот результат:

«Так как на Севере, — писал Зиновьев, — постоянные льды, и хлебопашество невозможно, и никакие другие промыслы немислимы, то, по моему мнению и моих приятелей, необходимо народ удалить с Севера во внутренние страны государства, а Вы хлопчите наоборот и объясняете нам о каком-то течении Гольфштреме, которого и быть не может. Такие идеи могут проводить только помешанные...»

— Ты сам помешанный, — ругался Сидоров. — Хорош же воспитатель наследника престола, который даже никогда не слышал, что теплое течение Гольфстрим омывает всю Европу... Ладно, мерзописцы! Я докажу, возможно ли хлебопашество на Крайнем Севере.

А доказывать он умел: скоро в Петербург из зоны вечной мерзлоты стали поступать огурцы и овощи, выращенные на открытом грунте, колосья ржи и даже фотоснимки огородов, расположенных на полтысячи миль севернее Туруханска. Но «Премудрый» Литке по-прежнему пихал ему палки в колеса:

— Все это чепуха! Нарвал жулик где-то огурцов с грядок под Москвой и думает, что мы такие олухи — сразу поверили...

Ф. П. Литке, возглавлявший тогда Русское Географическое общество, был тормозом на путях русской науки; страшный обскурант и реакционер (о чем у нас мало кто знает), он не верил в силы русского народа и поддерживал лишь те начинания, которые исходили от немцев. Об этом в советской печати уже неоднократно писалось, но не мешает лишний раз и напомнить.

Но зато университеты России, Академия наук и Горный институт в столице верили в дерзания Сидорова и охотно принимали от него богатые дары: коллекции сибирских минералов, многопудовые глыбы отечественного графита, самородки золота... Молодой Д. И. Менделеев как-то при встрече сказал Сидорову:

— Помните библейскую истину: несть пророка в доме своем! А потому попробуйте проталкивать свои идеи через границу...

Сидоров уже экспонировал чудеса туруханской природы на Всемирной выставке в Лондоне; теперь готовилась выставка в Париже. Но прежде он развернул интересную экспозицию на своей обширной петербургской квартире; с утра до вечера звенел в прихожей звонок, прислуга сбилась с ног, а люди шли и шли к Сидорову, с восторгом обозревая богатства Русского Севера... Жемчуг и серебро, икра и абразивы, графит и меха, нефть и сланцы, асбест и хрусталь, лиственница и магнетиты, известняки и каменный уголь. Всего не перечислить! Хозяин этих удивительных сокровищ, сунув пальцы в кармашки жилета, похаживал по комнатам, охотно давая гостям объяснения.

— Неужели все это с нашего Севера? — спрашивали его.

— Представьте — да! Север сказочно богат, и один наш Север способен прокормить население всей России... Мы, русские, обжили только тылы страны, а между тем Россия развернута своим «фасадом» прямо в Арктику... Там ее будущее! Не верите? А вот взгляните на карту... Разве не так?

На прощание посетителям выставки наливали рюмку ликера.

— Французский? Как называется?

— Увы... ликер из морошки. А закусите вот этим. Не отравитесь. Вы, мадам, сначала попробуйте.

— Ой как вкусно! Не пойму — что, но вкусно.

— Это салат из ягеля, которым кормятся олени...

Экспонаты Сидорова прибыли в Париж, где ящики были взломаны, а все сокровища (в том числе самородки золота и масса драгоценных камней) разворовали самым подлейшим образом. Но имя Сидорова уже становилось известно в Европе; он часто выступал против расизма, его заслуги в деле защиты прав «инородцев» принесли ему всемирную известность — Сидоров был избран почет-

ным вице-президентом «африканского Института цивилизации диких племен». О нем много писали в газетах Англии и Скандинавии; Норденшельд увлекся планами Сидорова, шведский король Оскар, мечтавший о полярных странах, подарил ему одного из своих любимых догов... Однако «пророком» на родине Сидоров не стал, ибо все начинания по-прежнему разбивались о несокрушимый авторитет Литке.

— Не верьте этому фантазеру — он же сумасшедший... Разве может нормальный человек жить и работать на Севере? Любопытный здравомыслящий человек стремится в теплые края, а Сидоров тянет Россию туда, где не выживет даже каторжный...

Литке бубнил одно и то же, словно начисто забыв, что в молодости сам жил и работал на Севере; кстати, и жил великолепно, и работал неплохо...

Встретившись с Менделеевым, Сидоров сказал ему:

— Дмитрий Иванович, а я, кажется, нашел лазейку для проведения своих идей в мозги наших рукоусов и лоботрясов.

— Интересно, каким же образом они их усвоят?

— Желудок — вот лучший проводник идей...

На всю столицу прогремели тогда знаменитые «северные ночи» Сидорова — нечто вроде «афинских ночей», только на иной лад. Влиятельные аристократы, избалованные парижской кухней, возлежали на медвежьих шкурах, словно в чуме, перед ними романтично потрескивал костер, и гость с удивлением замечал, что огонь в нем поддерживает старый самоед с медной трубкой в зубах. Подавали вина и настойки, выгнанные из тундровых ягод и трав, закусывали олениной, вязигой, нельмой, северными шаньгами. И было еще множество разных блюд, секрет приготовления которых Сидоров не раскрывал, дабы гости не побрезговали...

«Северные ночи» служили Сидорову для пропаганды.

— Я ныне озабочен, — толковал он, — оседлостью наших тундровых кочевников. Вот и возвожу в тундре русские бревенчатые избы. Нужны больницы и школы для «инородцев». Я построил школу для остяков, и... что же? Вдруг на днях узнаю, что губернское начальство моих учеников разогнало, а школу разнесли по бревнышку и распилили на дрова для отопления тюремного острога... Дело ли это, я вас спрашиваю, господа? Подлость какая-то!

Корабли Сидорова уже не столько ломали во льдах Карского моря торосы, сколько разрушали косные мнения, будто плавание на Севере невозможно, — это были рейсы, насыщенные трагической героикой смельчаков-одиночек, — словно заново воскресли громкие времена «златокипящей» Мангазеи, этой знаменитой российской Помпеи, погребенной под сугробами на краю света. Европа была удивлена! Михаил Константинович писал: «Уважение к нашим морякам до того было велико... что даже дамы, являвшиеся для осмотра шхуны, награждали капитана своими фотографическими карточками и букетами и писали ему стихи о победе, совер-

шенной над грозной стихией». Молодой и красивый лейтенант флота Павел Крузенштерн (племянник знаменитого мореплавателя) был первым, кто откликнулся на призыв Сидорова штурмовать льды, а следом за Крузенштерном в «ледник» Европы пошли и другие и повели корабли с грузами... Сидоров и сам не раз рисковал жизнью, забираясь в такие места, где еще не ступала нога человека. А потому заранее составил завещание, распорядившись своим капиталом так, что все миллионы оставлял для нужд Севера, для развития образования северных «иностранцев», а детям своим...

— Ни копейки не дам! — говорил он. — Пусть сами всего достигнут. Дети, надеющиеся на получение наследства от родителей, как правило, ничего не хотят делать... Я начинал жизнь на пустом месте — пусть и они изведают это счастье!

Нефть уже становилась «кровью прогресса», и Сидоров знал те места, где наружу почвы выступали маслянистые пятна. Он провел разведки на реке Ухте, но бурение ему запретил министр государственных имуществ. Сидоров решил действовать контрабандным путем. Закупил в США ценное оборудование, составил партию из студентов-геологов и бродяг — отправился в дальний путь. Это был год, когда Нобель проводил активное бурение на Апшероне, когда брызнула первая бакинская нефть, а керосиновые лампы стали побеждать свечи и лучину в деревнях, — одновременно с Нобелем, далеко на Севере, Сидоров погрузил бур в зыбкую почву ухтинской нежилы. Погибни они тут — и никто не узнал бы, где сгнили их кости, ибо вокруг на тысячи верст распростерлось первозданное безлюдье лесотундры. Работы было по горло! Много недель подряд Сидоров засыпал под жужжание бура, вгрызавшегося в недра полярной толщи. На отметке в пятьдесят два метра бур треснул, черт бы его побрал! Когда его вынули, из скважины обильно зафонтанировала нефть.

— Ну вот же она! — сказал Сидоров почти огорченно, смазывая нефтью свои сапоги. — Но мне здорово не повезло... Хорошо бы министра — прямо мордой в эту скважину! А я деньги истратил и в дураках остался. Скажи теперь в Петербурге, что произвел бурение, меня в тюрьму посадят... за нарушение законности!

Эта первая скважина на Ухте не забыта потомством — она сохранилась под названием «Сидоровская»; советские нефтяники окружили ее штакетником, здесь установлена мемориальная доска. А бочек бездонных не бывает, и нет такого капитала, который бы нельзя было растратить.

Михаил Константинович увидел, что от его миллионов осталось будто кот наплакал! Золотые жилы ушли в глубины, прииски истощились, новыми он не обзавелся.

Какое-то время жил в кредит, пока не обанкротился.

Потом сделался должником и сам вскоре осознал, что долгов своих вернуть никогда не сможет... Это был конец!

Не его вина, что он обогнал свой век, опередил свое время, а под старость оказался у разбитого корыта.

Очень многое хотел сделать. И за многое брался.

По сути дела рука Сидорова коснулась того, что мы имеем сейчас на нашем Севере. Тут и ухтинская нефть, и воркутинские угли, охрана котиковых лежищ и ценные металлы Норильска, морпогранохрана полярных границ и образование северных народностей, мореплавание во льдах, школы-интернаты и фабрики в тундре... Разве все можно перечислить?

Доживая свой век в униженной бедности, Михаил Константинович ни разу не усомнился в том, что совершил в жизни.

— Я правильно распорядился своими миллионами.

— Но их же нет у тебя! — говорила жена.

— Но они были... Семена брошены — зерна созреют.

М. К. Сидоров скончался 12 июля 1887 года.

Так закончилась эпопея героической борьбы одного человека с косностью имперской бюрократии. Никаких миллионов не хватило на завершение того, что задумал он в юности. Оказалось мало даже неукротимой энергии Сидорова, чтобы протаранить неприступные форты имперско-казенного равнодушия. На склоне лет он писал: «Я не встречал ни в ком сочувствия к своей мысли, на меня смотрели, как на фантазера, который жертвует всем своей несбыточной мечте. Трудна была борьба с общим мнением, но в этой борьбе меня воодушевляла мысль, что если я достигну цели, то мои труды и жертвования оценит потомство!»

И его оценили! Но лишь после 1917 года...

Сейчас все мечтания Сидорова исполнились. Труды и подвиги его оценены по достоинству. Его не забыли, его изучают, чтут его память...

Я верю, что Сидорову еще будет поставлен памятник.

Стоять ему на полярном берегу — лицом к арктическим льдам, разрушаемым форштевнями ледоколов, а за спиной дерзкого мечтателя пусть высятся ажурные вышки Ухтинских нефтепромыслов, пусть гудят шахты Воркуты и шахтеры Норильска добывают ценные металлы.

Велик был сей человек! Вот уж воистину велик!

• ВЕСТИ •
• ВЕСТИ •
• ВЕСТИ •

ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛЯРНЫХ ОБЛАСТЕЙ ЗА РУБЕЖОМ

Новые технические средства для изучения высоких широт

Нефтяной концерн «Мобил Ойл» выделил Канадскому ледовому исследовательскому центру средства на осуществление программы по совершенствованию средств и методов обнаружения дрейфующих льдов. Разрабатывается радиолокационная система для обнаружения айсбергов с радиусом действия свыше 100 км. Такая система сможет заменить дорогостоящие воздушные и судовые ледовые патрули, организуемые в районах дрейфа айсбергов нефтяными компаниями.

Отдел гидродинамики канадской фирмы «Артек» заключил контракт с министерством обороны на проведение модельных испытаний маневренности подводных лодок подо льдом. Эта проблема волнует военно-морское ведомство Канады, поскольку оно планирует использовать в Арктике не атомные, а обычные подводные лодки, опыт применения которых подо льдом отсутствует. Эта же фирма заключила контракт со Службой береговой охраны Канады на проведение исследований по взаимодействию корпуса судна со льдом. Результаты этих исследований будут использоваться при разработке новых рулевых устройств для арктических судов. Третий контракт предусматривает изучение ледокольных качеств ледоколов типа «Polar Sea».

В течение 15 лет продолжается разработка проекта самого мощного канадского ледокола. По сообщению министерства иностранных дел, новый ледокол под условным названием «Polar-8» продемонстрирует решимость Канады защитить свой суверенитет в арктических морях. Основной задачей «Polar-8» будет участие

в научных работах в Арктике, он поможет также обеспечить круглогодичное судоходство и послужит базой для оказания помощи на море в аварийных случаях. На ледоколе будут находиться вездеходы на гусеничном ходу, на воздушной подушке, вертолеты и барокамера для подводных операций. При необходимости на судне могут размещаться и погружаемые аппараты. Планируемый ледокол должен стать самым крупным в мире. Его предполагаемое водоизмещение 38 тыс. т, длина 194 м. Главная энергетическая установка из двух газовых турбин мощностью 20 тыс. кВт, четыре дизельных генератора общей мощностью 42 тыс. кВт. Ориентировочная стоимость ледокола около 450 млн долл.

6 мая 1986 года две атомные подводные лодки США впервые встретились и всплыли на поверхность в точке географического Северного полюса. Это произошло во время военных учений в Северном Ледовитом океане, задачей которых был сбор научных данных и проверка готовности подводного флота США действовать в Арктике без поддержки других родов вооруженных сил. На Северном полюсе лодки всплыли на несколько часов для визуального осмотра и изучения свойств льда. Экипаж обеих лодок составил 240 человек.

Новая радиолокационная установка для измерения толщины льда разработана специалистами американской фирмы «Еххон Production Research Company» совместно с английскими инженерами из Кембриджа. Размещенная на вертолете, она может измерять во время полета льда толщиной от 0,3 до 9 м и позволит получить за полчаса больше данных, чем их смогла бы получить группа специалистов при помощи бурения льда в течение двух дней.

Антарктический отдел министерства науки Австралии совместно с промышленными фирмами разработал новый портативный домик для полярных районов в форме круглой палатки. Его можно установить даже на неровной поверхности и менять размеры по мере надобности. Домик в виде иглу транспортируется вертолетом, с помощью саней или надувной лодки. Его вес в собранном состоянии 240 кг. Самая тяжелая панель весит 27 кг. Основные элементы изготавливаются из стекловолокна. Два человека могут собрать его за полчаса.

Результатом анализа возможных последствий прекращения работы одного из двух спутников США явился протест со стороны потребителей. Специалисты НАСА используют полярные спутниковые данные для климатических исследований. Министерству обороны эти спутники нужны в качестве запасных, а мировая научная общественность использует данные, получаемые с этих спутников, для подготовки прогнозов погоды и сбора сведений о состоянии окружающей среды.

До недавнего времени Национальный научный фонд США (ННФ) для изучения полярных областей с борта корабля использовал суда Береговой охраны США. Наиболее подходящим для научных исследований считался ледокол «Glacier», однако серьезные повреждения его корпуса коррозией заставили ННФ США отказаться

ся от услуг Береговой охраны до 1993 г., когда поступят новые ледоколы. Сейчас приходится фрахтовать другие суда, в частности последние два года ННФ арендовал научно-исследовательский ледокол «Polar Duke», а теперь проводит исследования в Антарктике с ледокола ФРГ.

ВМС США начали осуществление новой, рассчитанной на 5 лет программы по изучению условий распространения звуковых волн в водной среде подо льдом. Группа ученых в течение шести недель проводила эксперимент в районе Северного полюса. Ученые производили взрывы и наблюдали за распространением звуковых волн. Одновременно изучалось поведение серых китов. Предполагается, что киты ориентируются под водой по звуковой волне. Руководство ВМС США мечтает оснастить подводные лодки аппаратурой, аналогичной по своим характеристикам сенсорной системе китов.

Бразилия проявляет серьезный интерес к Антарктике, приступив к осуществлению национальной научной программы «Проантар». Особое внимание уделяется океанографическим исследованиям, и в частности измерению морских течений. Для этого сконструированы и изготовлены специальные буи «Аргос», оснащенные датчиками температуры воды и воздуха.

Будет установлена круглосуточная связь через спутники «АНАРЕСАТ» и «ИНТЕЛСАТ» между антарктическим отделом министерства науки Австралии и австралийскими научными станциями Кейси, Дэйвис, Моусон и остров Маккуори. Первая линия связи вступила в строй в марте 1987 г. Новая система связи, включающая телефон, телекс и систему передачи данных наблюдений, заменит связь по радио на высоких частотах, которая часто нарушается из-за ионосферных возмущений.

США планируют в следующем десятилетии создать полярные космические орбитальные платформы, которые будут обслуживаться космической станцией с постоянным персоналом. Астронавты, работающие на этой станции, будут периодически посещать полярные орбитальные платформы, оснащенные специальной аппаратурой и пролетающие над Антарктидой через регулярные промежутки времени. В Австралии для изучения возможностей использования таких платформ создана специальная рабочая группа, специалисты которой считают, что полярные космические платформы очень перспективны для изучения океана, атмосферы и ледяного покрова.

Научные достижения, планы на будущее

Национальный научный фонд США стал ответственным за планирование и координацию исследований в Арктике. Для этой цели при ННФ был создан Межведомственный комитет по выработке научной политики США по изучению Арктики. В июне 1987 г. был опубликован первый план комитета, состоящий из четырех основных частей. В первой, обзорной части даны общие положения плана, его цели и задачи, в остальных трех частях содержатся подробные рекомендации, методы осуществления плана и

технические характеристики. Согласно предлагаемому плану, исследования будут вестись по трем основным направлениям — атмосфера и океан, суша и население. В рамках первого из этих направлений наиболее интересными обещают стать эксперименты: «ЭЙУКС» — эксперимент по изучению внутренних волн в Северном Ледовитом океане, «АПЭКС» — эксперимент по изучению арктических полыней и программа «Арктические буи». Неуклонно растет объем капиталовложений в изучение Арктики, львиную долю которых составляют средства, предоставляемые министерствами обороны и внутренних дел и национальным научным фондом.

В 1986 г. Европейский научный фонд приступил к координации полярных исследований, создав специальную программу. На первоначальном этапе будут осуществлены три экспериментальных проекта: по гляциологии, экологии Южного океана и геологии северных районов Северной Атлантики. Полярные программы Европейского научного фонда рассчитаны на пять лет. В работах по гляциологии примут участие ученые Дании, Гренландии, Франции, ФРГ, Исландии, Голландии, Норвегии, Швеции, Швейцарии, Великобритании.

В 1986—1987 гг. в осуществлении Новозеландской научной программы по изучению Антарктики приняли участие ученые Австралии, Англии, Японии и Швейцарии. Работы проводились по 44 проектам в области изучения морских льдов, химического состава атмосферы, геологии и микробиологии.

С 1986 г. на австралийской станции Кейси началось осуществление первой фазы рассчитанной на три года программы бурения ледникового покрова. Ледяные керны, получаемые из скважин при бурении, доставляются в Австралию для детального анализа с целью изучения состояния окружающей среды и получения гляциологических данных.

Вскоре после проведения международного эксперимента по изучению динамики морского ледяного покрова «АЙДЖЕС» (1970—1978 гг.) в США был создан Центр полярных исследований при университете штата Вашингтон, возглавляемый известным ученым Н. Унтерштайнером. Центр представляет собой группу специалистов различного профиля, изучающих геофизику морского льда и динамические процессы взаимодействия атмосферы, океана и ледяного покрова. Научные программы Центра основаны на использовании системы автоматических буев, сбрасываемых с самолета на лед. Буи «Соларгос», оснащенные датчиками температуры и давления, устанавливаются в Северном Ледовитом океане, поставляя информацию о дрейфе льдов и атмосферном давлении, которая используется потребителями.

Совместная программа исследований осуществляется Институтом Ньюфаундлендского университета Канады и французской геофизической лабораторией в Гренобле при участии французского нефтяного института. Изучаются механические свойства морского льда, которые необходимо учитывать при проектировании бурильных платформ для полярных морей.

Разработана программа по изучению кромки морских льдов в Антарктике, рассчитанная на период 1986—1995 гг. Основные работы по этой программе будут развернуты в 1991 г., когда на полярную орбиту будет запущен спутник, оснащенный новейшей дистанционной измерительной аппаратурой. Национальный научный фонд США финансирует работы по метеорологии Гренландии, проводимые совместно датскими, французскими и швейцарскими учеными.

Британский полярный институт им. Скотта планирует продолжение экспериментальных работ в полярных районах и лабораториях института в Кембридже. В 1985—1987 гг. сотрудники института принимали участие в экспедиции ФРГ в Антарктику, в море Уэдделла, в экспедиции «МАЙЗЕКС» по изучению волнения в зоне кромки льда в Гренландском море и в канадской экспедиции «ЛАЙМЕКС».

В 1986 г. при помощи спутниковой системы «Ландсат-5» были обнаружены существенные изменения береговой линии Антарктиды за счет откола айсбергов. От ледника Фильхнера отделилось ледяное поле площадью 11 500 км². Еще два огромных айсберга откололись от ледника Ларсена. Общий объем льда, отделившегося от этих ледников, в три раза превысил общий объем льда, отделяющегося ежегодно от всего побережья Антарктического материка.

Новые полярные станции, экспедиции

Руководство канадского Проекта полярного континентального шельфа подыскивало в Арктическом бассейне естественный пресноводный ледяной дрейфующий остров для создания научно-исследовательской станции. Канада впервые использует ледяной остров для полярных исследований. Предполагается, что найденный остров оторвался пять лет назад от большого шельфового ледника близ острова Элсмир и в дальнейшем будет дрейфовать в юго-западном направлении к свободной ото льда акватории моря Бофорта. На острове установлены деревянные домики и нейлоновые палатки, сооружена взлетно-посадочная полоса. Научный персонал станции — 35—40 человек.

Антарктический отдел Управления по окружающей среде ЮАР принял решение о строительстве аэродрома на острове Марион в южной части Индийского океана. Здесь располагается научно-исследовательская станция ЮАР, а аэродром необходим для обеспечения снабжения персонала станции продуктами и топливом и оказания неотложной медицинской помощи в случае необходимости. Предусматривается также воздушный контроль за территориальными водами в рыболовной зоне.

Первая итальянская экспедиция в Антарктику открыла станцию в заливе Терра-Нова в Восточной Антарктиде. Она рассчитана пока на ежегодную работу в летний период. Италия выделила 165 млн долл. на проведение исследований в Антарктике в

1985—1991 гг. За научные исследования в Антарктике несет ответственность министр по науке и технике, являющийся одновременно председателем Национальной комиссии по Антарктике. В итальянскую программу исследований входит изучение физики атмосферы и космоса, океанография, метеорология и биология.

Арктика — кладовая энергетических ресурсов

Служба минеральных ресурсов США оценила неразведанные запасы нефти в арктическом шельфе в 3,3 блн баррелей, а природного газа — в 991 блн м³. Кроме того, на шельфе открыты огромные залежи гудроносодержащих песков, а на побережье — каменный уголь, торф и горючие сланцы. Энергетическая политика США на период до 2000 г. и позже в значительной мере ориентируется на арктические источники сырья. Некоторое временное ослабление эксплуатации этих источников в настоящее время, по мнению экспертов, вызвано падением цен на нефть, техническими трудностями и отсутствием надлежащих средств защиты окружающей среды.

Природа полярных областей нуждается в защите

Международная организация по защите окружающей среды «Гринпис» в январе 1987 г. отправила в Антарктику экспедицию для создания постоянной станции на острове Росса. На станции запланированы биологические и медицинские исследования, изучается влияние окружающей среды на человека. Главная цель организации «Гринпис» — объявить Антарктику мировым заповедником и защитить ее от последствий разработки минеральных ресурсов, планируемой в будущем. Цель антарктической экспедиции — проведение научных исследований и мониторинг влияния антропогенной деятельности на окружающую среду. После выполнения программы «Гринпис» получит статус наблюдателя на консультативных совещаниях стран — участниц Договора об Антарктике. Организация стремится к тому, чтобы ее цели получили мировую известность, поэтому большое внимание уделяется рекламной стороне. На мысе Эванс, где располагается станция, установлена система связи через морской международный спутник «ИНМАРСАТ». В составе экспедиции два журналиста, фотограф и киносъёмочная группа.

В США в рамках проекта «Гранд-Канал» предусматривается создание пресноводного озера за счет строительства серии дамб-перемычек между Гудзоновым заливом и заливом Джемс. По этому проекту воды будут перераспределяться через речные системы Великих озер за счет поворота к югу 61% от всего пресноводного баланса вод Гудзонова залива. Как считают специалисты, осуществление этого проекта неминуемо скажется на экологии Севера. Предполагается, что формирование льда после переброски может в Гудзоновом заливе резко усилиться. Постройка дамбы

изменит условия циркуляции водных масс, их температуру и соленость, что не замедлит отразиться на рыбных запасах. Ученые делают вывод о необходимости очень серьезных предварительных исследований возможных негативных последствий осуществления такого крупного проекта.

В Австралии создан Комитет по вопросам окружающей среды в Антарктике. В его ближайшие планы входят такие вопросы, как удаление отходов и очистка территорий станций Кейси и Уилкс, транспортировка и хранение веществ, представляющих потенциальную опасность для окружающей среды; в первую очередь топлива и смазочных материалов.

В конце 1985 г. в Полярном институте Скотта в Кембридже состоялся международный симпозиум по загрязнению арктической атмосферы. На нем рассматривались такие вопросы, как местонахождение источников загрязнения и пути его переноса, влияние загрязнения воздуха на здоровье человека, на экологию и на климат. Участники конференции пришли к выводу, что загрязнение арктической атмосферы пока еще ниже уровня, способного вызвать общественное беспокойство. Однако международные организации — ООН, ВОЗ и ВМО — должны заняться организацией мониторинга состояния атмосферы и оценки ее загрязнения, а также способствовать разработке правовых основ защиты воздушного бассейна Арктики.

На совместном совещании советских и американских ученых, состоявшемся в сентябре 1987 г. в Ленинграде, обсуждались особенности структуры арктической атмосферы и переноса загрязнения воздушных масс. В результате дискуссии по докладам, прочитанным советскими и американскими специалистами, было принято решение о дальнейшем сотрудничестве в изучении состояния воздушного бассейна Арктики.

Вокруг «озонной дыры»

В начале 80-х годов было установлено, что количество озона в атмосфере южной полярной области стало уменьшаться. Так родилась версия об образовании «озонной дыры». Анализ спутниковых данных подтвердил, что количество озона над Антарктидой с каждым годом сокращается. Это не могло не вызвать серьезные опасения, поскольку, поглощая самую губительную для всего живого на Земле часть ультрафиолетовой радиации, озон является защитным экраном нашей планеты. На специальном научном семинаре, посвященном «озонной дыре», состоявшемся в декабре 1986 г. в Австралии, было отмечено, что началом ее образования следует считать 1979 г. Далее этот процесс пошел с нарастанием, «дыра» становилась все больше и больше, достигнув в 1984 г. максимальной площади в несколько миллионов квадратных километров. До сих пор не существует достаточного количества эмпирических данных для обоснованного объяснения исключительно сложных динамических и химических процессов, связанных с из-

менением содержания озона в атмосфере. Советский климатолог, профессор Е. П. Борисенко считает, что ни один из предлагаемых сегодня учеными механизмов не дает полного объяснения причин формирования «озонной дыры». Проблема «озонной дыры» может быть окончательно решена лишь совместными усилиями ученых разных стран — участниц изучения природы Антарктики. В 1987 г. было подписано соглашение между СССР и США по изучению причин сезонного уменьшения содержания озона в Антарктике. Для мониторинга содержания озона США должны поставить 50 единиц оборудования, включая шары-зонды, которые советские специалисты будут запускать в атмосферу на станции Молодежная. Американские специалисты получают спутниковые данные о вертикальном распределении озона. В совокупности все эти материалы позволят получить детальную трехмерную картину распределения озона и помогут понять причины колебаний ее содержания.

Материалы подготовлены *И. Цигельницким*

ПЕРВЫЙ КОМАНДИР ЛЕДОКОЛА «ЕРМАК»

17(29) октября 1898 года в Англии, в Ньюкасле, был спущен на воду ледокол «Ермак». Ледокол, который прожил долгую и славную боевую и трудовую жизнь. Человек, по инициативе которого и благодаря чьей настойчивости был построен ледокол, Степан Осипович Макаров, не мог присутствовать на этом торжестве своей идеи. Спуск на воду «Ермака» произошел в присутствии его первого командира — капитана 2-го ранга Михаила Петровича Васильева. Традиционную бутылку шампанского о форштевень ледокола разбила супруга командира Мария Николаевна Васильева.

М. П. Васильев находился в Ньюкасле с лета 1898 года и по поручению С. О. Макарова наблюдал за ходом работ по строительству ледокола. В своей книге ««Ермак» во льдах» С. О. Макаров впоследствии писал: «В течение лета 1898 г. я командовал практической эскадрой Балтийского моря и потому не мог лично следить за ходом работ на «Ермаке». В половине лета туда отправился избранный мною в командиры капитан 2-го ранга Михаил Петрович Васильев. Он только что этой весной вернулся из Тихого океана, где был старшим офицером на броненосце «Император Николай I». Это — человек с большими познаниями и удивительно приятным характером. Я впоследствии был всегда очень доволен этим выбором»*.

Михаилу Петровичу Васильеву шел сорок первый год, а позади уже было двадцать лет службы военного моряка на различных кораблях и должностях.

* Здесь и далее материалы из Центрального государственного архива Военно-Морского Флота.

Передо мной «Полный послужной список 4-го флотского экипажа капитана 2-го ранга Михаила Васильева». Это последний послужной список М. П. Васильева, составленный по 30 марта 1902 года и дополненный по 5 апреля 1904 года. Он рассказывает о жизни замечательного русского военного моряка.

Михаил Петрович Васильев родился 17 октября 1857 года в городе Петрокове (Польша). В ноябре 1873 года он поступил на службу вольноопределяющимся кондуктором 2-го класса в Варшавское инженерное крепостное управление. Но уже в апреле 1874 года его отец, отставной полковник Васильев, обратился в Морское училище с прошением о принятии Михаила в училище. В своем прошении он писал: «Если он (Михаил Васильев. — М. Б.) по медицинскому освидетельствованию не окажется способным к морской службе или не удовлетворит условиям приема, а также если и в последующее время начальство училища признает вследствие дурного его учения или поведения исключить из числа воспитанников, то я обязываюсь по первому требованию училища, без замедления взять его обратно на свое попечение».

Это обязательство отцу Михаила Васильева не потребовалось выполнять. 11 сентября 1874 года Михаил Васильев поступил в Морское училище воспитанником, 16 апреля 1878 года закончил училище, произведен в гардемарины и через 10 дней — 27 апреля 1878 года — зачислен в 4-й флотский экипаж. Началась его служба в военно-морском флоте: на кораблях Балтийского флота, Сибирской флотилии, эскадры в Тихом океане.

Почти четыре года он прослужил в Балтийском флоте — адъютантом экипажа и исполняющим дела командира 5-й роты команды монитора «Стрелец». Здесь же 8 октября 1879 года был произведен в мичманы. 1 февраля 1882 года приказом по Морскому ведомству мичман М. П. Васильев был переведен в Сибирскую флотилию. Здесь он прослужил почти шесть лет. 9 января 1888 года лейтенант М. П. Васильев (в лейтенанты он был произведен 1 января 1884 года) был переведен в Балтийский флот. После пребывания слушателем минного офицерского класса был зачислен в минные офицеры 2-го разряда. 3 октября 1889 года приказом Главного командира Кронштадтского порта лейтенант М. П. Васильев был назначен минным офицером на корвет «Витязь», на котором проплавал с 1890 по 1893 год по Балтийскому морю, северным морям и Тихому океану.

В 1891 году М. П. Васильев был награжден французским орденом Почетного легиона. Затем служил минным офицером на броненосце «Сысой Великий», командиром миноносца «Котка», командиром миноносца «Сокол», старшим офицером на броненосце «Император Николай I». В 1893 году М. П. Васильев был пожалован в капитан-лейтенанты, а 14 мая 1896 года «за отличия произведен в капитаны 2-го ранга».

После проведения необходимых испытаний ледокол «Ермак»

21 февраля 1899 года вышел из Ньюкасла в Кронштадт, куда прибыл 4 марта, а уже 8 марта на имя Макарова в Кронштадт пришла телеграмма из Ревеля (ныне Таллинн) с просьбой оказать помощь одиннадцати затертым во льдах пароходам. Это была первая просьба о помощи, полученная «Ермаком». Макаров тотчас же издал приказ о выходе в море. 13 марта «Ермак» привел в Ревель караван из двенадцати пароходов, а с 15 по 21 марта — 29. 28 марта «Ермак» вышел из Ревеля, а 30 марта прибыл в Кронштадт. 4 апреля 1899 года Петербург устроил «Ермаку» торжественную встречу.

Начались будни — «Ермак» встречал в Финском заливе суда и приводил их в Петербургский порт. Однако С. О. Макаров не оставил своей идеи использования ледокола «Ермак» в исследованиях Арктики. 8 мая 1899 года «Ермак» отправился в Ньюкасл, откуда после докового осмотра и мелкого ремонта 29 мая вышел в море. После пробного плавания «Ермак» 14 июня возвратился в Ньюкасл. При доковом осмотре было обнаружено, что одна из лопастей переднего винта сломана. После короткого совещания с инженерами Макаров решил передний винт снять вообще, как не оправдавший себя в полярных условиях. Ремонт ледокола занял целый месяц. И только 14 июля Макаров снова пошел на север, чтобы подвергнуть ледокол серьезному испытанию в борьбе с полярными льдами. Во время пробного плавания «Ермак» дошел до архипелага Шпицберген, после чего 16 августа возвратился в Ньюкасл. Здесь он находился до 31 октября и после выпол-

нения необходимых ремонтных работ направился в Кронштадт. 5 ноября «Ермак» прибыл туда, а уже 13 ноября Макаров получил несколько телеграмм от петербургских судовладельцев с просьбой оказать содействие их пароходам, задержанным в порту внезапным появлением льда.

Одновременно с этим Морское министерство вызвало «Ермак» для оказания помощи крейсеру «Громобой», движением льдов оттесненному на мель около Морского канала. Успешно осуществив все работы по проводке кораблей и снятию «Громобоя» с мели, «Ермак» должен был приступить к выполнению нового задания. Приказом Министерства финансов ледокол был передан в распоряжение Морского ведомства и проследовал к острову Гогланд для оказания помощи броненосцу «Генерал-адмирал Апраксин», который во время снежной бури выскочил на прибрежные камни у этого острова.

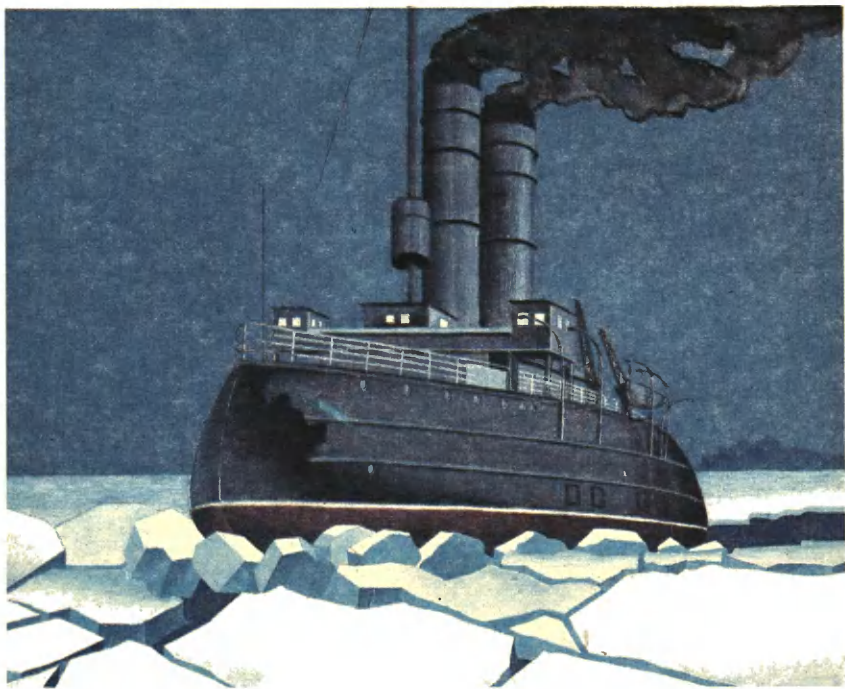
6 декабря 1899 года С. О. Макаров был назначен Главным командиром Кронштадтского порта, в связи с чем управление ледоколом передал М. П. Васильеву.

По пути следования к броненосцу «Генерал-адмирал Апраксин» 27 января ледокол «Ермак» пришел на помощь затертому во льдах крейсеру «Адмирал Нахимов» и провел его 100 миль до чистой воды. Проводка крейсера во льду в такое время доказала большую пользу ледокола военно-морскому флоту. В период спасательных работ на Гогланде было впервые применено замечательное изобретение великого русского ученого А. С. Попова — беспроволочный телеграф. На острове Гогланд установили станцию беспроволочного телеграфа для связи с Коткой, расположенной на финском берегу. Первой в России официальной депешей, переданной с помощью аппарата А. С. Попова, была радиограмма начальника Главного морского штаба вице-адмирала Авелана на имя командира ледокола «Ермак». Текст ее гласил: «Около Лавенсари оторвало льдину с 50 рыбаками, окажите немедленно содействие спасению этих людей».

Переданная 24 января 1900 года радиограмма была отчетливо услышана на Гогланде. Получив первый в истории приказ по радиотелеграфу, «Ермак» снялся с якоря, ушел на спасение рыбаков и отлично выполнил свою задачу.

1 февраля 1900 года Макаров писал командиру ледокола «Ермак» М. П. Васильеву: «Ваша работа с «Ермаком» составляет «Ермаку» добрую славу, и мне крайне радостно слышать от всех самые лучшие отзывы. Залевский говорит, что когда вы проводили «Нахимов», то управляли бесподобно. Когда Рождественский пришел к Витте просить «Ермака», то сказал с гордостью: «Кто бы теперь спас людей, унесенных в море!» Это все мне рассказал Авелан».

11 апреля 1900 года броненосец «Генерал-адмирал Апраксин» был снят с камней и отбуксирован в безопасную гавань. Броненосец стоимостью 4 млн 500 тыс. рублей был спасен только при помощи ледокола. Никакой другой корабль не мог бы оказать броне-

носу должную помощь в зимнее время. Настроенный когда-то враждебно к «Ермаку», вице-адмирал Рожественский вынужден был прислать Макарову следующую телеграмму: ««Ермаку» и его доблестному командиру капитану 2-го ранга Васильеву «Апраксин» обязан спасением. В непроглядную снежную метель броненосец, обмотанный вытянутыми в струну цепями, стальными и пеньковыми тросами, прикреплявшими тысячу пятьсот квадратных футов пластырей, шел 7 часов в струе «Ермака» ледяными полями между отдельными глыбами торосистого образования и каналом, пробитым в сплошном льду, и ни одна цепь, ни один трос не были перерезаны льдом».

23 апреля «Ермак», освободившись от спасательных работ, стал помогать пароходам, идущим в Петербург. 1 мая 1900 года залив очистился ото льда, «Ермак» был свободен от обязанностей по проводке судов и вышел в Англию для переделки носовой части, где 5 мая пришвартовался у стенки верфи в Ньюкасле. 9 сентября 1900 года газета «Новое время» сообщала: «На днях на верфи Армстронга состоялся интересный спуск на воду только одной носовой части судна, построенной для замены прежней носовой части ледокола «Ермак». Для этого прежняя носовая часть была отрезана, и «Ермак» не вводился в док. Наиболее же трудная часть работы состояла в спуске новой носовой части судна. Это успешно было сделано. Новая носовая часть не могла плавать прямо, и к ее бортам был приделан особый понтон. Длина носовой

части 75 футов, а вес вместе с понтоном почти 500 тонн».

5 января 1901 года закончились ремонтные работы по переделке носовой части «Ермака» в Ньюкасле. 17 января ледокол вышел в Ревель, куда прибыл 23 января. 5 февраля по пути в Кронштадт «Ермак» встретил первый лед и с успехом опробовал свой новый «нос». 9 февраля в Кронштадте у Толбухина маяка ледокол был встречен Макаровым, который поднялся на борт и наблюдал работу «Ермака» в новых условиях. Носовая часть отлично разбивала лед. В течение зимы 1901 года «Ермак» успешно проводил в Балтийском море и Финском заливе многочисленные караваны торговых судов. Летом 1901 года «Ермак» совершил арктическое плавание к Земле Франца-Иосифа и к Новой Земле. 1 сентября 1901 года он возвратился в Кронштадт.

О плавании М. П. Васильева на ледоколе «Ермак» свидетельствует следующая запись в «Полном послужном списке». На вопрос раздела XV «Сколько компаний служил на море, на каком военном судне, под чьею командою или сам командиром судна...» следовал ответ: «С 19 февраля 1899 года по 22 февраля 1900 года на ледоколе «Ермак» сам командиром во внутреннем и заграничном плавании. С 16 марта 1900 года по 31 января 1901 года на том же ледоколе в той же должности».

6 декабря 1901 года М. П. Васильев был назначен командиром канонерской лодки «Отважный». 2 июня 1903 года последовало новое назначение — «заведующий миноносцами и их командами 20-го флотского экипажа».

9 марта 1904 года М. П. Васильев был назначен флаг-капитаном штаба командующего флотом в Тихом океане.

31 марта 1904 года капитан 2-го ранга Михаил Петрович Васильев находился на эскадренном броненосце «Петропавловск» и погиб вместе с адмиралом С. О. Макаровым.

Так трагично оборвалась жизнь первого командира ледокола «Ермак», капитана 2-го ранга Михаила Петровича Васильева, подчиненного, единомышленника и друга адмирала Степана Осиповича Макарова.

Имя М. П. Васильева увековечено на морской карте. Его именем названы: мыс на острове Винер-Нейштадт в архипелаге Земля Франца-Иосифа в Баренцевом море, остров в архипелаге Норденшельда в Карском море.

МАГНИТНЫЕ И ГЕОМАГНИТНЫЕ ПОЛЮСЫ

Магнитные полюсы Земли расположены в полярных областях. Экспедиции, снаряжавшиеся для их достижения, — интересные, а порой и драматические страницы истории полярных исследований. Северный магнитный полюс открыла в 1831 г. английская экспедиция Джона Росса на полуострове Бутия в Канадском Арктическом архипелаге. В экспедиции участвовал племянник Джона Росса — Джеймс Кларк Росс, который и определил положение полюса. Экспериментально магнитный полюс представляет собой некоторую область, где наклонение (угол между направлением магнитного поля и плоскостью горизонта) в пределах возможных ошибок равно 90° . Свободно подвешенная магнитная стрелка здесь устанавливается вертикально.

В 1904 г. великий полярный исследователь Амундсен открыл Северный магнитный полюс вторично, но в другом месте. Оказалось, что полюс мигрирует. Стоит вспомнить гипотезу о втором магнитном полюсе. Во время знаменитого дрейфа «Георгия Седова» в Центральном Арктическом бассейне в 1939—1940 гг. оказалось, что магнитная стрелка компаса упорно указывает еще на один полюс в районе с координатами 86° с. ш., 178° з. д. Этот поразительный факт как будто подтвердился во время воздушной арктической экспедиции в 1941 г. Тогда-то и появилась гипотеза о двух магнитных полюсах: «полюсе Седова» и «полюсе Росса». Гипотеза просуществовала около 15 лет. В результате массовых магнитных наблюдений с дрейфующих льдов в Центральной Арктике была обнаружена только обширная аномалия магнитного наклонения.

Местоположение Южного магнитного полюса определили значительно позже Северного. В начале 40-х годов прошлого столе-

тия Южного магнитного полюса стремились достичь несколько экспедиций: французская — Дюмон-Дюрвиля, американская — Чарльза Уилкса и английская — Джемса Кларка Росса, который побывал здесь через десять лет после открытия им Северного магнитного полюса. Такая активность была вызвана нуждами мореплавания. Для морской навигации требовалось знание магнитногоклонения (угол между географическим и магнитным меридианами), которое главным образом определяется взаимным расположением двух полюсов — географического и магнитного. Экспедиции достигли мест, где магнитноеклонение равно 89° . В суровой Антарктиде преодолеть оставшийся один градус оказалось далеко не просто. Это удалось сделать лишь в 1909 г. трем отважным исследователям — Т. Дейvidу, Д. Моусону и С. Маккею из экспедиции Эрнста Генри Шеклтона. Перед экспедицией стояли задачи достижения двух Южных полюсов — географического и магнитного. Научными работами в экспедиции руководил известный австралийский геолог Томас Эджуорд Дейвид, который взял с собой любимого ученика Дугласа Моусона. Моусон был геологом, как сейчас бы сказали, широкого профиля. Но в экспедиции он занимался в основном геофизическими и астрономическими наблюдениями. Моусон входил в группу из трех человек, которые должны были отыскать магнитный полюс. Произведя на пути следования магнитные наблюдения, он пришел к выводу, что полюс перемещается не к востоку, как предполагалось, а к северо-западу. Были внесены коррективы в маршрут, благодаря чему группа Дейвида достигла магнитного полюса ($72^\circ 25'$ ю. ш., $155^\circ 16'$ в. д.). Итак, географические и магнитные полюсы находятся в разных местах, кроме того, положение магнитных полюсов непрерывно меняется. Природа таких изменений остается во многом загадочной. В 1953 г. академик В. В. Шулейкин выдвинул гипотезу, согласно которой электрические точки в Мировом океане создают магнитное поле, которое налагается на «нормальное», отодвигает магнитные полюсы от географических, а изменения в системе океанических токов обуславливают миграцию магнитных полюсов. Ошибочные результаты первых измерений самого В. В. Шулейкина в Атлантическом океане, Ю. Г. Рыжкова, выполненные вблизи Антарктиды, в море Дейвиса, и в Индийском океане с борта дизель-электрохода «Обь», легли в основу выдвинутой гипотезы. Повторился сюжет истории с гипотезой о «полюсе Седова». Одной из задач электромагнитных наблюдений на дрейфующей станции «Северный полюс-10» была экспериментальная проверка гипотезы В. В. Шулейкина. В работах принимал участие и я. При измерении электрических полей в Северном Ледовитом океане регулярно учитывалась собственная электродвижущая сила электродов (ЭДС) в морской воде. Этого не сделали ни В. В. Шулейкин, ни Ю. С. Рыжков, ни некоторые другие исследователи. Морская вода — электролит, и измерительные электроды, помещенные в нее, образуют своеобразную электрическую «батарею». ЭДС этой «батареи» путем совмещения электродов и

определяли регулярно за несколько месяцев наблюдений. Аналогичные наблюдения были выполнены также в Атлантическом океане, в районе магнитного экватора, с борта научно-исследовательского судна «Профессор Визе» в 16-й антарктической экспедиции. Результатом наблюдений явился вывод об отсутствии системы постоянных электрических токов в Мировом океане, способных сместить магнитные полюсы относительно географических и создать заметные эффекты в магнитном наклонении. Сейчас ясно, что магнитное поле Земли создает своеобразная «динамо-машина», расположенная на границе ядро — мантия. «Земное динамо» работает неустойчиво в геологических масштабах времени, что создает предпосылки для миграции полюсов. Почетный полярник, магнитолог Н. Д. Медведев в свое время предложил организовать международную службу магнитных полюсов. В задачу службы входило бы постоянное измерение магнитного поля в районах магнитных полюсов и контроль их положения. По разным причинам такая служба не была организована. Однако регулярные магнитные измерения в районе Северного магнитного полюса проводят канадские геофизики. В районе Южного полюса такие измерения проводятся эпизодически. В 1971 г. магнитологи 16-й антарктической экспедиции на «Оби» сделали попытку уточнить положение полюса у берегов Земли Адели. Судно, лавируя между огромными айсбергами, подошло к берегу, но кривая напряженности магнитного поля на самописце не достигла своего максимума. Оказалось, что предполагаемое местоположение магнитного полюса находится на материке, примерно в 100 км к югу от французской станции Дюмон-Дюрвиль. За прошедшие годы магнитный полюс переместился в океан. Соответствующие измерения были выполнены советской гидрографической и французской антарктической экспедициями. Географические координаты магнитных полюсов сейчас таковы: $77^{\circ}4'$ с. ш., $77^{\circ}3'$ з. д.; $65^{\circ}1'$ ю. ш., $139^{\circ}1'$ в. д.

В науке о земном магнетизме помимо понятия «магнитные полюсы» еще есть понятие «геомагнитные полюсы». Что это такое? На больших расстояниях любой источник электромагнитного поля можно представить в виде диполя. Земное поле в первом приближении тоже дипольное. Полюсы земного магнитного диполя называются геомагнитными. Их координаты $78^{\circ}5'$ с. ш., $69^{\circ}3'$ з. д.; $78^{\circ}5'$ ю. ш. и $110^{\circ}9'$ в. д. Геомагнитные полюсы контролируют большинство процессов, происходящих в магнитосфере Земли. В отличие от магнитных они достаточно консервативны. В местах их расположения находятся магнитные обсерватории Туле (Гренландия) и Восток (Антарктида).

НА ВОЛНЕ ТРАНСПОЛЯРНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

(Строки из аппаратного журнала
любительской радиостанции)

Радиолюбитель Володя Ванзяк из города Черновцы однажды очень верно заметил, что коротковолновое радиолуительство — это в первую очередь человеческое общение, а я бы еще добавил — и своеобразная романтика. Уже более двадцати лет стоит в моей квартире любительская радиостанция. В аппаратном журнале — тысячи связей. Самые интересные — это связи с различными экспедициями. Перелистываю журнал: Антарктида и «Тигрис», Северный полюс и «Метелица», Курилы и экспедиция «Советской России» — откуда только не работает наш брат радиолуитель! Кажется, все это началось с 1928 года, когда радиолуитель Николай Шмидт принял SOS от радиста «Италии» Джузеппе Бьяджи. Потом был Кренкель — профессионал и радиолуитель-фанатик. Он был очень счастлив, когда на зимовке в бухте Тихой в январе 1930 года фортуна улыбнулась и подарила ему редчайшую в ту пору связь — с экспедицией Бэрда в Антарктиде. В наше время «охота за экспедициями» среди радиолуителей очень популярна. А если вспомнить, что начиная со времени первого путешествия Тура Хейердала любительские радиоканалы все чаще стали использовать различные непрофессиональные экспедиции и радиолуители с охотничьим азартом бросились отслеживать их, то станет ясно, какой огромный интерес вызвала экспедиция СССР — Северный полюс — Канада среди радиолуителей всего мира. Перелистываю журнал...

3 марта 1988 года. Включаю радиостанцию. На частоте экспедиции слышу знакомые голоса EXØ HR, Юрия Золотова из Москвы и UW 6HZ Володи Шинкарева из Пятигорска. От них узнаю, что участников экспедиции в сопровождении свиты репортеров вертолеты уже увезли с острова Средний на мыс Арктичес-

кий, что на самой оконечности Северной Земли. Отсюда вот-вот начнется любительский радиорепортаж о старте для всех, кто собрался в этот час на нашей частоте. Бросаю взгляд на карту: нитка маршрута тянется от Северной Земли через полюс к крохотному островку Уорд-Хант у мыса Колумбия. В неизвестность шагнули четверо канадцев — спортсмен Ричард Вебер, священник Лори Декстер, врач Максвелл Бакстан и инженер-программист Кристофер Холлоуэй. Первые двое не новички в Арктике, оба ходили к полюсу, а Декстер даже жил среди эскимосов. Бакстан и Холлоуэй Арктику «не проходили». И наши старые знакомые, не раз проверенные Арктикой: Дмитрий Шпаро, Владимир Леде-нев, Василий Шишкарев, Юрий Хмелевский, Анатолий Меньши-ков, Михаил Малахов, Федор Конюхов, Александр Беляев и Ана-толий Федяков.

И вот уже голос EХØСR, Леонида Лабутина. Он прилетел вме-сте со всеми и сейчас выполняет вчерашнее обещание о репортаже. Включаю магнитофон... идет митинг, Шпаро благодарит всех, кто помогал экспедиции, кто добровольно будет дежурить на любитель-ских станциях, обеспечивая связь экспедиции с Большой землей.

Да, в этой экспедиции связь маршрутной группы с Москвой организована полностью по любительским каналам с помощью базовых любительских станций. Для максимальной надежности связи их организовали в четырех пунктах: на Диксоне, на Среднем, на СП-28 и в поселке Резольют-Бей на севере Канады. С базовых станций вся информация поступает в Москву (и Канаду), в штаб экспедиции, через радиостанцию «главного диспетчера» — мос-ковского коротковолновика Юрия Золотова.

Теперь на нашем любительском диапазоне назначена частота 14 182 кГц, на которой и передается вся информация с базовых станций в Москву и обратно для маршрутной группы. Эта частота стала международной «точкой встречи» радиолюбителей всего мира: здесь всегда можно узнать последние новости.

Слушаем репортаж. На частоте тишина, ее изредка нарушают отдельные иностранцы по неосведомленности. Их одергиваем коротким «Stand by!» — «Ждите!». А Лабутин передает:

— Старт состоялся!

Часы перед глазами — 10 час. 30 мин.

— Первым идет Василий Шишкарев... Цепочка из тринадцати участников вытянулась почти на сто метров... Кругом — большие торосы, колючий ветер и... теплые слезы провожающих... Уже скрылись за торосами первые участники перехода... Все. Низкое полярное солнце провожает ребят. Скрылись тринадцать чело-ве, а на мне тринадцать поцелуев, — заканчивает Лабутин. — Я пе-редаю их вам, всем тем, кто слышит меня в эфире.

9 марта. Хорошее прохождение. Обменялись «добрым утром» с Володей Шинкаревым и Валерием Супруновым (UA9NS) из Омска. Это постоянные дежурные и главные дублеры для Юры Золотова в случае плохого «прохода» на Москву. А вот и EХØDR, Василий Заушицын с базовой станции на Диксоне. Мы

с ним старые знакомые, он член нашего Пушкинского радиоклуба. Связи короткие, занимать частоту для разговоров нельзя, она не для этих целей.

Сегодня со Среднего работает EXØKR — радиостанция газеты «Комсомольская правда». Ее оператор, журналист Саша Шатохин передавал нам сообщение Малахова: вчера было очень холодно, —35°, а к вечеру —41°. Есть легкие обморожения. Вчера преодолевали полынью шириной метров 200—300, а потом на 8-й ходке подошли и уперлись в очередное разводье. Лори натер мозоли, даже стал слегка прихрамывать, пришлось его немного разгрузить. Никто из канадцев и не подумал взять часть груза у хромавшего Лори — это делали по очереди наши парни... Жизнь в группе входит в определенный ритм. На день планируется восемь переходов по 50 минут с десятиминутными перерывами. Обедают они после четвертого перехода. Световой день еще мал, всего 8 часов, поэтому много времени ребята проводят в палатке.

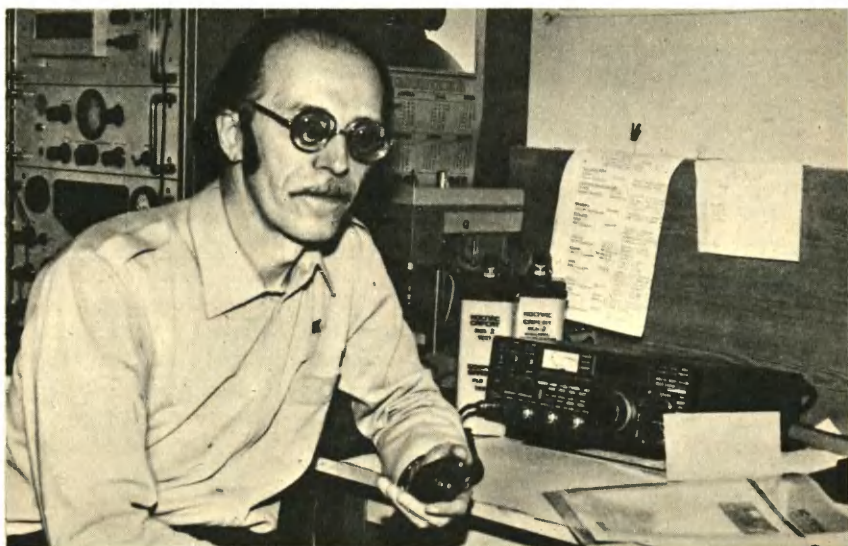
К концу дня, как обычно, записываю в журнал полученные координаты группы: 82°05' С и 97°42' В. Кстати, я в Загорске делаю это раньше, чем штурман экспедиции. Процедура обсерваций очень изящна и в духе времени. Ребята несут с собой радиобуд системы «Коспас-Сарсат» и включают его в определенное время. Спутниковая поисково-спасательная система по сигналу буды определяет его координаты и «сбрасывает» их на наземные пункты управления. Вскоре в квартире Золотовых звонит телефон с Московского центра управления. Потом место группы идет в эфир на базовые станции, а уж оттуда в маршрутную группу.

13 марта. В эфире Лабутин. Его передатчик буквально гремит. Сообщает: федерация радиолюбителей Канады учредила диплом «Polar Bridge» («Полярный мост»), посвященный экспедиции; на маршруте очень холодно, три дня —42—45°, ребята мерзнут, особенно страдает от холода Лори; сломалась лыжа у Малахова (это уже третья, две сломались раньше — у Лори и Максвелла). Запасных больше нет. Он идет на одной лыже и половинке второй. Вчера на Средний прибыл Ан-74. С этим самолетом в компанию к Лабутину и Шатохину прибыл канадский радиолюбитель Рик Берк. Он тоже будет базовым радистом, так предусмотрено соглашением. Группа сделала 8 переходов, сегодня рекордный — 24 км. Температура —42°.

Рик уже проводит спортивные связи. Работает своим канадским позывным, через дробь добавляя советское обозначение Арктики — UAØ. В 13.40 зову его и получаю в ответ 5 (разборчивость), 9 (громкость). Не каждый день из советского сектора Арктики работают канадцы.

14 марта. С утра на дежурной частоте собралось много народа, ждем сообщений со Среднего. Сегодня должен быть первый сброс.

Ребята раньше обычного стали лагерем. Они уже одиннадцать дней в пути и удалились от места старта на 192 км. Нужно отдох-

нуть, подвести итоги первых дней, «набрать вес», как сказал Лабутин, и конечно же принять груз.

Вот в эфир выходит Лабутин и сразу устанавливает связь с Москвой и на другом диапазоне — с маршрутной группой.

Через некоторое время он сообщает:

— Ан-74 в воздухе!

На борту самолета коротковолновик Александр Тенякшев. Самолет идет сначала на радиомаяк лагеря. На подлете к нему Александр передает:

— Видим белую ракету, переходим на УКВ-связь с группой и визуальный поиск.

И еще позднее сквозь помехи слышим:

— Сброс прошел нормально, возвращаемся на Средний.

И снова Лабутин:

— Самолет прибыл, все в порядке.

Немного позднее Леонид расскажет нам, что сброс прошел не совсем нормально: из девяти сбросов шестой угодил в полыню. Надо же: утонул запас топлива. Пришлось командиру самолета Александру Галуненко делать еще один рейс...

В 17 часов жена Золотова — Алла передала координаты группы: $83^{\circ}01'С$ и $97^{\circ}07'В$.

15 марта. В 08.00 работал с Лабутиным. У них холодно, -42° , снежок. Он сообщил, что сегодня будет работать станция маршрутной группы.

И вот Анатолий Меньшиков, удовлетворяя охотничий интерес нашего брата радиолюбителя, полтора часа работал с желающими-

ми. Их было так много, наших и иностранных, что Валерий Супрунов, главный помощник Золотова, вынужден был составлять список очередности. Работать можно было только так, иначе мощный разноязыкий рев голосов, вызывающих Анатолия, превращал эфир в какофонию звуков. Слышно Анатолия было очень слабо, но все же 45 счастливых отметили в своих журналах связь с экспедицией.

24 марта. «Черный день». Сделали одну ходку. Сильный ветер не позволил продвигаться вперед. Из группы сообщали на Средний для прессы: «Пурга, минус 37 градусов, ветер 15 м/с, с севера сносит с ног, слезятся глаза. Лица у всех — ледяные корки, лед нарастает на бровях, склеивает ресницы, покрывает щеки. Практически день просидели в палатке. Накануне Дмитрий Шпаро растянул ногу, и она распухла, у Лори болит нога. В довершение всего, когда Вебер стал разжигать свой примус, из горелки выплеснулась струя горящего бензина, загорелась палатка. Ричард мгновенно выбросил примус из палатки и выскочил сам. На помощь бросился Анатолий Федяков, который быстро затушил горевший входной рукав. Пришлось Федякову и Леденеву из подвернувшегося мешка сшить новый входной рукав.

Шпаро и Декстера лечил Малахов. Позднее в одном из репортажей Шпаро скажет: «...я считаю это форменным чудом: на другой день болезни как не бывало. И в хорошем темпе на другой день прошли 9 переходов».

30 марта. Листаю журнал. Сегодня на второй остановке на отдых Шпаро подвел итог: пройдено два этапа по 13 дней, за первый прошли 83 ходки, или 195 км, за второй — 96 ходок, или 237 км. В репортаже для прессы он сообщал: «Я спросил у друзей, какой из этапов сложнее — первый или второй? Шестеро ответили, в том числе и я, — второй».

9 апреля. «Начальнику экспедиции Шпаро. Экипаж, стажеры-дальневосточники, курсанты четырехмачтового барка «Седов», шлют привет, пожелания крепкого здоровья, счастья, удачи, успехов в достижении поставленной цели участникам международной экспедиции тчк Восхищены, следим вашим беспримерным переходом тчк Шлем вам все тепло тропиков тчк = Цауне».

Такую радиограмму с борта я получил вчера. Ясно — это дело рук Виктории Островской, штурмана-стажера на «Седове». Когда-то мы с Юрой Золотовым организовывали радиомост Находка — Москва при подготовке плавания из Находки на Камчатку яхты «Виктория», где капитаном шла Островская.

Но сегодня плохо идут Средний и Диксон. К тому же оператор Среднего все время занят. Передаю текст неизменному постоянному «вахтенному» Валерию в Омск. Но и ему не удастся связь со Средним. Слышу, как он передает на Диксон. Теперь можно успокоиться: Валерий надежен.

14 апреля. Короткие, сокращенные записи за этот день: вчера после обеда группа остановилась на очередной двухдневный отдых. Лагерь, как всегда, обозначен флагштоком. Вверху реет флаг

с серпом и молотом, чуть ниже — с кленовым листом. По договоренности сторон после прохождения полюса флаги поменяются местами. А на самом полюсе в лагере будут установлены две мачты — канадская и советская.

Ждали сброса. Когда увидели самолет, лица расплылись в улыбках:

— Наш! — сказали даже канадцы.

25 апреля. В 17.12 Юра передал координаты группы: 89°56,6'С, 147°18,8'В. До полюса 6,29 км! Завтра встреча.

Слушаем радиограмму-доклад Михаилу Сергеевичу Горбачеву. И уже пошли поздравительные. Первая — от секретаря ЦК ВЛКСМ В. М. Мироненко, затем от зам. председателя Госкомгидромета А. Н. Чилингарова, прорвался чех из Братиславы, поздравляет от газеты «Смена» и несть им числа. У Юры — ни минуты.

26 апреля. На полюс прибыла советская делегация, гости и журналисты — 73 человека. В 11.50 Василий Заушицын передал в Москву первую радиограмму с Северного полюса: «26 апреля в 11.20 советско-канадская экспедиция пришла на Северный полюс. Макс Бакстан сбросил рюкзак, отстегнул лыжи и покатился по смерзшемуся снегу. Врачи рекомендовали снять его с маршрута из-за отмороженного пальца на ноге...»

18.00 Л. Лабутин ведет репортаж:

— Прибыли на полюс сегодня ночью. Здесь в окружении торосов разбит палаточный городок — палатки для гостей, палатка самой северной почты, где гасятся марки на конвертах, палатка радистов... Подняты два флага — наш и канадский. Погода отличная, голубое небо, ветра нет. Ждут канадский самолет...

Сотни радиолюбителей рвутся во что бы то ни стало на связь с полюсом. Слышу, как Вася и Юрий договариваются о переходе на запасную частоту, на нашей дежурной стало невозможно работать из-за помех от любителей. Мало кто знает эту частоту, но мне она известна. Перехожу на нее, здесь чисто, и Василий уже диктует Юре очередную радиограмму. Пауза. Использую ее и вызываю Васю. В ответ получаю 58 и привет с полюса. Время 23.24.

27 апреля. Всю ночь мы сидели за радиостанциями, слушали переговоры и ждали сообщений о прилете канадцев. Они прилетели на СП-28 на двух самолетах в 03.55 — американские туристы и канадская делегация. Задержала непогода. Вертолеты доставили гостей на полюс. Здесь собралось до 150 человек — 14 национальностей из 20 стран, как подсчитали неутомимые журналисты. Среди прилетевших — Игорь Чкалов, американцы привезли на полюс семилетнего мальчика — самого юного пока из побывавших на полюсе и человека в инвалидной коляске, он тоже первый. По видимому, эти факты, как и сама церемония, займут свое место в книге Гиннеса. Прибыли и члены правительств двух стран: от СССР — председатель Госкомгидромета Ю. А. Израэль, от Канады — министр энергетики и ресурсов Марсель Масс. Все в сборе. Из своей оранжевой палатки появляются участники экспедиции. Их едва не разорвали на части. Начался митинг.

...Улавливаю момент и провожу еще две связи с полюсом: сначала с Шахотиным, а позднее, в 10.36, непосредственно с радиостанцией экспедиции С18UA — с А. Меньшиковым. Упустить такой момент ни один радиолюбитель, конечно, не может. Можно выключаться.

Двое суток ребята будут теперь отдыхать, приходить в себя, прежде чем снова впрягутся в сорокакилограммовые рюкзаки.

13 мая. Теперь основную связь с маршрутной группой ведет СП-28, а ее хуже слышно в Москве и Загорске. Валерию Супрунову стало больше работы: в Омске слышно лучше, и поэтому он часто дублирует СП-28 для Москвы. По его данным, вчера канадский самолет с интригующим названием «Tween otter» («Двойная выдра») не нашел из-за плохой погоды лагерь и вынужден был сесть на СП-28. Группа остановилась, ждет самолет. Спустя десять часов, после дозаправки, «Tween otter» вылетел в лагерь. На этот раз все получилось о'кей; сброса не последовало, но канадский пилот, отчаянный парень, посадил «Двойную выдру» прямо на лед рядом с лагерем.

Группа отдыхает до 16 мая. Весна не принесла облегчения: на смену морозам пришли вода и разводья, которые отнимают и силы и время. «Тяжелые торосы, открытая вода, трещины — десятки, если не сотни трещин на нашем пути», — принимал Юра очередное сообщение от группы. Они уже семьдесят дней в пути и, конечно, очень устали.

24 мая. Центр радиосвязи сместился в Канаду, в Резольют-Бей, где бок о бок работают советские и канадские радисты — Леонид Лабутин, Александр Тенякшев, Рик Бэри и другие. Несмотря на все трудности, экспедиция движется к цели. С пропусками, едва слышу Лабутина: прошли за девять ходок 34 км... водно-ледовых... обошлись без очередного сброса. Сигнал замирает, потом снова слышу информацию об огромной полынье, которая опоясывает север Канады, преграждая путь группе...

30 мая. В 09.47 связываюсь с Валерием. У него узнаю, что Лабутин передал в Москву: «В два часа ночи 30 мая ребята увидели канадский берег, воды пока нет, минус пять градусов, в группе все в порядке». До финиша оставался один шаг. Но в этот день, как выяснилось к вечеру, хоть и сделали девять переходов, прошли, однако, всего около десяти километров. Плохой лед, появившаяся открытая вода затормозили движение на подходе к Уорд-Ханту. Вечером Юра передал координаты: на 16.40 широта 83°28'С. Широта Уорд-Ханта 83°10'С. Быстро подсчитываю. До финиша — 33 километра.

31 мая. Весь день просидел за радиостанцией. Информация поступала скупо. К вечеру, когда узнали координаты, выяснилось — группа прошла 22 километра. Осталось 11!

1 июня. Вчера в группе был самый длинный рабочий день. Сделали 14 переходов, но условия движения еще более ухудшились. В два часа ночи принимаем радиограмму с СП-28 о событиях 31 мая. «...Положение было почти безвыходным: справа от курса

огромные разводья, слева бесконечные поля разломанных льдов, канал перед нами вроде бы непроходим... Леденев, Бакстан, Шпаро проваливаются в воду, к счастью, по колено... Тут спасает находчивость Василия Шишкарева: он связывает лыжи так, чтобы они создавали опору длиной три метра, перекрывая канал. Перешли...

Через 9 часов остановились. Поужинали, поспали полтора часа и снова двинулись...» Радиограмма была длинной, СП-28 слышно было плохо, и Валерий ретранслировал ее для Москвы, переспрашивая чуть не каждое слово у радиста СП-28 Виктора Карасева. Мы принимали ее битый час. Спать не ложились: нарастало нетерпеливое ожидание сообщений о финише. Чувствовалось, что он близок, но когда? Когда финиширует группа? Этот момент никому не хотелось упустить.

В 04.54 связываюсь с Оттавой, оператор Рон, информации о финише нет.

В 11.29 удается связаться с Лабутиным. В Резольют-Бее пока нет информации.

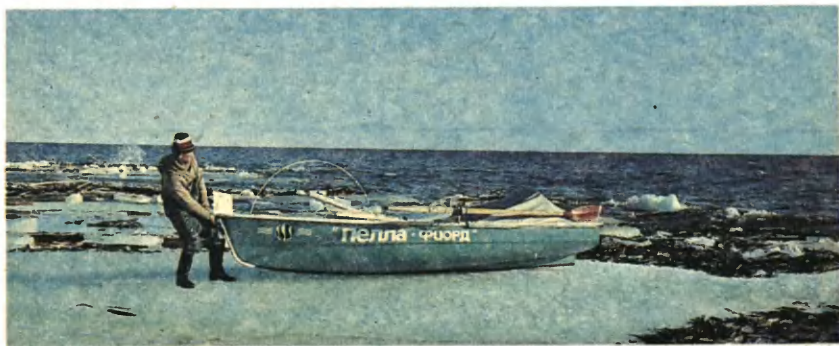
И вот он последовал — последний бросок, последние километры маршрута. Последний раз Юра передал координаты на 15.39: 83°6,8'С! Группа на острове! Они ступили на этот долгожданный и желанный канадский берег с отвагой и весельем победителей, как сказал кто-то из древних. Официальное сообщение последовало в 18.35.

Пусть читатель сам представит себе чувство пьянящей радости, охватившей ребят от одержанной победы, казавшейся такой далекой и едва достижимой, победы, добытой ценой невероятных усилий, продолжавшихся целых три месяца...

Еще раз взглянул на карту. Трассу трансарктического перехода Уолли Херберта в 1968—1969 годах под прямым углом пересекал маршрут советско-канадской экспедиции. Интересно, подумал я, не поставили ли наши с канадцами таким образом «крест» на полюсе? Впрочем, едва ли: вот уж американка Пэм Флауэр второй раз пыталась прорваться к полюсу, не получилось... Ведь пойдет и в третий раз!..

А пока мы выключили свои радиостанции.

НА ВЕСЛАХ ПО ЛЕДОВИТОМУ МОРЮ

Так случилось, что сначала я увидел финишный участок своего маршрута. Путь в Тикси пролегал через Хатангу. Под самолетом бежала тундра. На реке виднелись редкие льдины. Слева растянулась заснеженная гладь моря Лаптевых. В самолете моим соседом оказался Владимир Дерковский, профессиональный летчик.

— Что вы, какая лодка? Бухта Тикси освобождается ото льда во второй половине июля...

Тикси, 24 июня. В 16.00 лодка на припайном льду залива Нелова. Снаряженная с учетом длительного автономного плавания «пелла-фиорд» весит около 300 кг. Впереди плоская, уходящая в туман ледовая равнина. Курс — северо-запад, к открытой воде Быковской протоки. Ветер северный, 12 м/с, температура $+3^{\circ}$. График движения: двадцать минут волок, затем пятиминутный отдых. Вот и первые торосы. Преодолеваю барьер. Погода портится на глазах. Туман, ветер, снег с дождем. На двадцатой ходке вымотался...

Первая ночная дремота была короткой. Через четыре часа разогреваю чай и впрягаюсь в лямку. В такую ветреную погоду при навалной волне идти у самой кромки льда не очень-то приятно. Оказаться раньше времени на воде и выгребать против течения среди льдин? Нет уж, лучше тащить лодку. В конце концов на стальной пластине киля она скользит хорошо. Если б не торосы, по такому льду можно до самого полюса идти.

Ближе к берегу ледовый прибой все-таки настигает меня. Надо поднимать лодку на более надежный припайный лед. Операция для меня знакомая. «Дрынковать» приходилось еще в Карском море. Толстую палку — этот самый дрын — достаю из-под

тента. Через полчаса работы под килем был тундровый мох, а совсем рядом бесновался ледяной хаос. Лишь на следующее утро для «пеллы» открылась естественная дорога: чистый, могучий поток ленской воды. Позади 25 км ледового пути.

2 июля. Вторые сутки гребу по Оленёкской протоке к морю. Час ночи. Работаю до полной усталости, потом отдыхаю. Вода успокоилась. В зеркале ее отражается окружающий мир: оползающие невысокие берега, отвесные кручи, небо с застывшими облаками, поблекшее ночное солнце. Играет рыба.

Сплю в лодке. За бортом шумит прибой и воет ветер. Вылез из «каюты» — брезентового навеса в корме — в шесть утра. Пасмурно. Погода снова изменилась. Туман то закрывает все вокруг, то, поднимаясь, открывает окрестности на несколько сот метров.

В один из дней оказался в песчаной ловушке. Туда-сюда — мель. Осматриваю протоку в бинокль. От берега до берега плавник и всякие коряги сидят на мели. Не может быть! Где-то должен быть сток! Потаскал лодку не меньше часа, прежде чем под самым берегом нашел ход. Ситуация повторилась не раз. Берег левый, берег правый...

Беру курс на поселок Усть-Оленёк, ориентируясь на маяк. Болтает изрядно, значит, я наконец в море. К маяку на высоком обрывистом берегу с гигантскими снежными наносами подошел с трудом. Держусь поодаль, опасаясь обвалов. Скоро открылся брошенный поселок и залив, забитый плавником. Пора бы пристать и приготовить харч, да некуда — всюду месиво из бревен...

От берега оторвался подальше. Дальше сюрприз — по всему

фронту впереди ледовое поле. Теплая ленская вода разрушила лед на значительном расстоянии от берега, но само море в его власти. Стало быть, впереди ожидает изнурительная борьба со льдом. Решаюсь форсировать перемычку «верхом» на льдине. Примеряюсь, разгоняюсь. Долой нерешительность! На лед летит приготовленный якорь, на мгновение опускаю весла, и лодка всем корпусом на льдине. Потом еще немного подтянулся, подальше от края. Теперь вперед, к воде...

Ветер стих, лед от берега отодвинулся. Гребу в этом канале — одно удовольствие. До поселка Усть-Оленёк километров сорок. Вскоре на берегу показались кресты кладбища, антенны, несколько лодок. Поселок небольшой, десятка полтора домов. На высоком берегу дом с какими-то вывесками. Мощный динамик на всю округу разносит популярную песню Аллы Пугачевой. Начальник полярной станции Александр Клеменко ведет меня к могиле Прончищевых и показывает поселок. Дома убогие, вокруг хлам всякий, мусор. Плавника всюду много, почему не строят из него дома? Говорят, нельзя. Тысячи кубометров леса пропадают. Невероятно!

8 июля. Усть-Оленёк покинул в тот же день. До полярной станции Тэрпай-Тумса впервые проложил курс по компасу. «Всего шестьдесят километров, — думал я, — какой пустяк». Но тут-то путь преградила уже знакомая мне перемычка торошенных льдов. К тому же часть льдин сидела на отмелях, другие, что потоньше, болтались на плаву между ними. С трудом продирался к «полярке», где пробыл всего четыре часа, «заряжаясь» на полное одиночество до Хатангского залива. Итак, позади 560 км, впереди —

740, из которых добрых четыре сотни — безлюдное побережье. «11 июля 1988 г. «Пелла-фиорд» — первое судно, прибывшее на полярную станцию Тэрпьяй-Тумса. Припай до горизонта, ливневый снег» — такая запись, заверенная печатью, осталась на память в моем дневнике.

14 июля. Двадцатый день путешествия. Сильный северный ветер. Обильный снег. До семи утра гребу без приключений перед сидящим на мели припаем. Всего один раз сидел на мели и большей частью волочил лодку по прибрежному льду. Ветер все крепчает. Надо искать место для отстоя, но как избежать угрозы торосения? Битый час прошел, прежде чем надежно укрылся за косой. Поужинал остатками варева, выпил чаю и лег спать.

Знаю, самое главное — заставить себя начать работать. Как только разогреешься — сам черт не страшен. Снег, ветер, противный скрежет льдин... Теперь ничто не сломит моего упорства.

Иду между оторванным от берега льдом и выжатыми на косу стамухами. Надолго ли этот «коридор»? Скоро упрусь в цепь высоких торосов. Отгребаю назад, выбирая удобное место для прохода. Надо же, наворочал! Вершины отдельных пирамид достигают десяти метров. Наконец нашел седловину. Не один час крушу топором чертоги Снежной Королевы, прорубая полутораметровый проход для лодки. Хорошо, что взял с собой настоящий, полновесный топор лесоруба да топорище к нему сладил надежное. Толкаю лодку, а сам поглядываю на запад. Там появилась полоска чистого неба. Неужели прекратится этот надоедливый дождь и я увижу солнце?

До воды все же добрался. Немного поработал веслами и опять уперся в лед. На этот раз стамухи сидят на грунте. Лодку на них не поднимешь и между ними не протиснешься. Снова работаю топором, но уже у самого берега. Теперь это уже не проход, а дорога. Интересно, не придется ли долбить тоннель?

Две параллельные гряды торосов все больше прижимают меня к берегу. Выбираюсь на сушу, высматриваю проход. Меня ожидают две широкие перемычки, но до тоннеля дело не доходит. Потом долго тащился к воде. В конце концов имею я право использовать весла по прямому назначению? Плыл, однако, недолго. Снова мессиво из сидящих на мели глыб. Все. Надо ждать очередного прилива...

18 июля. Снова оказался в ловушке. Теперь придется разгружать лодку. Сделал две ходки с грузом и облегчил свой корабль. Впрягаюсь в лямку, вытаскиваю лодку на отмель и заваливаюсь спать до утреннего прилива.

С приливом обхожу преграды мористее, а потом снова к берегу. Вдоль него тянется ровная «посадочная» полоса. Такой идеальной ледовой равнины еще не встречал. «Причалил» к гряде плавника, наполовину вросшей в лед. Начал варить обед. Рядом снуют две маленькие птички. Одна и крыло опустит и припадает на один бок, точно подбитая. Знаю эти штучки! Так и есть. В торце бревна, на котором сижу, крошечное гнездышко.

Трое суток одолевал с божьей помощью 70 км до Анабарского залива. Всякое было: рубил каналы, таскал по ним лодку, почти не греб. Однажды схватил тридцатикилограммовый аварийный рюкзак с харчем на две недели, бросил лодку среди вздыбленного льда и убежал до первой тундровой кочки. Тут и отгонял прочь назойливую мысль: все бросить и выйти тундрой к людям. Нет! Надо преодолеть минутную слабость, поверить в себя, проверить себя в безнадежном положении... Короче, прогулка с рюкзаком помогла. Возвращаюсь к брошенной лодочке совсем другим человеком.

22 июля. Наконец вырвался на чистую воду Анабарского залива. Но обогнуть полуостров Нордвик с ходу не удастся. Непроходимый лед на всю видимую даль. Ступить на него — убийству подобно: все трещит, стреляет, глыбы ворочаются, громоздятся, стоит гул.

Последнее сообщение с маршрута давал из Усть-Оленёка. Прошло 18 суток. Нужно срочно искать связь. На мысе Пакса, что на севере полуострова Нордвик, должен быть обслуживаемый маяк. До мыса 40 км, надо двигаться пешим ходом.

На маяк вышел к полудню на следующий день. Людей не встретил. Значит, нет и связи. Воды тоже нет! Стою на высоком обрыве и смотрю на южную оконечность острова Большой Бегичев. Передо мной Восточный пролив, весь забитый движущимся льдом. Так. Весть о себе можно дать только в поселке на мысе Косистый. Значит, надо возвратиться к лодке, отдохнуть и топтать с аварийным рюкзаком 150 км. С такой мыслью и пошел в обратную дорогу. Лодка целехонька. Там, где были горы льда, открылась почти

чистая вода! Теперь разумнее пробиваться к поселку морем. Не зря прогулялся. Если удастся пролив пройти без помех, через три дня буду у цели. Отдыхать не стал.

28 июля. Бухту Нордвик пересек за десять часов и вошел в Хатангский залив. Море Лаптевых позади. Может, и весь лед. Но перед поворотом в бухту Кожевникова встречаю в ледовый поток, надеясь с приливом войти в бухту. Не успеваю. Пошел лед навстречу. Становлюсь на якорь. Отпихиваю наседающие льдины. За шесть часов такого натерпелся...

А между тем и по сторонам поглядывал. Уже два часа по правому борту где-то у горизонта творится какая-то чертовщина. Сначала вроде бы айсберг. Хватаю бинокль. Нет, похоже на домик. Глазам не верю: как он попал на лед? Интересно стало. Набрался терпения и регулярно прикладываюсь глазами к окулярам... Так... Домик становится многоэтажным. «Пятиэтажки не предлагать», — думаю про себя. Но этажей оказалось больше. Все стало на свои места, и в поле зрения четко обозначилось судно ледокольного класса. Не удерживаюсь и тут же записываю. «31 июля. 00.30 морской лайнер и «пелла-фиорд» открыли навигацию в Хатангском заливе».

Кое-как прошел десяток километров, затащил лодку в устье ключа и пошел в поселок, благо он недалеко. Часа через полтора наткнулся на ручей. Попытался найти переправу. Бесполезно. Переименовал ручей в речку, разделся и голышом перебрался на ту сторону. Следующие ручьи обегал тундрой, грелся.

1 августа. Отправил депеши. Сiju на тундровой кочке в окружении разноцветья за крайними домами поселка Косистый. Делаю записи в дневнике. Задним ходом веду прокладку пути на карте. На страницы тетради падают снежинки. Идет 38-й день моего путешествия. Отсюда до Хатанги осталось 400 км чистой воды, позади 900 км Ледовитого моря.

Началась обычная, ставшая нормой за все годы путешествий гребная гонка. Вечером 8 августа «пелла-фиорд» бросила якорь на траверзе речного порта Хатанги. Утром перегоняю лодку к территории рыбзавода. Сдал на хранение свое суденышко и весь скарб до нового путешествия. Сдал все без проблем и волокиты. Что-то разительно меняется за время моего отсутствия.

Не прошло и суток с тех пор, как я в последний раз ворочал веслами. Сiju в Домодедово, поджидая электричку на Москву. Никак не могу понять своего состояния. Напрягаю мысли, ищу причину. И тут осенило! Да это же шелест листвы! Неугомонный шум березовой рощи, которого не слышал я полтора месяца! Не могла же так шуметь безлесная низкорослая тундра на 74° северной широты. Теперь я оказался в другом, обычном мире, и настало время подумать о будущем плавании к мысу Челюскин.

КНИЖНАЯ ПОЛКА «ПОЛЯРНОГО КРУГА»

Не секрет, что плавание в «книжном море» становится труднее год от года. Люди, пытающиеся быть «в курсе», все чаще прибегают к помощи каталогов, карточек, компьютеров. Наша книжная полка, сберегая время и труд читателей, дает полную информацию о географических — научно-популярных и научно-художественных — изданиях. Случайные пропуски по разным причинам будут учтены в списке книг очередного выпуска «Полярного круга». Это обеспечит преемственность и полноту информации о новых книгах. Предлагаемый здесь перечень продолжает предыдущий и охватывает период выхода из печати: июль 1987 — декабрь 1989 года. В списке книг нет лишь сугубо научных трудов (тираж которых менее 1000 экз.), а также периодических или регулярных научных сборников, издаваемых региональными научными центрами или институтами. Однако среди этих изданий есть и такие, которые будут интересны не только специалистам, но и всем читателям. Например, словари или справочники. По крайней мере знать о том, что такая книга есть, — это уже кое-что.

Начиная со следующего выпуска, мы планируем давать обзоры зарубежных научно-популярных журналов, которые освещают проблемы высоких широт. Эти обзоры будут отличаться от уже знакомой читателю информации в разделе «Вести». Они поведают не только о событиях, но и о людях, открывающих нечто удивительное на Севере. Тут же в обзорах мы намерены давать перечень наиболее интересных иностранных книг, разумеется, «арктических или антарктических»...

Заметим еще, что, как и в предыдущем сборнике, список книг имеет сплошную нумерацию. В нашем разговоре о книгах мы будем ссылаться как раз на этот порядковый номер. И начнем, пожалуй, с сенсации...

Писатель Коре Холт — крупнейший в современной Норвегии — едва ли рискнул бы в своей книге (61) написать совершенно неожиданное для всех откровение о знаменитом земляке, если б не подлинные архивные документы. На их основе Холт показал Амундсена «как эгоистичного, завистливого, двоедушного человека, снедаемого непомерным честолюбием и одержимого погоней за славой и деньгами. Он обладает нездоровой психикой и не способен на искреннее проявление дружеских чувств» (из предисловия к книге Холта, написанного доктором географических наук Л. Р. Серебряным). Такая вот сенсация. Вторая часть книги («Странствии») — о Нансене. Сенсации нет. Здесь он — пример для подражания и подлинный герой.

В книге Ф. Кука «Мое обретение полюса» (34) — тоже откровение и развенчание устоявшейся было версии о покорителе Северного полюса. Немалая заслуга в этом автора Предисловия и Комментария ученого-полярника В. С. Корякина.

Первый раздел нашего перечня, как это можно судить по названиям книг, посвящен главным образом истории. Самыми интересными, на наш взгляд, являются три из них (2, 3, 16). Книга известного историка А. И. Алексеева о подвиге первопроходцев восточного сектора Арктики и севера Тихого океана. Основное в ней — история появления современной карты северо-востока Азии. В дело создания замечательной «Дальневосточной исторической библиотеки» сделан еще один хороший вклад... Прямо скажем, не часто нас балуют историческими шедеврами. Книга — в прекрасном переводе Герберштейна, австрийского дипломата, — повествует о России начала XVI века. А почему книга оказалась в нашем «полярном» списке, объясняют названия лишь двух глав книги: «Путь к Печоре, Югре и до самой Оби», «Плавания по Ледовитому морю»...

Сейчас много пишут о людях, незаслуженно забытых. И все же перед патриотами Севера наши историки и издательства в большом долгу. Потому бесценными кажутся мизерные тиражи брошюр с именами легендарного М. К. Сидорова (30) и замечательного гидрографа Н. И. Евгенова (52). Воздадим должное В. С. Корякину за создание научной биографии Владимира Русанова! (31).

Хочется надеяться на высокое качество недавно появившейся серии «Полярные горизонты», первые книги которой уже вышли (5, 14, 33).

Есть у нас книги-путешествия (4, 47, 48, 67). Причудливая смесь исторического поиска и географии, бесценные картинки природы, любовь к братьям нашим меньшим и прекрасные цветные фотографии авторов, таких, как Валерий Орлов и Виталий Шенталинский. Романтику Русской Америки ощущаешь в книге Игоря Скарбека (59).

История «золотой» Колымы еще не написана. Написанное раньше нуждается в обновлении. Руководитель трех Колымских экспедиций, давно вошедший в легенду В. А. Цареградский — один из тех, кто может рассказать о трагедиях и подвигах 30-х годов в далеком Колымском крае. Такие книги (62, 69), увы, малодоступны

из-за небольшого тиража. Робкую попытку магаданского издательства (55) показать другую грань нашего многострадального Северо-Востока можно лишь горячо приветствовать! Наконец заговорили магаданцы о том, что было невозможно и непостижимо в самое недавнее время...

Много внимания уделено разным сторонам истории Европейского Севера и Сибири. Хочется отметить плодотворную деятельность якутского историка Ф. Г. Сафронова (56). В этом же ряду стоят обстоятельные работы по истории дореволюционного (9, 10, 11, 15, 43, 51, 54, 57) и послеоктябрьского периодов (29, 36, 38, 39, 46, 50). Особо можно выделить «первопроходческую» книгу по истории туризма (19).

Второй раздел нашего списка включает множество книг из разных областей науки. Здесь книги об экологии, флоре и фауне, путешествиях. Есть фотоальбомы и географические справочники. О чем хотят рассказать авторы книг, как правило, видно из названия. Впечатляет разнообразие интересов и пристальное внимание к проблемам, как будто уже давно понятным. Потому с интересом воспринимаются переводные книги о том, как там «у них» с неживой и живой природой «в краю ледяного безмолвия» (79, 93, 109, 113, 128, 138).

Надо сказать и о курьезах в издательской практике. Читатель, наверное, заметил частое упоминание «серии» в обзоре и списке книг. Если это способ издания хороших книг, то ничего в самой серии зазорного нет. И все же... Мы уже говорили, что тиражи областных издательств небольшие. Потому велик соблазн издаться в «центре»... благодаря упомянутой серии. Может, поэтому книгу о городе-герое Мурманске решили издать в столице. Причем не одну, а сразу две (97, 118). И, даже не потрудившись над названием!!! Лазейка для этого курьеза в... серии. Никто не догадался книгу краеведа Киселева из серии «Города-герои» дополнить архитектурными шедеврами этого же города, тем самым сэкономить Стройиздату (его серии «Архитектура городов-героев») бумагу. Такое вот не самое лучшее представление краеведческих книг.

Тематический список в целом, надо сказать, создает впечатление, что одна тема все время ускользает от внимания издателей. Мы имеем в виду проблемы так называемых малых народностей Севера. Неужто нет национальных, социальных, экологических, нравственных проблем у этих народов? Кажется, деятельность северных областных издательств обходится без трудных тем перестройки. Потому нам видится ирония в названии книги об экологии (135). Может, не беседы нам нужны, а дела! Неотложные дела по спасению родного Заполярья от равнодушия...

Правда, в порядке самокритики надо признать, что и сборник «Полярный круг» пока занимается «разглядыванием» этих проблем в «сильный бинокль». Авторы — представителей малых народов у нас практически нет.

Итак, уважаемые читатели, перед вами 145 книг. Счастливого плавания в «книжном ледовитом море»!

**Высокие широты:
давняя история и современность**

1. Акты социально-экономической истории Севера России конца XV—XVI в.: Акты Соловецкого монастыря 1479—1571 гг. М., 1988. 274 с.
2. *Алексеев А. И.* Береговая черта. Магадан, 1987. 240 с.
3. *Алексеев А. И., Морозов Б. Н.* Освоение русского Дальнего Востока. Конец XIX — 1917 г. М., 1989. 224 с.
4. *Алексеев Д. А., Новокишинов П. А.* По следам «таинственных путешествий». М., 1988. 207 с.
5. *Альбанов В.* На юг, к Земле Франца-Иосифа. Красноярск, 1989. 224 с.
6. *Арикийнен А. И.* Центр притяжения — Северный полюс. М., 1988. 221 с.
7. *Бардин В.* В горах и на ледниках Антарктиды. М., 1989. 192 с.
8. *Басаргин Н. В.* Воспоминания, рассказы, статьи. Иркутск, 1988. 543 с.
9. *Березкин И. Г.* По следам наших предков и современников. Якутск, 1987. 111 с.
10. *Беспятых Ю. Н., Коваленко Г. М.* Карелия при Петре I. Петрозаводск, 1988. 143 с.
11. *Быховский И. А.* Архангелогородские корабли. Архангельск, 1988. 175 с.
12. *Вельмина Н.* Таинственное ожерелье. М., 1988. 240 с.
13. Великий Октябрь в Карелии: хроника, документы, воспоминания. Петрозаводск, 1987. 255 с.
14. *Водопьянов Б.* Лицом к студеному океану: Рассказы енисейского лоцмана. Красноярск, 1987. 215 с.
15. Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск, 1987. 222 с.
16. *Герберштейн С.* Записки о Московии / Пер. с нем. М., 1988. 430 с.
17. *Грушинский Н. П., Дралкин А. Г.* Антарктида. М., 1988. 199 с.
18. *Деев М. Г., Шумилов А. В. Н. Н. Зубов.* М., 1989. 191 с.
19. *Долженко Г. П.* История туризма в дореволюционной России и СССР. Ростов-на-Дону, 1988. 190 с.
20. Дорогами тысячелетий: Сб. исторических очерков и статей. Кн. II. М., 1988. 240 с.
21. *Иванов В. Н.* Историческая мысль в России XVIII — середины XIX века о народах северо-востока Азии. М., 1989. 245 с.
22. *Исакова Н. В.* Культура народов Севера: Философско-социальный анализ. Новосибирск, 1989.
23. История Дальнего Востока СССР с древнейших времен до XVII века. М., 1989. 375 с.
24. История Урала с древнейших времен до 1861 года. М., 1989. 605 с.
25. История Чукотки с древнейших времен до наших дней. М., 1989. 493 с.
26. Источники по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1988. 213 с.
27. *Каневский З. М.* Зачем человеку льды: Книга о полярниках. М., 1989. 238 с.

28. *Капелюшный Л.* Светит незнакомая звезда. М., 1987. 191 с.
29. Карелия в годы восстановления и развития народного хозяйства, 1944—1960: Документы и материалы. Петрозаводск, 1988. 150 с.
30. *Королев В.* России беспокойный гражданин. Сыктывкар, 1987. 112 с.
31. *Корякин В. С.* Владимир Александрович Русанов. 1875—1913. М., 1987. 129 с.
32. *Кошечкин Б. И.* Подвиг поморских мореходов. М., 1988. 48 с.
33. *Кублицкий Г.* ...И Северным океаном. Красноярск, 1988. 358 с.
34. *Кук Ф.* Мое обретение полюса / Пер. с англ. М., 1987. 349 с.
35. *Ладлем Г.* Капитан Скотт. 2-е изд. / Пер. с англ. Л., 1989. 288 с.
36. *Лукин И. И.* Первостроители: Из истории строительства на Крайнем Северо-Востоке СССР. 2-е изд. Магадан, 1987. 382 с.
37. *Лыхин Е. П.* Край суровый и нежный. Якутск, 1988. 128 с.
38. *Макаров Г. Г.* Северо-Восток РСФСР в годы военной интервенции и гражданской войны и переход к нэпу (1918—1921). Якутск, 1988.
39. Мурманской области 50 лет. Мурманск, 1988.
40. На куполах Земли. Л., 1989. 431 с.
41. Народы Сибири на современном этапе. Новосибирск, 1989. 189 с.
42. Не просто имя — биография страны. Т. I. Мурманск, 1987. 304 с.
43. *Никитин Н. И.* Русские землепроходцы в Сибири. Сер. Страницы истории нашей Родины. М.,
44. *Никитин Н. И.* Сибирская эпопея XVII века: Начало освоения Сибири русскими людьми. М., 1987. 175 с.
45. *Носков А. М.* Северная Европа в военных планах империализма. М., 1987. 127 с.
46. *Овсянкин Е. И.* Архангельск: Годы революции и военной интервенции. 1917—1920. Архангельск, 1987. 240 с.
47. *Озерецковский Н. Я.* Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому. Петрозаводск, 1989. 208 с.
48. *Орлов В.* В краю Большого медведя. М., 1988. 286 с.
49. *Папанин И. Д.* Лед и пламень. 4-е изд. М., 432 с.
50. *Печенкин М. Д.* Сибирь в ленинском плане построения социализма. 1917—1924. Новосибирск, 1988. 208 с.
51. Политическая ссылка в Сибири. XIX — начало XX в.: Историография и источники. Новосибирск, 1987. 227 с.
52. *Попов С. В.* Гидрограф Н. И. Евгенов. Якутск, 1988. 77 с.
53. *Пристли Р.* Антарктическая одиссея: Северная партия экспедиции Р. Скотта. 2-е изд. / Пер. с англ. Л., 1989. 360 с.
54. Родники Пармы: Истоки, коми-первопроходцы, уроки истории и др. / Сост. М. Б. Рогачев. Сыктывкар, 1989. 174 с.
55. *Сандлер А.* Узелки на память: Записки реабилитированного. Магадан, 1988.
56. *Сафронов Ф. Г.* Тихоокеанские окна России: Из истории освоения русскими людьми побережий Охотского и Берингова морей, Сахалина и Курил. Хабаровск, 1988. 192 с.
57. *Сашенков Е. П.* На почтовых трактах Севера: К истории почты Якутии. Якутск, 1989. 86 с.
58. *Сенкевич Ю. А., Шумилов А. В.* Их позвал горизонт. М., 1987. 215 с.
59. *Скарбек И.* За тридцать земель. М., 1988. 222 с.
60. *Стругацкий В.* Страницы арктического дневника: «Сибирь» — курс полюс. Л., 1988. 96 с.

61. Холт К. Состязание. Странствие / Пер. с норв. М., 1987. 302 с.
62. Цареградский В. А. По экрану памяти: Воспоминания о Второй Колымской экспедиции 1930—1931 гг. Т. II. Магадан, 1987. 192 с.
63. Цигельницкий И. И. В моря студеные уходят корабли. Л., 1988. 88 с.
64. Чернов Г. А. Из истории открытия Печорского угольного бассейна. 2-е изд. Сыктывкар, 1989. 143 с.
65. Чикачев А. Г., Горохов С. Н., Дохунаев В. Н. За дальними шиверами. Якутск, 1988. 101 с.
66. Чувилин А. У пармы за пазухой: Очерки. Сыктывкар, 1989. 92 с.
67. Шенталинский В. Дом человеку и дикому зверю. М., 1988. 236 с.
68. Шмыгановский В. Командировка на край света. М., 1988. 190 с.
69. Эрвайс В. Геологи Чукотки. Магадан, 1988. 269 с.

Все о Заполярье: проблемы науки, экологии, экономики. Краеведение, путешествия, словари, фотоальбомы

70. Аганбегян А. Г. Советская экономика — взгляд в будущее. М., 1988. 256 с.
71. Агропромышленный комплекс Якутской АССР. Якутск, 1988. 190 с.
72. Амос У. Х. Живой мир островов. Л., 1987. 254 с.
73. Антипина Н. Т. Всех наших дел начало. Якутск, 1988. 110 с.
74. Арктические подводные операции / Пер. с англ.; под ред. Л. Рея. Л., 1989. 287 с.
75. Архипов Н. Д. Древние культуры Якутии. Якутск, 1989. 190 с.
76. Берег двух океанов: Магаданская область. Фотоальбом. Магадан, 1988. 343 с.
77. Береснев Н. П. Княжая Губа. Мурманск, 1987. 118 с.
78. Вдовин Ю. И. Водоснабжение на Севере. Л., 1987. 166 с.
79. Вибе К., Муус Б., Соломонсен Ф. Жизнь в стране ледяного безмолвия / Пер. с дат. М., 1987. 161 с.
80. Волошин А., Майстерман С. Минералы Кольского полуострова. 2-е изд. Мурманск, 1988. 127 с.
81. Географические и гляциологические исследования в полярных странах. Л., 1988. 156 с.
82. Географический атлас Австралии, Океании, Антарктиды. М., 1987. 120 с.
83. Географический энциклопедический словарь. М., 1988. 432 с.
84. Географический энциклопедический словарь. 2-е изд. М., 1989. 591 с.
85. Гольд А. Г. Десант на Ямбург: Энергия ускорения. Свердловск, 1987. 176 с.
86. Дав В. Н. Камни радости. Мурманск, 1988. 272 с.
87. Данилов С. Ю., Черкасов А. Н. 12 лиц Канады. М., 1987. 302 с.
88. Долгушин Л. Д., Осипова Г. Б. Ледники. М., 1989. 447 с.
89. Заповедники Карелии: Фотоальбом. М., 1989. 175 с.
90. Заповедный Север: Архитектура, искусство, ландшафт. Альбом. М., 1987. 243 с.
91. Заполярье. М., 1987.
92. Зыков Ф. М. Традиционные орудия труда якутов: XIX — начало XX в. Новосибирск, 1989. 143 с.
93. Имбри Д., Имбри К. Тайны ледниковых эпох: Полтора века в поисках разгадки. М., 1988. 263 с.
94. История Якутии: Учебное пособие. 2-е изд. Якутск, 1988.
95. Казарян П. Л. Город Верхоянск: Исторический очерк. Якутск, 1988. 102 с.

96. Кервуд Д. Бродяги Севера: В дебрях Севера / Пер. с англ. Ташкент, 1989. 368 с.
97. Киселев А. А. Мурманск — город-герой. Сер. Города-герои. М., 1988. 189 с.
98. Кишинский А. А. Орнитофауна северо-востока Азии: История и современное состояние. М., 1988. 288 с.
99. Козловский А. М. Вокруг только лед. Л., 1988. 112 с.
100. Кондратов А. Атлантиды пяти океанов: Загадки затонувших материков. 2-е изд. Л., 1988. 158 с.
101. Корякин В. С. Ледники Арктики. М., 1988. 158 с.
102. Кочешков Н. В. Этнические традиции в декоративном искусстве народов Крайнего Северо-Востока СССР (XVIII—XX вв.). Л., 1989. 199 с.
103. Крумов Б. С моржами и тиграми на «ты» / Пер. с болг. М., 1987. 208 с.
104. Крупник И. И. Арктическая этноэкология. М., 1989. 271 с.
105. Крючков В. В., Кондратович И. И. Памятники природы Кольского севера. Мурманск, 1988. 96 с.
106. Кулышев Ю. А. Канада. М., 1989. 139 с.
107. Культура Русского Севера. Л., 1988.
108. Леонтьев В. В., Новикова К. А. Топонимический словарь Северо-Востока СССР. Магадан, 1989. 456 с.
109. Лесли Р. Ф. Медведи и я / Пер. с англ. Л., 1987. 205 с.
110. Магадан: Путеводитель-справочник. Магадан, 1989. 222 с.
111. Магадан: Фотоальбом. Магадан, 1989. 225 с.
112. Мани В., Метелев Б. Парус командора. Владивосток, 1987. 151 с.
113. Маэно Н. Наука о льде / Пер. с япон. М., 1988. 229 с.
114. Мисевич К. Н., Ряценок С. В. Географическая среда и условия жизни населения Сибири. Новосибирск, 1988. 120 с.
115. Моллюски Белого моря. Л., 1987.
116. Мурманск: Фотоальбом. 2-е изд. Мурманск, 1989. 126 с.
117. Мягков С. М. Антарктика: Прошлое и будущее оледенения. М., 1989. 160 с.
118. Неруш И. А. Город-герой Мурманск. М., 1988. 160 с.
119. Огни Сибири: Альбом. Л., 1989. 191 с.
120. Океан и человек: Художественно-географический и научно-популярный ежегодник. Владивосток, 1988. 272 с.
121. Ополовников А. В. Сокровища Русского Севера. М., 1989. 367 с.
122. Орешкин Д. Б. Время льдов. М., 1987. 125 с.
123. Охотничье хозяйство Севера. М., 1989. 204 с.
124. Под небом Арктики. Архипелаг Шпицберген — прошлое и настоящее: Фотоальбом. М., 1988. 159 с.
125. По Карелии: Фотоальбом. 2-е изд. М., 1989. 191 с.
126. Поэма о Карелии: Фотоальбом. Петрозаводск, 1987. 207 с.
127. Розачева Э. В. Птицы Средней Сибири. М., 1988. 309 с.
128. Рэй Д. К., Макхормик-Рэй-М. Д. Живой мир полярных районов / Пер. с англ. Л., 247 с.
129. Северный город: Северный дом. Сб. материалов. Красноярск, 1989. 143 с.
130. Северный город. Свердловск, 1988. 269 с.
131. Сетон-Томпсон Э. Прерии Арктики: 2000 миль на лодке в поисках карибу / Пер. с англ. М., 1987. 299 с.
132. Словарь географических названий Антарктики. М., 1987. 406 с.
133. Словарь географических названий Якутской АССР. М., 1987. 315 с.

134. *Сойни Е. Г.* Николай Рерих и Север. Петрозаводск, 1987. 166 с.
135. *Соломонов Н. Г.* Беседы об охране природы Севера. Якутск, 1987. 176 с.
136. Традиционные обряды и искусство русского и коренных народов Сибири. Новосибирск, 1987. 196 с.
137. Травосеяние в Якутии. Якутск, 1989. 224 с.
138. *Уошборн А. Л.* Мир холода: Геокриологическое исследование / Пер. с англ. М., 1988. 382 с.
139. *Успенский С. М.* Белый медведь. М., 1989. 190 с.
140. Халцедоны Северо-Востока СССР. М., 1987. 191 с.
141. *Хлобыстина М. Д.* Говорящие камни: Сибирские мифы и археология. Новосибирск, 1987. 127 с.
142. *Хромов Ю. Б.* Ландшафтная архитектура городов Сибири и Европейского Севера. Л., 1987. 200 с.
143. *Чесноков И.* Порт приписки — Мурманск. Мурманск, 1989. 207 с.
144. Экология американских индейцев и эскимосов: Проблемы индеанистики. М., 1988. 336 с.
145. *Эрвайс В.* Геологи Чукотки. Магадан, 1988. 271 с.

Полярный круг, 1991 / Редкол.: В. И. Бардин (пред.) и др.; Сост. Л. А. Чешкова, В. И. Галенко. — П54 М.: Мысль, 1991. — 492, [1] с.: ил.

Человек и Север... Что за этим: противостояние или сотрудничество? Сегодня, когда вновь усилился интерес к заполярным областям, в ежегоднике «Полярный круг» читатель найдет материалы по многим волнующим его вопросам. Это необходимость скорейшего решения экологических проблем Арктики, адаптация и здоровье человека в экстремальных условиях высоких широт, рациональное использование рыбных богатств Севера. Читателей ожидают неожиданные открытия и встречи: приключенческие, остросюжетные повести и рассказы, гипотезы, различная зарубежная научная информация.

Для широкого круга читателей.

П 1805010000-034 77-91
004(01)-91

ББК 26.89(00)

Научно-художественная

**Полярный круг
1991**

**Редактор Т. Д. Решетникова
Младший редактор Н. А. Полякова
Редактор карт Д. Г. Фаттахова
Художественный редактор Г. М. Чеховский
Технический редактор Л. П. Гришина
Корректоры Ф. Н. Морозова, Г. С. Михеева**

ИБ № 3625

Сдано в набор 30.01.90. Подписано в печать 22.11.90. Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Офсетная печать. Усл. печ. л. 31. Усл. кр.-отт. 125,5. Уч.-изд. л. 36,12. Тираж 50 000 экз. Заказ № 1010. Цена 4 р. 50 к.

Издательство «Мысль». 117071. В-71. Москва, Ленинский проспект, 15.

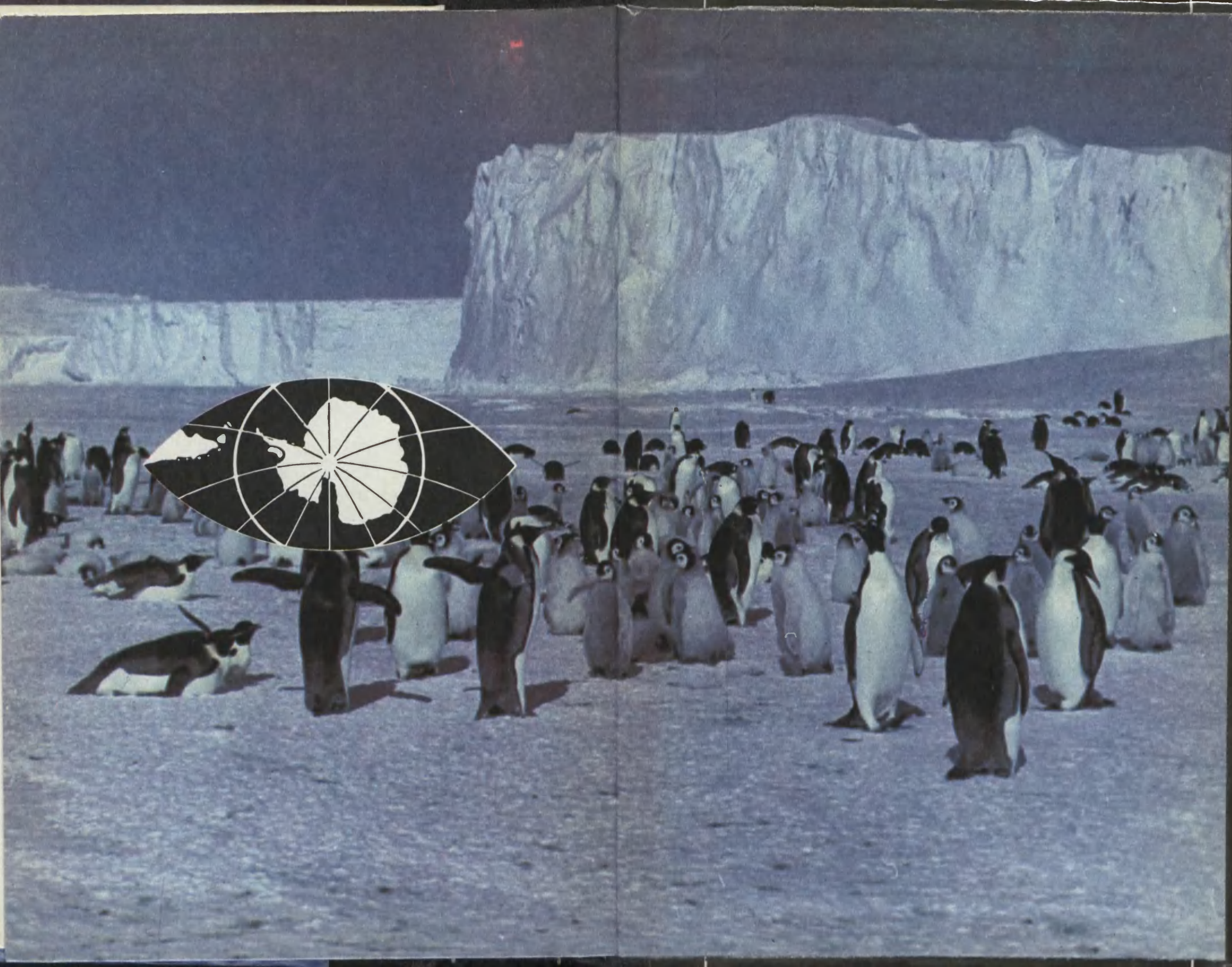
Ордена Трудового Красного Знамени Тверской полиграфический комбинат Государственного комитета СССР по печати, 170024, г. Тверь, пр. Ленина, 5.

Уважаемые читатели!

Наиболее полную информацию о готовящихся к выпуску книгах издательства «Мысль» по экономике, философии, истории, публицистике, демографии, географии можно получить из ежегодных аннотированных тематических планов выпуска литературы, имеющихс я во всех книжных магазинах страны.

Сведения о выходящих в свет изданиях регулярно публикуются в газете «Книжное обозрение».

По вопросам книгораспространения рекомендуем обращаться в местные книготорги, а также во Всесоюзное государственное объединение книжной торговли «Союзкнига».

4 р. 50 к.

1991

ПОЛЯРНЫЙ КРУГ

ПОЛЯРНЫЙ
КРУГ

МЫСЛЬ